

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 12, выпуск 6, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 6, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 6, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
География авторов выпуска	Языкознание	
	Владикавказ	Пенза
	Вологда	Петрозаводск
	Воронеж	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Тобольск
	Казань	Тюмень
	Киров	Улан-Удэ
	Москва	Харбин (Китай)
	Нижегартовск	Хух-Хото (Китай)
	Нижний Новгород	Челябинск
	Пекин (Китай)	Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	85 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 29.08.2023

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 6, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal's web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Рenate Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Казев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Александр Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Голиков Л. М. Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) : дискурсивная репрезентация политического субъекта	9
Калинина Л. В. Неопределённый vs. неуловимый в аспекте категориального восприятия	28
Кудзоева А. Ф., Моргоева Л. Б. Внутрисистемные противоречия при обособлении приложений и вводных слов в осетинском языке : причины возникновения и пути разрешения	47
Лавриненко И. Ю. Структурные особенности метафор в английских афоризмах (на примере философского дискурса)	65
Михальченко В. Ю., Кондрашкина Е. А., Кириленко С. В. Образовательное планирование (на материале якутского, калмыцкого и карельского языков).....	88
Николаев Е. Р. Мотивационный признак «действие» в диалектных наименованиях посуды в якутском языке	107
Никонова Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия : эклектика vs полипарадигматизм?.....	123
Чжан Яньцю. Лингвокультурологические особенности русских и китайских пословиц с компонентом <i>сон</i>	140

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Аскарова В. Я., Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Чтение студентов в системе медиакоммуникаций XXI века : «book-почитатели» и «digital-адепты»	155
Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема <i>по-хорошему</i>)	170
Шубина Э. Л., Райкова Ю. А. Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung»	190

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Захарова Н. В. Романтизм в творчестве Су Маньшу и Юй Дафу : национальные особенности	213
Косарева А. А. Арлекинадный гротеск в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»	228
Котов А. А., Мухина Е. А. Эпитеты в русских духовных стихах	245
Сейбель Н. Э. Детские игры и взрослое раскаяние : концепция детства в литературе начала XX века	267

Чарина О. И. Локальные особенности балладных песен на Северо-Востоке Сибири : сюжеты «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник»	285

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Актамов И. Г., Дайцинъ. Система высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики в 1950—1960-х годах	308
Анкушева К. А., Бакулина Т. И. Обеспечение питанием жителей Тюмени в годы Великой Отечественной войны	325
Ахмадуллина Ж. В. Совет по делам религиозных культов в 1940—1950-е годы : противодействие сокращению	345
Дарчиева С. В. Государственная дума и вопросы высшего образования в России (1906—1917 годы).....	364
Колегов С. С., Чжао Цяньжэ. Урал в исследованиях эпохи Просвещения XVIII века : труды Василия Никитича Татищева.....	383
Корженевский К. Б. Омская губерния : история формирования границ в 1919—1925 годах	399
Кропотова Т. А., Кирьянова М. Д. Деятельность учреждений Российского Общества Красного Креста Тобольской губернии в годы Русско-японской войны (по материалам газеты «Сибирский листок»)	417
Прохоренков И. А., Эйльбарт Н. В. Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного : по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны	432
Сафронова А. М. Деятельность Федора Санникова как надзирателя школ Екатеринбург (1747—1751).....	449
Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х. Мусульманское приходское духовенство в XIX — начале XX века : по материалам метрических книг Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии	467
Шайдуров В. Н., Ломанов В. А. Немецкие колонисты Северо-Запада России в условиях послереволюционной действительности (1918—1922 годы)	488
АВТОРАМ.....	504
CONTENTS.....	510

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Анжела Федоровна Кудзоева, канд. филол. наук (Владикавказ)
Вида Юозовна Михальченко, д-р филол. наук (Москва)
Егор Револьевич Николаев, канд. филол. наук (Якутск)
Екатерина Андреевна Никонова, канд. филол. наук (Москва)
Елена Алексеевна Кондрашкина, канд. филол. наук (Москва)
Ирина Юрьевна Лавриненко, канд. филол. наук (Воронеж)
Лариса Батразовна Моргоева, канд. филол. наук (Владикавказ)
Леонид Михайлович Голиков, канд. филол. наук (Вологда)
Людмила Викторовна Калинина, д-р филол. наук (Киров)
Светлана Владимировна Кириленко, канд. филол. наук (Москва)
Чжан Яньцю, канд. филол. наук (Пекин, Китай)

Информация для цитирования:

Голиков Л. М. Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) : дискурсивная репрезентация политического субъекта / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27.

Golikov, L. M. (2023). Multinational People of Russian Federation (Russian Nation): Discursive Representation of a Political Subject. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27

Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация): дискурсивная репрезентация политического субъекта

Голиков Леонид Михайлович

orcid.org/0000-0002-9952-4116

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры

русского и иностранных языков

lgolikov@mail.ru

Вологодский институт

права и экономики

Федеральной службы

исполнения наказаний

(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 23-28-00854,

<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

Multinational People of Russian Federation (Russian Nation): Discursive Representation of a Political Subject

Leonid M. Golikov

orcid.org/0000-0002-9952-4116

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Russian and

Foreign Languages

lgolikov@mail.ru

VILE of the FPS of Russia

(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 23-28-00854,

<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года исследуются семантические и прагматические особенности репрезентации субъекта, определяемого формулой «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)», выступающей в качестве актуального инструмента выражения государственной идеологии. Проведена реконструкция релевантных признаков субъекта. Установлено, что формула реализует семантику единства (цельности) на правовом, социокультурном и субъектном уровнях. Единство репрезентируется в качестве предполагаемого состояния субъекта, приобретаемого в результате трансформации его нормативных, эпистемических и этических установок. Выделены и проанализированы регулярные коллокации, представляющие ситуации каузации релевантных признаков субъекта, реализация которых является его нормативной обязанностью. Определен аксиологический статус формулы как «нормативного суждения», выражаемый посредством контраста с аберрациями, определяемыми лексемами, актуализирующими в политико-правовом тексте семантику нарушения единства. Доказан идеологический характер формулы как нормы этической и эпистемической природы, подразумевающей внутреннее неутилитарное побуждение субъекта, основанное на его оценке состояния единства (цельности) как идеального и непреложно истинного.

Ключевые слова:

институциональный национальный дискурс; субъект национальной политики; политико-правовой текст; семантика единства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of the 'Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025', this study examines the semantic and pragmatic features of representing the subject defined by the formula 'multinational people of the Russian Federation (Russian nation)', which serves as an actual instrument for expressing state ideology. The relevant attributes of the subject are reconstructed. It is established that the formula realizes the semantics of unity (integrity) at the legal, socio-cultural, and subjective levels. Unity is represented as the assumed state of the subject, acquired through the transformation of its normative, epistemic, and ethical orientations. Regular collocations representing situations causing the relevant attributes of the subject are identified and analyzed, with their implementation being the subject's normative obligation. The axiological status of the formula is determined as a 'normative judgment', expressed through contrast with aberrations identified by lexemes that actualize the semantics of violating unity in political-legal texts. The ideological nature of the formula is demonstrated as a norm of ethical and epistemic nature, implying the subject's internal non-utilitarian motivation based on its evaluation of unity (integrity) as an ideal and unconditionally true state.

Key words:

institutional national discourse; subject of national politics; political-legal text; semantics of unity.

Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация): дискурсивная репрезентация политического субъекта

© Голиков Л. М., 2023

1. Введение = Introduction

Настоящую работу можно считать продолжением исследований, посвященных языковому и дискурсивному выражению семантики единения [Джигоева и др. 2017; Лики единения..., 2022; Щетинина, 2022], межнациональной интеграции [Поздеев и др. 2018; Руженцева, 2013]. Мы исходим из гипотезы о существовании в современных российских условиях особого национального дискурса, представляющего собой межэтнический диалог, зависимый от национального идеологического многообразия. Данный дискурс в его институциональной разновидности во многом организует Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия), утвержденная 19 декабря 2012 года Указом Президента Российской Федерации [Стратегия], где традиционная для законодательного дискурса [Конституция] формула *многонациональный народ Российской Федерации*, предполагающая нецельность называемого субъекта, дополняется обозначением *российская нация*, эту нецельность преодолевающим. Известно, что в наивном представлении «концепты народа и нации существенно отличаются друг от друга» [Жданова, 2000, с. 163]. Прежде всего, как указывает Л. А. Жданова, эта разница состоит в том, что «народ осмысливается как ‘совокупность различий’, а нация — как ‘тождество признаков’» [Жданова, 2000, с. 164].

Можно предположить, что объединение *народа* и *нации* в формуле, обозначающей субъекта национальной политики, не является непреднамеренным или не самым удачным примером синонимического уточнения: после 2012 года в правовом дискурсе *российская нация* функционирует достаточно активно как самостоятельная единица, например, в составе коллокации *укрепление единства российской нации* [О премии ..., 2016].

В качестве способов и средств достижения некоей конечной цели [Стрельников, 2009, с. 4] автор Стратегии демонстрирует стремление выделить «во всем многообразии проявлений и характеристик» «то общее, что объединяет... в одно целое» [Жданова, 2000, с. 164], что может свидетельствовать о значительной трансформации идеологии современной России

в сфере национальной политики, когда для государства становится важным репрезентировать «набор нормативно-нравственных ценностей..., а также основные идеологические предпочтения в ориентирах государственного строительства нации» [Кумыков, 2008, с. 16] в качестве некоего «совершенного образца» [Шишкин, 2011, с. 8], основанием которого «является идея “общего блага” как фундаментальной... цели государственности» [Кумыков, 2008, с. 16—17], актуализирующая и эксплуатирующая культурные ценности большинства представителей социума [Dubrovskaya, 2012, p. 110].

Представляется, что формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* в институциональном дискурсе становится специальным инструментом выражения ключевого для XX—XXI веков концепта ЕДИНСТВО [Гаврилова, 2010], а также создания семантики единства, присущей содержанию Стратегии в целом [Дубровская, 2022, с. 223].

Здесь, на наш взгляд, достаточно явно прослеживается связь с гиперидеологизированной концепцией многонационального советского народа, в соответствии с которой релевантными признаками единства являлись *общность марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества и единодушное одобрение политики Коммунистической партии* [КПСС, 1971, с. 101].

В основе нашей работы лежит предположение о том, что субъект, определяемый формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, или *сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием* [Стратегия, п. 4.2], является базовой для институционального национального дискурса идеологемой, основанной на семантике единства (ср. значение наименования *сообщество* в структуре дефиниции — ‘Объединение лиц, связанных общими интересами, целями’ [МАС, т. 4, с. 196]).

Таким образом, актуальность исследования обусловливается тем обстоятельством, что изучение отдельных разновидностей институционального дискурса Российской Федерации позволяет выявить активные инструменты репрезентации государственной идеологии на настоящем этапе развития дискурса власти.

Новизна видится в том, что на материале современного институционального национального дискурса выделяется и оценивается такое средство воздействия, как норма, сочетающая правовой и идеологический характер.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования, как мы уже указывали, была избрана Стратегия в редакции 2018 года. Данный источник относится к «важ-

ным политико-правовым текстам, которые определяют цели и принципы внутренней и внешней национальной политики РФ, а также фиксируют стратегические национальные приоритеты России», кроме того, «определяют аксиологию взаимодействия акторов социальных отношений» [Дубровская, 2022, с. 214, 215]. Очевидно, что Стратегия в силу своей жанровой специфики предлагает обществу максимально обобщенное, притом преимущественно расходящееся с реальным положением дел, идеализированное представление о полезном итоге реализации государственной национальной политики — о необходимых и подлинных, по мнению законодателя, формах гражданского единства и гражданской идентичности. Такой компонент государственной идеологии призван выступить «as the socio-cognitive interface between the (mental) social representations shared by the group, and the social identity... of the group and its members» («в качестве социально-когнитивного интерфейса между (ментальными) социальными представлениями, разделяемыми группой, и социальной идентичностью... группы и ее членов») [van Dijk, 1998, p. 71] (здесь и далее перевод наш. — Л. Г.), то есть репрезентация субъекта как образа результата национальной политики должна восприниматься инструментом для воздействия на адресата Стратегии, соотносящего себя с данным субъектом.

Таким образом, цель нашего исследования — выявить семантические и прагматические характеристики репрезентации субъекта посредством формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*.

Достижение указанной цели возможно с помощью методов семантического, прагматического и концептуального анализа.

Процедура исследования предусматривает 1) выделение в Стратегии контекстов, в которых функционирует формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, ее компонент *российская нация* или релевантные признаки субъекта национальной политики, указанные в определении формулы; контекстов, которые соотносятся с формулой, конкретизируют ее семантику; 2) анализ значения лексических средств, определяющих семантическую структуру формулы, ее правовую и идеологическую природу (здесь оценивается способность лексем функционировать в составе регулярных для Стратегии коллокаций, выражать аксиологическую семантику); 3) характеристику особенностей реализации деонтической модальности формулой и контекстами, репрезентирующими субъекта национальной политики.

В основу исследования легли труды, изучавшие семантику единения / единства в условиях дискурсов политико-правового характера [Герасимова, 2000; Дубровская, 2022; Семёхина и др., 2022; Щетинина, 2021]. Теоретической базой послужили работы, посвященные описанию идеологемы

как феномена языка и дискурса [Журавлев, 2004; Клушина, 2008; Купина, 2015; Малышева, 2009; Романова, 2019; Чудинов, 2006; Dijk van, 1998], концептов НАРОД, НАЦИЯ [Жданова, 2000], ИСТИНА [Арутюнова, 1999], ДОЛГ [Булыгина и др., 1991; Кошелев, 2000]; посвященные исследованию семантики оценки [Арутюнова, 1999; Ивин, 1970], деонтической [Туровская, 1990] и эпистемической [Nuyts, 2001] модальности. Кроме того, учитывались работы, изучавшие соотношение понятий «многонациональный народ» и «российская нация» с политологических [Колесников, 2018; Муштук, 2017] и философских [Халтурин, 2015] позиций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Идеологическая природа формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*

Мы рассматриваем формулу *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* в качестве особого средства языка власти [Блакар, 1987], являющегося «словом идеолога» [Бахтин 1975, с. 146] или «семантико-тематическим обозначением духовных ценностей» [Караулов, 1987, с. 82]. Данная формула воспринимается как особая лексическая единица [Купина, 2015; Чудинов, 2006], являющаяся средством выражения когнитивных [Клушина, 2008; Малышева, 2009] и аксиологических [Журавлев, 2004] категорий в зависимости от аспекта рассмотрения.

Как часть инструментария языка власти, или «вербально закрепленного идеологического предписания» [Купина, 2015, с. 17, 18], предмет настоящего исследования реализует семантические компоненты, соотносимые с элементами системы идеологических универсалий, которую выстраивает государство, влияя на общество, то есть является отражением, или «средством языковой объективизации», «особого типа многоуровневого концепта, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки» [Малышева, 2009, с. 34, 35]. Одновременно с этим *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* — безусловное средство трансляции определенных аксиологических установок власти — эмоционально-интеллектуальной оценки, опирающейся на идеологические концепты [Романова 2019, с. 6, 14, 16—21], призванной воздействовать посредством идеологического образа, способного при восприятии продуцировать необходимые автору оценки. В этом случае исследуемая формула соотносится с мифом (по Р. Барту), который, «являясь результатом вторичного (ценностного) семиозиса, словно наслаивается на первичную (языковую) знаковую основу» [Журавлев, 2004, с. 10]. Внешнее и внутреннее содержание идеологии ценностно актуализируется [Журавлев, 2004, с. 10] в определенных

политико-правовых условиях. Адресность мифа, его ценностная природа, «императивность отклика» [Барт, 2019, с. 277, 282, 283], унаследованные идеологемой, потенциально определяют ее апеллятивность, то есть способность реализовать «значение побуждения к речевому или посткоммуникативному действию» в случае «референциальной определенности субъектов общения» [Комлева, 2015, с. 7, 26].

Таким образом, с помощью такого аксиологического инструмента, как формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, автор институционального национального дискурса предполагает не только создать «коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка» [Малышева 2009, с. 35], но и вызвать ожидаемую реакцию, за которой условия институционального государственного дискурса позволяют установить контроль [Комлева, 2011, с. 106].

3.2. Нормативная природа формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*

Принимая во внимание, что формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* возникла именно в документе, который «встроен в систему права» [Говорухина, 2021, с. 17], реализует в том числе прескриптивные иллюкуции, мы предполагаем, что она по-особенному отражает аксиологические представления автора и адресата институционального национального текста. И эта особенность основана на сравнении «должного и сущего» в качестве «идеального и реального» [Герасимова, 2000, с. 9], где «идеальное» оценивается как «добро», «реальное» — как «зло» или «плохо» [Арутюнова, 1999, с. 183—200; Ивин, 1970, с. 52—136].

Автор выстраивает общий план, основанный на его предположении о достижимости «идеального» в результате полезной деятельности, производимой адресатом, испытывающим законотворческое воздействие. Адресат принимает на себя обязательство реализовать эту полезную деятельность, так как в его случае достижение «идеального» является обязанностью.

Автор Стратегии предполагает наличие у субъекта, определяемого формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, двух релевантных признаков:

— *гражданское единство — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества;*

— *общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)* — осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества [Стратегия, п. 4.2].

Общий характер этих признаков определяется предикатами, представляющими ментальную трансформацию субъекта (ср. *самосознание* в значении ‘Полное понимание самого себя, своего значения, своей роли в жизни, обществе’ [MAC, т. 4, с. 23]; *осознание*, реализующее значение действия ‘Понять, уразуметь’ [MAC, т. 2, с. 652]), связанную с изменением его 1) нормативных (ср. *признание*, номинирующее действие ‘Посчитать что-л. имеющим законную силу, утвердить своим согласием право на существование кого-, чего-л.’ [MAC, т. 3, с. 410—411], в сочетании с юридическими терминами *суверенитет государства, целостность, единство правового пространства*); 2) эпистемических (ср. *признание*, называющее действие ‘Согласиться с чем-л., счесть истинным, действительным что-л.’ [MAC, т. 3, с. 410—411], направленное на общие культурные и социальные ценности: *этнокультурное и языковое многообразие, историческое и культурное наследие* и т. д.) и 3) этических (ср. *солидарность* в значении ‘Активное сочувствие каким-л. действиям или мнениям, единство мыслей, интересов’ [MAC, т. 4, с. 189—190]; *приверженность*, включающее смы ‘преданность’, ‘верность’ [MAC, т. 3, с. 394]) установок. То есть подразумевается, что субъект национальной политики испытывает воздействие, предметом которого является категория единства, определяемая сочетанием *гражданское единство*, актуализирующим «смы абсолютного предельного состояния» [Щетинина, 2021, с. 19] на трех уровнях.

На правовом уровне (*единство правового пространства*) наименование *единство* реализует свое основное значение ‘Цельность, нераздельность’ [MAC, т. 1, с. 463], подчеркивая идею монолитности государства (ср. *признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его целостности*), являющуюся ключевой для политического дискурса начала XXI века [Гаврилова, 2010, с. 16].

На социокультурном уровне (*этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, историческое и культурное наследие ее народов*) единство реализуется в сущности различных видов и форм (ср. значение *многообразие* [MAC, т. 2, с. 282]), воспринимается как ‘Сочетание в одном целом, неразрывность связи’ [MAC, т. 1, с. 463], «состоит в факте объединения различающихся характеристик (культур, языков) или разных социальных акторов (народов, национальностей)» [Дубровская, 2022,

с. 224]. В этом случае автор специально уточняет признак цельности через характеристику иерархической тождественности (ср. *равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям*, где *равный* актуализирует значение ‘Одинаковый, совершенно сходный, такой же (по величине, качеству, достоинству и т. п.)’ [MAC, т. 3, с. 578]), указывая на одинаковость не только сущности, но и статуса.

На субъектном уровне единство, или цельность, является не только «фундаментальной ценностью» [Гаврилова, 2010, с. 16], но и аксиологической основой деятельности политического субъекта (ср. *солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества*, где *солидарность* выступает контекстуальным синонимом наименования *единство*, реализуя значение единства как факта, а не процесса [Семёхина и др., 2022, с. 152]).

Данная аксиологическая основа находит определение в описании второго релевантного признака «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)», который трактует единство как *принадлежность к своему государству, народу, обществу* на основе общей тождественности (ср. значение наименования *идентичность* [MAC, т. 1, с. 630]). В этом случае условием единства является внутренняя необходимость субъекта (ср. *ответственность* в основном значении [MAC, т. 2, с. 668], *необходимость*), предметом которой становятся *судьба страны, гражданские права и обязанности, базовые ценности российского общества*. Данная необходимость репрезентируется как мотивированная пониманием самого себя, своего значения, своей роли в национальной политике (ср. значение наименований *самосознание* [MAC, т. 4, с. 23], *осознание* [MAC, т. 2, с. 652]).

В целом возможно констатировать, что полезный результат национальной политики Стратегией представляется с помощью категории единства (равного цельности, условно — цельного единства), определяющей состояние ее субъекта. Кроме того, мы видим, что формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* репрезентируется Стратегией в качестве диффузной нормы, объединяющей гипотетический и категорический императивы (по И. Канту). «Императив категоричен, если его источник находится внутри разумного существа. Гипотетические императивы представляют практическую необходимость» [Герасимова, 2000, с. 12]. Такое противоречие объясняется несходством оснований оценок итога национальной политики у автора и адресата, соотносящего себя с политическим субъектом.

3.3. Формула многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) как правовая норма

Для автора Стратегии основанием оценки состояния субъекта национальной политики являются внешние, объективные представления о «до-

бре», для достижения которого существуют «необходимые средства» [Туровская, 1990, с. 11], обладающие «утилитарной ценностью» [Ивин, 1970, с. 137—168]. Такие «полезные» приемы представляются как ситуации, структуру которых составляют процессы, их объекты (выделенные выше релевантные признаки субъекта национальной политики) и, факультативно, отдельные инструменты.

Выделяется четыре вида подобных ситуаций, которые дифференцируют предикаты, организующие регулярные для Стратегии коллокации.

Ситуация воспитания выделяется наименованием *формирование*, в контексте Стратегии актуализирующим значение ‘Вырабатывать, воспитывать в ком-л. определенные качества, черты характера’ [МАС, т. 4, с. 577]: *совершенствование образовательных программ на различных уровнях образования, а также учебно-методических комплексов по изучению исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности* [Стратегия, п. 21.1].

Ситуация укрепления представляется с помощью содержащего предикативный смысл субстантива *укрепление*, реализующего значение ‘Сделать более крепким, основательным; упрочить’ [МАС, т. 4, с. 483]: *укрепление гражданского единства, гражданского самосознания...* [Стратегия, п. 5]; *в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации* [Стратегия, п. 21.1].

Ситуация сохранения организуется лексемой *сохранение*, называющей действие ‘Не нарушить, не изменить, не дать нарушиться или измениться’ или состояние ‘Остаться в силе, в действии, в прежнем состоянии, не измениться’ [МАС, т. 4, с. 213]: *сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)* [Стратегия, п. 5].

Ситуация приумножения обозначается наименованием *приумножение* в значении ‘Еще более увеличить, умножить’ [МАС, т. 3, с. 453]: *сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного наследия и потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации)* [Стратегия, п. 21.1].

Нельзя сказать, что выделенные ситуации представляют собой последовательные стадии общего процесса достижения итога национальной политики, они сопутствуют друг другу или накладываются друг на друга, как, например, ситуации сохранения и приумножения.

Таким образом, общий план законодателя по достижению состояния «цельного единства» субъекта как итога национальной политики представ-

ляет собой описание ситуаций каузации отдельных релевантных признаков. Реализация подобных ситуаций, по предположению автора, составляет обязанность, обусловленную определенными «социальными конвенциями» и «местом в социальной структуре» [Булыгина и др., 1991, с. 19].

Важно отметить, что в нормативном плане образ итога национальной политики, представляемый формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, соотносится не только с инструктивным побуждением, но и с «общим деонтическим суждением», которое «обычно формулируется как отрицание аномалии» [Арутюнова, 1999, с. 570], то есть предполагает контрастивную репрезентацию. Так, если состояние «цельного единства» субъекта национальной политики предполагается в качестве нормы, то *проблемы в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений* [Стратегия, п. 14] оцениваются в качестве аберраций. Такие аномалии определяют наименования, реализующие в контексте Стратегии семантику нарушения единства: *дискриминация, конфликты на национальной и религиозной почве, международный терроризм и экстремизм, межнациональная и религиозная рознь, гиперболлизация региональных интересов и сепаратизм, этнотерриториальные конфликты и противоречия* и т. д. [Стратегия, п. 4.2, 14].

За счет выстраивания оппозиций по шкале «должное и сущее», «идеальное и реальное» [Герасимова, 2000, с. 9] аномалии, будучи «сущим» и «реальным», в контексте Стратегии приобретают несомненный «отрицательный аксиологический статус» [Дубровская, 2022, с. 233].

3.4. Формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* как идеологическая норма

Стратегией предполагается, что субъект национальной политики в результате воздействия на него складывает в основание оценки состояния «цельного единства» свои внутренние представления об этическом (добродетельно / порочно), которые возникают в результате признания неутилитарного долга [Булыгина, 1991, с. 17] перед государством.

Постулируемая Стратегией необходимость воспитывать, укреплять, сохранять и приумножать релевантные признаки субъекта (см. ситуации, представляющие приемы достижения «полезного» итога национальной политики) может свидетельствовать о предположении о существовании в сознании [Кошелев, 2000, с. 123] субъекта конфликта между его собственными интересами и интересами государства. Собственно говоря, разрешение этого конфликта, или исполнение долга, в представлении автора способствует достижению состояния «цельного единства».

Такой долг возможно описать семантической формулой, предложенной А. Д. Кошелевым: «Долг 1 X-а (субъекта) перед Y-ом (автором) = Действие

Х-а (субъекта) в защиту интересов Y-а (автора) в следующей ситуации: а) X (субъект) любит 1 Y-а (автора); б) интересы Y-а в рассматриваемый момент ущемлены (или имеет место угроза его интересам); в) X (субъект) способен защитить интересы Y-а (автора), но г) лишь ценой утраты каких-то своих собственных ценностных ресурсов или возможностей, д) которые он не хотел бы терять' [Кошелев, 2000, с. 123].

Важно отметить, что состояние «цельного единства» субъекта национальной политики, являясь «идеальным», претендует на статус истины, который ему обеспечивает его этическая природа. Истинность — неотъемлемая характеристика «идеального»: «Истина понимается как Закон, по соответствию которому оцениваются человеческие действия. <...> Язык Истины как законоуложения пользуется деонтической модальностью» [Арутюнова, 1999, с. 549]. В этом случае формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, как и любая идеологическая норма [Голиков, 2022], «в какой-то мере перекликается с онтологической интерпретацией права и морали Лейбница [Герасимова, 2000, с. 10—11], когда субъект идеологической нормы «мыслится идеально как разумное существо, которое наделено способностью проводить» некий идеологический идеал «в актах творения», то есть требуемое состояние единства субъекта национальной политики соотносится с абсолютной истиной, «вечной, неизменной, единственной и принадлежащей к идеальному миру», открывающейся человеку, а не открываемой человеком [Арутюнова, 1999, с. 544, 545].

Состояние единства субъекта национальной политики, будучи истиной, противостоит «недолжному, а не ложному» [Арутюнова, 1999, с. 549], однако в понимании автора Стратегии «недолжное» может основываться на «ложном»: идеологические представления, мотивирующие отрицательно оцениваемые aberrации, однозначно воспринимаются противопоставленными истинному. Так, *международный терроризм и экстремизм, радикальные идеи* истекают из *национальной и религиозной исключительности* (здесь *исключительность* реализует значение 'Обособленность, замкнутость, основанная на идее чьей-либо особености или превосходства' [МАС, т. 1, с. 677]), а *очаги межнациональной и религиозной розни* возникают в результате попыток пропаганды в стране *экстремистской идеологии* [Стратегия, п. 14].

Формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* является нормой, в семантической структуре которой эпистемичность подчинена этичности, однако первое неразрывно связано со вторым. Здесь, как и в случае мифа [Барт, 2019, с. 282], критерий истинности игнорируется: состояние единства субъекта национальной политики репрезентируется как непреложно (не требующее проверки рациональными средствами) истинное

«in the context of the possible world under consideration» («в контексте рассматриваемого возможного мира»). Такая оценка располагается на крайней положительной позиции «epistemic scale» («эпистемической шкалы») [Nuyts, 2001, p. 22] и предназначена для создания идеального интенционального образа, к которому должен стремиться субъект.

Можно утверждать, что именно этичность и эпистемичность формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* обеспечивает ее идеологический характер. Это не только внешняя норма действия, но и внутренняя норма чувства и мысли. Так, ситуации воспитания, укрепления, сохранения, приумножения как ситуации достижения «полезного» результата национальной политики в качестве объекта или инструмента казуации подразумевают преимущественно образ мыслей или эмоциональное состояние субъекта: *формирование гражданского самосознания, патриотизма, чувства гордости за историю России* [Стратегия, п. 21.1]; *укрепление гражданского самосознания* [Стратегия, п. 5]; *сохранение и приумножение... посредством пропаганды идей патриотизма, единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия* [Стратегия, п. 21.1].

Таким образом, формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* репрезентируется и как идеологическая норма, представляющая собой некий образец чувства и мысли, необходимый для достижения субъектом состояния «цельного единства».

4. Заключение = Conclusions

В Стратегии формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* выступает особым аксиологическим инструментом языка власти, предназначенным вызвать запланированную и контролируемую автором реакцию субъекта в виде приобретения состояния «цельного единства».

Предполагаемое состояние субъекта национальной политики характеризуется признаками *гражданское единство и общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)*, реализующими семантику цельного единства на трех уровнях:

- правовом, связанном с монолитностью государства;
- социокультурном, предполагающем иерархическую тождественность сущности и статуса различных форм и видов *этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, наследия народов Российской Федерации*;
- субъектном, представляющем аксиологическую основу деятельности актора, определяемого формулой.

Приобретение субъектом состояния «цельного единства» подразумевает ментальную трансформацию, связанную с изменением нормативных,

эпистемических и этических установок, поэтому формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* оценивается как диффузная норма правового и идеологического характера.

Репрезентируя формулу в правовом аспекте, автор Стратегии устанавливает утилитарные приемы достижения «полезного» итога национальной политики, или ситуации каузации релевантных признаков субъекта, которые представляют регулярные коллокации, организуемые предикатами *формирование, укрепление, сохранение, приумножение*. Реализация подобных ситуаций составляет внешне мотивированную нормативную обязанность субъекта национальной политики.

Кроме того, в Стратегии реализуется правовая репрезентация формулы в качестве «общего деонтического суждения» [Арутюнова, 1999, с. 570], предполагающего контраст аксиологических статусов по шкале «должное и сущее», «идеальное и реальное» [Герасимова, 2000, с. 9], когда состояние «цельного единства» (норма) оценивается в качестве должного «идеального», а отдельные виды нарушения данного состояния (абerrации) — в качестве отрицательного «реального».

В основе репрезентации формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* как идеологической нормы лежит предположение о признании политическим субъектом в результате воздействия неутилитарного долга перед государством, основанного на его внутренних представлениях о добродетельном / порочном, опирающихся, в свою очередь, на эпистемическую оценку состояния «цельного единства» в качестве непреложной истины.

Таким образом, в Стратегии формула представляет образец чувства и мысли, который должен способствовать достижению состояния «цельного единства» субъектом национальной политики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. МАС — *Словарь* русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Изд. 4-е, стер. — Москва : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/52419/doclist/4052/showentries/0/highlight/конституция:10> (дата обращения 12.06.2023).
3. КПСС. Съезд, 24-й. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. В 2-х томах. — Москва : Политиздат, 1971. — Т. 1. — 598 с.
4. О премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 26 апреля 2016 г.

№ 200. — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/71385248/paragraph/1/doclist/4148/showentries/0/highlight/российская%20нация:2> (дата обращения 12.06.2023).

5. Стратегия — *О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. (ред. от 06.12.2018). — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:6> (дата обращения 14.06.2023).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.

2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва : Академический проект, 2019. — 351 с. — ISBN 978-5-8291-2326-0.

3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

4. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 88—120.

5. Булыгина Т. В. Концепт долга в поле должествования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 14—21.

6. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта "единство" в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.

7. Герасимова И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки / И. А. Герасимова // Логический анализ языка : Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 7—16. — ISBN 5-7859-0156-0.

8. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Ю. В. Говорухина. — Нижний Новгород, 2021. — 29 с.

9. Голиков Л. М. Идеологическая норма в дискурсе государственного антисемитизма СССР (на материале документов 1946—1953 гг.) / Л. М. Голиков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : Исторические и филологические науки. — 2022. — № 3 (26). — С. 83—86.

10. Джioева В. П. Реализация концептов единство / иудизма в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия / В. П. Джioева, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.

11. Дубровская Т. В. Маркеры единения в правовом и политико-правовом дискурсе / Т. В. Дубровская // Лики единения в языке и дискурсе : монография. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 196—264. — ISBN 978-5-91256-571-7.

12. Жданова Л. А. Народ и нация: соотношение понятий и концептов / Л. А. Жданова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. — Москва : Изд-во МГУ, 2000. — С. 162—172.

13. Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. А. Журавлев. — Казань, 2004. — 23 с.

14. Ивин А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. — Москва : Издательство Московского университета, 1970. — 229 с.

15. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 197 с.
16. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста : на материале периодических изданий 2000—2008 гг. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина. — Москва, 2008. — 57 с.
17. *Колесников В. А.* Российская нация и многонациональный народ / В. А. Колесников // Теории и проблемы политических исследований. — 2018. — Т. 7. — № 5А. — С. 182—192.
18. *Комлева Е. В.* К вопросу о соотношении текстовых категорий адресованности и апеллативности (на материале современного немецкого языка / Е. В. Комлева // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 4—2 (29). — С. 105—109.
19. *Комлева Е. В.* Функционально-семантическая категория апеллативности как фактор текстообразования : на материале современного немецкого языка : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Комлева. — Санкт-Петербург, 2015. — 44 с.
20. *Кошелев А. Д.* О языковом концепте 'долг' / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка : Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 119—124.
21. *Кумыков А. М.* Национальный идеал российской государственности : социально-философский анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.11 / А. М. Кумыков. — Ростов-на-Дону, 2008. — 302 с.
22. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 186 с. — ISBN 978-5-7996-1429-4.
23. *Лики единения в языке и дискурсе : монография* / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.
24. *Малышева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен : определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. — 2009. — Выпуск 4 (30). — С. 32—41.
25. *Муштук О. З.* Российская нация или российский народ? / О. З. Муштук // Журнал политических исследований. — 2017. — Т. 1. — № 4. — С. 1—14.
26. *Поздеев И. Л.* Роль этнических стереотипов в процессе межэтнического взаимодействия (на примере удмуртского этноса) / И. Л. Поздеев, Т. Н. Русских // Манускрипт. — 2018. — № 11—1 (97). — С. 55—59. — DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.12.
27. *Романова Т. В.* Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности / Т. В. Романова. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. — 120 с. — ISBN 978-5-89533-444-7.
28. *Руженцева Н. Б.* Интеграционные процессы в межнациональном взаимодействии : смена парадигм / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 77—84.
29. *Семёхина А. С.* Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. С. Семехина, А. В. Щетинина // Лики единения в языке и дискурсе : монография. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 148—168. — ISBN 978-5-91256-571-7.
30. *Стрельников К. А.* Государственно-правовая стратегия как категория современной юридической науки / К. А. Стрельников // Государственная власть и местное самоуправление. — 2009. — № 8. — С. 3—5.
31. *Туровская С. Н.* О семантической зоне модальности необходимости в русском языке / С. Н. Туровская // Ученые записки Тартуского университета. Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. — 1990. — Выпуск 896. — С. 4—40.

32. Халтурин А. Н. Российская нация и этнокультурное взаимодействие / А. Н. Халтурин // Общество : философия, история, культура. — 2015. — № 6. — С. 21—23.
33. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.
34. Шишкин В. А. Русский национальный идеал в структуре национального самосознания : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Шишкин Василий Архипович. — Омск, 2011. — 19 с.
35. Щетинина А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века : идеографический словарь / А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 586 с. — ISBN 978-5-91256-572-4.
36. Щетинина А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1. — С. 18—27.
37. Dubrovskaya T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya, T. Kharlamova // Philologia Hispalensis. — 2012. — № 26 / 1—2. — Pp. 107—127.
38. Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization : a cognitive-pragmatic perspective / J. Nuyts. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. — 429 p. — ISBN 90 272 2357 2.
39. Van Dijk Teun A. Ideology : A Multidisciplinary Approach / Teun A. van Dijk. — London ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications, 1998. — 384 p. — ISBN 0 7619 5654 9.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2023,
одобрена после рецензирования 12.08.2023,
подготовлена к публикации 20.08.2023.*

Material resources

- MAS — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. (1999). Moscow: Russian language, Polygraph Resources. (In Russ.).
- On the Award of the President of the Russian Federation for contribution to strengthening the unity of the Russian nation. *Decree of the President of the Russian Federation of April 26, 2016, 200*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/71385248/paragraph/1/doclist/4148/showentries/0/highlight/российская%20нация:2> (accessed 12.06.2023). (In Russ.).
- Strategy — On the strategy of the State national policy of the Russian Federation for the period up to 2025. *Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012, 1666. (ed. from 06.12.2018)*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:6> (accessed 14.06.2023). (In Russ.).
- The Constitution of the Russian Federation. *Adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the All-Russian vote on July 1, 2020*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/52419/doclist/4052/showentries/0/highlight/конституция:10> (accessed 12.06.2023). (In Russ.).
- The CPSU. Congress, 24th. March 30—April 9, 1971. Verbatim report. In 2 volumes, 1. (1971)*. Moscow: Politizdat. 598 p. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ.).
- Bart, R. (2019). *Of Mythology*. Moscow: Academic Project. 351 p. ISBN 978-5-8291-2326-0. (In Russ.).
- Blakar, R. M. (1987). Language as an instrument of social power. In: *Language and modeling of social interaction*. Moscow: Progress. 88—120. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1991). The concept of duty in the field of duty. In: *Logical analysis of language. Cultural concepts*. Moscow: Nauka. 14—21. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2012). *Political linguistics*. Moscow: Flint: Nauka. 254 p. ISBN 978-5-89349-897-4. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V. (2022). Markers of unity in legal and political-legal discourse. In: *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 196—264. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T., Kharlamova, T. (2012). Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse. *Philologia Hispalensis*, 26 / 1—2: 107—127.
- Dzhioeva, V. P., Tamerian, T. Y. (2017). Realization of unity concepts / judzinad in South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political linguistics*, 4: 53—59. (In Russ.).
- Gavrilova, M. V. (2010). Development of meaningful forms of the concept of “unity” in the Russian political discourse of the XX—XXI centuries. *Political Linguistics*, 4 (34): 13—18. (In Russ.).
- Gerasimova, I. A. (2000). Deontic logic and cognitive attitudes. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 7—16. ISBN 5-7859-0156-0. (In Russ.).
- Golikov, L. M. (2022). The ideological norm in the discourse of state anti-Semitism of the USSR (based on documents from 1946—1953). *Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*, 3 (26): 83—86. (In Russ.).
- Govorukhina, Yu. V. (2021). *Strategy as a legal document*. Author’s abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 29 p. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (1970). *Bases of logic of estimates*. Moscow: Moscow University Press. 229 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Khalturin, A. N. (2015). The Russian nation and ethno-cultural interaction. *Society: philosophy, history, culture*, 6: 21—23. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2008). *Intentional categories of journalistic text: based on the material of periodicals 2000—2008*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 57 p. (In Russ.).
- Kolesnikov, V. A. (2018). The Russian nation and the multinational people. *Theories and problems of political research*, 7 (5A): 182—192. (In Russ.).
- Komleva, E. V. (2011). On the question of the correlation of textual categories of addressability and appeal (based on the material of the modern German language. *The world of science, culture, education*, 4—2 (29): 105—109. (In Russ.).
- Komleva, E. V. (2015). *Functional-semantic category of appeal as a factor of text formation: based on the material of the modern German language*. Author’s abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 44 p. (In Russ.).
- Koshelev, A. D. (2000). On the linguistic concept of ‘duty’. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 119—124. (In Russ.).

- Kumykov, A. M. (2008). *The national ideal of Russian statehood: socio-philosophical analysis*. Author's abstract of Doct. Diss. Rostov-on-Don. 302 p. (In Russ.).
- Kupina, N. A. (2015). *Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions*. Yekaterinburg: Ural Publishing House, Univ. 186 p. ISBN 978-5-7996-1429-4. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Malysheva, E. G. (2009). Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification. *Political Linguistics*, 4 (30): 32—41. (In Russ.).
- Mushtuk, O. Z. (2017). The Russian nation or the Russian people? *Journal of Political Studies*, 1 (4): 1—14. (In Russ.).
- Nuyts, J. (2001). *Epistemic modality, language, and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 429 p. ISBN 90 272 2357 2.
- Pozdeev, I. L., Russian, T. N. (2018). The role of ethnic stereotypes in the process of interethnic interaction (on the example of the Udmurt ethnos). *Manuscript*, 11—1 (97): 55—59. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.12. (In Russ.).
- Romanova, T. V. (2019). *Ideologems and axiologems of Russian language consciousness as a reflection of constants and dynamics of national mentality*. Nizhny Novgorod: DECOM. 120 p. ISBN 978-5-89533-444-7. (In Russ.).
- Ruzhentseva, N. B. (2013). Integration processes in interethnic interaction: paradigm shift. *Political linguistics*, 4 (46): 77—84. (In Russ.).
- Semekhina, A. S., Shchetinina, A. V. (2022). Linguistic representation of the idea of national unity in media discourse. In: *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 148—168. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V. (2022). *1000 words of unity and enmity of the beginning of the XXI century: an ideographic dictionary*. Yekaterinburg: Azhur. 586 p. ISBN 978-5-91256-572-4. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2021). Linguistic representation of the idea of national unity in media discourse. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1: 18—27. (In Russ.).
- Shishkin, V. A. (2011). *The Russian national ideal in the structure of national consciousness*. Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 19 p. (In Russ.).
- Strelnikov, K. A. (2009). State-legal strategy as a category of modern legal science. *State power and local self-government*, 8: 3—5. (In Russ.).
- Turovskaya, S. N. (1990). On the semantic zone of the modality of necessity in the Russian language. *Scientific notes of the University of Tartu. Functional and semantic problems of describing the Russian language*, 896: 4—40. (In Russ.).
- Van Dijk Teun, A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. 384 p. ISBN 0 7619 5654 9.
- Zhdanova, L. A. (2000). People and nation: correlation of concepts and concepts. In: *Functional and semantic characteristics of the text, utterances, words. Questions of Russian linguistics*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 162—172. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. A. (2004). *Ideologems and their actualization in Russian lexicographic discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 23 p. (In Russ.).

*The article was submitted 16.06.2023;
approved after reviewing 12.08.2023;
accepted for publication 20.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Калинина Л. В. *Неопределённый vs. неуловимый* в аспекте категориального восприятия / Л. В. Калинина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 28—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-28-46.

Kalinina, L. V. (2023). 'Neopredeljonnyj' [Indefinite] vs. 'Neulovimyj' [Elusive] in Aspect of Categorical Perception. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 28-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-28-46. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-28-46

***Неопределённый vs. неуловимый* в аспекте категориального восприятия**

Калинина Людмила Викторовна

orcid.org/0000-0003-2271-3995

доктор филологических наук,

профессор

кафедры русского языка, культуры речи
и методики обучения

grifon.kalinina@yandex.ru

Вятский
государственный университет
(Киров, Россия)

'Neopredeljonnyj' [Indefinite] vs. 'Neulovimyj' [Elusive] in Aspect of Categorical Perception

Liudmila V. Kalinina

orcid.org/0000-0003-2271-3995

Doctor of Philology, Professor,

Department of Russian, Speech Culture,

and Teaching Methodology

grifon.kalinina@yandex.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Калинина Л. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье обсуждается феномен категориального восприятия, успешность которого автор предлагает выражать формулой «*это именно X из категории "X"*». Лексемы *неопределённый* и *неуловимый* рассматриваются как единицы, вербализующие категоризационные затруднения субъекта восприятия. На основе сопоставления употребления прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* с номинациями разных видов перцептивного восприятия устанавливается, в каких случаях объект восприятия, вызывающий категоризационные затруднения, обозначается как *неопределённый X*, а в каких — как *неуловимый X*. Исследование осуществляется с помощью методов дефиниционного, компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа на материале толковых словарей и данных Национального корпуса русского языка. В результате анализа языкового материала было выявлено, что сочетание *неопределённый X* обозначает, что некоторый *X* хорошо воспринимается органами чувств, но субъекту неизвестно (в его лексиконе отсутствует) обозначение для данного *X*. Сочетание *неуловимый X* обозначает, что органы чувств лишь фиксируют наличие некоторого *X*, при этом *X* манифестируется слишком быстро / слишком слабо или является неоднородным, из-за чего его нельзя распознать.

Ключевые слова:

категориальное восприятие; перцептивная лексика; категоризационные затруднения; семантика неопределённости; семантика неуловимого.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the phenomenon of categorical perception, the success of which the author suggests can be expressed by the formula “*this is exactly X from the category 'X'.*” The lexemes ‘neopredeljonnyj’ [indefinite] vs. ‘neulovimyj’ [elusive] are considered as units that verbalize the subject’s categorization difficulties in perception. Based on a comparison of the use of the adjectives ‘neopredeljonnyj’ [indefinite] vs. ‘neulovimyj’ [elusive] with nominations of different types of perceptual perception, it is established in which cases the object of perception, causing categorization difficulties, is designated as ‘neopredeljonnyj’ [indefinite] *X* and in which cases it is designated as ‘neulovimyj’ [elusive] *X*. The study is carried out using methods of definitional, componential, distributive, and contextual analysis based on explanatory dictionaries and data from the *Russian National Corpus*. As a result of the analysis of linguistic material, it was revealed that the combination ‘neopredeljonnyj’ [indefinite] *X* denotes that a certain *X* is well perceived by the sense organs, but the subject is unaware (it is absent from their lexicon) of the designation for this *X*. The combination ‘neulovimyj’ [elusive] *X* denotes that the sense organs only register the presence of a certain *X*, while *X* manifests itself too quickly/weakly or is heterogeneous, making it unrecognizable.

Key words:

categorical perception; perceptual lexicon; categorization difficulties; semantics of indefiniteness; semantics of elusiveness.

Неопределённый vs. неуловимый в аспекте категориального восприятия

© Калинина Л. В., 2023

1. Введение = Introduction

Настоящая статья посвящена разграничению сфер функционирования двух русских прилагательных, часто использующихся для вербализации трудностей категориального восприятия: *неопределённый* и *неуловимый*.

Восприятие и категоризация, как известно, настолько тесно связаны, что осуществляются практически одновременно; см. подробнее в публикациях: [Ануфриева и др., 2022; Болдырев, 2019; Волков, 2021; Горбунова, 2018; Кравченко, 2004; Смирнов, 2018 и др.]. Вот как об этом рассуждает А. В. Волков: «“Это апельсин”, “это стол” и т. д. — таков стандартный ответ воспринимающего. Тот факт, что воспринимающий отвечает на вопрос путём отнесения воспринимаемого к тому или иному классу вещей или событий, свидетельствует, что процесс восприятия — это процесс категоризации, осмысления воспринятого» [Волков, 2021, с. 7].

Неразрывная связь процессов восприятия и категоризации нашла своё отражение в специальном термине «категориальное восприятие». Этот термин, использующийся в разных науках, изначально появился в психологии, ср.: «Категориальность восприятия — свойственная высшим формам восприятия расчленённость стимульного пространства на диффузные подмножества» [ПС, с. 147]. Это значит, что объекты воспринимаются сразу как члены некоторого класса, обладающего определённым набором признаков, а не как уникальные единицы.

Подобное понимание категориального восприятия существует и в лингвистике, ср., например: «Единичное явление не должно оставаться единичным, оно должно быть подведено под какую-то категорию... Эту функцию и выполняет язык... Сам эффект категориального восприятия... проявляется в том, что объектам физического континуума по разные стороны категориальной границы присваиваются разные названия, например: *стул* и *кресло*, *чашка* и *бокал*, *слово* и *словосочетание*» [Болдырев, 2019, с. 107].

В сфере информационных технологий, при решении задач логико-математического моделирования возможно понимание категориального восприятия как «умного», «различающего» восприятия. Как пишет

Г. А. Смирнов, «о тождестве и различии сущностей можно судить лишь в том случае, если 1) субъект может фокусировать внимание на каждом элементе благодаря наличию у него границы, изолирующей его от иных элементов; 2) элементы, на которых фокусируется внимание субъекта, размещены в таком вместилище... которое гарантирует, что они, с одной стороны, не слипнутся, с другой, не окажутся в разных, несопоставимых друг с другом мирах» [Смирнов, 2018, с. 6]. В данном случае под категориальным восприятием понимается «штучное», «индивидуальное» различение сущностей внутри общей пространственно-временной области, в том числе и сущностей, принадлежащих к одной и той же категории.

Как можно заметить, во всех случаях определение категориального восприятия сопровождается указанием на необходимость «расчленённости», «изолированности» объектов восприятия, на существование между ними «категориальной границы», на наличие такой среды, в которой воспринимаемые объекты «не слипнутся». С учётом этих критериев в настоящей статье под успешным категориальным восприятием понимается такая идентификация объекта в момент его восприятия, которая может быть описана формулой «*это именно X из категории "X"*». Ср., например, как субъект чётко разграничивает *звук₁, звук₂, звук₃,...* из общей категории «*звуки*» (здесь и далее все примеры приводятся по источнику [НКРЯ]): *Фёдор Филатович... наслаждался... самим процессом... слушания разных звуков. Эти звуки менялись, смотря по времени года. То это был стук зелёных колючих шаров, падавших с ветвей каштана на влажную землю. То шелестящие переговоры осенних листьев. То оголтелый крик воронья. То треск тонких, остекленелых сучьев под легким весом белки в сереньком, зимнем наряде* (И. Грекова. Фазан).

Если же субъект не способен во время акта восприятия «провести границы, отделяющие один «кусоч» реальности от другого, опираясь на воздействия, регистрируемые органами чувств» [Смирнов, 2018, с. 10], то восприятие объекта не приведёт к его успешной и однозначной категоризации, ср.: *Ещё издали слышался непонятный звук — не то ветер был в какой-то гигантской трубе, не то провода на телеграфном столбе* (В. Ардаматский. Ленинградская зима).

Причины категоризационных затруднений могут быть различными. Это могут быть помехи восприятия; наличие у объекта признаков, на основании которых его можно отнести не к одной, а к двум или нескольким категориям; слишком быстрая манифестация объекта, не позволяющая его распознать; неизвестность объекта воспринимающему субъекту, а также любая комбинация перечисленных причин. Для вербализации такого рода затруднений могут использоваться различные языковые средства, напри-

мер: *то ли X, то ли Y; не то X, не то Y; это X, что ли?; кажется, что это X; похоже, что это X; напоминает X; непонятный X; неопределённый X; странный X; в этом есть нечто от X; что-то неуловимое* и др. См. об этом, например: [Калинина, 2020; Сидорова, 2017; Bernasconi, 2023 и др.].

Цель статьи — рассмотреть лексемы *неопределённый* и *неуловимый* как средства вербализации категоризационных затруднений субъекта восприятия, сопоставить употребление прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* с номинациями разных видов перцептивного восприятия (*неопределённый цвет, звук, запах — неуловимый цвет, звук, запах*), выявить общее и различное в семантике данных прилагательных и охарактеризовать ситуации, в которых объект восприятия может быть назван *неопределённым* либо *неуловимым*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Лингвисты уже обращались к исследованию языковых средств, вербализующих те или иные проявления неуверенности говорящего в том, что некоторая ситуация действительно имеет место, воспринимается и оценивается правильно. Так, в большей или меньшей степени изучено устройство перцептуального пространства говорящего и функции перцептивной лексики [Березина, 2016; Дружинин, 2020; Кравченко, 2004; Петрова, 2021; Попова, 2016; Урысон, 2003; Chen et al., 2023], семантика неопределённости [Падучева, URL; Голубева, 2020], приблизительности [Болдырев и др., 2006], неизвестности [Акимова, 1999], кажимости [Семёнова, 2019], семантика невыразимого [Гураль и др., 2018; Михайлова, 2017], семантика неуловимого [Калинина и др., 2017]. Имеется также опыт семантического сопоставления языковых средств, номинирующих неопределённое и неизвестное [Акимова, 1999], невыразимое и непостижимое [Михайлова 2017], неуловимое и типичное [Калинина и др., 2017; Калинина 2020]. Каждое такое исследование не только даёт новое знание о функционировании языковых единиц и устройстве соответствующих смысловых областей, но и ставит новые вопросы, связанные с разграничением содержательно близких понятий; эти вопросы обсуждаются на материале разных концептуальных областей и разных языков, ср., например: [Brochhagen et al, 2022; Karius et al, 2021]. Актуальной задачей остаётся и установление связи между категоризационными затруднениями и использованием определённых средств для вербализации этих затруднений. В настоящей статье решается вопрос о том, в каких случаях объект восприятия, вызывающий категоризационные затруднения, обозначается как *неопределённый X*, а в каких — как *неуловимый X*.

Исследование осуществлялось с помощью методов дефиниционного, компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа.

Материалом исследования явились толковые словари русского языка и данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

Обращение к словарным дефинициям лексем *неопределённый* и *неуловимый* показывает, что в переносном значении эти прилагательные имеют пересекающуюся семантику благодаря общим семам ‘не вполне отчётливый’, ‘плохо различимый’, ‘неясный’. Ср.: *Неопределённый* — «...2. Не вполне отчётливый; неточный, неясный» [ТСРЯ, 2008, с. 513]; ср. также аналогичные толкования в: [Лопатин и др., 2005, с. 387; ТСРЯ, 1935—1940, т. 2, с. 526; СРЯ, т. 2, с. 460; ССРЛЯ, т. 7, с. 1017—1018]. *Неуловимый* — «...2. Неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению» [ТСРЯ, 1935—1940, т. 2, с. 563]; ср. также [Лопатин и др. 2005, с. 393; СРЯ, т. 2, с. 489; ССРЛЯ, т. 7, с. 1239—1240]; «плохо различимый» [СРЯ, т. 2, с. 489; ССРЛЯ, т. 7, с. 1239—1240]. Значение ‘неясный’ отмечается у прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* также в словарях синонимов [Абрамов, 1994, с. 260; Александрова, 2001, с. 249], в том числе и как общее для обоих слов [Гаврилова, 2014, с. 187, 192]. Но какова разница между «неясностью неопределённого» и «неясностью неуловимого»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучить сочетаемость прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* с номинациями разных видов перцептивного восприятия.

Контексты для анализа отбирались с помощью корпусных менеджеров НКРЯ. С помощью инструментов НКРЯ было выявлено по 10 наиболее частотных (насчитывающих не менее 100 употреблений) словоформ каждого из прилагательных, что для прилагательного *неопределённый* в совокупности составило 6189 словоупотреблений, для прилагательного *неуловимый* — 2926 словоупотреблений. Далее на основе анализа биграмм каждой из частотных словоформ отбирались сочетания прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* с номинациями зрительного, слухового, обонятельного, осязательного, вкусового восприятия (*блик, цвет, оттенок, тень; гул, звук, шорох, интонация, шум; аромат, запах; боль, дрожь; привкус* и др.). Учитывались также сочетания анализируемых прилагательных с номинациями выражений лица, жестов и знаковых телодвижений человека (*взмах, движение, жест, знак, улыбка* и др.), поскольку «жестовые знаки... воспринимаются по большей части глазами. В основном это зрительные знаки» [Крейдлин, 2004, с. 51]. На этом основании мы относили номинации жестовых знаков к зрительным восприятиям. Всего таким образом было отобрано 864 контекста: 568 контекстов для прилагательного *неопределённый* и 296 контекстов для прилагательного *неуловимый*. Это

позволяет заключить, что прилагательные *неопределённый* и *неуловимый* сочетаются с перцептивной лексикой примерно с одинаковой частотой: для прилагательного *неопределённый* на сочетания с номинациями чувственного восприятия приходится 9,1 % (568 из 6189), для прилагательного *неуловимый* — 10,1 % (296 из 2926).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Прилагательные *неопределённый* и *неуловимый* в сочетании с номинациями разных видов перцептивного восприятия

Общая картина сочетаемости анализируемых прилагательных с номинациями перцептивного восприятия представлена далее (табл. 1).

Таблица 1

Сочетаемость прилагательных *неопределённый* и *неуловимый*
с номинациями разных видов перцептивного восприятия
(по данным НКРЯ)

Вид восприятия	Прилагательное (количество примеров)	Примеры номинаций
Зрительное	<i>Неопределённый</i> (401)	<i>цвет</i> (140), <i>жест</i> (92), <i>улыбка</i> (39), <i>движение</i> (28), <i>вид</i> (21) и др.
	<i>Неуловимый</i> (220)	<i>оттенок</i> (34), <i>тень</i> (16), <i>жест</i> (12), <i>улыбка</i> (12) <i>черта</i> (9), <i>цвет</i> (9) и др.
Слуховое	<i>Неопределённый</i> (157)	<i>звук</i> (53), <i>шорох</i> (36), <i>шум</i> (17), <i>гул</i> (12) и др.
	<i>Неуловимый</i> (22)	<i>звук</i> (13), <i>ритм</i> (2), <i>вдох</i> , <i>интонация</i> и др.
Обонятельное	<i>Неопределённый</i> (3)	<i>запах</i> (2), <i>аромат</i>
	<i>Неуловимый</i> (33)	<i>запах</i> (22), <i>аромат</i> (10), <i>духи</i>
Осязательное	<i>Неопределённый</i> (5)	<i>боль</i> (4), <i>холодок</i>
	<i>Неуловимый</i> (18)	<i>трепет</i> (6), <i>дрожь</i> (3), <i>холодок</i> (2), <i>толчок</i> (2) <i>вибрация</i> и др.
Вкусовое	<i>Неопределённый</i> (2)	<i>вкус</i> (2)
	<i>Неуловимый</i> (3)	<i>привкус</i> (2), <i>горечь</i>
Всего примеров	<i>Неопределённый</i> — 568	
	<i>Неуловимый</i> — 296	

Как видим, в количественном отношении преобладают сочетания номинаций чувственного восприятия с прилагательным *неопределённый*, но в качественном отношении более разнообразна сочетаемость с прилагательным *неуловимый*. Оба прилагательных чаще всего характеризуют ре-

зультат зрительного восприятия, реже всего — вкусового. Прилагательное *неопределённый* довольно часто употребляется также с номинациями слухового восприятия, но с номинациями остальных видов восприятия встречается крайне редко. Прилагательное же *неуловимый*, хотя и не слишком часто, но в заметном количестве случаев сочетается с номинациями обонятельного, слухового, осязательного восприятия.

Далее рассмотрим для обоих прилагательных примеры, описывающие восприятия различной модальности: зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, осязательные.

3.2. *Неопределённый* и *неуловимый* в аспекте зрительного восприятия

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что прилагательное *неопределённый* чаще всего сочетается со словом *цвет*. Ср., например: *А совсем далеко неопределённый цвет тайги сливался с океаном неба* (П. Богомаз. Туранский перевал); *Посмотрел на месиво неопределённого цвета* (И. Бахтина. Зачем я тебе?); *...Все предметы смешались в каком-то неопределённом цвете* (И. Гончаров. Счастливая ошибка); *Я предстала перед ним в стирано-латаном байковом больничном халате неопределённого цвета* (С. Спивакова. Не всё). Рассмотрим такого рода примеры подробнее.

Обозначения типа *X неопределённого цвета* подразумевают, что цвет *X-а* нельзя с уверенностью отнести к какой-то определённой части спектра. Но значит ли это, что природа воспринимаемого цвета не может быть установлена посредством зрения? Полагаем, что нет — скорее это означает отсутствие в нашем лексиконе слова для обозначения именно такого цвета (сочетания цветов). Мы воспринимаем, видим цвет предмета, но не можем обозначить его, так как у нас нет нужного слова для этого цвета. Ср. в связи с этим: «Люди могут видеть разницу между любыми возможными оттенками и всё же не иметь в языке устоявшихся наименований даже для таких основных цветов, как зелёный или синий» [Дойчер, 2019, с. 101]. Поэтому в рассматриваемом случае *неопределённый цвет X-а* следует понимать как ‘такой, для которого в лексиконе субъекта нет готового определения’.

Может ли в аналогичной ситуации быть использовано сочетание *неуловимый цвет*? Сочетание *неуловимый цвет* само по себе вполне возможно: в НКРЯ отмечено 9 таких примеров. Однако контекстуальный анализ показывает, что *неуловимый цвет* — это такой цвет, который трудно зафиксировать, переливающийся, играющий оттенками (ср. в связи с этим частотность сочетания *неуловимый оттенок* в таблице 1). Почти все контексты, где упоминается «*неуловимый цвет*», характеризуют цвет глаз человека и содержат соответствующие уточнения: *глаза лучащиеся, искрящиеся, блестящие, изменчивые* и т. п. Ср.: *Её можно было бы принять за ведьму, если б на её лице не светились... большие прекрасные глаза почти*

неуловимого цвета, что-то между голубишной и фарфоровой синью, лучистое, выпуклыми белками резко оттенённое (В. Астафьев. Веселый солдат); *Овальные, слишком большие глаза — неуловимого цвета и весело искрятся* (М. Горький. Жизнь Клим Самгина). Ср. ещё: *неуловимого цвета, очень блестящие глаза; вспыхивающие глаза неуловимого цвета; изменчивые глаза неуловимого цвета* и др.

Лишь в единичных контекстах *неуловимый цвет* характеризует не глаза, а иные объекты. В таких случаях *неуловимый цвет* обозначает то же самое, что *неопределённый цвет*, то есть ‘такой, для которого нет готового определения, неопределимый’. Ср.: *Тяжёлое шерстяное платье неуловимого цвета состарило её* (М. Горький. Жизнь Клим Самгина); *Братья Снегиревы... были... какого-то неуловимого цвета, тлевого, что ли, такого цвета и в природе нет*, (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

Далее рассмотрим возможности употребления слов *неопределённый* и *неуловимый* для характеристики другого типа зрительных восприятий — жестовых знаков.

Среди всех контекстов с сочетанием *неопределённый жест* следует особо отметить два типа. В первом случае речь идёт об истинных затруднениях жестикулирующего в оценке объекта, явления или ситуации. Ср.: *Ну вот что вы, например, думаете о Корнилове? Она сделала какой-то неопределённый жест.* — *Ну что он из себя представляет? Ценный работник, знающий товарищ или как?* — *настойчиво спросил директор.* — *Кажется, да,* — *ответила Клара* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Николай-бек неопределённым жестом повёл плечом.* — *Не знаю, что будет, как будет, а только чувствую: скоро, скоро всё это кончится* (Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана); *Он сделал неопределённый жест, означающий, что за бабкино всемогущество он не ручается, иногда оно срабатывает, иногда нет...* (Г. Полонский. Репетитор). В такого рода контекстах присутствуют дополнительные маркеры неуверенности субъекта, двойственности оцениваемого им положения дел, ср.: *какой-то неопределённый жест; кажется, да; не знаю, что будет и как будет; иногда срабатывает, иногда нет* и др.

В контекстах второго типа жестикулирующий обладает определённым знанием о предмете обсуждения или имеет о нём вполне чёткое мнение, но по каким-то причинам не хочет его раскрывать. В этом случае в тексте подчёркивается намеренное использование субъектом «неопределённого жеста», желание с помощью этого жеста замаскировать для собеседника своё истинное знание или мнение. Ср. примеры, в которых дополнительно выделены фрагменты, указывающие на сознательное, намеренное использование «неопределённого жеста»: — *Аркаша звонил...* — *Какой Аркаша?* — *спросил*

Шумаков, и Пафнутьеву вопрос не понравился. — Пафнутьев сделал неопределённый жест рукой. — Иногда помогает, иногда мешает, а в общем... — И Пафнутьев замолчал, сознательно замолчал. — Да так, шатается один по жизни (В. Пронин. Банда 8); Фёдор Васильевич чувствовал, что ещё минута — и он будет не в силах совладать с собой. Ему хотелось накричать на этого всё ещё стоящего в дверях человека... он подавил уже готовые сорваться с языка слова, судорожно проглотил слюну и сказал, делая неопределённый жест рукой... (А. Чаковский. Блокада).

Таким образом, *неопределённый жест* — это ‘хорошо заметный наблюдателю жест, свидетельствующий о неспособности или о нежелании субъекта дать однозначный ответ’. Сходным образом функционируют сочетания *неопределённое движение, неопределённая улыбка, неопределённое выражение* и подобные.

Что касается сочетания *неуловимый жест* и ему подобных, то слово *неуловимый* в таких случаях означает ‘такой быстрый или настолько слабо выраженный, что его сложно отследить’. Ср., например: *Рудометов... поблагодарил меня почти неуловимым жестом головы и руки* (О. Бессарабова. Дневник); *...Злая, мгновенная, неуловимая улыбка быстро мелькала на узких, плотно сжатых губах мусульманина* (Е. Гребенка. Чайковский); *...На лице его скользила почти неуловимая улыбка, и даже не улыбка, а складки около глаз, говорившие: «Ай да славно провёл!»* (Н. Гиляров-Платонов. Из пережитого).

3.3. Неопределённый и неуловимый в аспекте слухового восприятия

При описании слуховых восприятий значения слов *неопределённый* и *неуловимый* сближаются в большей степени, чем при описании зрительных восприятий, однако полного тождества семантики всё же не возникает. Для начала рассмотрим «*неопределённые звуки*». Ср.: *Опять оттуда доносится неопределённый звук, и она замирает, прислушиваясь* (Ф. Искандер. Дедушка); *Увидев меня, он издал какое-то неопределённое восклицание и удивлённо захлопал глазами* (В. Белоусова. Второй выстрел). *Неопределённый звук* в такого рода примерах можно охарактеризовать как ‘неразборчивый, неотчётливый’ — независимо от того, тихий это звук или громкий (в первом из приведённых примеров к *неопределённому звуку* нужно *прислушиваться*, во втором речь идёт о *восклицании*, то есть о достаточно громком звуке).

Часто в контексте, характеризующем «*неопределённый звук*», делаются попытки сравнить этот звук с чем-то известным, описать его понятным для адресата образом, задать рамку или некий диапазон для мысленного воображения данного звука. Это говорит о факте отчётливого восприятия звука, но об отсутствии у говорящего специальной номинации для обозначения этого звука. Ср.: *Из коридора послышался какой-то неопределё-*

ный звук, — не то взрыв смеха, не то плач (С. Семенов. У пропасти); *На вопрос Юлий Матвейч издавал странный грудного тембра неопределённый звук, как бы извлечённый из трубы неумелым музыкантом* (О. Мандельштам. Шум времени); *Дмитрий Степанович... издал неопределённый звук, точно выдавил хохоток* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам). Ср. также: *не то сверчок шевельнулся, не то поцелуй; не то прочистил горло, не то крикнул от удовольствия* и др.

Из-за отсутствия подходящей готовой номинации говорящий нередко просто воспроизводит, как бы «транскрибирует» этот звук, передаёт его способом, наиболее точно отражающим природу звучания. Ср.: *С губ моей матери слетел какой-то неопределённый звук — что-то вроде: «Н-не...»* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Заноса шашку, казак поджигал губы, а когда опускал её, то из груди его вылетал короткий выдох, производивший тот самый неопределённый звук, который вырывается у мясников, разделывающих топором коровью тушу: ыхх... ыхх...* (А. Гайдар. Школа); — *М-м, — издал он неопределённый звук, — ложитесь, пожалуйста* (В. Валеева. Скорая помощь).

Неуловимый звук обычно осознаётся или как слишком слабый, или как слишком быстрый, прерывистый, обрывистый — даже если это звук узнаваемый. Именно слабость звучания или кратковременность манифестации способствует тому, чтобы звук был назван *неуловимым* — чего, как правило, не отмечается при характеристике звука как *неопределённого*. Ср.: *Было глухо, почти мертво, но не было тихо, потому что неуловимые звуки исходили от бора; они не слышались, а скорее ощущались, как ощущается слухом в пустой комнате присутствие живого человека, который молчит и даже не шевелится* (Н. Телешов. На тройках); *Стояла тишина, и в этой тишине едва различимы были неуловимые звуки последних дней тёплой осени: хруст веточек, шуршание сухих листочков, звонкий и равномерный бег ручья, редкий, чуть печальный крик птицы...* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *Слова... вылетали с неуловимой быстротой* (К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве).

Если звучание одновременно является и слабым, и неразборчивым, прилагательные *неуловимый* и *неопределённый* могут использоваться в качестве однородных членов или теоретически допускать взаимозамену, ср.: *Какие-то неуловимые звуки, неопределённые: то будто шум пронесётся в воздухе; не было ветру, а вот покачнулась береза* (Н. Помяловский. Мещанское счастье); *Что-то меня потревожило, какой-то неуловимый звук заставил проснуться* (М. Ефиминюк. Как всё начиналось); *А я услышал в тот момент тоненькие неопределённые звуки, выходившие, казалось, из-под земли* (А. Грин. Игрушка).

3.4. Неопределённый и неуловимый в аспекте обонятельного восприятия

Контексты с описанием обонятельных восприятий с помощью слова *неопределённый* встречаются редко — примеры в НКРЯ единичны, ср.: *От Верхушина пахло духами неопределённого запаха, но терпким и, с непривычки, раздражающим* (И. Новиков. Золотые кресты); *...На него пахнуло сыроватым, терпким и приятным запахом, похожим на запах свежее-разрытой земли, кипариса, старины и ещё каких-то смутных, неопределённых ароматов* (А. Фёдоров. Природа); *Даже аромат такой же, сладостно-раздражающий, смесь разных неопределённых запахов...* (Ф. Ф. Тютчев. Беглец).

В приведённых примерах мы можем истолковать сочетание *неопределённый запах* как ‘запах, хорошо ощущаемый субъектом, но не соответствующий в достаточной степени ни одному из известных субъекту запахов, не узнаваемый субъектом запахов’.

Сочетание *неуловимый запах / аромат* представлено в НКРЯ 33 вхождениями, причём во всех случаях запах субъектом узнаётся и идентифицируется вполне конкретно, порою до последней «нотки». *Неуловимым* он называется из-за лёгкости, слабой интенсивности восприятия. Ср.: *От большого окна потянуло утренней свежестью и прохладой, и неуловимый запах осени, прелого листа, холодных рос и спелого хлеба пошёл от него* (П. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени); *Неуловимый запах материнского тепла, утреннего какао, школьных завтраков, может, даже собаки или велосипеда* (М. Петросян. Дом, в котором...); Ср. также: *неуловимый запах рождающейся весны; неуловимый запах чего-то, вроде морфия; тот неуловимый запах, по которому безошибочно угадывается присутствие человека; неуловимый запах моря; неуловимый аромат нежных духов и др.*

Полагаем, что взаимозамена прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* по отношению к запаху была бы маловероятна: если говорящий запах в принципе идентифицирует, то он вряд ли назовёт его *неопределённым*. А вот одновременное использование в тексте обоих прилагательных вполне возможно, так как запах может быть и слабым, и неузнаваемым. Ср., например: *В коридоре пахло моющими средствами и сваренным кофе; однако снизу доносился совершенно неопределённый и неуловимый запах* (Саша Аранго. Правда и другая ложь).

3.5. Неопределённый и неуловимый в аспекте осязательного восприятия

Употребление прилагательных *неопределённый* или *неуловимый* по отношению к номинациям осязательного восприятия в прямом смысле почти не встречается, примеры единичны, ср., например: *Уже больше года Сергей К. недогадал: неопределённая боль в животе то стихала, то нарастала*

(Т. Скорбилина. Телерепортаж... из желудка); *Почти неуловимая дрожь прокатывается по сводам, по каменным плитам под ногами* (Е. Мачульская. Песни белого города). По-видимому, дело в том, что осязание представляет собой внутрителесное ощущение прикосновения, давления, температуры, боли и т. п., которое обычно «регистрируется» субъектом вполне явно, как непосредственный контакт с чем-либо (в отличие от зрительного, слухового и обонятельного восприятия, когда взаимодействие с объектом может осуществляться без телесного контакта). Поэтому в тех контекстах, где прилагательные *неопределённый* и *неуловимый* сочетаются с номинациями осязательного восприятия, эти номинации употреблены в метафорическом смысле, так что речь идёт либо вообще не о перцепции, либо о перцепции зрительной. Ср.: *По душе пробежал какой-то, ещё неопределённый, холодок...* (И. Солоневич. Россия в концлагере); *Как поймать эту давно погасившую жизнь, как уловить её неуловимый трепет* (Ф. Шаляпин. Моим детям); *Она смотрела на него с неуловимым холодком из-под приспущенного на глаза белого пухового платка* (Л. Леонов. Барсуки); *Лампочки... обливают синеватым, мигающим мелкой неуловимой дрожью светом* (А. Серафимович. Как создаётся газета); *...И над озарённой ареной, поднявшись с неуловимым толчком, всплыл как поднятая свеча тот человек с прекрасным и ужасным лицом* (А. Грин. Блестящий мир).

3.6. Неопределённый и неуловимый в аспекте вкусового восприятия

Слово *неопределённый* в контекстах, характеризующих вкусовое восприятие, встречается, по данным НКРЯ, в единичных примерах, ср.: *Днём и вечером в глиняном горшке приносили горячую бурду, где плавали куски разваренной картошки, листья капусты и какая-то крупа неопределённого вкуса* (П. Краснов. Ложь); *Вскоре она снова открывалась — для передачи дневного пайка хлеба (400 грамм) и чайника с «чаем», какою-то желтоватой жидкостью неизвестного происхождения и неопределённого вкуса* (Р. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки). *Неопределённый вкус* в таких случаях можно охарактеризовать как ‘вкус, который не соответствует в достаточной степени ни одному из известных субъекту вкусов, не узнаваемый субъектом вкус’.

Прилагательное *неуловимый* применительно ко вкусу также встречается редко — примеры единичны, причём во всех случаях они иллюстрируют метафорическое словоупотребление, то есть характеризуют не перцептивное восприятие, а уподобление различных абстрактных сущностей этому восприятию. Во всех таких примерах значение прилагательного *неуловимый* можно интерпретировать как ‘лёгкий, слабый’. Ср.: *Неуловимый привкус старого дореволюционного литературного салона ощущается во всей её манере читать, говорить* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); *А всё-*

таки был в них какой-то **неуловимый привкус сектантства**, сближавший эту почти ритуальную белизну с мельтешением голубиных крыл на хлыстовских радениях (Б. Лившиц. Полутораглазый стрелец).

Очевидно, что взаимозамена прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* применительно к вкусу маловероятна и неестественна, ср.: **крупна неуловимого вкуса??? *неопределённый привкус сектантства???*

4. Заключение = Conclusions

Анализ семантики и функционирования прилагательных *неопределённый* и *неуловимый* позволяет сделать следующие выводы.

Прилагательные *неопределённый* и *неуловимый* имеют общую сему ‘неясный’, благодаря чему оба они способны обозначать трудности, сопровождающие категориальное восприятие. Однако причины категоризационных затруднений субъекта различны, о чём свидетельствует анализ сочетаемости лексем *неопределённый* и *неуловимый* с номинациями различных видов перцептивного восприятия в условиях контекста.

Неопределённый обозначает, что некоторый *X* хорошо воспринимается органами чувств, но субъекту неизвестно (в его лексиконе отсутствует) обозначение для данного *X*. Субъект употребляет слово *неопределённый* в ситуации ‘хорошо воспринимаю, но не узнаю / не знаю наверняка, что это такое и как это называется’. Как было показано, *неопределённый цвет* — это ‘хорошо воспринимаемый субъектом цвет, для которого в лексиконе субъекта нет готового определения’; *неопределённый жест* — ‘хорошо заметный субъекту жест, который сложно однозначно интерпретировать’; *неопределённый звук* — ‘достаточно хорошо слышимый, но который проще воспроизвести, чем отнести к какой-то категории’; *неопределённый запах* — ‘хорошо ощущаемый, но не соответствующий в достаточной степени ни одному из известных субъекту запахов, не узнаваемый субъектом запах’; *неопределённый вкус* — ‘хорошо ощущаемый, но не соответствующий в достаточной степени ни одному из известных субъекту вкусов, не узнаваемый субъектом вкус’.

Неуловимый обозначает, что органы чувств лишь фиксируют наличие некоторого *X*, при этом *X* манифестируется слишком быстро, слишком слабо и / или является неоднородным, из-за чего его нельзя распознать. Субъект употребляет слово *неуловимый* в ситуации ‘с трудом воспринимаю и поэтому не могу установить, что именно воспринимаю’. Было выявлено, что *неуловимый цвет* — это ‘цвет, который трудно зафиксировать, переливающийся, играющий оттенками (обычно о цвете глаз)’; *неуловимый жест* — ‘такой быстрый или настолько слабо выраженный, что его сложно отследить’; *неуловимый звук* — ‘слишком слабый или слишком быстрый, чтобы его можно

было с уверенностью идентифицировать'; *неуловимый запах* — 'слишком слабый, даже если в принципе известный и узнаваемый'.

С номинациями осязательного восприятия прилагательные *неопределённый* и *неуловимый* сочетаются крайне редко и лишь в метафорическом смысле; прилагательное *неуловимый* используется метафорически также и применительно ко вкусу (привкусу).

Таким образом, в случае *неопределённых* и *неуловимых* восприятий формула успешного категориального восприятия «*это именно X из категории "X"*» не работает по разным причинам. *Неуловимый X* означает 'фиксируемый, но не распознаваемый органами чувств; перцептивно неясный, недостаточный'. *Неопределённый X* означает 'расознаваемый органами чувств, но не совпадающий по своим признакам с какой-либо из известных субъекту категорий; неясный для осмысления, истолкования'.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. — Москва : Русские словари, 1994. — 502 с.
2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : Практический справочник / З. Е. Александрова. — Москва : Русский язык, 2001. — 568 с. — ISBN 978-5-358-08922-8.
3. *Гаврилова А. С.* Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / А. С. Гаврилова. — Москва : «Аделант», 2014. — 512 с. — ISBN 978-5-93642-341-3.
4. *Лопатин В. В.* Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Издательство Эксмо, 2005. — 928 с. — ISBN 5-699-07732-4.
5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 05.01.2023).
6. ПС — *Психологический словарь* / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. — Москва : Педагогика-Пресс, 1997. — 440 с.
7. СРЯ — *Словарь русского языка* / под ред. А. И. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1981—1984. — Т. 1—4.
8. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950—1965. — Т. 1—17.
9. ТСРЯ 1935—1940 — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935—1940. — Т. 1—4.
10. ТСРЯ 2008 — *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2008. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-015-5.

Литература

1. *Акимова О. Б.* Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. Б. Акимова. — Москва, 1999. — 37 с.

2. Ануфриева А. А. Категоризация как универсальный процесс : роль категорий в перцептивных процессах и формировании действий / А. А. Ануфриева, Н. И. Дагаев, Е. С. Горбунова // Сибирский психологический журнал. — 2022. — № 83. — С. 6—19. — DOI: 10.17223/17267080/83/1.
3. Березина О. А. Личное пространство и перцептуальное пространство как структурообразующие факторы / О. А. Березина // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). — 2016. — № XXV. — С. 13—21.
4. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивный механизм формирования смысла «Приблизительность» (на материале современного английского языка) / Н. Н. Болдырев, Е. Ю. Дубовицкая // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 1. — С. 55—60.
6. Волков А. В. Природа познавательного опыта : союз восприятия, мышления, тела и языка / А. В. Волков // Studia Humanitatis Borealis. — 2021. — № 3. — С. 4—14. — DOI: 10.15393/j12.art.2021.3761.
7. Голубева О. В. «Пятьдесят оттенков» смысловой неопределённости / О. В. Голубева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2020. — № 4. — С. 17—23. — DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.017.
8. Горбунова Л. И. Экспериментальный аспект категоризации материальной действительности / Л. И. Горбунова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 53—63. — DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-2-53-63.
9. Гураль С. К. Выразить невыразимое : возможности синергетических усилий лингвистики и философии / С. К. Гураль, Г. И. Петрова, В. М. Смокотин // Язык и культура. — 2018. — № 42. — С. 6—18. — DOI: 10.17223/19996195/42/1.
10. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка / Г. Дойчер. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — ISBN 978-5-17-114373-2.
11. Дружинин А. С. Язык как мир и мир как язык наблюдателя : на пути к экспериментальному подходу к лингвистическим явлениям / А. С. Дружинин // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 2 (22). — С. 24—32. — DOI: 10.24833/2410-2423-2020-2-22-24-32.
12. Калинина Л. В. Между типичным и неуловимым : «квантовые эффекты» категоризации / Л. В. Калинина // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2 (41). — С. 233—237.
13. Калинина Л. В. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка / Л. В. Калинина, М. А. Трушков // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 2. — С. 78—89. — DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-78-89.
14. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск : Издательство Иркутского государственного университета, 2004. — 206 с. — ISBN 5-7430-0412-9.
15. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2004. — 584 с. — ISBN 8-86793-194-3.
16. Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого в языке и речи / М. Ю. Михайлова. — Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет, 2017. — 244 с. — ISBN 978-5-8428-1105-2.
17. Падучева Е. В. Неопределённость как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева. — Режим доступа : http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (дата обращения 08.07.2023).

18. Петрова Н. Е. Концептуализация знания перцептивной лексикой полей ВИДЕТЬ и СЛЫШАТЬ / Н. Е. Петрова // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3 (46). — С. 213—216.

19. Попова М. И. Языковые средства включения / исключения объекта описания из перцептуального пространства говорящего / М. И. Попова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — Т. 14. — № 2. — С. 40—48.

20. Семенова Т. И. Категоризация нечетких сущностей в модусе кажимости / Т. И. Семенова // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм : Сборник научных трудов. — Иркутск : Издательство «Аспринт», 2019. — Выпуск 2. — С. 11—20. — ISBN 978-5-4340-0327-8.

21. Сидорова М. Ю. Описания изображений «неизвестных» животных : категоризация и атрибуты / М. Ю. Сидорова // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной конференции, посвящённой 85-летию П. А. Леканта. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017. — С. 136—143. — ISBN 978-5-7017-2835-4.

22. Смирнов Г. А. Категориальное восприятие как способ концептуализации данных / Г. А. Смирнов // Системные исследования. Методологические проблемы : Ежегодник 2015—2018 / Под редакцией Ю. С. Попкова, В. И. Тищенко. — Москва : Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, 2018. — Выпуск 38. — С. 5—30. — ISBN 978-5-904466-57-2.

23. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 224 с. — ISBN 5-94457-123-3.

24. Bernasconi B. Polyfunctional particles in spoken Russian : The case of *čto li* [Electronic resource] / B. Bernasconi // Journal of Pragmatics. — 2023. — Vol. 208. — Pp. 77—90. — DOI: 10.1016/j.pragma.2023.02.008.

25. Brochhagen T. When do languages use the same word for different meanings? The Goldilocks principle in colexification / T. Brochhagen, G. Boleda // Cognition. — 2022. — Vol. 226. — 105179. — DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105179.

26. Chen C. The perceptual categorization of multidimensional stimuli is hierarchically organized / Chi Chen, Livia de Hoz // iScience. — 2023. — Vol. 26. — 106941.

27. Karjus A. Conceptual Similarity and Communicative Need Shape Colexification : An Experimental Study / A. Karjus, R. A. Blythe, S. Kirby, T. Wang and K. Smith // Cognitive Science. — 2021. — Vol. 45 (49). — 13035. — DOI: 10.1111/cogs.13035.

Статья поступила в редакцию 09.07.2023,
одобрена после рецензирования 15.08.2023,
подготовлена к публикации 22.08.2023.

Material resources

Abramov, N. (1994). *Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning*. Moscow: Russian Dictionaries. 502 p. (In Russ.).

Alexandrova, Z. E. (2001). *Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide*. Moscow: Russian language. 568 p. ISBN 978-5-358-08922-8. (In Russ.).

Gavrilova, A. S. (2014). *Dictionary of Synonyms and antonyms of the modern Russian language*. Moscow: “Adelant”. 512 p. ISBN 978-5-93642-341-3. (In Russ.).

- Lopatin, V. V., Lopatina, L. E. (2005). *Russian explanatory dictionary*. Moscow: Eksmo Publishing House. 928 p. ISBN 5-699-07732-4. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 05.01.2023). (In Russ.).
- PS — *Psychological dictionary*. (1997). Moscow: Pedagogika-Press. 440 p. (In Russ.).
- SRYA — *Dictionary of the Russian language, 1—4*. (1981—1984). Moscow: Russian Language. (In Russ.).
- SSRLYA — *Dictionary of modern Russian literary language, 1—17*. (1950—1965). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- TSRYA 1935—1940 — *Explanatory Dictionary of the Russian language, 1—4*. (1935—1940). Moscow: State Institute “Soviet Encyclopedia”. (In Russ.).
- TSRYA 2008 — *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words*. (2008). Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”. 1175 p. ISBN 978-5-91172-015-5. (In Russ.).

References

- Akimova, O. B. (1999). *Semantics of the unknown and means of its expression in the Russian language*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 37 p. (In Russ.).
- Anufrieva, A. A., Dagaev, N. I., Gorbunova, E. S. (2022). Categorization as a universal process: the role of categories in perceptual processes and the formation of actions. *Siberian Psychological Journal*, 83: 6—19. DOI: 10.17223/17267080/83/1. (In Russ.).
- Berezina, O. A. (2016). Personal space and perceptual space as structure-forming factors. *Studia Linguistica (St. Petersburg)*, XXV: 13—21. (In Russ.).
- Bernasconi, B. (2023). Polyfunctional particles in spoken Russian: The case of čto li. *Journal of Pragmatics*, 208: 77—90. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.02.008.
- Boldyrev, N. N., Dubovitskaya, E. Y. (2006). Cognitive mechanism of meaning formation “Approximation” (based on the material of modern English). *Questions of cognitive linguistics*, 1: 55—60. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: YASK Publishing House. 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. (In Russ.).
- Brochhagen, T., Boleda, G. (2022). When do languages use the same word for different meanings? The Goldilocks principle in colexification. *Cognition*, 226: 105179. DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105179.
- Chen, C., Livia de Hoz. (2023). The perceptual categorization of multidimensional stimuli is hierarchically organized. *iScience*, 26: 106941.
- Deutscher, G. (2019). *Through the mirror of language*. Moscow: AST Publishing House. 448 p. ISBN 978-5-17-114373-2. (In Russ.).
- Druzhinin, A. S. (2020). Language as the world and the world as the language of the observer: on the way to an experimental approach to linguistic phenomena. *Philological Sciences in MGIMO*, 2 (22): 24—32. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-2-22-24-32. (In Russ.).
- Golubeva, O. V. (2020). “Fifty shades” of semantic uncertainty. *Bulletin of Tver State University. The series “Philology”*, 4: 17—23. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.017. (In Russ.).
- Gorbunova, L. I. (2018). Experimental aspect of categorization of material reality. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 17 (2): 53—63. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-2-53-63. (In Russ.).

- Gural, S. K., Petrova, G. I., Smokotin, V. M. (2018). To express the inexpressible: possibilities of synergetic efforts of linguistics and philosophy. *Language and Culture*, 42: 6—18. DOI: 10.17223/19996195/42/1. (In Russ.).
- Kalinina, L. V., Trushkov, M. A. (2017). “Typical” and “elusive” as modus categories of language. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 78—89. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-78-89. (In Russ.).
- Kalinina, L. V. (2020). Between the typical and the elusive: “quantum effects” of categorization. *Cognitive studies of language*, 2 (41): 233—237. (In Russ.).
- Karjus, A., Blythe, R. A., Kirby, S., Wang, T and K. Smith. (2021). Conceptual Similarity and Communicative Need Shape Colexification: An Experimental Study. *Cognitive Science*, 45 (49): 13035. DOI: 10.1111/cogs.13035.
- Kravchenko, A. V. (2004). *Language and perception: Cognitive aspects of language categorization*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University. 206 p. ISBN 5-7430-0412-9. (In Russ.).
- Kreidlin, G. E. (2004). *Nonverbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow: New Literary Review. 584 p. ISBN 8-86793-194-3. (In Russ.).
- Mikhailova, M. Yu. (2017). *Semantics of the inexpressible in language and speech*. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University. 244 p. ISBN 978-5-8428-1105-2. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. *Uncertainty as a semantic dominant of the Russian language picture of the world*. Available at: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf (accessed 08.07.2023). (In Russ.).
- Petrova, N. E. (2021). Conceptualization of knowledge by perceptual vocabulary of the fields of SEEING and HEARING. *Cognitive studies of language*, 3 (46): 213—216. (In Russ.).
- Popova, M. I. (2016). Linguistic means of inclusion / exclusion of the object of description from the perceptual space of the speaker. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 14 (2): 40—48. (In Russ.).
- Semenova, T. I. (2019). Categorization of fuzzy entities in the mode of appearance. In: *Linguistics and linguodidactics in the light of modern scientific paradigms: A collection of scientific papers*, 2. Irkutsk: Publishing House “Asprint”. 11—20. ISBN 978-5-4340-0327-8. (In Russ.).
- Sidorova, M. Yu. (2017). Descriptions of images of “unknown” animals: categorization and attributes. In: *Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International Conference dedicated to the 85th anniversary of P. A. Lekant*. Moscow: IIU Moscow State University. 136—143. ISBN 978-5-7017-2835-4. (In Russ.).
- Smirnov, G. A. (2018). Categorical perception as a way of conceptualizing data. In: *System studies. Methodological problems: Yearbook 2015—2018*, 38. Moscow: Federal Research Center “Informatics and Management” of the Russian Academy of Sciences. 5—30. ISBN 978-5-904466-57-2. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2003). *Problems of studying the linguistic picture of the world: Analogy in semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 224 p. ISBN 5-94457-123-3. (In Russ.).
- Volkov, A. V. (2021). The nature of cognitive experience: the union of perception, thinking, body and language. *Studia Humanitatis Borealis*, 3: 4—14. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3761. (In Russ.).

*The article was submitted 09.07.2023;
approved after reviewing 15.08.2023;
accepted for publication 22.08.2023.*

Информация для цитирования:

Кудзоева А. Ф. Внутрисистемные противоречия при обособлении приложений и вводных слов в осетинском языке : причины возникновения и пути разрешения / А. Ф. Кудзоева, Л. Б. Моргоева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 47—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-47-64.

Kudzoeva, A. F., Morgoeva, L. B. (2023). Intrasystemic Contradictions in Punctuation Marks of Appositives and Introductory Words in Ossetian: Causes and Solutions. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 47-64. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-47-64. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-47-64

Внутрисистемные противоречия при обособлении приложений и вводных слов в осетинском языке: причины возникновения и пути разрешения

Кудзоева Анжела Федоровна * ¹

orcid.org/0000-0003-4993-7868

кандидат филологических наук, доцент,
научный сотрудник отдела
культурного наследия,

* *корреспондирующий автор*
andjik@inbox.ru

Моргоева Лариса Батразовна ²

orcid.org/0000-0003-3725-754X

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела осетинского языкознания
Lalik_m@mail.ru

¹ Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

² Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева — филиал
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

Intrasystemic Contradictions in Punctuation Marks of Appositives and Introductory Words in Ossetian: Causes and Solutions

Anzhela F. Kudzoeva * ¹

orcid.org/0000-0003-4993-7868

PhD in Philology, Associate Professor,
research scientist,
Department of Cultural Heritage,

* *Corresponding author*
andjik@inbox.ru

Larisa B. Morgoeva ²

orcid.org/0000-0003-3725-754X

PhD in Philology,
senior research scientist,
Department of Ossetian Linguistics
Lalik_m@mail.ru

¹ Institute of History and Archeology of the Republic
of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

² V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz
Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом анализа является обособление приложений и вводных слов в осетинском языке — одно из проблемных явлений современного осетиноведения. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, отсутствием в осетинском языкознании работ, посвященных исследованию вопросов теории пунктуации, во-вторых, необходимостью кодификации пунктуационных норм осетинского языка. Новизна исследования видится в том, что предпринята попытка контрастивного анализа оснований и обстоятельств обособления приложений и вводных слов в осетинском и русском языках, выявления лакун в осетинской пунктуации. Показано, что реальная пунктуационная практика не отстает от фиксированной нормы в случаях совпадения оснований обособления приложений и вводных слов в осетинском и русском языках. Особое внимание уделяется проблемам выделения приложений и вводных слов в позициях, не имеющих аналогов в русском языке. Продемонстрировано значение порядка слов и наличия клитик в предложении для правильной постановки знаков препинания в осложненных предложениях. Обосновывается пунктуационное оформление приложений, имеющих два определяемых слова или общий с определяемым словом послелог. Комментируется также обособление вводных слов, входящих в состав акцентуального комплекса.

Ключевые слова:

осетинский язык; пунктуационная норма; условия обособления; приложения; вводные слова; клитики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of analysis is the punctuation marks of appendices and introductory words in the Ossetian — one of the problematic phenomena in contemporary Ossetian studies. The relevance of the study is determined, firstly, by the absence of works in Ossetian linguistics dedicated to the investigation of punctuation theory issues, and secondly, by the necessity of codifying punctuation norms in the Ossetian. The novelty of the research lies in the attempt to conduct a contrastive analysis of the reasons and circumstances of separating appendices and introductory words in Ossetian and Russian, as well as identifying gaps in Ossetian punctuation. It is demonstrated that actual punctuation practice does not deviate from the established norm in cases where the reasons for separating appendices and introductory words coincide in Ossetian and Russian. Special attention is given to the issues of distinguishing appendices and introductory words in positions that have no analogues in the Russian. The significance of word order and the presence of clitics in a sentence for the correct placement of punctuation marks in complex sentences is demonstrated. The punctuation formatting of appendices that have two qualifying words or a common postposition with a qualifying word is justified. The separation of introductory words that are part of an accentual complex is also commented on.

Key words:

Ossetian; punctuation norm; conditions of punctuation marks; appositives; introductory words; clitics.

Внутрисистемные противоречия при обособлении приложений и вводных слов в осетинском языке: причины возникновения и пути разрешения

© Кудзоева А. Ф., Моргоева Л. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Осетинская грамматическая наука обязана своим зарождением видному российскому ученому А. М. Шёгрёну [Шёгрё, 1844]. Дальнейшее становление и развитие осетинского языкознания связано с именем В. Ф. Миллера [Миллер, 1962], благодаря трудам которого «наука о языке осетин как бы проскочила промежуточные ступени развития и предстала перед миром уже в зрелом состоянии» [Гуриев, 2008, с. 28], а осетинский язык был «введен в научный оборот в рамках индоевропеистики и иранского языкознания» [Камболов, 2006, с. 313]. Отдельные аспекты осетинского языка рассматриваются в работах известных отечественных и зарубежных ученых (см., к примеру, [Эдельман, 1986, 1990; Christel, 2003; Thordarson, 2009 и др.]). Отчасти по этой причине, а также с учетом того, что русский и осетинский языки являются представителями индоевропейской языковой семьи, осетинская грамматика традиционно развивалась в русле русской науки о языке, и в большой степени это относится к осетинской пунктуации. Этот факт подчеркивается в предисловии к последней редакции «Правил осетинской орфографии и пунктуации» (далее [Правила ..., 2004]): «Пунктуацийы ног æгъдæуттæ домынц, ирон æмæ уырыссаг хъуыдыйæдты синтаксисон арæст æмхуызон кæм у <...>, уым уырыссагæм нухуызон æрхæцæн нысæнттæ æвæрын» [Правила ..., 2004, с. 4—5] (Новые правила пунктуации требуют там, где синтаксическая структура предложений одинакова в осетинском и русском языках <...>, ставить одни и те же знаки препинания) (здесь и далее перевод наш. — А. К., Л. М.). Этот принцип понятен и логичен: синтаксический строй обоих языков требует жесткой (по сравнению со многими другими европейскими языками) маркировки формально-грамматической сегментации конструкций. Однако генетически родственные и типологически не разносистемные осетинский и русский языки значительно расходятся в правилах построения синтаксических единиц, поэтому свод правил должен установить как схожие с русским, так и уникальные для осетинского языка пунктуационные нормы. Отсюда

следует цель настоящей статьи — выявление специфики обособления приложений и вводных слов как явления осетинского языка и речи.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью кодификации осетинской пунктуации, что невозможно осуществить без сравнительно-сопоставительного анализа пунктуационных систем русского и осетинского языков. Как отмечает К. Я. Сигал, без контрастивного анализа пунктуационных систем разных языков «не представляется возможным ни обнаружить отличительные особенности пунктуации изучаемого иностранного языка (а равным образом и характерологические свойства пунктуации родного языка), <...> ни определить типологические тенденции собственно пунктуационного характера, подчас не совпадающие с типологическими сближениями / расхождениями в сфере грамматики или с объединениями языков по степени родства» [Сигал, 2019, с. 12].

Научная новизна статьи состоит в том, что работа представляет собой первый опыт научного описания оснований и обстоятельств обособления приложений и вводных слов в осетинском языке. Кроме того, в работе предложены пути устранения некоторых пунктуационных недочетов и лакун в осетинском языке.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужил текст Священного Писания на осетинском языке [Библия, 2022]. Выбор материала обусловлен не только тем, что библейские тексты содержат большое количество предложений с приложениями, конструкций с вводными словами, но и тем, что становление норм осетинского литературного языка тесно связано с переводом богослужебных текстов [Асратян, 2020, с. 21; Моргоева, 2022, с. 108]. Анализу подвергался микрокорпус, состоящий из 700 предложений с приложениями или вводными словами, однако в работе приведено количество примеров, адекватное объему статьи.

При анализе условий обособления приложений и вводных слов в осетинском языке применялись сопоставительный метод и метод лингвистического описания (приемы наблюдения, контекстологического анализа и интерпретации).

В русистике вопросам пунктуации уделяется пристальное внимание. Так, основы и принципы русской пунктуации описываются в [Шапино, 1955; Иванова, 1962; Валгина, 1979 и др.], проблемы реализации пунктуационных норм рассматривают [Шварцкопф, 1988; Шубина, 2006 и др.]; исследованию коммуникативной значимости пунктуационных знаков в письменной речи посвящены работы [Шубина, 2006; Прияткина, 2007 и др.]. Активно развивается новое направление — контрастивной пункту-

ации [Дондик, 2007; Сигал, 2019; Иванова, 2022]. Несмотря на различие принципов и методов современных исследований проблем пунктуации, общим для них является отказ от понимания пунктуации как формального дополнения к синтаксису, участвующего только во внешней организации синтаксических единиц [Сигал, 2019].

Что касается осетинского языкознания, то вопросы теории пунктуации, проблемы кодификации пунктуационных норм пока остаются за пределами внимания лингвистов [Кудзоева, 2022, с. 70].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Осетинская пунктуация: этапы становления и современное состояние системы

Систематизация осетинской пунктуации началась в 1934 году, когда был опубликован проект свода пунктуационных правил [Багаев, 1934]. Проект не был утвержден, поэтому разработанные Н. К. Багаевым правила не оказали в то время сколько-нибудь значительного влияния на нормирование осетинской пунктуации. В этой ситуации пишущие на осетинском языке ориентировались на соответствующие правила русского языка, что отметил Н. К. Багаев в предисловии к следующему изданию проекта правил [Багаев, 1957, с. 4]. Обосновывая необходимость учета специфики осетинского синтаксиса при пунктуационном оформлении письменной речи, ученый демонстрирует первую и пока единственную в осетинском языкознании попытку контрастивного анализа пунктуационных систем осетинского и русского языков. Особое внимание он уделяет различиям в пунктуации при причастных оборотах, деепричастиях и деепричастных оборотах, одиночных сравнениях и сравнительных оборотах в осетинском и русском языках [Багаев, 1957, с. 4—5].

Утвержденные правила осетинской пунктуации вышли из печати в 1985 году, затем, в новой редакции, в 2004 году. Как отмечается в предисловии к последней редакции, работа основана на проекте правил осетинской пунктуации 1957 года и своде правил русской пунктуации, утвержденных в 1956 году Академией наук СССР [Правила..., 2004, с. 4]. Обнаружившиеся в правилах неточности и пропуски [Правила ..., 2007, с. 10] впоследствии исправлялись и дополнялись в словарях, справочниках, монографических исследованиях (см., к примеру, [Былинский и др., 1959; Валгина, 2004] и др.).

Для русистики второй половины XX века был характерен преимущественно функциональный подход к проблемам пунктуации: «преобладал взгляд на пунктуацию как на особую систему, отображающую в своей организации функциональную предназначенность знаков препинания

в письменном высказывании (тексте) и его частях» [Сигал, 2022, с. 96], что находило выражение в признании в качестве главенствующего формально-грамматического принципа, с «подчиненными» ему смысловым и интонационным принципами. Отметим, что ни в проекте правил осетинской пунктуации [Багаев, 1957], ни в утвержденных правилах не декларируются основополагающие принципы. Однако анализ предисловия к проекту и свода действующих пунктуационных правил дает возможность утверждать, что во главу угла ставится формально-грамматический принцип, при этом единственной функцией пунктуации считается маркирование формально-грамматической структуры предложения [Багаев, 1957, с. 5].

Отмечая необходимость жесткой привязанности пунктуации к формально-грамматическим характеристикам предложения, Н. К. Багаев приводит слова А. Б. Шапиро о том, что «в пунктуации всякая ошибка приводит в той или иной степени к искажению смысла текста» (цит по: [Там же, с. 6]), вследствие чего исключает интонацию как фактор выбора знаков препинания: «Хъуамæ уа ахæм хъуыды, зæгъгæ, æрхæцæн нысæнттæ раст æвæрыны тыххæй кæсын хъæуы хъæлæсы уагмæ, ныхасы мидæг паузæтæ куыд æвæрд цæуынд, уымæ æмæ уыдонмæ гæсгæ, уыдоныл æнцой кæнгæйæ æвæрын хъæуы æрхæцæн нысæнттæ, зæгъгæ» [Там же] (Возможно такое мнение, что при постановке знаков препинания надо учитывать интонацию, то, как ставятся паузы в речи, и, опираясь на это, ставить знаки препинания).

Однако в проекте правил слово «интонация» (*хъæлæсы уаг*) встречается 13 раз — там, где речь идет о постановке восклицательного и вопросительного знаков, а также выделении частиц, междометий, обращений, вводных слов, однородных членов предложения. Что касается действующих правил, то интонация в них упоминается в связи с обособлением приложений [Правила..., 2004, с. 43]. Таким образом, в современной осетинской пунктуации доминирующим является формально-грамматический принцип, а в качестве второстепенного априори используется интонационный принцип.

3.2. Обособление приложений в осетинском языке: норма и пунктуационная практика

В данной работе под обособлением понимается выделение фрагмента предложения (в данном случае — приложения) определенными знаками препинания.

В [Правила..., 2004] указаны следующие обстоятельства выделения запятыми одиночных и распространенных приложений в осетинском языке: 1) в качестве определяемого слова выступает местоимение; 2) приложение выражено нарицательным существительным; 3) приложение связано с определяемым словом союзами *ома* ‘то есть’, *куыд* ‘как’, *кæнæ* ‘или’, *уæд* ‘тогда’; 4) приложение выражено собственным именем, и перед ним

можно поставить союз *ома* ‘то есть’; 5) наличие значения уточнения у нераспространенного приложения, выраженного собственным именем [Там же, с. 42—43].

Допускается постановка тире как выделяющего знака в двух случаях: 1) «Тире аэварæм хъуыдыйады кæрон кæнæ йæ астау аэвард æмхасæны разæй, цы дзырд фæбæраг кæны, уымæ йын æмхуызон уæнгыл банымайынай тас куы ваййы кæнæ ма йæхи мидаг исты æрхæцæн нысан куы уа, уæд (ахæм æмхасæны размæ сæвараен ваййы бæттæг *ома*)» [Там же, с. 59—60] (Тире ставим перед расположенным в конце или середине предложения приложением, если есть вероятность принять приложение и определяемое им слово за однородные члены предложения или же если внутри самого приложения есть другие знаки препинания (перед таким приложением можно поставить союз *то есть*); 2) «Тиретæ аэварæм даргъгонд æмхасæнæн дыууæрдугай дæр, хъуыдыйады астау куы лæууа æмæ бæраггæнинаг дзырдимæ æнгом баст куы нæ уа, уæд» [Там же, с. 60] (С двух сторон выделяется тире распространенное приложение, расположенное в середине предложения и не связанное тесно с определяемым словом).

Приведенные основания и нормы обособления приложений в осетинском языке практически дублируют соответствующий раздел Правил русской орфографии и пунктуации [Правила ..., 1956, с. 88—89, 99]. Разница в том, что три пункта § 152, представленные в [Правила ..., 1956], преобразованы в [Правила ..., 2004] в пять самостоятельных параграфов, опущено примечание 2, описывающее обособление причастий, относящихся «к отсутствующему в данном предложении, но подразумеваемому существительному или личному местоимению» [Правила..., 1956, с. 88]. Кроме того, формулировки осетинских правил менее логичны и последовательны. Так, для приложения, выраженного нарицательным именем, не указано важнейшее условие его обособления — позиция после определяемого им собственного имени [Правила ..., 2004, с. 42].

[Правила..., 1956] допускают в русском языке выделение приложения тире в двух случаях: приложение замыкает предложение, перед приложением можно вставить союз *а именно* [Правила ..., 1956, с. 99]. В [Правила ..., 2004] речь идет о тире перед приложением, расположенном в конце или в середине предложения, если есть вероятность принять приложение и определяемое им слово за однородные члены предложения, однако не объясняется, чем может быть вызвана такая вероятность. Между тем приведенный в параграфе пример демонстрирует такой случай: в предложении последовательно расположены несколько имен с определяющими их постпозитивными приложениями (*Директоры кабинетæй рацыдысты Хъазыбег — заводы хистæр бухгалтер, Мæирбег — директоры хæдивæг,*

Саниат — профкомы сардар [Правила ..., 2004, с. 60] // Из кабинета директора вышли Казбек — главный бухгалтер завода, Маирбек — заместитель директора, Саниат — председатель профкома), которые, будучи выделенными с двух сторон запятыми, действительно могут быть восприняты как члены однородного ряда.

Очевидно, что пунктуационные правила не могут оставаться неизменными на протяжении длительного времени. Пунктуация, как и любая другая система языка, развивается. В узусе «спонтанно формируются новые закономерности реализации системы, возникает разрыв между отдельными нормами и правилами, разрыв, который может быть устранен при помощи кодификации возникших в практике закономерностей» [Шварцкопф, 1988, с. 137] и зафиксирован в правилах, которые, однако, не могут охватить все случаи грамматического, смыслового, коммуникативно обусловленного членения речи, поэтому большое значение для кодификации нормы имеют справочники. Так, полный академический справочник правил русской орфографии и пунктуации под редакцией В. В. Лопатина предусматривает более широкий по сравнению с [Правила ..., 1956] круг оснований обособления приложений, как то: распространенность / нераспространенность приложения, место приложения по отношению к определяемому им слову, наличие у приложения дополнительных значений уточнения или пояснения, обстоятельственного оттенка, наличие присоединяющих слов и др. [Правила ..., 2007, с. 239—243].

При отсутствии аналогичного справочника, который решал бы задачи уточнения, исправления и дополнения правил осетинской пунктуации, авторы, переводчики и редакторы в случаях, не оговоренных в [Правила ..., 2004], ориентируются на нормы русской пунктуации, что не всегда обоснованно.

К примеру, нормы обособления приложений в осетинском языке совпадают с аналогичными нормами для русского языка, если определяемое слово само не является определением для другого и при сочетании «определяемое слово + приложение» нет послелога. Сравним:

1) ОСЕТИН.: *Дунедарæдзжы раз сарзаныгыл даен æмæ арфæ ракодтон Дунедарæгæн, ме 'лдар Авраамы Хуыцауæн, уымæн æмæ мæ рæстæвæндаг фæкодта, цæмæй ме 'лдары хионы чызджы ракурон ме 'лдары фыртæн* (Райд 24:48) (букв. Преклонил я колени и благословил Господа, моего господина Авраама Бога, потому что наставил меня на прямой путь, чтобы сосватал я дочь родственника моего господина для сына моего господина). РУС.: ... *а сам склонился и простерся ниц перед Господом. И благословил я Господа, Бога господина моего Авраама, за то что Он привел меня сюда прямым путем — взять в жены для сына моего господина девушку из рода*

моего господина (Быт 24:48) — распространенные приложения в постпозиции к определяемому слову, выраженному существительным или местоимением;

2) ОСЕТИН.: «*Ницы, — загъта уый. — Мае хицау мае рарвыста, Ефремы хохай дам маем дыууа лæппуаеджы аербацыди, пехуымнарты ахуыргенинагътае. Аевзисты цу талант амае сын дыууа фæлысты дарæс ратт*» (4 Пад 5:22) (букв. «Ничего, — сказал тот. — Мой господин послал меня, с Ефремовых гор, мол, двое юношей ко мне пришли, пророков ученики. Серебра один талант и две перемены одежды им дай»). РУС.: *Люди видели, что Моисей все не возвращается с горы. Тогда они обступили Аарона и потребовали от него: «Сделай нам бога, который поведет нас за собой. А этот человек, который вывел нас из Египта, — Моисей — мы не знаем, что с ним случилось!»* (Исх 32:1) — постпозитивные приложения, отделенные от определяемого слова другими членами предложения, с той разницей, что в русском языке использованы тире, а в осетинском — запятые.

Рассмотрим более сложные случаи. ОСЕТИН.: *Фæлæ иудейæгътае дæр не 'ххæст кодтой Дунедарæджы, сæ Хуыцауы, фæдзæхстытæ* (4 Пад 17: 19) (букв. Но и иудеи не исполняли Господа, своего Бога, повелений). РУС.: *Но и племя Иуды тоже не исполняло повелений Господа, своего Бога* (4 Цар 17:19). В русском синодальном переводе в библейском стихе обособлено распространенное постпозитивное приложение, при этом и приложение, и определяемое им слово являются определениями для слова «повелений» (*повелений Господа, повелений своего Бога*). То же самое и в осетинском варианте, однако здесь другой порядок слов: общее определяемое слово *фæдзæхстытæ* ‘повеления’ располагается не в начале, а в конце синтаксической группы, и ему непосредственно предшествует приложение. Это обычный порядок слов для осетинского языка — определение всегда располагается перед определяемым словом [Абаев, 1959, с. 153].

На первый взгляд оправдано и выделение приложения запятыми с двух сторон: в соответствии с [Правила ..., 2004] обособляется распространенное или нераспространенное приложение, если перед ним можно поставить союз *ома* ‘то есть’, и данный пример соответствует этому условию: *Фæлæ иудейæгътае дæр не 'ххæст кодтой Дунедарæджы, ома сæ Хуыцауы, фæдзæхстытæ* (букв. Но и иудеи не исполняли Господа, то есть своего Бога, повелений). Однако подобная сегментация фразы нарушает ритмику осетинской речи. В осетинском языке «группа слов, находящихся в определенной синтаксической связи, может носить одно единственное (не считая ряда вторичных, очень слабых) ударение, составлять одну акцентуальную единицу» [Абаев, 1949, с. 529]. Такие акцентуальные единицы, или комплексы, образуют: определение с определяемым словом; послелог со сло-

вом, к которому он относится; инфинитив с зависимым именем; сложный глагол; клитики с предшествующим словом (или несколькими предшествующими словами) [Там же]. То есть определение с определяемым словом представляют собой одно фонетическое слово. Если определяемому слову предшествует ряд однородных определений без союзов, то комплекс (или фонетическое слово) образуют последнее определение и определяемое слово; если же определения неоднородные, то все они входят в состав комплекса. В нашем случае ритмический рисунок фразы выглядит так: *Фалъё цудёйагтае ʔдер не ʔххаст ʔодтой Дунёдарæджы, сæ Хуыцауы, фæдзæхстытæ*. С одной стороны, обособление акцентирует внимание на уточняющем приложении *сæ Хуыцауы* 'их Бога', с другой стороны, вторая запятая «расчленяет» фонетическое слово.

В [Правила ..., 2004] нет правила, регламентирующего пунктуационное оформление приложений в указанной позиции. Поэтому авторы и переводчики осетинских текстов обособляют приложения, ориентируясь на правила русской пунктуации или копируя пунктуационный рисунок переводимого предложения, не принимая при этом во внимание особенности осетинского паузирования. В результате возникает конфликт между реальной структурно-семантической и интонационной сегментацией фразы и ее пунктуационным маркированием.

Следующий пример демонстрирует намерение избежать такого конфликта и в то же время соблюсти правило обособления приложения: *Дæ хуымы хоры сæртæ-у æрбахæсс дæ Хуыцауы — Дунедарæджы хæдзармæ* (Рац 23:19) (букв. Из твоей пашни первого урожая часть принеси в твоего Бога — Господа дом). В русском варианте этого стиха Библии приложение также стоит в конце предложения: *Лучшее из первого урожая твоей земли, приноси в дом твоего Бога — Господа* (Исх 23:19). Разница заключается в том, что определяемое слово *дом* / *хæдзар* в русском предложении предшествует обоим определениям, а в осетинском располагается после приложения. Однако переводчик текста на осетинский язык ограничился одиночным тире не только потому, что желал добиться структурного подобия переводимого стиха, но и потому, что чувствовал невозможность дробления фонетического слова пунктуационным знаком.

Наиболее ярко вышеуказанный конфликт проявляется при наличии в предложении послелoga, общего для определяемого слова и приложения и закономерно замыкающего группу «(определяемое слово + приложение) + послелог»: *Израилагтае сæ Хуыцауы, Дунедарæджы, раз таригъæды цæуын байдыдтой* (4 Пад 17: 7-8) (букв. Израильтяне своим Богом, Господом, перед провинились). В [Правила ..., 2004] не устанавливается норма применения знаков препинания в таких случаях, однако не-

правомерность постановки запятой перед послелогом очевидна. Дело в том, что послелог, подобно групповой флексии (о явлении групповой флексии в осетинском языке см., к примеру, [Беляев, 2014]), относится не к последнему компоненту группы, а ко всей группе, но фонетическое слово он образует с последним членом группы, то есть с приложением: *Израйлагтæ сæ Хуыцауы, Дунѣдарæджы, раз таæригъæды Цæуын байдыдтой*. Поэтому правильным представляется вариант выделения приложения вместе с послелогом: *Фæлæ Аврамы дзуапп уыд: «Ард дын хæрын Дунѣдарæджы, Иууылбæрзонд Хуыцауы, арв æмæ зæхх Сфæлдисæджы раз: дæ исбонсæй ма суанг æндах æмæ дзабыры бос дæр нæ хъæуы, цæмæй ма зæгъай, æз сбонджын кодтон Аврамы, зæгъгæ»* (Райд 14: 22) (Но ответом Аврама было: «Клянусь тебе перед Господом, Всевышним Богом, Творцом неба и земли (букв. Господом, Всевышним Богом, Творцом неба и земли перед): из твоего добра мне не нужно ни нитки, ни ремешка для обуви, чтобы ты не сказал, мол, я сделал Аврама богатым»).

Факт наличия разных вариантов пунктуационного обособления приложений в одном и том же тексте свидетельствует, на наш взгляд, не об отклонениях от нормы, а о неустановленности нормы.

3.3. Смыслоформирующая роль знаков препинания при вводных словах

Одним из трудных случаев как русской, так и осетинской пунктуации является обособление вводных слов. Современная практика письма в обоих языках показывает примеры оформления вводных слов и сочетаний, не предусмотренные правилами пунктуации и справочниками. Нерегламентированность пунктуации при вводных словах в русском языке, по мнению одних ученых, связана с активными процессами в языке, не отраженными в справочниках (см., к примеру, [Билиялова, 2010]); другие же в качестве причины отклонения от существующей нормы приводят неопределенность самого понятия вводного слова [Кузнецова и др., 2021].

Нормы пунктуационного оформления вводных слов в русском языке зафиксированы в [Правила ..., 1956], те же нормы для осетинского языка — в [Правила ..., 2004]; в этих же документах отмечена двойственная природа слов, относимых к вводным, их омонимичность наречиям, которая распознается только в контексте. В [Правила ..., 2007] дополнены и уточнены обстоятельства обособления вводных конструкций в русском языке; в частности, расширены и конкретизированы условия выделения / невыделения вводных конструкций знаками препинания в зависимости от позиции в предложении и от контекста [Правила ..., 2007, с. 261—268]. Нормы постановки знаков препинания при водных словах в осетинском языке в основном тождественны нормам, зафиксированным в [Правила ...,

1956]. Разница заключается в обстоятельствах, при которых вводные конструкции не обособляются. Так, русская пунктуационная норма исключает обособление вводного слова в позиции «перед словом или группой слов, уточняющих предшествующие слова» и имеющих тесную связь с предшествующим сочинительным союзом [Правила ..., 1956, с. 93]. В осетинской пунктуации также указываются два основания невыделения вводных конструкций знаками препинания: 1) если вводные слова «произносятся без паузы» и 2) если вводные слова предшествуют «словам, с которых не начинается предложение» [Правила ..., 2004, с. 48], то есть энклитикам. Несмотря на явную неполноту формулировок, в них все же содержится попытка учесть уже отмеченную особенность сегментации осетинской фразы, когда под одним ударением могут находиться несколько лексических слов. Неполнота правил заключается в отсутствии определения позиций, в которых вводные слова «произносятся без паузы».

Обратимся к примерам. ... *Йегу Рехавы фырт Йонадавимæ Баалы куæндонмæ бацыд æмæ Баалы лæггадгæнджытæн загъта: «Æркæсут-ма, мыййаг, уе 'хсæн Дунедарæджы лæггадгæнджытæй исчи ис? Хъуамæ ам 'æрмаст Баалы лæггадгæнджытæ уой!»* (4 Пад 10: 22-23) (Йегу вместе с сыном Рехавы Ионадавом вошел в храм Ваала и сказал поклонникам Ваала: «Посмотрите, может быть, среди вас есть кто-то, поклоняющийся Господу? Здесь должны быть только поклоняющиеся Ваалу!). Вводное слово *мыййаг* ‘может быть’, ‘возможно’ в соответствии с [Правила ..., 2004] с двух сторон выделено запятыми, так как оно а) может быть произнесено с паузами и б) не предшествует энклитике. Однако такая пунктуация лишает стих смысла: вторая запятая автоматически относит *мыййаг* к первой части предложения, слову *æркæсут-ма* ‘посмотрите’ (*æркæсут-ма, мыййаг* ‘посмотрите, возможно’), в то время как вводное слово *мыййаг* логически связано со второй частью: *мыййаг уе 'хсæн исчи ис* ‘возможно, среди вас кто-то есть’, ‘нет ли среди вас кого-то’. В [Правила ... 2004] не рассматриваются подобные примеры, и это тот случай, когда в письменную речь на осетинском языке (а затем и в свод правил) нужно перенести пунктуационную норму русского языка — опущение второй запятой при вводных конструкциях, располагающихся между частями сложного предложения и относящихся «к следующему за ними слову или предложению» < ... > (вторая запятая опускается с целью указания на отнесенность вводного слова к последующей части предложения)» [Правила ..., 2007, с. 264].

Разные варианты употребления знаков препинания при находящихся в одинаковой позиции вводных словах свидетельствуют о наличии пунктуационной лакуны. К примеру, слово *бæргæ*, имеющее значение желательности какого-либо действия, состояния, факта [Абаев, 1949, с. 537],

в абсолютном начале предложения в одном стихе отделено запятой, в другом нет: *Бæргæ паддзахуæг æцæгæй куы кæниккат, цæмæй мах дæр уæмæ суæм паддæхтæ!* (1 Кор 4:8) (Хотелось бы, чтоб вы действительно воцарились, чтобы и мы вместе с вами стали царями!); *Бæргæ, куынауал сулæфин фæлтау, куы амæлин æмæ ацы буарæй куы фервæзин* (Иов 7:15) (Хотелось бы мне, чтоб я больше не вздохнул, чтоб я умер и освободился от этого тела). Для правильного пунктуационного оформления *бæргæ* (и некоторых других вводных слов — проклитик и энклитик) надо учитывать его место относительно предиката, наличие / отсутствие других слов между проклитикой и предикатом. Анализ нашего микрокорпуса показал, что *бæргæ* является проклитикой (и, соответственно, не может отделяться запятой) непосредственно перед предикатом или же если между ним и предикатом располагаются другие клитики [Абаев, 1949, с. 537]: *Фæстæмæ куы 'рбздæхтытут, уæд ма Дунедарæджы раз бæргæ дзынæзтат, фæлæ уæм не 'рыхъуыста Дунедарæг* (Фæл 1:45) (Вернувшись, вы, конечно же, стенили перед Господом, но не прислушался к вам Господь) — вводное слово — клитика примыкает к предикату; *Бæргæ сæ ныццæгъдин Æз, адамы 'хсæн сæ кой дæр нал уайд, фæлæ сыл се знæгтæ фæхуддзысты* (Фæл 32:26-27) (Конечно же, Я истребил бы их, среди людей и слуху о них бы не осталось, но посмеются над ними их враги) — клитика — краткое местоимение между клитикой — вводным словом и предикатом (об иерархии клитик в осетинском языке см. [Абаев, 1949, с. 535, 537; Эршлер, 2008]).

Нормирование пунктуационного оформления вводных слов в осетинском языке предполагает выработку правил, учитывающих следующие обстоятельства: место вводного слова в предложении; отношение вводного слова к клитикам (к примеру, вводное слово *дам* 'мол' — энклитика, *бæргæ* 'хоть бы', 'если бы', *цымæ* могут быть проклитиками); позицию вводного слова по отношению к предикату; состав клаузы, в которую входит вводное слово.

4. Заключение = Conclusions

Анализ употребления знаков препинания при вводных словах и приложениях, а также пунктуационных правил осетинского языка, регламентирующих обособление вводных слов и приложений, дает возможность сделать следующие выводы.

В современном осетинском языке наблюдается разрыв между утвержденной пунктуационной нормой и реальной пунктуационной практикой. Оформление приложений и вводных слов зачастую выходит за рамки правил осетинской пунктуации. Сложившаяся ситуация вызвана рядом при-

чин, главнойшей из которых представляется наличие лакун в самих пунктуационных нормах.

Действующие правила осетинской пунктуации, разработанные в русле русской пунктуационной науки середины прошлого века, базируются преимущественно на формально-грамматическом принципе. Игнорирование правилами семантического и интонационного принципов (не говоря уже о коммуникативном) и, как результат, наличие нескольких вариантов пунктуационного оформления одних и тех же структур говорят о необходимости кодификации пунктуационных норм.

Как показал анализ употребления знаков препинания при приложениях и вводных словах, фиксированное пунктуационное оформление имеет регулярный характер только в случаях совпадения оснований обособления в осетинском и русском языках. В случаях же несовпадения таких оснований наблюдается или недостаточно строго установленная норма (обособление вводных слов — клитик), или пунктуационная лакуна (обособление приложений, имеющих два определяемых слова).

При решении проблемы обособления приложений и вводных слов в осетинском языке необходимо учитывать конструктивно-синтаксические особенности предложения и интонационное и коммуникативное устройство высказывания. Только в этом случае можно выявить обстоятельства и основания обособления, которые должны быть отражены в правилах.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. — Москва : Российское библейское общество. 2011. — 1407 с. — ISBN 978-5-85524-434-2.
2. Библия : книги Священного Писания : Ветхий Завет и Новый Завет [на осетинском языке]. — Москва : Российское Библейское общество, Институт перевода Библии, 2022. — 1152 с. — ISBN 978-5-85524-636-0.
3. Правила ..., 2004 — *Орфографические и пунктуационные правила осетинского языка*. Владикавказ : Ир, 2004. — 80 с. — ISBN 5-7534-0174-0.
4. Правила ..., 2007 — *Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник* / под ред. В. В. Лопатина. — Москва : Эксмо, 2007. — 480 с. — ISBN 978-5-699-18553-5.
5. Правила ..., 1956 — *Правила русской орфографии и пунктуации*. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 176 с.

Литература

1. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. — 168 с.
2. *Абаев В. И.* Ритмика осетинской речи / В. И. Абаев // Осетинский язык и фольклор. — Москва—Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949. — С. 529—560.
3. *Асратян Д. К.* Псалтирь 1848 года — первый опыт перевода Библии на осетинский язык / Д. К. Асратян // Вестник СОГУ. — 2020. — № 4. — С. 21—30. — DOI: 10.29025/1994-7720-2020-4-21-30.
4. *Багаев Н. К.* Пунктуация осетинского языка / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Растдзинад, 1934. — 45 с. (на осетинском языке).
5. *Багаев Н. К.* Пунктуация осетинского языка / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. — 56 с. (на осетинском языке).
6. *Беляев И. О.* Осетинский язык как язык с двухпадежной системой : групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования / И. О. Беляев // Вопросы языкознания. — 2014. — № 6. — С. 31—65.
7. *Билялова А. А.* Проявление факультативности в сфере русской пунктуации / А. А. Билялова // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 6 (25). — С. 12—15.
8. *Былинский К. И.* Трудные случаи пунктуации / К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. — Москва : Искусство, 1959. — 226 с.
9. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.
10. *Валгина Н. С.* Русская пунктуация: принципы и назначение / Н. С. Валгина. — Москва : Просвещение, 1979. — 125 с.
11. *Гуриев Т. А.* Всеволод Миллер и осетинское языкознание / Т. А. Гуриев // Известия СОИГСИ. — 2008. — № 2 (41). — С. 23—29.
12. *Дондик Л. Ю.* Функционирование пунктуационных знаков в тексте : сопоставительное исследование на материале французского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. Ю. Дондик. — Екатеринбург, 2007. — 179 с.
13. *Иванова В. Ф.* История и принципы русской пунктуации / В. Ф. Иванова. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. — 64 с.
14. *Иванова И. Е.* Своеобразие сербской пунктуации в сопоставлении с русской / И. Е. Иванова // Славянский мир в настоящем и прошлом. Памяти Владимира Павловича Гудкова. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2022. — С. 59—95.
15. *Камболов Т. Т.* Очерк истории осетинского языка / Т. Т. Камболов. — Владикавказ : Ир, 2006. — 463 с. — ISBN 5-7534-0602-5.
16. *Кудзоева А. Ф.* Проблемы осетинского языкознания в зеркале библейского текста / А. Ф. Кудзоева // Аланское православие — история и культура. Материалы IX и X Свято-Георгиевских чтений.. — Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2022. — Выпуск IV. — С. 69—73.
17. *Кузнецова Н. В.* Нерегламентированная пунктуация при вводных словах : тире и двоеточие / Н. В. Кузнецова, О. В. Почтарёва // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 470. — С. 23—30. — DOI: 10.17223/15617793/470/3.
18. *Миллер В. Ф.* Язык осетин / Перевод с немецкого М. И. Исаева / В. Ф. Миллер. — Москва—Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1962. — 190 с.
19. *Моргоева Л. Б.* Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык / Л. Б. Моргоева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 105—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-105-123.

20. *Прияткина А. Ф.* Русская пунктуационная система и перспективы ее развития / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. — Владивосток : ДВГУ, 2007. — С. 375—382. — ISBN 978-5-7444-1940-0.
21. *Сигал К. Я.* Контрастивная пунктуация в начале XXI века / К. Я. Сигал // Вопросы филологии. — 2019. — № 3—4 (67—68). — С. 12—16.
22. *Сигал К. Я.* Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века : основные тенденции / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 94—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-94-121.
23. *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. — 398 с.
24. *Шварцкопф Б. С.* Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.
25. *Шёгрэн А. М.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским / А. М. Шёгрэн. — Санкт-Петербург : В типографии Императорской Академии Наук, 1844. — 880 с.
26. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Академия, 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.
27. *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков : Фонология / Д. И. Эдельман. — Москва : Наука, 1986. — 232 с.
28. *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков : Морфология. Элементы синтаксиса / Д. И. Эдельман. — Москва : Наука, 1990. — 287 с. — ISBN 5-02-010987-8.
29. *Эршлер Д. А.* (Почти) ваккернагелевские клитики в дигорском осетинском / Д. А. Эршлер // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. — 2008. — Т. 2. — № 2. — С. 203—209.
30. *Christel A.* Le lexique des couleurs en ossète — (pré)histoire d'un champ lexical / A. Christel // Nartamongae : the journal of Alano-Ossetic studies. — 2003. — Vol. II. — N 1—2. — Pp. 85—106.
31. *Thordarson F.* Ossetic grammatical studies / F. Thordarson. — Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. — 255 p.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023,
одобрена после рецензирования 02.08.2023,
подготовлена к публикации 15.08.2023.

Material resources

- Rules..., 1956 — *Rules of Russian spelling and punctuation*. (1957). Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russ.).
- Rules..., 2004 — *Spelling and punctuation rules of the Ossetian language*. (2004). Vladikavkaz: Ir. 80 p. ISBN 5-7534-0174-0. (In Russ.).
- Rules..., 2007 — *Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Reference*. (2007). Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 978-5-699-18553-5. (In Russ.).
- The Bible. *The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. Modern Russian translation*. (2011). Moscow: Russian Bible Society. 1407 p. ISBN 978-5-85524-434-2. (In Russ.).

The Bible: the books of Holy Scripture: The Old Testament and the New Testament [in Ossetian]. (2022). Moscow: Russian Bible Society, Institute of Bible Translation. 1152 p. ISBN 978-5-85524-636-0. (In Russ.).

References

- Abaev, V. I. (1949). *Rhythmics of Ossetian speech*. In: *Ossetian language and folklore*. Moscow—Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 529–560. (In Russ.).
- Abaev, V. I. (1959). *Grammatical essay of the Ossetian language*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 168 p. (In Russ.).
- Asratyan, D. K. (2020). Psalter of 1848 — the first experience of translating the Bible into the Ossetian language. *Herald of SOGU*, 4: 21—30. DOI: 10.29025/1994-7720-2020-4-21-30. (In Russ.).
- Bagaev, N. K. (1934). *Punctuation of the Ossetian language*. Ordzhonikidze: Rastdzinad. 45 p. (In Osset.).
- Bagaev, N. K. (1957). *Punctuation of the Ossetian language*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 56 p. (In Russ.).
- Belyaev, I. O. (2014). Ossetian language as a language with a two-case system: group inflection and other paradoxes of case marking. *Questions of linguistics*, 6: 31—65. (In Russ.).
- Bilyalova, A. A. (2010). Manifestation of electivity in the sphere of Russian punctuation. *The world of science, culture, education*, 6 (25): 12—15. (In Russ.).
- Bylinsky, K. I., Rosenthal, D. E. (1959). *Difficult cases of punctuation*. Moscow: Iskusstvo. 226 p. (In Russ.).
- Christel, A. (2003). Le lexique des couleurs en ossète — (pré)histoire d'un champ lexical. *Nartamongae: the journal of Alano-Ossetic studies*, II (1—2): 85—106. (In French).
- Dondik, L. Y. (2007). *The functioning of punctuation marks in the text: a comparative study on the material of French and Russian languages*. PhD Diss. Yekaterinburg. 179 p. (In Russ.).
- Edelman, D. I. (1986). *Comparative grammar of Eastern Iranian languages: Phonology*. Moscow: Nauka. 232 p. (In Russ.).
- Edelman, D. I. (1990). *Comparative grammar of Eastern Iranian languages: Morphology. Elements of syntax*. Moscow: Nauka. 287 p. ISBN 5-02-010987-8. (In Russ.).
- Erschler, D. A. (2008). (Almost) vakkernagelevskie clitics in Digor Ossetian. *ACTA LINGUISTICA METROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2 (2): 203—209. (In Russ.).
- Guriev, T. A. (2008). Vsevolod Miller and Ossetian linguistics. *Izvestiya SOIGSI*, 2 (41): 23—29. (In Russ.).
- Ivanova, I. E. (2022). The peculiarity of Serbian punctuation in comparison with Russian. In: *Slavic world in the present and the past. In memory of Vladimir Pavlovich Gudkov*. Moscow: MAX Press LLC. 59—95. (In Russ.).
- Ivanova, V. F. (1962). *History and principles of Russian punctuation*. Leningrad: Leningrad University Press. 64 p. (In Russ.).
- Kambolov, T. T. (2006). *An essay on the history of the Ossetian language*. Vladikavkaz: Ir. 463 p. ISBN 5-7534-0602-5. (In Russ.).
- Kudzoeva, A. F. (2022). Problems of Ossetian linguistics in the mirror of the Biblical text. In: *Alan Orthodoxy — history and culture. Materials of the IX and X St. George read-*

- ings, IV. Vladikavkaz: K. L. Khetagurov North Ossetian State University. 69—73. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V., Pochtareva, O. V. (2021). Irregular punctuation in introductory words: dash and colon. *Bulletin of Tomsk State University*, 470: 23—30. DOI: 10.17223/15617793/470/3. (In Russ.).
- Miller, V. F. (1962). *The Ossetian language*. Moscow—Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 190 p. (In Russ.).
- Morgoeva, L. B. (2022). Lexico-Semantic and Structural Transformations of Biblical Text when Translated Into Ossetian Language. *Nauchnyi dialog*, 11 (9): 105—123. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-105-123> (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (2007). Russian punctuation system and prospects of its development. In: *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works*. Vladivostok: DVSU. 375—382. ISBN 978-5-7444-1940-0. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- Seagal, K. Y. (2022). Development of Punctuation theory in First Quarter of 21st Century: Main Trends. *Nauchnyi dialog*, 11 (2): 94—121. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-94-121> (In Russ.).
- Shapiro, A. B. (1955). *Fundamentals of Russian punctuation*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 398 p. (In Russ.).
- Shegren, A. M. (1844). *Ossetian grammar with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian*. St. Petersburg: In the printing house of the Imperial Academy of Sciences. 880 p. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). *Punctuation of the modern Russian language*. Moscow: Academy. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).
- Sigal, K. Ya. (2019). Contrastive punctuation at the beginning of the XXI century. *Questions of Philology*, 3—4 (67—68): 12—16. (In Russ.).
- Thordarson, F. (2009). *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 255 p. (In Germ.).
- Valgina, N. S. (1979). *Russian punctuation: principles and purpose*. Moscow: Prosveshchenie. 125 p. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation*. Moscow: Higher School. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).

*The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 02.08.2023;
accepted for publication 15.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лавриненко И. Ю. Структурные особенности метафор в английских афоризмах (на примере философского дискурса) / И. Ю. Лавриненко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 65—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-65-87.

Lavrinenko, I. Yu. (2023). Structural Features of Metaphors in English Aphorisms within Philosophical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 65-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-65-87. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-65-87

Структурные особенности метафор в английских афоризмах (на примере философского дискурса)

Лавриненко Ирина Юрьевна
orcid.org/0000-0003-4841-0546
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода
lavrinirina1@yandex.ru

Воронежский государственный
технический университет
(Воронеж, Россия)

Structural Features of Metaphors in English Aphorisms within Philosophical Discourse

Irina Yu. Lavrinenko
orcid.org/0000-0003-4841-0546
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода
lavrinirina1@yandex.ru

Voronezh State
Technical University
(Voronezh, Russia)

© Лавриненко И. Ю., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется структура афоризмов в философском дискурсе с применением семантико-когнитивного подхода. Материалом для исследования послужили афоризмы трактата Фрэнсиса Бэкона «Новый Органон». Выявляются объекты, цели, основания метафоризации, проводится их классификация, определяются явления, объективирующиеся при помощи метафор и обозначающие ключевые области концептуализации в языковой картине мира Ф. Бэкона. Определено, что объекты, источники и основания метафоризации высоко дифференцированы, выявляют ипостаси образа человека в языковой картине мира Ф. Бэкона: человека мыслящего, духовного, социального и чувствующего. Большая часть объектов представлена антропонимическими явлениями: категориями морально-нравственного порядка, возрастными характеристиками человека, его интеллектуальными способностями и атрибутами социального взаимодействия.

Источники метафор затрагивают социальную роль человека, его физиологические ощущения от взаимодействия с окружающей средой и демонстрируют эмпиричность языковой личности автора. Среди источников метафор наиболее представительной является группа натуралистических образов. Фрэнсис Бэкон обращается к природным явлениям и объектам как к инструментам для создания наиболее сложных философских понятий.

Ключевые слова:

объект; цель; основание метафоризации; философский дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Structural analysis of aphorisms in philosophical discourse is conducted using a semantic-cognitive approach. The study focuses on aphorisms from Francis Bacon's treatise "Novum Organum". The objects, purposes, and bases of metaphorization are identified and classified, revealing phenomena that are objectified through metaphors and denote key areas of conceptualization in Bacon's linguistic worldview. It is determined that the objects, sources, and bases of metaphorization are highly differentiated, highlighting personifications of the human image in Bacon's linguistic worldview: the thinking, spiritual, social, and emotional aspects of humans. The majority of objects are anthropomorphic phenomena, including categories of moral order, age characteristics, intellectual abilities, and attributes of social interaction. The sources of metaphors touch upon the social role of humans, their physiological sensations from interacting with the environment, and demonstrate the empirical nature of the author's linguistic personality. Among the sources of metaphors, the most representative group consists of naturalistic images. Francis Bacon refers to natural phenomena and objects as tools for creating complex philosophical concepts.

Key words:

object; purpose; basis of metaphorization; philosophical discourse.

Структурные особенности метафор в английских афоризмах (на примере философского дискурса)

© Лавриненко И. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Тексты философского направления характеризуются определенным перечнем релевантных для обсуждения аспектов, касающихся его структуры, семантических особенностей и функционирования. С точки зрения содержания и передаваемых концептуальных смыслов философские трактаты повествуют о взаимодействии сознания и бытия, материального и идеального, системы знаний и смыслов, теорий познания, этики и логики, вопросов мироустройства в отношении высоких идей и вечных ценностей, демонстрируют сконструированную философом модель реальности. Для того чтобы подчеркнуть отличие философского текста от текстов других направлений, сложилось понятие «философский текст». Он характеризуется регулярностью и правилосообразностью [Куренной, 2005], знаково-стью, коммуникативной формой философского осмысления бытия [Цветкова, 2004], особым перераспределением порядка языка, в результате чего возникают новые смыслы [НФС, 2003.].

С учетом признаков философского текста сложилось понятие «идеальный философский текст» — инвариант философского текста, описывающий определенное философское направление, философию определенной эпохи или философскую концепцию конкретного автора.

Благодаря специфике затрагиваемых концептуальных аспектов философские тексты занимают отдельное место не только как литературные произведения, но также как объекты лингвистических исследований.

К общепринятым характеристикам произведений философского направления относятся: 1) наличие абстрактных философских терминов, активизирующих последующую мыслительную деятельность человека; 2) использование узкодисциплинарного метаязыка; 3) создание системы философских категорий, являющихся результатом философского творчества; 4) оказание значительного влияния на условия формирования текста философской культуры; 5) «историческая индивидуальность», так как философское произведение является средством «дальнейшего продумывания опыта мира» [Гадамер, 1991, с. 11.]; 6) социально-культурный контекст создания философских текстов и др.

Особо подчеркнем специфику языка философских произведений, а именно — его подразделение на несколько языков, что дает основание для его определения как «особой дискурсивной практики», которая существует как язык написанного философского произведения, язык перевода этого произведения, язык автора этого произведения, язык сферы культуры, соотносящейся с тематикой философского произведения, язык философии, характерный для определенной сферы духовной культуры [Зубова, 2008, с. 124—126].

На сегодняшний день наблюдается снижение четкости границ между философским дискурсом (XXI века) и дискурсом публицистическим или художественным, в результате чего в философском дискурсе обозначились два направления: научное и литературное. В текстах, представляющих эти направления, намечается тенденция к снижению уровня академичности, а во второй половине XX века литературная философия и вовсе заняла лидирующую позицию [Никифоров, 2009, с. 5]. В подтверждение мысли об ослаблении строгих канонов рационализации философского дискурса в целом А. Л. Никифоров проводит анализ текстов трудов Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1990), М. Хайдеггера «Работы и размышления разных лет» (1993), К. Кьеркегора «Страх и трепет» (1998) и др., в которых доминирующая роль отводится языковой форме и созданию художественного образа, и в то же время демонстрируется слабость рациональной аргументации [Никифоров, 2009, с. 11].

Современные философские тексты характеризуются опрощением лексики, снижением частотности употребления философской терминологии. Это объясняется повышением интереса современного читателя к гуманитарному дискурсу, в котором присутствует метафоричность, образность. В силу такой популяризации языка художественных текстов происходит перестройка языка текстов философских произведений, они становятся менее научно-ориентированными, утрачивая свои позиции в парадигме текстов высококультурной дискурсивной направленности [Ярославцева, 2005].

Об изменении формата философского дискурса в сторону литературной критики также упоминает Е. А. Сергодеева [Сергодеева, 2014, с. 138]. Автор выявляет черты постмодернового философского дискурса, характеризуя его как «литературный», в котором возникает новая концепция языка как «говорения на поверхности».

Таким образом, в современном мире наблюдается вариабельность содержания философских текстов, в частности, становится очевидным, что они могут выполнять более широкую функцию, заключая в своем содержании и элементы художественного произведения.

Отметим, что тенденция к появлению элементов художественного дискурса отмечена уже в английских философских текстах, датирующихся

XVI—XVII веками. В этот период философские тексты включают афоризмы, метафоричные, иносказательные по своей природе. Поскольку элементы художественного дискурса обнаруживаются в текстах философского направления, интересно определить особенности их функционирования в философской текстовой среде, в частности, рассмотреть функционирование такого элемента художественного дискурса, как метафора, описать её структуру и определить её роль в передаче концептуально значимых смыслов и образов, которые заложены в тексты философского содержания. Кроме того, находящиеся в основе метафоры смыслы должны транслировать определенное представление о мироустройстве автора философских текстов, раскрывать специфику его языковой картины мира. А поскольку философский текст создается в определенную эпоху, то тексты философского содержания представляют собой «зеркальное отражение» социальных, культурных, политических, научных и других процессов общества в данный исторический период. Философские тексты эпохи Возрождения представляют особый интерес научного сообщества, поскольку эпоха Нового времени — период великих научных открытий и концептуальных изменений в мировом масштабе, определивший вектор развития общемировой философии сегодня. В эпоху Возрождения особое внимание философии направлено на рассмотрение взаимодействия человека и мира: онтологии и антропологии, а также на изучение вопросов познания [Иванова, 2009, с. 4]. Отметим, что в Новое время отмечается формирование особого языка философии, что не может не вызвать научный интерес к философским трудам со стороны лингвистического научного сообщества.

В предыдущих исследованиях философского дискурса Ф. Бэкона рассматривались языковые средства вербализации категорий его картины мира, в частности, категории разума и чувства [Лавриненко и др., 2014, с. 23—37]. Метафоры как языковые средства, актуальные для этого авторского дискурса, ранее не рассматривались, однако, как показало исследование, они являются важной категорией языковой картины мира этого ученого, присутствуют в его произведениях в разной степени и определенно представляют научный интерес, что дает основание для их отдельного исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужил текст научного труда Ф. Бэкона «Новый Органон», в частности его первая часть [Britannica]. Этот философский трактат, изданный в 1620 году, содержит новое понимание сути науки.

Цель исследования заключалась в выявлении специфики структуры метафор, представленных в афористических конструкциях философского

дискурса, получении представления о языковой репрезентации их компонентов, а также выявлении системы философских категорий как компонентов языковой картины мира философа эпохи Возрождения.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать афоризмы Ф. Бэкона, выявить метафорические средства, представленные в афоризмах, в структуре метафор определить и классифицировать источники, цели и основания метафоризации, с опорой на полученную классификацию обозначить базовые области (сферы) концептуализации действительности в философии Ф. Бэкона, а также особенности их объективации при помощи языковых средств.

Использовались методы сплошной выборки, семантического анализа, описания метафорической модели согласно классической модели анализа метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф и др., 2004], методы интерпретационного анализа и количественного анализа.

В ходе исследования методом сплошной выборки нами были выявлены и проанализированы контексты афоризмов Ф. Бэкона. В целом было проанализировано 26 афоризмов разной тематической направленности, а именно — посвященных взаимоотношениям родителей и детей, экзистенциальным явлениям (жизни и смерти, природе), морально-нравственным устоям (добродетели, любви, надежде), интеллектуальным благам (знаниям, науке) и другим объектам философского истолкования. Как утверждает А. П. Чудинов, метафора представляет собой основную когнитивную операцию, важнейший способ познания и рубрикации мира [Чудинов, 2003, с. 68].

Анализу метафор в разных типах дискурса посвящено множество научных работ. В статье Н. Ю. Шнякиной рассматриваются композитные метафоры в научных и научно-популярных текстах. Автор номинирует основания метафорического переноса как «новое знание» и характеризует метафору как основополагающую для мышления модель вводного знания [Шнякина, 2023].

Метафора как инструмент новой формы идентичности метафизики личности в условиях современного цифрового пространства исследуется в работе Е. Л. Яковлевой [Яковлева, 2019].

Руководствуясь классической моделью анализа метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Т. В. Леонтьева исследовала метафору как инструмент концептуализации представлений человека об интеллекте. Автором предложена классификация сфер-источников метафорического переноса на основе предметно-тематических кодов, элементы которых привлекаются носителем языка при построении ассоциаций с наличием у человека тех или иных интеллектуальных характеристик; автором выделены физиолого-со-

матический, речевой, социальный, антропонимический, мифологический, растительный и другие коды [Леонтьева, 2008].

Функционирование метафор в научном дискурсе рассматривается в монографии Н. А. Мишанкиной. Метафора представлена как гносеологический механизм, одна из базовых моделей научного мышления, активно участвующая в процессе когнитивно-дискурсивного моделирования научной деятельности [Мишанкина, 2010].

Метафоры в философском дискурсе исследовались с позиции аналитической философии языка в рамках теорий эллиптического сравнения, теории замещения, теорий сравнения и взаимодействия [Arseneault, 2006]. Анализ метафор проводился с точки зрения сложности их восприятия в зависимости от осуществляемой синтаксической функции в предложении, в частности, в качестве их функционирования как предикативного и референциального члена [Carston et al, 2023]. Метафора исследовалась в отношении функционирования в разных типах дискурса, обобщались свойства метафоры, влияющие на полноту её восприятия [Gerard, 2004].

Исследование метафор в философском дискурсе вносит определенный вклад в практические и теоретические элементы дискурсивных исследований. Выражение метафор средствами языка становится возможным именно потому, что они существуют в понятийной системе человека: как автора текста, так и, соответственно, читателя. Таким образом, благодаря метафоре появляется возможность погрузиться в «ментальный мир» автора философского текста через создаваемые им метафорические образы, исследовать экстралингвистические факторы коммуникации автора и читателя, что определяет актуальность проводимого исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion.

3.1. Прагматическая функция метафоры в философском дискурсе

Философский текст, как любой текст, относящийся к тому или иному виду дискурса, осуществляет определенные прагматические функции, оказывая эмоциональное, оценочное, волевое воздействие на адресата посредством речевых единиц [СЛТ].

В данной работе объектом анализа являются метафоры, которые также оказывают прагматическое воздействие на реципиента — читателя философского текста.

При анализе метафор в исследовании применяется дискурсивный подход, приверженцами которого выступают Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990, с. 7—32], А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов [Баранов и др., 1991], Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2004] и др. Согласно этому подходу метафора рассматривается внутри дискурса с учетом условий её возникновения и

функционирования, авторских интенций и прагматических характеристик [Чудинов, 2003, с. 69].

Согласно данным предыдущих исследований, в философском дискурсе Ф. Бэкона отмечено присутствие следующих прагматических функций: убеждения, дидактизма, общения, сравнения, категоричности и др., что нашло свое подтверждение в форме когнитивных стратегий [Лавриненко, 2014; Лавриненко и др., 2014]. Исследование прагматических функций афоризмов в философском дискурсе Ф. Бэкона в рамках лингвокогнитивного подхода к языку ранее не проводилось, однако в отношении художественной ценности произведений Ф. Бэкона стоит отметить, что среди «наивного читателя» его философское наследие получило известность именно в форме афоризмов: кратких изречений, квинтэссенцией его философских идей и жизненной мудрости. Если философские трактаты Ф. Бэкона — предмет интереса ученых-философов, то афоризмы Ф. Бэкона известны более широкому кругу читателей, их можно отнести к светской философской литературе, уделяющей пристальное внимание повседневным аспектам жизни, в противопоставление к строгой научности философских произведений. В силу известности афоризмов Ф. Бэкона интересно рассмотреть их с позиции лингвистического выражения, в частности присутствующих в них метафор, которые являются трансдискурсивным явлением и, как отмечает Н. Д. Арутюнова, представляют собой основу мышления и процессов сознания «образа» мира [Арутюнова, 1990, с. 5—53]. Таким образом, исследования метафоры вызывают научный интерес филологов с точки зрения того, как их структура и передаваемые ими концептуальные признаки варьируются в зависимости от их функционирования в рамках определенного типа дискурса, как посредством метафор транслируется образ мира автора, каковы в его понимании условия взаимодействия явлений материальной и эфемерной природы, насколько успешно реализуется образность метафор применительно к формированию трансцендентных философских понятий.

В процессе анализа было определено, что прагматические функции афоризмов в философском дискурсе реализуются в форме оценочности, экспрессивности и облигаторности, а также посредством оказания на реципиента текста *эстетического* воздействия, а именно — возникновения у последнего чувства прекрасного при восприятии текста, появления в сознании определенного образа как части индивидуального освоения действительности.

Присутствие метафоры в философском дискурсе привносит элемент художественности в философский текст. В. И. Тюпа утверждает, что художественный опыт базируется на законах эстетики [Тюпа, 2002].

Несмотря на то, что с понятием «эстетика» в сознании соотносятся положительно маркированные коннотации, явление «эстетики» включа-

ет широкую палитру признаков с противоположными аксиологическими характеристиками (ср. главные категории эстетики: прекрасное, безобразное, возвышенное, низменное, трагическое, комическое, величественное, ужасное [НФЭ]).

Эстетические функции афоризмов в философском дискурсе реализуются при помощи метафорических средств. Интересно обратить внимание, что при описании функционирования метафор неизменно затрагиваются не только эстетический, художественный аспекты, но и философские смыслы, что является отличительной особенностью афоризмов в объеме философского дискурса. Таким образом, можно предположить, что присутствие метафор в философском дискурсе сравнимо с применением эмпирического подхода к объяснению проблем истинности. Метафоры придают образность высказыванию, что позволяет получить более наглядное представление об абстрактных философских понятиях, а также активизирует наглядно-образное мышление читателя, вызывает приятное ощущение от интеллектуальной работы, мыслительного процесса, генерирующего передаваемые автором смыслы.

В проводимом исследовании за основу была взята теория метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, поскольку она позволяет не только определить признаки метафорического переноса, но выявить его основания, что выявляет доминантные концепты философского дискурса и принципы описания и познания действительности, которыми оперирует автор и выражает их в своих текстах [Лакофф и др., 2004].

В соответствии с теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в выявленных метафорах, входящих в состав афоризмов, были определены цели метафоры, их источники (источники метафорической экспансии), признаки которых благодаря метафорической проекции переносятся на цель метафоры [Лакофф, 2004, с. 9]. Метафоры в афоризмах Ф. Бэкона исследовались с позиции когнитивного подхода.

3.2. Объекты метафорического переноса

Как показали результаты анализа метафор в философском дискурсе, **объекты** метафоризации представляют собой ценности, описание сущностей которых — первоочередная задача философа и смыслообразующая функция создаваемого им философского произведения. Объекты метафоризации, выявленные в философском дискурсе, были объединены в следующие группы, классифицированные в соответствии с семантическим значением структурирующих их лексических единиц:

1. Морально-нравственные качества и переживания: hope (надежда), virtue (добродетель), cunning (хитрость), revenge (месть) (здесь и далее перевод наш. — *И. Ю.*);

2. Интеллектуальные качества: understanding (понимание), knowledge (знание);
3. Антропологические образы: man (человек), children (дети);
4. Метрические явления: time (время), money (деньги);
5. Деятельность: charity (благотворительность), врожденные способности человека (выражено имплицитно);
6. Аксиологическое явление: fame (слава);
7. Интенциональное явление: desire (желание);
8. Гедонистическое ощущение: pleasure (удовольствие);
9. Возможности общественного воздействия: power (власть);
10. Психологические состояния: fear (страх);
11. Артефакты: a winding stair (винтовая лестница);
12. Материальные блага: richness (богатство).

Согласно количественному анализу, большая часть объектов метафоризации связана с морально-нравственной сферой, что характеризует метафорику Бэкона как художественное лингвистическое явление антропоцентричной направленности, фокусирующееся на духовных внутренних качествах человека. Нельзя не обратить внимание на знаковость морально-нравственных качеств и состояний объектов: в составе объектов в одинаковом численном соотношении представлены как положительно маркированные состояния (hope (надежда), virtue (добродетель)), так и отрицательно маркированные (cunning (хитрость), revenge (месть)), что демонстрирует то факт, что Ф. Бэкон в равной степени глубоко стремится раскрыть природу этических явлений разной полярности, не смещая семантические акценты на негативные или позитивные состояния человека, передавая тем самым не только идеализированные состояния природы человека, но и его слабости и несовершенства. Данный баланс создает образ объективно мыслящей языковой личности Ф. Бэкона, что вызывает эмпатию со стороны читателя к его философскому слову.

Предположим также, что выбор Бэконом в качестве объекта метафорического истолкования именно этих морально-нравственных явлений (hope (надежда), virtue (добродетель), cunning (хитрость), revenge (месть)) подтверждает их значимость и актуальность для философского дискурса писателя. Ввиду того, что их природа абстрактна и для полноценного понимания нуждается в пояснениях, Ф. Бэконом были задействованы метафорические образы, из чего можно заключить, что для реализации своего замысла истолковать абстракции в русле собственной философской концепции автор прибегает к логическим операциям ассоциирования с объектами материального мира.

Одинаковыми по количеству входящих в них лексем являются группы интеллектуальных, антропологических, метрических объектов, которые

можно объединить в составе парадигмы «природа человека». По численности они немногим уступают объектам морально-нравственной сферы, из чего можно заключить, что данные категории являются активно используемыми в афористической языковой картине мира Ф. Бэкона. Природа человека настолько сложна, что для понимания её структуры неизбежно соотнесение её компонентов с материальными объектами. Количественное превосходство объектов данной парадигмы определяет доминантные признаки картины мира Ф. Бэкона: антропоцентричность и социоцентричность его метафорики. Базовыми составляющими философского представления Ф. Бэкона о действительности являются: человек, ведущими особенностями которого выступают интеллект, а также метрические понятия. Можно предположить, что при помощи метрических понятий автор стремится контролировать окружающую его действительность. Задавая временные рамки (понятие о времени (time)) либо обозначая ценность предметов (money), автор демонстрирует эмпиризм своей языковой личности. Кроме того, деньги выступают значимым показателем уровня общественных отношений, что подтверждает превалирование в картине мира Ф. Бэкона социоцентрического компонента.

3.3. Источники метафоризации в дискурсе Ф. Бэкона

К источникам метафорической проекции в картине мира Ф. Бэкона относятся:

1. Натуралистические образы: natural plants (растения), river (река), garden (сад), rich stone (драгоценный камень), muck (грязь);
2. Антропоцентрические явления: the greatest innovator (величайший инноватор), arch-flatterer, (человек-архильстец), handmaid (горничная), mistress (хозяйка дома);
3. Экзистенциальные понятия: Life (жизнь); fear of death (страх смерти), fear of darkness (страх темноты);
4. Физиологические величины и ощущения: power (сила); green wound (свежая рана); чувство вкуса: sweet (сладкий вкус); bitter (горький);
5. Духовная деградация: angels to fall (падение ангелов), man to fall (падение человека);
6. Безопасность: danger (угроза);
7. Нутрициальные явления: a good breakfast (хороший завтрак), a bad supper (плохой ужин);
8. Артефакты: false mirror (кривое зеркало);
9. Интеллектуальные явления: wise (мудрый), innovator (инноватор);
10. Социальные явления: rising to great place (карьерный рост).

Представим количественное соотношение источников метафорической проекции при помощи следующей диаграммы (рис. 1):

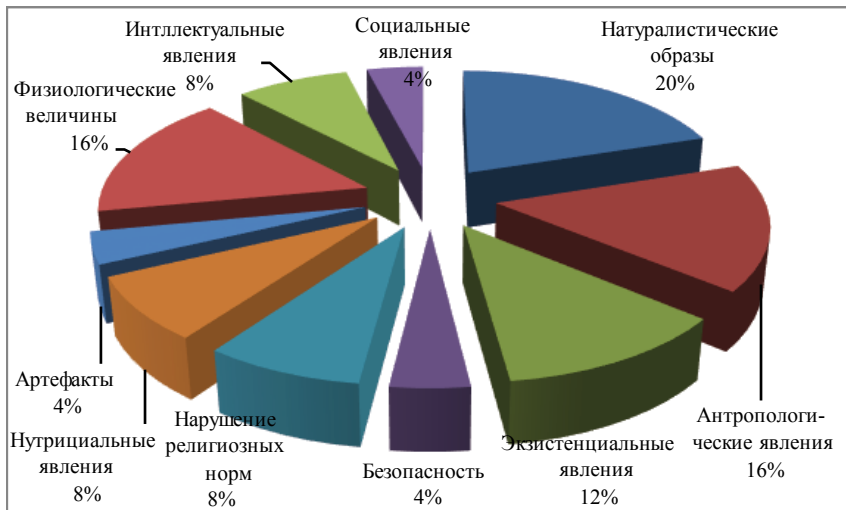

Рис. 1. Количественное соотношение источников метафорической проекции в философском дискурсе.

Очевидно, что среди источников метафор наиболее представительной является группа натуралистических образов. Ф. Бэкон обращается к природным явлениям и объектам как к инструментам для создания более сложных философских понятий. Природа выступает как первоисточник, эталон, унифицированная первооснова, на которую, помимо экзистенциальной, возложена просветительская миссия. Автор использует образы природы как утилитарную величину в своих научных, образовательных целях.

Интересно отметить, что природа — объективная реальность, существующая независимо от сознания. Это первооснова бытия, в то время как мир артефактов образует «вторую природу» [ФС]. Отношение к природе в период Возрождения передает *жизнеощущение* эпохи, когда одной из главных идей философии выступало активно-деятельностное отношение к миру. Тот факт, что в качестве источников метафорического переноса у Ф. Бэкона выступают преимущественно образы природы, отражает содержание базовой философской концепции того времени, когда природе отводилась миссия служить человеку, в то время как человек должен был приложить все усилия для исследования природы и, не нанося ей вреда, направить её возможности на благо развития общества.

Немаловажная роль в метафорике философского дискурса отводится антропоцентрическим, физиологическим и экзистенциальным источникам. Ан-

тропологические источники социально маркированы (номинаруют человека в определенной социальной роли), передают образ человека-исследователя, совершающего научные открытия, а также пейоративную природу человека (лысца). Физиологические источники метафор *антропологичны* по своей природе, представляют собой физический потенциал человека, демонстрируют ощущения, возникающие от взаимодействия человека с окружающим миром, результаты этого воздействия: ощущение физической боли, ощущение вкуса. Данным проявлением определяется *эмпирический* характер языковой картины мира Ф. Бэкона: используемые в качестве сфер-источников лексемы передают идею соотносительности с экспериментом, в основу которого положено изучение самой сути физических способностей человека.

К источникам — экзистенциальным понятиям относятся жизнь, смерть, темнота и страх (связывающий первое, второе и третье понятия).

Таким образом, среди источников метафоризации для Ф. Бэкона актуальны *природа, человек* (выполняющий предназначенную ему социальную роль или обладающий определенными качествами), *жизнь* и *смерть* (темнота как антипод жизни), *страх*.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что метафорика Ф. Бэкона в целом антропоцентрична, поскольку в состав объектов и источников метафоризации включен образ человека. Ср.: ОБЪЕКТЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ: man (человек), children (дети); ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРИЗАЦИИ: innovator (величайший инноватор), arch-flatterer, (человек-архилысец), handmaid (горничная), mistress (хозяйка дома). Однако если объекты метафоризации представляют собой абстрактный образ человека (детей), то образ человека, выступающего в качестве источника метафоризации, вполне специфичен: он социально-, этически- и научно-маркирован. Таким образом, Ф. Бэкон обращается к образу человека и в обобщенном смысле, и в конкретном понимании, подчеркивая тем самым его всеобъемлемость, постулируя его как высшую ценность. При этом Ф. Бэкон выделяет такие параметры природы человека, как возраст, социальный статус, определенные черты характера (лысец), а также высокие интеллектуальные (новаторские) способности, которые можно охарактеризовать как знаковые в антропологической парадигме автора.

3.4. Основания метафорического переноса

Метафорические смыслы (объекты переноса) и первичные смыслы (находящиеся в сфере-источнике метафорической проекции) объединены семантической областью, выступающей *основанием* метафорического переноса. Оно определяется путем семантического и интерпретационного анализа лексем, входящих в состав метафоры и выступающих в качестве источника и цели метафоризации [Лакофф и др., 2004].

При помощи интерпретационного анализа метафор в текстах афоризмов были выявлены основания метафорических переносов, которые можно подразделить на следующие группы:

1. Физические:

— свойство легких предметов быть легко переносимыми водой, свойство тяжелых предметов тонуть;

— свойство неровного зеркала преломлять изображение;

— ценность духовная и физическая: ценность природного материала;

— обладание потенциалом (интеллектуальным и физическим);

— нечистота (физическая и нравственная);

— сложность совершать вертикальные движения;

— боль — контаминация духовного и физического;

2. Духовно-нравственные:

— нравственное (духовное) падение, несовершенство;

— искренность благородных поступков;

— помощь — сохранение божественного и земного начал в человеке;

— наслаждение — ощущение от внешней гармонии; внешняя гармония — красота внешняя рефлектирует (отражается, генерирует) красоту духовную, удовольствие от созерцания эстетически ценного объекта;

— единство эстетики материального и духовного мира через гармонию;

— настрой на положительный исход событий;

— неправдивое восхваление (лесть);

3. Интеллектуальные:

— наличие научной основы, исследование;

— отсутствие интеллектуальных способностей — ущерб государству;

— отсутствие знаний — страх;

4. Гастрономические реалии:

— сладкий вкус — приятное ощущение;

— горький вкус — неприятное ощущение;

5. Экзистенциальные:

— забота о детях — созидание, жизнь;

— обустройство быта;

6. Темпоральные:

— время — естественное развитие человеческой цивилизации;

7. Эстетическо-аксиологические:

— удовольствие от созерцания эстетически ценного объекта;

8. Авторитарные:

— контроль над человеком.

Охарактеризуем количественное соотношение оснований метафорического переноса при помощи следующей диаграммы (рис. 2):

Рис. 2. Квантитативное соотношение оснований метафорического переноса

Как показано на диаграмме, большинство метафорических оснований принадлежит к группе физических величин. Это свидетельствует о том, что Ф. Бэкон отводит приоритетное место свойствам объектов, относящихся к области естествознания, выделяя их как наиболее значимые для формирования представлений об абстрактных явлениях. Тот факт, что в основании метафор выявлены физические свойства объектов, объясняется признанием Ф. Бэконом высшей ценности натурфилософии, его приверженностью опытному получению знаний. Немногим в количественном отношении уступают духовно-нравственные качества человека, что раскрывает Ф. Бэкона не только как антропоцентрично-ориентированного философа, но и как гуманистически-ориентированную языковую личность. Ведущим звеном в выстраиваемых им метафорах выступают духовно-нравственные ценности, которым отводится миссия объединения материальных объектов природы и духовных состояний внутреннего мира человека (эмоциональных, нравственных). Важно отметить присутствие в арсенале образов, к которым обращается философ, метафорического переноса между интеллектуальными явлениями и гастрономическими реалиями. Это свидетельствует о том, что автор воспринимает действительность эмпирически, выстраивая взаимоотношение с миром посредством опыта и эксперимента.

3.5. Классификация метафор с учетом взаимоотношений источника, объекта и основания метафорического переноса

Интересно рассмотреть метафоры в философском дискурсе с учетом классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф и др., 2004], в кото-

рой учитывается характер метафорического переноса, а именно — разделение метафор на ориентационные, онтологические и структурные. В анализируемых афоризмах отмечено присутствие всех вышеупомянутых типов метафор. В большей степени представлены метафоры онтологические (55 % из числа всех метафор), их использование связано с формированием представления о следующих нематериальных понятиях:

- 1) *положительные проявления человеческой природы*: charity (благотворительность), virtue (добродетель), hope (надежда);
- 2) *негативные проявления человеческой природы*: revenge (месть);
- 3) *социальные*: hurt in a state (ущерб для государства), rising to great place (карьерный рост), friendship (дружба);
- 4) *негативные жизненные явления*: misfortunes (несчастья), the cares of life (трудности);
- 5) *экзистенциальные явления*: life (жизнь), death (смерть);
- 6) *общественные блага*: fame (слава), richness (богатство).
- 7) *интеллектуальные явления*: understanding (понимание).

В структурных метафорах (35 % из числа проанализированных метафор) проводится аналогия между такими понятиями, как «страх смерти» — «страх темноты»; «надежда» — «время приятия пищи» (хороший завтрак, плохой ужин) (Hope is a good breakfast, but it is a bad supper (Надежда — это хороший завтрак, но плохой ужин)); «знание» — «сила» (For knowledge, too, is itself power (Так как знание — это и есть сила); «деньги» — «грязь» (Money is like muck (Деньги как грязь)), «время» — «инноватор» (Time is the greatest innovator (Время — лучший инноватор)), «человек» — «архильстец» (The arch-flatterer, with whom all the petty flatterers have intelligence, is a man's self (Архильстец, по сравнению с которым все мелкие льстецы кажутся мудрецами, это сам человек)). Интересно отметить, что структурные метафоры демонстрируют понятия, представляющие грани духовной организации человека (как положительные, так и отрицательные состояния человеческой души): fear (страх) — hope (надежда), интеллектуальные способности человека: understanding (понимание), показатель уровня социально-экономических условий его жизни: money (деньги), хронологическую универсалию: time (время), а также собственно базовое антропологическое понятие: man (человек). Тем самым обозначаются архиважные фундаментальные составляющие бытия человека, демонстрируется его духовная, интеллектуальная, социально-обусловленная природа, а также интегрированность человека в общий порядок мироустройства.

Наименьшее число метафор (10 %) относится к ориентационным и касается пространственной ориентации «верх — низ», а также движения

в горизонтальном направлении: ср. *The desire of power in excess caused the angels to fall; the desire of knowledge in excess caused man to fall* (Чрезмерное желание власти привело к падению ангелов, чрезмерное желание знаний привело к падению человека). В данном примере прослеживается пространственная ориентация «верх — низ». Отметим также, что в данной метафоре вертикальный вектор движения в пространстве связан с формированием понятия о духовном падении. Таким образом, в этом примере отмечается контаминация двух типов метафор: ориентационной и онтологической. Оба типа метафоры формируют представление о двух явлениях: **жажде власти** и **жажде знаний**.

В метафоре, затрагивающей движение по горизонтали, обращается внимание на аналогию свойства физического объекта (muck (грязь)) растекаться по поверхности со свойством денег быть потраченными: *Money is like muck, not good except it be spread* (Деньги, как грязь: подобно тому, как грязь становится безвредной, когда рассредоточится по большой площади, деньги также приносят пользу только тогда, когда они растрачиваются на разные нужды).

Отметим, что метафоры в философском дискурсе сложно структурированы: они передают свойства абстрактных явлений при обращении к физическим объектам (являются онтологическими), а также переносят структурные свойства одного явления в структуру другого, тогда они могут характеризоваться как структурные (на их долю приходится 20 %). В следующем примере продемонстрирована сложная метафора, типизируемая как онтологическая и структурная:

Fame is like a river, that beareth up things light and swollen, and drowns things weighty and solid (Слава подобна реке, которая переносит легкие пустые предметы и уводит на дно все тяжелое и твердое).

В данном примере выявляется метафорическое сравнение «fame — river» (слава — река), то есть, абстрактное понятие «fame» (слава) определяется при сравнении с физическим объектом «river» (река), что является признаком онтологической метафоры. В то же время свойства реки переносить легкие предметы и уводить на дно тяжелые уподобляются смысловым компонентам абстрактного понятия fame: слава обретает свойства сохранять и передавать не имеющую большого смысла, бесполезную информацию, в то время как важное и весомое остается без внимания, упускается и предается забвению.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования определено, что метафоры в философской картине мира обладают сложной структурой, в которой вы-

являются объекты, субъекты и основания метафорической проекции. Данные структурные элементы подразделяются на группы в зависимости от передаваемых ими семантических признаков.

Объекты метафор представлены наибольшим количеством групп, по большей части они обозначают явления морально-нравственного порядка, геронтологические характеристики природы человека, интеллектуальные способности и метрические величины.

Объекты метафоризации номинируют эпистемы, имеющие в языковой картине мира Ф. Бэкона первостепенное значение. Для передачи их признаков автор прибегает к явлениям, свойства которых наиболее известны и конвенциональны. Как показал состав объектов, к знаковым компонентам языковой картины мира Ф. Бэкона относятся внутренние состояния человека, его ощущения, состояния человека в разных возрастных группах (взрослый — ребенок), интеллектуальные способности (человек думающий) и средства измерения ценностей — время, деньги, которые являются метрономом жизнедеятельности социума. Выявленные группы объектов дают возможность определить главные ипостаси человека, представленные в метафорах: *духовную составляющую человека, человек-взрослый, человек-ребенок, человек интеллектуальный, человек в метрической системе*. Таким образом, объекты метафор в философском дискурсе антропологически ориентированы, связаны как с душевной, так и с интеллектуальной организацией человека, затрагивают человека в диахроническом развитии, а также человека как часть общества, пользующегося законами метрической системы.

Источники метафор в философском дискурсе высоко дифференцированы, однако представлены меньшим количеством групп по сравнению с их объектами. Данный факт объясняется тем, что номинанты источников более плотно объединяются в группы. Источники метафор репрезентируют человека в его социальной функции, раскрывают его интеллектуальные и духовные качества, физиологические ощущения, номинируют образы природы. Отмечается причинно-следственная связь двух источников метафоры: номинируемые физиологические ощущения (получение раны, принятие пищи) возникают как следствие взаимодействия человека с окружающей средой и его высоким физическим или интеллектуальным потенциалом. Обращение к болевым и вкусовым ощущениям демонстрирует эмпиричность мироощущения автора. Перспективным источником для передачи читателю сути более сложных эфемерных понятий выступают образы природы (что демонстрирует натуралистичность языковой картины мира Ф. Бэкона), образ человека в четырех ипостасях: мыслящего, духовного, социального (что раскрывает антропологичность языковой картины мира

философа), а также человека чувствующего и испытывающего физиологические ощущения (что выявляет эмпиричность языковой картины мира Ф. Бэкона).

Взаимодействие образов и источников метафоризации обусловлено основаниями метафорической проекции, большинство из которых раскрывают физические явления (*легкость, преломление света, сила, боль, грязь*) и явления духовного порядка (*наслаждение, благородство, нравственное падение* и др.). Большая часть духовно-нравственных явлений положительно маркирована (71 %), что демонстрирует стремление Ф. Бэкона позиционировать положительные состояния души человека и его высокоморальные поступки. Сбалансированность источников физиологических и духовно-нравственных начал — показатель равной важности для Ф. Бэкона духовного и физического в природе человека. В целом, источники метафорической проекции можно охарактеризовать как *эмпирически* и *духовно-нравственно* ориентированные. Условиями возникновения метафорического переноса у Ф. Бэкона являются духовные состояния человека и результат его взаимоотношений с внешней средой.

Присутствие афоризмов в текстах философской направленности приносит в них компонент художественности. Тем не менее они не теряют своей целостности как форма философского произведения, поскольку выполняют свою функцию формирования философских смыслов, призывающих к размышлению и развитию философской мысли в будущем.

Исследование метафор философского дискурса поможет оптимизировать процесс перевода текстов философской направленности, относящихся к наследию прошлых веков, а также к философским изысканиям современности, позволит проводить компаративные исследования текстов философской тематики, получая представления о тенденциях развития философской мысли и её влиянии на функционирование языка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. НФС — *Новейший философский словарь* : 3-е изд., исправл. — Минск : Книжный Дом, 2003. — 877 с. — ISBN 985-6235-17-0.
2. НФЭ — *Новая философская энциклопедия*. — Москва : Мысль, 2010. — ISBN 978-5-244-01115-9.
3. СЛТ — *Словарь лингвистических терминов* : Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. — 376 с. — ISBN 5-98993-002-X.
4. ФС — *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Республика, 2001. — 719 с.

5. *Britannica* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.britannica.com/quotes/Francis-Bacon-Viscount-Saint-Alban> (дата обращения 23.05.2023).

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс Теория метафор / Н. Д. Арутюнова // Сборник. Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—53. — ISBN 5-01-001599-4.
2. *Баранов А. Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Ин-т русского языка РАН, 1991. — 193 с. — ISBN 5-85054-007-5.
3. *Гадамер Г.-Х.* О круге понимания / Г.-Х. Гадамер // Актуальность прекрасного. — Москва : Искусство, 1991. — 366 с.
4. *Зубова М. В.* Философский текст как философская коммуникация / М. В. Зубова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 58. — С. 126
5. *Иванова Е. В.* «Идеальный философский текст» в истории философии / Е. В. Иванова // Аналитика культурологии. — 2009. — № 15. — С. 4.
6. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.
7. *Куренной В.* Как сделать наши переводы ясными / В. Куренной // Логос. — 2005. — № 2 (47). — С. 72—82.
8. *Лавриненко И. Ю.* Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета / И. Ю. Лавриненков // Серия. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2014. — № 3 (23). — С. 30—47.
9. *Лавриненко И. Ю.* Когнитивные стратегии как ментальные детерминанты при языковой объективации концептов разума и чувства в философском дискурсе Ф. Бэкона / И. Ю. Лавриненко, З. Е. Фомина // Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2014. — № 1 (21). — С. 23—37.
10. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Metaphors We Live By / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2.
11. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева ; под редакцией Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2008. — 280 с. — ISBN 978-5-8050-0303-6.
12. *Мишанкина Н. А.* Метафора в науке : парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. — Томск : Издательство Томского университета, 2010. — 282 с.
13. *Никифоров А. Л.* Природа философии / А. Л. Никифоров // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 3 (7). — С. 5—16.
14. *Сергодеева Е. А.* Рациональность современного философского дискурса / Е. А. Сергодеева // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 2. — С. 135—138.
15. *Тюпа В. И.* Художественный дискурс: (введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. — Тверь : Тверской государственный университет, 2002. — 80 с.
16. *Цветкова И. В.* Философский текст и философская культура в их динамически детерминированной взаимосвязи : Герменевтический аспект : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.01 / И. В. Цветкова. — Екатеринбург, 2004. — 265 с.

17. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : Монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с.

18. Шнякина Н. Ю. Метафора как модель выводного знания : композитные метафоры в немецком научном тексте / Н. Ю. Шнякина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 1. — С. 59—69. — DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-59-69>.

19. Яковлева Е. Л. Антиномичность электронного кочевника : опыт философской рецепции посредством метафор / Е. Л. Яковлева // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2019. — № 1. — С. 58—68. — DOI: [10.15507/2078-9823.045.019.201901.058-068](https://doi.org/10.15507/2078-9823.045.019.201901.058-068).

20. Ярославцева И. П. Теория дискурса и специфика современного философского дискурса [Электронный ресурс] / И. П. Ярославцева // Известия ЮФУ. Технические науки. — 2005. — № 9. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-diskursa-i-spetsifika-sovremenno-go-filosofskogo-diskursa> (дата обращения 07.07.2023).

21. Arseneault M. Metaphor : Philosophical Theories, Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition) / M. Arseneault // Elsevier. — December 2006. — Pp. 40—43. — DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/01194-9>.

22. Carston R. Metaphor processing : Referring and predicating / R. Carston, Xinxin Yan // Cognition. — 2023. — Volume 238. — 105534. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2023.105534>.

23. Steen G. Can discourse properties of metaphor affect metaphor recognition? / G. Steen // Journal of Pragmatics. — 2004. — Volume 36. — Issue 7. — Pp. 1295—1313. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2003.10.014>.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023,
одобрена после рецензирования 19.08.2023,
подготовлена к публикации 23.08.2023.

Material resources

Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/quotes/Francis-Bacon-Viscount-Saint-Alban> (accessed 23.05.2023).

FS — *Philosophical Dictionary*. 7th ed., reprint. and add. (2001). Moscow: Republic. 719 p. (In Russ.).

NFE — *New Philosophical Encyclopedia*. (2010). Moscow: Mysl. ISBN 978-5-244-01115-9. (In Russ.).

NSF — *The newest Philosophical Dictionary: 3rd ed., corrected*. (2003). Minsk: Book House. 877 p. ISBN 985-6235-17-0. (In Russ.).

SLT — *Dictionary of Linguistic Terms: Ed. 5th, ispr-e and supplement*. (2010). Nazran: Publishing house “Pilgrim”. 376 p. ISBN 5-98993-002-X. (In Russ.).

References

Arseneault, M. (2006). Metaphor: Philosophical Theories, Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition). Elsevier. December. 40—43. DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/01194-9>.

Arutyunova, N. D. (1990). *Metaphor and discourse Theory of metaphors*. Moscow: Progress. 5—53. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1991). *Russian Political Metaphor. Materials for the dictionary*. Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 193 p. ISBN 5-85054-007-5. (In Russ.).
- Carston, R., Xinxin Yan. (2023). Metaphor processing: Referring and predicating. *Cognition*, 238: 105534. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2023.105534>.
- Chudinov, A. P. (2003). *Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 248 p. (In Russ.).
- Gadamer, G.-H. (1991). About the circle of understanding. In: *Relevance of the beautiful*. Moscow: Iskustvo. 366 p. (In Russ.).
- Ivanova, E. V. (2009). "The ideal philosophical text" in the history of philosophy. *Analysis of cultural studies*, 15: P. 4. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Kurennoy, V. (2005). How to make our translations clear. *Logos*, 2 (47): 72—82. (In Russ.).
- Lakoff, J. (2004). *Metaphors We Live By / Metaphors We Live By*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).
- Lavrinenko, I. Y. (2014). Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series. *Modern linguistic and methodological-didactic research*, 3 (23): 30—47. (In Russ.).
- Lavrinenko, I. Y., Fomina, Z. E. (2014). Cognitive strategies as mental determinants in the linguistic objectification of the concepts of reason and feeling in the philosophical discourse of F. Bacon. *Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series. Modern linguistic and methodological-didactic research*, 1 (21): 23—37. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2008). *Human intelligence in the Russian language picture of the world*. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University. 280 p. ISBN 978-5-8050-0303-6. (In Russ.).
- Mishankina, N. A. (2010). *Metaphor in science: paradox or norm?* Tomsk: Tomsk University Press. 282 p. (In Russ.).
- Nikiforov, A. L. (2009). The nature of philosophy. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 3 (7): 5—16. (In Russ.).
- Sergodeeva, E. A. (2014). Rationality of modern philosophical discourse. *Humanitarian and legal studies*, 2: 135—138. (In Russ.).
- Shnyakina, N. Y. (2023). Metaphor as a model of deductive knowledge: composite metaphors in the German scientific text. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1: 59—69. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-59-69>. (In Russ.).
- Steen, G. (2004). Can discourse properties of metaphor affect metaphor recognition? *Journal of Pragmatics*, 36 (7): 1295—1313. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2003.10.014>.
- Tsvetkova, I. V. (2004). *Philosophical text and philosophical culture in their dynamically deterministic relationship: Hermeneutic aspect*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 265 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2002). *Artistic discourse: (introduction to the theory of literature)*. Tver: Tver State University. 80 p. (In Russ.).
- Yakovleva, E. L. (2019). Antinomianism of the electronic nomad: the experience of philosophical reception through metaphors. *Humanities: actual problems of humanities*

and education, 1: 58—68. DOI: 10.15507/2078-9823.045.019.201901.058-068. (In Russ.).

Yaroslavtseva, I. P. (2005). Theory of discourse and specificity of modern philosophical discourse. *News of the SFU. Technical sciences, 9*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-diskursa-i-spetsifika-sovremennogo-filosofskogo-diskursa> (accessed 07.07.2023). (In Russ.).

Zubova, M. V. (2008). Philosophical text as philosophical communication. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen, 58*: P. 126. (In Russ.).

*The article was submitted 04.07.2023;
approved after reviewing 19.08.2023;
accepted for publication 23.08.2023.*

Информация для цитирования:

Михальченко В. Ю. Образовательное планирование (на материале якутского, калмыцкого и карельского языков) / В. Ю. Михальченко, Е. А. Кондрашкина, С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 88—106. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-88-106.

Mikhailchenko, V. Yu., Kondrashkina, E. A., Kirilenko, S. V. (2023). Educational Planning in Context of Yakut, Kalmyk, and Karelian Languages. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 88-106. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-88-106. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-88-106

Образовательное планирование (на материале якутского, калмыцкого и карельского языков)

Михальченко Вида Юозовна
orcid.org/0000-0002-0953-3466
доктор филологических наук,
профессор
vida-mi@mail.ru

Кондрашкина Елена Алексеевна
orcid.org/0000-0002-4839-2432
кандидат филологических наук
e.kondrashkina@inbox.ru

Кириленко Светлана Владимировна *
orcid.org/0000-0001-7902-6032
кандидат филологических наук, доцент,
* *корреспондирующий автор*
svetlanavk@inbox.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННМО, а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

Educational Planning in Context of Yakut, Kalmyk, and Karelian Languages

Vida Yu. Mikhailchenko
orcid.org/0000-0002-0953-3466
Doctor of Philology, Professor
vida-mi@mail.ru

Elena A. Kondrashkina
orcid.org/0000-0002-4839-2432
PhD in Philology
e.kondrashkina@inbox.ru

Svetlana V. Kirilenko *
orcid.org/0000-0001-7902-6032
PhD in Philology, Associate Professor,
* *Corresponding author*
svetlanavk@inbox.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number 21-512-12002 ННМО, a “Prognostic methods and future scenarios in language policy — multilingual Russia as an example”

© Михальченко В. Ю., Кондрашкина Е. А., Кириленко С. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается один из компонентов языкового планирования — образовательное планирование. Были определены основные элементы и показатели этого вида планирования. Авторы рассматривают вопросы образовательного планирования в трех республиках Российской Федерации. Исследование было проведено на материале калмыцкого, карельского и якутского языков. Целью исследования было проанализировать образовательное планирование как совокупность существующих возможностей для изучения языка. Одной из задач было определение сферы деятельности и направлений деятельности образовательного языкового планирования. Вторая задача — представить обзор образовательного планирования на материале карельского, калмыцкого и якутского языков в синхронии и диахронии. Третьей задачей был анализ образовательного языкового планирования по выделяемым нами критериям и уточнение престижности языков в восприятии говорящих как мотивационного фактора для их изучения, для этого анализируются результаты полевых исследований, проведенных в трех республиках в 2021—2022 годах. В результате исследования были сделаны выводы о том, что этническое самосознание опрошенных находится на высоком уровне, символическая значимость национальных языков высока. Однако отмечается тенденция к сокращению желающих изучать родной (национальный) язык в школьном образовании.

Ключевые слова:

языковое планирование; образовательное планирование; языковой престиж; карельский язык; калмыцкий язык; якутский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines one component of language planning — educational planning. The main elements and indicators of this type of planning were identified. The authors discuss issues related to educational planning in three republics of the Russian Federation. The study was conducted based on the materials of the Kalmyk, Karelian, and Yakut languages. The aim of the research was to analyze educational planning as a set of existing opportunities for language learning. One of the objectives was to determine the scope and directions of activity in educational language planning. The second objective was to provide an overview of educational planning based on the materials of the Karelian, Kalmyk, and Yakut languages in synchrony and diachrony. The third objective was to analyze educational language planning according to our identified criteria and clarify the prestige of languages in the perception of speakers as a motivational factor for their study. To achieve this, the results of field research conducted in the three republics in 2021-2022 were analyzed. As a result of the study, it was concluded that the ethnic self-awareness of respondents is at a high level, and the symbolic significance of national languages is significant. However, there is a tendency towards a decrease in the number of individuals interested in studying their native (national) language in school education.

Key words:

language planning; educational planning; language prestige; Karelian language; Kalmyk language; Yakut language.

УДК 81'26+81'272(47)“20”

5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Образовательное планирование (на материале якутского, калмыцкого и карельского языков)

© Михальченко В. Ю., Кондрашкина Е. А., Кириленко С. В., 2023

1. Введение = Introduction

Языковое планирование — это осознанное воздействие на язык с целью его изменения [DS, 2012, p. 173]. Языковое планирование является активно изучаемым направлением в зарубежной социолингвистике [Cooper, 1989; Eastman, 1983; Tollefson, 2010]. Сам термин появился благодаря лингвисту Эйнару Хаугену в 1959 году и имел определение, которое в настоящее время близко к определению корпусного планирования: «the activity of preparing a normative orthography, grammar, and dictionary for the guidance of writers and speakers in a non-homogeneous speech community» [Haugen, 1959, p. 8] (деятельность по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря как осуществление руководства в области письма и речи в неомогенном речевом сообществе) (перевод наш. — В. М., Е. К., С. К.).

Языковое планирование является частью языковой политики и изменяется под воздействием экстралингвистических факторов. Основная цель языкового планирования — сформировать стратегию языкового развития сообщества с учетом всех возможных последствий принятых решений, проанализировать имеющиеся языковые ресурсы, которые будут применяться для решения языковых проблем и / или изменения в языковых предпочтениях говорящих [Алпатов, 2013, с. 8—28; Кузнецов, 2007; Селиверстова, 2014, с. 8—12; Скачкова, 2015, с. 126—131].

В работе анализируется один из компонентов языкового планирования: образовательное языковое планирование. Целью исследования является анализ образовательного планирования как понятия, уточнение его дефиниции. Одной из задач исследования было установление элементов образовательного планирования и направлений его деятельности. Вторая задача исследования — представить обзор ситуаций образовательного планирования на материале карельского, калмыцкого и якутского языков в синхронии и диахронии. Третьей задачей был анализ образовательного языкового планирования по выделяемым нами критериям, а также уточнение престижности языков в восприятии говорящих как мотивационного

фактора для их изучения, для этого анализируются результаты полевых исследований, проведенных в трех республиках Российской Федерации в 2021—2022 годах.

Под *образовательным языковым планированием* понимается совокупность мер, реализуемых органами государственной власти или местного самоуправления, которые оказывают влияние на обучение языку, престиж языка в восприятии говорящих и в итоге предполагают увеличение количества говорящих. *Образовательным языковым планированием* можно также обозначать организованные усилия, направленные на улучшение всей системы изучения языка с целью выведения преподавания языков на новый функциональный уровень.

Исследования, посвященные только образовательному планированию, практически отсутствуют в социолингвистике. Актуальность темы заключается в том, что до настоящего времени не проводилось исследования мнения говорящих как компонента анализа реализации образовательного языкового планирования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Термин *образовательное планирование* (*acquisition planning*) введен Робертом Купером в 1989 году: «directed towards increasing the number of users — speakers, listeners, writers, or readers» (направлено на увеличение числа использующих язык — говорящих, слушающих, пишущих или читающих) [Cooper, 1989, p. 33]. В дальнейшем этот термин получил значительное развитие в своей дефиниции. Р. Купер также отмечал, что самой важной и главной задачей деятельности этого вида планирования является именно обучение языку [Cooper, 1989, p. 159].

Образовательное языковое планирование осуществляется на макроуровнях и микроуровнях. Макроуровень — деятельность органов государственной и местной власти, реализующих решения языковой политики. Микроуровень — это частные инициативы общественных организаций и языковых активистов. Инициативы образовательного языкового планирования чаще реализуются в направлении «сверху вниз», однако на образовательное планирование оказывают влияние и инициативы по развитию обучения языку, поступающие от частных лиц и организаций, то есть от объединений на микроуровне.

Деятельность образовательного языкового планирования, безусловно, не ограничивается школьным обучением. Образовательное планирование реализуется как в формальной, так и в неформальной среде, то есть не только в государственных учебных заведениях, но и в частных организациях: на курсах изучения языка, в центрах развития национальной культуры

и т. д. Образовательное языковое планирование сосредоточено на вопросах обучения языку детей и взрослых, выработке мер по поддержанию языка, стимулов к расширению количества говорящих. Создаются «языковые гнезда», то есть «обучение детей по принципу раннего полного языкового погружения» [Пасанен, 2011, с. 20.], для детей дошкольного возраста. Организуются курсы изучения языка для взрослых людей с программами обучения разного уровня. Тем не менее главный акцент деятельности в сфере образовательного планирования делается на организацию обучения языкам в школе.

Образовательное планирование имеет два основных направления: создание или улучшение возможностей изучения языка и разработка стимулов для мотивации говорящих. Образовательное языковое планирование нужно рассматривать именно во взаимосвязи с престижным планированием, хотя последнее часто выделяют в отдельный вид языкового планирования. Всего в социолингвистике выделяют 3 части языкового планирования: *статусное*, *корпусное* и *образовательное*. Некоторые исследователи выделяют еще в качестве самостоятельного 4-й тип — *престижное* планирование, однако без работы с престижем языка невозможно успешное развитие образовательного языкового планирования, без создания системы стимулов и поощрений к изучению языка говорящими все усилия по введению языка в преподавание или расширению количества часов на обучение языку могут оказаться тщетными. Поэтому важно уделять внимание анализу престижного планирования языка в сфере образования с точки зрения принимаемых мер по улучшению восприятия языка среди членов языкового сообщества с тем, чтобы говорящие стремились использовать его как можно активнее в неформальных сферах общения, а также, по возможности, и в формальных сферах (в тех случаях, когда язык либо еще не обрел институциональный статус, либо стремится к нему).

В образовательном языковом планировании нами выделяются следующие критерии, или элементы деятельности:

- 1) масштаб: по всей стране или в отдельном регионе;
- 2) уровень: государственный или частные инициативы;
- 3) язык обучения: один, два и более языков (либо два и более варианта одного языка);
- 4) мотивированность говорящих: поддержание или стимулирование языкового престижа;
- 5) метод деятельности: поддержание языка или изменение сферы использования языка.

Анализ образовательного языкового планирования, осуществляемый на основе выделенных элементов и показателей, предполагает проведение

структурного исследования. Оно направлено на выявление показателей по пяти элементам образовательного планирования. Элементы «масштаб», «уровень» и «язык обучения» исследуются на материале открытых источников. Элемент «мотивированность говорящих» анализируется путем проведения опросов среди говорящих. Исследование стимулов у говорящих к изучению языка рассматривалось с двух точек зрения: языкового престижа и востребованности языка в сфере школьного образования. Вывод по элементу «метод деятельности» делается на основе анализа показателей предыдущих четырех элементов. Методология исследования была частично апробирована на материале анкетных опросов в трех республиках Российской Федерации в 2021—2022 годах. Исследование проводилось сотрудниками НИЦ НЯО Института языкознания РАН. В статье сопоставляется образовательное планирование, реализуемое в отношении якутского языка (принадлежит к тюркской семье языков), калмыцкого языка (принадлежит к монгольской семье языков) и карельского языка (принадлежит к финно-угорской семье языков). В опросах приняли участие преимущественно столичные жители в республиках Калмыкия, Карелия и Якутия, около 90 % из них — это молодые люди (от 18 до 30 лет). Данные исследования сопоставлялись с результатами устных интервью экспертов (далее в статье будут представлены некоторые выдержки из интервью), занимающихся вопросами сохранения языка, с целью подтверждения валидности полученных данных. Подобная выборка была сделана осознанно, ведь именно молодежь, владеющая языком и использующая его в повседневной жизни, играет ключевую роль в сохранении языка и в его межпоколенной передаче.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Карельский язык

3.1.1. История образовательного языкового планирования карельского языка

Свое современное название Республика Карелия получила в ноябре 1991 года, а изначально она имела обозначение «Карельская трудовая коммуна», полученное в июне 1920 года. В этот период, в 1920-е годы, началось восстановление системы образования в республике. В январе 1929 года VIII Всекарельский съезд Советов постановил ввести всеобщее обучение детей 8—12 лет к 1936/37 году. В 1930-м году высшие органы СССР потребовали ввести обязательное начальное образование уже с 1930—31 года. В результате в Карелии к 1 января 1931 года было охвачено учебой 97 % всех детей 8—10 лет. В 1928 году 53 % школ Карелии вели обучение на финском языке, а остальные школы преподавали на русском языке, финский язык изучался как предмет. В этот период карельскому языку прихо-

дилось выживать в условиях конкуренции с финским языком. Считалось, что карельский язык имеет сильные диалектные отличия, что делает невозможным создание литературного варианта языка, а следовательно, преподавание карельского языка в школах также представлялось нереализуемым. В конце 1930-х годов изучение финского языка было осуждено как проявление буржуазного национализма, преподавание на финском языке упразднили. В 1937 году была создана письменность карельского языка на основе кириллицы, началось ее внедрение в школьную систему. Однако в 1940-м году в связи со сменой политического курса обучение во всех национальных школах вновь было переведено на финский язык. Обязательное обучение на финском языке было отменено в 1956 году. Обучающимся был предоставлен выбор — проходить обучение на русском языке или на финском, большинство учащихся перешло на обучение на русском языке. В настоящее время карельский язык — один из немногих языков в России, который имеет письменность на латинице.

3.1.2. Образовательное языковое планирование карельского языка: современный период

Образовательное планирование карельского языка в настоящее время сталкивается с определенными трудностями. Мотивация к изучению языка среди населения невысокая. Многие родители отказываются от изучения карельского языка в школе для своих детей, делая выбор в пользу русского языка как родного, мотивируя это необходимостью подготовки к выпускным экзаменам. Учителям карельского языка трудно найти работу, так как общее количество обучающихся карельскому школьников невелико. В Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ) с 1991 года в течение примерно двух десятилетий ежегодно готовили и выпускали учителей карельского языка. В дальнейшем в связи с малым числом желающих эту специальность объединили с финским языком и литературой в профиле «зарубежная филология». Петрозаводский государственный университет готовит специалистов по карельскому языку, студенты, изучающие карельский язык, получают дополнительную стипендию. В Институте педагогики и психологии ПетрГУ проводится обучение преподавателей родного карельского языка, этот профиль совмещен с подготовкой по направлению «начальное образование». Всего было три набора студентов на эту специальность, в настоящее время проводится обучение 27 студентов. В 2021 году набор не объявляли, в 2022 году набор был объявлен (10 бюджетных мест), но не был осуществлен.

Открытые данные министерства образования свидетельствуют о том, что в школах обучение на карельском языке не проводится [МОН]. Обучение карельскому языку реализуется в двух вариантах: собственно карельский и ливвиковский. Людиковское наречие, третий вариант карельского языка,

изучается в одной школе. С каждым годом количество желающих изучать карельский язык в школах уменьшается, что подтверждается данными интервью с экспертами по языковой ситуации [Интервью], а также статистическими показателями. Результаты мониторинга, проведённого Центром этнокультурного образования ГАУ ДПО РК «Карельский институт развития образования» в сентябре 2022 года, с учетом сопоставления данных за период 2015—2022 годов свидетельствуют, что количество обучающихся карельскому языку за семь лет снизилось с 2128 учащихся до 1899 учащихся [КИРО].

3.1.3. Результаты полевого исследования в Республике Карелия (сентябрь 2022 года)

В Республике Карелия в анкетном опросе приняло участие 120 респондентов, жителей г. Петрозаводска. В результате опроса были получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Количественная характеристика ответов респондентов

Вопросы	Ответы респондентов	Количество ответов (в процентах)
Обязательно ли жителям Республики Карелия владеть карельским языком?	Да Нет Затрудняюсь ответить	38,3 % 34,2 % 27,5 %
Говорят ли на карельском языке в школах в Республике Карелия?	Почти все Значительно больше половины Половина Значительно меньше половины Почти никто Затрудняюсь ответить	0 % 0 % 0,8 % 29,2 % 61,7 % 8,3 %
Изучали ли Вы карельский язык в школе?	Нет Да	90,8 % 9,2 %
Существует мнение, что прежде всего семья, а не школа должна обеспечить владение родным языком. Может ли язык сохраниться с помощью только семейного воспитания и усилий родителей?	Да Нет Затрудняюсь ответить/ свой ответ	43,3 % 48,3 % 8,4 %
Согласно ФЗ «Об образовании в РФ» и N 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 ФЗ «Об образовании в РФ», выбор языка обучения в учебных заведениях РФ является добровольным. Согласны ли Вы с такой формулировкой применительно к школам?	Да Скорее да, чем нет Скорее нет, чем да Нет Затрудняюсь ответить	41,7 % 27,5 % 13,3 % 8,3 % 9,2 %

Окончание табл. 1

Вопросы	Ответы респондентов	Количество ответов (в процентах)
Престижно ли сейчас в Республике Карелия говорить на карельском языке?	Престижно Скорее престижно Скорее не престижно Не престижно Затрудняюсь ответить	22,5 % 45 % 15,8 % 16,7 % 0 %

Анализ полученных показателей позволяет заключить, что использование карельского языка в такой сфере общения, как школьное образование, минимальное: 90 % опрошенных карельский язык в школе не изучали, и около 60 % указали, что почти никто не говорит на карельском языке в школах. Мнение опрошенных по вопросу «Семья или школа должны обеспечивать владение родным языком» разделилось практически поровну, подобное расхождение в ответах, вероятно, объясняется многонациональным составом республики. Часть опрошенных дали свои ответы на этот вопрос, приводим некоторые из ответов: «сохранность языка обеспечивается не семьей и не школой, а его востребованностью в общественной жизни, профессиональной сфере, экономике и т. п.», «язык живёт в общении и шлифуется в образовательной организации», «язык может “сохраниться” только при наличии значимого числа его носителей с положительной демографической динамикой». Около 40 % информантов считают, что жители республики должны владеть карельским языком, но около 35 % отрицают это. При этом в вопросе о престижности карельского языка более половины респондентов выбрали ответ «престижно» и «скорее престижно», что вероятно объясняется высокой символической значимостью титульного языка для опрошенных.

3.2. Калмыцкий язык

3.2.1. История образовательного языкового планирования калмыцкого языка

В Калмыкии до 1917 года школы существовали при буддистских монастырях, они имели название «хурульные школы». Обучение проводилось на тибетском языке и, в ряде случаев, на калмыцком. Русский язык не преподавался [Команджаев и др., 2017, с. 19].

В 1920-е годы перестройка системы образования началась с двух документов: «Положение о единой трудовой школе РСФСР» от 30 сентября 1918 года и «Декларация о единой трудовой школе» от 16 октября 1918 года [Сартикова, 2010, с. 145]. Однако для Калмыкии перестройка системы образования осложнялась тем, что калмыки в то время жили преимущественно

в степи, вели кочевой, а не оседлый образ жизни, поэтому обучение организовывалось по-разному. Ученики обучались в приходящих школах (для оседлого населения), школах-интернатах, детских домах и школьных колониях.

На X съезде РКП (б) в марте 1921 года была намечена программа мероприятий по укреплению роли родного языка в просвещении народа и расширении сети начальных школ. В 1923 году началась работа над созданием методических пособий на калмыцком языке, прежде всего для младших школьников. Обучение на калмыцком языке началось в середине 1920-х годов. Количество национальных школ стало расширяться: «В 1927 году школ первой ступени было уже 140, а второй ступени — 5» [Сартикова, 2009, с. 44]. Однако вследствие экстралингвистических факторов, прежде всего политического характера, с 1938 года калмыцкий язык стал изучаться только как предмет, часы изучения калмыцкого стали сокращаться. Подобная тенденция продолжилась и в послевоенные годы. Однако, несмотря на все трудности, в Калмыкии укрепились концепция национальной школы, издавались учебники, велась подготовка педагогических кадров. «Положительное влияние на возрождение национальной системы образования оказали указы Президента Калмыкии «О мерах по дальнейшему возрождению и развитию калмыцкого языка» от 07.05.1998 г. и «О развитии национальной системы образования» от 04.07.2001 г.» [Сартикова, 2009, с. 44].

3.2.2. Образовательное языковое планирование калмыцкого языка: современный период

В образовательном планировании калмыцкого языка наблюдается достаточно стабильная ситуация: «Существует устойчивая потребность в реализации этнокультурного образования и преподавания калмыцкого языка» [Намруева, 2018, с. 150]. Количество желающих изучать калмыцкий язык является достаточно значимым, многие школьники билингвально, свой уровень владения калмыцким говорящие определяют как средний или продвинутый [Намруева, 2018, Харчевникова и др., 2021].

В настоящее время калмыцкий язык активно изучается во всех школах республики: как предмет он изучается 11 478 учениками, как родной язык — 1328; государственный калмыцкий (предмет обучения) — 7206, государственный калмыцкий (родной язык) — 1718 [МОН]. Создана многоступенчатая система сохранения этнокультурного компонента — от детского сада до старших классов школы. Подготовку учителей калмыцкого языка проводит Калмыцкий государственный университет.

Исследователи отмечают, что в современных условиях у говорящих на калмыцком языке повышается мотивированность общения, и, что немало важно, в первую очередь у молодых людей: «У большей части молодежи появилось желание овладеть родным языком» [Адучиева, 2014, с. 14].

3.2.3. Результаты полевого исследования в Республике Калмыкия (июнь-июль 2021 года)

В Республике Калмыкия было опрошено 99 респондентов, владеющих калмыцким языком, это были городские и сельские жители. Результаты исследования показали следующее (табл. 2).

Таблица 2

Количественная характеристика ответов респондентов

Вопросы	Ответы респондентов	Количество ответов (в процентах)
Обязательно ли жителям Республики Калмыкия владеть калмыцким языком?	Да Нет Затрудняюсь ответить	72,7 % 11,1 % 16,2 %
Говорят ли на калмыцком языке в школах в Республике Калмыкия?	Почти все Значительно больше половины Половина Значительно меньше половины Почти никто Затрудняюсь ответить	2 % 6,1 % 17,2 % 47,5 % 23,2 % 4 %
Изучали ли Вы калмыцкий язык в школе?	Да Нет	88,9 % 11,1 %
Существует мнение, что прежде всего семья, а не школа должна обеспечить владение родным языком. Может ли язык сохраниться с помощью только семейного воспитания и усилий родителей?	Да Нет Затрудняюсь ответить	60,6 % 15,2 % 24,2 %
Престижно ли сейчас в Республике Калмыкия говорить на калмыцком языке?	Престижно Скорее престижно Скорее не престижно Не престижно Затрудняюсь ответить	38,4 % 42,4 % 8,1 % 2,0 % 9,1 %

Общение на калмыцком языке в школах умеренно присутствует, около 90 % респондентов изучали калмыцкий язык, обучаясь в школах. Следовательно, калмыцкая речь используется, хотя и неактивно, в сфере школьного образования. Символическая значимость и языковая лояльность калмыцкого языка высоки: мнение опрошенных об обязательности владения калмыцким языком имеет значимую поддержку. Вопрос о том, может ли язык сохраниться только с помощью семьи, без школьной поддержки, хотя

и был поддержан большинством опрошенных, но все же четверть из них затруднились с ответом. Престиж калмыцкого языка достаточно высок, по мнению опрошенных; лишь около 10 % ответили «скорее не престижно» и «не престижно» говорить на калмыцком языке.

3.3. Якутский язык

3.3.1. История образовательного языкового планирования якутского языка

История развития начального школьного образования в Якутии тесно связана с декабристами. С 1930-х годов XIX века они занимались обучением, создавали учебные пособия и открывали небольшие частные школы, приобщая, таким образом, коренное население к грамоте [Прокопьева и др., 2017, с. 65].

Всего выделяются три периода эволюции управления общим образованием: «Первый период (XVIII — начало XX вв.) — доминирование народной педагогики и становление государственного школьного образования; второй период (1918—1980 гг.) — доминирование унифицированной государственной системы образования; третий период (XX — начало XXI вв.) — становление государственно-общественной системы управления образованием в республике» [Новикова, 2012, с. 13].

До 1917 года школы делились на светские (земские и министерские) и духовные (церковно-приходские и школы грамоты). От этого зависело, какие предметы изучались в этих школах. Политика в отношении инородцев преследовала цель русификации и ассимиляции, поэтому занятия велись только на русском языке, национальные языки в школах не преподавались, обучение на них не проводилось.

Управление всеми учебными делами в Якутской области до 1900-го года находилось в ведении губернатора, и только в середине 1900-х была учреждена должность инспектора народных училищ. В 1904 году инспектором совместно с учителями была разработана учебная программа на 4 года: первый отводился на изучение русского языка, три остальных — на изучение обычной программы [Мамкина, 2016, с. 11, 14].

Значительные изменения произошли после 1917 года. В этот период начали осуществлять обучение в начальных классах на якутском языке. Одновременно создавались гимназии, прогимназии и реальные училища. Особенностью якутской системы образования являются кочевые школы, которые были открыты в 1920—1930-е годы. Каждая из этих школ имела свою специфику, и это зависело от рода деятельности (оленоводство, охота, рыболовство). Для людей, ведущих кочевой образ жизни, такие школы были жизненно необходимы. В 1920-х годах начали открываться школы с преподаванием якутского языка, велась работа над учебниками, букварями и различными пособиями,

необходимыми для освоения якутского языка. «В 1930—31 годах был принят оперативный план ликвидации неграмотности по районам Якутской АССР» [Прокопьева и др., 2017, с. 66]. Главными трудностями в те годы было тяжелое материальное положение школ и нехватка учителей, знающих якутский язык. В 1938 году появились национальные школы, где проводилось обучение на родном якутском языке [Прокопьева и др., 2017, с. 65—66].

3.3.2. Образовательное языковое планирование якутского языка: современная ситуация

В образовательном планировании якутского языка наблюдаются признаки сокращения функциональной нагрузки якутского языка в сфере образования. В настоящее время якутский язык широко изучается в школах республики: как предмет он осваивается 16 086 учениками, как родной язык — 5941; государственный якутский (предмет обучения) — 10 117, государственный якутский (родной язык) — 29 913 [МОН]. Число школьников, изучающих якутский язык как родной, является высоким, однако при этом «в школах с якутским языком обучения фактически обучение на родном языке всех предметов проводится только в начальной школе» [Никифорова и др., 2015, с. 548]. Обеспокоенность вызывает и подготовка преподавателей якутского языка, некоторые учителя владеют лишь его разговорной формой. Отмечаются также риски сокращения количества желающих изучать язык: «Зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи, заключающаяся в стремительном снижении их языковой компетенции» [Иванова, 2021, с. 80]. Исследователи также отмечают тенденцию к сокращению числа школьников, желающих изучать якутский — за 6 лет количество обучающихся на родном якутском языке снизилось на 23 % [Мюллер, 2019, с. 25]. Исследователи прогнозируют дальнейшее сокращение языковой компетенции у говорящих на якутском языке среди молодежи [Биткеева, 2022, с. 40].

3.3.3. Результаты полевого исследования в Республике Якутия (апрель 2022 года)

В Республике Якутия было опрошено 105 респондентов, жителей городской и сельской местности (табл. 3).

Общение на национальном языке присутствует в якутских школах в значительной степени. Следовательно, якутская речь востребована и используется в сфере школьного образования. При этом чуть больше половины опрошенных отметили, что жителям региона необходимо владеть якутским языком, это показатель высокой языковой лояльности, хотя только каждый четвертый информант изучал якутский язык, обучаясь в школе. Респонденты в большинстве своем считают, что именно семья, а не школа играет ключевую роль в сохранении языка. В интервью, касавшемся проб-

Таблица 3

Количественная характеристика ответов респондентов

Вопросы	Ответы респондентов	Количество ответов (в процентах)
Обязательно ли жителям Республики Якутия владеть якутским языком?	Да Нет Затрудняюсь ответить	62,9 % 15,2 % 21,9 %
Говорят ли на якутском языке в школах в Республике Якутия?	Почти все Значительно больше половины Половина Значительно меньше половины Почти никто Затрудняюсь ответить	33,3 % 14,3 % 9,5 % 7,6 % 21,0 % 14,3 %
Изучали ли Вы якутский язык в школе?	Да Нет	23,8 % 76,2 %
Существует мнение, что прежде всего семья, а не школа должна обеспечить владение родным языком. Может ли язык сохраниться с помощью только семейного воспитания и усилий родителей?	Да Нет Затрудняюсь ответить	63,8 % 18,1 % 18,1 %
Престижно ли сейчас в Республике Якутия говорить на якутском языке?	Престижно Скорее престижно Скорее не престижно Не престижно Затрудняюсь ответить	45,7 % 36,2 % 2,9 % 1,9 % 13,3 %

лем якутского языка, многие эксперты выражали обеспокоенность в отношении того, что дети не говорят на родном якутском языке, сужается среда его употребления и многие говорят неправильно [Интервью]. На вопрос о престижности якутского языка положительный ответ дали большинство респондентов — около 80 %.

4. Заключение = Conclusions

Одной из задач работы было определение сферы деятельности и направлений деятельности образовательного языкового планирования. Нами были выделены пять элементов этой области языкового планирования. Составлен обзор сложившихся в последнее столетие ситуаций в образовательном планировании на материале карельского, калмыцкого и якутско-

го языков. Был проведен анализ реализации образовательного языкового планирования в современный период по выделенным нами критериям и элементам деятельности, а также уточнение престижности языков в восприятии говорящих как мотивационного фактора для их изучения. По первым двум элементам — масштаб и уровень — состояние сходно у всех трех языков: образовательное языковое планирование реализуется в отдельных регионах, проводится на государственном уровне. По следующим элементам — язык обучения, мотивированность говорящих, метод деятельности — есть отличия в образовательном языковом планировании: на карельском языке в настоящее время обучение не проводится, в некоторых школах карельский язык изучается как предмет, обучение ему ведется на русском языке, на калмыцком и якутских языках в настоящее время проводится обучение в школах, хотя и у невысокого количества обучающихся.

Данные опросов свидетельствуют о достаточно высокой языковой лояльности информантов, которые в большинстве случаев признают необходимость обучения этническому языку, хотя многие из них не изучали титульные языки республик в школах, соответственно, мотивированность у говорящих направлена на поддержание языкового престижа. Последний элемент языкового планирования — метод деятельности — свидетельствует о том, что во всех трех рассмотренных случаях образовательное планирование направлено на поддержание языка, сохранение его как национального достояния.

Выведение карельского, калмыцкого и якутского языков на более высокий функциональный уровень с расширением сфер коммуникативного общения не представляется возможным в современных условиях образовательного планирования. Образовательное языковое планирование исследованных нами языков характеризуется относительно стабильным состоянием: они изучаются в школах, их языковой престиж признан этническими сообществами. Однако если рассматривать общие тенденции в отношении мотивированности к изучению рассмотренных нами языков, можно сказать, что для изучения языков в школах характерен скорее отрицательный сдвиг, то есть процесс, ведущий к снижению мотивированности к обучению этим языкам. По всей вероятности, это обусловлено недостаточной поддержкой карельского, калмыцкого и якутского языков на макроуровнях и микроуровнях: как со стороны органов власти, так и со стороны говорящих на этих языках.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Интервью — *Устные* интервью с экспертами по языковой ситуации, записанные в ходе полевого исследования в республиках Карелия, Калмыкия, Саха (Якутия) проведенного в 2021—2022 гг.
2. КИРО — *Центр* этнокультурного образования ГАУ ДПО РК «Карельский институт развития образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.kieli.ru (дата обращения 16.05.2023).
3. МОН — *Открытые* данные министерства просвещения — последняя версия (2019 год) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://opendata.edu.gov.ru/opendata/7710539135-D7> (дата обращения 16.05.2023).
4. DS — A Dictionary of Sociolinguistics / Joan Swann, etc. — Edinburgh University press, 2012. — 368 p. — ISBN 0 7486 1690 X.

Литература

1. *Адучиева А. Б.* Калмыцкий язык : проблемы и перспективы / А. Б. Адучиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12 (42). — Ч. II. — С. 13—15.
2. *Алпатов В. М.* Языковая политика в современном мире : «одноязычная» и «двухязычная» практики и проблема языковой ассимиляции / В. М. Алпатов // Comparative politics. — 2013. — № 2 (12). — С. 8—28.
3. *Биткеева А. Н.* Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия) : акторы, дебаты, новые вызовы / А. Н. Биткеева, Н. И. Иванова, М. Я. Каплунова // Научный диалог. — 2022. — № 11 (9). — С. 27—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45.
4. *Иванова Н. И.* Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования : истоки начинающегося кризиса / Н. И. Иванова, В. Н. Никитина, А. Г. Филиппова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 65—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-65-84.
5. *Команджаев А. Н.* Становление системы школьного образования в Калмыкии во второй половине XIX — начале XX века / А. Н. Команджаев, О. Н. Абеева, Д. В. Амаева // Вестник Калмыцкого университета. — 2017. — № 36 (4). — С. 18—23.
6. *Кузнецов С. Н.* Языковая политика и языковое планирование [Электронный ресурс] // 2007 — Режим доступа : Языковая политика и языковое планирование (msu.ru) (дата обращения 27.07.23).
7. *Мамкина И. Н.* Формирование системы общего образования в Якутской области в XIX — начале XX века / И. Н. Мамкина // Вестник РГГУ. — 2016. — № 1. — С. 9—18.
8. *Мюллер Д.* Тенденции развития обучения на родных языках и обучения родным языкам в Российской Федерации за последние 6 лет (2013—2018) / Д. Мюллер // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. — Москва : Институт языкознания РАН 2019. — С. 25—27. — ISBN 978-5-6041117-8-9.
9. *Намруева Л. В.* Нужен ли учащейся молодежи Калмыкии калмыцкий язык (по материалам социологических исследований 2015 и 2017 гг.) / Л. В. Намруева // Новые исследования Тувы. — 2018. — № 1. — С. 143—152. — DOI: 10.25178/nit.2018.1.12.
10. *Никифорова Е. П.* Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) / Е. П. Никифорова, Л. П. Борисова // Современные исследования социальных проблем, Modern Research of Social Problems. — 2015. — № 9 (53). — С. 543—552. — DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-42.

11. Новикова А. Д. Особенности управления региональной системой образования (на примере Якутии) / А. Д. Новикова // Наука и школа. — 2012. — № 2. — С. 12—14.
12. Пасанен А. «Языковое гнездо» в процессе возрождения финно-угорских языков: опыт и перспективы / А. Пасанен // Финно-угорский мир. — 2011. — № 2/3. — С. 20—25.
13. Прокопьева М. М. Становление и развитие системы школьного образования в Якутии / М. М. Прокопьева, М. А. Бочкарева // Мир науки, культуры, образования. — 2017. — № 5 (66). — С. 65—66.
14. Сартикова Е. В. Народное образование как механизм советской модернизации Калмыкии (20—30-е гг. XX в.) / Е. В. Сартикова // Вестник РУДН, сер. История России. — 2010. — № 4. — С. 145—151.
15. Сартикова Е. В. Этапы развития национальной школы Калмыкии (1993—2003 гг.) / Е. В. Сартикова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2009. — № 2. — С. 42—46.
16. Селиверстова О. А. К вопросу о дефиниционных различиях понятий «Языковая политика» и «Языковое планирование» в отечественной и зарубежной лингвистике / О. А. Селиверстова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 10. — С. 8—12.
17. Скачкова И. И. Языковая политика и языковое планирование : определение понятий / И. И. Скачкова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 126—131.
18. Харчевникова Р. П. Функционирование калмыцкого языка в образовательной сфере / Р. П. Харчевникова, Л. А. Лиджиева // Социолингвистика. — 2021. — № 1 (5). — С. 49—62. — DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-49-62.
19. Cooper R. L. Language planning and social change / R. L. Cooper. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — 216 p. — ISBN 9780511620812.
20. Eastman C. M. Language planning, an introduction / C. M. Eastman. — San Francisco : Chandler and Sharp, 1983. — 276 p. — ISBN 978-0883165522.
21. Haugen E. Planning for a standard language in modern Norway / E. Haugen // Anthropological Linguistics. — 1959. — № 1 (3). — Pp. 8—21.
22. Tollefson J. W. Language planning in education / J. W. Tollefson // Language Policy and Political Issues in Education. — Springer Dordrecht. — 2010. — 459 p. — ISBN 978-90-481-9460-5.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023,
одобрена после рецензирования 21.07.2023,
подготовлена к публикации 21.08.2023.

Material resources

- DS — *A Dictionary of Sociolinguistics*. (2012). Edinburgh University press. 368 p. ISBN 0 7486 1690 X.
- Interviews — *Oral interviews with experts on the language situation recorded during a field study in the Republics of Karelia, Kalmykia, Sakha (Yakutia) conducted in 2021—2022*. (In Russ.).
- KIRO — *Center of ethnocultural education of the State Educational Institution of the Republic of Kazakhstan “Karelian Institute of Education Development”*. Available at: www.kieli.ru (accessed 16.05.2023). (In Russ.).

MON — *Open data of the Ministry of Education — latest version (2019)*. Available at: <https://opendata.edu.gov.ru/opendata/7710539135-D7> (accessed 16.05.2023). (In Russ.).

References

- Aduchieva, A. B. (2014). Kalmyk language: problems and prospects. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (42) / II: 13—15. (In Russ.).
- Alpatov, V. M. (2013). Language policy in the modern world: “monolingual” and “bilingual” practices and the problem of language assimilation. *Comparative politics*, 2 (12): 8—28. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N., Ivanova, N. I., Kaplunova, M. Y. (2022). Yakut Language in Modern Education System of Republic of Sakha (Yakutia): Actors, Debates, New Challenges. *Nauchnyi dialog*, 11 (9): 27—45. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45> (In Russ.).
- Cooper, R. L. (1989). *Language planning and social change*. Cambridge: Cambridge University Press. 216 p. ISBN 9780511620812.
- Eastman, C. M. (1983). *Language planning, an introduction*. San Francisco: Chandler and Sharp. 276 p. ISBN 978-0883165522.
- Haugen, E. (1959). Planning for a standard language in modern Norway. *Anthropological Linguistics*, 1 (3): 8—21.
- Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2021). Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis. *Nauchnyi dialog*, 10: 65—84. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84> (In Russ.).
- Kharchevnikova, R. P., Lidzhieva, L. A. (2021). Functioning of the Kalmyk language in the educational sphere. *Sociolinguistics*, 1 (5): 49—62. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-49-62. (In Russ.).
- Komandzhaev, A. N., Abeeva, O. N., Amaeva, D. V. (2017). The formation of the school education system in Kalmykia in the second half of the XIX — early XX century. *Bulletin of the Kalmyk University*, 36 (4): 18—23. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. N. (2007). *Language policy and language planning*. Available at: [Language policy and language planning \(msu.ru\)](http://languagepolicy.msu.ru) (accessed 27.07.23). (In Russ.).
- Mamkina, I. N. (2016). Formation of the system of general education in the Yakut region in the XIX — early XX century. *Bulletin of the Russian State University*, 1: 9—18. (In Russ.).
- Muller, D. (2019). Trends in the development of teaching in native languages and teaching native languages in the Russian Federation over the past 6 years (2013—2018). In: *Prospects and challenges of language policy and the language situation in Crimea*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 25—27. ISBN 978-5-6041117-8-9. (In Russ.).
- Namrueva, L. V. (2018). Does the Kalmyk language need for the students of Kalmykia (based on the materials of sociological research in 2015 and 2017). *New Studies of Tuva*, 1: 143—152. DOI: 10.25178/nit.2018.1.12. (In Russ.).
- Nikiforova, E. P., Borisov, L. P. (2015). Language educational policy in the Republic of Sakha (Yakutia). *Modern Research of Social Problems, Modern Research of Social Problems*, 9 (53): 543—552. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-42. (In Russ.).
- Novikova, A. D. (2012). Features of management of the regional education system (on the example of Yakutia). *Science and School*, 2: 12—14. (In Russ.).

- Pasanen, A. “Language nest” in the process of revival of Finno-Ugric languages: experience and prospects. *Finno-Ugric world*, 2/3: 20—25. (In Russ.).
- Prokopyeva, M. M., Bochkareva, M. A. (2017). Formation and development of the school education system in Yakutia. *The world of science, culture, education*, 5 (66): 65—66. (In Russ.).
- Sartikova, E. V. (2010). Public education as a mechanism of Soviet modernization of Kalmykia (20—30-ies of XX century). *Bulletin of the RUDN, ser. The history of Russia*, 4: 145—151. (In Russ.).
- Sartikova, E. V. (2009). Stages of development of the national school of Kalmykia (1993—2003). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2: 42—46. (In Russ.).
- Seliverstova, O. A. (2014). On the issue of definitional differences between the concepts of “Language policy” and “Language planning” in domestic and foreign linguistics. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 10: 8—12. (In Russ.).
- Skachkova, I. I. (2015). Language policy and language planning: definition of concepts. *Political Linguistics*, 1 (51): 126—131. (In Russ.).
- Tollefson, J. W. (2010). Language planning in education. In: *Language Policy and Political Issues in Education*. Springer Dordrecht. 459 p. ISBN 978-90-481-9460-5.

*The article was submitted 09.06.2023;
approved after reviewing 21.07.2023;
accepted for publication 21.08.2023.*

Информация для цитирования:

Николаев Е. Р. Мотивационный признак «действие» в диалектных наименованиях посуды в якутском языке / Е. Р. Николаев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 107—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-107-122.

Nikolaev, E. R. (2023). Motivational Feature “Action” in Dialectal Names of Utensils in Yakut Language. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 107-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-107-122. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-107-122

Мотивационный признак «действие» в диалектных наименованиях посуды в якутском языке

Николаев Егор Револьевич
orcid.org/0000-0003-3782-8402
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела якутского языка
1953307@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование проведено в рамках
государственной программы
«Сохранение и развитие государственных
и официальных языков в Республике Саха
(Якутия) на 2020—2024 годы»
(Постановление Правительства
Республики Саха (Якутия)
от 18 июля 2022 г. № 472
«О государственной программе
Республики Саха (Якутия) «Сохранение
и развитие государственных
и официальных языков
в Республике Саха (Якутия)»)

Motivational Feature “Action” in Dialectal Names of Utensils in Yakut Language

Egor R. Nikolaev
orcid.org/0000-0003-3782-8402
PhD in Philology,
senior research scientist
of the Yakut language department
1953307@mail.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was conducted within
the framework of the state program
“Preservation and development of state
and official languages in the Republic
of Sakha (Yakutia) for 2020-2024”
(Decree of the Government of the Republic
of Sakha (Yakutia) dated July 18, 2022
No. 472 “On the state program
of the Republic of Sakha (Yakutia)
“Preservation and development
of state and official languages
in the Republic of Sakha (Yakutia)”)

© Николаев Е. Р., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Основной целью исследования является описание глагольных основ в диалектных названиях посуды в якутском языке для выявления мотивационных признаков, семантически соотносительных с категорией «действие». В статье использован описательный метод с применением словообразовательного и семантического анализа слова. Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлеченные из диалектологических и толковых словарей, а также использованы полевые материалы автора. Установлено, что мотивационный признак производного слова обусловлен значением производящего слова. Прояснена взаимосвязь значения производного слова со значением глагольной основы производящего слова с помощью словообразующих аффиксов, которые обозначают свойства и функции посуды: размер и объем; процесс приготовления пищи (блюда). Основным мотивационным признаком в рассмотренных названиях является «действие»: брожение, сбор, перемещение, переворачивание, черпание и т. д. Производящими основами выступают глаголы *бас-* (черпать (воду)), *халбый-* (снимать (например, сливки)), *хамуй-* (собирать), *көйөр-* (бродить (о кумысе)), *хотор-* (вынимать (мясо)), *тас-* (перемещать (кумыс)), *дай-баа-* (размахивать, в значении 'набирать ковшом'), *тиэр-* (переворачивать). Автор приходит к выводу о том, что реализацию данного мотивационного признака можно обозначить как *глагольный тип мотивации*.

Ключевые слова:

якутский язык; диалектная лексика; наименования посуды; мотивационный признак; глагольный тип мотивации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The main goal of the study is to describe verb roots in dialectal names of dishes in the Yakut language in order to identify motivational features semantically related to the category of 'action'. The article employs a descriptive method using morphological and semantic analysis of words. The material for the study consists of lexical units extracted from dialectological and explanatory dictionaries, as well as field materials collected by the author. It has been established that the motivational feature of a derived word is determined by the meaning of the base word. The relationship between the meaning of the derived word and the verb root of the base word is clarified through the use of word-forming affixes that denote properties and functions of dishes: size and volume; cooking process (dishes). The main motivational feature in the examined names is 'action', including fermentation, collection, movement, flipping, scooping, etc. The base words include verbs such as 'bas-' (to scoop (water)), 'khalbiy-' (to remove (e.g., cream)), 'homuy-' (to gather), 'köyör-' (to wander (about kumis)), 'khotör-' (to extract (meat)), 'tas-' (to move (kumis)), 'daibaa-' (to swing, in the sense of 'scooping with a ladle'), 'tier-' (to flip). The author concludes that the realization of this motivational feature can be referred to as '*verb-type motivation*'.

Key words:

Yakut language; dialectal vocabulary; names of dishes; motivational feature; verb-type motivation.

Мотивационный признак «действие» в диалектных наименованиях посуды в якутском языке

© Николаев Е. Р., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время одной из приоритетных задач в якутской лингвистике является инвентаризация наименований различных тематических групп — это первый этап формирования базы данных корпуса якутского языка в современных условиях. Следующий этап — лексико-семантический анализ корпуса, который также включает выделение основ и словообразующих или словоизменительных формантов. Данная стадия исследования подробно разработана в области именного словообразования литературного якутского языка [Антонов, 1973; Иванова, 2011]. Диалектный пласт в этом аспекте был рассмотрен в трудах С. А. Иванова — описание морфологических особенностей современных якутских говоров с привлечением сравнительно-сопоставительного материала [Иванов, 2014]. В частности, он сделал вывод, что «имена существительные в говорах образуются при помощи тех же аффиксов, которые свойственны именам существительным литературного языка» [Иванов, 2014, с. 16]. Анализ аффиксов тесно связан с этимологизацией основ — это третий этап. В этой части ощущается эпизодический характер исследований, так как данное направление традиционно разрабатывается на стыке разных отраслей науки и требует многопланового подхода с точки зрения этнографии, истории, культурологии, литературы и фольклора. Исключением являются труды Г. В. Попова [Попов, 2003], в которых затрагивается этимология слов диалектного пласта в сравнительно-историческом аспекте.

Устоявшаяся схема анализа слова «структура (форманты) — семантика (ядро, периферия) — этимология» состоит из нескольких направлений в зависимости от поставленных задач исследователя, которые включают «не только типологическое изучение лексико-семантических полей, но и прочие компоненты: типы мотиваций, структуры полисемии отдельных слов, метафорическую сочетаемость, грамматическую категоризацию» [Руссо, 2012, с. 162]. Применительно к нашему исследованию стоит отметить, что в якутоведении глагол достаточно хорошо изучен: образные глаголы движения и их основы [Харитонов, 1954], структурно-семантическое

описание лексико-семантической группы глаголов физического воздействия на объект [Копырина, 2012], предельные и непредельные значения многозначных глаголов [Самсонова, 2020] и др.

Из этих компонентов, на наш взгляд, упускается из виду одна из областей, которая непосредственно касается выявления семантики глагольных основ — мотивационный аспект, предполагающий установление особенностей значения слова во взаимосвязи со словообразовательными средствами. Семантико-мотивационный аспект в российской лингвистике исследован в трудах О. И. Блиновой («актуализация мотивационных отношений слов связана с явлением лексикализации внутренней формы слова. Фактор мотивированности воздействует на варианты отношения лексических модификаций одного и того же слова» [Блинова, 1982, с. 3]), И. С. Улуханова (о синхронных словообразовательных (мотивационных) отношениях см.: [Улуханов, 1992]), С. М. Толстой («...задача семантической реконструкции состоит в том, чтобы ... объяснить мотивационные отношения между ними, восстановить последовательность и механизм семантических переходов, приведших к появлению того или иного конкретного значения» [Толстая, 2010, с. 187]), Е. Л. Березович (о целесообразности семантико-мотивационной реконструкции, которая предполагает изучение семантико-деривационных комплексов, см.: [Березович, 2014]), Т. И. Вендиной (мотивировочные признаки (качественные, локативные, акторные и др.) рассматриваются ей как параметры концептуальной модели семантических отношений [Вендина, 1998]), Г. Н. Ягафаровой (о соотношении способов, типов, принципов, мотивов номинации (по схожести функций, по величине, по запаху и т. д.) см.: [Ягафарова, 2008]) и др.

Таким образом, актуальность нашего исследования обосновывается недостаточной изученностью мотивации диалектных слов, относящихся к различным тематическим группам, в якутском языке. С учетом того, что «аффиксальное образование существительных от глаголов считается значительно менее разнообразным по сравнению с другими тюркскими языками» [ГСЯЛЯ, 1982, с. 112], все же стоит уделить внимание этой мотивационной модели.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование вносит вклад в изучение семантики и словообразовательного потенциала диалектных названий посуды в якутском языке. Составляется классификация диалектных названий кожаной кумысной посуды, анализ их способов образования [Николаев, 2021], изучаются лексические и морфологические особенности названий посуды и утвари, перешедших в статус архаизмов-диалектизмов [Скрябина, 2022].

На материале толковых и диалектологических словарей [ДСЯС, 1995; ДСЯЯ, 1976], данных, собранных в ходе диалектологических экспедиций [Организация и проведение ..., 2022], автором данной статьи готовится рукопись лексико-тематического словаря «Диалектные названия посуды и утвари в якутском языке» (более 300 лексических единиц), учитывающая принадлежность к тому или иному говору, основные и коннотативные значения. Были выделены подгруппы названий по материалу изготовления — деревянные, берестяные, глиняные, кожаные, костяные, смешанные и т. д. Из них мы рассмотрели диалектные названия посуды, производящие основы которых являются глаголами. Их количество незначительно, однако данный выбор мы обосновываем тем, что глагольные основы имеют более прозрачную семантику, тем самым можно создать задел для будущих исследований.

Цель нашей работы — прояснение мотивационных признаков в глагольных основах на примере диалектных наименований посуды в якутском языке. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявить диалектные названия посуды с глагольной основой; определить мотивационные признаки глагольных основ; установить связь производящей основы и аффиксов.

В качестве основного мы использовали описательный метод с применением словообразовательного, а также семантического анализа слова. Методом выборки из лексикографических источников — диалектологических, толковых словарей якутского языка — были выявлены диалектные единицы, обозначающие посуду.

Новизна данной работы заключается в выделении нового аспекта исследования в якутской лингвистике — изучения семантической мотивации диалектных единиц, которое является продолжением исследований с использованием корпуса диалектных наименований традиционной посуды.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что ее результаты вносят вклад в исследование корпуса диалектной лексики, могут способствовать развитию такого направления, как изучение семантики и этимологизация диалектных и общеупотребительных слов в якутском языке.

Полученные результаты могут быть полезными для сопоставительных исследований лексики и грамматики тюркских языков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Из более чем 300 диалектных наименований посуды мы отобрали лексемы, для которых производящей основой выступили глаголы. Образованные от глагольных основ с помощью определенных формантов (аффиксов) обозначения посуды стремятся к категории *термин*.

3.1. Мотивационные признаки «собирать», «черпать», «снимать» в якутских названиях посуды

Глаголы со значениями ‘собирать’, ‘черпать’, ‘снимать’ имеют семантическое сходство, которое находит отражение в процессе дальнейшей деривации при образовании названий посуды и оформляется различными лексическими единицами.

БАС-: ‘набирать, черпать что-либо жидкое или единичное чем-либо’ [ТСЯЯ, 2005, т. 2, с. 228]:

— *бадьаайах*, лен., олекм. *оһоойук* ‘небольшой берестяной сосуд для сбора ягод, лукошко’;

— *бадьыыр*, олекм. *бурдук тардарга кэмниир иһит* ‘посуда для измерения при размалывании зерна’; сунт. *ыыр ыаҕайа* ‘небольшое берестяное ведро для доения коровы’; вил., верх.-вил. ‘небольшая посуда для сбора ягоды, из которой по наполнении ягода пересыпается в большую посуду’;

— *бачаайах*, олекм. ‘небольшой берестяной сосуд для сбора ягод, лукошко’;

— *кымыс баһар*, сунт. *курууска курдук быһыылаах (аата-суола быһаарыллыбата)* ‘деревянная посуда в виде кружки (точное название не установлено’.

Глагольная основа *бас-* ‘набирать, черпать’ служит производящей по отношению к ряду имен существительных — *бадьаа*, сунт. ‘мутовка для кумыса’, *баһыыр*, м.-канг. ‘черпак из конского волоса’, *баһымны* ‘мотыга’, а также имен прилагательных, употребляющихся в образно-метафорическом контексте — *баһырхай* ‘чрезмерный’, *баһаам* ‘многочисленный’ и др. Мотиватором значения в дериватах основы *бас-* — в названиях посуды — является действие, обозначающее черпание, набирание чего-либо жидкого чем-нибудь небольшим, вспомогательным предметом. Эти наименования образованы с помощью аффиксов: *-йах*, *-чык* — имяобразующий аффикс со значением уменьшительности (обозначает размер, объем); *-ыыр* — аффикс глагола в настоящем времени (2-ое лицо) (обозначает действие, которое происходит в данное время).

Варьирование [ч] ~ [дь] в *бачаайах* ~ *бадьаайах* можно отнести к диалектному соответствию [ч] ~ [дь] ~ [нь] в начале слова: *чаалбаан* ~ *ньаалбаан* ~ *дьаалбаан* ‘жестянка’; *чэнкир* ~ *дьэнкир* ~ *ньэнкир* ‘прозрачный, просвечивающий’ [Иванов, 2021, с. 116]. Так как [ч] и [дь] оба являются среднеязычными аффрикатами, можно предположить, что данное варьирование тяготеет к произношению диалектных слов по аналогии (без семантического сдвига) в том или ином говоре без особых фонетических предпосылок по типу *бытыкка* ~ *мытыкка*, *хобордоох* ~ *хомордоох* [Дьячковский, 2000, с. 116—117].

ХАЛБЫЙ-: ‘снимать, собирать что-либо с поверхности чего-либо (например, сливки с молока, накипь с бульона)’ [БТСЯЯ, 2016, т. XIII, с. 528, 230]:

- *халбыга*: *кыра хамыйах* ‘малая ложка’;
- *халбыйар*, Бод. ‘деревянная поварешка’;
- *халбыыр*, олекм., *холбуур*, Бод. ‘деревянный черпак, половник, деревянная поварёшка’;
- *холбуй*, *халбый*: *сүөгэй холбуйар хаптабай улахан хамыйах* ‘плоский ковш для снятия сливок’.

Эти наименования образованы с помощью формантов: *-га* — имяобразующий аффикс (например, *хоолдьуга* ‘жертвенное животное’, *холбука* ‘шкатулка’); *-уур* — многозначная имяобразующая аффиксальная морфема, присоединяется к глагольным основам, например, *хатаа+/-ыыр=хатыыр* ‘засов’, *балый=-ыыр=балыыр* ‘клевета, оговор’ и т. п., тем самым происходит субстантивация — образуется причастие настоящего времени в значении имени существительного; *-ар* — аффикс глагола в настоящем времени; *-й* — аффикс глагола во 2 лице, в единственном числе повелительного наклонения (обозначает действие).

В числе лексических модификаций присутствуют названия, обозначающие большую ложку, большую плоскую ложку, ковш, черпак, половник, поварешку. В них можно наблюдать один из основных признаков диалектного членения якутского языка — аканье (*халбый*) и оканье (*холбуй*). Считается, что аканье является первичным и наиболее древним явлением в якутском языке и сохраняется преимущественно в центральной диалектной зоне. Названия утвари показывают, что акающий вариант *халбый* как фонетическая модификация до сих пор присутствует в окаяющих говорах якутского языка — в олекминском (олекмо-вилюйская диалектная зона).

Что касается основы *халбый-*, то можно привлечь омонимичную лексему *халбый-* ‘стрелять влёт; перехватить след какого-л. зверя’ [БТСЯЯ, 2016, т. XIII, с. 230] и на основе их сближения уточнить значение номинации *халбыйар-*: действие осуществляется как бы не до конца, не в полную силу, а слегка, по касательной — ‘снимать сливки с самого верха жирного молока’.

ХОМУЙ- (ХАМЫЙ-): 1. ‘сгрести, собрать в одном месте, в кучу какую-либо мелочь (что-либо сыпучее, рассыпающееся)’; 2. ‘собрать, подбирая с земли или срывая, убирая что-либо (плоды, траву и т. п.)’; 3. ‘собрать, сосредоточить что-либо в одном месте’ [БТСЯЯ, 2016, т. XIII, с. 560, 561]:

- *хамыйах түөнэ*: гададьная ложка; *түөнэ мабан түөрэх* ‘светлая воробка’;
- *хамыйах*: большая ложка из березового или лиственничного дерева; уполовник, поваренка, ковш, черпачок, черпало’; *кыл хамыйах* ‘волосяной

черпак, употребляемый как мера при дележке добытой неводом рыбы (больше, чем хоппо күрдьэх); *быһыы хамыйах* ‘(в старину) мера около пуда’;

— *хамыас, хомуос*: 1. ковш, черпак; большой деревянный ковш для черпания жидкостей; 2. ковш, ковшик, черпак; большая ложка’; *бурдук баһар хомуос* ‘совок’; *иһит-хомуос, иһит-хамыас* ‘посуда’;

— *хомуос хамыйах, сунт. үүт холбуйар хамыйах* ‘деревянная ложка для снятия с молока сливок’; *хомуос хамыйах* ‘сүөгэй холбуйаллар = ложка для сметаны’;

— *ыһыах хамыйаба: ыһыах хамыйабын олоччу уган кэбиспиттэр* ‘они (в посуду с кумысом) вложили углублением вверх ковш кумысного праздника’;

— *эбир хамыйах*: ковш, вырезанный из толстой березы, которым во время кумысного праздника ысыах черпают кумыс из деревянных кубков (чорон) и брызгают в пространство; *үс харахтаах эбир хамыйах түөрэх* ‘с тремя отверстиями пестрая гадальная ложка’.

Среди актуальных словообразующих формантов отметим здесь имяобразующие аффиксы **-ах**: *хамый* + **-ах**=*хамыйах*; **-с**: *хомуи* + **-с**=*хомуос, хамый*+**-с**=*хамыас*.

Существует ряд слов с глагольной основой *хомуи*- ‘собирать’, которые характеризуются мотивационным единством с *хамыйах*: *хомуур* ‘сбор’, *хомуур(у)нньук* ‘сборник (например, произведений)’, *хомуиаччы* ‘уборщик’, *хомуитарыы* ‘принудить убирать, собрать’ и др. Аффикс **-ах** играет роль номинативного аффикса, обозначает посуду (емкость) для жидкостей разного рода (воды, молока, кумыса и т. д.). Этот же аффикс может оформить смысловой компонент некоторой законченности внутреннего содержания в обозначениях кухонной утвари: *балках / баллах* ‘небольшой чорон (деревянный кубок) с одной ножкой, *кытах* ‘тарелка для супа’, *баҕарах* ‘низкий и широкогорлый горшок для варки молока’, *хаарбах* ‘котел, котелок’, *уһуйах* ‘мутовка для взбалтывания кумыса’ и т. д. Как и **-ыйа**, формант **-ах** имеет терминообразующую функцию. Можно предположить, что две фонетические модификации *хомуи*- и *хамый*- тоже являются следствием акающего и окающего говоров.

3.2. Мотивационный признак «заквашивать» в названиях посуды

КӨӨННӨР-. 1. ‘подвергать брожению; квасить, заквашивать’ [БТСЯЯ, 2007, т. V, с. 304, 305].

— *көйөрөр, вил. чабычах, мэхэмээн* ‘берестяная посуда в виде большой миски, таза’. Здесь мы наблюдаем явление, изредка фиксируемое в произнесении слов, количество которых в настоящее время ограничено — несколько более 150 слов [Алексеев, 2018, с. 44—45]. Данное явление — употребление носового [н̄] вместо носового (йотированного) [j]

или наоборот — как соответствие [н]~[нь]~[j(носовой й)]~[й] в якутских говорах проявляется в именных основах: *куйаас* ~ *куньяас* ‘жара’, *тыйыс* ~ *тынбыс* ‘крепкий, жестокий, суровый’, *киниит* ~ *киньиит* ~ *кийиит* ~ *кийиит* ‘невестка, невеста’ и т. д. Согласно БТСЯЯ, производящей основой *көйөрөр* является *көөнньөр*-. Возможно, более вероятная основа данного слова *көөй*-, *көй*- зафиксирована в словаре Э. К. Пекарского: *көйнөр*, *көйинер*, *көнньөр*, *көөнньөр*, *көйньөр*, *көйиньөр*, *көөрөр* ‘приводить в брожение, заквашивать; заваривать’: *көйнөрү көйөргө кымыс* ‘перебродивший кумыс’; *көйнөрүүлэх кымыс* ‘выбродивший кумыс’; *көйнуу*, *көйнуу-көөннуу (кымыс)* ‘крепкий кумыс’; *көйөлгө-көйөргө-көжөргө*, *көйүргэ* ‘кумыс’; *хойуу көйөргө* ‘густая кумысная закваска’; *көйөргөлөөх хойуу* ‘забористая, крепкая закваска’; *көйөргөн-көйүргөн* ‘закваска’, ‘кумыс’; *көжүү* ‘заквашенный’, *көжүү кымыс* ‘крепкий кумыс, отстоянный кумыс’ [Пекарский, 1959, т. I, с. 1130, 1131].

Аффикс глагола настоящего времени *-өр* акцентирует процесс брожения, связанный с помещением жидкостей в посуду, тем самым ее функция отражена в самом наименовании.

3.3. Мотивационный признак «вытаскивать» в названиях посуды ХОТОР- ‘вытаскивать, выкладывать мясо крупными кусками из супа, рыбу из ухи’ [БТСЯЯ, 2016, т. XIII, с. 623]:

— *хоторооньук*, турух., н.-кол. *балык хоторор хамыйах* ‘деревянная лопатка с длинной отогнутой вверх ручкой для вынимания рыбы из котла’, ‘ковш деревянный в виде лопатки с длинной загнутой вверх ручкой; на ковше (посередине) вырезан крест, служит для вынимания рыбы из котла’.

Образовано с помощью терминообразующего аффикса, который одновременно определяет небольшой размер утвари (аффикс уменьшительности *-(оо)ньук*). Семантическая мотивация производящего слова непосредственно указывает на конкретное действие — вынимать что-то из чего-либо с помощью чего-то.

3.4. Мотивационный признак «перемещать» в названиях посуды ТАС- ‘перемещать, доставлять что-либо куда-либо, носить, переносить, возить, перевозить’ [БТСЯЯ, 2013, т. X, с. 279]:

— *таһыар*, *таһыар көбүөр* ‘большой кумысный мех’; *таһыар (тойон) көбүөр*, *таһыар* ‘большой кумысный мех (сосуд)’ [БТСЯЯ, 2007, т. IV, с. 219].

Данное диалектное слово имеет другое значение: в вилуйских говорах *тоһуор көбүөр* ~ *таһыар көбүөр*, *кыра симиир* ‘маленький симиир’ [Кулаковский, 2017, с. 142]. Скорее всего, производящей основой *таһыар* является глагол *тас-* ‘перемещать’. Кумыс из кобыльего молока изготавливали в весенне-летнее время, во время массовой выжербки и изобилия молока.

На дальние расстояния, например, во время сенокоса, кумыс переносили в компактных кожаных сосудах (мехах) *таһыар көбүөр*. *Таһыар көбүөр* по размеру меньше, чем обычный *көбүөр*, который использовался во время религиозного праздника *ыһыах* ‘букв. окроплять (кумысом)’. Таким образом, наименование имеет сугубо утилитарную мотивацию, обозначает действие, связанное с перемещением сосуда.

3.5. Мотивационный признак «размахивать» в названиях посуды

ДАЙБАА-: 1. ‘размахивать руками (при ходьбе)’; 2. ‘широко размахивать крыльями’; 3. ‘бить, ударять чем-либо с размаху; косить (траву)’; 4. *перен.* ‘бить, ударять, колотить’ [БТСЯЯ, 2006, т. III, с. 84, 85]. Если с помощью словоизменительных формантов образуется достаточно много лексем с одним общим значением ‘размахивать’, то словообразовательные возможности основы *дайбаа-*, как оказалось, ограничены: *дайбаахы эрдии* ‘весло’, а также *дайбыыр* ‘деревянный ковш (у вилюйских якутов)’; *дайбыр*, эвф. *мас хомуос* ‘деревянный ковш’. По-видимому, семантико-мотивационные возможности имеют свои пределы, поскольку основа обозначает одно или однообразное действие руки.

Дайбыр образовано с помощью глагольного аффикса *-ыыр*, маркирующего форму 2 лица настоящего времени. Внешнее оформление лексемы продиктовано внутренним содержанием, то есть обозначением руки (или лап) в действии. Так, мотивационными причинами для переноса эвфемистического значения *дайбаа-* могли стать однокоренные диалектные слова: *тайанар*, эвф., Бод. ‘передняя лапа медведя’; *тайбаа-*, инд. ‘замачивать и стирать на скорую руку, быстро’ (*мыылалаах ууга илитэн баран, үргүлүбү тайбаан кэбиһэбин* ‘сначала [шкурку] замачиваю в воде с мылом, потом сразу же мну’ [ДСЯС, 1995, с. 181]), — связанные с обозначением руки и руки в движении. Безусловно, первоначально слово *ковш* представлялось как часть и продолжение руки, связывалось с движением руки — с размахиванием. Эвфемистичность названий ковши и лапы медведя с общей основой могла бы говорить о том, что лапа медведя первична по отношению к ковшу, если допустить метафоризацию по внешнему облику, поскольку внешний облик ковши отдаленно схож с лапой медведя. Но в нашем случае доминирует функциональная характеристика предмета, так как двигательная характеристика руки, лапы и ковши имеют семантические схождения. Данную глагольную основу можно отнести к образным глаголам движения, поскольку «глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела ... по своему значению связаны с представлениями о частях тела человека и животных» [Харитонов, 1954, с. 206].

Культурологическая мотивация данного эвфемизма может включать еще другой факт: по якутскому поверью, нельзя наливать из ковши или

вообще из другого сосуда внешней (тыльной) стороной, то есть через руку. Эта примета-запрет связана с тем, что рука считается источником блага, счастья и удачи, которую «надо притягивать» в свою сторону [Тэрис, 2011, с. 29]. Такое же отношение соблюдается в культуре гостеприимства за столом. *Дайбыыр* как языковая единица, имеющая в своей основе метафорический перенос, демонстрирует известную закономерность: «... эвфемизмы орудий труда и промысла, предметов домашнего обихода и даже частей человеческого тела (например, рука как орудие труда) содержат в себе указание не на внешний характерный признак, а на функцию предмета» [Павлова, 2022, с. 5].

3.6. Мотивационный признак «переворачивать» в названиях посуды

ТИЭР- I: ‘переворачивать, выворачивать наизнанку’ [БТСЯЯ, 2004, т. X, с. 390]:

— *алаады тиэрэр лаппаакы*, сунт. ‘букв. лопатка для переворачивания олады’. Здесь наименование отражает манипуляцию с кухонной утварью — переворачивание предмета.

Рассмотренные лексические единицы проясняют общую схему анализа в данном аспекте. Так, составные компоненты мотивационной модели включаются в интерпретацию того или иного типа основы:

— **план выражения:** морфологический компонент — одна часть речи: глагол: *бас-*, *хомуй-*, *көөнньөр-* и т. д.; аффикс, образующий термин: *-чык*, *-х* и т. д.

— **план содержания:** семантический компонент — значение производящей основы раскрывает форму предмета: *объемный*, *полый*, *округлый*.

Функциональные характеристики отглагольных наименований раскрывают различные свойства посуды или утвари — их назначение: заквашивание (брожение); сбор, черпание; перемещение; переворачивание, вытаскивание. Объединяющим мотивационным признаком рассмотренных лексем является «действие». Функциональные особенности посуды, раскрывающиеся в *действии*, обозначаются глаголом, и на дальнейших ступенях словообразования они воплощаются в мотивационном признаке глагольного типа.

Также во внутреннюю форму исследуемых лексем могут закладываться различные представления, входящие в круг определенного кода культуры, например, пищевых запретов (*дайбыыр*). Однако семантика этого слова в синхронии нерепрезентативна, поэтому возникла потребность обратиться к поиску и интерпретации эвфемистического значения, имеющего скрытый характер, следовательно, в таком случае нужно говорить о метафорической, то есть «переносной мотивации» [Мусатов, 2012, с. 32].

Глагольный тип мотивационных признаков, установленных в ставших предметом анализа производных словах, предопределен назначением предмета номинации — посуды или утвари. Проведенная на основе анализа таких наименований (*хоторооньук, кёйөрөр, халбыйар, хамыйах*) семантическая реконструкция выявила полную мотивационную картину на одном из лексических участков якутского языка.

Отличие диалектных лексем от нормативных, общепотребительных слов заключается в том, что их употребление имеет узколокальный характер. Например, рассмотренные лексемы преимущественно распространены в олекмо-вилуйской (сунтарский, вилуйский, верхневилуйский, олекминский, бодайбинский говоры) диалектной зоне якутского языка. Этот факт можно объяснить тем, что эти говоры находятся на периферии, удалены от центральной диалектной зоны, поэтому в них сохранилось больше диалектных названий традиционной посуды, некоторые из них используются до сих пор. Как показывают полевые материалы, некоторые из них стали общепотребительными, например, *бадьыыр, хомуос, хамыйах, ыһыах хамыйаба*. Разновидность кумысного меха (кожаного сосуда) *таһыар кёбүөр* вышла из обихода, так как отпала необходимость в его использовании для того, чтобы носить кумыс на дальние расстояния.

4. Заключение = Conclusions

Итак, нами был осуществлен семантико-мотивационный анализ якутских диалектных лексем, которые обозначают посуду. Представленный в статье анализ позволяет прояснить некоторые вопросы, касающиеся вообще изучения семантики слова в якутском языке, в том числе глагольных основ, которые являются мотивационно значимыми:

- 1) определены мотивирующие признаки словообразующих формантов (аффиксов) в производных словах, которые обозначают различные свойства и функции: размер и объем посуды; процесс приготовления пищи (блюда);
- 2) установлено, что большинство аффиксов являются имяобразующими, с их помощью образуются названия разновидностей посуды;
- 3) прояснена взаимосвязь семантики производного слова с семантикой глагольной основы производящего слова (*глагольный тип мотивации*);
- 4) глагольный тип мотивации представляет собой конкретные действия: брожение (*кёйөрөр*), сбор (*бадьыыр*), перемещение (*таһыар кёбүөр*), переворачивание (*алаады тиэрэр лаппаакы*), черпание (*хомуос*) и т. д., — обозначаемые глаголами *бас-* (черпать (воду)), *халбый-* (снимать (например, сливки)), *хомуй-* (собирать), *кёйөр-* (бродить (о кумысе)), *хотор-* (вынимать (мясо)), *тас-* (перемещать (кумыс)), *дайбаа-* (размахивать (в значении 'набирать ковшом')), *тиэр-* (переворачивать).

Семантико-мотивационный анализ в перспективе может способствовать выявлению основных принципов мотивации, мотивационных признаков диалектных лексем якутского языка и разработке их типологии. Данная область в якутском языкознании остается лакуной, в перспективе вполне восполнимой, при этом значимую роль могут сыграть не только словари различного типа, но и языковые материалы, пополняемые в ходе диалектологических экспедиций, изучения фольклорных текстов, художественных произведений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. *Большой толковый словарь якутского языка* / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2016. — Т. 13. — 684 с. — ISBN 978-5-02-038678-5.
2. *Диалектологический словарь языка саха* = Саха түүлбэ тылын тылдьыта : доп. Том : содержит около 5000 слов / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. — Новосибирск : Наука, 1995. — 294 с. — ISBN 5-02-030713-0.
3. *Диалектологический словарь якутского языка* : содержит свыше 8500 слов / сост. : П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. — Москва : Наука, 1976. — 390 с.
4. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка : в 3-х томах / Э. К. Пекарский / Акад. наук СССР. — 2-е изд. — Москва : АН СССР, 1958. — Т. 1. — 1279 ст.
5. *Толковый словарь якутского языка* / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2004. — Т. 3. — 841 с. — ISBN 5-02-032390-X.
6. *Толковый словарь якутского языка* / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2007. — Т. 4. — 670 с. — ISBN 978-5-02-032397-1.
7. *Толковый словарь якутского языка* / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2013. — Т. 10. — 572 с. — ISBN 978-5-02-019276-8.

Литература

1. *Алексеев И. Е.* Е. И. Коркина : хотугулуу-илинни түүлбэҕэ сахалыы санаҕа доргооннор уратылар / И. Е. Алексеев. — Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — С. 42—47. — ISBN 978-5-902198-37-6.
2. *Антонов Н. К.* Исследования по исторической лексике якутского языка: (именные основы) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.665 / Н. К. Антонов. — Якутск, 1973. — 54 с.
3. *Березович Е. Л.* О семантико-мотивационной реконструкции лексики / Е. Л. Березович // Известия Уральского федерального университета. — Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2014. — № 4 (133). — С. 199—215.
4. *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — Москва : Издательство «Индрик», 1998. — 240 с. — ISBN 5-85759-081-7.

5. *Грамматика современного якутского литературного языка* : в 2 томах / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз. лит. и истории; редкол. : Е. И. Убрытова (отв. ред.), Е. И. Коркина, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров, Н. Д. Дьячковский, С. А. Иванов и др. — Москва : Наука, 1982. — Т. 1 : Фонетика и морфология. — 495 с.
6. *Дьячковский Н. Д.* Саха билинни тыла : Фонетика / Н. Д. Дьячковский / Рос. Федерация үөрэҕин м-вота, М. К. Аммосов аатынан Саха гос. ун-та. — Дьокуускай : СГУ издательствота, 2000. — 174 с. — ISBN 5-7513-0268-0.
7. *Иванов С. А.* Морфологические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. — Новосибирск : Наука, 2014. — 248 с. — ISBN 978-5-02-019250-8.
8. *Иванова И. Б.* Аффиксальное именное словообразование в современном якутском языке (на материале от глагольных имен существительных) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / И. Б. Иванова. — Якутск, 2011. — 22 с.
9. *Копырина Е. П.* Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке / ответственный редактор доктор филологических наук Н. Н. Ефремов. — Новосибирск : Наука, 2012. — 159 с. — ISBN 978-5-02-019034-4.
10. *Кулаковский А. К.* Труды по якутскому языку / А. Е. Кулаковский. — Якутск : Медиа-холдинг Якутия, 2017. — 278 с. — ISBN 978-5-471-00712-3.
11. *Мотивационный диалектный словарь* : Говоры Среднего Приобья / Сост. Л. А. Араева и др. ; Ред. О. И. Блинова. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1982. — Т. 1. — 268 с.
12. *Мусатов В. Н.* Типы мотивации производных слов в русском языке / В. Н. Мусатов // Вопросы филологии. — 2012. — № 3 (42). — С. 31—35.
13. *Николаев Е. Р.* Лексико-семантические особенности наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке / Е. Р. Николаев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2021. — № 1 (34). — С. 96—107. — DOI: 10.25693/SVGV.2021.34.1.010.
14. *Организация и проведение диалектологических, социолингвистических экспедиций по мониторингу состояния якутского языка* : рукопись Отчета о НИР / ИГи-иПМНС СО РАН ; рук. Е. Р. Николаев. — Якутск, 2022. — 147 с.
15. *Павлова И. П.* Приемы эвфемистической субституции в табуированной речи (на материале якутского языка) / И. П. Павлова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2. — С. 1—10. — DOI: 10.15862/51FLSK222.
16. *Попов Г. В.* Этимологический словарь якутского языка / Г. В. Попов. — Новосибирск : Наука, 2003. — Ч. 1 : А-Дь. — 179 с. — ISBN 5-02-031875-2.
17. *Руссо М. М.* Типология семантических переходов в области «наивной биологии» / М. М. Руссо // Вопросы филологии. — 2008. — № 3. — С. 92—100.
18. *Самсонова Е. М.* Предельность/непредельность многозначных глаголов в якутском языке (на примере глагола *бар-* ‘идти, уходить’) / Е. М. Самсонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 12. — С. 78—82. — DOI: 10.30853/philnauki.2020.12.16.
19. *Скрябина А. А.* Лексико-семантические параллели в наименованиях домашней утвари якутского, хакасского и алтайского языков / А. А. Скрябина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 10. — С. 3232—3237. — DOI: 10.30853/phil20220523.
20. *Толстая С. М.* Чистая правда : к семантической реконструкции слав. *čist- / С. М. Толстая // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. — 2010. — Т. II. — С. 187—197.

21. Тэрис. Киһи куннээби олобо / Тэрис. — Дьокуускай : Бичик, 2011. — 91 с. — ISBN 978-5-7696-3418-5.
22. Улуханов И. С. О степенях словообразовательной мотивированности слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. — 1992. — № 5. — С. 74—89.
23. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1954. — 312 с.
24. Ягафарова Г. Н. Исследование тематических групп башкирской лексики (оно-маснологический подход) / Г. Н. Ягафарова. — Уфа : ООО «Деловая династия», 2008. — 128 с. — ISBN 978-5-91608-010-0.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023,
одобрена после рецензирования 12.08.2023,
подготовлена к публикации 21.08.2023.

Material resources

- A large explanatory dictionary of the Yakut language, 13.* (2016). Novosibirsk: Nauka. 684 p. ISBN 978-5-02-038678-5. (In Russ.).
- Dialectological dictionary of the Sakha language = Sakha tuolbe tylyn tyldyt: add. Volume: contains about 5000 words.* (1995). Novosibirsk: Nauka. 294 p. ISBN 5-02-030713-0. (In Russ.).
- Dialectological dictionary of the Yakut language: contains over 8500 words.* (1976). Moscow: Nauka. 390 p. (In Russ.).
- Explanatory Dictionary of the Yakut language, 3.* (2004). Novosibirsk: Nauka. 841 p. (In Russ.).
- Explanatory dictionary of the Yakut language, 4.* (2007). Novosibirsk: Nauka. 670 p. ISBN 978-5-02-032397-1. (In Russ.).
- Explanatory dictionary of the Yakut language, 10.* (2013). Novosibirsk: Nauka. 572 p. ISBN 978-5-02-019276-8. (In Russ.).
- Pekarsky, E. K. (1958). Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes. In: *Academy of Sciences of the USSR., 1. 2nd ed.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 1279 art. (In Russ.).

References

- Alekseev, I. E. (2018). *E. I. Korkina: hotuguluu-iliṅṅi tuolbeḡe sakhaḷyу саҥаҕа доҕруор uratylara.* Yakutsk: Publishing House of IGIIPMNS SB RAS. 42—47. ISBN 978-5-902198-37-6. (In Russ.).
- Antonov, N. K. (1973). *Research on the historical vocabulary of the Yakut language: (nominal bases).* Author's abstract of Doct. Diss. Yakutsk. 54 p. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2014). On semantic and motivational reconstruction of vocabulary. *Izvestiya Ural Federal University. Series 2: Humanities, 4 (133):* 199—215. (In Russ.).
- Dyachkovsky, N. D. (2000). *Sakha beat the rear: Phonetics.* Dyokuuskai: SSU Publishing House. 174 p. ISBN 5-7513-0268-0. (In Russ.).
- Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes, 1: Phonetics and morphology.* (1982). Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).
- Ivanov, S. A. (2014). *Morphological features of Yakut dialects.* Novosibirsk: Nauka. 248 p. ISBN 978-5-02-019250-8. (In Russ.).
- Ivanova, I. B. (2011). *Affixal nominal word formation in the modern Yakut language (based on the material from verb nouns).* Author's abstract of PhD Diss. Yakutsk. 22 p. (In Russ.).

- Kharitonov, L. N. (1954). *Types of the verbal basis in the Yakut language*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 312 p. (In Russ.).
- Kopyrina, E. P. (2012). *Polysemy of verbs of physical impact on an object in the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. 159 p. ISBN 978-5-02-019034-4. (In Russ.).
- Kulakovskiy, A. K. (2017). *Works on the Yakut language*. Yakutsk: Media Holding Yakutia. 278 p. ISBN 978-5-471-00712-3. (In Russ.).
- Motivational dialect dictionary: Dialects of the Middle Ob region, 1.* (1982). Tomsk: Tomsk Publishing House. un-ta. 268 p. (In Russ.).
- Musatov, V. N. (2012). Types of motivation of derived words in the Russian language. *Questions of philology*, 3 (42): 31—35. (In Russ.).
- Nikolaev, E. R. (2021). Lexico-semantic features of the names of kumys leather tableware (vessels) in the Yakut language. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 1 (34): 96—107. DOI: 10.25693/SVGV.2021.34.1.010. (In Russ.).
- Organization and conduct of dialectological, sociolinguistic expeditions to monitor the state of the Yakut language: the manuscript of the Report on Research.* (2022). Yakutsk. 147 p. (In Russ.).
- Pavlova, I. P. (2022). Techniques of euphemistic substitution in taboo speech (based on the material of the Yakut language). *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 13 (2): 1—10. DOI: 10.15862/51FLSK222. (In Russ.).
- Popov, G. V. (2003). *Etymological dictionary of the Yakut language, 1: A-D*. Novosibirsk: Nauka. 179 p. ISBN 5-02-031875-2. (In Russ.).
- Russo, M. M. (2008). Typology of semantic transitions in the field of “naive biology”. *Questions of Philology*, 3: 92—100. (In Russ.).
- Samsonova, E. M. (2020). Limit /non-limit of polysemous verbs in the Yakut language (on the example of the verb bar — ‘to go, to leave’). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 13 (12): 78—82. DOI: 10.30853/filnauki.2020.12.16. (In Russ.).
- Scriabina, A. A. (2022). Lexico-semantic parallels in the names of household utensils of the Yakut, Khakass and Altai languages. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 15 (10): 3232—3237. DOI: 10.30853/phil20220523. (In Russ.).
- Taris. (2011). *Kihi kunneesji oloŝo*. Dyokuuskai: Bichik. 91 p. ISBN 978-5-7696-3418-5. (In Eston.).
- Tolstaya, S. M. (2010). Pure Truth: towards semantic reconstruction of slav. *čist-. *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij, II*: 187—197. (In Russ.).
- Ulukhanov, I. S. (1992). On the degrees of word-formation motivation of words. *Questions of Linguistics*, 5: 74—89. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (1998). *The Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)*. Moscow: Indrik Publishing House. 240 p. ISBN 5-85759-081-7. (In Russ.).
- Yagafarova, G. N. (2008). *Research of thematic groups of Bashkir vocabulary (onomasiological approach)*. Ufa: LLC “Business Dynasty”. 128 p. ISBN 978-5-91608-010-0. (In Russ.).

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 12.08.2023;
accepted for publication 21.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Никонова Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия : эклектика vs полипарадигматизм? / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 123—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139.

Nikonova, E. A. (2023). Discursive Practice and Communicative Strategy: Eclecticism vs Poly-paradigmatism? *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 123-139. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139

Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм?

Никонова Екатерина Андреевна

orcid.org/0000-0001-9260-4554

кандидат филологических наук,

старший преподаватель

кафедры Английского языка № 3

ekatnikon2014@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)

Министерства иностранных дел

Российской Федерации

(Москва, Россия)

Discursive Practice and Communicative Strategy: Eclecticism vs Poly-paradigmatism?

Ekaterina A. Nikonova

orcid.org/0000-0001-9260-4554

PhD in Philology, Senior Lecturer,

Department of English No. 3

ekatnikon2014@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Никонова Е. А., 2023

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В фокусе внимания исследования находятся понятия «коммуникативная стратегия» и «дискурсивная практика», которые сегодня часто используются без привязки к определенной лингвистической парадигме. Была поставлена задача на основе имеющихся теоретических работ и текущих исследований уточнить, можно ли отнести данные понятия к кросс-парадигмальным, то есть к явлениям, не закрепленным за определенной лингвистической парадигмой. Исследование показало, что, несмотря на видимую схожесть, данные понятия отличаются по ряду ключевых характеристик и нацелены на решение различных задач. Кроме того, было установлено, что основное размежевание явлений происходит на уровне принадлежности различным лингвистическим сферам: дискурсивная практика — элемент дискурса (и, соответственно, принадлежит дискурсивной парадигме), коммуникативная стратегия — элемент коммуникации (и, следовательно, рассматривается в рамках коммуникативно-прагматической / лингвокоммуникативной парадигмы и теории речевых актов). Анализ современных исследований, целью которых является изучение коммуникативных стратегий и дискурсивных практик, показал превалирование более «узкого» варианта интерпретации понятия «дискурс», что позволяет выделять коммуникативные практики в определенном виде дискурса. Кроме того, можно констатировать упрощение представлений о реализации дискурсивных практик.

Ключевые слова:

дискурсивная практика; коммуникативная стратегия; коммуникативно-прагматическая парадигма; лингвокоммуникативная парадигма; теория речевых актов.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

The focus of this research is on the concepts of “communicative strategy” and “discursive practice,” which are frequently used today without being tied to a specific linguistic paradigm. The objective was to clarify whether these concepts can be classified as cross-paradigmatic, meaning they are not limited to a specific linguistic paradigm. The study revealed that despite their apparent similarities, these concepts differ in several key characteristics and are aimed at solving different tasks. Additionally, it was found that the main differentiation between these phenomena occurs at the level of their association with different linguistic domains: discursive practice is an element of discourse (and therefore belongs to the discursive paradigm), while communicative strategy is an element of communication (and is thus considered within the framework of the communicative-pragmatic / linguo-communicative paradigm and speech act theory). Analysis of contemporary research focused on studying communicative strategies and discursive practices showed a prevalence of a more “narrow” interpretation of the concept of “discourse,” which allows for the identification of specific forms of communicative practices within discourse. Furthermore, there is a simplification in the understanding of the implementation of discursive practices.

Key words:

Discursive practice; communicative strategy; communicative-pragmatic paradigm; linguo-communicative paradigm; speech act theory.

Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм?

© Никонова Е. А., 2023

1. Введение = Introduction

Сегодня общепризнанной является мысль, что любая вербальная коммуникация, письменная или устная, мотивирована неречевыми целями. Следовательно, при планировании коммуникативной деятельности её участники должны исходить из понимания коммуникации как «стратегического процесса» [Иссерс, 2002, с. 9], эффективность которого зависит от выбора средств достижения поставленных задач и способности участников общения корректировать коммуникативную деятельность в зависимости от сложившейся ситуации. В результате стратегические особенности построения речевой деятельности уже долгое время находятся в фокусе внимания лингвистов, закономерным результатом чего стала выработка теоретического аппарата для исследований в этой области. При этом высокая актуальность и востребованность темы обусловили наличие исследований, выполненных в рамках различных научных парадигм (в том числе внутри лингвистики), что привело к определенной степени эклектичности в использовании базовых для данных исследований терминов и положений. В частности, это касается понятий «дискурсивная практика» и «коммуникативная стратегия», которые, будучи сформированными в рамках дискурсивной и коммуникативной теорий соответственно, сегодня все чаще используются без привязки к парадигме исследований. Цель данной статьи — дать подробную характеристику дискурсивной практике и коммуникативной стратегии как способам организации коммуникативного события, поставив в фокус внимания их положение в качестве единиц коммуникативной иерархии. В этой связи в центре внимания исследования находится вопрос: являются ли дискурсивная практика и коммуникативная стратегия «кросс-парадигмальными», то есть явлениями, не закрепленными за определенной лингвистической парадигмой. Для ответа на поставленный вопрос нами, с одной стороны, были даны характеристики дискурсивной практики и коммуникативной стратегии на основе «классических» научных работ, освещающих данные явления, а с другой стороны, были проанализированы исследования последних лет, где также фигурируют

анализируемые понятия. На основе сопоставления «теории» и «практики» был описан актуальный теоретический ракурс рассмотрения изучаемых явлений, а также уточнена его релевантность.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Дискурсивные практики: определение явления = Discursive practices: overview

В последнее время явление «дискурсивная практика» активно разрабатывается как отечественными, так и зарубежными исследователями в самых разных научных областях (лингвистика, социология, политология, философия и т. д.), то есть используется для удовлетворения различных исследовательских перспектив. В этой связи понятие не отличается терминологической точностью. Ниже рассмотрим наиболее продуктивные исследовательские подходы к рассмотрению дискурсивной практики.

Дискурсивная практика определяется с точки зрения уравнивания дискурса и социальности. Данный ракурс рассмотрения явления основан на идеях М. Фуко, согласно которым дискурс не имеет только лишь словесное выражение (то есть дискурс не равен речи), а может быть также представлен любым делом или поступком и определяется как совокупность принятых в обществе норм и правил в определенный период. В соответствии с данным определением дискурса под дискурсивными практиками понимаются инструменты, при помощи которых дискурс претворяет в жизнь господствующие нормы; дискурсивные практики обеспечивают создание отношений путем использования языка. Сегодня данный подход к дискурсивным практикам широко разрабатывается социологами (см. А. Шюц [Шюц, 1996], Г. Гарфинкель [Гарфинкель, 2007], С. Кэмпбелл [Campbell, 2007], др.).

Дискурсивная практика как способ общения / говорения в определенной социальной сфере. Согласно данному подходу, детально разработанному О. С. Иссерс [Иссерс, 2011; 2012], под дискурсивной практикой понимается «динамическая организация коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой — формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Иссерс, 2011, с. 58]. Дискурсивные практики выражают характеристики дискурса за счет таких параметров, как особенности языковых средств, стилистическая специфика, а также специфика тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т. д.

Дискурсивная практика понимается как компонент социальной практики [Fairclough, 2003]. Данный ракурс рассмотрения явления основывается на понимании дискурса как формы социальной практики, которая

не только «представляет, изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения, но и рассматривается как арена действия социальных практик и структур» [Пастухов, 2006, с. 96]. Посредством дискурсивных практик происходит понимание и интерпретация жизни общества, а также ее преобразование; в отношении текста и речи дискурсивные практики выступают в качестве инструмента продуцирования восприятия и интерпретации [Fairclough, 1998, с. 145].

Дискурсивная практика представляет собой вербализированный аналог практики социальной [Шилихина, 2011, с. 178], то есть предполагает «целенаправленное использование языковых средств не только для передачи смысла, но и для трансляции определенных социальных отношений» [Шилихина, 2011, с. 177]. При данном подходе особое значение придается лингвистической составляющей; см. работы: [Баранов, 2004; Чудинов, 2012; Musolff, 2004 и др.]. Так, А. Н. Баранов определяет дискурсивные практики как «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла» [Баранов, 2011, с. 246]. Данные тенденции реализуются через частотность употребления языковых средств фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровней, то есть обуславливаются «устойчивым набором языковых средств вариативной интерпретации, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данной темы политической коммуникации» [Баранов, 2011, с. 246].

Подобное разнообразие подходов к рассмотрению дискурсивных практик осложняет выработку классификации и характеристик явления. В этой связи в исследованиях, посвященных изучению дискурсивных практик, имеется существенный разброс в определении различных видов дискурсивных практик (табл. 1). Так, дискурсивные практики определяются как «устойчивый набор языковых средств» [Баранов, 2001, с. 5], «посредник между интеллектом ученика <...> и дискурсом» [Колосовская, 2010], «социальный опыт говорящих» [Лаврова, 2021], «совокупность явлений <...> проявляющихся в текстах» [Воякина, 2022], «структуры <...> формирующие сематический потенциал» [Млечко, 2018]. Таким образом, даже поверхностное ознакомление с интерпретацией и ракурсом рассмотрения дискурсивных практик в современной лингвистической практике показывает отсутствие четко выработанного методологического аппарата в отношении данного явления. Остановимся на детальной характеристике понятия «дискурсивная практика». Эта категория является наиболее распространенной в современных лингвистических исследованиях. Дискурсивная практика рассматривается в качестве одной из основополагающих категорий современной теории дискурса, чья трактовка тесно связана

Таблица 1

Виды дискурсивных практик и их определения
в лингвистических научных работах

Виды дискурсивных практик	Автор	Определение / Характеристика
Политические дискурсивные практики	А. Н. Баранов	Дискурсивная практика понимается как «устойчивый <i>набор языковых средств</i> вариативной интерпретации, свойственных данному политическому субъекту или характерных для обсуждения данной темы политической коммуникации» [Баранов, 2001]
Дискурсивная практика в образовании	Е. В. Колосовская	«Дискурсивная практика является, во-первых, <i>основной формой существования</i> ученика в рамках образовательного процесса и, во-вторых, <i>основным посредником</i> между интеллектом ученика и организующими данную науку и данное учебное заведение дискурсами» [Колосовская, 2010]
Театральная дискурсивная практика	С. Ю. Лаврова, А. А. Гончар	Театральная дискурсивная практика представляет собой « <i>социальный опыт говорящих</i> , приобретенный в ходе непосредственного общения в жанре интервью с представителями театральной коммуникации, действующими лицами которой выступают театральные критики или журналисты (чаще в роли интервьюеров) и театральные деятели (в роли интервьюируемых)» [Лаврова, 2021]
Дискурсивные практики интернет-коммуникации	Е. Ю. Воякина	Дискурсивные практики интернет-коммуникации представляют собой « <i>совокупность явлений</i> , характерных для интернет-коммуникации на определенном временном отрезке и проявляющихся в текстах, <i>составляющих данный тип дискурса</i> . Стоит отметить, что дискурсивная практика интернет-дискурса отличается динамической структурой, то есть подвержена изменениям под влиянием социокультурных, политических, экономических и других факторов» [Воякина, 2022]
Медийные дискурсивные практики	А. В. Млечко, И. Н. Шамаев	Медийные дискурсивные практики — « <i>гетерогенные структуры</i> , которые разными способами не только корреспондируют, но и <i>формируют семантический потенциал</i> конкретных медиа» [Млечко, 2018]

с понятием социальной практики. При этом в основе интерпретации социальной практики лежит юмовское понимание привычки как человеческой деятельности, не требующей объяснения и осмысления [Юм], то есть социальная практика базируется на фоновых знаниях, разделяемых участниками данного социума, и предполагает их склонность вести себя сходным образом в повторяющихся ситуациях. Дискурсивная практика, в свою очередь, представляет собой вербализованный аналог практики социальной [Шилихина, 2011, с. 178]. Ниже рассмотрим характеристики, маркирующие дискурсивную практику:

- дискурсивная практика представляет собой стереотипно воспроизводимую речевую деятельность, направленную на решение рекуррентных коммуникативных проблем и интенций;

- дискурсивные практики закреплены за конкретными коммуникативными ситуациями, приводящими их в действие;

- при описании дискурсивной практики следует рассматривать её как часть социальной практики, которая зависит от конкретных условий и традиций межгруппового и межличностного общения [Иссерс, 2002, с. 73], то есть выбор дискурсивной практики не является субъективным или ситуативно обусловленным, а изначально «заложен» в конкретном социальном контексте;

- дискурсивная практика характеризуется устойчивостью, однако может претерпевать модификацию, во-первых, потому что, как бы ни был строг свод правил, очерчивающих дискурсивные практики, в их природу заложена возможность изменений [McElhinny, 2009, p. 216], а во-вторых, модификации закономерно происходят вслед за изменениями социальной реальности;

- дискурсивные практики касаются не только лексического наполнения, но именно «способов говорения» и обнаруживают себя через языковые маркеры различных уровней.

2.2. Коммуникативные стратегии: определение явления = Communicative Strategy: Overview

Понятие «коммуникативная стратегия» существует в научном дискурсе не одно десятилетие и используется в самых разных направлениях (маркетинг, журналистика, политика и т. д.). Подобная востребованность соответствующего термина в научных областях дала импульс для его активного применения в «бытовом» дискурсе. В результате сегодня при определении и описании коммуникативных стратегий исследователям стоит учитывать риск столкновения с определенной размытостью термина, которая может возникнуть из-за взаимопроникновения определений из различных научных областей, а также влияния профанного понимания явления. Для пре-

одоления неясности, неточности понятия необходимо понимать истоки феномена «коммуникативная стратегия» в той научной области, в которой ведется исследование, а также следовать той научной парадигме, в которой оно было выработано.

В лингвистике коммуникативные стратегии получили наиболее полное определение в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы, в основе которой лежит теория речевых актов. Прагматика предполагает, что коммуникативная деятельность подчиняется принципу рациональности и диктует такие характерные черты коммуникативного акта, как целенаправленность, адресованность, ориентация на нормы речевого поведения, принятые в социуме [Арутюнова, 1985, с. 24—31]. Отсюда следует, что определение коммуникативного акта предполагает тезис о том, что взаимодействие адресанта и адресата носит целенаправленный характер. Таким образом, в центре внимания оказывается понятие коммуникативной цели, которое ложится в основу определения «коммуникативной стратегии», что нашло отражение в определении понятия, предложенном О. С. Иссерс: «Под коммуникативными стратегиями понимается комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 1999, с. 54]. К данным действиям можно отнести определенный набор вербальных и невербальных тактик, используемых в зависимости от коммуникативной ситуации [Чернявская, 2006, с. 45—46]. Ниже рассмотрим черты коммуникативной тактики, выработанные в рамках прагматики и представляющие практическую значимость для нашего исследования:

— коммуникативная тактика не является спонтанной, неосознаваемой, а предполагает наличие «запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев, 1998, с. 11];

— коммуникативные тактики являются «динамичными», «адаптивными» под конкретную уникальную ситуацию коммуникации, так как планируются «с учетом конкретных условий коммуникации, личностей коммуникантов и в зависимости от цели коммуникации» [Юрина, 2007, с. 64];

— коммуникативные тактики направлены на воздействие на адресата. Каждая тактика, входящая в коммуникативную стратегию, «направлена на определенные аспекты модели мира адресата и его психики» [Юрина, 2007, с. 65];

— при исследовании коммуникативных тактик фокусируется внимание на языковых средствах и техниках, использование которых призвано обеспечить запланированное воздействие на сознание адресата.

Что касается типологии коммуникативных стратегий, то данный вопрос получил детальное освещение как в отечественной, так и зарубежной линг-

вистике. Наиболее востребованные в научных исследованиях классификации представлены в работах Э. Берна [Берн, 2001], Т. А. ван Дейка [Дейк, 2013], О. С. Иссерс [Иссерс, 2002]. Тем не менее ряд исследователей обращает внимание на неопределенность, присущую коммуникативной стратегии от природы, в связи с чем разработка универсальной и всеобъемлющей классификации представляется невозможной [Молявина, 2022, с. 95]. Кроме того, существующие на сегодняшний день классификации, как правило, носят общий характер и применимы к речевой коммуникации в целом, однако не являются достаточными для демонстрации специфики конкретных коммуникативных ситуаций. В этой связи исследования коммуникативных стратегий, выполненные в узких областях, предлагают собственные классификации (например, коммуникативные стратегии в политическом интервью (провокативная стратегия; протекционистская стратегия; стратегия принятия нейтралитета; оборонительная стратегия; стратегия встречного нападения; стратегия самопрезентации) [Юрина, 2006]; коммуникативные стратегии в газетном дискурсе при описании теракта и событий после него (стратегия создания психологического напряжения; стратегия героизации; стратегия дискредитации; стратегия антидискредитации; стратегия пробуждения сочувствия к заложникам; стратегия формирования национального духа; стратегия нейтрализации шокового состояния; стратегия стимулирования рассуждения) [Антонова, 2007]). При этом в наиболее продуктивных с исследовательской точки зрения областях типология коммуникативных стратегий получает более детальную разработку. Так, для политической коммуникации предложено несколько классификаций: классификация Ч. Ларсона (в основе классификации лежит степень воздействия речевых стратегий; соответственно выделяются стратегия интенсификации, нацеленная на акцентирование внимания на недостатках оппонентов и подчеркивание достоинств коммуниканта, и стратегия преуменьшения, когда преуменьшаются недостатки всех участников коммуникативной ситуации [Larson, 1995]); Т. ван Дейка (стратегии положительной самопрезентации и негативной репрезентации оппонента) [Дейк, 2013]; О. Л. Михалевой (в основе классификации лежат объективные и субъективные факторы и условия, которые обеспечивают протекание речевого акта; в соответствии с ними выделяются стратегия на понижение, стратегия на повышение, стратегия театральности) [Михалева, 2009].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Стоит отметить, что понятия «коммуникативная стратегия» и «дискурсивная практика» действительно схожи. Оба явления представляют собой комплекс речевых действий, описывают способ реализации замысла, а также предполагают подачу информации в определенном ракурсе. Однако

анализ теоретической литературы показывает четкую привязанность понятий «дискурсивная практика» и «коммуникативная стратегия» к разным лингвистическим парадигмам. Так, дискурсивная практика — элемент дискурса (и соответственно дискурсивной парадигмы), в то время как коммуникативная стратегия — элемент коммуникации (и, следовательно, рассматривается в рамках коммуникативно-прагматической / лингвокоммуникативной парадигмы и теории речевых актов). Кроме того, несмотря на видимую схожесть понятий, обнаруживаются и существенные различия в их характеристиках. Ниже рассмотрим общие для данных явлений черты, получающие различное прочтение, применительно к данным явлениям.

Динамичность. В определении обоих явлений заявлена такая черта, как «динамичность» (см. определение дискурсивных практик, предложенное О. С. Иссерс: «дискурсивная практика — это *динамичная* организация тех коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой — формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Иссерс, 2011, с. 58]; и характеристику коммуникативной стратегии, предложенную М. В. Юриной: «коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и *динамикой*, ведь в ходе общения она подвергается постоянной корректировке, непосредственно зависит от речевых действий оппонента, от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста» [Юрина, 2007, с. 64]). Однако речь идет о разной динамичности. В случае дискурсивных практик, динамичность предполагает способность дискурсивных практик эволюционировать со временем под влиянием изменений коллективных ценностей и установок, несмотря на наличие основополагающей, ядерной структуры. Коммуникативные стратегии, напротив, проявляют подвижность в краткосрочной перспективе, что связано с необходимостью субъектов коммуникации «подстраиваться» под текущие условия общения.

Структурирующий потенциал. Дискурсивные практики и коммуникативные стратегии выступают в качестве инструментов организации коммуникативного акта. Однако если дискурсивные практики используются для описания социальных практик, реализуемых через воспроизводство текста, (то есть ставят перед собой цель упорядочения социальной действительности), то коммуникативные стратегии упорядочивают процесс коммуникативного взаимодействия (то есть их цель — способствовать планированию и выстраиванию успешной коммуникации).

Рекуррентность. За обоими явлениями признается такая черта, как воспроизводимость, однако степень выраженности данного признака различна. Так, хотя исследователями предпринимаются попытки разработ-

ки типологии коммуникативных стратегий в зависимости от коммуникативного события, на практике выбор коммуникативной стратегии всегда уникален, кроме того, стратегия может корректироваться в процессе взаимодействия участников коммуникации, то есть такая черта, как рекуррентность, в отношении коммуникативной стратегии имеет весьма относительный, ограниченный характер. Дискурсивные практики, напротив, наблюдаемы и воспринимаются носителями языка как «навык и обычай» [Атягина, 2012, с. 38], то есть являются устойчивыми, неизменными, узнаваемыми всеми членами социума, представляют собой «совокупность приемов продуцирования, восприятия и интерпретации текстов в определенной социальной сфере» [Иссерс, 2011, с. 191].

Осознаваемость. В большинстве определений коммуникативных стратегий подчеркивается, что они являются предусмотренными и предвосхищающими коммуникативный акт, то есть представляют собой «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов» [Клюев, 2002, с. 18]. Для дискурсивных практик также не характерна спонтанность, поскольку они являются «социально устоявшимися, конвенциональными», но при этом используются участниками коммуникации как некие шаблоны и не адаптируются под каждую отдельную ситуацию.

Анализ современных работ, в которых авторы ставят перед собой задачу определения коммуникативных стратегий, показал, что материалом исследования часто служит определённый вид дискурса (например, лекционный [Хутыз, 2018], военный [Уланов, 2014], педагогический [Индюкова, 2017] и т. д.). При этом при определении дискурса акцент делается на его привязке к определённому «речевому акту» (ток-шоу [Васильева, 2019], персональное интервью [Нестерюк, 2016], выступления Д. Трампа [Лето, 2022] и т. д.), то есть понятие «дискурс» как «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2012, с. 12] несколько сужается за счет того, что социальная ориентированность как ключевая дистинктивная характеристика дискурса остается вне поля внимания исследователей. Таким образом, дискурс приравнивается к коммуникации. Подобный ракурс рассмотрения явления небезоснователен. Так, в ряде теоретических работ понятия «дискурс» и «коммуникация» отождествляются (например, см. статью В. А. Садиковой [Садикова, 2016]), однако такой подход к рассмотрению дискурса не является преобладающим для отечественной лингвистики и, скорее всего, вызван «мозаичностью» определения явления [Чернявская, 2014, с. 12], а также отсутствием методологической четкости при его анализе [Иванова,

2019, с. 16]. Что касается исследований, в качестве задач которых рассматривается выделение дискурсивных практик, то в ряде случаев анализ сводится к выявлению языковых средств, типичных для данного вида дискурса (см. Н. Г. Бурмакина [Бурмакина, 2015, с. 69—88]), что представляется упрощением процесса реализации дискурсивных практик.

4. Заключение = Conclusions

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что понятия «дискурсивная практика» и «коммуникативная стратегия» не являются синонимичными и взаимозаменяемыми, поскольку обладают различными ядровыми характеристиками и выполняют различные функции. Однако представляется, что основное размежевание происходит на уровне принадлежности различным лингвистическим сферам: дискурсивная практика — элемент дискурса, коммуникативная стратегия — элемент коммуникации. Тем не менее анализ русскоязычных научных публикаций последних лет показывает наличие смешения понятий «дискурсивная практика», «коммуникативная стратегия», «дискурс» и «коммуникация», что выражается в многочисленных попытках в рамках определенного дискурса выделить коммуникативные тактики, которые представляют собой явления, нерелевантные для дискурса. Существующее на данный момент взаимопроникновение понятий создает условия для последующих теоретических исследований в данной сфере, в частности, в дальнейшем по мере систематизации научных подходов следует четко определять сферу применения понятий «дискурсивная практика» и «коммуникативная стратегия».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклик на террористический акт) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. А. Антонова. — Екатеринбург, 2007. — 23 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Выпуск 16. — С. 8—42.
3. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети Интернет [Электронный ресурс] / А. П. Атягина // Вестник ОмГУ. — 2012. — № 4 (66). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/twitter-kak-novaya-diskursivnaya-praktika-v-seti-internet> (дата обращения 15.01.2023).
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : уч. Пособие / А. Н. Баранов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 368 с. — ISBN 5-354-00313-X.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений ; люди, которые играют в игры : психология человеческой судьбы / Э. Берн. — Москва : [б. и.], 2001. — 480 с.

6. Бурмакина Н. Г. Дискурсивные практики конструирования авторитетности в жанре научного доклада / Н. Г. Бурмакина // Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации : монография. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. — С. 64—90.
7. Васильева Е. Ю. Функционально-прагматический аспект медицинского медиадискурса (на материале медицинского ток-шоу) : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. Ю. Васильева. — Волгоград, 2019. — 214 с.
8. Воякина Е. Ю. Дискурсивные практики интернет-коммуникации в свете лингвистических исследований : системный обзор / Е. Ю. Воякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 11. — С. 3469—3479. — DOI: 10.30853/phil20220590.
9. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. — Санкт-Петербург : Питер, 2007. — 335 с. — ISBN 5-469-00033-8.
10. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 260 с.
11. Иванова С. В. Не потеряться в дискурсивном пространстве : методология как компас / С. В. Иванова // Современные проблемы в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции г. Пенза, 24—27 апреля 2017. — Пенза : Издательство ПГУ, 2019. — С. 15—19.
12. Индюкова Н. С. Коммуникативные стратегии педагогического дискурса / Н. С. Индюкова, Л. И. Богатикова // Евразийский научный журнал. — 2017. — № 11. — С. 1—3.
13. Иссерс О. С. Дискурсивная практика : к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация : новые дискурсивные практики : монография. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. — С. 37—61. — ISBN 978-5-7779-1271-8.
14. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : УРСС, 2002. — 284 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.
15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. — 284 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.
16. Иссерс О. С. Люди говорят : дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 275 с. — ISBN 978-5-7779-1520-7.
17. Клюев Е. В. Речевая коммуникация : успешность речевого взаимодействия / Е. В. Клюев. — Москва : Рипол классик, 2002. — 320 с. — ISBN 5-7905-1349-2.
18. Клюев Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. — Москва : ПРИОР, 1998. — 224 с. — ISBN 5-7990-0101-X.
19. Колосовская Е. В. Место дискурсивной парктики в образовательном процессе / Е. В. Колосовская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 2 (6). — С. 80—85.
20. Лаврова С. Ю. Языковая репрезентация театральной дискурсивной практики в жанре аналитического интервью / С. Ю. Лаврова, А. А. Гончар // Вестник ЧГУ. Филологические науки. — 2021. — № 2. — С. 76—89.
21. Лето Я. В. Коммуникативные средства выражения агрессии в американском политическом дискурсе (на материале интернет-публикаций и выступлений Д. Трампа) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Я. В. Лето. — Уфа, 2022. — 186 с.
22. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Либроком, 2009. — 256 с.

23. Млечко А. В. Дискурсивные практики традиционных и новых медиа / А. В. Млечко, И. Н. Шамаев // Вестник ВолГУ. — 2018. — Т. 17. — № 3. — С. 119—129. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.12>.

24. Молявина Е. А. Коммуникативная стратегия : природа, классификация и прагматика / Е. А. Молявина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 7 (862). — С. 94—99. — DOI: 10.52070/2542-2197-2022-7-862-94.

25. Нестерюк Ю. В. Стратегия ведения персонального интервью (на материале немецкоязычного масс-медиа) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Ю. В. Нестерюк. — Самара, 2016. — 204 с.

26. Пастухов А. Г. Теория Н. Фэрклоу и проблема реализации речевого жанра в триаде «Текст — дискурсивная практика — социальная практика» / А. Г. Пастухов // Дискурс-Пи. — 2006. — № 1. — С. 216—219.

27. Садикова В. А. Дискурс и коммуникация : соотносённость понятий / В. А. Садикова // Языковой дискурс в социальной практике : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Тверь, 01–02 апреля 2016 года / ответственный редактор Н. А. Комина. — Тверь : Тверской государственный университет, 2016. — С. 208—211. — EDN VYPKKJ.

28. Уланов А. В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе [Электронный ресурс] / А. В. Уланов // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 4. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse-1> (дата обращения 12.01.2023).

29. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. — Москва : Касталь, 1996. — 446 с. — ISBN 5-85374-006-7.

30. Хутиз И. П. Коммуникативные категории и стратегии лекционного дискурса / И. П. Хутиз // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10—2 (88). — DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.33.

31. Чернявская В. Е. «Дискурс — лидер продаж» или распродажа дискурса? / В. Е. Чернявская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 3. — С. 6—14.

32. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вестник когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (38). — С. 54—61.

33. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 134 с. — ISBN 978-5-4458-5891-1.

34. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации [Электронный ресурс] / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения 23.07.2023).

35. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. — Воронеж, 2014. — 399 с.

36. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль. Хрестоматия / Под ред. В. И. Добренькова. — Москва : Международный институт бизнеса и управления, 1996. — С. 526—542. — ISBN 5-211-03099-0.

37. Юм Д. О человеческой природе / Д. Юм. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 314 с. — ISBN 5-267-00438-3.

38. Юрина М. В. коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью : на материале современной прессы ФРГ : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. В. Юрина. — Самара, 2006. — 22 с.

39. Campbell S. Migration, ethnicity and competing discourses in the job interview : synthesizing the institutional and personal / S. Campbell, C. Roberts // *Discourse and Society*. — 2007. — Vol. 18. — Pp. 243—270.

40. Fairclough N. *Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 270 p. — ISBN 0415258928.

41. Fairclough N. *Political Discourse in the Media : An analytical Framework* / N. Fairclough. — Oxford : Blackwell, 1998. — Pp. 142—162.

42. Larson C. U. *Persuasion : reception and responsibility* / C. U. Larson. — Belmont : Wadsworth Publ. Company, 1995. — 449 p.

43. McElhinny B. *Discursive practice theory*. *Concise Encyclopedia of Pragmatics* / B. McElhinny, S. Muehlmann. — Oxford : Elsevier Ltd, 2009. — Pp. 216—219.

44. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe* / A. Musolff. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. — 211 p.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023,
одобрена после рецензирования 21.07.2023,
подготовлена к публикации 12.08.2023.

References

- Antonova, Yu. A. (2007). *Communicative strategies and tactics in modern newspaper discourse (response to a terrorist act)*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 23 p. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D., Paducheva, E. V. (1985). Origins, problems and categories of pragmatics. *New in foreign linguistics*, 16: 8—42. (In Russ.).
- Atyagina, A. P. (2012). Twitter as a new discursive practice on the Internet. *OmsU Bulletin*, 4 (66). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/twitter-kak-novaya-diskursivnaya-praktika-v-seti-internet> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2001). *Introduction to applied linguistics: Textbook*. Moscow: Editorial URSS. 368 p. ISBN 5-354-00313-X. (In Russ.).
- Bern, E. (2001). *Games played by people: psychology of human relationships; people who play games: psychology of human destiny*. Moscow: [b. i.]. 480 p. (In Russ.).
- Burmakina, N. G. (2015). Discursive practices of constructing authority in the genre of scientific report. In: *Discursive practices of modern institutional communication: a monograph*. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 64—90. (In Russ.).
- Campbell, S., Roberts, C. (2007). Migration, ethnicity and competing discourses in the job interview: synthesizing the institutional and personal. *Discourse and Society*, 18: 243—270.
- Chernyavskaya, V. E. (2012). “Discourse is a sales leader” or a discourse sale? *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 3: 6—14. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and syndromes of the discursive paradigm. *Bulletin of Cognitive Linguistics*, 1 (38): 54—61. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2006). *The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flint: Nauka. 134 p. ISBN 978-5-4458-5891-1. (In Russ.).

- Chudinov, A. P. (2012). Discursive characteristics of political communication. *Political Linguistics*, 2 (40). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (accessed 23.07.2023). (In Russ.).
- Deik, T. A. van. (2013). *Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication*. Moscow: LIBROKOM. 260 p. (In Russ.).
- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge. 270 p. ISBN 0415258928.
- Fairclough, N. (1998). *Political Discourse in the Media: An analytical Framework*. Oxford: Blackwell. 142—162.
- Foucault, M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and sexuality. Works of different years*. Moscow: Kastal. 446 p. ISBN 5-85374-006-7. (In Russ.).
- Garfinkel, G. (2007). *Studies in ethnomethodology*. St. Petersburg: Peter. 335 p. ISBN 5-469-00033-8. (In Russ.).
- Indyukova, N. S., Bogatikova, L. I. (2017). Communicative strategies of pedagogical discourse. *Eurasian Scientific Journal*, 11: 1—3. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2002). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: URSS. 284 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Issers, O. S. (1999). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Omsk: Publishing House of Omsk State University. 284 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2011). Discursive practice: to the definition of the concept. In: *Modern speech communication: new discursive practices: monograph*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University. 37—61. ISBN 978-5-7779-1271-8. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2012). *People say: discursive practices of our time*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University. 275 p. ISBN 978-5-7779-1520-7. (In Russ.).
- Ivanova, S. V. (2019). Not to get lost in the discursive space: methodology as a compass. In: *Modern problems in linguistics and language teaching: the problem of method: a collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference Penza, April 24—27, 2017*. Penza: PSU Publishing House. 15—19. (In Russ.).
- Khuty, I. P. (2018). Communicative categories and strategies of lecture discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 10—2 (88). DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.33. (In Russ.).
- Klyuev, E. V. (1998). *Speech communication*. Moscow: PRIOR. 224 p. ISBN 5-7990-0101-X. (In Russ.).
- Klyuev, E. V. (2002). *Speech communication: the success of speech interaction*. Moscow: Ripol classic. 320 p. ISBN 5-7905-1349-2. (In Russ.).
- Kolosovskaya, E. V. (2010). The place of discursive tactics in the educational process. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2 (6): 80—85. (In Russ.).
- Larson, C. U. (1995). *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publ. Company. 449 p.
- Lavrova, S. Yu., Gonchar, A. A. (2021). Linguistic representation of theatrical discursive practice in the genre of analytical interview. *Bulletin of the ChSU. Philological sciences*, 2: 76—89. (In Russ.).
- Leto, Ya. V. (2022). *Communicative means of expressing aggression in American political discourse (based on the material of D. Trump's Internet publications and speeches)*. PhD Diss. Ufa. 186 p. (In Russ.).
- McElhinny, B., Muehlmann, S. (2009). *Discursive practice theory. Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Ltd. 216—219.

- Mikhaleva, O. L. (2009). *Political discourse. Specifics of manipulative influence*. Moscow: Librocom. 256 p. (In Russ.).
- Mlechko, A. V., Shamaev, I. N. (2018). Discursive practices of traditional and new media. *Bulletin of the Volga*, 17 (3): 119—129. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvol-su2.2018.3.12>. (In Russ.).
- Molyavina, E. A. (2022). Communicative strategy: nature, classification and pragmatics. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (862): 94—99. DOI: 10.52070/2542-2197-2022-7-862-94. (In Russ.).
- Musolff, A. (2004). *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 211 p.
- Nesteryuk, Yu. V. (2016). *Strategy of conducting a personal interview (based on the material of the German-language mass media)*. PhD Diss. Samara. 204 p. (In Russ.).
- Pastukhov, A. G. (2006). N. Fairclough's theory and the problem of the implementation of the speech genre in the triad "Text — discursive practice — social practice". *Discourse-Pi*, 1: 216—219. (In Russ.).
- Sadikova, V. A. (2016). Discourse and communication: correlation of concepts. In: Komina, N. A. (ed.). *Language discourse in social practice*. Tver: Tver State University. 208—211. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects*. PhD Diss. Voronezh. 399 p. (In Russ.).
- Shuts, A. (1996). Formation of the concept and theory in the social sciences. In: *American Sociological thought. Textbook*. Moscow: International Institute of Business and Management. 526—542. ISBN 5-211-03099-0. (In Russ.).
- Ulanov, A. V. (2014). Communicative strategies in military discourse. *Siberian Philological Journal*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse-1> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).
- Vasilyeva, E. Y. (2019). *Functional and pragmatic aspect of medical media discourse (based on the material of a medical talk show)*. PhD Diss. Volgograd. 214 p. (In Russ.).
- Voyakina, E. Y. (2022). Discursive practices of Internet communication in the light of linguistic research: a systematic review. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 15 (11): 3469—3479. DOI: 10.30853/phil20220590. (In Russ.).
- Yum, D. (2000). *About human nature*. St. Petersburg: ABC. 314 p. ISBN 5-267-00438-3. (In Russ.).
- Yurina, M. V. (2006). *Communicative strategies of partners in a political interview: based on the material of the modern press of Germany*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 22 p. (In Russ.).

*The article was submitted 09.03.2023;
approved after reviewing 21.07.2023;
accepted for publication 12.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Чжан Яньцю. Лингвокультурологические особенности русских и китайских пословиц с компонентом сон / Чжан Яньцю // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 140—153. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-140-153.

Zhang Yanqiu. (2023). Linguocultural Features of Russian and Chinese Proverbs with Component 'Dream'. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 140-153. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-140-153. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-140-153

Лингвокультурологические особенности русских и китайских пословиц с компонентом сон

Чжан Яньцю

orcid.org/0000-0002-1674-7868
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры русского языка
yanqiu.zhang@mail.ru

Пекинский
педагогический университет
(Пекин, КНР)

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке
Фонда фундаментальных исследований
для центральных университетов
Китайской народной республики

Linguocultural Features of Russian and Chinese Proverbs with Component 'Dream'

Zhang Yanqiu

orcid.org/0000-0002-1674-7868
PhD in Philology,
Senior Lecturer,
Department of Russian Language
yanqiu.zhang@mail.ru

Beijing Normal University
(Beijing, China)

Acknowledgments:

The article was prepared
with the support of the Fund
for Fundamental Research
for Central Universities
of the People's Republic of China

© Чжан Яньцю, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются русские и китайские паремии с компонентом *сон*, которые ранее не были описаны в сопоставительном аспекте. Выявляются лингвокультурологические характеристики пословиц в обоих языках, которые свидетельствуют об общих или различных культурно-национальных установках. Актуальность исследования определяется развитием межкультурных связей русского и китайского обществ, их интересом к изучению иностранных языков. Установлено, что зафиксированные в русских и китайских лексикографических источниках пословицы с компонентом *сон* отличаются в количественном и содержательном отношении. Выявлено, что в китайских авторитетных словарях представлено 10 пословиц с компонентом *сон*, а в русских — 43. Обнаружена общая семантика у 3 русских и 3 китайских паремий, которые толкуют сон как отражение мыслей и желаний людей. Показано, что остальные пословицы вербализуют разные культурные установки. Для русских паремий характерно отношение ко сну как к физическому состоянию, необходимому, полезному и приятному. Кроме того, сон противопоставляется реальности, в которой возможно или невозможно их исполнение. В китайских пословицах человеку рекомендуется ловить момент и действовать вовремя для осуществления своего плана, а также быть осторожным со своими словами.

Ключевые слова:

паремий; лингвокультурология; сон; стереотипное представление.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines Russian and Chinese proverbs with the component 'dream' that have not been previously described in a comparative aspect. Linguocultural characteristics of proverbs in both languages are identified, which indicate common or different cultural-national attitudes. The relevance of the research is determined by the development of intercultural relations between Russian and Chinese societies, their interest in studying foreign languages. It is established that the proverbs with the component 'dream' recorded in Russian and Chinese lexicographic sources differ in quantitative and substantive terms. It is revealed that authoritative Chinese dictionaries present 10 proverbs with the component 'dream', while Russian dictionaries present 43. A common semantic is found among 3 Russian and 3 Chinese proverbs, which interpret dreams as reflections of people's thoughts and desires. It is shown that the rest of the proverbs verbalize different cultural attitudes. Russian proverbs are characterized by an attitude towards sleep as a physical state that is necessary, beneficial, and pleasant. In addition, dreams are contrasted with reality, in which their fulfillment may or may not be possible. In Chinese proverbs, individuals are recommended to seize the moment and act in a timely manner to achieve their goals, as well as to be cautious with their words.

Key words:

proverbs; linguoculturology; dream; stereotypical representation.

Лингвокультурологические особенности русских и китайских пословиц с компонентом *сон*

© Чжан Яньцю, 2023

1. Введение = Introduction

Подход к изучению языка как культурного кода нации предполагает обращение к изучению паремий, которые «живут в сознании людей столетиями и представляют собой уникальный источник сведений о культуре этноса. Пословицу можно считать идеальным инструментом трансляции мировоззрения целого народа» [Грудева, 2021, с. 46]. Как отмечают исследователи, паремиологические единицы — это «высказывания, раскрывающие предметный мир, окружавший человека в разное время, в связи с чем паремии соотносятся с определенным набором абстрактных объектов действительности, осознание и понимание которых является важным для культурной сферы» [Потапова и др., 2020, с. 79]. Более того, «система паремий конкретного народа опирается на систему ценностных концептов, сформированных этническим сознанием» [Мирзоева и др., 2016, с. 142]. Поэтому неослабевающий интерес исследователей к пословицам и поговоркам как к «антропонимическому коду культуры» [Ковшова, 2022, с. 92] обуславливает их анализ в разных аспектах: изучения русского языка и лексикографического описания пословиц, поговорок и крылатых выражений [Грудева, 2021; Зиновьева и др., 2017; Мокиенко, 2022; Никитина и др., 2021; Потапова и др., 2020 и др.], иностранных языков [Захарова и др., 2022; Семина, 2019 и др.], сопоставительных исследований [Ван И, 2020; Мирзоева и др., 2016; Провсирнина и др., 2013; Ху Янисинь, 2022 и др.].

Выбор в качестве объекта исследования русских и китайских пословиц с компонентом *сон* определяется прежде всего важной ролью сна как культурного и национального концепта. Он является одним из ключевых для всех народов мира, поскольку не только отражает «психологический тип ценностей, соотносящихся ... с характеристикой *homo vitalis* 'человек жизненный', сфокусированный на витальных потребностях» [Мирзоева и др., 2016, с. 143], но и характеризуется семантическими «приращениями» с позитивной или негативной оценкой, которые базируются на текстах национальной и мировой культуры (ср. например, названия произведений: «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира, «Тяжелые сны» Ф. К. Сологуба, «Сон

во сне» Э. А. По, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня и др.; жанровые приемы: сон Татьяны Лариной из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, сны Веры Павловны из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, известный сон китайского философа Чжуан-цзы и др.; названия объектов культуры: «Сон разума рождает чудовищ» Ф. Гойи, «Сон, вызванный полётом пчелы...» С. Дали, «Мир снов» Ван Цзяни династии Цин и др.). С методической точки зрения, анализ репрезентированных в паремиях представлений русских и китайцев о сне будет способствовать адекватности перевода текстов, внесет вклад в преподавание русского и китайского языков инофонам, его результаты могут быть использованы при разработке учебных материалов, в том числе лексикографических изданий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Феномен сна находится в фокусе внимания исследователей, изучающих его на материале разных языков [Хлебодарова, 2016; Черкашина, 2011; Маркова, 2019; Nikolaeva et al., 2016 и др.], при этом, пожалуй, самый большой фонд исследований обращается к теме сна в художественных произведениях, см. об этом: [Алхладова, 2019; Золотыко, 2018; Михновец, 2020; Усачева, 2022 и др.]. Реже встречается анализ концепта СОН на материале паремий [Бердибаева, 2021; Берестнев, 2018; Литвинова, 2008; Маркова, 2019; Султанов и др., 2016 и др.]. Мы не выявили работ, посвященных анализу культурных и национальных особенностей русских пословиц с компонентом *сон* на фоне паремий китайского языка, поэтому предлагаемая статья обладает качеством новизны.

Цель нашего исследования состоит в анализе стереотипных представлений о сне в русской и китайской паремиологии.

Основным методом анализа языковых знаков в лингвокультурологии, экспликации заключенной в них культурной информации, культурной значимости языковых фактов является процедура соотнесения групп (или массивов) языковых знаков со знаками (категориями) культуры [Телия, 1996]. Для анализа значений паремий, их сходств и различий в русском и китайском языках использовался также интерпретационный метод.

Материал для лингвокультурологического анализа русских пословиц с компонентом *сон* извлекался из следующих лексикографических изданий: «Большой словарь русских пословиц» [Мокиенко и др., 2010], «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [Зимин, 2021]. Китайские пословицы выбраны из «Большого словаря китайских пословиц» [Большой ..., 2011] и «Словаря пословиц Синьхуа» [Словарь ..., 2005]. Для корректности сопоставления мы выбрали только те паремии, которые содержат в своей структуре лексему *сон*. Дериваты русского слова (*спать, сон-*

ный и др.) не учитывались, поскольку в китайском языке они обозначаются разными иероглифами. Количество зафиксированных китайских пословиц составило 10 единиц, а русских паремий мы насчитали 43. Неравномерность количества объясняется, на наш взгляд, тем, что часть выражений, которые при переводе с китайского на русский выглядят как пословицы, в китайском языке считаются фразеологизмами, например, *Днем — думы, ночью сны* и др., поэтому они не фиксируются в словарях пословиц.

В результате были проанализированы установки культуры, которые репрезентируют «дидактическую идею, представляющую собой вербализованную в нескольких паремийных единицах мораль или суждение, являющиеся результатом многолетних наблюдений народа — носителя языка» [Зиновьева и др., 2017, с. 30]. Эти установки «воспроизводятся и транслируются из поколения в поколение, создавая предпосылки для традиционной их преемственности в самосознании социума» [Телия, 1999, с. 19].

С опорой на алгоритм анализа паремий, согласно которому сначала осуществляется классификация пословиц в соответствии с установками культуры, затем толкование пословиц и их интерпретация, далее выявляются паремийные бины, если они имеются [Зиновьева и др., 2017], мы описали основные установки культуры, которые репрезентируют пословицы о сне, осуществили интерпретационный анализ их значений в русском и китайском языках. В результате на основе анализа материала сделан вывод о национально-культурном колорите русских и китайских пословиц с компонентом *сон*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая семантика в пословицах с компонентом *сон* в русском и китайском языках

Анализ материала выявил только одну общую социокультурную установку в русских и китайских паремиях, согласно которой *сон является отражением наших мыслей и желаний*. Ее вербализуют 3 русские пословицы (*Что кто думает, то и во сне видит, Доброе и во сне хорошо, Беспечному сон сладок*) и 3 китайские (*梦是心头想 / Сон — это то, о чём мы думаем в душе, 梦由人作 / Сны создаются человеком, 日有所思, 夜有所梦 / Что наяву бредится, то и во сне грезится*).

3.2. Семантическая специфика русских пословиц с компонентом *сон*

Другие пословицы выражают разные для двух культур установки. В русских паремиях с компонентом *сон* выражены следующие лакунарные относительно китайского языка идеи:

(1) Сон — время, когда человек не работает, бездельничает и, следовательно, не создает никакого продукта труда, сон — возможность ниче-

го не делать, лениться (В. И. Зимин помещает такие пословицы в раздел «О ленивых и сонливых» [Зимин, 2021, с. 85]): *Сон — что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется; Из сна каши не сваришь; Из сна блинов не напечешь и полшубка не сошьешь; Со сна мешка не сошьёшь; Сном дорогу не объедешь; Сном дорожки не изъехать.*

(2) В то же время сон физически необходим человеку: *Сон и богатыря свалит; Спит богатырским сном.* Он важен для здоровья: *Лучший сон — до полуночи; Чем меньше сон, тем слаще он; Сон лучшее лекарство; Сон лучше всякого здоровья; Сон дорожке (милей) отца с матерью.* Сон может быть крепким и долгим: *Он уже третий сон видит; Он уже десятый сон досматривает.* Или наоборот, сон может не прийти: *Сна — ни в одном глазу.*

(3) Сон как физическое явление дает возможность отдохнуть от работы: *Сон лучше всякого богатства / лекарства; Сон дорожке золота; На бедного — сон да еда.* Он является приятным времяпрепровождением: *Сон милее всего; Сон — забава, еда — повада; Сон да баба, кабак да баня — мужицкая забава.* Поэтому раньше гостям «после обеда предлагали соснуть часок» [Там же, с. 191]: *Хлеб-соль сном золотят.*

(4) Сон является маркером душевного (духовного) здоровья: *Спит сном праведника.*

(5) Сон отличается от реальности, поэтому ему верить нельзя, нельзя получить то, что видел во сне: *Снам верить — так и дела не делать; Сны разбирать — не ложиться спать; Вдавне, что во снах, а вновь, что вьявь; Сну верить не надлежит; Тому сну не верь, что видел теперь; За сон ручаться нельзя; Сон — дурак: добра не помнит; Корыстен сон, так было зачураться; Сон в кручине, что корабль в пучине; Видел во сне кисель, так не было ложки; Лег спать с ложкой — не видел киселя; Видел во сне поросят в квашине; Тогда сон хвали, как (когда) сбудется.*

(6) В то же время иногда сон и реальность совпадают, эти совпадения не всегда желательны для человека, в этом случае выражается надежда, что сон не сбудется: *Грозен сон, да милостив Бог.* Приметы, связанные со снами, В. И. Зимин располагает в разделе «Вещие сны» [Там же, с. 482], например: *Мясо во сне увидел — к болезни; Блины есть во сне — письмо будет и др.*

(7) Сон может быть опасен, так как человек не контролирует себя, свою речь в этом состоянии: *Во сне проговорился — наяву оплатился.*

В русских пословицах можно выявить 2 основные оппозиции: «сон — работа» и «сон — реальность».

3.3. Семантическая специфика китайских пословиц с компонентом сон

В китайском языке нами обнаружены 5 не имеющих эквивалентов в русском языке установок культуры, отраженных в китайских пословицах

с компонентом *сон*. Отметим, что они обладают преимущественно стилистикой размышления, а не констатации, которая более свойственна русским пословицам.

(1) Дела во сне, скорее всего, противоположны тому, что есть в реальности: 梦是反的 / Сон противоположен реальности. На первый взгляд, эта пословица находится в русле оппозиции «сон — реальность», представленной в русских пословицах, однако акцент в китайском варианте сделан на недоверии к тому, что человек видит во сне. В основе этой пословицы лежит теория «антисон» политического теоретика, литератора, прогрессивного мыслителя Ван Фу (85 — 163 годы жизни) династии Восточная Хань, который объяснял сновидения так: видеть во сне плохое — это дурное предзнаменование, а видеть во сне хорошее — это доброе предзнаменование, но если плохое или хорошее сновидение достигает крайности, то оно в реальности превращается в свою противоположность. Это отражает философию — «если явление в своем развитии достигает предела, оно переходит в свою противоположность» [Ван Фу, 2018, с. 66]. Теория Ван Фу опирается на учение о Середине: древние китайцы, вероятно, интерпретировали свои сны таким образом, чтобы дольше бодрствовать, не бояться кошмаров и не слишком радоваться хорошим сновидениям.

(2) Другая установка связана с наблюдениями над коммуникацией и заключается в осторожности, а сон ассоциируется с мечтами: 痴人前不得说梦 / Глупцам нельзя говорить о своем сне. Здесь акцент сделан на ответственности за свои слова, поскольку, скорее всего, данная пословица связана с китайскими постулатами, которые зафиксированы в «Книге обрядов»: правящие должны думать о последствиях своих слов и поступков, только так народ и будет осторожным со своими поступками и словами [Конфуций, 2015, с. 116—117].

(3) Весенний сон не станет реальностью: 春三月，不圆梦 / Весной в марте сон не осуществляется; 春梦作不得准 / Весенний сон не считается верным. История этой пословицы связана с идеей традиционной китайской медицины, согласно которой весной развивается энергия Ян (мужская сила природы), поэтому печень наиболее активна. Если мы не обращаем внимания на регулирование своих эмоций в это время, это может легко привести к проблемам с печенью, раздражительности, трудностям с засыпанием и к множеству сновидений, головной боли, головокружениям и т. д. Весной люди морально устают и хотят спать, и то, что они видят во сне, особенно ненадежно [Чжун Ся и др, 2023].

(4) Нужно правильно выбирать момент для своих действий. Первая пословица — 夜长梦多 / Ночь длинна, снов много — говорит о том, что положение может измениться к худшему. Она связана с историей известного

мыслителя и писателя времен поздней династии Мин и ранней династии Цин — Лу Люлян. После разрушения династии Мин он поклялся не быть чиновником при династии Цин, однако начальник области рекомендовал его в качестве пустынника в императорский двор. Лу Люлян сказал в своем письме домой так: «В последнее время было много мнений по поводу этой рекомендации, и ночь длинна, снов много. Я беспокоюсь, что будет несчастье (Они прикажут мне служить во дворе). Что мне делать? Я предполагаю, что будет трудно понять, когда дело подойдет к концу. Поэтому я планирую сначала надеть одежду монаха. Подобный акт, вероятно, сойдет мне с рук» [Лу Люлян, 2019, с. 121]. Эта пословица использовалась во многих более поздних произведениях, таких как «Весна и осень в маленьком городке» Гао Юньланя: «Он также сказал, что, если вы хотите сделать это, вы должны сделать это быстро, потому что ситуация постоянно меняется, и ночь длинна, снов много» [Гао Юньлань, 2009, с. 98].

Появление второй пословицы со значением выбора правильного момента для совершения действия 花生要锄梦中果 / *Арахис нужно мотыжить во сне* обусловлено многолетним опытом ведения сельского хозяйства. В Китае считается, что для получения обильного урожая нужно как можно раньше проводить междурядную обработку земли: «...во сне» имеет значение 'очень рано'. Нельзя нарушать сезонность полевых работ, нужно вовремя обрабатывать землю.

(5) Сон в пословице 梦火焚者主发财 / *Видеть во сне большой пожар означает, что грядет что-то благополучное* отражает примету, основанную на том, что огонь в китайском языке является символом процветания. Поскольку огонь олицетворяет силу и энтузиазм в китайской культуре, видение огня, горящего темной ночью, может быть истолковано как приносящее некоторые позитивные изменения, ср. с фрагментом из толкователя снов: «Пламя огня предвещает богатство» [Толкование снов Чжоу-гуна, 2016, с. 224].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в результате анализа русских и китайских пословиц с компонентом *сон* установлено, что паремий, зафиксированных в китайских словарях именно в качестве пословиц, значительно меньше, чем русских пословиц в российских, доступных для китайских исследователей лексикографических источников — 10 против 43.

С точки зрения национально-культурной специфики данные пословицы имеют общую семантику только в одном случае (по 3 китайских и русских паремии), когда речь идет об отражении в снах мыслей и желаний человека.

В остальных случаях актуализируется разная семантика.

В русских поговорках на первый план выходит представление о сне как физическом состоянии, которое необходимо человеку для телесного и душевного здоровья, является приятным времяпрепровождением, противопоставляется работе, а также рассматривается как особое состояние, в котором человек видит то, что может или не может произойти наяву. При этом поговорки, как правило, обладают коннотацией утверждения.

Китайские пословицы представлены чаще в форме размышления по поводу ответственности человека за свои действия и слова, выбора поведения, основанного на умеренности (философия Середины), снов как предвестников богатства, практической пользы. Несмотря на некоторую схожесть, например, в отношении оппозиции «сон — реальность» с русскими пословицами, все-таки нельзя сказать, что они эквивалентны и реализуют одни и те же установки культуры. Понять значение некоторых пословиц трудно без культурологического комментария.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. *Большой словарь китайских пословиц* / под ред. Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай : Издательство Шанхай Цышу, 2011. — 1398 с. (на кит. яз.) (中国谚语大辞典/温端政主编. — 上海: 上海辞书出版社, 2011. — 1398 页.)
2. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. — Москва : АСТ-Пресс, 2021. — 736 с. — ISBN 978-5-906971-19-7.
3. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с. — ISBN 978-5-373-03250-6.
4. *Словарь пословиц Синьхуа* / под редакцией Вэнь Дуаньчжэн. — Пекин : Коммерческое издательство, 2005. — 570 с. (на кит. яз.) (新华谚语词典/温端政主编. — 北京: 商务印书馆, 2005. — 570 页.)

Литература

1. *Алхлавова И. Х.* Концепт сон в поэзии Джаминат Керимовой / И. Х. Алхлавова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — № 6. — С. 53—57. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.11.
2. *Бердибаева Н. И.* Концепт «сон» в русских и кыргызских идиомах / Н. И. Бердибаева // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 71—4. — С. 16—19. — DOI: 10.18411/lj-03-2021-121.
3. *Берестнев Г. И.* «Только во сне сдалось, будто на свете жилося» : жизнь и смерть в русском лингвокультурном сознании (на материале пословиц и поговорок) / Г. И. Берестнев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2018. — № 4. — С. 33—40.
4. *Ван И.* Паремические жанры русского и китайского фольклора : особенности функционирования личного имени собственного / Ван И // Известия Южного феде-

рального университета. Филологические науки. — 2020. — № 3. — С. 30—37. — DOI: 10.18522/1995-0640-2020-3-30-37.

5. Ван Фу. Суждения сокровенного человека / Ван Фу. — Пекин : Китайский книжный дом, 2018. — 296 с. (на кит. яз.) (王符 潜夫论. — 北京: 中华书局, 2018. — 296 页.)

6. Гао Юньлань. Весна и осень в маленьком городке / Гао Юньлань. — Пекин : Издательство народной литературы, 2009. — 303 с. (на кит. яз.) (高云览 小城春秋. — 北京: 人民文学出版社, 2009. — 303 页.)

7. Грудева Е. А. Выражение русской ментальности в пословицах (на примере пословиц с семантическим компонентом "лето" и "осень") / Е. А. Грудева // *Litera*. — 2021. — № 9. — С. 45—55. — DOI: 10.25136/2409-8698.2021.9.33990.

8. Захарова Л. Б. Мужские агноантропонимы в испанских паремиях / Л. Б. Захарова, Е. В. Захарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 1218—1224. — DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220180>.

9. Зиновьева Е. И. Лингвокультурологический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) / Е. И. Зиновьева, А. Е. Маточкина // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. — 2017. — № 28. — С. 29—34.

10. Золотко О. В. Психология сна о «золотом веке» героя рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» / О. В. Золотко // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2018. — № 1. — С. 107—120. — DOI 10.22455/2619-0311-2018-1-107-120.

11. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок : Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : ЛЕНАНД, 2022. — 395 с. — ISBN 978-5-9710-6609-5.

12. Конфуций Ли цзи (Трактат «Книга обрядов») / Под. Ред. Дай Шэн. — Пекин : Пекинское союзное издательство, 2015. — 154 с. (на кит. яз.) (孔子 礼记/ 戴胜主编. — 北京: 北京联合出版公司, 2015. — 154 页.)

13. Литвинова Ю. Н. Образ сна в русской фразеологии и паремиологии / Ю. Н. Литвинова // Актуальные проблемы полиграфии и издательского дела, 2008 : материалы междунар. науч.-практ. семинара 30 сент. — 2 окт. 2008 г. — Самара : Изд-во СГАУ, 2008. — С. 75—80. — ISBN 978-985-577-810-4.

14. Лу Люлян. Семейный тренинг Лу Люляна / Лу Люлян ; Перевод Чжан Тяньцзе, Лу Дунпина, Ван Сяося. — Шанхай : Шанхайское издательство древних книг, 2019. — 312 с. (на кит. яз.) (吕留良 吕留良家训/ 张天杰, 鲁东平, 王晓霞译. — 上海: 上海古籍出版社, 2019. — 312 页.)

15. Маркова С. П. Компонент сна в китайских и якутских фразеологизмах / С. П. Маркова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2019. — № 2 (18). — С. 23—30.

16. Мирзоева В. М. Этнокультурная специфика и семантика паремий концептов «лень (безделье)», «сон — бессонница», «сила — слабость» / В. М. Мирзоева, Е. Д. Аксенова, А. А. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2016. — № 3. — С. 142—146.

17. Михновец Н. Г. Эпический разворот сюжета вины от сна Прохарчина к сну Дмитрия Карамазова / Н. Г. Михновец // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 265—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-265-283.

18. Мокиенко В. М. Образ врага в русской фразеологии и паремиологии / В. М. Мокиенко // Русистика. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 203—216. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>.

19. Никитина Т. Г. Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов : коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева, Пяо Лисян // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 117—133. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-117-133>.

20. Потапова Н. А. Русские паремии и механизмы человеческого мышления (выражение обобщенного значения) / Н. А. Потапова, Д. А. Щукина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 4. — С. 109—119. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10>.

21. Просвирнина И. С. Концепт «Скромность» в русских и китайских паремиях / И. С. Просвирнина, Шао Жуй // Филология и культура. — 2013. — № 4. — С. 97—104.

22. Семина П. С. Тематическое многообразие бельгийских паремий (на лексико-графическом материале) / П. С. Семина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 893—905. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905>.

23. Султанов Б. Р. О лингвокультурологической специфике концепта «Dream» в английских фразеологизмах / Б. Р. Султанов, Ж. Т. Абдураззоков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 2—1. — С. 148—150.

24. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Яз. рус. культуры, 1999. — С. 13—22. — ISBN 5-88766-061-9.

25. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 284 с. — ISBN 5-88766-047-3.

26. Толкование снов Чжоу-гуна (Неизвестный автор). — Нанькин : Издательство изящных искусств Цзянсу Феникс, 2016. — 361 с. (на кит. яз.) (周公解梦 (佚名)). — 南京:江苏凤凰美术出版社, 2016. — 361 页.)

27. Хлебодарова А. Г. Лингвотитическая специфика концепта "Dream" и его дискурсивной реализации в современном английском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Г. Хлебодарова. — Москва, 2016. — 24 с.

28. Ху Янисинь. Оппозиция «справедливость — несправедливость» в русских и китайских паремиях / Ху Янисинь // Litera. — 2022. — № 7. — С. 120—131. — DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.7.36480>.

29. Усачева О. А. Концепт СОН в романе О. Григорьевой «Ладога» / О. А. Усачева, Н. А. Чернявская, Д. С. Макунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 7. — С. 2199—2204. — DOI: 10.30853/phil20220380.

30. Черкашина Э. А. Вербализация концепта «сон / dream» в разноразличных культурах / Э. А. Черкашина. — London : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. — 200 с.

31. Чжан Цзай. Полное собрание сочинений Чжан Цзая / Чжан Цзай. — Сиань : Издательство «Три части бывшего княжества Цинь», 2020. — 259 с. (на кит. яз.) (张载关学经典集成 张载卷/陈俊民. — 西安 : 三秦出版社, 2020. — 259 页.)

32. Чжун Ся. Многоцентровое исследование распределения типов синдрома традиционной китайской медицины и характеристик ночного сна у пациентов с артериальной гипертензией / Чжун Ся, Гоу Фуюз, Цзяо Хуачэнь // Вестник Ляонинского университета традиционной китайской медицины. — 2023. — № 25 (04). — С. 134—139. — DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-4/16-25>. (на кит. яз.) (钟霞, 苟福月, 焦华琛等. 高血压病患者中医证型分布规律及夜间睡眠特征多中心研究. 辽宁中医药大学学报. — 2023. — 25(04). — 134—139.)

33. Nikolaeva E. K. Концепт сна в славянских языках (на примере устойчивых сравнений) / E. K. Nikolaeva, E. I. Seliverstova // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 2016. — Т. 61. — № 2. — С. 325—343. — DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6.

Статья поступила в редакцию 27.05.2023,
одобрена после рецензирования 21.07.2023,
подготовлена к публикации 20.08.2023.

Material resources

- A large dictionary of Chinese proverbs*. (2011). Shanghai: Shanghai Tsyshu Publishing House. 1398 p. (In Chin.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Big Dictionary of Russian proverbs*. Moscow: Olma Media Group. 1024 p. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).
- Xinhua Dictionary of Proverbs*. (2005). Beijing: Commercial Publishing House. 570 p. (In Chin.).
- Zimin, V. I. (2021). *Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions*. Moscow: AST-Press. 736 p. ISBN 978-5-906971-19-7. (In Russ.).

References

- Alkhlavova, I. H. (2019). The concept of sleep in the poetry of Dzhaminat Kerimova. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (6): 53—57. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.11. (In Russ.).
- Berdibaeva, N. I. (2021). The concept of “sleep” in Russian and Kyrgyz idioms. *Trends in the development of science and education*, 71—4: 16—19. DOI: 10.18411/lj-03-2021-121. (In Russ.).
- Berestnev, G. I. (2018). “Only in a dream I gave up, as if I lived in the world”: life and death in the Russian linguocultural consciousness (based on proverbs and sayings). *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 4: 33—40. (In Russ.).
- Cherkashina, E. A. (2011). *Verbalization of the concept of “dream” in multilingual cultures*. London: LAP Lambert Academic Publishing. 200 p. (In Russ.).
- Confucius Li ji (Treatise “The Book of Rites”)*. (2015). Beijing: Beijing Union Publishing House. 154 p. (In Chin.).
- Gao Yunlan. (2009). *Spring and autumn in a small town*. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 303 p. (In Chin.).
- Grudeva, E. A. (2021). Expression of Russian mentality in proverbs (on the example of proverbs with a semantic component “summer” and “autumn”). *Litera*, 9: 45—55. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.9.33990. (In Russ.).
- Hu Yanixin. (2022). The opposition “justice — injustice” in Russian and Chinese paroemias. *Litera*, 7: 120—131. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.7.36480>. (In Russ.).
- Interpretation of the Chou-gong song (Unknown author)*. (2016). Nanjing: Publishing House of Fine Arts Jiangsu Phoenix. 361 p. (In Chin.).
- Khlebodarova, A. G. (2016). *Linguoethnic specificity of the concept of “Dream” and its discursive implementation in modern English*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2022). *Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The anthroponymic code of culture*. Moscow: LENAND. 395 p. ISBN 978-5-9710-6609-5. (In Russ.).

- Litvinova, Yu. N. (2008). The image of sleep in Russian phraseology and paremiology. In: *Actual problems of printing and publishing, 2008: materials of the International scientific and practical. Seminar 30 Sep. — 2 Oct. 2008*. Samara: Publishing House of SSAU. 75—80. ISBN 978-985-577-810-4. (In Russ.).
- Lu Lyulyan. (2019). *Lu Liuliang Family Training*. Shanghai: Shanghai Publishing House of Ancient Books. 312 p. (In Chin.).
- Markova, S. P. (2019). Sleep component in Chinese and Yakut phraseological units. Arctic XXI century. *Humanities*, 2 (18): 23—30. (In Russ.).
- Mikhnovets, N. G. (2020). Epic Reversal of the Plot of Guilt from Prokharchin's Dream to Dmitry Karamazov's Dream. *Nauchnyi dialog*, 9: 265—283. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-265-283> (In Russ.).
- Mirzoeva, V. M., Aksenova, E. D., Kuznetsova, A. A. (2016). Ethnocultural specificity and semantics of the concepts of “laziness (idleness)”, “sleep — insomnia”, “strength — weakness”. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 3: 142—146. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2022). The image of the enemy in Russian phraseology and paremiology. *Rusistika*, 20 (2): 203—216. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Piao L. (2021). Dictionary Representation of Linguocultural Stereotypes: Communicative Behavior of Russians in Thematic Dictionary of Proverbs. *Nauchnyi dialog*, 10: 117—133. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-117-133> (In Russ.).
- Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I. (2016). The concept of sleep in Slavic languages (using the example of stable comparisons). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61 (2): 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6.
- Potapova, N. A., Shchukina, D. A. (2020). Russian paroemias and mechanisms of human thinking (expression of generalized meaning). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 19 (4): 109—119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvol-su2.2020.4.10>. (In Russ.).
- Prosvirina, I. S., Shao Rui. (2013). The concept of “Modesty” in Russian and Chinese parodies. *Philology and Culture*, 4: 97—104. (In Russ.).
- Semina, P. S. (2019). Thematic diversity of the Belgian paremiias (on lexicographic material). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 10 (4): 893—905. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-893-905>. (In Russ.).
- Sultanov, B. R., Abdurazzokov, J. T. (2016). On the linguistic and cultural specifics of the concept “Dream” in English phraseological units. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 2—1: 148—150. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1999). Priority tasks and methodological studies of the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Yaz. rus. kul'tury. 13—22. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture. 284 p. ISBN 5-88766-047-3. (In Russ.).
- Usacheva, O. A., Chernyavskaya, N. A., Makunina, D. S. (2022). The concept of SLEEP in O. Grigorieva's novel “Ladoga”. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 15 (7): 2199—2204. DOI: 10.30853/phil20220380. (In Russ.).

- Wang Yi. (2020). (his name is exactly “And”) Paremic genres of Russian and Chinese folklore: features of the functioning of a personal proper name. *Izvestia of the Southern Federal University. Philological sciences*, 3: 30—37. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-3-30-37. (In Russ.).
- Wang Fu. (2018). *Judgments of the innermost person*. Beijing: Chinese Book House. 296 p. (In Chin.).
- Zakharova, L. B., Zakharova, E. V. (2022). Male hagioanthroponyms in Spanish paroemias. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 15 (4): 1218—1224. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220180>. (In Russ.).
- Zhang Zai. (2020). *The complete works of Zhang Zai*. Xi'an: Publishing house “Three parts of the former Principality of Qin”. 259 p. (In Chin.).
- Zhong Xia, Gu Fuyue, Jiao Huachen. (2023). Multicenter study of the distribution of types of traditional Chinese medicine syndrome and characteristics of night sleep in patients with hypertension. *Bulletin of the Liaoning University of Traditional Chinese Medicine*, 25 (04): 134—139. DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-4/16-25>. (In Chine.).
- Zinovieva, E. I., Matochkina, A. E. (2017). Linguoculturographic aspect of the study of Russian paroemias (based on the material of proverbs with a component of water). *Russian as a foreign language and methods of its teaching*, 28: 29—34. (In Russ.).
- Zolotko, O. V. (2018). Psychology of sleep about the “golden age” of the hero of F. M. Dostoevsky’s story “The Dream of a funny man”. *Dostoevsky and world culture. Philological Journal*, 1: 107—120. DOI: 10.22455/2619-0311-2018-1-107-120. (In Russ.).

*The article was submitted 27.05.2023;
approved after reviewing 21.07.2023;
accepted for publication 20.08.2023.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

.....

Виолетта Яковлевна Аскарова, д-р филол. наук (Челябинск)

Людмила Борисовна Зубанова, д-р культурологии (Челябинск)

Наталья Львовна Зыховская, д-р филол. наук (Челябинск)

Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Эльвира Леонидовна Шубина, д-р филол. наук (Москва)

Юлия Александровна Райкова, преподаватель (Москва)

Информация для цитирования:

Аскарова В. Я. Чтение студентов в системе медиакommunikаций XXI века : «book-почитатели» и «digital-адепты» / В. Я. Аскарова, Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 155—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-155-169.

Askarova, V. Ya., Zubanova, L. B., Zykhovskaya, N. L. (2023). Reading Practices of Students in Media Communication System of 21st Century: 'Book Enthusiasts' and 'Digital Adept'. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 155-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-155-169. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-155-169

Чтение студентов в системе медиакommunikаций XXI века: «book-почитатели» и «digital-адепты»

Аскарова Виолетта Яковлевна¹

orcid.org/0000-0002-0787-8567

доктор филологических наук, профессор,
кафедра библиотечно-информационной деятельности
viovita@yandex.ru

Зубанова Людмила Борисовна*¹

orcid.org/0000-0001-6081-5568

доктор культурологии, профессор,
кафедра философии и культурологии
* корреспондирующий автор
milazubanova@gmail.com

Зыховская Наталья Львовна²

orcid.org/0000-0002-1697-2782

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и литературы
ladoga122@gmail.com

¹ Челябинский государственный институт культуры
(Челябинск, Россия)

² Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (региональный конкурс Челябинской области), проект № 22-28-20162

Reading Practices of Students in Media Communication System of 21st Century: 'Book Enthusiasts' and 'Digital Adept's

Violetta Ya. Askarova¹

orcid.org/0000-0002-0787-8567

Doctor of Philology, Professor,
Department of Library and Information Activities
viovita@yandex.ru

Liudmila B. Zubanova*¹

orcid.org/0000-0001-6081-5568

Doctor of Cultural Studies, Professor,
Department of Philosophy and Cultural Studies

* Corresponding author

milazubanova@gmail.com

Natalya L. Zykhovskaya²

orcid.org/0000-0002-1697-2782

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language and Literature
ladoga122@gmail.com

¹ Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
(Chelyabinsk, Russia)

² South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation (Regional Competition of the Chelyabinsk Region), project number 22-28-20162

© Аскарова В. Я., Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются читательские практики современного студенчества в контексте развития цифровых технологий. Интерпретируются результаты проведенных авторами социологических исследований, выявляющих отношение студентов к различным практикам чтения в условиях медиатрансформаций (анкетирование, фокус-группы, анализ драбблов). В ходе исследования изучалось отношение студентов к чтению (ценность чтения и периодичность контактов), осуществлялась дифференциация интересов и факторов воздействия на читательскую активность. Оценивалась эффективность продвижения и поддержки чтения в работе библиотек, вузов, киноиндустрии, лидеров мнений. Сделан вывод об отсутствии оснований для принципиального разграничения сторонников традиционного (book-почитателей) и цифрового (digital-адептов) чтения. Те и другие полноценно встроены в традиционную бумажную и цифровую книжную среду. Современные цифровые и визуальные коммуникационные технологии для обеих категорий респондентов оказались наиболее значимыми средствами побуждения к чтению. Линии цифрового неравенства в большей мере определяются уровнем активности включения в медиакommunikации, способностью к порождению креативного контента. Зафиксирована преимущественно пассивная позиция респондентов в отношении читательского контента в сети. Сделан вывод о разрыве декларируемой, признанной и реализованной ценности чтения.

Ключевые слова:

практики чтения; студенты; читательская деятельность; медиакommunikации; цифровые технологии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the reading practices of contemporary students in the context of the development of digital technologies. The authors interpret the results of sociological research conducted, which reveal students' attitudes towards various reading practices in the midst of media transformations (surveys, focus groups, analysis of drabbles). The study investigates students' attitudes towards reading (the value of reading and frequency of engagement), differentiating interests and factors influencing reading activity. The effectiveness of promoting and supporting reading in libraries, universities, the film industry, and opinion leaders is evaluated. The conclusion is drawn that there is no basis for a fundamental distinction between supporters of traditional (book enthusiasts) and digital (digital adepts) reading. Both are fully integrated into the traditional paper and digital book environment. Modern digital and visual communication technologies were found to be the most significant means of encouraging reading for both categories of respondents. The lines of digital inequality are primarily determined by the level of engagement in media communication and the ability to generate creative content. A predominantly passive position of respondents towards reading content online is observed. The conclusion is made about the gap between the declared, recognized, and implemented value of reading.

Key words:

reading practices; students; reading activity; media communication; digital technologies.

Чтение студентов в системе медиакоммуникаций XXI века: «book-почитатели» и «digital-адепты»

© Аскарова В. Я., Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., 2023

1. Введение = Introduction

Отличительной чертой культуры XXI века, в полном смысле определяющей ее сегодняшний облик, становится цифровая «перекодировка» традиционных досуговых практик коммуникации. Особенно заметны эти процессы в сферах книжной культуры: бумажные версии книг, посещение библиотек и т. п.

Читательские практики поколения XXI века, определяющиеся интенсивностью развития цифровых носителей и социальных медиа, актуализируют вопросы жизни (а порой и выживания) книги в мире «цифровых аборигенов», органично существующих в освоенной и присвоенной ими цифровой реальности, пространстве «цифровой экзистенции»: «Цифра убивает печатную книгу, поскольку появляются новые способы передачи сообщений. Книга как художественное или научное произведение не исчезает, но как материальный объект стремительно сдает свои позиции — «цифра» позволяет экономить место и время» [Труфанова, 2019, с. 7].

Эпоха постграмотности породила мультимедийные тексты различной природы, которые обозначают терминами *гибридные, интерактивные, гетерогенные, поликодовые, семиотически осложненные тексты*. Получили распространение книги-панорамы, книги с дополненной реальностью, виммельбухи, комиксы, графические романы, а в обозримом будущем предполагается появление авиги — конвергентной книги, которая содержит одновременно текст, иллюстрации, звук и видео.

Закономерно, что внимание к проблемам развития читательских практик в современной медиакоммуникационной среде оказывается в числе ведущих исследовательских тенденций последних лет.

Особенно важны, на наш взгляд, исследования, направленные на анализ читательских практик современного студенчества, для которого, как отмечают социологи [Зборовский и др., 2021], характерна утрата культуры знания и образованности в системе общественных ценностей.

Разноуровневая картина читательских интересов и предпочтений, анализ факторов и обстоятельств, способных стимулировать читательскую ак-

тивность студенчества в век цифровой культуры, окрашенной противоречиями, порожденными кардинальной ломкой коммуникативных практик, беспрецедентными поколенческими различиями, нуждаются в постоянном актуальном обновлении и социологической рефлексии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Активную роль в исследовательских процессах первого десятилетия играли сами представители библиотечного сообщества, изучающие, как дигитализация влияет на читателя и его деятельность, какие «цифровые следы» оставляет читающий человек в сетевом пространстве. В 2009—2010 годы исследовательским центром Российской государственной юношеской библиотеки (ныне РГБМ) под руководством М. М. Самохиной и О. Н. Кондратьевой проведены исследования «Библиотека. Чтение. Интернет» и «Молодые читатели в интернете» [Кондратьева и др., 2011], направленные на изучение характеристик посетителей форумов и сайтов, связанных с литературными сообществами и чтением. Проведенное сотрудниками РГБМ исследование дало богатейший материал о чтении молодежи, предпочтениях; позволило рассмотреть сетевую коммуникацию как важнейшую часть современного литературного процесса, дало импульс для проведения дальнейших исследований [Самохина, 2010].

В 2014 году было реализовано исследование «“Бумажное” и “электронное” чтение детей и подростков» [Колосова и др., 2014], в котором анализировались читательские практики, связанные с использованием компьютера и Интернета, оценивалась эффективность функционирования «книжной» среды Интернета.

Проблемы изучения цифрового поведения проблемной читательской группы — подростков исследовала М. В. Загидуллина [Загидуллина, 2016], отмечающая, что подростки, у которых ярко выражено стремление к чтению, в меньшей степени обращаются к Интернету и проводят время за компьютером, реже «бродят» по социальным сетям и занимаются интернет-сёрфингом. Выяснилось также, что у читающих подростков богаче домашние книжные собрания и более высокий уровень медиаоснащенности. Изложенное позволило обозначить наиболее перспективное, с точки зрения автора, направление исследования чтения — изучение его связи с технологическим ландшафтом, влияющей на изменение самой «фактуры» чтения (сущностная перестройка его основных характеристик). Обозначенная М. В. Загидуллиной технологическая перспектива исследований нашла свое воплощение и в работе М. М. Назарова и П. А. Ковалева [Назаров и др., 2017, с. 88].

Новые возможности исследования чтения посредством внедрения исследовательских цифровых технологий появились с приходом в это проблемное

пространство специалистов в сфере IT-программирования. Соответствующий опыт представил фонд системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ Brand Analytics. Использование методов автоматизированного поиска информации позволило исследователям собрать огромный массив данных о российских пользователях социальных медиа. Сегодняшний этап изучения цифрового чтения напрямую связан с оценкой его функционирования в пространстве социальных сетей, выступающих актуальным полем реализации книжных интересов аудитории. Особый интерес в контексте рассматриваемой темы вызывает исследование Т. Д. Рубановой, проанализировавшей возможности социальных сетей в продвижении чтения и развитии читательской активности пользователей [Рубанова, 2020]. Активность обсуждения книг и чтения в социальных медиа, результативность читательских сетевых телекоммуникационных проектов изучила Е. В. Качева [Качева, 2016].

Как видим, органичная для сети интерактивность Web 2.0 пробудила интерес к анализу виртуальных явлений, обусловила все более интенсивное «вторжение» исследователей в цифровое пространство жизни книги для познания глубинных процессов, происходящих в сфере чтения. В данной ситуации мы можем говорить о необходимости перехода на новые форматы продвижения чтения среди молодежной аудитории, сформировавшейся и социализировавшейся в эпоху постграмотности и интенсивной медиатизации социокультурного пространства.

Цель данной статьи — на материале эмпирических социологических исследований (исследовательские срезы: 2021 и 2023 годы), проведенных авторами в Челябинской области, очертить тенденции развития практик чтения современных студентов в контексте цифровой культуры XXI века.

Опрос проводился в девяти вузах Южного Урала в формате очного (прямой контакт с опрашиваемыми) и дистанционного (заполнение анкеты по ссылке на Google-форму) анкетирования. В опросе приняли участие 1100 респондентов. Выборка носила многоступенчатый характер: в вузах опрашивались студенты, обучающиеся по укрупненным направлениям подготовки: математические и естественные науки; инженерное дело, технологии и технические науки; здравоохранение и медицинские науки; физическая культура и спорт; науки об обществе, социальная сфера; гуманитарные науки; искусство и культура; дизайн и сервис.

При интерпретации результатов в настоящем материале преимущественно фиксируются обобщенные аспекты отношения студентов к чтению (студенты как интегрированная группа респондентов, без конкретизации вузов и направлений подготовки).

Процедура исследования основывалась на прямом выходе исследователя к обучающимся (в момент проведения учебных занятий) с предло-

жением пройти опрос в формате непосредственного взаимодействия или в отложенном режиме по размещенной ссылке в тематических сообществах вузов в социальных сетях (по каждому направлению подготовки был создан персональный доступ к ресурсу).

Особенностью проводимого исследования был комплексный характер его методики, предусматривающей сбор данных в интернет-пространстве (заполнение опросного листа со ссылкой на Google-форму, анализ сетевого контента, изучение библиотечных интернет-ресурсов, содержащих информацию о встречах с писателями) и в очном формате.

Основное внимание в настоящей статье уделено актуальным исследовательским замерам (2021 и 2023 годы), однако при интерпретации отдельных позиций (для отслеживания динамики читательских настроений) мы будем ссылаться и на результаты ранее проведенного нами онлайн-опроса студентов 2015 года (за основу была взята анкетная карта, разработанная Русской ассоциацией чтения и дополненная вопросами, связанными с использованием электронных носителей информации).

При разработке инструментария, стремясь к сопоставлению полученных замеров разных лет, мы придерживались содержательного соответствия вопросов анкеты (с некоторыми отступлениями и уточнениями, характерными для конкретного исследовательского временного периода):

- общее отношение к чтению (ценность чтения и периодичность контактов), дифференциация читательских предпочтений / интересов;

- мотивы чтения и факторы влияния / стимулы, способствующие вовлеченности в читательскую деятельность;

- оценка эффективности институциональных форм продвижения и поддержки чтения (работа библиотек, вузов, киноиндустрии);

- востребованность цифровых форматов читательской деятельности (сайты, порталы, форумы, блоги, группы и т. п., посвященные писателям, книгам, новостям из мира литературы и чтению).

Эмпирический материал, полученный в ходе онлайн-опроса, дополнялся анализом высказываний в ходе фокус-групп (8 фокус-групп в 2021 году и 5 фокус-групп в 2023 году со студентами ведущих университетов Челябинска), а также миниатюрных студенческих сочинений — драбблов, содержащих не более 300 слов, на тему: «Я читаю».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Практики чтения студентов XXI века: региональный исследовательский срез

Обратимся к результатам исследования, содержательно конкретизирующего отношение студентов к различным аспектам и практикам чтения

в контексте медиатрансформаций XXI века. Сразу отметим, что студенты достаточно широко трактуют чтение, подчеркивают многообразие его практик и в большинстве случаев придерживаются сбалансированных оценок в признании ценности чтения: «Стараюсь находить время для чтения, это необходимо для успешного развития человека» (39,5 %); «Люблю читать, но обычно мне не хватает времени на чтение» (38,3 %). Далее, практически в равных значениях отражены ответы, характеризующие функциональные («Читаю в основном по учебе / работе» — 25,9 %) и релаксирующие («Иногда читаю что-нибудь легкое, чтобы развлечься» — 20,7 %) практики чтения. Отметим, что варианты, указывающие на явную дистанцию студентов от активной читательской практики («Не люблю читать, у меня много других дел» и «Мне скучно читать»), не набирали более 5 % от общего количества ответов учащихся по каждому вузу. Конкретизация частоты и регулярности чтения среди студентов продемонстрировала существенный отрыв от данных, полученных в 2015 году. Тогда высокая частота чтения отмечалась в более чем 40 % ответов, в то время как сейчас варианты ответов, указывающие на распространенность данного типа практик, отмечались у 29 % опрошенных (варианты ответов: «каждый день» — 8,5 %; «два-три раза в неделю» — 13 %; «один раз в неделю» — 8 %).

В драбблах также декларировалась значимость чтения для развития, познания, расширения кругозора, формирования мировоззрения и понимания других людей, освоения социального опыта, возможность вступить в диалог.

Этим декларациям все же не следует доверять в полной мере: в ходе опроса было зафиксировано противоречие между подчеркиванием ценности чтения (книга как имиджевый атрибут) и реальными практиками включения опрошенных в читательскую деятельность (деятельностный компонент): сфера признанной ценности значительно уступает первой и очерчивает границы слабых эпизодических связей с книгой и чтением, когда индивиды включаются в чтение, но эта деятельность не занимает приоритетного места в их ценностной иерархии. В фиксации предпочтений литературы по критерию «классика — современность» использовалась двухуровневая система оценки. Первый уровень был направлен на восприятие имиджевого контекста, статусных позиций классической и современной и современной литературы в сознании современного студенчества. Студентам предлагался выбор дихотомических конструкций в отношении каждого сегмента.

Классическая литература:

— «Нужно, прежде всего, читать классическую литературу — это культурный багаж любой эпохи»;

— «Классику нужно знать, но она устарела и уже не отвечает реалиям времени».

2) Современная литература:

— «Современная литература ставит вопросы и темы, актуальные для жизни человека в XXI веке»;

— «Современная литература, как правило, не отличается высоким качеством».

И в том, и в другом сегментах количество положительных выборов значительно опережало поддержку отрицательных суждений: классическая литература — 42,4 % против 18,4 %; современная литература — 24,6 % против 6,8 % соответственно.

Второй уровень оценки предполагал выбор между классической и современной литературой в системе личностных предпочтений студентов. Наиболее популярным оказался вариант ответа: «и классика, и современная литература» (49 %); при наличии выбора студенты отдавали предпочтение современной литературе — 25,7 % против 16,7 % выбора классики.

Как продемонстрировали результаты опроса, включенность студентов в образовательно-просветительские форматы (обсуждение книг с преподавателями и другими студентами) носит эпизодический характер (тенденция, характерная для всех вузов):

— обсуждение тем, связанных с литературой и чтением на студенческих неформальных собраниях (клубах по интересам, дискуссионных площадках), — 10,5 %;

— обсуждение литературных новинок или классических произведений с преподавателями (на занятии и за его пределами), рекомендации от преподавателей считать что-то интересное — 12 %.

Еще одной важной институцией, работающей на активизацию чтения и популяризацию литературы, является библиотека. В современных реалиях библиотеки становятся востребованным и многофункциональным культурно-досуговым центром (концепция учреждения как «третьего места»), аккумулирующим многообразие актуальных социокультурных практик и передовых возможностей.

В ответах студентов образ библиотеки связывается прежде всего с функциями хранения и выдачи необходимой литературы (70 %), возможностями уединенной и сосредоточенной работы с источниками (33 %) и обеспечением доступа к закрытым электронным базам данных (29,8 %). Почти половина опрошенных студентов (46,8 %) ничего не знают о дополнительных мероприятиях, проводимых в библиотеках, которые они посещают; еще 34 % выбрали вариант ответа «не посещаю библиотеки».

Интерес и потенциальная готовность к участию связывается у студентов со следующими формами работы библиотек: квесты, игры по мотивам литературных сюжетов — 37,3 %; встречи с писателями — 36,4 %; выставки литературы (новинок) — 33,4 %; музыкальные мероприятия, кинопросмотры — 32 %. Вероятно, следует вести речь об интенсификации усилий библиотек в привлечении студентов (обеспечении перехода от потенциальной готовности — к реальному участию) в данных ивент-проектах.

3.2. Чтение в эпоху медиакоммуникаций: «book-почитатели» и «digital-адепты»

Обращение к актуальной проблематике чтения в контексте современной эпохи (глобальные трансформации, цифровой прорыв, ускорение времени, динамика социальных изменений) обозначается исследователями как конфликт «Галактики Гуттенберга» и «Галактики Цукерберга» — символическое устаревание чтения в традиционном формате (бумажная книга) вследствие галопирующих темпов распространения интернет-контента и, в целом, смена привычных моделей взаимодействия читателя с текстом: «Гравитационное напряжение пространства галактики Гутенберга определялось идеями авторов текстов, которые представляли логику разума, красоту и справедливость мира, нравственные идеалы жизни человека. Поскольку тексты требовали «правильного обращения» с ними, то рядом с автором появилась фигура критика и педагога-наставника, которые, с одной стороны, выясняли и определяли правила существования текста, а с другой — служили посредниками между автором и читателем, направляя чтение и понимание текста» [Конев, 2018, с. 146].

Анализ полученных в ходе опроса результатов (практики использования «бумажных» и «цифровых» форматов книг) позволил нам выделить две группы современных читателей, условно обозначенных как *book-почитатели* (32,2 %) и *digital-адепты* (42,8 %).

Оговоримся сразу, что в заданном противопоставлении нет (или, по крайней мере, не артикулируется в качестве сознательной установки) идеологического неприятия: студенты, обозначенные нами как *book-почитатели* полноценно встроены в цифровую среду и не придерживаются практик медиа-аскетизма. Так, при ответе на вопрос о выборе носителей для чтения самым популярным ответом стал: «*Читаю и на электронных, и на бумажных носителях*». Другими словами, речь в данном случае идет не о «цифровом разрыве» как ограниченном включении в интернет-коммуникации (проблема, в большей мере сводящаяся к конфликту поколений «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов»), а о декларируемой значимости практик чтения серьезной литературы — в противовес «облегченной» медиа-информации (мемы, новости, блоги).

Выбор цифровых форматов связывался с аргументами экономической доступности (*«книги сегодня не так просто купить, предпочитаю не тратить деньги»*) и практического удобства (*«читаю в дороге на телефоне», «вечером проще читать с планшета», «не хочется таскать с собой толстенную книгу»*).

Кроме того, именно в развитии цифровых технологий студенты видят возможности эффективного продвижения чтения: «социальные сети» (58,2 %), экранизация книг (44 %) и привлечение лидеров мнений и инфлюенсеров (43 %).

Культурное посредничество выполняет функцию связующего звена, помощника, улучшающего условия для читательской деятельности, помогая читателям самостоятельно сформировать индивидуальную читательскую траекторию. В данном контексте значим тот факт, что существенная доля опрошенных нами студентов (40,5 %) готова принять помощь в организации своего чтения, «если это будет тонкое, ненавязчивое предложение». Студенты дорожат возможностью непосредственной встречи с писателями и поэтами, сопровождаемой, как правило, чтецкими выступлениями, но в сопоставлении «живых» и виртуальных форматов отдают первенство цифровым медиакommunikациям: 64 % считают именно социальные сети и визуальные интернет-ресурсы наиболее действенным средством активизации чтения и популяризации литературы.

В драбблах студенты подчеркивали, что на этих ресурсах их привлекают тексты, написанные обычными, похожими на них людьми: «В век интернета и технологий почти каждый, кто хоть немного умеет писать, на специальных сайтах может публиковать свои работы».

При конкретизации позиций студентов в ходе фокус-групп ими были обозначены, скорее, ситуативные стратегии цифрового поведения на подобных ресурсах, без наличия четкого и целенаправленного информационного запроса:

— *Попадались видео, где одна книга, автор и отзывы. Такие каналы я смотрела, но нечасто. Просто случайно попавшиеся, специально не ищу. Если попало, и я заинтересовалась книгой, то могу послушать, но специально не занимаюсь. Знаю, что их много (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников. — В. А., Л. З., Н. З.);*

— *У каждого свой информационный пузырь и натываясь на такие ролики, не досматриваешь до конца, потому что это то, что сейчас не интересно. Но если бы книжка была прочитана, то было бы интересно разбираться в таком формате. Это не кажется развлекательным контентом, его нужно смотреть, когда есть интерес;*

— *Я вот не состою ни в каких пабликах. Также друзья могут посоветовать, если они читали и рассказать. Могу и сам случайно найти, кратко прочитать и посмотреть, какой жанр, в чем смысл и начать читать, если зацепит. Интересный и нерастянутый сюжет. Мне нравится раскрытие персонажей, но без подробностей.*

Как отмечают исследователи, сегодняшние линии «цифрового неравенства» связаны не с возможностями доступа к Сети, но с уровнем активности включения в интернет-коммуникации, порождения креативного контента — как критерия сетевой креативности [Асочаков и др., 2021].

3.3. Креативный контент: расширение границ чтения

В читательской среде солидарность интернет-аудитории заметно проявлена в деятельности фанатов, которая дает старт всем производным фандома: фанфикшн (жанр массовой литературы, создаваемой фанатами по мотивам оригинального произведения), конвенты (съезды фанатов), фанзины (журналы, издаваемые в рамках фандома), ролевые игры, реконструкции, косплеи (костюмированные игры), фан-арт и т. д.

Любителей фанфиков среди респондентов привлекает то, что они написаны современными людьми, понятным языком, не требующим напряжения при чтении. Высказывание из драббла: *«Там нет сложного слога, из-за которого часто не хочется читать всю книгу, потому что устаешь обрабатывать информацию и переводить ее на современный язык. Все образы понятны, а события происходят в твоём времени и тебе не нужно обращаться к гуглу, чтобы понять, о чем речь».*

Литературное произведение оказывается поводом для сетевой коммуникации на различных форумах и блогах, проявлением синкретичных медиаконвергентных процессов, оно творчески изменяется, становясь основой для «вторичного контента», побуждает к творчеству достаточно широкий круг читателей, в результате чего появляются буктрейлеры, арты и фанфики: «Медиаконвергенция является отражением интеграционных процессов, происходящих в мировом сообществе, и представляет собой синкретизм различных видов медиа, принимающий форму единого медиaprостранства, создающего альтернативную, параллельную реальность, где время, расстояние и социальные различия перестают быть факторами, определяющими границы общения. Развитие цифровых технологий способствовало ускорению данных процессов и усилению их влияния на отдельного индивида и общество в целом, поскольку коммуникационные процессы активно переходят из традиционного, «аналогового» формата в цифровой. В связи с этим меняется и стиль потребления информации: пользователи больше не хотят довольствоваться пассивной ролью потребителя, как делали это в течение нескольких веков со времен появления

печатной прессы, а позже — радио и телевидения; аудитория стремится принимать полноправное участие в процессе коммуникации, оставляя за современными СМИ роль медиатора в многостороннем информационно-коммуникационном процессе» [Плотникова, 2022, с. 139].

Трансформация чтения на сегодняшний день выражается в расширении границ самой книги: она становится частью более широкого социокультурного контекста, входит в пространство конвергентной культуры [Дженкинс, 2019].

4. Заключение = Conclusions

Современные студенты трактуют чтение очень широко, рассматривая его как практику, пронизывающую все стороны их жизни. В чтении современных студентов нет противоречий между цифровым и бумажным форматами книги; выбор того или иного носителя определяется сугубо прагматическими соображениями. Вместе с тем они демонстрируют высокую степень зависимости от медиакоммуникаций, что позволяет исследователям говорить о том, что погружение в мир цифровых технологий является «культурологическим архетипом современного студенчества» [Гигин и др., 2021], новой формой «искусственной социальности» [Резаев и др., 2020; Шавлахова и др., 2023].

На развитие практик чтения этой категории читателей, стимулирование их читательской активности оказывают наибольшее влияние цифровые и визуальные интернет-ресурсы. Студенты посещают интернет-ресурсы, связанные с книгой и чтением, отдавая предпочтение социальным сетям, однако эта активность носит преимущественно ситуативный характер и редко связана с продуцированием креативного контента. Наиболее результативны в этом плане фанатские сообщества, демонстрирующие широкий спектр активностей в интернет-пространстве.

В современных условиях культурное посредничество осуществляется в условиях возрастающей субъектности, самостоятельности и самоорганизованности молодых читателей. Сетевые формы стимулирования читательской активности (сетевые сообщества, объединенные интересом к различным явлениям книжной культуры) предопределяют «обратное возмущающее воздействие» (П. Бурдьё), особенности которого необходимо учитывать во всей системе культурно-посреднических воздействий.

Не вызывает сомнений, что интернет все отчетливее проявляет себя как среда и инструмент формирования новых читательских практик; он будет все активнее использоваться различными интересантами (среди которых ученые, представители книжного бизнеса, образовательных учреждений, библиотек) как база исследований, поле отработки маркетинговых

приемов продвижения книжной продукции, формирования покупательского спроса и, конечно, как пространство поиска оптимальных стратегий стимулирования читательской активности студенческой молодежи.

Именно студенческая молодежь представляет часть социума, от которой зависят судьбы страны в самом близком будущем, что побуждает обратить самое пристальное внимание на различные стороны жизни этой категории населения, в том числе столь важную часть ее жизнедеятельности, как чтение, значимость которого в социализации молодого человека, его образовании, наращивании интеллектуального потенциала, обретении социального опыта и развитии эмоциональной сферы трудно переоценить.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Асочаков Ю. В.* Новое измерение социального развития : активность и креативность в интернет-коммуникациях / Ю. В. Асочаков, Е. С. Богомякова, Д. В. Иванов // Социологические исследования. — 2021. — № 1. — С. 75—86. — DOI: 10.31857/S013216250012083-4.
2. *Гигин В. Ф.* Студенты эпохи цифровых технологий : жизненные смыслы в реалиях белорусского общества / В. Ф. Гигин, Ж. М. Грищенко // Социологические исследования. — 2021. — № 1. — С. 10—120. — DOI: 10.31857/S013216250013571-1.
3. *Дженкинс Г.* Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс ; пер. с англ. А. Гасилина. — Москва : РИПОЛ классик, 2019. — 383 с. — ISBN 978-5-386-13461-7.
4. *Загидуллина М. В.* Подростки : чтение и Интернет в повседневной жизни / М. В. Загидуллина // Социологические исследования. — 2016. — № 5. — С. 115—123.
5. *Зборовский Г. Е.* Образовательная неуспешность российского студенчества : социологическая интерпретация проблемы / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова // Социологические исследования. — 2021. — № 3. — С. 17—27. — DOI: 10.31857/S013216250012904-7.
6. *Качева Е. В.* Сетевые проекты как инструмент развития читательской активности школьников / Е. В. Качева // Библиосфера. — 2016. — № 3. — С. 46—51.
7. *Колосова Е. А.* «Бумажное» и «электронное» чтение детей и подростков (результаты исследований) / В. П. Чудинова, Е. А. Колосова, А. Ю. Губанова // Румянцевские чтения. — Москва : Пашков дом, 2014. — С. 349—356. — ISBN 5-75100-613-5.
8. *Кондратьева О. Н.* Молодые читатели в Интернете / О. Н. Кондратьева, М. М. Самохина. — Москва : Российская государственная библиотека для молодёжи, 2011. — 156 с.
9. *Конев В. А.* Университет : из галактики Гуттенберга в галактику Цукерберга / В. А. Конев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 42. — С. 145—153. — DOI: 10.17223/1998863X/42/15.

10. Назаров М. М. Изменение медиасреды и современные практики чтения / М. М. Назаров, П. А. Ковалев // Социологические исследования. — 2017. — № 2. — С. 84—95.
11. Плотникова М. В. Фэндом в массовой культуре и политической коммуникации : воздействующий потенциал трансмедиасторителлинга / М. В. Плотникова // Политическая лингвистика. — 2022. — № 2 (92). — С. 138—150.
12. Резаев А. В. Социология в эпоху «искусственной социальности» : поиск новых оснований / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова, В. С. Стариков // Социологические исследования. — 2020. — № 2. — С. 3—12. — DOI: 10.31857/S013216250008489-0.
13. Рубанова Т. Д. Книжные паблики в «Инстаграме» / Т. Д. Рубанова // Библиосфера. — 2020. — № 1. — С. 39—45. — DOI: 10.20913/1815-3186-2020-1-39-45.
14. Самохина М. М. Молодые читатели в интернете / М. М. Самохина // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 2. — С. 395—405.
15. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение : ключевые проблемы / Е. О. Труфанова // Epistemology & Philosophy of Science. — 2019. — № 1 (16). — С. 4—21. — DOI: 10.17726/philIT.2019.1.16.1.
16. Шавлахова А. А. Взаимосвязь человека и машины как новая реальность искусственной социальности / А. А. Шавлахова, А. В. Бутина // Информационное общество. — 2023. — № 3. — С. 47—54. — DOI: 10.52605/16059921_2023_03_47.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023,
одобрена после рецензирования 15.08.2023,
подготовлена к публикации 24.08.2023.

References

- Asochakov, Yu. V., Bogomyagkova, E. S., Ivanov, D. V. (2021). A new dimension of social development: activity and creativity in Internet communications. *Sociological research, 1*: 75—86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4. (In Russ.).
- Gigin, V. F., Grishchenko, Zh. M. (2021). Students of the Digital age: life meanings in the realities of Belarusian society. *Sociological Research, 1*: 10—120. DOI: 10.31857/S013216250013571-1. (In Russ.).
- Jenkins, G. (2019). *Convergent culture. The clash of old and new media*. Moscow: RIPOl classic. 383 p. ISBN 978-5-386-13461-7. (In Russ.).
- Kacheva, E. V. (2016). Network projects as a tool for developing the reading activity of school-children. *Bibliosphere, 3*: 46—51. (In Russ.).
- Kolosova, E. A., Kolosova, E. A., Gubanova, A. Yu. (2014). “Paper” and “electronic” reading of children and adolescents (research results). In: *Rumyantsev readings*. Moscow: Pashkov House. 349—356. ISBN 5-75100-613-5. (In Russ.).
- Kondratieva, O. N., Samokhina, M. M. (2011). *Young readers on the Internet*. Moscow: Russian State Library for Youth. 156 p. (In Russ.).
- Konev, V. A. (2018). University: from the Gutenberg galaxy to the Zuckerberg galaxy. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science, 42*: 145—153. DOI: 10.17223/1998863X/42/15. (In Russ.).
- Nazarov, M. M., Kovalev, P. A. (2017). Changing the media environment and modern reading practices. *Sociological research, 2*: 84—95. (In Russ.).
- Plotnikova, M. V. (2022). Fandom in mass culture and political communication: the influencing potential of transmediastoritelling. *Political Linguistics, 2* (92): 138—150. (In Russ.).

- Rezaev, A. V., Tregubova, N. D., Starikov, V. S. (2020). Sociology in the era of “artificial sociality”: the search for new foundations. *Sociological research*, 2: 3—12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0. (In Russ.).
- Rubanova, T. D. (2020). Book publications in Instagram. *Bibliosphere*, 1: 39—45. DOI: 10.20913/1815-3186-2020-1-39-45. (In Russ.).
- Samokhina, M. M. (2010). Young readers on the Internet. *New literary review*, 2: 395—405. (In Russ.).
- Shavlahova, A. A., Butina, A. V. (2023). The relationship between man and machine as a new reality of artificial sociality. *Information Society*, 3: 47—54. DOI: 10.52605/16059921_2023_03_47. (In Russ.).
- Trufanova, E. O. (2019). Information saturation: key problems. *Epistemology & Philosophy of Science*, 1 (16): 4—21. DOI: 10.17726/philIT.2019.1.16.1. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V. (2016). Teenagers: reading and the Internet in everyday life. *Sociological research*, 5: 115—123. (In Russ.).
- Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2021). Educational failure of Russian students: a sociological interpretation of the problem. *Sociological research*, 3: 17—27. DOI: 10.31857/S013216250012904-7. (In Russ.).

*The article was submitted 23.06.2023;
approved after reviewing 15.08.2023;
accepted for publication 24.08.2023.*

Информация для цитирования:

Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

Radbil, T. B. (2023). Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu'). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 170-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189

Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*)

Радбиль Тимур Беньюминович
orcid.org/0000-0002-7516-6705
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
Института филологии и журналистики
timur@radbil.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00368,
<https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu')

Timur B. Radbil
orcid.org/0000-0002-7516-6705
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics,
Institute of Philology and Journalism
timur@radbil.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number № 23-28-00368,
<https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

© Радбиль Т. Б., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о языковых и дискурсивных механизмах языкового воплощения ценностей в медиадискурсе интернета, о научном инструментарии их выявления и квалификации в массиве текстовых данных. Проанализированы особенности метаязыкового употребления лексемы *по-хорошему* как репрезентативного контекста для выявления ценностей особого типа — так называемых «псевдоценностей», то есть ценностей, которые выражают относительную оценку: 'нечто в каком-то отношении хорошо, а в каком-то отношении плохо'. Использована методика корпусного анализа. Материалы для исследования извлечены из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка. Показано, что метаязыковое выражение *по-хорошему* выступает своего рода «тестом» на выявление потенциальной негативной оценочности у номинаций, которые, в соответствии с трендами современного общества, могли бы оцениваться как «хорошие» или как нейтральные, внеоценочные. Установлено, что данный репрезентативный контекст является индикатором повышения ценностного регистра для номинаций, по умолчанию характеризующихся как негативно-оценочные. Делается вывод о том, что посредством использования лексемы *по-хорошему* читательской аудитории медиатекстов могут навязываться определенные оценки, которые изначально могли бы не разделяться адресатами, что делает метаязыковое выражение *по-хорошему* действенным средством языкового манипулирования.

Ключевые слова:

по-хорошему; метаязыковое употребление; репрезентативные контексты; медиадискурс интернета; имплицитная оценочность; псевдоценность; корпусный анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the linguistic and discursive mechanisms of value embodiment in internet media discourse, as well as the scientific tools for identifying and qualifying them in a corpus of textual data. The study investigates the peculiarities of metalanguage usage of the lexeme '*po-khoroshemu*' ['in a good sense of the word'] as a representative context for detecting values of a particular type, referred to as "pseudo-values," which express relative evaluation: 'something is good in some respect, but bad in another respect.' Corpus analysis methodology was employed, using materials extracted from newspaper corpora within the *Russian National Corpus*. The study demonstrates that the metalanguage expression '*po-khoroshemu*' serves as a kind of "test" for identifying potential negative evaluativity in nominations that, according to contemporary societal trends, could be perceived as "good" or neutral / non-evaluative. On the other hand, it is established that this representative context indicates an increase in the value register for nominations that are default negatively evaluative. The conclusion is drawn that through the use of the lexeme '*po-khoroshemu*,' certain evaluations can be imposed on the readership of media texts, which may not have been initially shared by the addressees, thus making the metalanguage expression '*po-khoroshemu*' an effective means of linguistic manipulation.

Key words:

po-khoroshemu; in a good sense of the word; metalanguage usage; representative contexts; internet media discourse; implicit evaluativity; pseudo-evaluativity; corpus analysis.

Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*)

© Радбиль Т. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Проблема «язык и культура» издавна относится к числу «вечных» проблем в мировой и отечественной лингвистике. В современных антропоориентированных стратегиях научного поиска, отличающихся установкой на междисциплинарность, формируется отдельная исследовательская область гуманитарного знания, которая в отечественной научной традиции именуется «лингвокультурология» [Телия, 1999; Ковшова, 2013], а в зарубежном научном мире называется «cultural linguistics» [Sharifian, 2017]. Сегодня изучение языка в контексте культуры обогащается идеями и принципами лингвистического когнитивизма и психолингвистики [Красных, 2016; Радбиль, 2017; Noveck, 2021], прагмалингвистики [Black, 2006; Scarantino, 2017; Радбиль и др., 2022], контрастивной лингвистики [Зыкова, 2017; Радбиль и др., 2020] и дискурс-анализа [Соколова, 2017; Чернявская, 2018]. Также наблюдается расширение сфер приложения лингвокультурологического научного инструментария и обогащение тематических кластеров за счет включения в поле описания лексики интеллекта [Леонтьева, 2008], эмоций [Бабенко, 2021] и — шире — социальной лексики [Леонтьева, 2018].

На этом широком научном фоне вполне оправдан интерес исследователей и к языковому воплощению ценностей в дискурсах разного типа [Арутюнова, 1999; Милованова, 2021] — в рамках общей проблематики «язык и культура» отмечается становление такого междисциплинарного направления, как «лингвистическая аксиология» («лингвоаксиология», «аксиологическая лингвистика») [Темиргазина, 2015; Карасик, 2020; Общая и русская лингвоаксиология, 2022].

Естественной средой языкового воплощения ценностей этноса или социума являются разнообразные дискурсивные практики носителей языка, прежде всего — в рамках дискурсов «активного воздействия» [Соколова, 2017], к каковым, несомненно, относится и медиадискурс [Клушина, 2019; Болотнова, 2021], особенно в его сетевой разновидности, где реализуются

специфические модели использования языка, обусловленные особенностями канала коммуникации [Костадинов и др., 2016; Facchinetti, 2021].

Все это позволяет поставить вопрос о языковых и дискурсивных механизмах языкового воплощения ценностей в медиадискурсе Интернета, о научном инструментарии их выявления и квалификации в массиве текстовых данных.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к изучению «языка ценностей» в пространстве этнокультуры в современной парадигме гуманитарного знания во многом связан с пионерскими работами А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997] и Н. Д. Арутюновой, которая заложила принципы применения логического анализа языка к этой непростой для исследования области [Арутюнова, 1999]. Сегодня палитра лингвоаксиологических штудий весьма разнообразна, что, в частности, можно видеть по весьма репрезентативной коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология» [Общая и русская лингвоаксиология, 2022]. По сути дела, любое новейшее значимое лингвокультурологическое исследование так или иначе затрагивает ценностную составляющую языковой картины мира [Ковшова, 2013; Красных, 2016; Зыкова, 2017; Карасик, 2020 и др.]. Однако все это не отменяет определенные исследовательские сложности при научной объективации «языка ценностей», поскольку языковая оценка, по афористическому выражению Н. Д. Арутюновой, «столь же неуловима, сколь и вездесуща» [Арутюнова 1999, с. 183].

Прежде всего не вполне ясно, как мы вообще можем быть уверены, что та или иная оценочность, постулируемая нами при анализе того или иного языкового выражения, действительно присутствует в языке объективно, а не является продуктом исключительно нашей исследовательской рефлексии? Для решения этой проблемы в наших предыдущих работах мы обосновали необходимость обнаружения в массиве языковых данных так называемых «репрезентативных контекстов» [Радбиль, 2011]. Неявным образом (без использования вышеуказанного терминосочетания) идея выявления особых контекстов для фиксации тех или иных нетривиальных семантических свойств анализируемых единиц языка так или иначе присутствует в Московской семантической школе, а именно — в концепции интегрального описания языка академика Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995]. В работах одного из представителей МСШ такие контексты названы «диагностическими» [Кошелев, 1990]. Мы адаптировали эту идею применительно к выявлению ценностно маркированных составляющих в языковом знаке.

Согласно нашей концепции, подлинная языковая оценочность должна быть имплицитной, потому что только в этом случае носители языка об-

лигаторно, «по умолчанию», выражают тот или иной ценностный смысл, принимая его на веру, не рефлектируя и не задумываясь: «важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [Зализняк и др., 2005, с. 9]. И при этом она должна выражаться в таких контекстах, которые представляются носителю языка узуальными, типичными, общеупотребительными. Таким образом, под **репрезентативными контекстами** в наших работах понимаются «объективные языковые свидетельства, так сказать, “тесты”, способные выявить наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или позитивной, которая будет именно объективно языковой оценочностью, заданной специфично языковыми средствами ее экспликации...» [Радби́ль, 2011, с. 569].

Вообще говоря, поиск репрезентативных контекстов — задача непростая и требует известной исследовательской сноровки. В частности, более чем за десять лет исследований их было найдено нами не так много: метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова, глумиться над X, погрязнуть в X, осквернять X*, прилагательные и местоимения *здоровый* (в новом значении в контекстах типа *здоровый эгоизм*), *небезызвестный, пресловутый* (‘известный в каком-то негативном плане’), *некий* (‘не заслуживающий внимания’) и др. В центре исследовательского внимания в настоящей работе находится очередной «претендент» на статус репрезентативного контекста — контекст употребления лексемы *по-хорошему* в метаязыковой функции.

Как нам представляется, доказательством того, что данный контекст действительно является репрезентативным, может послужить научный инструментальный дискурсивного анализа «больших данных», эмпирический материал для которого могут дать корпуса текстов. Валидность подобного подхода обоснована, например, в работе В. Е. Чернявской «Дискурсивный анализ и корпусные методы : необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов» [Чернявская, 2018]. Именно в массиве корпусных данных могут быть выявлены стабильные узуальные коллокации — единицы непосредственного контекстного окружения анализируемого слова или выражения, в которых мы тем самым можем обнаружить коннотативно-оценочные преобразования. Материалом исследования, в силу вышеуказанных соображений, являются контексты, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Вспомогательным материалом исследования выступают данные основных русских толковых словарей [ССРЛЯ-XVII, 1965; СРЯ-III, 1987; ТСРЯ-IV, 1996; БТСРЯ, 2000; Ефремова-II, 2000].

Таким образом, цель исследования — посредством дискурс-анализа корпусных данных выявить модели употребления лексемы *по-хорошему*

в метаязыковой функции, в операционной среде действия которой данная лексема формирует репрезентативный контекст для актуализации такого специфического типа имплицитной языковой оценочности, как «псевдоценность» [Радбилю, 2011].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В соответствии с принятой процедурой исследования сначала осуществляется анализ словарных толкований лексемы *по-хорошему*. Затем рассматриваются рефлексy семантических преобразований данной лексемы в ее дискурсивной реализации в метаязыковой функции.

3.1. Лексикографический анализ лексемы *по-хорошему*

В основных русских толковых словарях лексема *по-хорошему* трактуется преимущественно как наречие, и ей приписаны следующие значения: (1) 'Разг. 1. Как полагается, как следует' [ССРЛЯ-ХVII, 1965, стлб. 405; Ефремова-II, 2000, с. 998], в варианте 'Разг. Хорошо, как полагается' [СРЯ-III, 1987, с. 341]; (2) 'Дружелюбно, мирно [Василиса:] *Погоди! Не горячись! Можно все сделать тихо, по-хорошему*. М. Горький. На дне' [ССРЛЯ-ХVII, 1965, стлб. 405], в вариантах 'Дружелюбно, мирно, не ссорясь' [Ефремова-II, 2000, с. 998]; '*Договориться по-хорошему* (мирно, без обиды). *Разойтись по-хорошему* (без драки)' [БТСРЯ, 2000, с. 1452] и 'Не ссорясь, в согласии. *Жить по-хорошему. Поговорить по-хорошему*' [ТСРЯ-IV, 1996, с. 976]; (3) также в качестве оттенка значения 2 'Дружелюбно, мирно' в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» указано значение 'Приятно, с приятным чувством' [ССРЛЯ-ХVII, 1965, стлб. 405].

Обратим внимание на то, что русские словари не отмечают возможность иного, не адвербиального употребления лексемы *по-хорошему* и не содержат указания на метаязыковую функцию слова. Однако даже беглый взгляд на контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, позволяет усмотреть случаи, не охватываемые словарными толкованиями.

(1) Прежде всего, лексема *по-хорошему* может выступать в функции вводного слова: — *По-хорошему, восстановительная программа после ковида нужна всем, — уверена главный врач южнобережного санатория «Форос» Анастасия Власенко* [НКРЯ, 2021.10.02]; *Телефонный звонок воспринимается многими как грубое вторжение в личное пространство, о котором, по-хорошему, нужно договариваться или хотя бы предупредить заранее* [НКРЯ, 2020.09.05]; *По-хорошему, необходимо предъявить конкретные требования, в том числе и технические, к этим транспортным средствам* [НКРЯ, 2020.04.21]; *По-хорошему, нужно стремиться к показателям, как во всём мире, — 1, 5-2 процента* [НКРЯ, 2020.04.17].

В данных случаях *по-хорошему* выражает модусную характеристику диктумного содержания основной пропозиции, а именно оценку говорящим описываемой в высказывании ситуации в целом в плане ее предпочтения остальным вариантам развития событий.

(2) Также лексема *по-хорошему* может выступать в функции частицы, характеризующей тип отношения говорящего к явлению, объекту, признаку, процессу, обозначенному опорным словом: *В этом матче она была по-хорошему нетерпелива, пыталась забить с ходу любой мяч* [НКРЯ, 2012.10.29]; *Работали профессионально и по-хорошему придирчиво* [НКРЯ, 2012.03.28]; *Старый репертуар на новом альбоме Classics звучит бодро и по-хорошему нервно* [НКРЯ, 2012.11.20].

Нетрудно видеть, что в данных контекстах семантика *по-хорошему* не сводится к стандартным словарным значениям — мы не можем осуществить субституцию **как полагается / мирно / приятно нетерпелива, придирчиво, нервно*. Дело в том, что стандартные наречные употребления *по-хорошему* остаются в пределах диктума (пропозиции), выступая как признак признака, состояния или действия (*разошлись (как?) по-хорошему*, то есть *мирно*). Употребления *по-хорошему* в роли частицы, напротив, относятся к плану модуса (пропозициональной установки говорящего), и к ним потому невозможен логический вопрос от опорного слова. Именно такие употребления являются **метаязыковыми**, то есть содержат отсылку не к объективной реальной ситуации, а к способу ее обсуждения. Метаязыковые выражения, согласно логическому анализу языка, в свое толкование включают компонент с семантикой ‘говорить, сказать’, например, *впрочем / кстати / например* = ‘впрочем / кстати / например **скажу**’ [Вежбицка, 1978; Падучева, 2010].

Возвращаясь к интересующему нас слову *по-хорошему*, отметим, что в метаязыковом употреблении оно сближается по семантике с выражением *в хорошем смысле слова* (ср. вполне нормальную субституцию *в хорошем смысле (слова) нетерпелива, придирчиво, нервно*), которое характеризуется исследователями как **метаязыковой комментарий**, или **рефлексив** [Вепрева, 2005]. Именно в таких, метаязыковых употреблениях слово *по-хорошему* выступает как индикатор такого специфического вида имплицитной оценочности, как «псевдоценность» [Радбиль, 2011], то есть актуализует в медиадискурсе интернета соответствующий репрезентативный контекст.

3.2. Лексема *по-хорошему* как маркер языкового выражения «псевдоценностей» в медиадискурсе интернета

В наших предыдущих работах мы постулировали наличие явлений специфической ценностной природы, которые занимают в предполагаемой «шкале ценностей» промежуточное положение между абсолютной положи-

тельной ценностью («плюс-ценность») и абсолютной антиценностью («минус-ценность»). Их мы назвали «ложная ценность», или «псевдоценность», безусловным языковым маркером которой и является возможность нормально употребляться с метаязыковым комментарием *в хорошем смысле слова*. Подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы — подлинные антиценности) безусловны и аксиоматичны [Арутюнова, 1999]. «Лишь псевдоценности могут быть “хорошими” только при определенных условиях, с какими-то ограничениями или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией таким на первый взгляд невинным оценочным метаязыковым комментарием, как *в хорошем смысле (этого) слова*» [Радбиль, 2011, с. 572].

То же справедливо и для метаязыкового употребления слова *по-хорошему*. Так, в примере: *Примерно равные по возрасту и потенциалу, наши парни за сезон стали настоящей «бандой» — яркой, агрессивной на трассе, по-хорошему хулиганистой* [НКРЯ, 2012.03.12] — можно увидеть отражение установки говорящего на оправдание понятия *хулиганистый* в восприятии аудитории, которое по умолчанию, без данной «прибавки» *по-хорошему*, не воспринимается в русском языковом сознании как безусловно позитивная оценка свойств лица. Аналогично во фрагменте: *И было по-хорошему завидно* [НКРЯ, 2017.11.03] — едва ли адресат, при отсутствии сочетания безлично-предикативного слова *завидно* с метаязыковым употреблением слова *по-хорошему*, оценит чувство зависти как положительное.

Иначе говоря, под «псевдоценностью» в наших работах понимается так называемая сравнительная оценка [Арутюнова, 1999], или оценка «полиmodalная»: ‘X в каком-то отношении хорошо, а в каком-то отношении плохо’ [Радбиль, 2011], например, такие признаковые номинации, как *взедливый, шальной, наглый, агрессивный, жесткий, морализаторский, эклектичный, старомодный*: *Консульская служба имеет свою специфику, и здесь не каждый приживается, тут нужны люди, по-хорошему взедливые* [НКРЯ, 2017.06.07]; *Я какой-то по-хорошему шальной* [НКРЯ, 2016.02.07]; *Такую по-спортивному злую, такую по-хорошему наглую, такую, которая костями ляжет ради победы, не жалея себя* [НКРЯ, 2014.05.26]; *Он назвал маркетинговую политику производственного объединения на международном автомобильном рынке по-хорошему агрессивной* [НКРЯ, 2016.02.12]. *В мужских лыжных гонках конкуренция по-хорошему жесткая...* [НКРЯ, 2014.02.22]; *А их стиль — суровый, скупой на любые визуальные и сюжетные излишества, предпочитающий иметь дело с актерами-дебютантами — стал почти что недостижимым образцом назидательного, философского, по-хорошему морализаторского кино* [НКРЯ, 2011.04.26]; *Костюмы по-хорошему эклектичны...* [НКРЯ, 2011.02.04]; *Господин Раппно эле-*

гантный и остроумный, **по-хорошему старомодный** режиссер, который снимает очень редко, но метко [НКРЯ, 2004.05.11].

Таким образом, псевдоценность в нашей концепции — это ценность не безусловная, не самоочевидная, она нуждается в каком-то обосновании и актуальна только при наличии некоторых дополнительных условий. Иными словами, это изначально что-то плохое (или просто внеоценочное), которое лишь в определенных обстоятельствах может расцениваться как нечто хорошее, например: *Все лучшее таится где-то в середине пластинки: после какого-то почти фанка идет несколько по-хорошему печальных, трагических пьес* [НКРЯ, 2002.11.12]; *Она по-хорошему мрачная, в ней довольно тяжелые гитары, а когда мы за нее взяли, получилось и вовсе круто, добавили тяжести, текстуру звука уплотнили* [НКРЯ, 2008.02.07].

Как видим, именно такая псевдоценность маркируется нормальным, узуальным употреблением слова *по-хорошему* (как и рассмотренного в предыдущих работах выражения *в хорошем смысле слова*). Это ярко проявляется в примерах, в которых слово *по-хорошему* употребляется для характеристики прилагательных, в русском языковом сознании традиционно «зарезервированных» для обозначения ценностей негативных — **прагматичный, дерзкий, упрямый, амбициозный, честолюбивый, тщеславный, эгоистичный, вызывающий, всеядный** (в переносно-метафорическом значении ‘увлекающийся всем без разбора’) и пр.: *Команда Криса Уайлдера, еще в прошлом сезоне игравшая в чемпионшипе, демонстрирует по-хорошему прагматичный футбол и после 20 туров заслуженно идет в восьмерке сильнейших* [НКРЯ, 2019.12.31]; *Если резюмировать, то в столь неприятной ситуации я жду смелых ходов от Спаллетти и по-хорошему дерзких откровений молодого поколения* [НКРЯ, 2012.02.06]; ... маленький Семак, как и папа, оказывается **по-хорошему упрямым** [НКРЯ, 2008.06.28]; *План Премьера по созданию в России конкурентоспособных корпораций мирового уровня по-хорошему амбициозный, считает Валерий Язев, и достойный для такой великой державы, как Россия* [НКРЯ, 2012.02.01]; *Сергей был по-хорошему честолюбивым спортсменом* [НКРЯ, 2005.06.21]; *У Валерия Эдуардовича есть замечательная черта — как руководитель он по-хорошему тщеславен* [НКРЯ, 2003.06.25]; *По мнению хореографа, Цискаридзе в этом вопросе «по-хорошему эгоистичен» и «был вынужден принимать» супруга своей двоюродной сестры* [НКРЯ, 2019.06.17]; *Для тех, кто пока не причислен к основной обойме сборной, этой весной наступает самое время сыграть мажорно, максимально сильно, по-хорошему вызывающе* [НКРЯ, 2012.02.27]; *В связи с этим возникает вопрос: как вы думаете, у фестиваля должен быть свой формат, свое лицо, или он может быть по-хорошему всеядным?* [НКРЯ, 2013.05.18].

Отметим, что во всех приведенных выше примерах наблюдаются полные семантические соответствия между метаязыковым употреблением слова *по-хорошему* и выражения *в хорошем смысле (слова)*, что подтверждается возможностью их взаимозамены в данных контекстах без потери смысла — *в хорошем смысле (слова) прагматичный, дерзкий, амбициозный, эгоистичный*.

Очевидно и то, что репрезентативный контекст *по-хорошему*, как и репрезентативный контекст *в хорошем смысле (слова)*, выступает своего рода «тестом» на выявление потенциальной негативной оценочности у номинаций, которые, в соответствии с трендами современного общества, могли бы оцениваться как «хорошие». Это некоторые социально значимые понятия из идеологической, общественно-политической, экономической, культурной сфер сегодняшней жизни, например: *В этом проявилась российская, по-хорошему имперская традиция* [НКРЯ, 2007.04.05]; *«Известия» продержались, оставаясь, по словам Владимира Мамонтова, влиятельной и при этом по-хорошему народной газетой* [НКРЯ, 2007.03.26]; *Но тут Q7 по-хорошему консервативен* [НКРЯ, 2020.09.08]; *К этому здесь по-хорошему коммерческий подход* [НКРЯ, 2012.01.23].

Также интерес представляет и выявление посредством данного «теста» рефлексов возможной негативно-оценочной рецепции для номинаций, в норме не подлежащих какой-либо оценочности, в принципе внеоценочных, например: *Эти книги по-хорошему назидательны, но ребенок никогда не догадается, что его учат...* [НКРЯ, 2008.08.11]; *Инга Оболдина — вообще по-хорошему цепкая актриса: за каждую роль она берется обеими руками, всем существом* [НКРЯ, 2004.02.27]; *Но есть и трезво мыслящие, по-хорошему недоверчивые, которые просто не могут понять, что же они наблюдали, и пытаются найти этому рациональное объяснение* [НКРЯ, 2003.08.20]; *Но, в отличие от них, персонажи Леси Кара-Коци выглядят очень искренними и по-хорошему несерьезными* [НКРЯ, 2008.01.30]; *Игорь — в лучшем смысле слова «династийный» журналист, он образован и по-хорошему брезглив* [НКРЯ, 2008.08.01]; *Конечно, любители шахмат по-хорошему ненасытны* [НКРЯ, 2006.11.03].

В ряде случаев это может быть связано уже с национальной спецификой ценностной сферы именно русской языковой картины мира [Вежибицкая, 1997; Зализняк и др., 2005; Радбиль, 2017], например, для таких номинаций, как *странный, магический, непредсказуемый* и пр.: Тем не менее *«Призрачная нить» оказалась оценена по заслугам — это сложное, многозначительное и по-хорошему странное кино...* [НКРЯ, 2018.01.24]; *Его экранизацию я на самом деле считаю лучшей — уж точно самой поэтичной и по-хорошему магической* [НКРЯ, 2016.02.25]; *Впрочем, уже*

через час его может сменить яркое солнце — погода по-хорошему непредсказуема [НКРЯ, 2017.01.05].

Так, в русской языковой картине мира в общем неоднозначно, а скорее — потенциально негативно — оцениваются такие свойства личности, как самолюбие, активная жизненная позиция, азартность, любопытство, услужливость и под., что, по мнению говорящего, может вызвать необходимость в их ценностном оправдании посредством использования слова *по-хорошему*: *Красивая, ухоженная, динамичная страна с гордым, мужественным, по-хорошему самолюбивым и очень радушиным народом* [НКРЯ, 2020.09.27]; *Наша молодежь по-хорошему активная* [НКРЯ, 2016.06.27]; *Что же касается биты, труд по ее изготовлению, безусловно, окупится удовольствием, полученным от этого оригинального, увлекательного и по-хорошему азартного состязания* [НКРЯ, 2019.05.23]; *Всего — 49 стран, в которых живут неравнодушные, по-хорошему любопытные и немного странные люди — фотографы* [НКРЯ, 2013.01.30]; *В Японии по-хорошему услужливы не только сантехнические устройства* [НКРЯ, 2017.10.26].

Также потенциально негативной оценочностью в традиционных ценностных приоритетах русской языковой картины мира обладают номинации, которые выражают представления о чем-то популярном, имеющем публичную известность, модном, светском, что подтверждает возможность их нормальной узуальной сочетаемости с метаязыковым употреблением лексемы *по-хорошему*, например: *Но в том-то и дело, что и без очередей Третьяковка остается Третьяковкой, а экспозиция на Крымском Валу — по-хорошему популярным местом* [НКРЯ, 2017.02.06]; *Действительно, по-хорошему узнаваемые стихи Кибирова вновь играют всеми цветами мировой поэзии...* [НКРЯ, 2014.04.30]; *... сознать себя вольнолюбивым патриотом стало правильно, престижно и по-хорошему модно* [НКРЯ, 2006.09.11]; Мы больше не увидим его фотографий в светской хронике (а он был *по-хорошему светским* персонажем) [НКРЯ, 2005.04.25].

В этой связи репрезентативный контекст *по-хорошему* позволяет зачислить в разряд псевдоценностей и номинации, связанные с семантическим полем смеха: *За ответами на них он обращается как к Хоббсу, так и к своим вполне симпатичным и по-хорошему ироничным родителям, но ответы далеко не всегда соответствуют его ожиданиям* [НКРЯ, 2013.06.28]; *В этом много по-хорошему комичного* [НКРЯ, 2020.04.20].

ЦЕННОСТНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ НОМИНАЦИЙ С ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОСТЬЮ. Данный тест также способен выявить определенную ценностную амбивалентность («нечто при каких-либо условиях может быть хорошо, а может быть плохо») некоторых культурно значимых номинаций, которые — без данной прибавки *по-*

хорошему — имеют определенный «дрейф» в сторону потенциальной положительной оценочности, например: *А еще по-хорошему сентиментальный, что в наше жесткое время — большая редкость!* [НКРЯ, 2017.03.20]; *А кино, как ни странно, оказалось по-хорошему наивным, эмоциональным и вместе с тем беспристрастным портретом одного из самых ярких персонажей современной политической арены* [НКРЯ, 2011.02.15]; — *Но я сразу хочу предупредить: новыми будут только фильмы, а в остальном он, надеюсь, пройдет по-хорошему традиционно* [НКРЯ, 2003.04.11]; *Занятные и по-хорошему простые картины* [НКРЯ, 2009.11.11]; *Спорт выходит на первый план или при тоталитарных режимах, или в благополучных странах с мощным средним классом и по-хорошему сытой жизнью* [НКРЯ, 2013.03.20]; *Мы решаем настоящие и по-хорошему важные задачи для всего общества* [НКРЯ, 2009.06.08]; *Они наши VIP-клиенты, у нас по-хорошему партнерские отношения* [НКРЯ, 2002.12.19]; *Застенчивый, по-хорошему степенный, становился он в дверном проеме [...] и, опустив глаза, глуховатым голосом называл стихотворение* [НКРЯ, 2013.01.18]; *Тем не менее одно из самых важных достоинств этой взвешенной и по-хорошему обстоятельной книги состоит как раз в том, что «и жар холодных числ, и дар божественных видений», то есть обе вселенные, описаны здесь с равными состраданием и чуткостью* [НКРЯ, 2013.03.19].

Любопытно, что в сферу указанной ценностной неоднозначности (определенного снижения «ценностного регистра») благодаря контексту *по-хорошему* попадают и, казалось бы, такие безусловно положительные ценности, как радость или удивление: *Я думаю, что о болезненном и обидном надо уметь говорить по-хорошему радостно* [НКРЯ, 2013.02.28]; *Я, например, был по-хорошему удивлен тому, как устроена система защиты национальных картин в Мексике* [НКРЯ, 2017.09.21].

В подобных случаях можно видеть отражение специфических интенций авторов медиатекстов, а именно установку на «нарушение читательского ожидания» [Якобсон, 1996], которая направлена на деавтоматизацию стереотипного восприятия аудиторией общепринятых ценностей, чаще всего в целях экспрессии, «языковой игры» и пр.

ПОВЫШЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО РЕГИСТРА ДЛЯ НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ. Особый интерес представляют случаи, в известной степени противоположные описанным выше. Речь идет о том, что слово *по-хорошему* может сочетаться с номинациями, содержащими негативную оценочность (в нашей терминологии, выражающими «абсолютную антиценность» [Радбиль, 2011]). Такие контексты представляются несколько странными, аномальными, не вполне узуальными, так как в норме носители антиценности не могут быть интерпретированы как «хоро-

шие» в каком-либо смысле: см., например, обоснованный в наших предыдущих работах запрет на сочетаемость с метаязыковым комментарием *в хорошем смысле слова* таких номинаций, как **негодяй в хорошем смысле слова*, **зло / грех / порок в хорошем смысле слова* и пр. [Радбиль, 2011].

Однако специфические интенции авторов медиатекста, которые, стремясь к нетривиальному, иногда даже эпатирующему выражению мысли, не являющейся общепринятой, в целях экспрессии, акцентируют некие новые, известные им позитивные черты в явлении, в норме подлежащем отрицательной оценке, приводят к употреблению слова *по-хорошему* при явно негативно-оценочной номинации, например: *Этот цвет очень шел к её эклектичному, недогоготическому, по-хорошему нелепому фасаду...* [НКРЯ, 2016.07.11]; *Появление современного и эффективного ракетного вооружения только усилит по-хорошему злые и эффективные «Оводы»* [НКРЯ, 2019.04.26]; *Наше время по-хорошему заурадно, не хуже и не лучше* [НКРЯ, 2016.02.08]; *Тексты у вас по-хорошему дурацкие* [НКРЯ, 2002.11.28].

Часто в таких случаях именно слово *по-хорошему* выступает сигналом перевода выражения в метафорический план: *Есть, впрочем, две по-хорошему дикие сцены* [НКРЯ, 2013.02.13]; *Поезд N 6, некогда молодой, по-хорошему буйный и веселый, теперь едва заполнен скучными командированными, не по-хорошему буйными южанами, да мешочниками, пугливо сидящими на своих мешках со штанами, туфлями, рубашками* [НКРЯ, 1994.04.13].

Применительно к рассмотренным выше примерам речь, по сути, идет о том, что негативно-оценочная номинация в контексте употребления *по-хорошему* на один ранг повышает свой оценочный регистр на воображаемой «ценностной шкале» — от антиценности (минус-ценности), которая в любых ситуациях, аксиоматично воспринимается как что-то плохое, до псевдоценности, которая при некоторых специфических условиях может мыслиться как что-то хорошее.

Особенно активны модели повышения ценностного регистра в данном репрезентативном контексте для негативно-оценочных номинаций, эксплицирующих семантическое поле болезни, в том числе ментальные отклонения, например: *Ты становишься больным человеком — по-хорошему больным, конечно* [НКРЯ, 2017.10.11]; — *Да, они по-хорошему сумасшедшие* [НКРЯ, 2018.10.10]; *Киберфеминизм в 90-е годы был по-хорошему безумным движением, которое пыталось перевернуть представление о женщине в виртуальном мире и дать ей возможность для безграничного самовыражения* [НКРЯ, 2016.11.21]; *Зрителям он запомнился в амплуа сурового и даже опасного мужчины [...], хотя начинал с эпизодических*

ролей, носивших *«по-хорошему бредовый характер»*, отмечает издание [НКРЯ, 2013.03.07].

Также распространены модели повышения регистра для негативно-оценочных признаков номинаций, обозначающих отрицательные психологические или нравственные свойства или качества лица, например: *Сестрички прекрасные, как-то по-хорошему пронырливые* [НКРЯ, 2006.11.27]; *А сейчас молодые актеры стали по-хорошему безответственные, не боятся замутить что-нибудь...* [НКРЯ, 2003.08.08]; *Она была по-хорошему недисциплинированной* [НКРЯ, 2020.02.21]; *А еще по-хорошему занудная, в смысле занудность ее создает какое-то настроение, а не так просто докучает* [НКРЯ, 2003.06.05]; *Рецепт борьбы с таким вот по-хорошему хамоватым соперником прост — увеличить скорости* [НКРЯ, 2009.09.11].

Как нам кажется, подобные контексты «повышения ценностного регистра» в медиатекстах демонстрируют гибкость и подвижность оценочных реакций носителей языка на те или иные психологические или нравственные качества личности. Также, выражая специфические установки авторов медиатекстов, эти модели выступают в роли метаязыковых механизмов полемической отстройки от расхожих взглядов и мнений, от сложившихся стереотипных точек зрения («что-то безусловно плохое оказывается не всегда плохо»).

4. Заключение = Conclusions

Как показало наше исследование, корпусный анализ репрезентативных контекстов является эффективным научным инструментарием для выявления имплицитной языковой оценочности единиц и выражений естественного языка в их дискурсивной реализации. В частности, репрезентативный контекст *по-хорошему* служит индикатором ценностей сложного и неоднозначного характера — так называемых «псевдоценностей», которые могут рассматриваться носителями языка как положительные только при определенных условиях, что не совпадает с узуальной, стандартной, устойчивой оценкой номинируемых явлений в социуме.

При этом функционирование метаязыкового выражения *по-хорошему* носит двойственный характер. С одной стороны, в большом количестве повторяющихся или однотипных коллокатов в данном контексте отражаются общие для всех говорящих неосознанные ценностные представления, стоящие за словами в их общеупотребительных значениях. С другой стороны, реализуясь в «странной», неузуальной сочетаемости, эти модели могут свидетельствовать об индивидуально-авторской специфике ценностных приоритетов, о направленности авторов на отстройку от разде-

ляемых большинством расхожих стереотипов, о нетривиальном взгляде на вещи, в чем проявляется лингвокреативность медиатекстов.

В связи с вышеизложенным, употребление метаязыкового выражения *по-хорошему* часто носит характер внутренней полемичности. Кроме того, посредством использования этого рефлексива читательской аудитории могут навязываться определенные оценки, которые изначально могли бы не разделяться адресатами, что делает слово *по-хорошему* в метаязыковой функции действенным средством языкового манипулирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его основные результаты в лексикографических штудиях, в составлении баз данных и корпусов оценочной лексики, в вузовском преподавании дисциплин лингвокультурологического цикла и в обучении русскому языку как иностранному, а также в лингвоэкспертной деятельности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2-х томах / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Т. II. — 1088 с. — ISBN 5-200-02802-7.
3. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 23.04.2023).
4. СРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х томах / Академия наук СССР, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. III : П—Р. — 1987. — 750 с.
5. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950—1965. — Т. XVII : Х—Я. — 1965. — 2126 стлб.
6. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* : в 4-х томах / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Терра, 1996. — Т. IV. — 1064 с.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды : В 2-х томах / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография. — 767 с. — ISBN 5-88766-043-0.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.
3. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург—Москва : Кабинетный ученый. 2021. — 432 с. — ISBN 978-5-6041789-2-8.
4. Болотнова Н. С. Категория диалогичности медиатекста как отражение идиости-
ля автора / Н. С. Болотнова // Вестник Волгоградского государственного университе-

та. Серия 2 : Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 2. — С. 16—25. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.2.

5. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте / А. Вежбицка ; перевод с польского А. В. Головачевой // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — С. 402—421.

6. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; перевод с английского; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 412 с.

7. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с. — ISBN 5-224-05307-2.

8. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 540 с. — ISBN 5-94457-104-7.

9. *Зыкова И. В.* Метаязык лингвокультурологии : Константы и варианты : монография / И. В. Зыкова. — Москва : Гнозис, 2017. — 752 с. — ISBN 978-5-94244-056-5.

10. *Карасик В. И.* Языковые картины бытия : монография / В. И. Карасик. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. — 468 с. — ISBN 978-5-98269-222-1.

11. *Клушина Н. И.* Медиастилистика : Монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта-Наука, 2019. — 280 с. — ISBN 978-5-9765-3899-3.

12. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культур / М. Л. Ковшова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 456 с. — ISBN 978-5-397-02652-9.

13. *Костадинов В. И.* Медиаконвергенция и языковые особенности интернет-пространства в современных условиях / В. И. Костадинов, А. Е. Базанова // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия Литературоведение. Журналистика. — 2016. — № 4. — С. 139—146.

14. *Кошелев А. Д.* Классификация аспектуальных значений аспектных глаголов по референтно значимым признакам / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка. Тождество и подобие, сравнение и идентификация / Под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. — Москва : Наука, 1990. — С. 218—226.

15. *Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94244-051-0.

16. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира : монография / Т. В. Леонтьева ; под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2008. — 280 с. — ISBN 978-5-8050-0303-6.

17. *Леонтьева Т. В.* Идеографический словарь русской социальной лексики : общество и человек / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 554 с. — ISBN 978-5-91256-429-1.

18. *Милованова М. С.* Общая и русская аксиология / М. С. Милованова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2021. — № 5. — С. 96—98. — DOI: 10.12737/2587-9103-2021-10-5-95-97.

19. *Общая и русская лингвоаксиология* : коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин и др. ; Институт языкознания РАН, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Москва—Ярославль : Издательство «Канцлер», 2022. — 390 с. — ISBN 978-5-98269-258-0.

20. *Падучева Е. В.* Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Языки славянской культуры, 2010. — 480 с. — ISBN 5-88766-046-5.

21. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчезновения / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6. — Ч. 2. — С. 569—573.
22. Радбиль Т. Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2017. — Т. 13. — С. 107—115.
23. Радбиль Т. Б. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.
24. Радбиль Т. Б. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода / Т. Б. Радбиль, Л. Ясаи, И. Палоши // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 101—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121.
25. Соколова О. В. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия / О. В. Соколова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 19—30.
26. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры : Сборник научных трудов. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24. — ISBN 5-88766-061-9.
27. Темиргазина З. К. Лингвистическая аксиология : оценочные высказывания в русском языке / З. К. Темиргазина. — Москва : Флинта; Наука, 2015. — 247 с. — ISBN 978-5-9765-2118-6.
28. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы : необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 31—37. — DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
29. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон ; Пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с. — ISBN 5-7333-0492-8.
30. Black E. Pragmatic stylistics / E. Black. — Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006. — 166 p. — ISBN 0748620419.
31. Facchinetti R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective : From print and monomodal to digital and multimodal / R. Facchinetti // Journal of Pragmatics. — April 2021. — Vol. 175. — Pp. 195—206. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>.
32. Noveck I. Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.
33. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics / A. Scarantino // Psychological Inquiry. — 2017. — № 28 (2—3). — Pp. 65—185. — DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
34. Sharifian F. Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language / F. Sharifian. — Amsterdam : Benjamins, 2017. — 171 p.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023,
одобрена после рецензирования 04.08.2023,
подготовлена к публикации 20.08.2023.

Material resources

- BTSRYA — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language: explanatory and word-formation: in 2 volumes, II*. Moscow: Russian Language. 1088 p. ISBN 5-200-02802-7. (In Russ.).
- NKRYA — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 23.04.2023). (In Russ.).
- SHIT — *Russian Dictionary: in 4 volumes, III: P—R*. (1985—1988). Moscow: Russian language. 750 p. (In Russ.).
- SSRLYA — *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols., XVII: X—Ya*. (1950—1965). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 2126 stlb. (In Russ.).
- TSRYA — *Explanatory Dictionary of the Russian language: In 4 volumes, IV*. (1996). Moscow: Terra. 1064 p. (In Russ.).

References

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works: In 2 volumes, II: Integral description of language and system lexicography*. Moscow: Languages of Russian Culture. 767 p. ISBN 5-88766-043-0. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2021). *Alphabet of emotions: dictionary-thesaurus of emotive vocabulary*. Yekaterinburg—Moscow: Cabinet scientist. 432 p. ISBN 978-5-6041789-2-8. (In Russ.).
- Black, E. (2006). *Pragmatic stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd. 166 p. ISBN 0748620419.
- Bolotnova, N. S. (2021). The category of dialogicity of the media text as a reflection of the author's idiosyncrasy. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 20 (2): 16—25. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.2. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2018). Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 31—37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37. (In Russ.).
- Facchinetti, R. (2021). News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic. *April. Journal of Pragmatics*, 175: 195—206. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>.
- Karasik, V. I. (2020). *Linguistic pictures of being: Monograph*. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language. 468 p. ISBN 978-5-98269-222-1. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2019). *Mediastilistics: Monograph*. Moscow: Flint-Nauka. 280 p. ISBN 978-5-9765-3899-3. (In Russ.).
- Koshelev, A. D. (1990). Classification of aspectual meanings of aspect verbs by referentially significant signs. In: *Logical analysis of language. Identity and similarity, comparison and identification*. Moscow: Nauka. 218—226. (In Russ.).
- Kostadinov, V. I., Bazanova, A. E. (2016). Media convergence and linguistic features of the Internet space in modern conditions. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia, Literary Studies Series. Journalism*, 4: 139—146. (In Russ.).

- Kovshova, M. L. (2013). *Linguoculturological method in phraseology: Codes of cultures*. Moscow: LIBROCOM. 456 p. ISBN 978-5-397-02652-9. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology*. Moscow: Gnosis. 496 p. ISBN 978-5-94244-051-0. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2008). *Human intelligence in the Russian language picture of the world: a monograph*. Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Vocational Pedagogical University. 280 p. ISBN 978-5-8050-0303-6. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2018). *Ideographic dictionary of Russian social vocabulary: society and man*. Yekaterinburg: Azhur. 554 p. ISBN 978-5-91256-429-1. (In Russ.).
- Milovanova, M. S. (2021). General and Russian axiology. Scientific research and development. *Modern communication studies*, 5: 96—98. DOI: 10.12737/2587-9103-2021-10-5-95-97. (In Russ.).
- Noveck, I. (2021). *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press. 282 p.
- Paducheva, E. V. (2010). *Semantic research: Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 480 p. ISBN 5-88766-046-5. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2011). “The language of values” in modern Russian speech and the ways of its calculus. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 6 (2): 569—573. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2017). Cultural appropriation of borrowings in the light of the theory of linguistic conceptualization of the world. *Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language*, 13: 107—115. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Jaszay, L., Palosi, I. (2022). Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neological Word Formation of Latest Period. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 101—121. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121> (In Russ.).
- Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Zh. Zh., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020). SOUL and BODY in the aspect of comparative analysis of cultural concepts: materials for the linguoculturological phraseological dictionary of Russian-Kazakh correspondences. *Nauchnyi dialog*, 3: 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).
- Russian Linguoaxiology: A collective monograph*. (2022). Moscow–Yaroslavl: Publishing House “Chancellor”. 390 p. ISBN 978-5-98269-258-0. (In Russ.).
- Scarantino, A. (2017). How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2—3): 65—185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
- Sharifian, F. (2017). *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam: Benjamins. 171 p.
- Sokolova, O. V. (2017). Cognitive mechanism and communicative strategies of active influence discourses. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 19—30. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1999). Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture: Collection of scientific papers*. Moscow: Languages of Russian Culture. 13—24. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Temirgazina, Z. K. (2015). *Linguistic axiology: Evaluative statements in the Russian language*. Moscow: Flint; Nauka. 247 p. ISBN 978-5-9765-2118-6. (In Russ.).

- Vepreva, I. T. (2005). *Linguistic reflection in the post-Soviet era*. Moscow: OLMA-PRESS. 384 p. ISBN 5-224-05307-2. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 412 p. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (1978). *Metatext in the text*. Moscow: Progress. 402—421. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1996). *Language and the unconscious*. Moscow: Gnosis. 248 p. ISBN 5-7333-0492-8. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 540 p. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2017). *Metalanguage of linguoculturology: Constants and variants: monograph*. Moscow: Gnosis. 752 p. ISBN 978-5-94244-056-5. (In Russ.).

*The article was submitted 02.06.2023;
approved after reviewing 04.08.2023;
accepted for publication 20.08.2023.*

Информация для цитирования:

Шубина Э. Л. Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung» / Э. Л. Шубина, Ю. А. Райкова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 190—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211.

Shubina, E. L., Raikova, Ju. A. (2023). Euphemistic Headlines in Economic News Articles of German Newspaper 'Die Tageszeitung'. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 190-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211

Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung»

Шубина Эльвира Леонидовна *
orcid.org/0000-0001-9649-1024
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкого языка,
* *корреспондирующий автор*
elvira.shubina@mail.ru

Райкова Юлия Александровна
orcid.org/0000-0003-3241-3531
преподаватель,
кафедра немецкого языка
jrajkova@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Euphemistic Headlines in Economic News Articles of German Newspaper 'Die Tageszeitung'

Elvira L. Shubina *
orcid.org/0000-0001-9649-1024
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Language,
* *Corresponding author*
elvira.shubina@mail.ru

Julia A. Raikova
orcid.org/0000-0003-3241-3531
lecturer,
Department of German Language
jrajkova@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Шубина Э. Л., Райкова Ю. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы эвфемизированные варианты новостных заголовков по экономической проблематике из немецкого электронного издания «Die Tageszeitung» за период с 2022 по 2023 годы. Выбор периода объясняется повышенным вниманием немецких СМИ к событиям, связанным с энергетическим кризисом и экономическими проблемами. Актуальность исследования обусловлена тем, что проблемы в сфере экономики способствует появлению новых эвфемизмов. На основе таких критериев, как обозначение нежелательного денотата, улучшение характера денотата и др., были выявлены эвфемизированные заголовки статей. Методом сплошной выборки выделено 44 эвфемизированных выражения. Авторы подробно комментируют каждый пример с позиций способов достижения эффекта хеджирования. Предлагается классификация эвфемизированных выражений немецкоязычного публицистического дискурса по пяти тематическим группам: бедность — богатство, забастовки, работа, рост цен и инфляция. Отмечается, что группа заголовков, посвященных теме инфляции и роста цен (особенно на газ и электроэнергию), наиболее подвержена эвфемизации. Сделан вывод о том, что немецкие журналисты прибегают в заголовках к таким способам эвфемизации, как иноязычные заимствования, словосложение, игра слов и др.

Ключевые слова:

заголовок; эвфемизм; эвфемистическая замена; коннотация; публицистический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Analysis of Euphemized Headlines on Economic Issues from the German Electronic Publication 'Die Tageszeitung'. The study examines articles from the period 2022 to 2023, as this timeframe coincided with heightened attention from German media towards events related to the energy crisis and economic problems. The relevance of this research lies in the fact that economic issues often give rise to the emergence of new euphemisms and euphemistic expressions. Based on criteria such as denotation of undesired referents and improvement of referent characterization, euphemized article headlines were identified. A total of 44 euphemistic expressions were selected using a comprehensive sampling method. The authors provide detailed commentary on each expression from the perspective of hedging techniques. A classification of euphemistic expressions in German-language journalistic discourse is proposed, encompassing five thematic groups: poverty-wealth, strikes, work, price increases, and inflation. It is noted that the group of headlines addressing inflation and price increases (particularly in relation to gas and electricity) is most susceptible to euphemization. The authors conclude that German journalists employ various euphemistic techniques in their headlines, including loanwords, compound words, wordplay, and others.

Key words:

headline; euphemism; euphemistic replacement; connotation; journalistic discourse.

Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung»

© Шубина Э. Л., Райкова Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Средства массовой информации непрерывно развиваются, подстраиваясь под условия современной жизни. В эпоху преобладания теле- и интернет-коммуникаций печатные СМИ теряют былую популярность. Многие газеты и журналы оказываются под угрозой исчезновения, но благодаря цифровизации, а именно появлению электронных интернет-изданий, вновь получают право на существование. Основными задачами журналистов при этом становятся сохранение целевой аудитории и поддержание их интереса. Для того чтобы привлечь и удержать внимание потенциального читателя, автор публицистического текста должен иметь особый уникальный стиль, который проявляется уже на этапе подбора подходящего заголовка.

От выбора правильного заголовка зависит, будет ли далее прочитан предложенный материал. Чтобы заголовок имел воздействие на читателя, то есть вызывал интерес, он должен содержать краткое, но ёмкое высказывание, точно описывающее определенную ситуацию. В формулировке заголовка всегда присутствует оценочный компонент, привнесённый автором статьи, направленный как на придание описываемой ситуации экспрессивности, так и на приуменьшение масштаба рассматриваемой проблемы. В условиях экономического кризиса в Германии журналисты немецких печатных СМИ стремятся завуалированно подавать необходимую информацию для читателей. В таких случаях новостной заголовок включает в себя эвфемизированное выражение, скрывающее возможную причину тревоги. Приём эвфемизации также позволяет автору представить ситуацию в более выгодном свете. Период кризисного состояния экономики вызывает необходимость использования эвфемизированных лексем, что обусловило актуальность данного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении, лингвистическом описании и классификации выражений с эвфемистической окраской, встречающихся в новостных заголовках статей из немецкого электронного издания «Die Tageszeitung»; материалом послужили только заголовки статей, посвященных вопросам экономики.

Новизна исследования состоит в том, что до сих пор в отечественной германистике не было предпринято попыток лингвистического описания и систематизации эвфемизированных слов и выражений на экономическую тематику на основе новостных заголовков в немецком языке. Динамические социально-экономические процессы в Германии способствуют тому, что продуктивными становятся тематические группы эвфемизмов, связанные с экономическими проблемами в обществе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили заголовки статей на экономическую тематику из электронной версии немецкой ежедневной газеты «Die Tageszeitung», опубликованных с 2022 по 2023 годы. Данный промежуток времени ознаменовался ухудшением экономической ситуации в Германии, а именно резким повышением уровня инфляции, увеличением разницы в доходах населения, активными протестами трудовых коллективов. Методом сплошной выборки было выделено 44 эвфемизированных выражения с целью их дальнейшего описания и тематической систематизации. Кроме того, использовались методы контекстуального анализа, компонентного анализа и количественного анализа.

Отечественные и зарубежные лингвисты по-разному трактуют понятие «эвфемизм». Исходя из определений Л. П. Крысина, М. Л. Ковшовой, Н. Цельнер, эвфемизмы выполняют следующие функции: 1) служат для замены одной лексической единицы другой; 2) смягчают или вуалируют нежелательное (грубое, нетактичное) обозначение понятия; 3) способствуют предотвращению коммуникативных разногласий и сохранению социальной стабильности [Крысин, 1994, с. 29; Ковшова, 2007, с. 7; Zöllner, 1997]. В нашей работе мы понимаем под эвфемизмами слова, словосочетания, заменяющие негативные номинации явлений в экономике, а именно снижение темпов экономического роста, усиление инфляции, снижение уровня жизни.

При анализе практического материала не всегда удается четко разграничить эвфемизмы и неэвфемизмы, ведь сложность может быть вызвана субъективным восприятием отдельного индивида [Чепорухина, 2021, с. 96]. Для облегчения данной задачи мы обратились к работам Е. П. Сеничкиной, И. А. Солодиловой и Т. Ю. Соколовой, в которых перечислены критерии выделения эвфемизмов. Так, первым критерием является обозначение **нежелательного денотата**, чему способствует отрицательный характер эмоций, которые вызывает вуалируемое обозначение понятия [Сеничкина, 2008, с. 4—5; Солодилова, 2017, с. 76]. В экономическом дискурсе, например, лексема *Preiskorrektur* (адаптация, корректировка цен) выполняет эвфемистическую функцию, так как ассоциируется с **неже-**

лательным денотатом (рост цен вызывает негодование у потребителей товаров и услуг). Данную точку зрения разделяет Бердова, ведь, по ее мнению, эвфемизмы служат для замены стигматичного, то есть негативного денотата [Бердова, 1981, с. 28]. Слово *Preiskorrektur* обладает также **семантической неопределенностью**, так как не указывает прямо на рост цен, а лишь подчеркивает сопутствующий признак (корректировка). Кроме того, лексема **улучшает денотат**, так как заимствованное слово *Korrektur* звучит более неопределенно и потому не так негативно, как лексема *Preiserhöhung* (повышение цен), при этом происходит **нейтрализация стигматичности денотата** [Солодилова, 2017, с. 76]. Вместе с этим и говорящий, и адресат понимают, о чем идет речь. Ведь, как правило, так называемая корректировка приводит к повышению цен, поэтому улучшается денотат лишь формально, то есть при помощи лексемы *Korrektur* [Сеничкина, 2008, с. 4—5]. Никитина, Солодилова, и Соколова дополняют перечисленные выше критерии, обращая внимание на тот факт, что в процессе эвфемизации должны сохраниться истинность и информативность высказывания, то есть денотат **улучшается формально** [Никитина, 2015, с. 18; Солодилова, 2017, с. 77]. В нашем примере эвфемизированная лексема *Preiskorrektur* не противоречит antecedentu *Preiserhöhung*.

Так как выбор лексемы может быть обусловлен нормами и устоями общества, ещё одним критерием идентификации эвфемизированных номинаций является **социокультурная детерминированность**. В этом случае эвфемизмы «несут в себе дополнительную социальную нагрузку, так как их формирование всегда протекает под воздействием социальных условий и условностей, которые, в свою очередь, утверждаются культурой и ее нормами в обществе (приемлемость / неприемлемость, корректность / некорректность, пристойность / непристойность слова и выражения)» [Солодилова, 2017, с. 76]. Увеличение разницы в доходах населения негативно воспринимается социумом, в частности в европейских странах. Например, в Германии вместо прямой номинации *Reiche* (богатые) используется эвфемизм *Gutverdienende* (хорошо зарабатывающие).

Эвфемизированные выражения используются для камуфлирования и вуалирования информации, что также является основной функцией хеджирования. Понятие хеджирования было введено в лингвистику американским учёным Дж. Лакоффом, хеджирование способствует размыванию значения понятия, делая его «неясным» [Lakoff, 1972; Prince et al., 1982, p. 85]. В связи с этим при употреблении средств хеджирования возникает определенный разрыв между адресантом и самим сообщением, которое он хотел бы передать [Rounds, 1982]. Э. Л. Шубина определяет лингвистическое хеджирование как «речевое страхование» [Шубина, 2019, с. 84].

Согласно А. В. Седовой, хедж-эвфемизмы в публицистическом тексте используются авторами статей для того, чтобы свести к минимуму личную ответственность за передаваемую информацию, исключить категоричность суждения [Седова, 2022, с. 49].

В процессе отбора статей из электронной версии издания «Die Tageszeitung» были выделены следующие тематические группы из блока экономики, которые представляются наиболее интересными для лингвистического описания содержащихся в заголовках эвфемизированных выражений:

- бедность — богатство;
- забастовки;
- работа (непрестижные профессии, низкие зарплаты);
- рост цен и инфляция (увеличение стоимости продуктов питания и электроэнергии);
- общая характеристика экономической обстановки в Германии.

Руководствуясь упомянутыми выше критериями (обозначение нежелательного / стигматичного денотата, семантическая неопределенность эвфемизма, улучшение характера / нейтрализация стигматичности денотата, формальный характер улучшения денотата, социокультурная детерминированность), мы выявили в текстах анализируемого издания на экономическую тематику заголовки статей, которые, на наш взгляд, эвфемизированы.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Тематическая группа «Бедность — богатство»

В заголовках статей из блока экономики, посвященных проблеме разницы в доходах населения Германии, были выделены преимущественно неэвфемизированные варианты. Авторы статей открыто заявляют о существовании большого количества малоимущих людей и используют прямые номинации «die Armut» (бедность), «arm» (бедный). Однако в ходе поиска примеров за указанный период были обнаружены статьи, содержащие в заголовках эвфемизированные лексемы.

Одна из статей данной группы озаглавлена следующим образом: «*Wenn WG-Wohnen zum Luxus wird*» (Когда проживание в коммуналке для студентов становится роскошью). Проблема высоких цен на аренду квартиры или комнаты затрагивает в основном молодых людей, например, студентов, которые еще не достаточно зарабатывают, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Автор избегает формулировок типа «*студентам не хватает денег*» или «*проживание в коммунальной квартире слишком дорого стоит*», а использует лексику *Luxus*, которая ассоциируется с элитной, шикарной жизнью, что позволяет скрыть негативные стороны проблемы нехватки денег на оплату жилья. Ю. Д. Апресян рассматривает семантические ассоци-

ации (коннотации) как «элементы прагматики, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции, а также господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [Апресян, 1995, с. 67].

Словарь определяет значение слова *Luxus* как «расходы, превышающие “жизненный стандарт”» [DWDS]. У каждого человека свои ассоциативные связи с данной заимствованной лексемой, так как для кого-то люкс — это наличие свободного времени, а для кого-то места, достатка: «*Der wahre Luxus ist doch, Platz zu haben*» [Zeit Magazin, 2017] (Истинная роскошь — иметь своё место); «*Für mich persönlich bedeutet Luxus, nicht kochen zu müssen, wenn ich darauf keine Lust habe*» [Die Zeit, 2017] (Лично для меня роскошь — это возможность не готовить самому, когда у меня нет настроения).

С 2022 года многие граждане Германии оказались в бедственном положении из-за непрерывного роста цен на товары и услуги первой необходимости, поэтому упоминание прямой номинации «богатства» является нежелательным. Для статьи о том, что Германия внесла существенный вклад в бюджет ЕС, автор подобрал заголовок с использованием эвфемизма: «*Spitzenzahler Deutschland*» (Германия — ведущий наполнитель бюджета Евросоюза). А для статьи о том, что богатые чаще путешествуют, автор выбрал завуалированное наименование *Spitzenverdiener* в заголовке: «*Spitzenverdiener fahren mehr*» (Люди с высоким уровнем дохода ездят чаще).

При сравнении упомянутых лексических единиц *Spitzenzahler* (плательщик, который платит большую сумму налогов) и *Spitzenverdiener* (человек с высоким уровнем дохода) мы наблюдаем наличие одинакового словообразовательного элемента *spitzen-*. В немецком языке лексема *die Spitze* многозначна, и среди её значений присутствуют ‘вершина’, ‘верхушка’, ‘крайность’. В словаре приводится также следующая дефиниция с пометой «фам.»: ‘что-либо, кто-либо является превосходным, отличным’ [DWDS]. Из этого следует, что обе приведённые выше лексемы не имеют негативной коннотации. Слово *Spitzenzahler* (вместо прямой номинации «*der Staat, der am meisten bezahlt hat*») употребляется автором для описания государства, которое произвело значительные налоговые выплаты по сравнению с другими странами Евросоюза. В то время как обозначение *Spitzenverdiener* в заголовке «*Spitzenverdiener fahren mehr*», в отличие от прямой номинации *Reiche* (богатые), характеризует людей, которые много зарабатывают и добились этого высокого социального статуса своим трудом.

Начиная с 2022 года и по настоящее время в экономических разделах немецких газет появляются статьи, которые посвящены благотворительным организациям, связанным с раздачей продуктов питания нуждающимся людям: «*Etwa zwei Millionen Menschen holen Lebensmittel bei der Tafel*» (Около

двух миллионов человек берут продукты в благотворительной организации [Spiegel, 2022], «*Lage der **Tafeln** in Berlin und Brandenburg “sehr angespannt”*» (Ситуация с благотворительными организациями в Берлине и Бранденбурге «очень напряженная») [Berliner Zeitung, 2023], «***Tafeln** in Niedersachsen und Bremen: Weiterhin hohe Nachfrage*» (Благотворительные организации в Нижней Саксонии и Бремене: Спрос остается высоким) [Süddeutsche Zeitung, 2023], «***Tafeln** beklagen starke Überlastung wegen wachsender Nachfrage*» (Благотворительные организации жалуются на сильную перегрузку в связи с растущим спросом) [Die Zeit, 2023]. Выделенная лексема *Tafel* имеет несколько значений, в том числе значение ‘празднично накрытый стол’. Ассортимент продуктов, которые раздает нуждающимся благотворительная организация, разнообразен и включает деликатесы. Обращаясь за помощью, люди с финансовыми трудностями могут позволить себе действительно праздничное угощение. В связи с этим номинация *Tafel* эвфемизирована, так как за положительной коннотацией скрывается неприятный факт действительности о том, что все больше граждан Германии вынуждены пользоваться услугами благотворительной организации.

Одна из статей в нашем материале озаглавлена: «*Tafeln sehen sich „am Limit“*» (Благотворительные организации «на пределе»). Кроме эвфемизированной лексемы *Tafel*, завуалированное выражение „am Limit“ в заголовке подчёркивает, что количество малоимущих граждан настолько велико, что даже волонтерам требуется финансовая поддержка. За счет заимствованной номинации *Limit* значение антецедента размывается. Следует отметить, что данная лексема в анализируемом заголовке приводится в кавычках, что также скрывает истинный смысл высказывания адресанта.

Тот факт, что в Германии растёт уровень бедности, подтверждает автор статьи под заголовком: «*Spardruck trifft auch die Mitte*» (Вынужденная экономия давит (*drücken*) на средний класс). Речь идёт о том, что инфляция усугубляет ситуацию таким образом, что всё больше людей вынуждены экономить (*sparen*) для удовлетворения базовых потребностей и что эта проблема касается и среднего класса населения Германии. В статье открыто не заявляется о большом количестве малоимущих. С помощью подобных заголовков журналист формирует у читателя так называемую «желаемую модель действительности»: будто бы люди не испытывают финансовые трудности, а разумно расходуют средства [Орлова, 2018, с. 134].

Заслуживает внимания пример эвфемизированного заголовка статьи, посвященной социальным выплатам: «*Löchriger Rettungsschirm*» (Дырявый парашют). В прямом значении слово *Rettungsschirm* переводится как «аварийный парашют», тогда как в переносном обозначает «финансовую помощь компаниям, государствам и т. п., оказавшимся в бедственном по-

ложении». С одной стороны, автор статьи вызывает у читателя ассоциацию с парашютом как спасательным средством, а это слово в сочетании с прилагательным *löchrig* (дырявый) подразумевает ложную надежду на спасение. С другой стороны, аудитория ежедневной газеты получает информацию о нехватке финансовой помощи.

Таким образом, эвфемизированные выражения в данной тематической группе соответствуют следующим критериям:

- обозначение нежелательных денотатов «бедность», «неплатежеспособность», «богатство»;

- улучшение характера денотатов при помощи положительно коннотированных лексем *Luxus, Spitzenzahler, Spitzenverdiener, Sparen, Tafel, Limit, Rettungsschirm*;

- формальный характер улучшения денотатов. Статьи информируют читателей об увеличении количества малоимущих, отрицательные явления в экономике не скрываются от населения, а лишь формально вуалируются;

- социокультурная детерминированность. Финансовое расслоение общества отрицательно воспринимается жителями Германии, в новостных заголовках номинация богатства сглаживается использованием эвфемизмов *Spitzenzahler, Spitzenverdiener*.

3.2. Тематическая группа «Забастовки»

Последствием экономического кризиса для многих жителей Германии стала проблема низких зарплат. Чтобы добиться повышения оплаты труда, всё больше людей выходит на митинги и забастовки. В данном блоке статей было выявлено, что журналисты в основном называют вещи своими именами и используют прямые номинации: *der Streik* (забастовка), *streiken* (бастовать), *stillstehen* (останавливать работу). Однако заслуживает внимания статья под заголовком: «*Revolutionärer Abendspaziergang*» (Революционная вечерняя прогулка), где автор сравнивает забастовку против классового неравенства с «вечерней прогулкой». Лексема *Abendspaziergang* является эвфемизмом, обозначена в словаре пометой «*verhüllend*» (эвфемизм) [DWDS] и имеет положительную коннотацию в восприятии аудитории, поэтому способна скрывать негативный антецедент.

В статье под заголовком: «*Über allen Gleisen ist Ruh*» (На всех железнодорожных путях царит покой) речь идёт о забастовках на железной дороге и в транспортных компаниях Германии. Для описания ситуации, когда сотрудники в сфере транспорта не вышли на работу, автор использует эвфемизированное выражение «царит покой». Это сделано для того, чтобы информировать читателей о существующей проблеме и в то же время не вызвать негативного отклика и вероятной паники. Кроме того, отдавая предпочтение такому заголовку, журналист вызывает в памяти читателей

первую строчку произведения великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте «Wanderers Nachtlied»: «*Über allen **Gipfeln** ist Ruh*» (Горные вершины спят во тьме ночной). Автор выбранной нами статьи заменил слово *Gipfeln* (вершины) на *Gleisen* (железнодорожные пути) из строчки стихотворения Гёте, чтобы замаскировать номинацию забастовки, привлечь внимание к заголовку и сделать его более образным.

В статьях из онлайн-издания «Die Tageszeitung» описываются также случаи, когда несколько забастовок в Германии проводятся в один и тот же день на разных видах общественного транспорта. В заголовке статьи «*24 Stunden Pause in Deutschland*» (24-часовой перерыв в Германии) прямая номинация забастовки заменяется нейтральной лексемой *die Pause* (пауза, перерыв). Кроме того, упомянутая лексическая единица характеризует временное явление и дает читателю надежду на то, что проблема скоро будет решена.

Бороться за свои права в Германии выходят люди самых разных профессий, например, занятые в сфере искусства. Так, в статье, озаглавленной «*Wenn Flötentöne flöten gehen*» (Когда звуки флейты фальшивят), автор прибегает к игре слов. Лексема *flöten* в своём первичном значении переводится как «играть на флейте», однако составное глагольное сказуемое *flöten gehen* имеет совершенно другой смысл. Согласно словарю, данное выражение относится к фамильярной лексике и означает такое состояние, когда что-то идёт не по плану, пропадает, идёт прахом, например, «*das ganze Vermögen ist flöten gegangen*» (целое состояние пошло прахом) [DWDS]. В выбранной статье трудности представителей творческих профессий автор скрывает за эвфемизированным обозначением фальшивых звуков флейты с использованием однокоренных слов *Flötentöne* и *flöten*.

Эвфемизированные выражения в данном блоке были выделены на основе следующих критериев:

- обозначение нежелательного денотата «забастовка»;
- нейтрализация стигматичности денотата с помощью таких номинаций, как *Abendspaziergang*, *Ruh*, *Pause*, *flöten*, которые не вызывают негативных ассоциаций у читателей;
- формальный характер улучшения денотата проявляется в смягчении и маскировке негативно воспринимаемых обозначений забастовки, при этом журналисты не скрывают того факта, что в стране проходят протесты.

3.3. Тематическая группа «Работа»

При анализе заголовков статей из данного раздела было выделено несколько эвфемизированных примеров с использованием иностранных слов, заимствованных из английского языка. Лексемы иноязычного происхождения часто заменяют нежелательное слово, так как заимствованная

лексема может быть незнакома читателю, что «размывает» суть высказывания. Слова из английского языка читательской аудиторией воспринимаются как более благозвучные, престижные, красивые, вне зависимости от их значения [Ванюшина, 2009, с. 55—56]. Как отмечают И. Н. Никитина и А. Н. Прудывус, замена нежелательного слова заимствованным или перевод слова на иностранный язык входят в число основных способов образования эвфемизмов [Никитина, 2009, с. 53; Прудывус, 2006].

Так, для статьи о непростых условиях труда работников службы доставки автор выбрал иноязычный заголовок: «*Uneasy Rider*» (Беспокойный наездник). Эвфемизация в данном случае направлена не только на то, чтобы скрыть сложности, возникающие в процессе работы курьера, но и на то, чтобы завуалировать само наименование профессии, которая считается в обществе не самой престижной. Нами выбран вариант перевода заголовка «беспокойный наездник», хотя в английском языке обе лексемы *uneasy* и *rider* многозначны. Слово *uneasy* можно перевести как «непростой, нестабильный, беспокойный», а *rider* обозначает не только всадника, но и велосипедиста, что также применимо к профессии курьера.

В нашем материале представлены статьи, в заголовках которых встречается комбинация из немецких и английских лексем. Одним из примеров служит заголовок статьи о финансовых проблемах в металлургии: «*Der Boom bleibt aus*» (Бум не случился). Для описания перспектив экономического роста в сфере металлургии журналист использовал лексическую единицу *Boom* (внезапный и короткий экономический подъем, бум), заимствованную из английского языка, в сочетании с немецким глаголом *ausbleiben* (не случаться, не состояться). Согласно словарю, лексема *Boom* активно используется в немецких публицистических текстах уже с середины 60-х годов XX века [DWDS]. Выбирая подобную формулировку для заголовка, автор делает акцент на иноязычном слове с положительной семантикой, избегая прямого упоминания таких проблем в области металлургической промышленности, как, например, слишком высокие цены на сырье. Отсутствие обозначения негативного понятия помогает избежать коммуникативного дискомфорта и создать условия для «бесконфликтного диалога» между адресантом (в нашем случае — журналистом) и адресатом (читателем) [Крысин, 2008, с. 46; Сидельникова, 2017].

Нами было выявлено несколько примеров использования лексемы *Whistleblower* (осведомитель, доносчик). В словаре [Duden] происхождение данной лексической единицы определяется следующим образом: в немецкий язык слово *Whistleblower* пришло от английской идиомы «*to blow the whistle on someone*» (свистеть на кого-то), что в переносном значении переводится как «заявлять, сообщать, разоблачать организации или ответ-

ственных за них лиц, ведущих сомнительную или незаконную деятельность». Например, в газете «Die Tageszeitung» в разделе «Работа» за 2022—2023 годы мы выявили 3 заголовка, содержащих лексему *Whistleblower*: «*Ampel will Whistleblower schützen*» (Парламентская коалиция «Светофор» хочет защитить доносчиков на коллег), «*Whistleblower müssen warten*» (Доносчики на коллег должны ждать), «*Schutz für Whistleblower:innen*» (Защита для доносчиков на коллег).

Эвфемизм, представленный в примерах выше, заменяет такие варианты наименований данного понятия, как *Informant* (информатор), *Skandal aufdecker* (разоблачитель скандалов), *Denunziant* (кто-либо, кто из низменных, обычно эгоистических побуждений обвиняет, подозревает других, доносчик), которые могут вызывать у читателя негативные эмоции. Лексема *Whistleblower* в этих случаях направлена на то, чтобы скрыть истинный смысл текста и побудить аудиторию к поиску дополнительной информации. Читатели, не владеющие английским языком, будут вынуждены прочитать материал до конца, чтобы понять, о чём идёт речь, или даже обратиться к дополнительным источникам.

Следует отметить также заголовок: «*Es bleibt eine Herkules-Aufgabe*» (Это остаётся непосильной задачей). Автор статьи о проблемах, связанных с производством электроавтомобилей немецкой марки Volkswagen, не использует прямую номинацию «непосильный». Вместо этого он выбирает сравнение с героем древнеримской мифологии Геркулесом, который известен своей силой. Читатель понимает, что за этим эвфемизированным выражением *Herkules-Aufgabe* спрятана трудная, непосильная задача, стоящая перед сотрудниками компании Volkswagen. Сравнение с мифологической фигурой добавляет заголовку красочности, делая его более привлекательным для широкой аудитории.

Статья под заголовком: «*Mindestlohn hui, Minijobs pfui*» (Минимальный размер оплаты труда — ура, это хорошо, подработка — нет, это плохо) также способна привлечь внимание читателей. Для приведенного выше заголовка довольно сложно подобрать подходящий русскоязычный перевод, так как в его формулировке присутствуют два немецких междометия, обозначающих реакцию автора на экономические явления, описанные в статье. Первое междометие *hui* представлено в словаре с пометой «разг.» [DWDS] и используется для выражения удивления или положительной оценки чего-либо. Противоположным значением обладает второе междометие *pfui*, которое служит для передачи отрицательной реакции на что-либо или недовольства. Выбранные автором статьи междометия могут также считаться одним из средств эвфемизации, так как в случае с восклицанием *pfui* происходит замена прямой номинации проблемы.

Эвфемизированные выражения в заголовках данного блока были идентифицированы по следующим критериям:

— обозначение нежелательных денотатов «непрестижная профессия», «доносчик на коллег», «непосильная задача», «низкая зарплата»;

— улучшение характера денотатов за счёт употребления лексем с положительной коннотацией *rider*, *Boom*, *Whistleblower*, *Herkules-Aufgabe*;

— формальный характер улучшения денотатов проявляется в связи с заменой на заимствованные лексемы и выражения, которые скрывают истинный смысл обозначения понятий и кажутся читателю более благозвучными.

3.4. Тематическая группа «Рост цен и инфляция»

Население Германии встревожено ростом цен. Представители власти пытаются обозначить границу возможного повышения цен и взять их под контроль. Вследствие этого в немецком экономическом дискурсе всё чаще появляются лексические единицы, обозначающие попытку ограничения роста цен, в особенности на газ и электроэнергию. Обращает на себя внимание тот факт, что в текстах прессы используются эвфемизированные лексические единицы, способные «размывать» передаваемые смыслы. При поиске примеров были выявлены два продуктивных словообразовательных элемента *brems-* и *deckel-*.

Лексические единицы, образованные с помощью компонента *brems-*, например, *bremsen*, *Preisbremse*, связаны с его первичным значением «тормоз, тормозить, останавливать». Глагол *bremsen* можно также рассматривать применительно к экономической сфере в значении «ограничивать», что подтверждается в словаре таким примером: «*die Produktion, Einfuhr einer Ware bremsen*» (ограничить производство, импорт товара) [DWDS].

Схожей семантикой обладает второй словообразовательный элемент *deckel-*, хотя его роль в публицистических текстах по экономике, на первый взгляд, менее очевидна. Лексическая единица *Deckel* в значении «*Der Deckel eines Gefäßes*» (крышка сосуда) никак не указывает на экономическое явление. Однако в словарной статье из [DWDS] глагол *deckeln* сопровождается пометой «разг.» и обозначает ограничение роста расходов, финансовых затрат, квот и т. д. В то же время существительное *Deckel* ни в упомянутом выше словаре, ни в [Duden] не имеет подобного значения. Эвфемизированный оттенок оно приобретает за счёт метафорического сравнения вводимых ограничительных мер с крышкой, ведь если что-либо закрыть, то можно предотвратить его дальнейшее распространение или рост.

Все варианты лексических номинаций, содержащих словообразовательные компоненты *brems-* и *deckel-* в заголовках за период с 2022 по 2023 годы, распределены в таблице с целью их наглядного представления (табл. 1).

Таблица 1

Номинации со словообразовательными элементами *brem*s- и *deckel*- и примеры их употребления в заголовках из газеты «Die Tageszeitung»

Слова с компонентом <i>brem</i> s- и примеры заголовков	Слова с компонентом <i>deckel</i> - и примеры заголовков
bremsen 9-Euro-Ticket <i>bremst</i> Inflation (Билет за 9 евро тормозит инфляцию) Scholz <i>bremst</i> bei Gaspreisdeckel (Шольц не спешит с ограничением цен на газ)	deckeln Ein Deckel, der nicht <i>deckelt</i> (Крышка, которая не закрывает) Unterstützen, <i>deckeln</i> und enteignen? (Поддержать, лимитировать и экспроприировать?)
ausbremsen Wärmepumpen <i>ausgebremst</i> (Тепловые насосы замедлили работу)	Deckel Von der Leyen will den <i>Deckel</i> (Фон дер Ляйен хочет получить «крышку») Ampelfraktionen ziehen <i>Deckel</i> ein (Фракция «Светофор» закрывает крышку) Ein <i>Deckel</i> , der nicht <i>deckelt</i> (Крышка, которая не закрывает) <i>Deckel</i> ohne Wert (Крышка, не имеющая стоимости) Ein <i>Deckel</i> für die Energiepreise (Ограничение цен на электроэнергию)
Preisbremse Einmalzahlung und <i>Preisbremsen</i> (Единовременная оплата и торможение цен) Die <i>Preisbremsen</i> stehen (Ограничение цен останавливается)	Preisdeckel Wo bleibt der <i>Preisdeckel</i> ? (Где ограничение цен?) <i>Preisdeckel</i> für die Niederlande (Ограничение цен для Нидерландов) <i>Preisdeckel</i> ohne Wumms (Ограничение цен «без звона») <i>Preisdeckel</i> wirkt schon ab Januar (Ограничение цен действует уже с января)
Gaspreisbremse Die <i>Gaspreisbremse</i> wird eingebaut (Установлено ограничение цен на газ) <i>Gaspreisbremse</i> jetzt ab Januar (Ограничение цен на газ теперь с января)	Gaspreisdeckel Scholz <i>bremst</i> bei <i>Gaspreisdeckel</i> (Шольц не спешит с ограничением цен на газ) EU- <i>Gaspreisdeckel</i> kommt (Ограничение цен на газ в ЕС) <i>Gaspreisdeckel</i> für Europa (Ограничение цен на газ для Европы) <i>Gaspreisdeckel</i> geht an den Start (Введено в действие ограничение цен на газ)
Schuldenbremse Fiktion <i>Schuldenbremse</i> (Ограничение долгов — фикция)	Energiepreisdeckel Energiegeld statt <i>Energiepreisdeckel</i> («Энергетические деньги» вместо ограничения цен на энергию)

Из приведенной выше таблицы видно, что лексические единицы, содержащие словообразовательный элемент *deckel-*, употребляются почти в два раза чаще, чем номинации с компонентом *brem-* (было выделено 15 и 8 примеров соответственно). Это свидетельствует о том, что в анализируемом материале первый вариант является более продуктивным.

Так, в заголовке «*Ein Deckel, der nicht deckelt*» (Крышка, которая не закрывает) используются сразу две номинации со словообразовательным элементом *deckel-*. За счёт игры слов достигается комический эффект. Таким приёмом журналист не просто маскирует неприятное явление экономического кризиса, а вызывает у аудитории противоречивые эмоции (смешной заголовок — серьёзная тема статьи).

В заголовках с лексемой *deckeln* используется риторический вопрос. В одной из статей говорится о резком повышении цен на электроэнергию: «*Unterstützen, deckeln und enteignen?*» (Поддержать, лимитировать и экспроприировать?). Мы рассматриваем риторический вопрос как одно из средств вуалирования неприятного факта, ведь с его помощью автор статьи скрывает своё истинное мнение. Он не делает категоричных суждений, не говорит о проблеме открыто, тем самым избегая своей субъективной оценки происходящего, предоставляя читателю возможность прийти к ответу самому. С одной стороны, автор открыто выражает свое мнение, но, с другой стороны, ставит под сомнение, на что указывает вопросительный знак.

Заголовок: «*Preisdeckel ohne Wumms*» (Ограничение цен «без звона») содержит не только упомянутую ранее лексему «*Preisdeckel*», но и неочевидное по значению (особенно для иноязычных читателей) существительное *Wumms*, которое описывает очень громкий, резкий звук, обращающий на себя внимание людей. Получается, что слово *Wumms* — это вторичная образная номинация внезапного события, которое удивляет читателя, поэтому слово используется журналистами, в том числе в заголовках. Тот факт, что в печатных СМИ упомянутое слово всё чаще встречается начиная с 2016 года, подтверждает график, построенный на основе газетного корпуса [DWDS] (рис. 1).

Помимо описанных ранее эвфемизированных номинаций, в заголовках из данного блока интерес для исследования представляет лексема *Schirm*, которая встречалась также в тематической группе «Бедность — богатство». В дефиниции слова *Schirm*, которое может быть переведено как «зонт, экран, защитные очки, купол парашюта», ключевую роль играет сема защиты, которая придаёт этой лексеме положительное значение. В заголовке «*Ein Schirm gegen die Preisexplosion*» (Защита от ценового взрыва) под этим эвфемизмом подразумевается стремление правительства взять под контроль расходы на электроэнергию. Примечательно также то, что

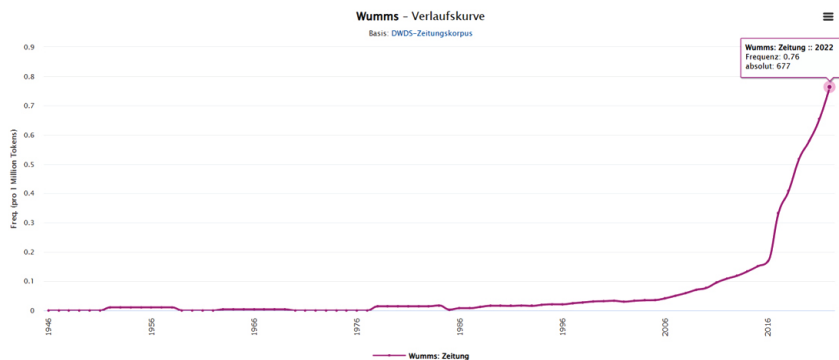

Рис. 1. Частотность употребления лексемы «Wumms»

журналист подчеркивает, как резко и внезапно выросли цены, используя лексему *Preisexplosion*, то есть сравнивая их со взрывом.

Примеры эвфемизированных выражений были выделены с опорой на следующие критерии:

- обозначение нежелательных денотатов «энергетический кризис», «высокие цены на газ и электроэнергию»;
- нейтрализация стигматичности денотатов при помощи номинаций *Deckel, deckeln, Bremse, bremsen, Schirm*;
- формальный характер улучшения денотатов. Хотя журналисты ву-алируют обозначение проблемы, они не отрицают тот факт, что страна находится в кризисном состоянии.

3.5. Тематическая группа «Общая характеристика экономической обстановки в Германии»

Перечисленные выше экономические проблемы являются следствием энергетического кризиса, который наблюдается в Германии с начала 2022 года. В связи с этим авторы статей стараются замаскировать номинации финансовых последствий более благозвучными выражениями. При отборе необходимого для анализа материала в данной тематической группе обратил на себя внимание заголовок в виде вопроса: «*Wie werden wir heizen?*» (Как мы будем отапливать?). Статья посвящена проблеме изменения климата и необходимости перехода с традиционного ископаемого топлива на современные возобновляемые источники тепла. Мы считаем приведенный выше заголовок эвфемизированным, так как за риторическим вопросом скрываются проблемы использования неэкологических и дорогостоящих источников энергии. Употребление в заголовке местоимения

wir (мы) показывает единство автора с читателями и то, что вся страна едина в поиске выхода из сложившейся непростой ситуации.

В сентябре 2022 года в электронном издании ежедневной газеты «Die Tageszeitung» вышла статья под заголовком: «*Droht uns im Winter ein Blackout?*» (Грозит ли нам отключение электричества зимой?), в которой речь идёт о резком повышении цен на электроэнергию. Журналист правомерно задаётся вопросом, насколько вероятно полное отключение электричества по всей стране. Автор использует в заголовке заимствованную из английского языка лексику *Blackout*, которая является многозначной, но применительно к данной статье маскирует прямую номинацию *Stromausfall* (отключение электроэнергии).

Теме энергетического кризиса посвящена также статья: «*Der Stadt gehen die Lichter aus*» (В городе гаснет свет), в которой поднимается вопрос о безопасности передвижения граждан в темное время суток. Журналист отдал предпочтение эвфемизированной формулировке заголовка, чтобы не шокировать аудиторию новостями об энергетическом кризисе. В словаре [DWDS] выражение *(es) gehen die Lichter aus* отнесено в группу синонимов к слову *Blackout* в значении «отключение электричества» и снабжено стилистическими пометами «разговорное» и «фигуральное». Словосочетание «гаснет свет» может вызывать различные ассоциации, в том числе положительные, когда речь идет о романтическом вечере или спокойной ночной обстановке. Выбор автором этого выражения обусловлен желанием смягчить информационное сообщение для читателей о мерах городских властей, направленных на экономию электроэнергии.

На эвфемизированные выражения данной группы указывают следующие критерии:

- обозначение нежелательных денотатов «проблемы с отоплением», «угроза отключения электричества»;
- нейтрализация стигматичности денотатов с помощью выражения *die Lichter gehen aus*, риторических вопросов;
- формальный характер улучшения денотатов проявляется в завуалированной формулировке новостных заголовков о проблеме энергетического кризиса.

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, проведенный в данной работе анализ свидетельствует о том, что использование эвфемизмов в немецком публицистическом дискурсе обусловлено стремлением журналистов смягчить наименования негативных экономических явлений. Все эвфемизированные слова и выражения, найденные в заголовках газеты «Die Tageszeitung» за 2022—

2023 годы, являются окказиональными, за исключением одной лексемы *Spaziergang* ‘прогулка’, использованной для обозначения забастовки (данное слово зафиксировано в словаре с пометой «эвфемизм» [DWDS]).

При анализе исследуемых эвфемизированных заголовков были выделены способы эвфемизации, которые представлены далее (табл. 2).

Таблица 2

Способы эвфемизации в заголовках из электронного издания
газеты «Die Tageszeitung»

Способы эвфемизации	Примеры заголовков
Словосложение	<i>Spitzenzahler</i> Deutschland <i>Spitzenverdiener</i> fahren mehr <i>Spardruck</i> trifft auch die Mitte <i>Löchriger Rettungsschirm</i> <i>Revolutionärer Abendspaziergang</i> <i>Einmalzahlung</i> und <i>Preisbremsen</i> <i>Gaspreisbremse</i> jetzt ab Januar <i>Fiktion Schuldenbremse</i> <i>Preisdeckel</i> wirkt schon ab Januar <i>Scholz</i> bremst bei <i>Gaspreisdeckel</i> <i>Energiegeld</i> statt <i>Energiepreisdeckel</i>
Перифраза	<i>Wenn WG-Wohnen zum Luxus wird</i> <i>Tafeln</i> sehen sich „am Limit“ <i>Über allen Gleisen</i> ist <i>Ruh</i> <i>24 Stunden Pause</i> in Deutschland <i>Es bleibt eine Herkules-Aufgabe</i> <i>Ein Schirm</i> gegen die <i>Preisexplosion</i> <i>Der Stadt</i> gehen die <i>Lichter</i> aus <i>9-Euro-Ticket</i> bremst <i>Inflation</i> <i>Wärmepumpen</i> ausgebremst <i>Ein Deckel</i> für die <i>Energiepreise</i>
Иноязычные заимствования	<i>Uneasy Rider</i> <i>Der Boom</i> bleibt aus <i>Schutz</i> für <i>Whistleblower:innen</i>
Игра слов	<i>Wenn Flötentöne flöten gehen</i> <i>Ein Deckel</i> , der nicht <i>deckelt</i>
Риторический вопрос	Unterstützen, deckeln und enteignen? Wie werden wir heizen? Droht uns im Winter ein Blackout?
Междометие	Mindestlohn <i>hui</i> , Minijobs <i>pfui</i>
Звукоподражание	<i>Preisdeckel</i> ohne <i>Wumms</i>

Наши материалы показали, что наиболее продуктивным способом является словосложение. Кроме того, анализируемый материал позволил

идентифицировать такие приёмы, как перифраза, игра слов, иноязычные заимствования, преимущественно из английского языка, риторический вопрос, междометие и звукоподражание. Их соотношение представлено на диаграмме (рис. 2).

Рис. 2. Соотношение способов эвфемизации в заголовках из электронного издания газеты «Die Tageszeitung» за 2022—2023 годы

В качестве перспективы дальнейшего исследования может быть предложено выявление эвфемизированных вариантов новостных заголовков статей на экономическую тематику на материале немецких публицистических текстов из изданий «Die Zeit», «Börsenzeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и других. Планируется также расширение блока тематических групп из области экономики.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта ; Наука, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.
2. *Berliner Zeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.berliner-zeitung.de/> (accessed 10.07.2023).
3. *Der Spiegel* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.spiegel.de/> (accessed 12.07.2023).
4. *Die Tageszeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://taz.de/> (accessed 30.05.2023).

5. *Die Zeit* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de/> (accessed 15.07.2023).
6. *Duden* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.duden.de/> (accessed 20.05.2023).
7. DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 25.05.2023).
8. *Süddeutsche Zeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sueddeutsche.de/> (accessed 12.07.2023).
9. *Zeit Magazin* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de/zeit-magazin/> (accessed 10.07.2023).

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — Т. 1. — 472 с.
2. *Бердова Н. М.* Эвфемизмы в современном немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. М. Бердова. — Киев, 1981. — 230 с.
3. *Ванюшина Н. А.* Использование иностранных слов в качестве эвфемизмов / Н. А. Ванюшина // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2009. — № 7. — С. 55—60.
4. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 320 с. — ISBN 978-5-94244-015-2.
5. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях : Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — Москва : Знак, 2008. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0175-0.
6. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. — 1994. — № 1, 2. — С. 28—49.
7. *Никитина А. М.* Эвфемизмы в речи учителя как средство гармонизации педагогического дискурса : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / А. М. Никитина. — Москва, 2015. — 214 с.
8. *Никитина И. Н.* Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике : история вопроса и перспектива исследования / И. Н. Никитина // Вестник волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2009. — № 1. — С. 49—64.
9. *Орлова Е. А.* Эвфемизмы и дисфемизмы в политических текстах британских СМИ / Е. А. Орлова // Сборник материалов IV Международной научной конференции. — 2018. — С. 133—136.
10. *Прудывус А. Н.* Эвфемизмы в современном немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Н. Прудывус. — Санкт Петербург, 2006. — 17 с.
11. *Седова А. В.* Хеджи в экономическом дискурсе (на материале швейцарского варианта немецкого языка) / А. В. Седова // Филологические науки в МГИМО. — 2022. — Т. 8. — № 2. — С. 40—52. — DOI: 10.24833/2410-2423-2022-2-31-40-52.
12. *Сидельникова Е. А.* Коммуникативно-прагматическая и переводческая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе : монография / Е. А. Сидельникова. — Ставрополь : Издательство СКФУ, 2017. — 176 с. — ISBN 978-5-9296-0864-3.
13. *Солодилова И. А.* Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 11 (211). — С. 73—78.

14. Чепорухина М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней / М. Г. Чепорухина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 95—102. — DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_08.
15. Шубина Э. Л. Хедж-аппроксиматоры как профессиональные инструменты немецкого публицистического дискурса / Э. Л. Шубина // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2019. — № 1 (1). — С. 83—98. — DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-83-98.
16. Шубина Э. Л. Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса / Э. Л. Шубина, А. В. Седова // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 183—200. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200.
17. Lakoff D. Hedges : a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / D. Lakoff // Journal of philosophical logic. — 1972. — № 2 (4). — Pp. 458—508.
18. Prince E. F. On hedging in physician-physician discourse / E. F. Prince, J. Frader, C. Bosk // Linguistics and the professions / Ed. by R. J. di Pietro. — Norwood / New Jersey : Albex Publishing Corporation, 1982. — Vol. 8. — Pp. 83—97.
19. Rounds P. Hedging in written academic discourse : precision and flexibility / P. Rounds. — Michigan : The University of Michigan. Mimeo, 1982. — Pp. 78—84.
20. Zöllner N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen / N. Zöllner. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1997. — S. 444. — ISBN 9783631316535.

Статья поступила в редакцию 03.06.2023,
одобрена после рецензирования 21.07.2023,
подготовлена к публикации 23.08.2023.

Material resources

- Berliner Zeitung*. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/> (accessed 10.07.2023). (In Germ.).
- Der Spiegel*. Available at: <https://www.spiegel.de/> (accessed 12.07.2023). (In Germ.).
- Die Tageszeitung*. Available at: <https://taz.de/> (accessed 30.05.2023). (In Germ.).
- Die Zeit*. Available at: <https://www.zeit.de/> (accessed 15.07.2023). (In Germ.).
- Duden*. Available at: <https://www.duden.de/> (accessed 20.05.2023). (In Germ.).
- DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 25.05.2023). (In Germ.).
- Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flint; Nauka. 464 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ.).
- Süddeutsche Zeitung*. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/> (accessed 12.07.2023). (In Germ.).
- Zeit Magazin*. Available at: <https://www.zeit.de/zeit-magazin/> (accessed 10.07.2023). (In Germ.).

References

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Lexical semantics (synonymous means of language), I*. Moscow: Languages of Russian culture. 472 p. (In Russ.).
- Berdova, N. M. (1981). *Euphemisms in the modern German language*. Author's abstract of PhD Diss. Kiev. 230 p. (In Russ.).
- Chaporukhina, M. G. (2021). Euphemisms and dysphemisms in an online news article and comments on it. *Political Linguistics, 1 (85)*: 95—102. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_08. (In Russ.).

- Kovshova, M. L. (2007). *Semantics and pragmatics of euphemisms*. Moscow: Gnosis. 320 p. ISBN 978-5-94244-015-2. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1994). Euphemisms in modern Russian speech. *Rusistika*, 1,2: 28—49. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2008). *The Word in modern texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography*. Moscow: Znack. 320 p. ISBN 978-5-9551-0175-0. (In Russ.).
- Lakoff, D. (1972). Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of philosophical logic*, 2 (4): 458—508.
- Nikitina, A. M. (2015). *Euphemisms in teacher's speech as a means of harmonizing pedagogical discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 214 p. (In Russ.).
- Nikitina, I. N. (2009). Euphemism in foreign and domestic linguistics: the history of the issue and the prospect of research. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1: 49—64. (In Russ.).
- Orlova, E. A. (2018). Euphemisms and dysphemisms in political texts of the British media. *Proceedings of the IV International Scientific Conference*. 133—136. (In Russ.).
- Prince, E. F., Frader, J., Bosk, C. (1982). On hedging in physician-physician discourse. In: *Linguistics and the professions*, 8. Norwood / New Jersey: Albex Publishing Corporation. 83—97.
- Prudyvus, A. N. (2006). *Euphemisms in modern German*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 17 p. (In Russ.).
- Rounds, P. (1982). *Hedging in written academic discourse: precision and flexibility*. Michigan: The University of Michigan. Mimeo. 78—84.
- Sedova, A. V. (2022). Hedge in economic discourse (based on the material of the Swiss version of the German language). *Philological sciences in MGIMO*, 8 (2): 40—52. DOI: 10.24833/2410-2423-2022-2-31-40-52. (In Russ.).
- Shubina, E. L. (2019). Hedge approximators as professional tools of German journalistic discourse. *The discourse of professional communication*, 1 (1): 83—98. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-83-98. (In Russ.).
- Shubina, E. L., Sedova, A. V. (2021). Hedge Euphemisms as Tools of Economic Discourse. *Nauchnyi dialog*, 11: 183—200. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-183-200> (In Russ.).
- Sidelnikova, E. A. (2017). *Communicative-pragmatic and translation specifics of euphemization and dysphemization in newspaper-journalistic economic discourse: monograph*. Stavropol: NCFU Publishing House. 176 p. ISBN 978-5-9296-0864-3. (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Sokolova, T. Y. (2017). Criteria for identifying euphemisms. *Bulletin of Orenburg State University*, 11 (211): 73—78. (In Russ.).
- Vanyushina, N. A. (2009). The use of foreign words as euphemisms. *Language, communication and social environment*, 7: 55—60. (In Russ.).
- Zöllner, N. (1997). *Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang. S. 444. ISBN 9783631316535. (In Germ.).

*The article was submitted 03.06.2023;
approved after reviewing 21.07.2023;
accepted for publication 23.08.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Андрей Александрович Котов, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Анна Александровна Косарева, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Елена Александровна Мухина, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Наталия Эдуардовна Сейбель, д-р филол. наук (Челябинск)
Наталья Владимировна Захарова, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Иосифовна Чарина, канд. филол. наук (Якутск)

Информация для цитирования:

Захарова Н. В. Романтизм в творчестве Су Маньшу и Юй Дафу : национальные особенности / Н. В. Захарова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 213—227. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-213-227.

Zakharova, N. V. (2023). Romanticism in Works of Su Manshu and Yu Dafu: National Characteristics. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 213-227. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-213-227. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-213-227

Романтизм в творчестве Су Маньшу и Юй Дафу: национальные особенности

Захарова Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0002-1434-1901
доктор филологических наук,
заведующая Отделом литератур
стран Азии и Африки
radaeva2002@gmail.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00110
«Формирование и эволюция
художественных направлений
в литературах Дальнего Востока
и Юго-Восточной Азии на рубеже
Нового и Новейшего времени»

Romanticism in Works of Su Manshu and Yu Dafu: National Characteristics

Natalia V. Zakharova
orcid.org 0000-0002-1434-1901
Doctor of Philology,
Head of the Department of Literature
of Asian and African Countries
radaeva2002@gmail.com

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00110
“Formation and Evolution
of Artistic Movements
in the Literatures of the Far East
and Southeast Asia at the Turn
of the Modern and Contemporary Era”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается литературное течение романтизм как творческий метод Су Маньшу и Юй Дафу — китайских писателей первой половины XX века. Новизна исследования обусловлена результатами сопоставления творчества двух популярных литераторов, чья проза оказала значительное влияние на формирование современной китайской литературы. Сообщается, что увлечение китайских писателей романтическими настроениями происходило благодаря рецепции произведений европейской литературы, с которыми они познакомились, читая переводы на японский и китайский языки. Оба литератора называли себя романтиками, но причины увлечения художественным методом были разными. Су Маньшу импонировали новые жанровые особенности: биография, созданная не об исторической личности, что было узаконено традиционалистской литературой, а написанная от лица автора повествования. Юй Дафу привлекала в романтическом художественном стиле возможность использовать необычные для китайской словесности выразительные средства. В то же время романтические сочинения обоих литераторов несут маркеры национальной принадлежности. У Су Маньшу — в описании женских персонажей, у Юй Дафу — в использовании картин природы для передачи настроения героев. Отмечается, что становление романтического направления в китайской литературе недостаточно изучено российскими синологами и имеет перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова:

литературный процесс Китая; романтизм; творчество Су Маньшу; проза Юй Дафу.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the literary movement of romanticism as a creative method employed by Su Manshu and Yu Dafu, two Chinese writers of the first half of the 20th century. The novelty of the research lies in the comparative analysis of the works of these two popular literati, whose prose had a significant influence on the formation of modern Chinese literature. It is reported that the interest of Chinese writers in romantic sentiments was fueled by their exposure to European literature through translations into Japanese and Chinese. Both writers referred to themselves as romantics, but their reasons for being drawn to this artistic method were different. Su Manshu was captivated by the new genre features, such as biographies written from the author's perspective rather than focusing solely on historical figures, which was sanctioned by traditional literature. Yu Dafu was attracted to the romantic artistic style for its ability to employ unconventional expressive means in Chinese literature. At the same time, the romantic compositions of both writers carry markers of national identity. For Su Manshu, this is evident in the portrayal of female characters, while for Yu Dafu, it is manifested in the use of nature imagery to convey the mood of the characters. The article highlights that the development of romanticism in Chinese literature has been insufficiently studied by Russian sinologists and holds prospects for further research.

Key words:

literary process of China; romanticism; works of Su Manshu; prose of Yu Dafu.

Романтизм в творчестве Су Маньшу и Юй Дафу: национальные особенности

© Захарова Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Творческий метод китайских писателей первой половины XX века — тема, ставшая объектом внимания не только критиков, но и самих литераторов уже в первые годы становления современной литературы Китая. В среде самих литераторов шла ожесточенная полемика между сторонниками реалистического и романтического направлений. Оба творческих метода были новаторскими для китайских писателей, но пути знакомства с новыми для китайской словесности литературными течениями разнились. Сторонники реалистического письма были почитателями русской литературы, благодаря которой и узнали о реализме. Увлечение романтическими взглядами их идейных противников — Су Маньшу (1884—1918) и Юй Дафу (1896—1945) — происходило под влиянием японской и европейской беллетристики, с которой они познакомились во время пребывания в Японии. В творчестве Су Маньшу в первом десятилетии XX века отчетливо обозначен переход от просветительской литературы к романтической. Отдельные признаки романтизма были заметны еще в древней и средневековой литературе Китая, но только в прозе Су Маньшу они стали доминирующими. Герои его произведений — люди с глубокими переживаниями, возвышенной любовью, благородными стремлениями. Идеалы романтизма отвечали художественным запросам Юй Дафу, последователя Су Маньшу.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа творчества Су Маньшу и Юй Дафу. Установлено, что творчество Су Маньшу и Юй Дафу в значительной степени повлияло на формирование современной китайской литературы. В их прозаических сочинениях получили отражение такие доминанты романтического художественного метода, как одиночество в реальном мире, поиски идеала и мечты, жизнь в сфере эмоций. Увлечение западными литературными течениями было отнюдь не механическим заимствованием чужеродных художественных средств, а представляло собой сложный процесс, включавший их адаптацию и эволюцию под влиянием собственной литературной теории, насчитывающей почти два тысячелетия.

Анализ прозы двух известных современных китайских писателей-романтиков восполнит пробел в изучении литературы дальневосточного региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования стали прозаические сочинения Су Маньшу и Юй Дафу.

Для сопоставительного анализа были использованы статьи современных китайских литературоведов. В статье Пэй Сяовэя «Несколько вопросов о Су Маньшу» дан анализ литературной деятельности Су Маньшу с 1905 года и до смерти в 1918 году [Пэй Сяовэй, 1980]. При тщательном рассмотрении практически всего корпуса сочинений Су Маньшу критик все же не смог избежать излишней тенденциозности при оценке сочинений писателя, чье творчество пришлось на первые годы после свержения маньчжурской династии 1911 года.

Чжоу Бинчэн в статье «Ранние рассказы Юй Дафу и западная романтическая литература» [Чжоу Бинчэн, 1985] прослеживает историю увлечения молодых китайских литераторов романтизмом во втором десятилетии XX века и дает сравнительный анализ особенностей романтизма европейской литературы и той национальной специфики, которую приобрело это течение в творчестве Юй Дафу.

В статье «Проявление романтизма», вошедшей в монографию Син Сяньси «Прозаическое творчество Юй Дафу», автор на примере прозаических сочинений Юй Дафу вскрывает истоки и эволюцию его увлечения романтическими идеями, подчеркивает авторскую индивидуальность в использовании средств гиперболизации при создании психологического портрета героев. Отмечая маркеры, относящие прозу Юй Дафу к романтическому течению, Син Сяньси выявляет субъективность письма, символизм и гиперболу при изображении главных персонажей [Син Сяньси, 1986, с. 144]. Син Сяньси отмечает в ранних произведениях Юй Дафу «стремление к непривычной выразительности» [Там же, с. 70], приводит в качестве примера повесть «Омут». Этот вывод звучит вполне обоснованно, но следует отметить, что «непривычная выразительность» в исследуемый период была отличительной чертой не только Юй Дафу, но и Го Можо, Сюй Дишаня, Бинсинь, склонявшихся к романтической творческой манере. Во многом поиск новых средств выразительности объяснялся желанием молодых поэтов и прозаиков продемонстрировать новые художественные средства и их отказ от канонических художественных приемов конфуцианской литературы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Литературный процесс в начале 20-х годов

В отличие от Европы, где романтизм и реализм были «ведущими методами или направлениями в литературе XIX века» [Тынянов, с. 269] и их

преемственность, взаимодействие и противостояние определяли основное литературное содержание эпохи, китайский романтизм рождался в первые два десятилетия XX века. Литературный процесс в Китае в эти годы типологически был схож с литературным развитием в Японии после буржуазной революции Мэйзи (1868). В Китае после Синьхайской революции 1911 года развитие литературы также было ускоренным, что привело к «неполноценности данного этапа, недоразвитости всех его составляющих и для него характерных элементов. Одно направление, не успев как следует развиваться, быстро уступало место другому» [Цит. по: Рехо, 1994, с. 585].

Так же как и в Японии, ускоренное развитие литературы в Китае во многом было определено контактами как с самой Японией, так и с европейскими странами. Хотя культурное взаимодействие Китая с Западом датируется самым концом XV века, когда в стране появились христианские миссионеры, однако о полноценном литературном взаимодействии следует говорить только с середины XIX века. На Китай распространяется общая для восточных стран закономерность: «... взаимодействие литератур Востока и Запада в новое время требовало определенных предпосылок, готовность литературы, писателей к восприятию и усвоению чужих ценностей. Эта готовность подразумевала также созревание прогрессивных сил, которые могли бы противостоять консервативным элементам, традиционализму» [Айзенштейн, 1994, с. 659].

Определяющим фактором сильного традиционалистского влияния в культуре и литературе Китая еще в начале XX века стало господство конфуцианской идеологии, пронизывающей все слои общества. Только в 1917 году, через несколько лет после отмены экзаменов на получение государственной должности, в основе которых было подтверждение знаний конфуцианских канонов, а также в результате свержения маньчжурской династии в 1911 году, когда закончилось преследование инакомыслия, в литературе Китая начался стремительный переход от литературы традиционалистского типа к новой литературе. На протяжении двух десятилетий в литературе Китая сосуществовали несколько литературных направлений: сентиментализм, романтизм и реализм (до конца 30-х годов XX века китайские литературоведы называли его «натурализмом» (*цзыжань чжун*)).

Поиски новых способов творческого выражения, ставшие доминантой литературного процесса в первые десятилетия XX века, в Китае, так же как в Японии, Индии, привели к увлечению романтизмом. Восприятие нового художественного метода отличалось «особым импульсом в момент рецепции романтизма восточным художественным сознанием, <...> вместе с романтизмом он [Восток. — Н. З.] воспринял у Запада <...> новый взгляд

на самого себя, свой образ, созданный западной поэзией и мыслью» [Пригарина, 1992, с. 87].

Новый, непривычный для читателя взгляд на самого себя впервые в китайской литературе появился в повести Су Маньшу «Одинокий лебедь» (1912). Дальнейшее признание романтических идей, как наиболее созвучных мыслям китайских беллетристов, совпало с процессом создания писательских сообществ, деятельность которых в значительной степени определила литературную жизнь страны на ближайшие десятилетия. Главными из литературных объединений были «Общество изучения литературы» («Вэньхуа яньцзю хуэй») и «Творчество» («Чуанцзао шэ»), оба основаны в 1921 году. Как подчеркивают исследователи китайской литературы, часто пристрастия в сфере западной литературы определяли эстетические установки того или иного объединения [Чжоу Бинчэн, 1985, с. 83; Hsia, 1961, p. 56—57]. Так, для писателей «Общества изучения литературы», на многих участников которого оказала влияние русская и западноевропейская литература, это критический реализм. Прозаики и поэты, входившие в литературное объединение «Творчество» («Чуанцзао»), «провозгласили своими эстетическими принципами романтизм, декадентство и экспрессионизм» [Захарова, 2019, с. 169], они придерживались субъективно-идеалистических взглядов и создавали свои сочинения в духе романтизма. Объединяло участников этих двух групп изменение социолингвистической ситуации в Китае, связанное с официальным признанием разговорного языка *байхуа*, а также увлечение западными литературными направлениями.

Участникам общества «Творчество» — Юй Дафу, Го Можо (1892—1978), Чжан Цышину (1893—1959), Чэн Фанъу (1897—1984) — была близка романтическая эстетика, в центре которой — «творческий субъект, гений, убежденный в универсальности своего видения действительности (“мир души торжествует победу над внешним миром” — Гегель)»; в их творчестве на первый план выдвигались личностные элементы романтизма, то есть «экспрессивность и метафоризм стиля, лиризм жанров, субъективность оценок, культ воображения, которые мыслятся единственным инструментом постижения реальности и т. д.» [Категории поэтиск ..., 1994, с. 34—35].

Литераторы, называвшие себя приверженцами романтического течения, в своем творчестве не отказывались от художественных особенностей классической китайской литературы. Связь китайского романтизма с традиционной литературой признает исследователь литературы этого периода Л. Е. Черкасский [Черкасский, 1972, с. 131]. Китайские романтики сохраняли образную систему, не изменявшуюся на протяжении столетий, типологические характеристики главных персонажей, не могли избежать схематизма в обрисовке второстепенных персонажей. Тем не менее на при-

мере прозы Су Маньшу и Юй Дафу видно, что, несмотря на национальные особенности китайского романтизма, явные на первой стадии его становления, можно говорить о его типологическом сходстве с романтизмом европейских литератур.

3.2. Элементы романтизма в творчестве Су Маньшу

В самом жизненном пути Су Маньшу были заложены предпосылки его будущего увлечения идеями романтизма. Он родился в Японии в семье китайского торговца, мать его была японкой. Его детство пришлось на годы японо-китайской войны (1894—1895), и будущий писатель в полной мере испытал унижения со стороны своих сверстников — как японских, когда он жил в Иокагаме, так и китайских в Шанхае, которые видели в нем чужого [Семанов, 1971, с. 5]. В Шанхае Су Маньшу поступает в китайскую школу, в которой еще сохранилась традиционная система образования (она будет отменена в 1905 году), но отец, желая приобщить сына к европейской культуре, пригласил ему в наставники европейского миссионера для обучения английскому и французскому языкам. Католический проповедник познакомил подростка с поэзией Джорджа Ноэла Гордона Байрона (1788—1824), Су Маньшу впоследствии признавал его влияние на собственное творчество и называл себя «китайским романтиком». Су Маньшу увидел в Байроне сильную личность, проявлявшую свои устремления, не скованную идеологическими запретами. Демонстрация индивидуальной свободы, открытое выражение чувств были неожиданны для молодых китайцев, привыкших к запретам, налагаемым конфуцианской моралью. Образ английского поэта-революционера вызывал двойственные чувства у молодого человека. Это было как чувство неприятия: он видел в Байроне представителя нации, проводившей колониальную политику в отношении Китая, — так и чувство восхищения его революционными устремлениями.

Увлечению романтизмом способствовало знакомство с творчеством Виктора Гюго (1802—1885). Су Маньшу вместе с своим другом, будущим революционером Чэнь Дусю (1879—1942) перевел с японского на китайский язык его роман-эпопею «Отверженные» и опубликовал в 1903 году. Строго говоря, это был не перевод, а переложение, название романа было изменено на «Мир скорби», текст подвергся значительному сокращению [Су Маньшу, 1921], но впоследствии Су Маньшу признавал влияние романтических идей Гюго на свое творчество.

Собственный жизненный опыт Су Маньшу воплотил в повести «Одинокый лебедь» [Су Маньшу, 1912], где в главного героя, молодом японце Сабуро, читатель узнает многие черты самого писателя. В этом произведении впервые в китайской литературе проявились новые для нее особенности европейской романтической прозы. Во-первых, Су Маньшу отступает

от традиционной для китайской прозы формы многоглавого (*чжанхуэй ся-ошо*) и обличительного (*цяньцзэ сяошо*) романов, получивших распространение в начале XX века. Это повесть, состоящая из двадцати семи глав, лишенная зачина и послесловия, разительно отличается от традиционного китайского романа. Большая часть текста отведена подробному описанию дум и переживаний героя. Сабуро по характеру, поведению, взаимодействию с окружающими напоминает героев романтических произведений европейской литературы. Подобно им, он постоянно «предается печальным думам», глаза его часто орошаются слезами. В отличие от привычной читателям китайской «любовной прозы» (*кайцин сяошо*) начала века, где в роли главного героя всегда выступал «талантливый юноша», Сабуро — монах буддийского монастыря, отправляющийся на поиски своей матери. Он постоянно пребывает во власти мрачных и трагических мыслей о своем одиночестве: «Говорят, у меня нет матери. Неужели я сирота? Нет, нет. После смерти отца, вырастившего меня, я одинок. В тиши, когда лишь ветер волнует ветви деревьев и моросит мелкий дождь, я слышу материнский голос» [Су Маньшу, 1912] (здесь и далее перевод наш. — Н. 3.). Сабуро не расстается с книгами своих любимых английских романтиков — Байрона и Шелли. Су Маньшу часто вставляет в текст отрывки из их поэм на английском языке. В духе романтических сочинений европейских беллетристов, Сабуро испытывает моральные терзания: он влюбляется в девушку-японку, которая пленяет его своей внешней утонченностью и внутренним совершенством, но должен хранить верность своей китайской невесте, с которой был помолвлен вопреки своему желанию.

В создании духовного образа главного персонажа повествования проявилась новизна художественного стиля Су Маньшу. Впервые в китайской литературе была сделана попытка представить психологический портрет героя. В классической литературе не было принято создавать индивидуальный портрет героя, образы отличались схематичностью. Традиционно о персонаже можно было судить только по его поступкам. Су Маньшу был первым, кто попытался обратиться к психологическому рисунку. Описания переживаний Сабуро часто связаны с картинами природы: «Душа стремилась ввысь. Моими собеседниками были луна и свеча на столе. Когда пламя свечи угасло, я вздохнул: “Сегодня ночью луна яснее воды, а завтра может скрыться за тучами”» [Су Маньшу, 1912].

Стилистика повести позволяет автору вести повествование от первого лица, что было своего рода декларацией отрицания канонов традиционной литературы, не разрешавших замены в тексте имени персонажа местоимением. Су Маньшу использует два иероглифа для обозначения местоимения первого лица: *юй* (余) и *у* (吾), причем если первый из них близок к разго-

ворному языку и имеет уничижительное значение, то второй используется в классических конфуцианских текстах, например в «Беседах и суждениях («Луньюй») Конфуция.

Как пишет исследователь литературного процесса в Китае в новое время В. И. Семанов, «у Су Маньшу отчетливее, чем у его современников, ощущается переход от просветительской литературы, характерной для рубежа XIX—XX веков, к романтизму, отдельные черты которого заметны еще в древнем и средневековом китайском наследии [Семанов 1974, с. 9]. Так же, как и просветители, например, У Вояо, Лян Цичао, Лу Лянчэн, романтики смотрели на национальный литературный процесс как на движение вспять и высоко ценили переводную литературу. Они же обратились к теоретическим обоснованиям новаций в области литературы. Так, Сюй Няньцы первым определил видовые рамки прозы и применил современный термин *жанр* (*тицай*), справедливо считая, что «более полное проявление жанровых особенностей (романа, рассказа, записок и т. д.) — одно из направлений совершенствования прозы» [Цит. по: Семанов, 1964, с. 190]. Теоретическим изысканиям просветителей Су Маньшу дает практическое применение: переходит на жанры рассказа и новеллы, намеренно сокращая объем любимого просветителями жанра — многоглавого романа.

Лу Синь (1881—1936), стоявший у истоков современной китайской литературы, писал об отсутствии трагизма в китайской прозе. В повести Су Маньшу «Одинокий лебедь» трагизм судьбы героя стал лейтмотивом повествования: умирают его китайская невеста и кормилица, Сабуро решает вернуться в монастырь и принять обет безбрачия.

Новаторство Су Маньшу проявилось не только в новых формальных признаках его сочинения, но и в том, что он усложнил характер героев и сделал повествование более динамичным. Новации проявились и в нескрываемом преклонении главного героя перед объектом своих любовных чувств — типологическая особенность европейских романтических произведений, немыслимая для китайской классической прозы. Су Маньшу пишет от имени своего героя: «Когда я впервые услышал нежный голос Киёко, увидел ее вишневые губы, я замер в восхищении. Душа как-будто оставила меня» [Су Маньшу, 1912]. Такое описание чувств было вызовом конфуцианским канонам поведения юношей и девушек, обязанным скрывать свои эмоции. До начала XX века о любовных переживаниях героев читатель догадывался по намекам, цитатам из классической поэзии, отсылкам к жизнеописаниям исторических личностей.

Свои сочинения Су Маньшу создавал по образцам прозы чувств (言情小說), что, по мнению китайского литературоведа Пэй Сяовэй, сближает его с авторами жанра «прозы об уточках-мандаринках и бабочках» («鴛

鸯蝴蝶), распространенной в первое десятилетие XX века [Пэй Сяовэй, 1980, с. 199]. Однако Су Маньшу сумел избежать недостатков этой прозы — примитивности фабулы и небрежности при прорисовке образов героев. В то же время при описании внешности героини — японки Киёко, в которую влюбляется Сабуρο, — Су Маньшу использует традиционный набор эпитетов. Сабуро называет Киёко «нефритовой красавицей», которая «*плывет по земле, подобно бессмертной фее*» [Су Маньшу, 1912]. У нее «*вишневые губы*», «*нежные как травинка, руки*», ее лицо, обрамленное шелковистыми волосами, «*напоминает луну среди облаков*». Японка Киёко, как ее рисует Су Маньшу, внешне не отличается от героинь романов о «бабочках и утках-мандаринках и бабочках». Традиционные схемы китайских любовных романов, например, «Сна в Красном тереме» Цао Сюэциня (XV век), сказываются на изображениях романтических отношений героев «Одинокого лебедя». Сабуро и Киёко преисполнены любовного томления, но не осмеливаются раскрыть свои чувства, поступают так же, как Цзя Баоюй и Лин Дайюй, для которых «сначала должна быть помолвка, а потом любовные чувства» [Пэй Сяовэй, 1980, с. 214].

Это сочетание романтических черт повествования и типологических особенностей отечественной беллетристики при изображении персонажей стало одним из маркеров сочинений Су Маньшу и последователей его творческого приема.

3.3. Романтизм в творчестве Юй Дафу

Формирование нового творческого метода, сочетавшего черты европейского романтизма и постулаты китайской философии даосизма, получило развитие в прозе Юй Дафу, первое произведение которого увидело свет в 1921 году, то есть через девять лет после публикации «Одинокого лебедя» Су Маньшу.

Биография Юй Дафу во многом повторяет описание жизненного пути Су Маньшу. Хотя Юй Дафу родился чистокровным ханьцем, его детство было таким же безрадостным, как и у его предшественника. Причина была другая — бедность. В пятнадцать лет Юй Дафу уезжает учиться за казенный счет в Японию, а там страдает от унижения и презрения как представитель нации побежденного государства, живущий в стране-победительнице. Подобное чувство национальной неполноценности преследовало и главного героя первой повести Юй Дафу «Омут» («Чэньлунь») — китайского студента, который учится в Японии. Мнительный и замкнутый по натуре, он отталкивает от себя однокашников, отвергает их дружбу. Так же, как герои романтических повествований западной литературы, он противопоставляет себя обществу, ищет одиночества, погружен в мучительный анализ своего духовного состояния. Исследователь творчества Юй Дафу и переводчик

его прозы В. С. Аджимамудова видит в художественном методе Юй Дафу сочетание европейских сентиментализма и романтизма, «которые воспринимались Юй Дафу исключительно как свобода самовыражения, описание чувств» [Аджимамудова, 1971, с. 131]. Исследователь объясняла преклонение протого героя «Омута» перед красотой природы особенностью творческой манеры Юй Дафу, которую характеризовала как «сентиментально-романтическую (сентиментализм от увлечения идеями Руссо, его концептом природы естественного человека, преклонением перед красотой природы, апологией чувств, взглядом на литературу, как на средство эмоционального воздействия на человека) — все эти черты руссоистской эстетики органично вошли в творчество Юй Дафу» [Там же, с. 129]. На наш взгляд, здесь следует говорить о влиянии традиционной китайской философии даосизма. Ее влияние испытали многие китайские литераторы начала XX века.

В повести Юй Дафу «Омут» так же, как и в «Одинокое лебедь» Су Маньшу, превалирует автобиографический элемент. Склонность к автобиографическому письму была особенностью многих молодых китайских литераторов десятих-двадцатых годов XX века. К их числу можно отнести Бинсинь (1900—1999), Е Шэнтао (1894—1988), Сюй Дишаня (1891—1943). Субъективный стиль автобиографий давал им возможность раскрыть духовное состояние персонажей. В повести «Омут», рассказах «Кровь и слезы», «Весенние ночи», «Поздние цветы коричневого дерева» Юй Дафу демонстрирует стремление к беспощадной откровенности, глубину психологического анализа и пристрастие к изображению болезненных состояний духа.

Субъективизм новой прозы воспринимался читателями как вызов конфуцианской литературе, видевшей в каждом отдельном человеке не личность, а единицу общества, не имевшую своей индивидуальности. Главный персонаж повести «Омут» обозначен местоимением «он» (他), что также было непривычно для китайского читателя. Даже во внутренних монологах главный персонаж крайне редко употребляет личное местоимение первого лица «я», но в то же время предельно откровенно рассказывает о своих чувствах: *«Мне нужна женская любовь! О, небо, небо! Не прошу у тебя ни знаний, ни славы, ни бесполезного богатства. Если бы из своего Эдема ты подарило мне Еву, чтобы ее тело и душа принадлежали мне, мне этого было бы достаточно»* [Юй Дафу, 1982, с. 23—24].

Главный персонаж «Омута» сочетает типологические черты романтического героя европейской литературы и мечты конфуцианского книжника: бегство от действительности и желание почувствовать себя во времена эпохи Конфуция. Он уходит из студенческого общежития и снимает комнату в уединенном жилище, радуясь, что «жизнь вдали от суеты мелких люди-

шек в спокойном месте будет безмятежной, как это происходило в древнем Китае» [Там же, с. 31]. Однако место, выбранное им для уединенной жизни, оказывает разрушающее влияние на его психику, оно, подобно омуту, засасывает его, лишает способности к действиям, пагубно сказывается на здоровье. С приходом весны героем полностью овладевают мысли о любви, в поисках которой он оказывается в заведении с сомнительной репутацией.

Герой повести постоянно пишет о своих моральных страданиях. Как отмечает Л. Е. Черкасский, «интересной особенностью китайского романтизма, тесно связанной с традициями отечественной литературы, можно считать возведение страдания в культ. Этот культ, свойственный и символистам, питался традиционными для китайской классики “беспричинными столами”, <...> игрой по всем правилам романтического искусства вообще и китайской традиции в особенности» [Черкасский, 1972, с. 131].

Конфликт между реальностью и зыбким миром мечтаний приводит героя «Омута» к решению о самоубийстве.

Герой рассказа «Поздние цветы коричневого дерева» («迟花香气») удаётся побороть чувство «запретной любви» — к сестре своего друга, оставшейся вдовой. В этом рассказе, созданном через несколько лет после «Омута», типологические особенности романтизма постепенно вытесняются элементами реалистического письма. Герой страдает от неразделенной любви, но влечение к объекту чувств носит не платонический, а эротический характер: «У Лянь (сестры друга. — Н. З.) была чудесная фигура. <...> Я любовался ее бедрами, тонкой талией, точеной шеей. Особенно мне нравились ее полные руки, смуглые и мягкие» [Юй Дафу]. Герой ассоциативно вспоминает молодую женщину — героиню немецкого романтика Вильгельма Йенсена «Смуглая Эрика» и думает о том, что ее жизнь закончилась печально. Но Лянь не понимает любовного порыва героя, ей далеки его романтические чувства: она воспитана по строгим конфуцианских правилам, запрещавшим повторный брак вдовам.

В рассказе Юй Дафу использует маркеры классической прозы о чувствах: это и продолжительные прогулки вдвоем с описанием красот горных пейзажей, посещение монастыря; герой и Лянь вырезают свои имена на стволах бамбука, символически заключив братский союз. В финале рассказа герой забывает о своих мрачных мыслях, посещавших его, когда он представлял себя романтическим героем, и испытывает радость, что у него появилась «старшая сестра».

4. Заключение = Conclusion

В конце XIX века — первые два десятилетия XX века литература Китая переживала исторически более позднюю, по сравнению с западными страна-

ми, стадию литературного развития. Знакомство с европейской культурой через переводы философских трудов и беллетристики создало благоприятные условия для ускоренного развития литературной мысли Китая. Анализ творчества двух популярных писателей этого исторического периода — Су Маньшу и Юй Дафу — позволяет сделать вывод о том, что романтизм в китайской художественной прозе становится одним из лидирующих направлений.

Оба литератора называли себя романтиками, но причины увлечения художественным методом были разными.

Су Маньшу импонировали новые жанровые особенности: биография, но не повествующая об исторической личности, что было узаконено традиционалистской литературой, а написанная от лица автора повествования.

Юй Дафу привлекала в романтическом художественном стиле возможность использовать необычные для китайской словесности выразительные средства. В то же время романтические сочинения обоих литераторов несут маркеры национальной принадлежности. У Су Маньшу — в описании женских персонажей, у Юй Дафу — в использовании картин природы для передачи настроения героев.

Увлечение романтизмом сыграло особую роль в дальнейшем художественном развитии Су Маньшу и Юй Дафу, способствовало формированию и утверждению нового мировоззрения, в котором сочетались два ценностных полюса: традиционный, заложенный классическим образованием, и новый, воспринятый через зарубежную культуру и литературу.

Романтическая эстетика короткой повествовательной прозы и эссеистики Су Маньшу и Юй Дафу — тема, еще не ставшая объектом научного интереса российского синологического сообщества. Эта тема имеет большое значение для понимания эволюции литературного процесса в Китае в первой четверти XX века. В то же время становление романтического направления в китайской литературе недостаточно изучено российскими синологами и имеет перспективы дальнейшего исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. *Пэй Сяовэй*. Несколько вопросов о Су Маньшу / Пэй Сяовэй // Изучение современной литературы Китая. — Пекин : Издательство Чжунго вэньянь чубань гунсы, 1980. — С. 170—219. (裴效维. 苏曼殊研究中的几个问题. — 北京 : 中国文联出版公司, 1980. — 170—219页).

2. *Син Сяньси*. Проявление романтизма / Син Сяньси // Прозаическое творчество Юй Дафу. — Пекин : Издательство Бэйцзин чубаньшэ, 1986. — 222 с. (幸宪锡. 浪漫主义的艺术表现手法 / 郁达夫的小说创作. — 北京: 北京出版社, 1986.). — 222 页.

3. *Су Маньшу*. Одинокий лебедь (苏曼殊. 断鸿零雁记) [Электронный ресурс] / Су Маньшу. — 1912. — Режим доступа : http://www.360doc.com/content/20/0802/09/27279192_928095311.shtml (дата обращения 11.05.2023).
4. *Су Маньшу*. Мир скорби / Су Маньшу. — Шанхай : Издательство Циньдун тушунцзюй, 1921. — 106 с. (苏曼殊. 悲惨世界. — 上海: 秦东图书局, 1921. — 106 页).
5. *Чжоу Бинчэн*. Ранняя проза и Юй Дафу и западная романтическая литература / Чжоу Бинчэн // Изучение современной литературы Китая. — октябрь 1985. — № 25. — С. 82—102. (周炳成. 郁达夫前期小说与西方浪漫主义文学. 中国现代文学研究. — 总第25辑. — 1985. — 82—102 页).
6. *Юй Дафу*. Собрание прозы / Юй Дафу. — Ханчжоу : Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1982. — Т. 1. — 407 с. (郁达夫. 小说集. 第一卷. 杭州: 浙江人民出版社, 1982. — 407 页).
7. *Юй Дафу*. Поздние цветы коричневого дерева (郁达夫. 迟桂花) [Электронный ресурс] / Юй Дафу. — Режим доступа : 百度文库 (дата обращения 11.05.2023).

Литература

1. *Аджимамудова В. С.* Юй Дафу и литературное общество «Творчество» / В. С. Аджимамудова. — Москва : Наука, 1971. — 192 с.
2. *Айзенштейн Н. А.* Литературы Ближнего и Среднего Востока. Введение / Н. А. Айзенштейн // История всемирной литературы в девяти томах. — Москва : Наука, 1994. — Т. 8. — С. 659—662.
3. *Захарова Н. В.* Литературный процесс в Китае в первой четверти XX в. Эволюция прозаических жанров / Н. В. Захарова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2019. — 336 с. — ISBN 978-5-9208-0603-1.
4. *Категории* поэтик в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — Москва : Наследие, 1994. — С. 3—38.
5. *Пригарина Н. А.* Восточный романтизм в диалоге Востока и Запада / Н. А. Пригарина // Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада. — Москва : «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1992. — Выпуск 1. — С. 87—100.
6. *Рехо К.* Японская литература / К. Рехо // История всемирной литературы в девяти томах. — Москва : Наука, 1994. — Т. 8. — С. 585—600.
7. *Семанов В. И.* Су Маньшу и его творчество / В. И. Семанов // Одинокий лебедь. — Москва : Художественная литература, 1971. — С. 5—11.
8. *Семанов В. И.* Теория прозы в Китае на рубеже XIX—XX веков / В. И. Семанов // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. — Москва : Наука, 1964. — С. 161—206.
9. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — С. 269.
10. *Черкасский Л. Е.* Новая китайская поэзия (20 — 30-е годы) / Л. Е. Черкасский. — Москва : Наука, 1972. — 496 с.
11. *Hsia C. T.* A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957 / C. T. Hsia. — New Haven : Yall-University Press, 1961. — 726 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023,
одобрена после рецензирования 12.08.2023,
подготовлена к публикации 24.08.2023.

Material resources

- Pei Xiaowei. (1980). A few questions about Su Manshu. In: *The study of modern Chinese literature*. Beijing: Zhongguo wenlian chuban gongsi Publishing House. 170—219. (In Chine.).
- Su Manshu. (1912). *The Lonely Swan*. Available at: http://www.360doc.com/content/20/0802/09/27279192_928095311.shtml (accessed 11.05.2023). (In Chine.).
- Su Manshu. (1921). *The World of sorrow*. Shanghai: Qingdong Tushuju Publishing House. 106 p. (In Chine.).
- Xing Xianxi. (1986). Manifestation of Romanticism. In: *Prose creativity of Yu Dafu*. Beijing: Publishing house of Beijing chubanshe. 222 p. (In Chine.).
- Yu Dafu. (1982). *Collection of prose, 1*. Hangzhou: Zhejiang Renmin chubanshe. 407 p. (In Chine.).
- Yu Dafu. *Late flowers of the cinnamon tree*. Available at: (accessed 11.05.2023). (In Chine.).
- Zhou Bingcheng. (1985). Early prose and Yu Dafu and Western romantic literature. *The Study of modern literature in China*. Oct, 25: 82—102. (In Chine.).

References

- Ajimamudova, V. S. (1971). *Yu Dafu and the literary society "Creativity"*. Moscow: Nauka. 192 p. (In Chine.).
- Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grinzer, P. A., Mikhailov, A. V. (1994). Categories of poetics in the change of literary epochs. In: *Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness*. Moscow: Heritage. 3—38. (In Chine.).
- Cherkassky, L. E. (1972). *New Chinese poetry (20 — 30s)*. Moscow: Nauka. 496 p. (In Chine.).
- Eisenstein, N. A. (1994). Literature of the Near and Middle East. Introduction. In: *History of World Literature in nine volumes, 8*. Moscow: Nauka. 659—662. (In Chine.).
- Prigarina, N. A. (1992). Eastern Romanticism in the dialogue of East and West. In: *Interaction of cultures and literatures of East and West, 1*. Moscow: Nauka, The main editorial Office of Oriental Literature. 87—100. (In Chine.).
- Reho, K. (1994). Japanese literature. In: *The History of World Literature in nine volumes, 8*. Moscow: Nauka. 585—600. (In Chine.).
- Semanov, V. I. (1971). Su Manshu and his creativity. In: *Lonely Swan*. Moscow: Fiction. 5—11. (In Chine.).
- Semanov, V. I. (1964). Theory of samples in China at the turn of the XIX—XX centuries. In: *Problems of theory of literature and statistics in the countries of the East*. Moscow: Nauka. 161—206. (In Chine.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. The history of literature. Cinema*. Moscow: Nauka. P. 269. (In Chine.).
- Xia, K. T. (1961). *History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957*. New Haven: Yall—University Press. 726 p. (In Chine.).
- Zakharova, N. V. (2019). *The literary process in China in the first quarter of the twentieth century. The evolution of prose genres*. Moscow: IMLI RAS. 336 p. ISBN 978-5-9208-0603-1. (In Chine.).

*The article was submitted 18.06.2023;
approved after reviewing 12.08.2023;
accepted for publication 24.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Косарева А. А. Арлекинадный гротеск в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» / А. А. Косарева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 228—244. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-228-244.

Kosareva, A. A. (2023). Harlequinade Grotesque in D. H. Lawrence's Novel 'Lady Chatterley's Lover'. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 228-244. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-228-244. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-228-244

Арлекинадный гротеск в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»

Косарева Анна Александровна

orcid.org/0000-0002-9712-9251

кандидат филологических наук, доцент
кафедры лингвистики
и профессиональных коммуникаций
на иностранных языках
kosareva.anna@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Harlequinade Grotesque in D. H. Lawrence's Novel 'Lady Chatterley's Lover'

Anna A. Kosareva

orcid.org/0000-0002-9712-9251

PhD in Philology, associate professor,
Department of Linguistics and
Professional Communications
in Foreign Languages
kosareva.anna@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Косарева А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена интерпретации романа Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». Основанием для прочтения романа в карнавальном ключе становятся как факты биографии Лоуренса, так и наличие карнавальных прочтений других его произведений в последние три десятилетия. Исследование арлекинадной образности в романе позволяет охарактеризовать «лоуренсианский» арлекинадный гротеск и его роль в отражении мировоззрения писателя. Посредством анализа образов героев автор устанавливает сходство Меллорса, Конни и Клиффорда с Арлекином, Коломбиной и Пьеро. Выявляются аллюзии на популярные в XVIII и XIX веках пантомиму и фарс — «Веселый Шервуд, или Арлекин-лесник» (1795) О'Кифа и «Пьеро-халтурщик» (1882) Лафорга. Кроме того, выдвигается гипотеза о причинах выбора писателем определенных имен для своих персонажей. В частности, предлагается версия, согласно которой своим именем образ Клиффорда Чаттерлея обязан Клиффорду Эссексу — самому популярному исполнителю роли Пьеро в Англии начала XX века. Автор доказывает, что в романе Лоуренс воспроизводит сюжет и композицию английской пантомимы с целью противопоставить буффонный смех мрачным аспектам реальности Англии 1920-х.

Ключевые слова:

Лоуренс; карнавал; пантомима; арлекинад; Арлекин; Пьеро; Коломбина; гротеск; маска.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the interpretation of D. H. Lawrence's novel 'Lady Chatterley's Lover'. The basis for reading the novel in a carnival key is provided by both the facts of Lawrence's biography and the presence of carnival interpretations in his other works in recent decades. The study of the harlequinade imagery in the novel makes it possible to characterize the 'Lawrentinian' harlequinade grotesque and its role in reflecting the writer's worldview. Through the analysis of the characters, the author establishes similarities between Mellors, Connie, and Clifford with Harlequin, Columbine, and Pierrot. Allusions to popular pantomimes and farces of the 18th and 19th centuries, such as 'Merry Sherwood, or Harlequin-Forrester' (1795) by O'Keeffe and 'Pierrot Fumiste' (1882) by Laforgue, are identified. In addition, a hypothesis is put forward regarding the reasons for the writer's choice of specific names for his characters. In particular, a version is proposed according to which the character Clifford Chatterley owes his name to Clifford Essex — the most popular performer of the Pierrot role in England at the beginning of the 20th century. The author argues that in the novel, Lawrence reproduces the plot and composition of English pantomime in order to contrast buffoonish laughter with the grim aspects of England's reality in the 1920s.

Key words:

Lawrence; carnival; pantomime; harlequinade; Harlequin; Pierrot; Columbine; grotesque; mask.

Арлекинадный гротеск в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»

© Косарева А. А., 2023

1. Введение = Introduction

Когда роман «Любовник леди Чаттерлей» впервые вышел в печать, единственным критиком, похвалившим его, был Эдмунд Уилсон. Остальные были возмущены, и причиной их гнева были эротические сцены: ни один английский писатель доселе не осмеливался столь детально описывать интимную близость между мужчиной и женщиной. В конце 1930-х за роман вступились Олдос Хаксли, Эдвард Морган Форстер и Арнольд Беннетт: все эти выдающиеся литераторы объявили Лоуренса одним из лучших современных писателей. В противовес их похвалам Джеймс Джойс намекнул, что «Любовник леди Чаттерлей» — не более чем подражание дешевой французской порнографии, а Т. С. Элиот и вовсе назвал Лоуренса и его читателей душевнобольными людьми. В 1940-е роман был опубликован в США, но единственными критиками, решившимися дать книге благосклонные отзывы, были Уистен Хью Оден и Генри Миллер [Buckley, 1993, p. 17—18]. В 1950-е большинство критиков сходились на том, что роман Лоуренса отличался дурновкусием и, кроме того, был квазирелигиозным и алогичным. В частности, невысокого мнения о творении Лоуренса был английский прозаик и критик Ричард Олдингтон. Даже Фрэнк Реймонд Ливис, выдающийся английский литературовед, специализировавшийся на исследовании творчества Лоуренса, в то время не решился похвалить скандальный шедевр своего кумира [Buckley, 1993, p. 18]. 1960-е были богаты на биографические, символические и психоаналитические толкования романа, 1970-е и 1980-е — на феминистские и марксистские трактовки, а также интерпретации с позиций структурализма и даже мистицизма. В этот период роман подвергался особенно экстравагантным нападкам: Кейт Миллер увидела в «Любовнике леди Чаттерлей» противную ей идею мужского доминирования, Джон Уортен заявил, что Лоуренс и сам не понимал, чего ждёт от своего детища, а Марк Спилка предположил, что писатель создал образ Меллорса, чтобы очиститься от высокомерия и своеволия [Buckley, 1993, p. 21]. В тот же период, в начале 1980-х, наметился тренд трактовать произведения Лоуренса в «бахтинском» ключе. Лоуренс, в котором прежде видели лишь мрачного философа и проповедника, был

заново открыт: литературоведы обратили пристальное внимание на комические, фарсовые, сатирические и гротескные элементы в его творчестве. Появилось мнение, согласно которому все романы Лоуренса, написанные в 1920-х, можно и нужно трактовать через призму карнавальной эстетики [Burden, 2000, p. 154—155].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье предлагается «карнавальная» интерпретация романа «Любовник Леди Чаттерлей», цель которой — раскрыть комический и гротескный потенциал романа. Методологию статьи составляют сравнительно-исторический, культурно-исторический и интертекстуальный методы. В начале романа есть фраза: «*the field of life is largely an artificially-lighted stage today*» [Lawrence, 2005, с. 31] («поле жизни сегодня в значительной степени представляет собой сцену с искусственным освещением») (здесь и далее перевод наш. — А. К.). Сам Лоуренс предлагает читателю рассматривать и оценивать происходящее через призму театральной эстетики. Учитывая любовь писателя к итальянским карнавалам и итальянской комедии масок (см. «Сумерки в Италии» (1916)), его знакомство с английской пантомимой [Green et al., 1993, p. 252] и тот факт, что свой трактат о психоанализе «Фантазия на тему о бессознательном» (1922) он изначально планировал назвать «Арлекинадой бессознательного» [Ellis et al., 2009, p. 73], можно предположить, что одним из элементов «лоуренсианского» интертекста является арлекинада, а любовный треугольник «Меллорс — Конни — Клиффорд» своим рождением обязан Арлекину, Коломбине и Пьеро. Обращение к образам комедии дель арте в романе о супружеской неверности могло представляться Лоуренсу логичным ходом, ведь супружеская измена и её последствия — самый популярный сюжет комедии дель арте [Rudlin, 2022, p. 22].

В Англии 1910—1920-х увлечение комедией дель арте было знаком принадлежности к лондонской богеме и элите [Green et al., 1993, p. 15]. Денди того времени любили всё, что было связано с барокко, комедией дель арте и византийской живописью, и Д. Г. Лоуренс полагал, что именно они научили Англию быть молодой. Английская пантомима того времени представляла собой красочное театральное действо, состоявшее из двух частей: «серьёзной» (политической, философской, исторической, религиозной, или сказочной) и «веселой» (состоящей из комических сценок с участием Арлекина, Коломбины, Панталоне, Полицейского, Пьеро или Клоуна). Отыграв «серьёзную часть», цель которой заключалась в том, чтобы заставить зрителя задуматься о «высоком», актёры сбрасывали одежды богов / исторических личностей / сказочных персонажей и оказывались в костюмах героев комедии масок. «И это снова

мы!» — восклицали они, утверждая тем самым идею всепобеждающего смеха: в человеческой жизни «высокое» неразрывно связано с «низким», причём в финале любой истории комическое, торжествует. Сюжетным ядром арлекинады было бегство влюбленных, Арлекина и Коломбины, либо от нелюбимого жениха Коломбины — Пьеро, либо от её отца / опекуна (Панталоне) и его помощников (Клоуна или Полицейского). Таким образом, арлекинада символизировала не только триумф комического, но и торжество молодости и любви.

Современники Лоуренса — Сомерсет Моэм, Лоуренс Хаусман, Харли Грэнвилл Баркер, Агата Кристи, Дороти Сэйерс, Гилберт Честертон, Гарольд Чэпин, Комптон Маккензи — были горячими поклонниками английской пантомимы и неоднократно обращались к образам и сюжетам арлекинады в своем творчестве. Лоуренс в ряду вышеупомянутых авторов — не исключение, и арлекинада в «Любовнике леди Чаттерлей», как будет показано ниже, является составной частью «арлекинадного гротеска» — литературного приёма, представляющего собой наложение эстетики комедии дель арте на описания ужасных и уродливых аспектов современности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Арлекин как прототип Оливера Меллорса

Для начала рассмотрим систему образов в романе. Меллорс, любовник леди Чаттерлей, — самый смеющийся персонаж романа Лоуренса. Для сравнения: смех Меллорса упоминается в тексте романа 21 раз, смех Конни — 11, Микаэлиса — 5, Томми Дьюкса — 3, миссис Флинт — 2, мисс Болтон — 1. Клиффорд же в романе не смеется вообще и является печальным клоуном. Неслучайно Конни называет мужа «buffon» («буффом», «клоуном», «шутом»): «*Really, if you looked closely at Clifford, he was a buffoon, and a buffoon is more humiliating than a bounder*» [Lawtence, 2005, p. 106] («Действительно, если внимательно присмотреться к Клиффорду, то станет ясно, что он буффон, а быть буффомом более унизительно, чем быть прохвостом»). «Буффонами», в частности, называют Арлекина и Пьеро, персонажей комедии дель арте.

Таким образом, Конни мысленно противопоставляет Клиффорда-буффона некому «прохвосту» («a bounder»). Кто подразумевается под «прохвостом», нетрудно догадаться: в комедии дель арте и английской пантомиме им был Арлекин. Оксфордский словарь определяет существительное *bounder* так: «человек, который ведет себя плохо и которому нельзя доверять» [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2005, p. 172] (здесь и далее перевод словарных материалов наш. — А. К.), а согласно этимологическому словарю Дугласа Харпера, *bounder* — (в британском английском)

«человек с нежелательным социальным поведением» [Online Etymology Dictionary, 2023]. Слово восходит к 1882 году и изначально обозначало человека, пытающегося прорваться в высшее общество; того, кто нарушает границы дозволенного. Если изложить мысли Конни с учетом этимологии слова *bounder*, то получится: *«Действительно, если внимательно присмотреться к Клиффорду, то станет ясно, что он буффон, а быть буффоном более унижительно, чем прохвостом, который пытается прорваться в высшее общество». Когда Конни мысленно произносит эти слова, она имеет в виду своего первого любовника, Микаэлиса — амбициозного молодого драматурга, который мечтает занять место под солнцем в аристократических и богемных кругах. Героиня и не подозревает, что и её второй любовник, Меллорс, будет соответствовать этому определению: вступая в брак с Конни, Меллорс повышает свой социальный статус и уровень доходов.

Микаэлис — персонаж, который пытается быть Арлекином и даже демонстрирует поведенческие характеристики трикстера (он циничен, насмешлив, дерзок, склонен к авантюрам), но так Арлекином и не становится. Ему не хватает «витальности», жизненной и сексуальной энергии Арлекина; он амбициозен, но слаб, и причина его слабости — в тщательно скрываемых неуверенности в себе и крайнем эгоцентризме. В некотором смысле Микаэлис с его холодностью и болезненным самолюбием гораздо ближе к Пьеро-Клиффорду, нежели Меллорсу. Напротив, Меллорс — истинный Арлекин: волшебник английской арлекинады, меняющий реальность, похищающий Коломбину и спасающий её от мрачного Пьеро.

Арлекин всегда ассоциировался в комедии дель арте с тремя животными — котом, обезьяной и змеей, так как обладал кошачьей грацией и хитростью, обезьяньей подвижностью и змеиным гипнотизмом. В романе Лоуренса Меллорс сравнивается со змеей и обезьяной. Например, он говорит о себе: «Неужели ты не понимаешь, что змеей со сломанной спиной, змеей, на которую наступили, был я сам!» [Лоуренс, 1991, р. 208]. Здесь Меллорс говорит о своём жизненном опыте, и сломанная спина — метафора пережитых потрясений.

Метафора искушения змеем из райского сада реализуется и в эпизоде лесной прогулки Конни и Клиффорда. Восхищаясь природой, Клиффорд восклицает, что «нет ничего прекрасней английской весны», а Конни мысленно критикует это восклицание: «Английская весна! А почему не ирландская, не еврейская? <...> Папоротники тянули вверх коричневые изогнутые головки, точно легион молодых змеек, спешащих шепнуть на ухо Еве новый коварный замысел» [Лоуренс, 1993, с. 186]. В оригинальном тексте романа речь идёт не столько о коварном замысле, сколько о «новом секрете» — «a new secret to whisper to Eve» [Lawrence, 2005, р. 257]. Искушае-

мой, то есть новой Евой, в данном случае является Конни, а вот змеем — Меллорс, раскрывающий героине глаза не только на сущность истинной любви, но и на различия между добром и злом. Вкусив от метафорического Древа Познания, к которому подводит её Меллорс, она начинает в полной мере осознавать всю чудовищность своего безрадостного существования. Адамом Меллорса назвать нельзя не только из-за сопоставления со змеем, но и потому, что егерь — убежденный сторонник и заступник язычества. В письме к Конни он размышляет о быте простых рабочих: «Им бы жить и веселиться, поклоняясь великому доброму Пану. Вот единственный Бог для простых смертных во все времена. Конечно, одиночки могут по желанию причислить себя к более высоким религиям. Но народ должен поклоняться языческим богам» [Лоуренс, 1993, с. 302].

Что касается сравнения с обезьяной, то Меллорс приводит его, посмеиваясь над «старухами», которые так его называют: «*I'm glad you think so. They usually tell me, in a sideways fashion, that I'm the monkey*» [Lawtence, с. 392] («Я рад, что Вы так думаете. Обычно они намекают мне на то, что я обезьяна»).

Своей «арлекинной» сущностью Меллорс обязан и английскому театру. Одной из популярных театральных комедий на английской сцене XVIII века была пантомима «Веселый Шервуд, или Арлекин-Лесник» Джона О'Кифа (1795). В этой пьесе Арлекин-егерь, проводник Робин Гуда, выступал в роли волшебника, помогавшего Робину уйти от погони и превращавшего дом в корабль, французское судно — в телегу, а лучников — в деревья. Арлекин-егерь, таким образом, заявил о себе ещё в конце XVIII века. Типологическое сходство Меллорса и Арлекина из пьесы О'Кифа подтверждается и упоминанием в романе того факта, что лес, за которым следит Меллорс, похож на Шервудский из сказаний о Робине Гуде: «Некогда лес был дремуч, в нем охотился сам Робин Гуд, некогда и нынешняя аллея была основной дорогой меж западными и восточными графствами» [Лоуренс, 1993, с. 43].

На «арлекинность» натуры Меллорса указывает и его функция в романе: способствуя чувственному пробуждению Конни, он возрождает её к жизни, причём в качестве орудия пробуждения выступает фаллос. Фаллическим является и палка-колотушка Арлекина («баточчио»), которая в английской арлекинаде модифицируется в волшебную палочку. Баточчио Арлекина — фаллический символ: режиссер и маэстро комедии дель арте Антонио Фава полагает, что баточчио — это и есть Арлекин, то есть символическое воплощение его мощной сексуальной энергии [Rudlin, 1994, с. 77]. В английской арлекинаде Арлекин использует волшебную палочку для того, чтобы трансформировать себя, других персонажей и декорации

пьесы в новые сущности [O'Brien, 2004, с. 109]. В той же степени, в какой фаллический символизм определяет Арлекина, он определяет и Меллорса — даже на уровне имени. «Mell» в английском языке — это и существительное «молоток» (*hammer*), и глагол — «вступать в связь» [Collins Dictionary, 2023]. *Оливер*, имя героя, также обладает символизмом: одно из значений существительного *oliver* в английском — «a small tilt hammer», то есть «небольшой наклонный молоток» [Webster's Revised Unabridged Dictionary, 2023]. Таким образом, и фамилия героя, и его имя акцентируют внимание читателя на сексуальной энергии персонажа, а также намекают на его генетическое родство с Арлекином. Не менее красноречива и та характеристика, которую даёт своему любовнику Конни: «*This man was so assured in himself he didn't know what a clown other people found him, a half-bred fellow*» [Lawrence, 2005, p. 242] («Такая самоуверенность, ему и в голову не придет, что в глазах людей он просто клоун, дурно воспитанный клоун» [Лоуренс, 1993, p. 175]).

До сих пор исследователи, изучавшие систему персонажей романа Лоуренса, были склонны отмечать мифологические и сказочные аллюзии в образе Меллорса. Деннис Джексон сравнил этого героя с Лесным Царем и божеством плодородия по Фрейзеру [Jackson, 1978, p. 262], А. В. Пустовалов — со сказочным рыцарем [Пустовалов, 2009, с. 133], Джером Мандель [Mandel, 1977, p. 21] и Том Рибички [Ribitzki, 2017, p. 73] — с Тристаном из легенды о Тристане и Изольде, Суджата Гурудев — с «воплощением стихийной страсти и энергии», цель которой — пробудить Спящую Красавицу, Конни [Gurudev, 2006, p. 15]. Все эти аллюзии, безусловно, присутствуют в тексте, но это не мешает им сосуществовать с арлекинадными аллюзиями. Ещё раз подчеркнем, что английская арлекинада представляла собой синтез сказочных, религиозных и исторических сюжетов с веселой буффонадой, и, соответственно, многогранность образа Меллорса, который может быть и богом, и рыцарем, и Арлекином, лишь подтверждает наличие арлекинадного подтекста в романе Лоуренса.

3.2. Пьеро как прототип Клиффорда Чаттерлея

Вернемся к образу Клиффорда — Пьеро «лоуренсианской» арлекинады. На протяжении столетий образ Пьеро обрастал характеристиками, которые подчас противоречили друг другу, и, в итоге, к началу XX века оформился в гротескный образ — комичный и пугающий одновременно. Пьеро эпохи модернизма — это поэт и денди, капризный, высокомерный, нарциссичный, мстительный, претендующий на лидерство. Он бросается из крайности в крайность: из идеалиста превращается в циника, из девственника — в насильника, из жертвы, униженного рогоносца, в убийцу неверной жены. В нём сочетаются невинность и извращенность, впечатлительность

и жестокость [Clayton, 1993, p. 36—37]. Подобную сложность образа ярко иллюстрирует фарс Жюль Лафорга «Пьеро-халтурщик» (1882): главный герой, Пьеро — поэт, дэнди и импотент, женится на юной красавице, но, чрезмерно идеализируя её, отказывается вступать с ней в сексуальные отношения. Состояние здоровья девушки стремительно ухудшается, она обращается за помощью к врачам, и заканчивается всё тем, что Пьеро насилует свою жену, а затем навеки её покидает.

Клиффорд — печальный буффон, аристократ и писатель, из-за военной травмы которого Конни вынуждена пребывать в статусе «полудевственницы», — не может не вызвать ассоциаций с Пьеро из пьесы Лафорга. Помимо импотенции и холодного идеализма, Клиффорда и Пьеро-халтурщика объединяют подспудные жестокость и садизм, которые сначала проявляются в нежелании Клиффорда нанимать сиделку, а затем в его отказе дать Конни развод. Своеобразие жестокости Пьеро эпохи модернизма и Клиффорда заключается и в том, что бессердечие этих персонажей по отношению к любимым женщинам сочетается с их фанатичной идеализацией. Пьеро-халтурщик не желает заниматься любовью со своей женой, потому что она слишком похожа на произведение искусства, а Клиффорд признаётся Конни: «Вся моя значимость — в тебе!» [Лоуренс, 1993, с. 112]. «Пьероподобное» жестокое поклонение вызывает у героини ужас: *«Она... страшилась его преклонения перед ней, слабой женщиной. Их ничто не связывало. В последнее время ни она, ни он даже не коснулись друг друга. Он больше не брал ее ласково за руку, не держал ее ладонь в своей. Но когда порвалась даже эта тонкая ниточка, он вдруг начал истязать ее своим поклонением»* [Лоуренс, 1993, с. 113].

Кроме того, как для Пьеро, так и для Клиффорда характерны резкие колебания самооценки: от самоощущения себя как «ноля», «ничтожества» до ощущения себя властелином мира. Как писал литературовед и культуролог Стефан Джонсон, Пьеро раскачивается между «отчаянной меланхолией “Я ничто!”» и «торжествующей пластичностью клоуна (“Я могу стать кем угодно!”)» [Jonsson, 2000, p. 176]. Сравним с Клиффордом, который то называет себя «нолем» и «ничтожеством» («Сам по себе я — ноль» [Лоуренс, 1993, с. 113]), то самодовольно заявляет, что мог бы управлять народом («Да, я могу управлять народом в каких-то пределах. У меня нет ни грамма сомнения» [Лоуренс, 1993, с. 185]).

В середине XIX века Пьеро французских пантомим всё чаще ассоциировался с аристократизмом и смертью: то он становился камердинером Смерти, то повешенным, то маркизом [Ashdown-Lecointre, 2007, p. 191]. «Аура» смерти окутывает и аристократа Клиффорда: *«Вот он сидит перед ней, полуживой мертвец, и хочет подчинить ее своей воле. Она почти фи-*

зически ощутила ледяные объятия скелета, прижимающего ее к своим ребрам» [Лоуренс, 1993, с. 197]. Коломбина и Пьеретта — грани одной и той же женщины, которая расцветает рядом с Арлекином и увядает рядом с Пьеро. Омертвление души Клиффорда приводит к тому, что дыхание смерти касается и Конни, и из цветущей Коломбины она постепенно превращается в Пьеретту: «Мертвела душа у Клиффорда, мертвела и у Конни» [Лоуренс, 1993, с. 51].

Во многих произведениях начала XX века Пьеро — писатель или поэт, причём часто — графоман, чья цель вовсе не в том, чтобы создавать истинное искусство, а в том, чтобы прославиться и разбогатеть. Например, такого Пьеро изобразил в своей пьесе «Создатель грез» (1912) Олифант Даун: его герой — бездарный поэт, возмнивший себя непризнанным гением. Таков и Клиффорд: мысленно Конни характеризует его творчество как «искусство щеголять пустотой» [Лоуренс, 1993, с. 53] и отмечает, что Клиффорд пишет, чтобы показать себя и заработать денег.

Пьеро первых десятилетий XX века также отличается эгоцентризмом, холодностью и абсолютной неспособностью любить в сочетании с потребностью в любви: таким он предстаёт в «Прунелле» (1906) Баркера и Хаусмана, «Создателе грез» Дауна, «Главной легенде» (1913) Дринквотера. Клиффорд словно списан с этих персонажей: когда Меллорс рассуждает о любви и говорит, что «любить с холодным сердцем — это идиотизм, это смерть» [Лоуренс, 1993, с. 209], он невольно комментирует отношение Клиффорда к Конни. Любовь Клиффорда — ледяная, интеллектуальная, лишённая сострадания и нежности.

Последний аргумент в пользу «родства» анализируемых образов и персонажа по имени *Клиффорд* — тот факт, что на рубеже XIX—XX веков в Англии пользовался популярностью коллектив музыкантов, исполнявших свои композиции в костюмах Пьеро, и лидером этой труппы был Клиффорд Эссекс — композитор, антрепренер, продавец, организатор концертов и представлений. Выступления в костюме Пьеро стали своего рода брендом Клиффорда Эссекса, и он успешно выступал перед богатым средним классом и аристократией [Lidington, 2022, p. 79]. Все выступления труппы были благопристойными и изысканными, поэтому родители спокойно брали с собой на выступления детей. Эссекс говорил: «Музыкальная труппа “Пьеро, играющие на банджо” была одной из самых удачных моих идей, и эта группа сделала очень много для меня, расширив мои связи» [Ibid, p. 81]. В своих мемуарах Клиффорд Эссекс отмечал, что в июне 1891 года, когда его группа впервые выступила перед публикой, «Пьеро, играющие на банджо» были уникальны, несмотря на то, что образ Пьеро в то время был «повсеместен» — широко ис-

пользовался не только в театре и на карнавалах, но и в мире моды [Ibid, p. 84—86]. Постепенно к исполнению музыкальных произведений члены группы стали добавлять комические сценки, чтение стихов и песни, превратив свои выступления в «идеальное развлечение для консервативной поздневикторианской публики» [Ibid, p. 90]. Благодаря головокружительному успеху группы Клиффорд Эссекс стал не менее известным исполнителем роли Пьеро, чем Жан-Гаспар Дебюро [Ibid, p. 87] и заслуженно получил статус лучшего английского Пьеро. Лоуренсу на момент зарождения труппы было шесть лет, но, учитывая, что гастрольная деятельность «Пьеро, играющих на банджо» растянулась на десятилетия, можно предположить, что в какой-то момент Лоуренс либо прочитал и услышал о музыкантах, либо даже присутствовал на их концертах. Как бы то ни было, в умах современников Лоуренса существовала ассоциативная связь между образом Пьеро и именем *Клиффорд*.

Сравнение Клиффорда Чаттерлея с Пьеро не вступает в конфликт с другими существующими толкованиями этого образа. Например, А. В. Пустовалов сравнивает Клиффорда с падшим ангелом — Люцифером, но с ним сравнивали в конце XIX века и Пьеро [Storey, 2014, Pp. 111—112]. Джулиан Мойнэхэн видит в Клиффорде воплощение мышления начала XX века [Moynahan, 1959, p. 67], и здесь тоже нет противоречия: Пьеро являлся самым популярным персонажем в Европе и Англии начала XX века и стал символом эпохи модернизма.

3.3. Коломбина как прототип Констанции (Конни) Чаттерлей

Главная героиня романа, Конни, — «лоуренсианская» Коломбина. В имени героини (Constance, Connie) заключен оксюморон, основанный на языковой игре: с одной стороны, имя *Констанция* означает «верная, преданная», а с другой, слово *con* в английском связано с мошенничеством и обманом. *To con* — ‘провести, обмануть, одурачить’; *con* — ‘игра на доверии’, а *con-man* — ‘мошенник, аферист’ [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2005, p. 312]. В романе реализуются оба значения: Конни преданно любит Меллорса и обманывает законного супруга, Клиффорда. Многозначность подобного рода характерна и для имени *Columbine* (Коломбина). Современник Лоуренса, известный писатель Комптон Маккензи изначально планировал назвать свой знаменитый роман «Carnival» (1912) именем «Columbine». Имя *Коломбина* очень подходило его главной героине Дженни — влюблённой в красивого молодого Мориса и изменяющей своему старому мужу Трухелле, так как, с одной стороны, подразумевало нежность и прелесть (*colombina* с итальянского — «голубка»), а с другой — имело значение «нарушенные клятвы».

В художественном мире романа Лоуренса растения и цветы играют особую роль: они выступают в качестве метафор, мифологизирующих

сюжет и придающих вселенский характер описываемым событиям [Hutma, 1983, p. 78]. Цветок, который ассоциируется в романе с Конни, — это «columbine». В английском языке существительное *columbine* используется для обозначения цветов, которые в русском называют *аквилегиями* или *водосбором*, реже — *колумбинами* или *коломбинами*. В XVII—XVIII веках эти цветы украшали территории английских монастырей и ассоциировались со святостью, но в то же время могли символизировать супружескую неверность и любовь [Dietz, 2022, p. 27]. Все эти символические значения «коломбин» переключаются с судьбой Конни: её жизнь с Клиффордом до встречи с Меллорсом напоминает монастырское существование, а её неверность приводит к обретению любви. В тексте романа коломбины упоминаются трижды. В первый раз — во время разговора миссис Болтон и Конни; миссис Болтон рассказывает о том, как осталась вдовой, высаживая в саду «коломбины». Этот эпизод — один из самых светлых в романе, и не только потому, что Лоуренс описывает солнечный весенний день, но и потому, что в этот день Конни начинает чувствовать, что в ней зарождается жизнь — и в прямом смысле (она беременна), и в переносном (она наконец-то чувствует себя счастливой). Второй и третий раз «коломбины» упоминаются перед отъездом Конни в Италию, когда она сообщает Меллорсу, что муж знает о её беременности. Эта сцена также является ключевой в развитии отношений Конни и Меллорса, потому что именно в ней они впервые признают, что их соединяет не примитивная страсть, а любовь. «Коломбины» растут рядом со сторожкой Меллорса, и букет «коломбин» он приносит Конни. Показательно, что «коломбины» начинают упоминаться в романе не раньше, чем Конни осознаёт, что беременна: как если бы только в этот миг она завершила свою инициацию в карнавальном мире Арлекина-Меллорса, перестала быть Пьереттой (спутницей Пьеро-Клиффорда) и стала Коломбиной.

Сближают Конни и Коломбину и такие черты, как чувство юмора, внутренняя независимость и способность смотреть на мужчин критически. Коломбину комедии дель арте по праву считают первой феминисткой в мировой литературе: она насмехалась над самодовольством и глупостью мужчин и заступалась за женщин [Radulescu, 2014, p. 103]. Взгляды Конни на замужество и отношения с мужчинами до брака с Клиффордом также далеки от патриархальных: «Ибо в чем суть и смысл девичества, в чем его достоинство? Достичь полной, безоговорочной, беспорочной и благородной свободы! В чем еще смысл девичьей жизни? Решительно избавиться от стародавних постыдных оков, от зависимости от мужчины» [Лоуренс, 1993, с. 8]. Даже роман с Меллорсом в общем и целом не меняет её мнения о мужчинах, Конни то и дело мысленно критикует их: «Как по-

хожи все мужчины. Витаят в облаках» [Лоуренс, 1993, с. 54], «*мужчины заняты только собой*» [Ibid, p. 54], «*теперешние мужчины скупы на чувства и жалки*» [Ibid, p. 70], «*нынешние мужчины потеряли здравый рассудок*» [Ibid, p. 113], «*в них убито мужество, вытравлено из поколения в поколение*» [Ibid, p. 162] и т. д. Не менее показательно и то, что и мужа, и любовника Конни время от времени характеризует как «клоунов».

Коломбина комедии дель арте — крестьянка, простушка, относится к группе слуг — дзанни. Конни выросла в артистической среде (её отец — известный художник), не имеет благородных корней и ощущает презрение родственников Клиффорда. «Простая» внешность Конни — ещё одна аллюзия на сходство героини с Коломбиной: «*И те, и другие, видя милую, румяную, голубоглазую простушку с тихим голосом (чуть ли не конопатую!), полагали ее несовременной — сегодня такие крутые, валяжные бедра не в почете <...> Конни слишком уж женственна для современной красавицы*» [Лоуренс, 1993, с. 21]. В комедии дель арте Коломбина и Арлекин — представители простого народа, и оба говорят на диалектах: Коломбина — на тосканском, Арлекин — на бергамском. Конни до встречи с Меллорсом и даже в начале отношений с ним говорит на литературном английском языке, который соответствует её высокому социальному статусу. Однако перед отъездом в Италию она начинает разговаривать с Меллорсом на его диалекте. В переводе И. Багрова и М. Литвиновой особенности речи героев не переданы, но в оригинальном тексте Конни достаточно долго говорит на местном диалекте, используя слова *sholl*, *ay*, *yi*, *arpen*, *canpa*. Эта перемена указывает на её превращение из Пьеретты в Коломбину, которое завершается поездкой героини в Венецию. Там она катается на гондолах и ходит в театр на пьесы Карло Гольдони — итальянского драматурга XVIII века, неоднократно обращавшегося в своём творчестве к образам комедии дель арте.

4. Заключение = Conclusions

Арлекинадный любовный треугольник был для Лоуренса не только карнавальным символом, но и символом личным: в юности он, подобно Арлекину, «похитил» замужнюю Фриду, которая на долгие годы стала его верной спутницей и музой. Несмотря на то, что финал романа писатель оставил «открытым», арлекинадный подтекст произведения указывает на то, что Конни и Меллорс будут счастливы вместе, ведь именно счастливым воссоединением Арлекина и Коломбины заканчивались все английские арлекинады. Карнавальная составляющая романа — та, что сделала его «романом об обновлении» [Кондраков, 2011, с. 93], — складывается из сходства героев произведения с персонажами английской пантомимы.

Арлекинадный гротеск Лоуренса выражается в том, что «ужасное» в романе (поствоенный кризис, смерть, дегуманизация личности, страдания — физические и эмоциональные) уравнивается «комическим». Самодовольный и заносчивый Клиффорд, вспыльчивый Меллорс, насмешливая Конни — все трое являются потомками театральных персонажей, и театральность описываемых событий позволяет читателю оценить сюжет романа не только с точки зрения «жизненности» и трагичности, но и в модусе юмора. Арлекинадный гротеск в «Любовнике леди Чаттерлей» сообщает всему художественному пространству романа многомерность и философскую глубину и позволяет вывести произведение в театральное измерение, реализовав метафору мира как театра.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерлей. Супружеская жизнь / Д. Г. Лоуренс, Э. Базен. — Владивосток : Дальневосточное книжное издательство, 1993. — 543 с. — ISBN 5744003525.
2. Collins Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 09.07.2023).
3. Etymonline — Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.etymonline.com/> (accessed 09.07.2023).
4. Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover / D. H. Lawrence. — London : Collector's Library, 2005. — 429 p. — ISBN 9781904919681.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 7th edition.
6. Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dictionary.net> (accessed 09.07.2023).

Литература

1. Кондраков С. А. Утрата человеческого образа в романе Д. Г. Лоренса «Любовник леди Чаттерли» / С. А. Кондраков // Вестник Московского университета. — 2011. — № 4 (9). — С. 90—106.
2. Пустовалов А. В. «Любовник леди Чаттерли» Д. Г. Лоуренса : миф и сказка в структуре романа / А. В. Пустовалов // Мировая литература в контексте культуры. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2009. — С. 133—136.
3. Ashdown-Lecointre L. Pierrot and the Pantomime / L. Ashdown-Lecointre // Novel Stages : Drama and the Novel in Nineteenth-century France (edited by Pratima Prasad, Susan McCready). — Newark : University of Delaware Press, 2007. — 242 p. — ISBN 9780874139778.
4. Buckley W. K. Lady Chatterley's Lover : Loss and Hope / W. K. Buckley. — New York : Twayne Publishers, 1993. — 121 p. — ISBN 0805794328.

5. *Burden R.* Radicalizing Lawrence : Critical Interventions in the Reading and Reception of D. H. Lawrence's Narrative Fiction / R. Burden. — Amsterdam : Brill, 2021. — 388 p. — ISBN 9789004487017.
6. *Clayton J. D.* Pierrot in Petrograd : Commedia dell'Arte / Balagan in Twentieth-Century Russian Theatre and Drama / J. D. Clayton. — Canada : McGill-Queen's University Press, 1993. — 369 p. — ISBN 9780773511361.
7. *Dietz S. T.* The Complete Language of Herbs : A Definitive and Illustrated History / S. T. Dietz. — New York : Wellfleet Press, 2022. — 256 p. — ISBN 9780760373828.
8. *Ellis D.* Lawrence's Non-Fiction : Art, Thought and Genre / D. Ellis, Mills, H. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — 193 p. — ISBN 9780521327398.
9. *Green M.* The Triumph of Pierrot : the Commedia dell'Arte and the Modern Imagination. The United States of America / Green, Martin and Swan, John. — The Pennsylvania State University Press, 1993. — 309 p. — ISBN 002-545420.
10. *Gurudev S.* The Novels of D. H. Lawrence / S. Gurudev. — New Delhi : Atlantic Publishers & Distributors, 2006. — 112 p. — ISBN 9788126905690.
11. *Humma J. B.* The Interpenetrating Metaphor : Nature and Myth in Lady Chatterley's Lover / J. B. Humma // PMLA. — 1983. — № 1 (98). — Pp. 77—86.
12. *Jackson D.* The "Old Pagan Vision" : Myth and Ritual in "Lady Chatterley's Lover" / D. Jackson // The D. H. Lawrence Review. — 1978. — № 3 (11). — Pp. 260—271.
13. *Jonsson S.* Subject Without Nation : Robert Musil and the History of Modern Identity / S. Jonsson. — Durham & London : Duke University Press, 2000. — 376 p. — ISBN 9780822325703.
14. *Lidington T.* "Don't Forget The Pierrots!" The Complete History of British Pierrot Troupes & Concert Parties / T. Lidington. — New York : Taylor & Francis, 2022. — 432 p. — ISBN 9781000686142.
15. *Mandel J.* Medieval romance and "Lady Chatterley's lover" / J. Mandel // The D. H. Lawrence Review. — 1977. — № 1 (10). — Pp. 20—33.
16. *Moynahan J.* Lady Chatterley's Lover : The Deed of Life / J. Moynahan // ELH. — 1959. — № 1 (26). — Pp. 66—90.
17. *O'Brien J.* Harlequin Britain : pantomime and entertainment, 1690—1760 / J. O'Brien. — USA : The Johns Hopkins University Press, 2004. — 274 p. — ISBN 9780801879104.
18. *Radulescu D.* Women's Comedic Art as Social Revolution : Five Performers and the Lessons of Their Subversive Humor / D. Radulescu. — The USA : McFarland, 2014. — 267 p. — ISBN 9780786488582.
19. *Ribitzky T.* Cosmic Pessimism in Lady Chatterley's Lover / T. Ribitzky // The D. H. Lawrence Review. — 2017. — № 1 (42). — Pp. 71—99.
20. *Rudlin J.* Commedia Dell'Arte : An Actor's Handbook / J. Rudlin. — New York : Routledge, 1994. — 296 p. — ISBN 9781134945887.
21. *Rudlin J.* The Metamorphoses of Commedia Dell'Arte : Whatever Happened to Harlequin? / J. Rudlin. — Palgrave Macmillan, 2022. — 249 p. — ISBN 9783031105111.
22. *Squires M.* Pastoral Patterns and Pastoral Variants in Lady Chatterley's Lover / M. Squires // ELH. — 1972. — № 1 (39). — Pp. 129—146.
23. *Storey R.* Pierrot : A Critical History of a Mask / R. Storey. — USA : Princeton University Press, 2014. — 410 p. — ISBN 9781400854820.

Статья поступила в редакцию 09.07.2023,
одобрена после рецензирования 19.08.2023,
подготовлена к публикации 24.08.2023.

Material resources

- Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 09.07.2023).
- Etymonline — *Online Etymology Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed 09.07.2023).
- Lawrence, D. G., Bazin, E. (1993). *Lady Chatterley's lover. Married life*. Vladivostok: Far Eastern Book Publishing House. 543 p. ISBN 5744003525. (In Russ.).
- Lawrence, D. H. (2005). *Lady Chatterley's Lover*. London: Collector's Library. 429 p. ISBN 9781904919681.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. (2005). Oxford: Oxford University Press. 7th edition.
- Webster's Revised Unabridged Dictionary*. (1913). Available at: <https://www.dictionary.net> (accessed 09.07.2023).

References

- Ashdown-Lecointre, L. (2007). Pierrot and the Pantomime. In: *Novel Stages: Drama and the Novel in Nineteenth-century France*. Newark: University of Delaware Press. 242 p. ISBN 9780874139778.
- Buckley, W. K. (1993). *Lady Chatterley's Lover: Loss and Hope*. New York: Twayne Publishers. 121 p. ISBN 0805794328.
- Burden, R. (2021). *Radicalizing Lawrence: Critical Interventions in the Reading and Reception of D. H. Lawrence's Narrative Fiction*. Amsterdam: Brill. 388 p. ISBN 9789004487017.
- Clayton, J. D. (1993). *Pierrot in Petrograd: Commedia dell'Arte / Balagan in Twentieth-Century Russian Theatre and Drama*. Canada: McGill-Queen's University Press. 369 p. ISBN 9780773511361.
- Dietz, S. T. (2022). *The Complete Language of Herbs: A Definitive and Illustrated History*. New York: Wellfleet Press. 256 p. ISBN 9780760373828.
- Ellis, D., Mills, H. (2009). *D. H. Lawrence's Non-Fiction: Art, Thought and Genre*. Cambridge: Cambridge University Press. 193 p. ISBN 9780521327398.
- Green, M., Swan, J. (1993). *The Triumph of Pierrot: the Commedia dell'Arte and the Modern Imagination. The United States of America*. The Pennsylvania State University Press. 309 p. ISBN 002-545420.
- Gurudev, S. (2006). *The Novels of D. H. Lawrence*. New Delhi: Atlantic Publishers & Distributors. 112 p. ISBN 9788126905690.
- Humma, J. B. (1983). The Interpenetrating Metaphor: Nature and Myth in Lady Chatterley's Lover. *PMLA*, 1 (98): 77—86.
- Jackson, D. (1978). The "Old Pagan Vision": Myth and Ritual in "Lady Chatterley's Lover". *The D. H. Lawrence Review*, 3 (11): 260—271.
- Jonsson, S. (2000). *Subject Without Nation: Robert Musil and the History of Modern Identity*. Durham & London: Duke University Press. 376 p. ISBN 9780822325703.
- Kondrakov, S. A. (2011). The loss of the human image in D. G. Lawrence's novel "Lady Chatterley's Lover". *Bulletin of the Moscow University*, 4 (9): 90—106. (In Russ.).
- Lidington, T. (2022). *"Don't Forget The Pierrots!" The Complete History of British Pierrot Troupes & Concert Parties*. New York: Taylor & Francis. 432 p. ISBN 9781000686142.
- Mandel, J. (1977). Medieval romance and "Lady Chatterley's lover". *The D. H. Lawrence Review*, 1 (10): 20—33.

- Moynahan, J. (1959). Lady Chatterley's Lover: The Deed of Life. *ELH*, 1 (26): 66—90.
- O'Brien, J. (2004). *Harlequin Britain: pantomime and entertainment, 1690—1760*. USA: The Johns Hopkins University Press. 274 p. ISBN 9780801879104.
- Pustovalov, A. V. (2009). "Lady Chatterley's Lover" by D. G. Lawrence: myth and fairy tale in the structure of the novel. In: *World literature in the context of culture*. Perm: Perm State National Research University. 133—136. (In Russ).
- Radulescu, D. (2014). *Women's Comedic Art as Social Revolution: Five Performers and the Lessons of Their Subversive Humor*. The USA: McFarland. 267 p. ISBN 9780786488582.
- Ribitzky, T. (2017). Cosmic Pessimism in Lady Chatterley's Lover. *The D. H. Lawrence Review*, 1 (42): 71—99.
- Rudlin, J. (1994). *Commedia Dell'Arte: An Actor's Handbook*. New York: Routledge. 296 p. ISBN 9781134945887.
- Rudlin, J. (2022). *The Metamorphoses of Commedia Dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin?* Palgrave Macmillan. 249 p. ISBN 9783031105111.
- Squires, M. (1972). Pastoral Patterns and Pastoral Variants in Lady Chatterley's Lover. *ELH*, 1 (39): 129—146.
- Storey, R. (2014). *Pierrot: A Critical History of a Mask*. USA: Princeton University Press. 410 p. ISBN 9781400854820.

*The article was submitted 09.07.2023;
approved after reviewing 19.08.2023;
accepted for publication 24.08.2023.*

Информация для цитирования:

Котов А. А. Эпитеты в русских духовных стихах / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 245—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266.

Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2021). Epithets in Russian Spiritual Verses. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 245-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266

Эпитеты в русских духовных стихах

Котов Андрей Александрович *

orcid.org/0000-0002-1251-9083
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики

* *корреспондирующий автор*
andrewcot1972@yandex.ru

Мухина Елена Александровна

orcid.org/0000-0002-5922-8558
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики
kareliaptz@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Epithets in Russian Spiritual Verses

Andrey A. Kotov *

orcid.org/0000-0002-1251-9083
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Russian
as a Foreign Language
and Applied Linguistics
* *Corresponding author*
andrewcot1972@yandex.ru

Elena A. Mukhina

orcid.org/0000-0002-5922-8558
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian as a Foreign
Language and Applied Linguistics
kareliaptz@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются состав и функционирование эпитетов в русских духовных стихах. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью духовных стихов с точки зрения языка, а также возможностью рассмотреть взаимодействие устной и письменной традиций, светской и христианской культуры, которые тесно переплетены в этом фольклорном жанре. Делается краткий экскурс в теорию изучения эпитета в русской лингвистической традиции с учетом новейших исследований, особо говорится об использовании постоянных эпитетов в фольклорных текстах различных жанров. Рассматриваются тексты трех сборников русских духовных стихов: Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым; «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков»; «Духовные стихи русского Севера». Выделяются 2 корпуса эпитетов — общефольклорные постоянные эпитеты и жанрово обусловленные эпитеты русских духовных стихов. Делаются наблюдения об их количественном и качественном составе, описываются особенности использования тех и других с учетом специфики жанра, объясняется их соотношение. Дается грамматическая характеристика эпитетов с точки зрения морфологического выражения и позиции в составе атрибутивной синтагмы.

Ключевые слова:

лингвофольклористика; русские духовные стихи; адъектив; эпитеты; общефольклорные эпитеты; жанровые эпитеты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the composition and functioning of epithets in Russian spiritual verses. The relevance of the study is due to the lack of research on spiritual verses from a linguistic perspective, as well as the opportunity to explore the interaction between oral and written traditions, secular and Christian culture, which are closely intertwined in this folklore genre. A brief overview of the theory of epithet study in Russian linguistic tradition is provided, taking into account the latest research, with particular emphasis on the use of constant epithets in folklore texts of various genres. The texts of three collections of Russian spiritual verses are considered: "Collection of Russian Spiritual Verses" compiled by V. Varentsov; "The Dove Book: Russian Folk Spiritual Verses of the 11th-19th Centuries"; "Spiritual Verses of the Russian North". Two corpora of epithets are distinguished: general folklore constant epithets and genre-specific epithets of Russian spiritual verses. Observations are made about their quantitative and qualitative composition, describing the peculiarities of their usage in relation to the genre's specificity and explaining their correlation. A grammatical characterization of epithets is provided from the perspective of morphological expression and position within an attributive syntagm.

Key words:

linguistic folklore studies; Russian spiritual verses; adjectives; epithets; general folklore epithets; genre-specific epithets.

Эпитеты в русских духовных стихах

© Котов А. А., Мухина Е. А., 2023

1. Введение = Introduction

Являясь одной из ранних категорий риторики (позднее — стилистики), описанных еще в эпоху Античности, в русской лингвистической и — шире — филологической мысли эпитет, начиная с эпохи М. В. Ломоносова, неоднократно становился объектом пристального внимания и изучения со стороны крупных отечественных ученых-филологов: Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. А. Потебни, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, А. П. Евгеньевой и многих других; история изучения эпитета в русской лингвистике кратко изложена в [Жданович, 2007].

Оценивая важность изучения эпитета и его роль в развитии литературы, основоположник теории исторической поэтики В. В. Веселовский писал: «За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, так мы к нему привыкли, лежит далекая историко-психологическая перспектива <...>, целая история вкуса и стиля в его развитии от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [Веселовский, 1989, с. 59]. «Каждый из этапов историко-литературного процесса (смена стилей и направлений) нашел свое отражение в эпитете», — утверждал В. В. Веселовский [Там же, с. 321]. В его понимании «эпитет как бы концентрирует в себе историю поэтического стиля и — шире — историю поэтического сознания, поскольку выделение признака, заключенного в эпитете, с позиции существенности / несущественности характеризует не только сознание писателя, но и поэтическое сознание эпохи, мировоззрение народа и систему ценностей, заложенных в социуме» [Жданович, 2007, с. 80].

Эпитеты являются важным элементом поэтики фольклора; использование эпитетов в различных фольклорных жанрах неоднократно становилось предметом изучения отечественной лингвофольклористикой в былинах, сказках, частушках и прочих жанрах, см.: [Лазутин, 1981; Березкина, 1999; Слесарева, 2011; Егорова, 2018; Вавилова, 2020 и др.]. Несмотря на то, что «духовные стихи по своей значимости занимают второе место (после былин) в эпическом наследии русского народа» [Котов и др., 2021, с. 127], работы, посвященные изучению эпитетов в русских духовных стихах, край-

не немногочисленны, а сформулированные в них наблюдения и выводы не позволяют нам представить целостную картину, которая демонстрирует специфику использования эпитетов с учетом особенностей жанра.

В частности, С. Е. Никитина, анализируя способы выражения в духовных стихах языковой оценки, указывает на наличие в них постоянных эпитетов, которые делают «предмет определенным, наделенным характерным, имманентно присущим ему признаком, постоянным и неизменным. Этот признак указывает на идеальное соответствие предмета своей природе и назначению» [Никитина, 1993. с. 139].

А. М. Петров, рассматривая эпитеты в русских духовных стихах, относящиеся к символике цветообозначения, формулирует следующее наблюдение: «Не является неожиданным, что колористика жанра в целом образует так называемую «универсальную цветовую триаду» (термин В. Тэрнера [Тэрнер, 1983]): *белый — красный — черный* [Петров, 2011, с. 26]. Автор отмечает скупость в русских духовных стихах цветовой палитры, в которой наиболее частотными колоративами являются *белый* и *черный*. Данный факт «говорит об аскетическом характере этого жанра, что вполне согласуется с его нравственной установкой» [Петров, 2011, с. 34].

Предпринимаемое нами исследование можно рассматривать как одно из первых объемных изучений эпитетов в духовных стихах, в том числе с учетом специфики жанра.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Еще в 1858 году в первом издании своего труда «Опыт исторической грамматики русского языка» (начиная со второго издания 1863 года — «Историческая грамматика русского языка») Ф. И. Буслаев дал собственно филологическое определение эпитета: «Признак, по которому предмет получает свое название, именуется эпитетом» [Буслаев, 1959, с. 289]. С того времени было написано значительное количество работ, посвященных как содержательной специфике эпитетов, так и особенностям их использования в том или ином тексте, и с учетом его жанровой принадлежности, см. подробнее: [Жданович, 2007; Булахова и др., 2017]. Несмотря на значительный объем специальной литературы, в русистике не существует единого общепринятого определения понятия «эпитет».

Среди многообразия специальных работ следует выделить, по нашему мнению, одну из недавних статей Н. П. Булаховой и А. П. Сквородникова, в которой дается масштабный аналитический обзор трудов отечественных исследователей, занимавшихся проблемой эпитета, начиная с эпохи 19 столетия [Булахова и др., 2017]. На основе проведенного анализа авторы формулируют важные теоретические положения относительно сущности эпитета.

«В ... научно-исследовательской литературе обнаруживается довольно пестрая картина определений этого понятия. В то же время изучение этой картины показывает возможность построения градуальной классификации дефиниций эпитета: от эпитетов с минимумом релевантных признаков к эпитетам с максимумом таких признаков» [Там же, с. 123]. Авторы приводят шесть типов дефиниций — начиная от определений, в которых отсутствует указание на тропеичность эпитета, и заканчивая определениями, в которых эпитеты рассматриваются как приобретающие свойства выразительности строго в определенном контексте [Там же, с. 123—127].

На основании обобщения авторы приходят к следующим выводам:

1. «Феномен эпитета, понимаемый как экспрессивное определение, может возникать только в тех словосочетаниях, элементы которых находятся в определительных отношениях...» [Там же, с. 129].

2. «Вторым условием констатации феномена эпитета является наличие экспрессивности зависимого члена словосочетания со значением определительности (то есть словосочетания, члены которых находятся в определительных отношениях)» [Там же, с. 129].

3. «Опираясь на эти два условия, следует разграничивать понятия логического определения и эпитета на основании стилистической нейтральности первого и ненейтральности второго. Причем эпитет может быть не только образным, но и эмоционально-оценочным определением, то есть обладать аксиологическими качествами, что в свою очередь обуславливает его выход за рамки тропа, а также может обладать свойством интенсификатора признака или относиться к стилистически маркированным (ненейтральным) единицам языка...» [Там же, с. 130].

С учетом сказанного дается следующее определение эпитета: «... под эпитетом мы понимаем экспрессивное, то есть образное и / или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака, признака и действия, создающее или подчеркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и / или аксиологическую характеристику и тем самым воздействующее на адресата» [Там же, с. 135].

Приведенные положения мы считаем верными и принимаем их в качестве теоретической основы с двумя важными оговорками:

1) в рамках данной статьи с учетом сложившейся в лингвофольклористике традиции мы будем рассматривать эпитет как определение предмета или явления, построенное по базовой схеме «определяемое существительное / субстантив + атрибутивный адъектив» или «атрибутивный адъектив + определяемое существительное / субстантив»;

2) сказанное выше релевантно в отношении текстов литературного языка, но требует корректировки в отношении фольклорных текстов, в которых

активны постоянные эпитеты, свойственные общенародной традиции, на что особо указывают авторы рассматриваемой статьи [Там же, с. 129].

Степень участия индивидуума в создании произведения обуславливает различие между фольклорными эпитетами и эпитетами литературного языка. В фольклоре процесс создания произведений является коллективным, поэтому для устного народного творчества свойственна такая стилистическая черта, как обобщенность, то есть создателем произведения является коллективный автор — носитель фольклорного сознания, отражающий коллективные представления и «предельно обобщенный взгляд на вещи и явления» [Мильков, 1988, с. 48].

Обобщенность особенно отчетливо проявляется на лексико-семантическом уровне текста, в частности, в употреблении постоянных эпитетов, о которых писал Ф. И. Буслаев: «Эпитет, которым сопровождается название какого-нибудь предмета, называется постоянным... Постоянные эпитеты восстанавливают в воображении то живое, наглядное представление, которое лежит в названии предмета» [Буслаев, 1959, с. 290].

Материалом для нашей статьи послужили тексты духовных стихов вне зависимости от их родовой принадлежности, вошедшие в три сборника.

1. Сборник, составленный В. Варенцовым [Варенцов, 1860], является одним из первых собраний текстов данного фольклорного жанра. Включает 5 разделов: «Общие. Исторические», «Догматические», «Раскольниковы стихи», «Вирши XVII—XVIII веков», «Белорусские стихи» и «Малороссийские стихи». Нами были рассмотрены стихи, включенные в первые три раздела, записанные на исконных русских территориях.

2. Сборник «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков» [ГК, 1991]; это собрание народной песенной поэзии, основанной на религиозных темах и сюжетах, изданное в советское время впервые. В сборник включены как широко распространенные во множестве вариантов и любимые народом стихи «Голубиная книга», «Егорий Храбрый», «Алексей, человек Божий», «Сон Богородицы», так и редкие образцы религиозных песен. Тексты взяты из сборников духовных стихов П. Киреевского, П. Якушкина, В. Варенцова. П. Бессонова, выходивших в XIX веке, а также включают обширный материал русской периодики XIX — начала XX века. При анализе материала повторно не рассматривались тексты из сборника В. Варенцова.

3. Сборник «Духовные стихи Русского Севера» [ДСРС, 2015], который включает разнообразные по своему составу произведения, записанные на территории Карелии и сопредельных областей (Архангельская область, Вологодская область, Ленинградская область, Мурманская область, Республика Коми).

При проведении анализа мы опирались на следующие методические положения:

- 1) учитывались эпитеты, выявленные в результате сплошной выборки в текстах всех сборников;
- 2) рассматривались как полные, так и усеченные формы имен прилагательных, используемых в функции эпитетов;
- 3) при рассмотрении постоянных общефольклорных эпитетов учитывались исследования других фольклорных жанров, посвященные эпитетам;
- 4) при определении жанрово обусловленных эпитетов учитывалась частотность употребления в исследуемых текстах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Постоянные эпитеты в жанрах русского фольклора

На основе проведенного анализа мы выделили 2 различных по составу корпуса эпитетов:

- 1) *общефольклорные* (межжанровые) *постоянные* эпитеты;
- 2) *жанрово обусловленные* эпитеты русских духовных стихов.

Как говорилось ранее, постоянные эпитеты являются одной из отличительных черт русской общефольклорной традиции, о чем свидетельствуют специальные исследования отечественных лингвофольклористов.

Былинные тексты демонстрируют наличие архаики: «В фольклорном эпитете, как правило, сохранилась лингвистическая архаика, в частности историческая семантика: лексико-семантическая структура фольклорного эпитета отличается от структуры соответствующего прилагательного в современном литературном языке» [Слесарева, 2011, с. 122]. Изучение былинных текстов позволяет говорить о том, что «народная память сохранила историческую семантику почти в каждом фольклорном эпитете» [Там же, с. 124].

Постоянные отэтнонимические эпитеты в былинах являются определенными константами фольклорного поэтического мира: «Это, бесспорно, обогащает предметную картину мира русского фольклора, в частности эпоса, наполняет ее межэтническими связями и отношениями, предполагает реальность культурного обмена между этносами и демонстрирует открытость русской культуры» [Березкина, 1999, с. 34].

В русских сказках постоянные эпитеты используются для создания ярких зрительных образов «путем живописного описания места действия, выделения отличительных особенностей и качеств персонажей, волшебных помощников и чудесных предметов» [Егорова, 2018, с. 12]. Сказочные эпитеты являются важным средством типизации создаваемых образов, которые должны запоминаться и оказывать сильное эмоциональное воздействие на человека.

В частушках, с одной стороны, мы наблюдаем большое количество эпитетов, перешедших из традиционных лирических песен, однако отме-

чается и употребление «всевозможных новых эпитетов», при помощи которых «создается множество довольно индивидуализированных внешних портретов» [Лазутин, 1981, с. 142]. В целом «частушечные эпитеты по выражаемым мыслям и чувствам, а также по запечатленному ими характеру поэтического мышления и методу художественного творчества в сравнении с былинами и традиционными песнями свидетельствуют о последующей ступени в развитии народной поэзии» [Лазутин, 1981, с. 146].

В жанре любовных баллад эпитеты наряду с другими изобразительными средствами занимают центральное место в поэтике любовных баллад и обеспечивают «устойчивость жанрового порядка» [Вавилова, 2020, с. 116].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что в различных жанрах русского фольклора значимость постоянного эпитета и стоящего за ним объема информации неоспорима.

3.2. Общефольклорные постоянные эпитеты русских духовных стихов

В текстах духовных стихов активны (частотны) общефольклорные постоянные эпитеты. С точки зрения предметно-тематической отнесенности они используются для создания характеристики разнообразных формирующих пространство стиха предметов и явлений, а также описания различных качеств героев:

- 1) явлений окружающего мира и неживой природы;
- 2) живой природы (животного и растительного мира);
- 3) внешнего облика человека;
- 4) предметов одежды и быта / убранства помещений;
- 5) мест происходящих событий / совершения героями каких-либо действий;
- 6) интеллектуальных и эмоциональных качеств героев и проч.

Нами был сформирован список из 20 наиболее частотных постоянных эпитетов, свойственных русской фольклорной традиции (многие из них представляют собой устойчивые образные формулы, формирующие универсум русского фольклора: *белый свет, белый конь, красное солнце, красная девица, ясные очи, светлый месяц, синее море, желтые пески, высокие горы, темные леса, добрый молодец, добрый конь, чистое поле, сырая земля, буйная голова, лютая змея / смерть* и под.):

белый (белый свет, белая заря, белый заяц, белый конь, белое лицо, белое тело, белая рука, белая грудь);

красный (красное солнце, красное золото, красная девица);

синий (синее море);

желтый (желтый песок, желтые кудри);

серый (серый заяц, серый волк, серый камень);

зеленый (зеленый лес, зеленое вино);

светлый (светлый месяц);
темный / претемный (темная ночь, темная / претемная туча, темный лес);
ясный (ясная заря, ясные очи);
чистый (чистое поле, чистое серебро);
сахарный (сахарные уста);
широкий (широкий двор, широкий дуб, широкое поле);
высокий / превысокий (высокие / превысокие горы, высокое древо / древо);
сырой (сырая земля);
великий (великий страх, великое мучение, великая слава, великий князь);
буйный (буйный ветер, буйная голова);
честный (честная жена, честная глава, честные мощи, честные дары);
добрый / доброй (добрый молодец, добрый конь);
премудрый / премудрой (премудрый царь);
лютый (лютый пёс, лютая змея, лютая болезнь/ хворобра, лютая смерть) и проч.

Ввиду значительности списка приводим примеры в составе нескольких выделенных нами групп (при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника).

БЕЛЫЙ — КРАСНЫЙ — СИНИЙ — ЖЕЛТЫЙ — СВЕТОТЫЙ

Ой скажи ты нами, Давидъ царь Евсѣевичъ,

*Про **бѣлый** свѣтъ, про всѣ заповѣди:*

*Отъ чего зачинался **бѣлый** свѣтъ?*

[Варенцов, 1860, с. 11];

У князя зла была княгина, <...>

В особыя покои выходила,

***Бело** свое лицо умывала,*

Дороги одежды одевала,

Золоты монисты налагала,

Во теплую во спальню проходила,

Туда к себе Осипа призывала,

*За **белыя** за руки захватила,*

Безстыжия реки говорила...

[ДСРС, 2015, с. 290];

Кладите его да на широко поле

*И разстреляйте его тело **белое**,*

*И сожгите его тело **белое**
На том огни на здращем
[ДСРС, 2015, с. 412];*
*Не видать Егорью свѣта **бѣлаго**,
Свѣта **бѣлаго**, солнца **краснаго**
[Варенцов, 1860, с. 97];*
*... У нас **белый** вольный свет зачался
от суда Божия,
Солнце **красное** от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного....
[ГК, 1991, с. 35];*
*Померкнет **красное** солнышко,
Потемнеет **светел** месяц
[ГК, 1991, с. 256];*
*Ты не плачь, **грит**, не горюй, **красна** девица,
Я приехал ведь тебя спасать,
Поищи-ка у меня да в буйной головы
[ДСРС, 2015, с. 394];*
*Прости, тело, прости, **бело**, прости, **белое** мое,
А ты-то, тело **бело**, да во сыру землю пойдешь,
А я, грешна душа, да по своим я по делам.
[ДСРС, 2015, с. 273];*
*Катится карета чѣрная во **желты** пески,
На **желты** пески, ко **синю** морю,
Прикатилася карета на **желты** пески, ко **синю** морю.
Выходит девица на **желты** пески,
Садилася девица по-край бережка...
[ДСРС, 2015, с. 399].*

СЫРОЙ — ЯСНЫЙ — ЧИСТЫЙ — ШИРОКИЙ —
ВЕЛИКИЙ — ВЫСОКИЙ — САХАРНЫЙ

*Ой вы, гой еси, змеи огненные!
Рассытьтесь, змеи, по **сырой** земле
В мелкие дробные черенцы.
Пейте и еште из **сырой** земли!
[ГК, 1991, с. 57];*
*Отъ чего зачинались зори **ясныя**?
[Варенцов, 1860, с. 11];*

*По локоть у него руки въ красномъ золотѣ,
По колѣни ноги въ **чистомъ** серебрѣ <...>*

[Варенцов, 1860, с. 95];

*Приказал Максимьян, царь мучитель
Спустить тело белое на **широко** поле*

[ДСРС, 2015, с. 412];

И взяли эты злы мучители

Кирика младенца

Трехгодного без двух месяцев

И мать его Улиту,

*Свели в поле **широкое***

*И пригвоздили ко дубу ко **широку***

[ГК, 1991, с. 82];

Отвѣтъ держитъ Володимеръ князь,

Володимеръ князь Володимировичъ

Приказал ъ онъ его на мученье взятьъ,

*На мученье на **великое** <...>*

[Варенцов, 1860, с. 80];

*И цѣлуеъ во уста **сахарны**,*

И ведеъ его въ бѣлокаменны палаты <...>

[Варенцов, 1860, с. 89];

*И поехал Аника в **чистое** поле погуляти,*

Начальной град Ерусалим раззоряти

[ГК, 1991, с. 103];

*По крутым горам по **высокиим**,*

По темным лесам, по дремучим

Теките вы, реки, где вам Господь повелел!

[ГК, 1991, с. 56].

ДОБРЫЙ — БУЙНЫЙ — ЛЮТЫЙ — ПРЕМУДРЫЙ

*Она видит, со **чиста** поля*

*Бежит **доброй** белой конь,*

*На кони сидит **добрый** молодец,*

Он подъехал к Олисафии,

*Остановиу **добра** коня,*

Ю спрашивает...

[ДСРС, 2015, с. 394];

И поехал Аника домою,

*Садился Аника на **доброго** коня,*

*«Охъ ты, мечъ, ты съѣи **буйну** голову*

У того Кудреяна Кудреяница»

[Варенцов, 1860, с. 99];

*Говорит он ей слова ласковы:
«Поищи-ка мне **буйну** голову».
Вот искала ему **буйну** голову
[ДСРС, 2015, с. 422];
...Отдает меня батюшка ко **люту** змею,
Ко **люту** змею на съедение,
Ко нещерскому на прожрение
[ГК, 1991, с. 62];
А **премудрый** царь Давидъ Евсѣевъ <...>
[Варенцов, 1860, с. 12];
Ты **премудрый** царь, Давыд Мосиёвич,
Ты скажи-тка нам, проповедуи-ка
[ДСРС, 2015, с. 495].*

Обращаем внимание на то, каким образом в текстах духовных стихов представлена цветовая палитра. Колоративы *белый* и *красный* являются наиболее частотными, количество их текстоформ примерно в 3 раза превышает совокупное количество текстоформ всех остальных колоративов. При этом *черный* в сравнении с *белым* и *красным* используется гораздо реже в лексически ограниченном круге синтагм (в прямом и переносном значениях): *черное море, черная карета / чернобархатная карета, черная риза, черное платье, черная душа.*

***Черну** ризу одеваю,
Главу в куколь украшаю,
Очи долу возвожу
[ДСРС 2015, с. 182];
Снаряжалась девица в **черны** платьица,
В **черны** платьица опальныя...
[ДСРС 2015, с. 437];
Пошли ты их, Господи, к Лазарю грешному
За душой **черной**, душой многогрешною!
[ГК, 1991, с. 126];
Повели Олексафию со крута крыльца,
Сажали Олексафию в карету **черную**,
Повезли Олексафию ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змеиному
[ГК, 1991, с. 62].*

Помимо *белого*, *красного* и *черного*, в рассмотренных нами текстах используются колоративы *синий*, *желтый* (производное *рудожелтый*), *серый*, *зеленый*, а также обозначения оттенков *темный* и *светлый*:

<...> Ужъ какъ **бѣлой**-отъ заецъ пошелъ на небо;

А **сѣрой**-отъ заецъ по земли пошелъ

[Варенцов, 1860, с. 19];

Посадишь Егорья-свѣта со матерью

Во томъ погребѣ во глубокиѣмъ,

Задерживаль рѣшеточки желѣзныя,

Желтымъ пескомъ призаасыпывать,

Сѣрымъ каменѣмъ призаваливалъ<...>

[Варенцов, 1860, с. 96];

Не былы ветры да принавеяли,

Раскатали все **серы** камешки,

Разнесли ветры все **желты** пески

[ДСРС, 2015, с. 267];

Откуль-неоткуль да от **синя** моря,

От **синя** моря, от чиста поля

Идет лошаденка одноколочек,

Катится карета **черная**

[ДСРС, 2015, с. 399];

Оставляю сады вам виноградны,

Оставляю вам яблони кудрявы

И оставляю поля, луга **зелены**

[ДСРС, 2015, с. 68];

Напилася душа **зелена** вина,

От **зелена** вина душа пьяна была

[ГК, 1991, с. 223];

Переходил он **синѣ** море,

Пошел он за те за горы за высокие,

За те луга за **зеленые**,

За те за леса за **темные**

Во те во пещеры **белокаменные**

[ГК, 1991, с. 93].

3.3. Жанрово обусловленные эпитеты русских духовных стихов

В сравнении с традиционными жанрами фольклора духовный стих обладает несколько иной системой ценностей и, соответственно, другой системой оценок, что обусловлено изменением самого объекта оценки. Как верно замечает С. Е. Никитина [Никитина, 1993], традиционный фольклор оценивает внешний мир, здесь важна оценка людей с точки зрения их умения и знаний, которые помогают ориентироваться в мире и достигать поставленных целей.

В духовном стихе важен человек с его помыслами, намерениями, желаниями, поступками; здесь оценивается личность, которая не только покоряется Божьей воле, но отличается готовностью к покаянию, истинной верой в Бога, нравственной чистотой. Изменение типа оценки находит свое отражение в системе эпитетов. В духовном стихе мы обнаруживаем разнообразные эпитеты, используемые для образной и / или эмоционально-оценочной характеристики предметов, явлений, прямо (или косвенно) связанных с Богом и божественным началом. Действия, поступки и помыслы героев оцениваются с точки зрения истинности веры, возможных последствий за совершенные деяния, часто — в категориях сакральности и святости.

Так формируется особый, *иной*, в сравнении с традиционным фольклорным, универсум духовного стиха, в котором важнейшим является вектор христианской веры и все, что с ним связано. Активную роль в этом играют *жанрово обусловленные эпитеты*; приводим список из 8 наиболее частотных:

Божий (народ Божий, строки Божи, слова Божи, лицо Божие, думы Божи, слава Божия, Божья церковь, Божие писание, Божья пелена и проч.);

небесный (царь небесный, небесное царство, сила небесная, манна небесная);

Господний (господний престол, господняя служба, господний гроб, слово Господнее, ризы Господние, воля Господняя);

святой (святая церковь, святая Русь-земля, святой(ой) дух, святой рай, свято(е) крещение, святая кровь, святое лицо, святые ребра, святые ангелы / архангелы, святой град, святая Дева, святое имя, святая душа, святой отец, святой младенец, святой помощник);

грешный — праведный (грешный, праведный человек, грешная / праведная душа, праведное солнце);

христианский (вера христианская / христианская, Бог христианский, народ христианский);

вечный (вечная мука, вечный живот, вечная тьма).

Приведем далее текстовые примеры:

Солнце красное отъ лица **Божія**,
Зори ясныя отъ ризъ **Божіихъ**,
Младъ свѣтѣль мѣсяцъ отъ грудей **Божіихъ**,
Ночи темныя отъ думъ **Божіихъ**,
Буѣнь-вѣтеръ отъ воздоховъ,
Дробень дождикъ отъ слѣзъ Его,

*Народъ **Божій** отъ Адамія
[Варенцов, 1860, с. 12];
Правда пошла на небеса
К самому Христу, Царю **Небесному**;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу **христианскому**
[ГК, 1991, с. 41];
Поимейте веру **христианскую**,
И верою, и любовью
Поимейте друг друга и брат брата,
И сын отца и мать свою!
[ГК, 1991, с. 242];
У нас было во граде во Салыме,
Во святой соборной во **Божьей** во церкви
Припочивал **святый** Димитрий чудотворец
[ГК, 1991, с. 91];
Вынули его душеньку честну из грудей,
Снесли его душеньку на золотом блюде,
Принесли душеньку в царство **небесное**...
[ДСРС, 2015, с. 226];
Грядет он скоро во **святую** соборную церковь,
До **Господнего** престола доступает,
Животворящий крест с престола принимает,
Святой их водой окропляет,
Ото сна разбуждает...
[ГК, 1991, с. 96];
Со страхомъ мы, братіе,
Мы послушаемъ **Божію** писанію,
Господнихъ страстей <...>
[Варенцов, 1860, с. 53—54];
Красная Алисафия Агатиевна срадовалася,
Во всю ночь она Богу молилася,
У ней вышиты были, напечатаны
Святы ангелы, **святы** архангелы,
Пресвятая Мати Богородица
[ДСРС, 2015, с. 413];
<...> Поди сходи по Римскому Чарству,
Созывай-ко попов, протопопов
И кума со кумою,*

*Крестите младенца во **свято** крещение,
Нарекайте ему имя **святое**
Алексей человек **Божий**
[ДСРС, 2015, с. 70];
<...> И на небеса вознесуся
Со Ангелами со **святыми**,
Со грозными Херувимамъ,
Со страшными Серафимамъ
[Варенцов, 1860, с. 53];
Во **святомъ** градъ Иерусалимъ
Плакала, ходила **Святая** Дѣва <...>
[Варенцов, 1860, с. 54];
Братецъ, ты, братецъ, богатый человекъкъ!
Сотвори мнѣ, братецъ, **святую** милостинку
[Варенцов, 1860, с. 71];
Взголосоли **святые** праведны апостолы,
Заплакала вся нища наша братия, —
Уж и кто же нас учить будет,
Учить будет словам **Божиим**?
[ГК, 1991, с. 115];
Ой же вы, **грешные** люди,
Спорожены вы были от Адама и от Евы
И сосланы на трудну землю
Ради вы душевного спасенья,
А не ради великого согрешенья.
За ваше житье за беззаконно,
За ваше велико согрешенье
Показана вам **вечная** мука, **бесконечна**...
[ДСРС, 2015, с. 96];
Станьте от гробов, **праведны** души,
На восток вы лицами,
А **грешные** души, встаньте на запад лицами
[ДСРС, 2015, с. 495];
Праведным душам — Царствие Небесное,
А **грешным** душам — ад кромеиный...
[ГК, 1991, с. 174];
Жила душа **грешная** на вольном
Бранилася, да не простилася
[ГК, 1991, с. 231];
Уж вы еси, **праведны** души,*

*Уж подьте по правую руку,
Уж вы подьте лица мы ко востоку*
[ДСРС, 2015, с. 255—256];
Кто этот стихъ воспъваетъ
Избавленъ будетъ отъ вѣчныя муки
[Варенцов, 1860, с. 56];
Да кто три накона на день воспевае,
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчны, (от)
Муки бесконечны
[ДСРС, 2015, с. 74];
Моя душа грѣшна
Пойдетъ въ муку вѣчну,
Во векъ бесконечный,
Конца-краю нѣту
[ДСРС, 2015, с. 207];
Велика наша вѣра крещеная,
Великъ нашъ христiанскій Богъ!
[СРДС Варенцов, 1860, с. 79]
Отгвоздите меня отъ древа превысокаго
Со родимую со матерю,
Ради своея вѣры крещеный,
Ради своего Бога христiанскаго!
[Варенцов, 1860, с. 83].

Согласно нашим наблюдениям, количественно перечень эпитетов, свойственных общенародной традиции, шире: их примерное соотношение с жанровыми эпитетами духовного стиха составляет два с половиной к одному. И этому, как нам кажется, есть разумное объяснение: духовный стих является малым фольклорным жанром, принадлежащим русской фольклорной традиции, сохраняющим общие особенности языка фольклора.

3.4. Грамматическая характеристика эпитетов русских духовных стихов

При рассмотрении эпитетов с грамматической (морфологической и синтаксической) точки зрения мы обнаруживаем следующие закономерности.

1. В абсолютном большинстве эпитеты выражены полными (качественными и относительными, реже — притяжательными) прилагательными; при этом, по нашему мнению, следует говорить об определенном окачествлении признака, выраженного относительными или притяжательными адъектива-

ми, что обусловлено поэтикой и спецификой жанра духовного стиха, в таких атрибутивных синтагмах, как *Божий человек*, *Божий народ*, *Божье слово* и проч., что требует детального рассмотрения в рамках отдельной статьи.

В функции эпитетов используются усеченные адъективы, однако их доля, по нашим подсчетам, не превышает 10—12 % от общего количества эпитетов; об использовании в духовных стихах усеченных прилагательных см. подробнее: [Котов и др., 2020; Котов и др., 2021]. Приводим некоторые примеры:

*На славную она выпала на Фаворъ-гору,
ко **чудну** кресту къ животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатырю <...>*
[Варенцов, 1860, с. 20];

*Отъ твоего **бѣла** лица лучи стоятъ,
Какъ отъ солнца отъ праведнаго?*
[Варенцов, 1860, с. 80—81];

*А ён взимал Егорья за **жолты** кудри,
Отвозил Егорья во **синѣ** морѣ,
А привязал Егорью синь **горюць** камень,
А бросал Егорьюшка на само дно,
А на само дно, да во **синѣ** морѣ*
[ДРС, 2015, с. 456];

*<...> **Страшенъ** я сонъ въ сняхъ видала,
Будто я сына спородила,
Во **свято** крещенье крестила <...>*
[Варенцов, 1860, с. 48];

*От **свята** града Иерусалима
Поднималися ветры буйные*
[ГК, 1991, с. 53];

*Ветры буйные от **Свята** Духа,
Дробен дождик от слез Христа,
Самого Христа, Царя Небесного*
[ГК, 1991, с. 35];

*<...> Ужъ я дамъ вамъ гору золотую ,
Я даю вамъ рѣку медовую, —
Я даю вамъ сады съ виноградомъ,
Я даю вить вамъ манну **небесну***
[Варенцов, 1860, с. 63];

*Охъ ты, мечъ, ты съки **буйну** голову
У того Кудреяна Кудреяница*
[Варенцов, 1860, с. 99];

Говорит он ей слова ласковы:

*«Поищи-ка мне **буйну** голову».*

*Вот искала ему **буйну** голову*

[ДСРС, 2015, с. 422];

*Аники **буйна** глава долой с плеч покатилаь,*

И яко пьяныя Аника на коне зашатался

[ГК, 1991, с. 106];

2. Эпитеты входят в состав атрибутивной (чаще — одночленной, реже — двухчленной или трехчленной) синтагмы с препозитивным расположением адъектива. Постпозитивное расположение эпитета в рассмотренном нами языковом материале является менее частотным, доля постпозитивных эпитетов составляет также не более 10 % от общего количества:

Изъ-подъ той страны изъ-под ъ восточныя

*выставала туча **темная, грозная;***

*да изъ той изъ тучи **грозной, темныя,***

выпадала книга голубиняя <...>

[Варенцов, 1860, с. 19—20];

*Дамъ вить я вамъ гору **золотую,***

*Ише дамъ вить я вамъ рѣку **медовую,***

Я вамъ дамъ ише сады съ виноградьемъ

[Варенцов, 1860, с. 65];

*Уж да горы, вы горы **высоки,***

Полно вам неверному веровать,

Разойдитесь-ко по мелким горам, по пригорочкам [ДСРС, 2015, с. 64];

Да ты откуль идёшь, калика,

*Да ты откуль **верна**...* [ДСРС, 2015, с. 112];

Вдруг море всколыхалосе,

*Иде змея **люта*** [ДСРС, 2015, с. 454];

*Вы горы, горы **толкучие!***

Станьте вы, горы, по-старому.

*Поставлю на вас церковь **соборную,***

*В вас будет служба **Господняя!*** [ГК, 1991, с. 56].

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи мы сделали первичные наблюдения, однако полученные нами результаты являются еще одним шагом в изучении специфики жанра русского духовного стиха, в том числе с собственно языковой точки зрения.

Постоянные эпитеты, свойственные всем жанрам фольклора, — важная часть духовного стиха, так как они являются главным выражением нормативной оценки произведений устного народного творчества, в которых субъектом выступает фольклорный социум, объектом являются предметы внешнего мира.

Противопоставление «свое — чужое», лежащее в основе ценностной картины мира русского фольклора, в духовном стихе трансформируется: перед нами мир христианских ценностей, объектом оценок которого становится не внешний мир, а сам человек с его помыслами, намерениями и так далее. Ценность приобретает покорная Божией воле личность, главным достоинством которой являются истинная вера, нравственная чистота, готовность к покаянию. Кроме этого, появляются новые, свойственные жанру, субъекты действия — сакральные сущности, описание которых также предполагает другой вид оценки, которая выражается в первую очередь жанровыми эпитетами: *небесный, Божий, Господний, христианский* и др.

Анализ грамматической характеристики позволяет говорить о преобладании полных форм адъектива (качественных и относительных, реже — притяжательных прилагательных), при этом замечено определенное окачествление признака, выраженного относительными или притяжательными адъективами (*Божий человек, Божий народ, Божье слово* и др.).

Структура атрибутивной (чаще — одночленной, реже — двухчленной или трехчленной) синтагмы тяготеет к препозитивному расположению адъектива.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Варенцов — *Сборник русских духовных стихов* / сост. В. Варенцовым. — Санкт-Петербург : Издатель Д. Е. Кожанчиков, 1860. — 248 с.
2. ГК — *Голубиная книга* : Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. / сост., вступит. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 341 с. — ISBN 5-239-01136-2.
3. ДСРС — *Духовные стихи Русского Севера* / сост. В. П. Кузнецова / сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — 800 с. — ISBN 978-5-9274-0626-5.

Литература

1. Березкина Е. С. Отэтнонимические прилагательные в роли постоянных эпитетов / Е. С. Березкина // *Лингвофольклористика : сборник научных статей*. — Курск : Курский государственный педагогический университет, 1999. — № 1. — С. 30—34.

2. Булахова Н. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) / Н. П. Булахова, А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 2. — С. 122—143.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика / Ф. И. Буслаев. — Москва : Учпедгиз, 1959. — 623 с.
4. Вавилова К. Ю. Символика в русском народном творчестве (на материале любовных баллад) / К. Ю. Вавилова // Филология: научные исследования. — 2020. — № 11. — С. 108—117. — DOI: 10.7256/2454-0749.2020.11.34242.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 307 с. — ISBN 5-06-000256-X.
6. Егорова О. А. К вопросу о жанровой специфике функционирования эпитетов в русских народных сказках / О. А. Егорова // Филологический аспект. — 2018. — № 3 (35). — С. 6—12.
7. Жданович Н. В. Проблема сущности эпитета в русской лингвистике / Н. В. Жданович // Вестн БДПУ. — 2007. — № 4. — С. 79—83.
8. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1977. — 407 с.
9. Котов А. А. Атрибутивные формы в русских духовных стихах / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 10. — С. 129—135.
10. Котов А. А. Краткие и усеченные формы адъектива в русских духовных стихах Карелии : грамматический аспект / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 123—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-123-142.
11. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора : Учебное пособие для филологических факультетов университетов / С. Г. Лазутин. — Москва : Высшая школа, 1981. — 221 с.
12. Мильков В. В. Синкретизм в древнерусской мысли / В. В. Мильков // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья (историко-философские мысли) : сборник научных трудов. — Киев : Наукова думка, 1988. — С. 46—57. — ISBN 5-12-000016-9.
13. Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. — Москва : Наука, 1993. — 188 с. — ISBN 5-02-011106-6.
14. Петров А. М. Символика цветообозначений в русских духовных стихах / А. М. Петров // Филологические науки. — 2011. — № 5. — С. 25—35.
15. Слесарева Т. П. Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах / Т. П. Слесарева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 121—124.
16. Томашевский Б. В. Стилистика. 2-е издание / Б. В. Томашевский. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. — 288 с.
17. Тэрнер В. Символ и ритуал : Пер. с англ. ; вступ. ст. В. А. Бейлиса / В. Тэрнер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023,
одобрена после рецензирования 20.08.2023,
подготовлена к публикации 25.08.2023.

Material resources

DSRS — *Spiritual poems of the Russian North*. (2015). Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 800 p. ISBN 978-5-9274-0626-5. (In Russ.).

- GK — *Pigeon Book: Russian folk spiritual poems of the XI—XIX centuries*. (1991). Moscow: Moskovsky Rabochy. 341 p. ISBN 5-239-01136-2. (In Russ.).
- Varentsov — *Collection of Russian spiritual poems*. (1860). St. Petersburg: Publisher D. E. Kozhanchikov. 248 p. (In Russ.).

References

- Berezkina, E. S. (1999). Ethnonymic adjectives in the role of permanent epithets. In: *Linguofolcloristics: collection of scientific articles, 1*. Kursk: Kursk State Pedagogical University. 30—34. (In Russ.).
- Bulakhova, N. P., Skovorodnikov, A. P. (2017). To the definition of the concept of epithet (preparation for functional characteristics). *Ecology of language and communicative practice*, 2: 122—143. (In Russ.).
- Buslaev, F. I. (1959). *Historical grammar*. Moscow: Uchpedgiz. 623 p. (In Russ.).
- Egorova, O. A. (2018). On the question of the genre specifics of the functioning of epithets in Russian folk tales. *Philological aspect*, 3 (35): 6—12. (In Russ.).
- Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2020). Attributive forms in Russian spiritual poems. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 10: 129—135. (In Russ.).
- Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2021). Short and Clipped Forms of Adjective in Russian Spiritual Poetry of Karelia: Grammatical Aspect. *Nauchnyi dialog*, 11: 123—142. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-123-142> (In Russ.).
- Lazutin, S. G. (1981). *Poetics of Russian folklore: Textbook for philological faculties of universities*. Moscow: Higher School. 221 p. (In Russ.).
- Milkov, V. V. (1988). Syncretism in Old Russian thought. In: *Russian social thought of the Middle Ages (historical and philosophical thoughts): collection of scientific works*. Kiev: Naukova dumka. 46—57. ISBN 5-12-000016-9. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (1993). *Oral culture and linguistic consciousness*. Moscow: Nauka. 188 p. ISBN 5-02-011106-6. (In Russ.).
- Petrov, A. M. (2011). *Symbolism of color meanings in Russian spiritual verses*. Philological Sciences, 5: 25—35. (In Russ.).
- Slesareva, T. P. (2011). Semantics of folklore epithets in epic texts. *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*, 2: 121—124. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1983). *Stylistics. 2nd edition*. Leningrad: Leningrad University Press. 288 p. (In Russ.).
- Turner, V. (1983). *Symbol and ritual: Translated from English; introduction by V. A. Baylis*. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russ.).
- Vavilova, K. Yu. (2020). Symbolism in Russian folk art (based on the material of love ballads). *Philology: scientific research*, 11: 108—117. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.11.34242. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1989). *Historical poetics*. Moscow: Higher School. 307 p. ISBN 5-06-000256-H. (In Russ.).
- Zhdanovich, N. V. (2007). The problem of the essence of epithet in Russian linguistics. *Vesci BDPU*, 4: 79—83. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1977). *Theory of literature. Poetics. Stylistics*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 407 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.06.2023;
approved after reviewing 20.08.2023;
accepted for publication 25.08.2023.*

Информация для цитирования:

Сейбель Н. Э. Детские игры и взрослое раскаяние : концепция детства в литературе начала XX века / Н. Э. Сейбель // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 267—284. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-267-284.

Seibel, N. E. (2023). Children's Games and Adult Repentance: Concept of Childhood in Literature of Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 267-284. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-267-284. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-267-284

Детские игры и взрослое раскаяние: концепция детства в литературе начала XX века

Сейбель Наталия Эдуардовна
orcid.org/0000-0002-6840-8286
доктор филологических наук, доцент,
кафедра литературы
и методики обучения литературе
seibel_ne@mail.ru

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический
университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Статья выполнена
при финансовой поддержке ФГБОУ ВО
«Мордовский государственный
педагогический университет»
в рамках научного проекта
«Игровые стратегии
обучения литературе:
вуз-школа-образовательная среда»
(рег. № МК-36-2023/2 от 04.05.2023 г.)

Children's Games and Adult Repentance: Concept of Childhood in Literature of Early 20th Century

Natalia E. Seibel
orcid.org/0000-0002-6840-8286
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Literature and Methods
of Teaching Literature
seibel_ne@mail.ru

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared
with the financial support
of Mordovian State Pedagogical University
within the framework
of the scientific project
“Game-based teaching
strategies in literature:
university-school-educational
environment” (reg. No. MK-36-2023/2
dated May 4, 2023)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье описывается трансформация образа ребенка в литературе 10—30-х годов XX века. В качестве материала привлекаются рассказы трех авторов-современников, связанные мотивами прозрения и раскаяния: «День мальчика» Ф. Верфеля, «Бумажный змей» Лу Синя и «О нежности» Н. Тэффи. Основанием для сравнительно-сопоставительного анализа служит биографическое сходство, близкий круг философских и эстетических увлечений австрийского, китайского и русского авторов, жанровая и тематическая близость текстов. Исследователь исходит из того, что повышенное внимание к образу ребенка возникает в начале XIX века, в литературе романтизма, трактующего его либо как жертву, либо как ангела, однако уже во второй половине XIX века появляются образы «злых детей». Выполненный анализ показывает, что под влиянием Фрейда в литературе начала XX века устойчиво возникает мотив детской игры как пути знакомства со злом, искушения, неизбежного в процессе становления. Роднящая все три текста форма воспоминания дает возможность авторам трактовать произошедшие в детстве события каузативно, выводить более поздний моральный опыт из детской игры. Автор статьи делает вывод о том, что рассказы Верфеля, Лу Синя и Тэффи отмечены влиянием идеи Фрейда о взаимосвязи детских впечатлений с судьбой взрослого, который должен осмыслить пережитые некогда стыд, чувство вины, раскаяние.

Ключевые слова:

игра; становление; искушение; Франц Верфель; Лу Синь; Надежда Тэффи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article describes the transformation of the image of the child in literature during the 10-30s of the 20th century. The stories of three contemporary authors are used as material, which are connected by motifs of enlightenment and repentance: "The Day of the Boy" by F. Verfel, "The Paper Kite" by Lu Xin, and "On Tenderness" by Nadezhda Teffi. The basis for comparative analysis is the biographical similarities, close circle of philosophical and aesthetic interests of Austrian, Chinese, and Russian authors, as well as the genre and thematic proximity of the texts. The researcher assumes that increased attention to the image of the child arises in the early 19th century in Romantic literature, which interprets it either as a victim or as an angel. However, in the second half of the 19th century, images of "evil children" begin to appear. The analysis shows that under the influence of Freud, the motive of children's games as a way to familiarize oneself with evil, temptation, and inevitable experiences during development consistently emerges in literature of the early 20th century. The common form of reminiscence present in all three texts allows the authors to interpret childhood events causally and derive later moral experiences from children's games. The article concludes that Verfel's, Lu Xin's, and Teffi's stories are influenced by Freud's idea of the interconnection between childhood impressions and the fate of adults, who must comprehend past shame, guilt, and repentance.

Key words:

game; development; temptation; Franz Verfel; Lu Xin; Nadezhda Teffi.

Детские игры и взрослое раскаяние: концепция детства в литературе начала XX века

© Сейбель Н. Э., 2023

1. Введение = Introduction

Игра как форма миметической познавательной деятельности «с ее напряжением, ее радостью, ее потехой» [Хёйзинга, 1997, с. 23], с эмпирическим, символическим характером, с соединением рационального и трансцендентного («ощущений тела с эстетическими идеями» [Кант, 1994, с. 206]), с созидательностью, свободой и «полной поглощенностью» [Гадамер, с. 288] участников многократно осмыслялась в истории культуры. Соотнося историю искусства со становлением игрового сознания, Й. Хёйзинга пишет, что игра — это «заданная величина, предшествующая самой культуре» [Хёйзинга, 1997, с. 24]. Л. Витгенштейн расширяет понятие игры за счет соотнесения её с языком и математикой и акцентирует её возможности воздействовать на участника игры как коммуникативного акта [Витгенштейн, 1994, с. 110—112]. Игра воспринимается как сущностная способность человека (от аристотелевского «...тем отличаются от прочих живых существ» [Лосев, 1993, С. 721] до шиллеровского играющего «вполне человека» [Шиллер, 1957, с. 302]) и как основа любого творчества (согласно Канту, поэт «играя, дает рассудку пищу посредством воображения» [Кант, 1994, с. 195]). Однако в художественной литературе образ играющего ребенка появляется достаточно поздно и, как следствие, реже осмысляется литературоведением.

Стенания Ясона по убитым детям, плач Макдуфа о семье не выводят ребенка в центр текста и не делают предметом специального рассмотрения. На полотнах Ж.-Б. Грёза и Ф. Хальса ребенок становится объектом, а в сказках Ш. Перро и М.-К. д'Онуа — адресатом искусства, «однако язык XVII века все еще довольно сильно заплетается, когда речь идет о детях: ему не хватает слов, которые в достаточной мере отделяют маленьких детей от более взрослых» [Арьес, 1999, с. 39].

Всерьез образом ребенка заинтересовались романтики, «романтизм установил культ ребенка и культ детства» [Берковский, 1973, с. 42]. Возникшие в начале XIX века детские типы можно, с некоторой долей упрощения, разделить на детей-ангелов (У. Блейк «Дитя-радость») и детей-жертв (обычно социально-исторических обстоятельств, как Гаврош в «От-

верженных» В. Гюго). Учитывая, что жертва часто сопряжена с героикой (решительность Оливера Твиста, самоотверженность Гавроша), следует согласиться с тем, что эти два типа проистекают из актуального для романтиков архетипа «младенца-Бога ... ребёнка-героя» [Крупенина, 2016, с. 246], тем более что мотивы невинности и обреченности в литературе первой половины XIX века тесно переплетаются (Дита в повести «Авдий» А. Штифтера). В то же время романтизм дает примеры «злых детей», воплощающих хаос мира (Берта в «Белокуром Экберте» Людвиг Тика, отчасти Алеша в «Черной курице» Антония Погорельского): «Столкнулись две противоположные идеи, а именно: древний библейский постулат изначальной греховности человека и новая идея о невинности ребенка» [Ненилин, 2005, с. 39].

Во второй половине XIX века ребенок становится объектом приложения воспитательного воздействия (Н. Г. Помяловский «Очерки бурсы», М. фон Эбнер-Эшенбах «Первый ученик»), он вписывается во взрослый мир, участвуя в его заботах («Детство» Л. Н. Толстой), представляет собой новый ракурс наблюдения действительности («Приключения Тома Сойера» М. Твена).

Существует довольно много «частных» наблюдений детских образов в пределах определенного произведения, этапа или жанра. Типологии выстраиваются по разным основаниям (связь с концепцией истории у Э. Ю. Ивановой [Иванова, 2010], формы реакции на аморализм мира у О. В. Ловцовой [Ловцова, 2018] и др.). Социологи и антропологи констатируют, что «каждый новый образ ребенка — не просто этап углубления художественного познания детства, а и специфический вид социальной проекции, отражение чаяний взрослых» [Кон, 2012, с. 62].

Для нас важны те философско-этические сдвиги, которые отражаются не только в принципах создания образа ребенка, но — более узко — в его играх. Описание играющего ребенка (*puer ludens*) само по себе появилось в литературе достаточно поздно. В конце XVIII — начале XIX веков игра и игрушка воспринимаются как фактор «профессионализации» героя (кукольный театр, подаренный матерью Вильгельму Мейстеру в романе Гёте). Затем становятся источником восхищения, удивления, образцом мастеровитости (замок Дроссельмейера у Гофмана). Наконец, в литературе, представляющей ребенка жертвой социальной несправедливости, игра — знак умолчания, фигура отсутствия (Козетта в «Отверженных», Маруся в «Детях подземелья» замирают перед игрушкой и не решаются с ней коммуницировать).

Наша цель — рассмотрение текстов, представляющих эстетический образ и этическое значение детской игры, проникающей в тексты начала XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве основного материала данного исследования привлекаются рассказы трех авторов-современников, имеющие сходный набор мотивов: «День мальчика» Ф. Верфеля, «Бумажный змей» Лу Синя и «О нежности» Н. Тэффи. Тексты связаны тематически и образно, аналогичны по нарративной структуре.

Во-первых, сравнение различных по национально-культурному контексту произведений нацелено в данном случае на то, чтобы зафиксировать изменения, происходящие в концепции детства в момент значительного социального слома.

Каждый из рассматриваемых авторов волей судьбы оказался едва ли не в эпицентре революционных событий.

Верфель, помимо выдающихся литераторов (Фр. Кафки, Р. М. Рильке, Фр. Блея и др.), тесно общался с политическим кругом М. Бубера, Э.-Э. Киша, О. Гросса. Он публиковался в журналах прямо противоположной направленности: «Die Fackel» К. Крауса и «Der Jude» М. Бубера. Его биография — в особенности военного периода — изобилует казалось бы взаимоисключающими фактами: писатель был арестован за антимилитаристскую пропаганду в армии, а в 1916 году награжден Золотым крестом за заслуги; в октябре–ноябре 1918 года выступал с «нападками на дом Габсбургов» [Jungk, 2001, S. 351], участвовал в движении за Чехословацкую республику и чудом избежал ареста, а в начале 20-х годов ратовал за осознание австрийской национальной идентичности, «против немецкого пути» [Wagner, 2009, S. 35]. Напряженный поиск собственной позиции заводил его подчас в интеллектуальный и творческий тупик, но он продолжал активно решать вопросы, связанные с религиозным самоопределением («Барбара», «Песнь Бернадетте»), осознанием, что есть старое и новое («Хуарес и Максимилиан»), «отцовство — сыновство» [Никифоров, 2009, с. 342]. Рассказ «День мальчика» написан в 1915 году в момент важного «перелома» в сознании писателя и тесно связан с процессом становления его исторических и политических взглядов.

К сюжету «Бумажного змея» известный китайский писатель, педагог и общественный деятель Лу Синь обращается дважды. В 1919 году в журнальном варианте вышло эссе «Мой брат», в 1925 — «Бумажный змей». Получивший образование в Японии, Лу Синь вернулся на родину из соображений революционно-патриотических, но в революции 1911 года был разочарован. Активно участвовал в движении «За новую литературу» (1919), сохраняя при этом независимую, даже индивидуалистскую позицию. Лишь в 1930 году он примыкает к движению «Лиги писателей левого фронта». Связь и разрыв времен становится в том числе темой «Мое-

го брата» и «Бумажного змея» — в исследовательской литературе можно встретить трактовку этого сюжета как столкновения прошлого и будущего, «феодалных устоев и становления личности» [查媛媛, 2012, p. 72].

«Несмотря на то что Тэффи, по большей части, была далека от политики, она испытала на себе те громадные потрясения, которые выпали на долю имперской России на закате ее истории» [Хайбер, с. 15]. Личное знакомство с Л. Б. Каменевым, В. И. Лениным, А. М. Коллонтай, сотрудничество в либеральной газете «Русское слово», большевистской «Новой жизни», кадетской «Речи», активное участие в театральной жизни и поэтических объединениях сформировали её самостоятельную позицию. Она иронически отзывается о большевиках, в 1917 году сотрудничает с «Обществом охранения художественных зданий и предметов искусств», утвержденным Сологубом, в 1919 выражает уверенность, что «к весне вернется на родину»: «Чудесное слово — весна. Чудесное слово — родина... Весна воскресение жизни. Весной вернусь» [Тэффи, т. 5, с. 396]. Историческим фоном написания рассказа «О нежности» стала активизация рабочего движения и нарастающие беспорядки в Париже, которые Тэффи сравнивала с русской революцией, говоря о повторяемости истории и сходстве её «витков».

Сравнительно-сопоставительный анализ в применении к этим трем текстам дает возможность говорить об общих для различных культур направлениях трактовки детства, позволяет найти те «подсказывающие аналогии», которые выявляют общую тенденцию, «контекст идеи» [Шайтанов, 2010, с. 485], связывающей революционные процессы с меняющимся образом детской игры.

Вторым основанием для сравнения указанных произведений становится жанр. Трансформация и переходность малых жанров в начале XX века, базирующиеся на синтезе и «отказе от узко специфических категорий» [Пономарева, 2006, с. 8], — устойчивый предмет осмысления литературоведения. В данном случае на не рассматривавшемся ранее в сравнительном ключе материале мы продолжаем анализировать раздвигающиеся границы жанров малой прозы.

В разных источниках жанр рассматриваемых произведений обозначается как притча, рассказ, стихотворение в прозе. Сам Верфель дает своему тексту наименование *фрагмент* — эту жанровую номинацию он применял неоднократно («Черная месса», «Селла»). Незавершенность, отсутствие итогового выбора и решения становится в таких текстах принципиальной авторской позицией. Издатели и исследователи, однако, привычно используют по отношению ко «Дню мальчика» определение «рассказ». Лу Синь включает «Моего брата» в собрание стихотворений в прозе «Дикие травы», написанное под ощутимым влиянием сборника «Senilia» Тургенева.

Первые поэтические переводы тургеневских текстов на китайский язык были сделаны Лу Синем в 1918 году, и собственный сборник содержит отклик на этот опыт. В то же время в литературоведении тексты, входящие в сборник, часто соотносят с национальной китайской традицией притчи в духе Чжуан-цзы и фольклорным жанром фу. Нельзя не обратить внимание также на связь «Бумажного змея» с эссеистикой: по сути, текст представляет собой переработанное эссе «Мой брат» и имеет ту же фабульную основу. Наконец, четыре примера, доказывающих противоречиво-парадоксальную, ностальгически-комическую природу нежности и организующих структуру рассказа Н. А. Тэффи, — яркий пример «неканонической» прозы, включающей признаки новеллы, эссе, дневника. «О нежности» — образец разрушения жанровых границ, способный «убедить любезного читателя в истинности печальной вести о смерти» устойчивых жанровых номинаций [Бицилли, 2000, с. 474].

Во всех трех текстах читатель видит выраженное лирическое начало, они представляют собой раздумье о важном, подведение промежуточных итогов, жизненный урок, в котором сконцентрированы детские впечатления, дающие в нашем случае материал для анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Традиционно в игре ребенок осваивает различные виды деятельности и получает разнообразное знание. Романтический герой, играя, осознавал божественную сущность природы, как Франц Штернбальд в романе Людвиг Тика. Персонаж бидермейера учился смирению и преданности, как заигравшиеся дети в «Граните» А. Штифтера. Самоотверженность, дружба, радость, понятие справедливости и несправедливости — ребенок в литературе XIX века получал множество уроков. К концу века начинают появляться образы несчастных, злых и неблагодарных детей, а в начале XX века — «ощущающий свою инаковость и, как следствие, — свое одиночество... страдающий ребенок» [Шадурский и др., 2022, с. 185].

Принципиальное отличие тех персонажей, о которых пойдет речь ниже, — остро пережитое чувство стыда. Каждый из детей в «Дне мальчика», «Бумажном змее» и «О нежности» получает урок, осмысляемый им затем во взрослой жизни. Герои осознают свою агрессию, лживость, играя, знакомятся со злом. Каждый совершает поступок, вызывающий у него противоречивые чувства, среди которых важные и объединяющие всех троих — стыд и боль. Время доказывает значимость произошедшего и роль описываемого события в дальнейшей судьбе рассказчика (лирического героя). Хорошо знакомый всем трем авторам Фрейд писал по этому поводу: «Не следует преуменьшать значение таких эпизодов из детской

жизни, ... подобные проступки находятся в связи с самыми сильными побуждениями детской души и указывают на предрасположение к тому, чтобы в дальнейшем жизнь сложилась так или иначе» [Фрейд, 2010, с. 340].

3.1. Воспоминание как повествовательная модель

Ретроспективная природа всех трех текстов создает двойной ракурс описания ребенка. Начало XX века настойчиво ищет взаимосвязи взрослого с его прошлым, стремится обрести неразрывность причин и следствий, «отступить от настоящего и ... направляться обходным путем через самое раннее детство» [Фрейд, 2010, с. 258]. Идея причинности, каузальности, обусловленности становится сквозной в литературе 10—30-х годов XX века. Однако соединяются прошлое и настоящее в структуре произведений по-разному.

В композиции рассказа Франца Верфеля прошлое и будущее тесно связаны между собой. Его рассказчик, в отличие от Лу Синя и Тэффи, не дистанцирован от происходящего специально выделенной композиционной частью, в которой он получил бы исключительное право высказывания. Взрослое «Я» в «Дне мальчика» выступает в качестве комментатора, вносящего уточнения и делающего обобщения. Граница между прошедшим событием и его осмыслением в настоящем устойчиво маркирована: в первой половине рассказа указанием на обычность, типичность поведения героя («я и в школе всегда так делал», «каждый раз, когда»), во второй — акцентом на новом опыте («впервые»). Благодаря этому переходу от «всегда» к «впервые» описываемое событие выводится из разряда «рядовых»: перед нами — важный, формирующий личность случай.

Фрагменты, где звучит голос взрослого, выстраиваются в тексте в своеобразное «кольцо».

Рассказчик начинает с создания иронической (даже саркастической) дистанции: «тогда» он был очарован своим новым другом, «сейчас» он осознает наивность своего бывшего восторга. Взрослый восстанавливает своего двойника-ребенка в правах: объективных оснований для робости нет, она рождена исключительно глубиной переживаемых чувств, открытостью дружелюбного мальчика, восторгом перед Петером («...он провалился уже в первом классе... Мне тоже было одиннадцать, я был не младше Петера. Учебный год я закончил не очень удачно, но меня перевели» [Верфель, 2005, с. 420]).

В центре рассказа возникает ряд комментариев, формулирующих заложенные в детстве поведенческие модели и психологические закономерности, проявляющиеся в описанном эпизоде. Застенчивость и жажда внимания подталкивают героя к наивным ошибкам и промахам. Обнаружение их истоков помогает разобраться в собственном характере и поведении. Ре-

троспекция нужна, чтобы определить, какие из сфер деятельности, опробованных ребенком, по-настоящему значимы и как из робости прорастает упорство, а из игры — убеждения. В день знакомства со своим кумиром (соседским мальчиком Петером) герой совершает три стыдных поступка: врет, чтобы принять участие в неудавшемся опыте с электричеством, пытается привлечь внимание, играя на скрипке, и испытывает стыд и ненависть к отцу, который в сравнении с Петером *«был плебеем и каждое воскресенье ходил в церковь»* [Верфель, 2005, с. 426]. Хвастовство и незнание в глазах рассказчика легко искупаются детской искренностью. Попытка обратиться к музыке — повод для осознания своей силы, когда *«весь стыд испарился от страстного желания победить»* [Там же]. Отречение от корней (религии, отца) — болезненный опыт, нуждающийся в осмыслении. В первых двух случаях герой-ребенок получает слово, и мы видим развернутую рефлексию: сомнения, страхи, «ораторское самоуничижение» [Там же, с. 425]. В рассказе возникает образ юноши пылкого, робкого, но способного проявить упорство и волю — образ, типичный для Верфеля и родственный его Францу Адлеру (роман «Встреча выпускников») или Фердинанду Р. (роман «Бабара, или Благочестие»).

В финале рассказа герой совершает поступок, в его системе ценностей по-настоящему постыдный: он врет в ответ на вопрос о вере в Бога. Это событие остается без комментария, ни ребенок, ни взрослый его не рефлексируют. Открытость финала и авторское определение жанра — *фрагмент* — прямо указывают на неисчерпанность поиска ответа на этот вопрос и нерешенность, станет ли конформизм путем предательства или обретения себя. Возвращаясь к вводным комментариям взрослого рассказчика, читатель понимает: у героя нет скидок на возраст. Ни страх, ни детская наивность или стыдливость не могут быть ему оправданием. Повзрослевшего рассказчика вопрос своей связи с религией отца и историей своего народа всё так же волнует. На протяжении всей жизни Верфель вёл напряженный духовный поиск, обращаясь к буддизму, католицизму, примыкая к идеям мировой надконфессиональной религии и лишь в 30-е годы безоговорочно встав на позиции иудаизма. Наблюдаемые им исторические катаклизмы (Первая мировая война, начало сионистского движения, революционные события в Праге и Вене), в которых он активно участвовал, становились поводом снова вернуться к вопросам Бога.

Текст Лу Синя очевидным образом распадается на обрамляющую часть (вступление и заключение), написанную с позиции постаревшего человека, неожиданно смущенного детским воспоминанием, и центральный эпизод, описывающий ссору с младшим братом из-за тайком собранного бумажного змея, сломанного героем. Страсть брата к бесполезной

игре кажется центральному персонажу порочной «забавой дурных детей» [Лу Синь, 1989, с. 322], он упоен властью старшего над младшим, сильного над слабым, полон «праведного» гнева. Младший брат кажется тем более бесправным и несправедливо обиженным, чем более очевиден контраст бескрайней голубизны, полета, *«неба, украшенного бумажными змеями»* [Лу Синь, 1989, с. 322], о которых он мечтает, и тесной каморки, в которой он вынужден прятаться. Широкий простор сопряжен с эмоциями счастья, самозабвения, радости. Пыльная, заваленная вещами комната — пространство испуга, болезненности, слабости. Свою жестокость герой объясняет воздействием охвативших его эмоций (*«что-то подсказало», «упоенный», «возмущенный»*). Если брат, наблюдая за полетом воздушных змеев, учится сочувствию, то сам герой, совершая зло, гордится победой, наслаждается отчаянием «врага» и собственным безразличием. Нарочитая антитеза ограниченности и жестокости одного и слабости другого акцентирована рассказчиком, с раскаянием вспоминаям детство из перспективы сегодняшнего дня, в котором он одинок, печален и потерян.

История прошлого заключена в двойное обрамление: события, связанные со встречей взрослых братьев и попыткой примирения, — второй временной план повествования, и воспоминания пожилого рассказчика, порожденные тоской по теплу весны на родине и окружающей героя зимой, — третий (современный) повествовательный план: «основное содержание “Воздушного змея” и заключено в этой “оболочке воспоминаний”» [王 钦, 2022, p. 86]. Три времени тесно связаны между собой, их неразрывность обрекает героя на чувство безысходности, несправимости прошлого. Во вступлении противопоставляются Шаосин (родной город Лу Синя в провинции Чжэцзян) и северный Пекин; весна, ассоциированная с надеждой, детством, радостью, примирением, и зима — старость, непоправимость вины, одиночество. В финале этот контраст еще усилен указанием на то, что зима — путь к смерти: *«Мне бы укрыться от <печали> там, где стоит морозная зима с её жестокими холодами»* [Лу Синь, 1989, с. 323].

«Клин в линейную последовательность времени» [王 钦, 2022, p. 87] вбивает не только фрагментарность и разорванность мышления рассказчика, пытающегося связать причины и следствия и избегающего, в связи с этим, прямого порядка событий, как пишет Ван Цинь, но и субъективность памяти. Каждый из персонажей живет в собственном мифе о прошлом, и возможность восстановления прежних связей утрачена. Память брата превращает прошлое в «интересную, но чужую историю» [Лу Синь, 1989, с. 323].

Логика повествования, таким образом, следующая: тоска — воспоминание — анализ и стыд — надежда на исправление ошибки — опустошен-

ность и безнадежность. Текст тесно связан с теми стихотворениями в прозе «Е Цоа», которые посвящены утекающему времени, невозвратимости потерянного («Надежда», «Снег» и др.).

Четыре истории в рассказе Н. А. Тэффи снабжены вступительным рассуждением о том, какова природа истинной нежности и чем она отличается от страсти и любви. Избранность, самоотречение, незащищенность, принятие малого и безгероичного в совокупности составляют сложное и недооцененное свойство, утрачиваемое новым миром. Важнейшей темой этой части становится «несовременность» нежности. Агрессивность (*«засучили рукава»*), эгоизм (*«всегда с оглядкой на себя»*), гордыня (*«расправили плечи»*) — приметы нового времени, о котором Тэффи писала: «Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли» [Тэффи, т. 3, с. 326]. В поисках нежности рассказчица «перебирает» её литературные, вербальные и поведенческие приметы. Одной из главных оказывается полнота и противоречивость чувства: болезненного и комического, глубоко переживаемого, но повседневно-кроткого.

Приведенные в качестве примера последующие четыре эпизода выстроены от детских, посвященных тому, как зарождается нежность, к взрослым — как проявляется и на что способна.

Магистральное направление движения: первый эпизод — сестрёнка Лена — познание нежности через боль и сострадание трогательному бессилию, второй — мальчик Миша — познание через самоотречение и радость, третий — жена Сергея Сергеевича — преданность и унижение, четвертый — умирающая собака — боль потери, «чистейшее проявление бескорыстной любви — любви, связывающей человека и животное» [Хайбер, 2021, с. 278]. В общей логике повествования оказывается, что не только пережить, но и оценить всю глубину этого чувства дано не каждому, поэтому финал — возвращение к отрицанию нежности, заявленному в начале: *«Почему такое уничтожение нежности?»* [Тэффи, т. 4, с. 173] — вопрошает автор во вступлении; *«Ну и поохотали же мы! ... Сушая комедь!»* [Там же, с. 182—183] — комментирует горничная непонятную и недоступную ей историю в финале. Еще один признак кольцевой композиции проявляется в том, как реализуется точка зрения рассказчика: первый и последний эпизоды содержат выраженный образ эксплицитного повествователя, в разной мере принимающего участие в происходящем и имеющего по его поводу собственную субъективную позицию. «Срединные» эпизоды объективны.

Сосредотачивая свое внимание на образе ребенка, легко обнаружить, что и во «взрослых» эпизодах важную роль играют дети, с той разницей, что в первой и второй части они — активный, центральный персонаж, в третьей и четвертой — пассивно воспринимающая чужие истории сторона, наблю-

датели. Однако и в этих частях их позиция — завершающая и обобщающая. В финале третьей части слезы ребенка компенсируют безразличие взрослых: «Только маленький мальчик, сидевший за соседним столиком и видевший эту сцену, вдруг зажмурился и горько-горько заплакал» [Тэффи, т. 4, с. 180]. Повествование в четвертой части ведется от лица рассказчицы, безоговорочно примыкающей к детям («мы не поняли», «нас очень интересовала»). Она сочувствует обиженной сестре: «Дети страшно остро чувствуют обиду и унижение!» [Там же, с. 182], — привлекает внимание к странностям соседа. Если смотреть на финал рассказа с точки зрения эволюции позиции героя-ребенка, то в нём видна та же незавершенность, что и у Верфеля: умолчание — знак несогласия, полемики. Подслушивающая героиня осознает важность услышанной новости о страдании хозяина, теряющего своего пса («услышала я нечто»), и пока не может определить своего отношения к насмешкам кухарки, боли сановника, обиде младшей сестры, явно переосмысленной в связи с новостью о смерти. Разнообразные чувства должны переплавиться во что-то новое — это и будет нежность.

Таким образом, соединение нескольких повествовательных планов, воспоминания и осмысления прошлого с настоящим, на которых строятся все три текста, дают разные результаты. У Верфеля зародившийся в детстве вопрос становится главным и определяющим на всю жизнь. Пережитый стыд за свою ложь не отпускает героя, вновь заставляя обдумывать ту же проблему, искать ответ на каждом жизненном этапе. Герой Лу Синя под гнетом вины приходит к пониманию неисправимости прошлого. Все пути искупления совершенной некогда жестокости утрачены. У Тэффи — детский опыт боли и стыда переработан, боль превратилась в нежность.

3.2. Игра и игрушка в их символической функции

Три автора помещают своих героев-детей в пространство игры, которая несет новый опыт, приводит к нравственным открытиям. К началу XX века в литературе подробно описаны игра-имитация (лошадки, дочки-матери), игра-ритуал (хороводы, игры с животными и птицами), игра-состязание (охота, мяч, фехтование, шахматы): «Когда игра, — пишет Ф. Арьес, анализируя живопись с изображением детских игрушек, — утратила религиозный смысл..., она переходит в разряд детских забав, которые представляют собой ... весь репертуар архаических обрядов» [Арьес, с. 77—78]. В художественных текстах уделено внимание занимательности детской игры (Гофман «Щелкунчик»), увлеченности и доверию всех участников (Толстой «Детство»).

Верфель делает акцент на «запретности», спонтанности, формировании плана / сценария игры непосредственно по её ходу. Игра увлекательна тем, что составляет тайну и нарушает предустановленный порядок («дети

скупчились в саду ... вопреки запрету взрослых...» [Верфель, 2005, с. 420—421]). Она стихийна: *«подпрыгивали, бегали туда-сюда, безумствовали, задыхались»* [Там же], — уравнивает внутреннее беспокойство и добавляет героя Верфеля от тревоги. Возбуждение игры сопряжено с ощущением своей избранности, принадлежности к закрытому сообществу, непредсказуемости результата. Рациональные обоснования совершаемым действиям придумываются непосредственно по ходу игры (*«Потом сюда можно воды налить»* [Там же, с. 422]) и не убедительны для самих её участников. Всё, что в игре ещё не реализовано, — ложь, а заранее оговоренный порядок действий (*«Ты начертил план? — допытывался Петер»* [Там же, с. 423]) разрушает игровой мир.

Фонтан, который строит герой, семантически связан с темой самоопределения и поиска жизненных идеалов. Во-первых, этот образ несет в себе смысл инициации, связанный со стихией земли: разрытая яма символически соотносится с «ритуальной смертью» — трижды пережитым стыдом (при покупке веревки, за вырытую яму, при опыте с электричеством). Во-вторых, важен смысл очищения, связанный с водой: провал замысла с ямой и последующие слезы помогают герою осознать свою самость, освободиться от диктата чужого мнения (*«изгой»*, объект *«глумления»*).

Игра в стихотворении в прозе Лу Синя тесно связана с ощущением радости, открытости миру, полета (отсюда разночтения в переводах: *«风»* — «воздушный», Лу Синь делает акцент на возвышенности, а не хрупкости (бумага) детской мечты). Здесь тоже есть элемент тайны, но, в отличие от рассказа Верфеля, это вынужденная тайна, невольно выданная самим ребенком, слишком увлеченным, чтобы думать об опасности. Описание игрушки, которую изготавливает младший брат рассказчика, наполнено символизмом. Бабочка — символ перерождения, связи прекрасного и безобразного, даосского бессмертия через преображение. Она — воплощение души из притч Чжуан-цзы и легенды о Лян Шаньбо и Чжу Иньтай. Связь воздушного змея с душой ребенка усилена за счет акцента на её нарисованных глазах и описания действий героя, который «сломал крыло бабочки» — в прямом смысле и осквернил детскую мечту — в переносном.

Символизм игрушки усилен деталями. Во-первых, важным семантическим пластом текста является становление: используемый братом лирического героя бамбук ассоциируется с наполнением (сознания), освоением (знаний), ростом, кроме того, изготовлен пока только остов бабочки — основа для будущего содержания. Во-вторых, близость игры и священнодействия подчеркивается неоднократным упоминанием бумаги и книги. В сочетании с красным цветом и началом весны создаются смыслы игры-ритуала, направленного на обновление мира. Святость игры позже

осознается и рассказчиком: «Игрушки — это ангелы-хранители детства» [Лу Синь, 1989, с. 323].

Старший герой, находясь в плену стереотипов (пустое, дурное занятие), обесценивает живую жизнь, заключенную в самозабвенной страсти к бумажным змеям его брата.

Герои-дети в рассказе Н. А. Тэффи оказываются на границе игры и внеигровой реальности: столкновение этих двух форм самоидентификации ведет к внутреннему противоречию, описываемому рассказчицей: *«Всё было так беззащитно, покорно и кротко и вместе с тем так невыносимо смешно, что семилетняя душа моя растерялась»* [Тэффи, т. 4, с. 176]. Игра — территория нравственности (в рассказах Тэффи, например «Исповеди», вымышленный с целью оправдать собственный дурной поступок игровой мир нежизнеспособен, нечистая совесть не согласуется с игрой). Внутри игры сестренка Лена и мальчик Миша безошибочно отличают «своё», осененное любовью, вдохновляющее на самоотвержение от враждебной внешней силы. Недоверие игре ставит героиню-рассказчицу в положение «злой девочки», выдающей и осмеивающей чужую тайну.

В мире детских фантазий Тэффи одушевляется любой предмет: котро-наж с ёлки, подсвечник, «каждая вещь имеет свою физиономию и, значит, душу» [Бицилли, 2000, с. 483]. В рассказе «О нежности» лицо игрушки — жалкое, старое и уродливое, но в то же время осмысленное: светлое (золото на слонике, подсвечник), радостное (красная попона, пряник), кроткое, мудрое. Общий принцип одушевления последовательно реализуется в наличии у вещи психологических и нравственных черт («невинный» слоник), обнаружении антропоморфных примет («плечи» подсвечника) и активной роли в игре. Игрушка помогает ребёнку проявить ранее скрытые и не знакомые ему самому качества: отчаянную смелость, самоотверженную заботу.

Таким образом, у Верфеля игра выполняет «компенсаторную» функцию — помогает восстановить душевный порядок и подготовиться к решению важных моральных вопросов, в тексте Лу Синя она — залог искренности и открытости миру, хрупкий росток, нуждающийся в охране, у Тэффи игра — территория формирования нравственных законов, замкнутая, оберегаемая ребенком, осознающим свою неразрывную связь с игрушкой.

4. Заключение = Conclusions

Рассказы Верфеля, Лу Синя и Тэффи отмечены влиянием идеи Фрейда о взаимосвязи детских впечатлений с судьбой взрослого, который должен осмыслить пережитые некогда стыд, чувство вины, раскаяние. Значимость в них приобретают не только позитивные уроки детства. Игра может быть путем познания зла, дать пищу для осмысления тёмных

сторон собственного «я». В игровом пространстве ребёнок сталкивается с искушениями, каковыми становятся власть старшего, осознание физической и моральной силы.

Детские эпизоды определяют сознание взрослого рассказчика текстов Верфеля, Лу Синя и Тэффи, продолжающего отвечать на нравственные и религиозные вопросы, возникшие перед ним в детстве. Ретроспекция, составляющая основу текстовой структуры, организует двойной взгляд на ребёнка: изнутри происходящего в детстве события и из внешней перспективы, выявившей смысл и значение этого события во взрослой жизни героя.

В контексте «большого времени» детская игра и игрушка обретают особый символизм. Описание игрушки во всех трех случаях тесно связано с мотивной системой текстов. Игра, помимо уже описанных в литературе XIX века качеств, приобретает характер тайны, компенсирует детские тревоги, дифференцирует важное и случайное, формирует личность.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. *Верфель Ф.* Черная месса / Ф. Верфель ; пер. с немецкого А. Кантора. — Москва : Эксмо, 2005. — 431 с. — ISBN 5-699-10875-0.
2. *Лу Синь.* Избранное / Лу Синь ; пер. с китайского Л. Эйлина. — Москва : Худож. лит., 1989. — 511 с. — ISBN 5-280-00696-3.
3. *Тэффи Н. А.* Собрание сочинений : в 5 т. / Н. А. Тэффи ; сост. И. Владимиров. — Москва : Книжный Клуб Книговек, 2011. — ISBN 978-5-4224-0255-7.

Литература

1. *Арьес Ф.* Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. — 416 с. — ISBN 5-7525-0740-5.
2. *Бицилли П. М.* Трагедия русской культуры : Исследования. Статьи. Рецензии / П. М. Бицилли. — Москва : Русский путь, 2000. — 608 с. — ISBN 5-85887-073-2.
3. *Витгенштейн Л.* Философские работы : в 2 ч. / Л. Витгенштейн ; Пер. с нем. — Москва : Гнозис, 1994. — Ч. II. — ISBN 5-7333-0468-5.
4. *Выборнова К. А.* Образ детства в русской мемуарной прозе : стилистические средства передачи «детского взгляда» на мир / К. А. Выборнова // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. — 2010. — № 3. — С. 5—10.
5. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991 — 368 с. — ISBN 5-210-0261-X.
6. *Иванова Э. Ю.* Детство и юность как предмет изображения в прозе Г. Бёлля : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Э. Ю. Иванова. — Самара, 2010. — 206 с.
7. *Кант И.* Критика способности суждения / И. Кант. — Москва : Искусство, 1994. — 367 с. — ISBN 5-210-02324-9.

8. Кон И. С. Бить или не бить / И. С. Кон. — Москва : Время, 2012. — 336 с. — ISBN 5-7695-1420-5.

9. Крупенина М. И. Архетип ребенка как объективация ментальности викторианской эпохи на материале творчества Ч. Диккенса / М. И. Крупенина // Научно-практическая конференция в рамках «Недели науки» ФИЯ МАИ-НИУ : Сб. докладов. — Москва : Перо, 2016. — Выпуск 8. — С. 245—253.

10. Ловцова О. В. Типология детских образов в современной британской драме : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / О. В. Ловцова. — Екатеринбург, 2018. — 227 с.

11. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1993. — 959с. — ISBN 5-244-00721-1.

12. Ненилин А. Г. Образ ребенка в американской литературе XIX в. / А. Г. Ненилин // Культура и текст. — 2005. — № 10. — С. 36—42.

13. Никифоров В. Н. Франц Верфель / В. Н. Никифоров // История австрийской литературы : В 2 тт. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. — Т. 1. — С. 328—352. — ISBN 978-5-9208-0330-6.

14. Пономарева Е. В. Русская новеллистика 1920-х годов (основные тенденции развития) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Пономарева. — Екатеринбург, 2006. — 490 с.

15. Фрейд З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд ; сост. Д. И. Донской, В. Ф. Крупнянский. — Минск : Попурри, 2010. — 608 с. — ISBN 978-985-15-1064-7.

16. Хейбер Э. Смеющаяся вопреки. Жизнь и творчество Тэффи / Э. Хейбер. — Бостон / Санкт-Петербург : Библиороссика, 2021. — 408 с. — ISBN 978-5-6046148-6-0.

17. Хейзинга Й. Homo Ludens ; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и X 35 вступ. ст. Д. В. Сильвестрова ; Коммент. Д. Э. Харитоновича. — Москва : Прогресс-Традиция, 1997. — 416 с. — ISBN 5-89493-010-3.

18. Шадурский В. В. «Детская» тема у Н. А. Тэффи / В. В. Шадурский, А. К. Дьячкова // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов. — Тверь : ТГУ, 2022. — Выпуск 11 (17). — С. 184—188.

19. Шайтанов И. О. Компаративистика и/или поэтика : Английские сюжеты глазами исторической поэтики / И. О. Шайтанов. — Москва : РГГУ, 2010. — 656 с. — ISBN 978-5-7281-1197-9.

20. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании / Ф. Шиллер // Статьи по эстетике. Собрание сочинений в 7 тт. — Москва : Художественная литература, 1957. — Т. 6. — С. 251—359.

21. Jungk P. S. Franz Werfel : eine Lebensgeschichte / P. S. Jungk. — Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verl., 2001. — 470 S. — ISBN 978-3-5961-4975-9.

22. Wagne M. Literatur und nationale Identität. Österreichbewußtsein bei Franz Werfel / M. Wagne. — Wien : Praesens-Verlag 2009. — 343 S. — ISBN 978-3-7069-0527-5.

23. 查媛媛. 对比解读鲁迅先生的《弟兄》与《风筝》/ 查媛媛 // 大学语文建设. — 2021. — 10期 (280). — Pp. 72—73. — DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2021.10.031.

24. 王 钦. 论宽恕的时间-重读鲁迅《风筝》/ 王 钦 // 现代中文学刊. — 2022. — 3 期 (78). — Pp. 85—90.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023,
одобрена после рецензирования 20.08.2023,
подготовлена к публикации 25.08.2023.

Material resources

- Lu Xin. (1989). *Favorites*. Moscow: Art lit. 511 p. ISBN 5-280-00696-3. (In Russ.).
- Teffi, H. A. (2011). *Collected works: In 5 volumes*. Moscow: Knigovok Book Club. ISBN 978-5-4224-0255-7. (In Russ.).
- Werfel, F. (2005). *Black Mass*. Moscow: Eksmo. 431 p. ISBN 5-699-10875-0. (In Russ.).

References

- Arjes, F. (1999). *The child and family life under the old order*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 416 p. ISBN 5-7525-0740-5. (In Russ.).
- Bicilli, P. M. (2000). *The Tragedy of Russian Culture: Research. Articles. Reviews*. Moscow: Russian Way. 608 p. ISBN 5-85887-073-2. (In Russ.).
- Cha Yuanyuan. (2021). Comparative interpretation of Mr. Lu Xun's "Brother" and "Kite". *University Language Construction*, 10 (280): 72—73. DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2021.10.031. (In Chine.).
- Freud, Z. (2010). *Psychoanalytic studies*. Minsk: Potpourri. 608 p. ISBN 978-985-15-1064-7. (In Russ.).
- Gadamer, G.-G. (1991). *Relevance of the beautiful*. Moscow: Iskusstvo. 368 p. ISBN 5-210-0261-X. (In Russ.).
- Heiber, E. (2021). *Laughing in spite. The life and work of Taffy*. Boston / St. Petersburg: Bibliorossika. 408 p. ISBN 978-5-6046148-6-0. (In Russ.).
- Huizinga, J. (1997). *Homo Ludens; Articles on the history of culture*. Moscow: Progress-Tradition. 416 p. ISBN 5-89493-010-3. (In Russ.).
- Ivanova, E. Yu. (2010). *Childhood and youth as a subject of image in G. Bell's prose*. PhD Diss. Samara. 206 p. (In Russ.).
- Kant, I. (1994). *Criticism of the ability of judgment*. Moscow: Iskusstvo. 367 p. ISBN 5-210-02324-9. (In Russ.).
- Kon, I. S. (2012). *To beat or not to beat*. Moscow: Vremya. 336 p. ISBN 5-7695-1420-5. (In Russ.).
- Krupenina, M. I. (2016). The archetype of a child as an objectification of the mentality of the Victorian Era on the material of the creativity of Ch. Dickens. In: *Scientific and practical conference within the framework of the "Week of Science" FIYA MAI-NIU: Collection of reports*, 8. Moscow: Pero. 245—253. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1993). *Essays on ancient symbolism and mythology*. Moscow: Mysl. 959 p. ISBN 5-244-00721-1. (In Russ.).
- Lovtsova, O. V. (2018). *Typology of children's images in modern British drama*. PhD Diss. Yekaterinburg. 227 p. (In Russ.).
- Nenilin, A. G. (2005). The image of a child in American literature of the XIX century. *Culture and text*, 10: 36—42. (In Russ.).
- Nikiforov, V. N. (2009). Franz Werfel. In: *History of Austrian literature: In 2 t., 1*. Moscow: IMLI named after A. M. Gorky RAS. 328—352. ISBN 978-5-9208-0330-6. (In Russ.).
- Ponomareva, E. V. (2006). *Russian novelistics of the 1920s (main development trends)*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 490 p. (In Russ.).
- Shadursky, V. V., Dyachkova, A. K. (2022). "Children's" theme at N. A. Taffy. In: *Native literature in the modern cultural and educational space. Collection of scientific papers, 11 (17)*. Tver: TSU. 184—188. (In Russ.).

- Shaitanov, I. O. (2010). *Comparative Studies and/or poetics: English plots through the eyes of historical poetics*. Moscow: RSUH. 656 p. ISBN 978-5-7281-1197-9. (In Russ.).
- Shiller, F. (1957). Letters about aesthetic education. In: *Articles on aesthetics. Collected works in 7 volumes*, 6. Moscow: Fiction. 251—359. (In Russ.).
- Vybornova, K. A. (2010). The image of childhood in Russian memoir prose: stylistic means of transmitting a “child’s view” of the world. *Bulletin of the RUDN. Ser. Literary studies*, 3: 5—10. (In Russ.).
- Wang Qin. (2022). On the Time of Forgiveness—Rereading Lu Xun’s “Kite”. *Journal of Modern Chinese Literature*, 3 (78): 85—90. (In Chine.).
- Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical works: in 2 hours, II*. Moscow: Gnosis. ISBN 5-7333-0468-5. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2023;
approved after reviewing 20.08.2023;
accepted for publication 25.08.2023.*

Информация для цитирования:

Чарина О. И. Локальные особенности балладных песен на Северо-Востоке Сибири : сюжеты «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник» / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 285—306. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-285-306.

Charina, O. I. (2023). Local Features of Ballads in Northeast Siberia: Plots of ‘The Mother-in-Law Held Captive by Her Son-in-Law’ and ‘Prince Volkonsky and the Gatekeeper’. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 285-306. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-285-306. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-285-306

Локальные особенности балладных песен на Северо-Востоке Сибири: сюжеты «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник»

Чарина Ольга Иосифовна

orcid.org/0000-0002-9705-6806

кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
отдела фольклора и литературы
ochar@list.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Автор выражает благодарность
ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН
за возможность проведения
исследований на научном
оборудовании Центра

Local Features of Ballads in Northeast Siberia: Plots of ‘The Mother-in-Law Held Captive by Her Son-in-Law’ and ‘Prince Volkonsky and the Gatekeeper’

Olga I. Charina

orcid.org/0000-0002-9705-6806

PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Research, Department
of Folklore and Literature
ochar@list.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The author expresses gratitude
to the Center for the Collective Use
of the Shared core facilities
of the Federal Research Center
‘Yakutsk Science Center
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences’
for the opportunity to conduct research
on their scientific equipment

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья имеет целью уточнение особенностей жанра баллады в ряду других произведений на Северо-Востоке Сибири (в Якутии и в отдельном поселении в Магаданской области). Изучаются локальные особенности вариантов балладных песен, записанных от старожилов Северо-Востока Якутии. Источниковой базой послужили тексты, опубликованные в сборниках «Фольклор Русского Устья» (1986), «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991). Здесь представлены балладные песни русских старожилов низовьев реки Индигирки и бассейна реки Кольмы. Также использованы записи Д. И. Меликова и В. Г. Богораз. Исследование проводится на основе описательного, сравнительно-сопоставительного методов, применяются некоторые приемы лексико-семантического анализа. Работа продолжает исследование, связанное с уточнением репертуара, жанровых и стилевых особенностей, составляющих своеобразие эпической поэзии Северо-Востока Якутии, зафиксированной в XIX—XX веках. Охарактеризована специфика их бытования. Первые записи, сделанные в XIX веке, рассматриваются в сравнении с текстами баллад, которые были зафиксированы в XX веке. Специальное внимание уделено балладной песне «Теща у зятя в плену». Отмечается, что в этом фольклорном образце отражены некоторые исторические реалии, соотносимые с местностью бытования песни. Сообщается, что тексты баллад были утрачены к 70-м годам XX века.

Ключевые слова:

фольклорный текст; балладные песни; сюжеты песен; фольклорные мотивы; якутский фольклор.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to clarify the characteristics of the ballad genre among other works in Northeast Siberia (in Yakutia and a separate settlement in the Magadan region). It examines the local features of ballad song variants recorded from long-time residents of Northeast Yakutia. The source materials used are texts published in the collections "Folklore of Russian Ustye" (1986) and "Russian Epic Poetry of Siberia and the Far East" (1991). The article presents ballad songs of Russian settlers from the lower reaches of the Indigirka River and the Kolyma River basin. Recordings by D. I. Melikov and V. G. Bogoraz are also utilized. The study is conducted using descriptive and comparative methods, as well as some techniques of lexical-semantic analysis. The work continues the research related to specifying the repertoire, genre, and stylistic features that constitute the uniqueness of epic poetry in Northeast Yakutia recorded in the 19th-20th centuries. The specifics of their dissemination are characterized. The first recordings made in the 19th century are compared with ballad texts documented in the 20th century. Special attention is given to the ballad song "The Mother-in-Law Held Captive by Her Son-in-Law." It is noted that this folklore specimen reflects certain historical realities related to the area where the song was circulated. It is reported that ballad texts were lost by the 1970s.

Key words:

folklore text; ballad songs; song plots; folklore motifs; Yakut folklore.

Локальные особенности балладных песен на Северо-Востоке Сибири: сюжеты «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник»

© Чарина О. И., 2023

1. Введение = Introduction

Как только началось освоение северных территорий Российского государства (примерно с XVII века), русские первопроходцы (служивые люди, промышленники) начали заселять устья рек Индигирки, Колымы, Анадыри. Были основаны поселения в устьях рек Колымы и Индигирки, в местности вдоль правого притока Колымы — Анюя, где поселились русские арктические старожилы: походчане, русскоустынцы, марковцы.

В настоящее время локальные фольклорные тексты активно изучаются, с тем чтобы определить степень традиционности сюжета или уточнить характер локальной специфики фольклорных материалов. Мы опираемся на утверждение Ю. И. Смирнова, который в этом отношении писал: «Сибирь по числу записанных русских эпических произведений и по числу зафиксированных сюжетов уступает только Русскому Северу» [РЭП, 1991, с. 44]. В этой связи считаем актуальным исследование локальной специфики, отразившейся в балладных песнях старожилов Северо-Востока Сибири.

Былины, исторические и балладные песни записывались во время работы экспедиций Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР в 1940, 1946 годах.

Целью настоящей работы является изучение вариантов балладных песен, записанных от старожилов Северо-Востока Якутии. Для анализа выбраны сюжеты, зафиксированные в нескольких местах бытования: в селе Русское Устье на Индигирке и в ряде поселений в бассейне реки Колымы: Нижнеколымск, Среднеколымск, Анюйск.

Работа продолжает исследование, связанное с уточнением репертуара, жанровых и стилевых особенностей, отличающих эпическую поэзию Северо-Востока Якутии, зафиксированную в XIX—XX веках, см.: [Чарина, 2022, с. 320—333].

Новизну исследования составляет рассмотрение традиционных текстов балладных песен, изучение локальных особенностей, связанных с внедрением в привычный текст местных исторических реалий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Мы рассматриваем балладные песни, которые по своей жанровой природе примыкают к эпическим песням: былинам и историческим песням — и встречались в репертуаре русских старожилов Индигирки, бассейна Колымы.

Мы опирались на труды отечественных ученых. Так, основными для нас являются исследования В. Я. Проппа [Пропп, 1969]. В отношении методологических вопросов исследования баллад важны работы Б. Н. Путилова, Балашова, А. В. Кулагинной [Путилов, 1965; Балашов, 1966; Кулагина, 1977].

Одним из первых изданий, в котором опубликованы баллады, является сборник «Русская баллада» под редакцией В. И. Чернышева [Русская баллада ..., 1936].

Б. Н. Путилов детально рассматривал сюжетные направления, циклы балладных песен [Путилов, 1965]. Он полагал, что «героические эпические песни, исторические песни, предания и легенды и исторические баллады — это основные фольклорные жанры, в которых наиболее полно и сильно изображены жизнь и борьба народов, противостоявших поработителям» [Путилов, 1965, с. 4]. А. В. Кулагина определяла баллады как «эпические песни с семейно-бытовыми конфликтами» [Кулагина, 1977, с. 6]. А. Г. Игумнов в монографии «Поэтика русской исторической песни» представил результаты исследования сюжетов исторических песен с точки зрения общности фабульно-сюжетных основ [Игумнов, 2007, с. 130—154]. Изучая схожие фабулы былин, исторических песен, баллад, он пришел к выводу, что необходимо «найти компромисс между универсальностью выделяемых фабульных стереотипов и возможностью видеть их соотнесенность с историческими реалиями и теми качествами текстов, которые позволяют называть их художественными» [Игумнов, 2011, с. 19]. В работе А. Ю. Нешиной прослеживаются композиционные и стилевые характеристики старинных и новых балладных песен [Нешина, 2007].

Т. В. Краюшкина рассматривает образы иноплеменников в песенном фольклоре восточных славян Сибири и Дальнего Востока с уточнением проблемы межэтнических коммуникаций в традиционной культуре [Краюшкина, 2018, с. 7—19]. Локальные особенности бытования баллады на Пижме представлены в статье В. Ю. Семенца [Семенец, 2021, с. 368—374].

В методологическом плане важна работа Н. В. Покатиловой, посвященной изучению преданий в верхоанской фольклорной традиции [Покатилова, 2022, с. 100—109].

Продолжая разработку данной проблематики, мы проводим исследование на основе описательного, сравнительно-сопоставительного методов, применяются некоторые приемы лексико-семантического анализа.

Источниковой базой послужили сборники текстов «Фольклор Русского Устья» (1986), «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991), где представлены не только былины и исторические песни русских старожилов Севера Якутии, но и балладные песни данного региона [ФРУ, 1986; РЭП, 1991].

Материалом исследования стали произведения эпического фольклора, собранные во время работы Сибиряковской экспедиции конца XIX века. На Колыме Д. И. Меликов, В. Г. Богораз зафиксировали балладные песни. Д. И. Меликов зафиксировал балладу в Среднеколымске в 1893 году от неизвестного исполнителя [Чарина, 2013, с. 432—434], В. Г. Богораз — от среднеколымчанки М. Олесовой в 1895 году [Богораз, 1901, с. 282—283]. В период работы этнографо-лингвистической экспедиции 1946 года в с. Русское Устье Н. А. Габышев записал балладные песни от С. П. Киселева, И. Ф. Голыженского [РЭП, 1991, с. 263—265]. Позже, в 1982 году, Т. С. Шенталинская фиксировала от Е. С. Киселева в Русском Устье, от Ф. А. Санталовой на Анное балладную песню «Турки-чукчи» [Там же, с. 207—208].

Далее посвятим внимание следующим текстам: «Теща у зятя в плену» и «Князь Волконский и ключник».

Варианты песни «Теща у зятя в плену» зафиксировали Т. С. Селюкова от И. Н. Налетовой в Нижнеколымске в 1961 году, И. А. Бродский-Богданов от А. И. Протопоповой в Нижнеколымске в 1971 году, а песню «Князь Волконский и ключник» записывали с конца XIX века по 1985 год на Колыме и Индигирке.

Известно, что с XVII века село Русское Устье на Северо-Востоке Якутии становится местом длительного бытования традиционной русской духовной культуры, поскольку обособленная жизнь русскоустынцев долгое время оставалась нетронутым самобытным явлением в окружении других этносов.

В научной литературе довольно подробно сообщается о времени записи эпического фольклора на Индигирке, указываются имена собирателей. Так, фиксации фольклора на Индигирке в конце XIX — начале XX веков осуществляли М. И. Меликов, В. Г. Богораз в рамках Сибиряковской экспедиции (1893—1896).

С. Н. Азбелев изучал былины, исторические песни, баллады Русского Устья и Колымы [Азбелев, 1982; ФРУ, 1986, с. 24—29]. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская собрали и опубликовали эпические произведения русских Северо-Востока Сибири [РЭП, 1991, с. 23—37; 48—56]. Важные результаты осмысления влияния иной фольклорной традиции обнаруживаются в трудах Р. Н. Базилишиной [Базилишина, 2000], Е. Л. Тихоновой

[Тихонова, 2018]. О влиянии аборигенной культуры на традиции русской культуры русскоустыинцев пишут В. Л. Кляус, С. В. Супряга [Кляус и др., 2006, с. 3—17]. Так, Т. С. Шенталинская, изучавшая музыкальный фольклорный материал Северо-Востока Сибири, говорила о том, что видит не только севернорусское влияние, но и родство с донской былиной [РЭП, 1991, с. 53—54].

Т. С. Шенталинская, Е. И. Якубовская проводят этномузыковедческие исследования русских фольклорных произведений, записанных В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном, которые проводят [Шенталинская, 2016, с. 498—531; Якубовская, 2008, с. 181—246], раскрывая связи балладных песен, фиксировавшихся на Русском Севере, в иных местах бытования, а также — на Северо-Востоке Сибири.

Роль сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ранее — Институт языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР, затем — Институт языка, литературы и истории СО АН СССР) в изучении данной тематики определяется их участием в организованном полевом сборе материалов, а именно: в Северной экспедиции 1940 года, этнографо-лингвистической экспедиции под руководством Т. А. Шуб в 1946 году. Также в 1977 году в ходе подготовки академического издания «Фольклор Русского Устья» проводилась большая совместная экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, участниками которой были сотрудники обоих институтов, в том числе С. Н. Азбелев, Ю. Н. Дьяконова [ФРУ, 1986, с. 13]. В 1995 году Л. Н. Скрыбыкина издала монографию об особенностях бытования былин русского населения Северо-Востока Сибири [Скрыбыкина, 1995]. В 2000-е годы сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках совместных экспедиций продолжили изучение старожильческого фольклора на Северо-Востоке Сибири, в частности в Якутии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Далее в статье мы остановимся на некоторых локальных особенностях записанных в Якутии балладных песен. Так, баллада «Теща у зятя в плену» интересна в аспекте отражения местных реалий, а баллада «Князь Волконский и ключник» будет проанализирована в отношении ее образной системы.

3.1. Бытование балладных песен на Северо-Востоке Сибири

Множество балладных песен было опубликовано в сборнике «Фольклор Русского Устья». Известны баллады «На пиру були пьяны-веша-

ли», «Шумит, гремит мать Щура-река», «Еще есть у меня, у молодца», «У христианина богатого», «Во пятнадцатом году», «Взяла она зарезала любовника», «Еще ключница на ключника доказывает», «Олешенька брат Попович», «У богатого купца, у Сохрона молодца», «Ты, белиленька, белиленька, травка шелковая», «Из-за гор-че белогор, высоких гор», «Из-под камешка речка разливалась», «По широкому морю, по Хвалынскому», «Еще пал, братцы, туман на шинё моро», «Молодой казак со полку съезжает», «На роще зеленой пташки распевали», «Не с поля дует ветер, военный гром гремит», «На горе, горе петухи поют», «Двое храбрые героя», «Захотелось красной девице погуляти», «От грома, от шнегу два братца тут шли», «От грома, от шнегу два брата тут шли», «Сто на дубе на высоком, над широкою рекой» [ФРУ, 1986, с. 251—261]. В другом сборнике — «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» — представлены следующие сюжеты балладных песен: «Федор Колыщатой и Софья-волшебница», сестра», «Маринка-волшебница», «Угрозы девушки молодцу» [РЭП, 1991, с. 219—224; 225—226].

В качестве исполнителей песен указаны П. Н. Новгородов, С. П. Киселев, К. Рожин, И. Н. Чикачев, Е. С. Киселев, И. Н. Налетова [Там же, с. 206—208; 263—265].

Собирателями песен выступили Н. А. Габышев, Ю. И. Смирнов, Т. А. Селюкова, И. А. Бродский-Богданов, Т. С. Шенталинская [Там же].

Далее рассмотрим три варианта балладной песни «Теща у зятя в плену» и пять вариантов баллады «Князь Волконский и ключник».

3.2. Баллада «Теща у зятя в плену»: локальные особенности, характерные для фольклорной традиции Северо-Востока Сибири

Отметим, что «Теща у зятя в плену» — одна из самых вариативных баллад, имеющая широкую традицию бытования: она фиксировалась на территории всей России. Баллада относится к циклу исторических баллад: героиня попадает в турецкий (или татарский) плен и становится нянькой у своего внука. Б. Н. Путилов писал: «Подобно тому, как тексты одной баллады в пределах национального материала группируются по редакциям (что определяется степенью сюжетной близости между ними), так и различия и схождения между текстами, записанными у нескольких народов, могут иметь характер балладных редакций. Так, например, в песне «Теща в плену у зятя» выделяются редакции “украинско-польская” (“Чому куры не поете»), “украинско-русская” (“Ой по горах огні горять»), но, кроме них, есть также и редакции, известные только в русском, украинском и белорусском фольклоре. Чаще всего мы имеем дело с национальными редакциями баллад» [Путилов, 1965, с. 150].

Известен зачин песни:

Не шум шумит, не гром гремит;

Молодой турчак полон делит;

Теща зятю досталась — берет ее за рученочки,

Ведет ее к турчаночке, к полоняночке [Баллады ..., 2001, с. 43]:

В традиционных вариантах баллады сюжет развивается следующим образом: «молодой турчанин» привез жене «турчаночке, к полоняночке» «служаночку-полоняночку». Полонянка поет песню ребенку, из которой становится понятно, что ребенок — ее внук, а его мать — дочь пленной служанки. Мать ребенка предлагает матери «шубу соболиную», а затем — «везти матушку на святую Русь» [РНП, 1984, 282—283].

Есть варианты баллады, где дочь зовет мать-полонянку вместе «во зеленом саду виноград щипать» [Баллады ..., 2001, с. 43—44].

В Якутии и Магаданской области зафиксировано несколько вариантов. Балладная песня «Теща в плену у зятя», записанная Т. А. Селюковой от И. Н. Налетовой в 1962 году, имеет несколько спутанный сюжет, 15 стихов текста [РЭП, 1991, с. 206]:

Когда турки воевали землю русскую...

— Я привез тебе турчанку на работницу:

Ей вот белыма руками кудель прясти,

Ей резвыма ногами детей качать [РЭП, 1991, с. 206].

Из текста понятно, что во время войны в плену оказывается женщина-турчанка. Далее сообщается, что полонянка — это матушка хозяйки, а ребенок — ее внук. Бабушка качает внука и напевает:

Я тебе буду родна бабушка,

А твоей матери я — родна матушка [Там же].

Затем следует пропуск в тексте, и далее дочь просит:

— Ты бери-бери золоты ключи,

Ты беги-беги на святую Русь!

Ты прости-прости, моя матушка,

Тебе белыма руками не кудель прясти,

Тебе резвыма ногами не детей качать! [Там же].

Песня относится к «турецкой версии», — объяснил Ю. И. Смирнов, — но, «концовка совпадает с “татарской версией”», бытовавшей и под Москвой, и в Тульской губернии, и на Онеге, то есть это распространенный вариант [Там же, с. 401].

В варианте баллады получается, что пленил полонянку «турок», но при этом она названа «турчанкой», в последних же стихах вдруг упоминается, что дочь отправляет мать «на святую Русь», а это, видимо, означает, что мать и дочь — русские.

Следующий вариант песни «Теща у зятя в плену», записанный И. А. Бродским-Богдановым от А. И. Протопоповой в Нижнеколымске в 1973 году, насчитывает 13 стихов:

*Когда турки ваявали землю русская,
Тожна я быя, турчана, заваевана.
— Я привез тебе турчанку на работницу:
Неи резвыма нагами детей качать* [Там же, с. 207].

В целом этот вариант имеет сходство с представленным выше примером баллады [Там же, с. 206], повествование ведется от имени матушки-бабушки. Далее следует краткое повествование о пении колыбельной. В варианте, записанном от А. И. Протопоповой, нет общепринятой концовки, когда дочь предлагает матери спастись, здесь текст заканчивается словами:

*А твоей я родной матушке буду матушка,
А твоему ронному батюшке буду тешьюшка!* [Там же].

Также Ю. И. Смирнов привел пример баллады, которая фиксировалась на Анюе [РЭП, 1991, с. 207—208]. Как выяснилось, она явилась ярким примером отражения исторических событий, происшедших в данном месте. Мы видим в варианте баллады «Теща у зятя в плену» строки:

*Турки-чукчи воевали с аканым с копьем,
На делезне теща зятю доставалася ...
Вот привез он чукчанку на работницу,
Посадил он чукчанку возле пресника* [Там же, с. 207—208].

Вариант насчитывает всего 18 строк. Здесь: «На делезне» — на дележе, «пресник» — крестник.

Текст произведения приводится по записи, сделанной Т. С. Шенталинской в 1982 году от Ф. А. Санталовой, 53 лет, в пос. Анюйске Билибинского района Магаданской области, близ впадения правого притока Анюя в Колыму, примерно в 40 км от Нижнеколымска. Как видим, исполнительница опирается на события, которые имели место в данной местности. Ю. И. Смирнов писал, в частности, об этих событиях: «Заимка Погромная находилась на левом берегу Колымы, примерно в 3 км ниже Нижнеколымска. Ее название, как и названия ряда других урочищ и речек (Убиенная, Кровавая, Дуванное и др.), местные жители связывают с порою военных столкновений с чукчами. Как известно, около 1770 года русские были вынуждены сжечь острог на Анадыре и отойти на Колыму и на побережье Охотского моря» [РЭП, 1991, с. 401]. Подобные же предания слышал на нижней Колыме осенью 1940 года якутский фольклорист С. И. Боло и изложил их в собственном пересказе в полевой тетради. Здесь — редкий случай «попытки местной адаптации традиционного эпического произведения» [Там же, с. 401].

Д. И. Меликов в свою очередь писал по поводу местной песни: «Ах ты, чукотский народ»: «Песня, по объяснению Соковикова, составлена еще Павлуцким, который приходил в Нижнеколымск пятисотенным отрядом, его помощник Кривогорницын». Далее сообщается, что Павлуцкий погиб от стрелы. Чукчей было гораздо больше [Чарина, 2013, с. 436]. Таким образом, песня никак не могла быть «составлена» Павлуцким.

Т. В. Краюшкина пишет по поводу иноплеменников, которые выступают в качестве персонажей баллады: «В другом тексте говорится о том, что “люди ни паверят нам” (в принадлежности ребенка русскому народу).

В некоторых балладах на этот сюжет возникает сменная идентификация этноса: русская полонянка-теща причисляет себя к представителям народа, к которому принадлежит ее зять-похититель:

*Когда турки ваявали землю русскую,
Тожна я быя, турчанка, заваевана* [Там же, с. 207].

И в другом тексте ситуация повторяется: чукчи делят добычу, теща достается зятю. При этом смена идентификации приписывается не героине, а вкладывается в уста исполнителя песни:

*Вот привез он чукчанку на работницу,
Посадил он чукчанку возле пресника*
[Исторические песни, 1991, с. 208].

Дочь помогает матери сбежать из плена, но сама остается с мужем и ребенком (или просит мужа наградить его мать золотой казной и отпустить на Святую Русь). Отражение негативного опыта контактов русских с другими народами в балладах имеет свою специфику: в песне, посвященной пленению русской женщины, татары заменяются на киргизов, турок, даже “турок-чук” (этноним возникает в результате гибридизации фольклорного опыта и опыта реальных контактов с коренными народами Дальнего Востока России)» [Краюшкина, 2016, с. 10—11].

Далее, как сообщает исследователь Т. В. Краюшкина, в варианте баллады, зафиксированном на Анюе, оказывается, что в плен взята чукчанка: «Горько плачет она да приговариват, Да качает она все за пресничком» [РЭП, 1991, с.208].

Затем в этом варианте муж с женой просят прощения у полонянки:

— *Ты прости, ты прости да мать родная!*
— *Не прощу ни за что, ты убей меня,*
Ты убил сына там, на Погромную,
Ты сажог мужа там, на Погромную!
И давали они да золоты ключи.
Не брала, не золотых ключей,

*Призывала к себе только пресника,
А второго к себе в ноги крепко (в)жяла* [РЭП, 1991, с. 208].

Интересен образ «золотых ключей», который появляется вместо «золотой казны», он фиксировался в двух вариантах баллады на Колыме и Аное [РЭП, 1991, с. 206, 208].

Этот образ встречается в свадебной лирике походчан: «*Вот тебе, батюшка, золоты ключи*» [Богораз, 1901, с. 228], «*Што, Михайло-свет Иванович, золоты ключи*» [Там же, с. 238]. Он символизирует передачу девушки от батюшки жениху.

Возможно, вариант песни о пленнице-чукчанке был создан женщиной-певицей на основе баллады о полонянке и одновременно с обращением к историческим событиям на Колыме и с привлечением образов, встречающихся в свадебной лирике.

Как видим, концовка варианта несколько смазана: мать-полонянка выступает как чукчанка. Вместе с тем она высказывает претензии дочери и зятю. Выясняется, в частности, что ее родные муж и сын погибли «на Погромную» [Там же].

А в последних стихах, после того, как ее дочь и зять дают ей «золоты ключи», сообщается, что пленница, отказавшись от подарка, «Призывала к себе только пресника, А второго к себе в ноги крепко (в)жяла» [Там же].

Возможно, здесь речь идет о втором ребенке, однако в такой трактовке нет уверенности. Интерпретация последней строки затруднительна, поскольку сюжетный поворот неясен, а также можно предполагать здесь устойчивое выражение, хотя подобные фразеологизмы не встретились нам в известных словарях [Даль, т. 1—2; Богораз, 1901; Дружинина, 2013].

Следует отметить, что баллада, локальный характер которой очевиден, не несет следов влияния языков соседних этносов, хотя в исторической песне «Скопин просит помощи у шведского короля» встречается якутизм *юрта* [РЭП, 1991, с. 128].

Таким образом, можно считать доказанным, что три записи баллады на Колыме и Аное имеют определенное родство. Если в первых двух вариантах ясно, что полонянка — русская, то в третьем варианте она — чукчанка. Т. С. Шенталинская указывает на то, что «записанный материал позволяет сделать вывод о близости эпических традиций в селениях на Индигирке и Колыме, а возможно, и о их единстве» [РЭП, 1991, с. 52].

Также очевидно, что исполнительница варианта баллады, записанного на Аное, не являлась создателем этого варианта. Видимо, песня звучала в семье, возможно, представитель семьи создал данный вариант баллады, в котором нашли отражение события XVIII века, с тех пор это произведение закрепилось в поколениях.

3.3. Семейно-бытовая баллада «Князь Волконский и ключник» в вариантах, бытовавших на Северо-Востоке Якутии: образная система

Исследователи рассматривают балладу «Князь Волконский и ключник» с учетом того, что существовало два типа развития сюжета: старый и новый, появившийся в связи с проникновением в устную традицию стихотворения Вс. В. Крестовского (1861). Так, А. Ю. Нешина пишет: «Баллада “Ванька-ключник” имеет уникальную судьбу. Стихотворение В. В. Крестовского, написанное по мотивам традиционной баллады, подарило этому сюжету вторую жизнь и способствовало ещё более широкому распространению этого популярного произведения. Автор полностью сохранил сюжетную основу “Князя Волконского и Вани-ключника”, сократил одни и расширил другие элементы, сопроводив их стилистическими заменами» [Нешина, 2007, с. 11]. В. Ю. Семенец анализирует локальные записи баллады «Князь Волконский и Ванька-ключник», сделанные на р. Пижма [Семенец, 2022, с. 368—374].

В некоторых вариантах баллада имела развернутый сюжет:

Как во городе было во каменной Москве,

Как во улочке было во Дмитровской,

Жил тут, поживал тут батюшка Волконский князь

Со своей ли то верно со княгинею.

Жил тут, поживал тут Ванюшка-ключник.

[Баллады ..., 2001, с. 348—349].

Здесь произведение насчитывает 54 стиха. В этом варианте, зафиксированном в Новгородской губернии, князь, все узнав от «сенной девчонки», решает расправиться с ключником сурово: «положить переводы дубовые, повесить две петли шелковые, сделать крючья золоченые, три ступени золоченые, все покрыть черным сукном» [Там же]. Он не разрешает ключнику спеть или «на рожке сыграть». Ключник погибает, а княгинюшка «от тоски померла» [Там же].

В других вариантах также подробно описываются гнев князя, костюм ключника, гибель ключника и княгини.

В вариантах, бытовавших на Северо-Востоке Якутии, было зафиксировано старое балладное произведение. Так, Д. И. Меликов приводит вариант, зафиксированный на Колыме, насчитывающий 53 стиха. Здесь присутствуют практически все эпизоды, из которых составлен первоначальный вариант песни:

Как живет молодой ключничек у князя,

Да с ключницей [Чарина, 2013, с. 432—434].

Далее ключница сообщает князю «о злой невзгодушке», князь «воспалился», вызвал «младого ключничка», тот смело держится на допросе. Князь сообщает:

— Я срублю тебе палату семиугольную,
Перекладинку положу я сосновенькую,
Я повешу тебе петельку шелковенькую [Там же, с. 433].

Ключник убедил палачей провести его под окнами княгинюшки, далее ключник погибает, молодая «княгиня <...> на три ножичка булатных да бросается», а «ключница по ключнику убивается» [Там же, с. 434].

В данном варианте много внимания уделяется ключнице, имевшей виды на ключника.

Другой вариант, зафиксированный В. Г. Богоразом на Колыме, насчитывает 51 стих, имеет некоторые отличия. Вот зачин баллады:

Ключница на ключника в доказ пошла:
— Ах ты гой еси, наш батюшко, Волконский князь!
Ты не знаешь над собой злу невзгодушку! [Богораз, 1901, с. 282—283].

Князь требует ключника для ответа, ключник держится смело, князь готовит «палату семиугольную», «столбики дубовенькие», «перекладинку сосновенькую», «петельку шелковенькую» [Там же, с. 283].

Ключник смог убедить «палачей» провести его под окнами княгинюшки». Песня заканчивается гибелью ключника и княгинюшки, князь сетует:

— Уж чего тебе було, ключнице доказувати?
Я когда-нибудь бу сам доведася [Там же].

Этот вариант баллады отличается тем, что ключница, ключник обращаются к князю с восклицанием «Ах ты гой еси!», что говорит о связи этого варианта с былинами; например, это восклицание встречается в записи былины об Илье Муромце «Уж ты ой еси, русские богатыри», которая бытовала в Архангельской губернии [Былины ..., 1988, с. 199].

Вариант баллады «Князь Волгинский и ключник», исполненный И. Ф. Голыженским на Русской Протоке, составляет 28 стихов:

Еще ключница на ключника доказывает:
— Он с княгиней пьет и ест, прохладается.
Созывает ключника Волгинский князь [РЭП, 1991, с. 264—265].

Другой вариант, записанный в Русском Устье, отличается тем, что содержит много деталей, подробностей в описании. Исполнил его известный сказочник и исполнитель песен С. П. Киселев:

Еще ключница на ключника доказывает:
— Как живет-то, живет ключничок с княгинюшкой
[Там же, с. 263—264].

Далее следуют известные мотивы: ключник является к князю, смело отвечает князю, князь грозит казнить ключника, проходит казнь, княгиня погибает. Князь сожалеет о содеянном:

Прослезился наш надежушка военный князь:

— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,

А княгинюшку-душу во крепе держать! [Там же].

В данном варианте фамилия *Волконский* в целом утрачена. Вместо ее князь предстает как «военный князь» [Там же].

В русскоустыинских вариантах баллады князь «состроит палату семиугольную, положит перекладинку сосновую, повесит на петельке шелковой» [РЭП, 1991, с. 263—264].

В Русском Устье, по-видимому, бытовал тот вариант, который фиксировался в Нижнеколымске.

Относительно этой баллады Б. Н. Путилов писал, что «есть тексты, заканчивающиеся тем, что князь раскаивается в содеянном» [РНП, с. 424]. В свою очередь, Ю. И. Смирнов вообще считал, что «только в индигирских вариантах звучит своеобразное сожаление князя по поводу случившегося (№ 145, ст. 42—43; № 146, ст. 27—28)» [РЭП, 1991, с. 415].

Таким образом, особенности данной балладной песни на Северо-Востоке Якутии заключаются в явных связях вариантов, фиксировавшихся на Колыме и Индигирке, а также с показом широкого спектра переживаний героев баллады: сожаление князя, горе княгинюшки, стойкость ключника, переживания ключницы.

3.4. Основные образы балладных песен

Персонажи балладной песни «Теща у зятя в плену», которая бытовала на Колыме, представлены весьма схематично, условно. Их образы почти не развернуты. Все персонажи наиболее ярко проявляют себя в диалогах, либо их характеризует рассказчик-исполнитель через незначительные детали [РЭП, 1991, с. 207—208].

Во второй песне, которую мы рассматриваем, «Князь Волконский и ключник», главным персонажем, безусловно, является Ванька-ключник. Образ, который сложился в вариантах песни на Колыме, отличается тем, что он верный любовник, хороший товарищ. Так, он смог убедить ведущих его на казнь солдат провести его мимо «княжеского дома» [Там же, с. 263]. Следует отметить, что нигде не встретилось имя ключника, а собиратели именем *Ванька-ключник* отмечали связь текста собираемого материала с известным сюжетом.

Как писала А. В. Кулагина, «для обрисовки персонажа баллада почти никогда не прибегает к портрету» [Кулагина, 1986, с. 87]. Из всех деталей внешности ключника в меликовском варианте, записанном на Колыме, показана только прическа героя: *Русы кудри его не ворохнутя* [Чарина, 2013, с. 433].

В записи Богораза некоторые детали внешности ключника охарактеризованы в сцене допроса, и затем они полностью точно воспроизводятся в эпизоде перед казнью:

Его русыя кудри не ворохнутся,

На нем цветное платьице не погнется [Богораз, 1901, с. 282—283].

Если здесь подчеркивается неколебимость и удалость сознавшегося ключника через маркеры неподвижности, неизменности состояния (волосы и одежда словно застыли), то в русскоустыинском варианте, записанном от Киселева, находим описание деталей развевающейся одежды:

Голубой его кафтан да раздувается,

Голубая его лента машется [РЭП, 1991, с. 263].

В другом русскоустыинском варианте, записанном от Голыженского, обнаруживается сочетание семантики неподвижности и движения при описании внешности (лица и одежды):

Его белое лико не изменится,

Голубой его кафтан раздувается,

Голубая его лента машется [РЭП, 1991, с. 264].

Вторым главным персонажем является, безусловно, князь Волконский / Волгинский [РЭП, 1901, с. 264—265]. Вариации возникали в связи с желанием показать сложные отношения князя, княгини и ключника. Несколько раз князь сокрушается по поводу своей гневливости, вспыльчивости. Так, в концовке баллады, исполненной Киселевым, сообщается:

— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,

А княгинюшку-душу во крепе держать! [Там же, с. 264].

У Голыженского в концовке следует объяснение:

Лучше би я знал, ключника (в) иной город сослал,

А княгинюшку-душу во крепких руках держал! [Там же, с. 265].

Важным персонажем является княгиня, которая зримо предстает только в концовке песни. Она вызывает сильные чувства у двух соперников: мужа-князя и ключника. Ключник вполне просто показывает связь с княгиней, но при этом именует ее «лебедушкой» [Богораз, 1901, с. 283], время, проведенное с ней, называет лучшим [Чарина, 2013, с. 434]. Не случайна гибель отчаявшейся княгинюшки, бросившейся «на два ножичка булатные» [РЭП, 1991, с. 264].

Наконец, нельзя упустить из внимания ключницу, которая донесла князю об отношениях ключника и княгини. В единичном случае в концовке баллады присутствует характеристика ее психологического состояния: *А и ключница по ключнику убивается* [Чарина, 2013, с. 434]. Оказывается, и она переживает, однако вовсе не из-за своего поступка: психологизация образа и динамика состояний героев не соответствовали бы жанру. Неясно, раскрывается ли она, но скорее ее страдания лишь логически дополняют статичный образ женщины, уязвленной потерей: ключника забрала у него сначала княгиня, а затем смерть.

Таким образом, можно отметить, что балладные песни про князя Волконского и ключника на Северо-Востоке Сибири не только разрабатывали неординарную ситуацию, но и весьма вариативно показывали сложные взаимоотношения героев.

3.5. Изменения в балладе о ключнике за столетие

У нас имеются записи балладной песни о князе Волконском и ключнике, сделанные в Нижнеколымске, Среднеколымске в 1893—1895 годах и в Русском Устье в 1946, 1985 годах.

Такой фактор, как близкие связи русскоустыинцев и походчан, оказал влияние на их творческие традиции: некоторые песни присутствуют в репертуаре исполнителей обоих сел, в том числе близкие варианты балладной песни о князе Волконском и ключнике.

Записи конца XIX века, сделанные Д. И. Меликовым и В. Г. Богоразом, показывают, что общий объем текстов — 61 и 51 стих соответственно. Эти варианты достаточно последовательно и подробно повествуют о событиях в доме Волконских. Так, в меликовском варианте следующее развитие сюжета: донос ключницы, гнев князя, допрос ключника, требование казнить ключника, его песня под окнами княгини, гибель ключника и княгини, сожаление ключницы [Чарина, 2013, с. 432—434]. В варианте Богораза ключница «в доклад пошла, гнев князя, допрос ключника, требование князя казнить ключника, его песня под окнами княгини, гибель ключника и княгини, сожаление князя о докладе ключницы, «я когда-нибудь сам доведася» [Богораз, 1901, с. 282—283].

Проанализируем варианты баллады XX века.

Текст, записанный в 1946 году от С. П. Киселева, включает в себя 43 стиха, композиция традиционна: зачин с «ключницей», развитие сюжета — вызов ключника, расправа князя, далее в концовке погибают ключник, княгинюшка. Князь сетует на то, что допустил скорую расправу:

— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,
А княгинюшку-душу во крепе держать! [РЭП, 1991, с. 263].

Однако в данном варианте отсутствует фамилия *Волконский*. Вместо «*Волконский князь*» фигурирует некий «*военный князь*» [РЭП, 1991, с. 263]. Поэтому понятно развитие мотива, объясняющего постоянное отсутствие князя в своем доме.

В другом варианте, записанном в 1946 году от И. Ф. Голыженского, насчитывается 28 строк. Этот текст значительно короче, однако описания деталей присутствуют: «*голубой кафтан*, «*голубая ленда*» ключника [Там же, с. 264].

В обоих вариантах 1946 года вместо палачей действуют «*солдаты*» [Там же, с. 263, 264].

В целом, записи баллады XX века отличаются тем, что они короче: 43 стиха и 28 стихов соответственно. Ю. И. Смирнов также отмечал, что «индигирские варианты баллады, сохраняя в определенной степени эпический стиль, утратили начало и ряд подробностей» [Там же, с. 415].

Таким образом, балладные песни о князе Волконском и ключнике бытовали с XIX века до середины XX века на Колыме и Индигирке, тексты сохранялись и усваивались исполнителями за счет напряженного сюжета, психологизации в показе образов, а также напевности. Об этом пишет Т. С. Шенталинская: «Интонационная и метроритмическая общность индигирских и колымских напевов хорошо заметна не только при их анализе, но и на слух» [Там же, с. 51].

4. Заключение = Conclusions

Итак, балладные песни на Северо-Востоке Сибири бытовали и фиксировались с конца XIX века по 80-е годы XX века.

При сравнении с историческими песнями, фиксировавшимися в указанный период в разных местах России, видно, что балладные песни имели меньшее количество сюжетов, но эти песни («Теща у зятя в плену», «Федор Колыщатой и Софья-волшебница», «Угрозы девушки молодцу», «Сон о рождении сына и смерти жены», «Князь Роман жену терял», «Князь и ключник») долго находились в активном репертуаре, почти не теряя важных эпизодов, образов. Также записи XIX века на Колыме показывают, что тексты баллад значительно короче вариантов, которые фиксировались в иных местах бытования баллады, например, баллада «Уж на горке возле речки...» (по сюжету «Князь Волконский и Ваня-ключник»), зафиксированная в Москве (из архива РГО, включена в сборник Д. М. Балашова «Русские народные баллады», Москва: Современник, 1983), насчитывает 81 стих [Баллады ..., 2001, с. 345—348]. Однако к концу 70-х годов XX века, как и весь эпический фольклор, балладные песни на Северо-Востоке Сибири утратились.

Если задаться вопросом, почему балладные песни составляют небольшой процент по отношению к былинам, то можно привести соображения Ю. И. Смирнова о том, что «косвенным подтверждением преимущественной роли мужчин в перенесении эпических текстов и в сложении за Уралом местных репертуаров служит тот факт, что в Сибири почти нигде не находили столь любимые женщинами баллады в подобной былинам классической форме <...> место баллад здесь обычно занимают песни балладного типа с более поздними эволюционными качествами и, как представляется, позднее туда занесенными» [РЭП, 1991, с. 45—46].

В статье мы рассмотрели особенности бытования двух балладных песен, бытовавших на Индигирке, Колыме с притоком Анюем.

Балладная песня «Теща в плену у зятя» зафиксирована в разных местах Северо-Востока Сибири: на Индигирке, Колыме, на Анюе (притоке Колымы) с середины XX века по 80-е годы XX века. Песня имеет разные варианты, а в записи текста, который бытовал на Анюе, отразились реалии, связанные с местными событиями — сражениями русских с чукчами в XVIII веке и их последствиями [РЭП, 1991, с. 207—208]. В тексте происходит изменение идентификации героини-полонянки, что, видимо, неважно для исполнителей. Некоторые образы и мотивы баллады позволяют предположить, что ее исполняли женщины. Тексты этой баллады включают образы, заимствованные из других песенных жанров.

Балладная песня «Князь Волконский и Ванька ключник» также бытовала и на Индигирке, и на Колыме с ее притоками. Заметно, что первые записи песни «Князь и Ванька-ключник» наследуют традиции первоначального текста. Видно, что баллада была утрачена к 70-м годам XX века. Варианты песни XIX века различаются в отношении описываемых оттенков человеческих эмоций, несмотря на то что они зафиксированы в двух близких селениях (Нижеколымск, Среднеколымск): в одном варианте доносчица ключница «по ключнику убивается» [Чарина, 2013, с. 432—434]. В другом варианте подчеркивается гневливость князя [Богораз, 1901, с. 282—283].

Тексты баллад практически не испытали влияния языков соседних этносов. Важно, что при общей установке исполнения в соответствии с жанром местный исполнитель находил возможность отразить трагические события не в исторической песне, а в балладе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Баллады* / сост., подгот. текстов и комментарии Б. П. Кирдана. — Москва : Русская книга, 2001. — 464 с. — ISBN 5-268-00784-X.
2. *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1901. — Т. 68. — № 4. — 346 с.
3. *Былины* / составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф. М. Селиванова. — Москва : Советская Россия, 1988. — 576 с.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Москва : Прогресс, 1994. — Т. 1—4.
5. *Дружинина М. Ф.* Фразеологизмы в старожилческих русских говорах на территории Якутии / М. Ф. Дружинина. — Якутск : Северо-Восточный федеральный университет, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-75-1786-7.
6. *Путилов Б. Н.* Славянская историческая баллада / Б. Н. Путилов. — Москва ; Ленинград : 1965. — 170 с.

7. РНП — *Русская народная поэзия : эпическая поэзия / составление, подготовка текста, вступительная статья, предисловие к разделам и комментарии Б. Путилова.* — Ленинград : Художественная литература, 1984. — 440 с.

8. *Русская баллада / предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева, вступительная статья Н. П. Андреева.* — Москва : Советский писатель, 1936. — 598 с.

9. РЭП — *Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / составитель Ю. И. Смирнов.* — Новосибирск : Наука, 1991. — 499 с.

10. ФРУ — *Фольклор Русского Устья / ответственные редакторы С. Н. Азбелев, И. А. Мещерский.* — Ленинград : Наука, 1986. — 384 с.

11. *Чарина О. И.* Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. / О. И. Чарина // Из истории русской фольклористики. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — Выпуск 8. — С. 110—114.

Литература

1. *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора / С. Н. Азбелев. — Ленинград : Наука, 1982. — 327 с.

2. *Базилишина Р. Н.* Фольклорная традиция на краю ойкумены : сказки Русского Устья : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / Р. Н. Базилишина. — Иркутск, 2000. — 22 с.

3. *Балашов Д. М.* История развития жанра русской баллады / Д. М. Балашов. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1966. — 72 с.

4. *Игумнов А. Г.* Поэтика русской исторической песни / А. Г. Игумнов. — Новосибирск : Наука, 2007. — 252 с. — ISBN 978-5-02-032394-0.

5. *Игумнов А. Г.* Поэтика конкретности историзма в русском историко-песенном фольклоре : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.09 / А. Г. Игумнов. — Улан-Удэ, 2011. — 39 с.

6. *Кляус В. Л.* Песенный фольклор русскоустинцев в Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении / В. Л. Кляус, С. В. Супряга. — Курск : Издательство Регионального открытого социального института, 2006. — 213 с. — ISBN 5-88995-093-2.

7. *Краюшкина Т. В.* Образы иноплеменников в песенном фольклоре восточных славян Сибири и Дальнего Востока : к проблеме межэтнических коммуникаций в традиционной культуре / Т. В. Краюшкина // Сибирский филологический журнал. — 2018. — № 2. — С. 7—19. — DOI 10.17223/18137083/63/1.

8. *Кулагина А. В.* Русская народная баллада. Учебно-методическое пособие / А. В. Кулагина. — Москва : Издательство Московского университета, 1977. — 104 с.

9. *Кулагина А. В.* Традиционная образность баллад / А. В. Кулагина // Традиции русского фольклора. — Москва : Издательство московского университета, 1986. — С. 69—101.

10. *Нешина А. Ю.* Старинная и новая русская народная баллада (преемственность и новация) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / А. Ю. Нешина. — Москва, 2007. — 20 с.

11. *Покатилова Н. В.* Предания как фольклорный текст : «верхоянский» локус от Г. В. Ксенофонтова до А. А. Саввина / Н. В. Покатилова // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2022. — № 4. — С. 100—109. — DOI: 10.25693/SVG.2022.41.4.009.

12. *Пропп В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Наука, 1969. — 168 с.

13. Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада / Б. Н. Путилов. — Москва ; Ленинград : 1965. — 176 с.
14. *Русские народные сказки Сибири о богатырях* / сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск : Наука, 1979. — 304 с.
15. Рычкова Н. Н. Исторические трансформации балладного сюжета о Ванюше-ключнике / Н. Н. Рычкова // Традиционная культура. — 2014. — № 3(55). — С. 11—19. — EDN SVNJWB.
16. Семенец В. Ю. Баллада «Ванька-ключник» из архива пижемского фольклориста Ильи Чуркина / В. Ю. Семенец // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики : материалы II Научно-практической конференции к юбилею доктора филологических наук, профессора Якушевой Галины Викторовны, Москва, 25 февраля 2021 года. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 368—374. — ISBN 978-5-98269-250-4.
17. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири / Л. Н. Скрыбыкина. — Новосибирск : Наука, 1995. — 364 с. — ISBN 5-02-030760-2.
18. Смирнов Ю. И. Восточно-славянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий / Ю. И. Смирнов. — Москва : Наука, 1988. — 117 с.
19. Смирнов Ю. И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — С. 9—48. — ISBN 5-02-029729-1.
20. Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Е. Л. Тихонова. — Улан-Удэ, 2018. — 61 с.
21. Чарина О. И. Традиционные исторические песни русских старожилов Якутии: варианты песни о графе Чернышеве / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2022. — № 11 (7). — С. 318—333. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333.
22. Шенталинская Т. С. Еще раз о записях русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией : диалог с Е. И. Якубовской / Т. С. Шенталинская // Русский фольклор. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. — Т. 35. — С. 498—531. — ISBN 9785860078260.
23. Шенталинская Т. С. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Т. С. Шенталинская ; сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — С. 48—56. — ISBN 5-02-029729-1.
24. Шуб Т. А. Исторические песни из Русского Устья / Т. А. Шуб // Русский фольклор : материалы и исследования : в 36 томах. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. — Т. III. — С. 361—368.
25. Якубовская Е. И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона / Е. И. Якубовская // Русский фольклор. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 33. — С. 181—246. — ISBN 978-5-02-025209-7.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023,
одобрена после рецензирования 15.08.2023,
подготовлена к публикации 25.08.2023.

Material resources

Ballads. (2001). Moscow: Russian Book. 464 p. ISBN 5-268-00784-H. (In Russ.).
Bogoraz, V. G. (1901). *Regional dictionary of Kolyma Russian dialect*, 68 (4). St. Petersburg: Type. Imp. AN. 346 p. (In Russ.).

- Charina, O. I. (2013). Folklore recordings made by D. I. Melikov in the Nizhnekolymsky Krai in 1893. In: *From history Russian folklore*, 8. Saint Petersburg: Nauka. 110—114. (In Russ.).
- Chernyshev, V. I. (ed.). (1936). *Russian ballad*. Moscow: Soviet writer. 598 p. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1994). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian*. Moscow: Progress. 1-4. (In Russ.).
- Druzhinina, M. F. (2013). *Phraseologisms in old-timer Russian dialects on the territory of Yakutia*. Yakutsk: North-Eastern Federal University. 280 p. ISBN 978-5-75-1786-7. (In Russ.).
- Epics*. (1988). Moscow: Soviet Russia. 576 p. (In Russ.).
- FRU — *Folklore of the Russian Mouth*. (1986). Leningrad: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1965). *Slavic historical ballad*. Moscow; Leningrad. 170 p. (In Russ.).
- RAP — *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. (1991). Novosibirsk: Nauka. 499 p. (In Russ.).
- RNP — *Russian folk poetry. Epic poetry*. (1984). Leningrad: Fiction. 440 p. (In Russ.).

References

- Azbelev, S. N. (1982). *Historicism of epics and specifics of folklore*. Leningrad: Nauka. 327 p. (In Russ.).
- Balashov, D. M. (1966). *The history of the development of the genre of Russian ballads*. Petrozavodsk: Karelian Book Publishing House. 72 p. (In Russ.).
- Basilishinam, R. N. (2000). *Folklore tradition on the edge of the Ecumene: tales of the Russian Mouth*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 22 p. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2022). Traditional Historical Songs of Russian Old-Timers of Yakutia: Versions of the Song about Count Chernyshev. *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 318—333. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333> (In Russ.).
- Igumnov, A. G. (2011). *Poetics of concreteness of historicism in Russian historical and song folklore*. Author's abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 39 p. (In Russ.).
- Igumnov, A. G. (2007). *Poetics of Russian historical song*. Novosibirsk: Nauka. 252 p. ISBN 978-5-02-032394-0. (In Russ.).
- Klyaus, V. L., Supryaga, S. V. (2006). *Song folklore of the Russo-Ustin people in Yakutia and the Semey Transbaikalia. Materials for the study of existence in a non-ethnic environment*. Kursk: Publishing House of the Regional Open Social Institute. 213 p. ISBN 5-88995-093-2. (In Russ.).
- Krayushkina, T. V. (2018). Images of foreigners in the song folklore of the Eastern Slavs of Siberia and the Far East: to the problem of interethnic communications in traditional culture. *Siberian Journal of Philology*, 2: 7-19. DOI 10.17223/18137083/63/1. (In Russ.).
- Kulagina, A. V. (1977). *Russian folk ballad. Educational and methodical manual*. Moscow: Moscow University Press. 104 p. (In Russ.).
- Kulagina, A. V. (1986). Traditional imagery of ballads. In: *Traditions of Russian folklore*. Moscow: Moscow University Press. 69—101. (In Russ.).
- Neshina, A. Yu. (2007). *Old and new Russian folk ballad (continuity and innovation)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Pokatilova, N. V. (2022). Legends as a folklore text: the “Verkhoyansk” locus from G. V. Ksenofontov to A. A. Savvin. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 4: 100—109. DOI: 10.25693/SVG.V.2022.41.4.009. (In Russ.).

- Propp, V. Ya. (1969). *Morphology of a fairy tale*. Leningrad: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1965). *Slavic historical ballad*. Moscow; Leningrad. 176 p. (In Russ.).
- Russian folk tales of Siberia about heroes*. (1979). Novosibirsk: Nauka. 304 p. (In Russ.).
- Rychkova, N. N. (2014). Historical transformations of the ballad plot about Vanyusha the key-keeper. *Traditional culture*, 3 (55): 11-19. (In Russ.).
- Semenets, V. Yu. (2021). The ballad “Vanka the key-keeper” from the archive of the Pizhemsky folklorist Ilya Churkin. In: *Russian Literature in a Multilingual World: Issues of Axiology, Poetics and Methods*. Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian. 368-374. ISBN 978-5-98269-250-4. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (2016). Once again about the records of Russian folklore by the American North Pacific Expedition: a dialogue with E. I. Yakubovskaya. In: *Russian Folklore. Materials and research*, 35. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 498—531. ISBN 9785860078260. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 48—56. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Shub, T. A. (1958). Historical songs from the Russian Mouth. In: *Russian folklore: materials and research: in 36 volumes, III. Russian Folklore*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 361—368. (In Russ.).
- Skrybykina, L. N. (1995). *Epics of the Russian population of the North-east of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 364 p. ISBN 5-02-030760-2. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (1988). *East Slavic ballads and forms close to them. The experience of the index of plots and versions*. Moscow: Nauka. 117 p. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 9—48. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Tikhonova, E. L. (2018). *Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region*. Author’s abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 61 p. (In Russ.).
- Yakubovskaya, E. I. (2008). Traditional folklore of the Russian population of Anadyr and Kolyma in the records of V. G. Bogoraz and V. I. Iokhelson. In: *Russian Folklore*, 33. Saint Petersburg: Nauka. 181—246. ISBN 978-5-02-025209-7. (In Russ.).

*The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 15.08.2023;
accepted for publication 25.08.2023.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Николаевич Шайдуров, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Владислав Андреевич Ломанов, лаборант (Санкт-Петербург)
Гузель Чахваровна Файзуллина, д-р филол. наук (Тюмень)
Дайцинъ, д-р философии (Хух-Хото, Китай)
Жанна Вячеславовна Ахмадуллина, млад. научный сотрудник (Москва, Пенза)
Игорь Александрович Прохоренков, научный сотрудник (Санкт-Петербург)
Иннокентий Галималаевич Актамов, д-р философии (Улан-Удэ)
Константин Брониславович Корженевский, канд. истор. наук (Тюмень)
Ксения Александровна Анкушева, канд. истор. наук (Тюмень)
Мария Дмитриевна Кирьянова, студент (Тобольск)
Наталия Владимировна Эйльбарт, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Светлана Валерьевна Дарчиева, канд. истор. наук (Владикавказ)
Святослав Сергеевич Колегов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Татьяна Александровна Кропотова, канд. истор. наук (Тобольск)
Татьяна Ивановна Бакулина, канд. истор. наук (Тюмень)
Чжао Цяньжу, аспирант (Харбин, Китай)
Энзе Ханафиевна Кадирова, канд. филол. наук (Казань)

Информация для цитирования:

Актамов И. Г. Система высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики в 1950—1960-х годах / И. Г. Актамов, Дайцинь // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 308—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-308-324.

Aktamov, I. G., Daiqin. (2023). Higher Education System of Inner Mongolia Autonomous Region (People's Republic of China) in 1950s-1960s. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 308-324. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-308-324. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-308-324

Система высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики в 1950—1960-х годах

Актамов Иннокентий Галималаевич^{1*}

orcid.org/0000-0002-8646-1048

WoS Researcher ID: F-3233-2017

кандидат педагогических наук,
доктор философии (PhD),
заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков»

* *корреспондирующий автор*

aktamov13@gmail.com

Дайцинь (代钦)²

orcid.org/0009-0000-4294-6169

доктор философии (PhD), профессор,
Институт истории науки и техники
daiqino@imnu.edu.cn

¹ Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

² Педагогический университет
Автономного района Внутренняя Монголия
(Хух-Хото, Китай)

Благодарности:

Работа выполнена в рамках научной стажировки в Институте Ли Ди (Институт истории науки и техники Педагогического университета Автономного района Внутренняя Монголия, КНР)

Higher Education System of Inner Mongolia Autonomous Region (People's Republic of China) in 1950s-1960s

Innokentii G. Aktamov^{1*}

orcid.org/0000-0002-8646-1048

WoS Researcher ID: F-3233-2017

PhD in Pedagogy, PhD of Philosophy,
Head of the Laboratory
“Center for Translations
from Oriental Languages”,

* *Corresponding author*

aktamov13@gmail.com

Daiqin (代钦)²

orcid.org/0009-0000-4294-6169

PhD of Philosophy, professor, Institute
for the History of Science and Technology
daiqino@imnu.edu.cn

¹ The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

² Inner Mongolia Normal University
(Hohhot, China)

Acknowledgments:

The work was done as part of a scientific internship at the Li Di Institute (Institute for the History of Science and Technology, Inner Mongolia Normal University, China),
内蒙古师范大学 科学技术史研究院
内蒙古师范大学 李迪书院

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено анализу становления и развития высшего образования в первой автономии в составе Китайской Народной Республики (КНР). После основания Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) в 1947 году, руководство региона приложило усилия для развития образовательной сферы. Повышение уровня грамотности населения было одной из стратегических задач развития автономии и всего государства. Особое значение имела подготовка высококвалифицированных кадров для ускоренного развития государства. Новизна исследования заключается в том, что введены в научный оборот оригинальные источники по истории развития образования в КНР на начальном этапе государственного строительства. Сделан вывод о том, что создание первого учреждения высшего образования — Педагогического института Автономного района Внутренняя Монголия позволило обеспечить потребности региона и стимулировало развитие всей образовательной системы. В первые годы развития образования в АРВМ отдельное внимание уделялось изучению монгольского языка и письменности, а также билингвального характера реализации образовательных программ. Данный факт был обусловлен необходимостью развития межкультурного взаимодействия и идеологической консолидации населения АРВМ.

Ключевые слова:

Автономный район Внутренняя Монголия; Китай; система образования; национальная политика; Педагогический институт Автономного района Внутренняя Монголия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the establishment and development of higher education in the first autonomous region within the People's Republic of China (PRC). After the establishment of the Inner Mongolia Autonomous Region (IMAR) in 1947, the regional leadership made efforts to develop the education sector. Improving literacy rates was a strategic goal for the development of the region and the entire country. The preparation of highly qualified personnel was also crucial for the accelerated development of the state. The novelty of this study lies in the utilization of original sources on the history of education in the PRC during its initial stages of construction. The author concludes that the establishment of the first higher education institution, the Pedagogical Institute of IMAR, met the needs of the region and stimulated the development of the entire educational system. In the early years of educational development in IMAR, special attention was given to the study of the Mongolian language and script, as well as the bilingual implementation of educational programs. This was necessary for the development of intercultural interaction and ideological consolidation among the population of IMAR.

Key words:

Inner Mongolia Autonomous Region; China; education system; national policy; Pedagogical Institute of Inner Mongolia Autonomous Region.

Система высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики в 1950—1960-х годах

© Актамов И. Г., Дайцинъ, 2023

1. Введение = Introduction

Образование как особая сфера жизни общества во все времена имело непреходящую ценность и стратегическое значение. С возникновением государства как особого социального института роль образования стала возрастать в силу усложнения социальных коммуникаций. В новейшее время образовательная сфера воспринимается уже как пространство международного взаимодействия. Тут можно выделить две характерные тенденции: с одной стороны, это перспективное поле для выстраивания сотрудничества между разными государствами; с другой стороны, сфера образования стала ареной борьбы за обладание умами молодого поколения разных стран. От эффективности и привлекательности образовательной модели зависит масштаб культурного влияния государства в мировом пространстве.

В истории российского государства имеется уникальный опыт реализации программы по ликвидации безграмотности. Так называемый «ликбез» — массовое обучение взрослых и детей чтению и письму, азам математики — реализовывался с 1919 года до начала 1940-х годов. Это был уникальный и самый масштабный социальный и образовательный проект в отечественной истории. Новой советской власти нужны были кадры для претворения в жизнь масштабных социальных изменений. Государство нуждалось в людях, обладающих не только элементарной грамотностью, но и профессиональными знаниями. Не менее важной задачей являлось формирование политически грамотного гражданина, всецело понимающего суть социалистических преобразований, их значимость и пользу для развития экономики страны. Более того, он должен быть лично убежденным в правильности курса.

С аналогичными проблемами столкнулось руководство Китайской Народной Республики (КНР) после объявления о создании государства в октябре 1949 года. Данный период развития китайского государства представляет особый интерес с точки зрения использования советского опыта в реализации образовательной и национальной политики. Руковод-

ству КНР необходимо было в срочном порядке решать вопрос повышения уровня грамотности населения. Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ, 内蒙古自治区) имеет особое историко-политическое значение для КНР, поскольку это была первая национальная автономия в составе Китайской Народной Республики: многие решения и принципы работы, показавшие свою эффективность, впоследствии были использованы в условиях других регионов. Исследований, посвященных проблемам становления системы высшего образования в АРВМ КНР, в отечественной исторической науке достаточно мало. В современных условиях вопросы развития образовательной системы КНР в целом, ее отдельных аспектов, в том числе в приграничных районах, представляют высокий интерес с точки зрения целостного анализа социально-экономических процессов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Нормативно-правовой базой исследования выступили законы и постановления, основные программные документы руководства КНР, а также постановления и программные документы, разработанные и изданные Народным правительством АРВМ. Историческое значение имела первая конференция по вопросам образования, которая состоялась в марте 1949 года. Ключевое внимание в работе было уделено вопросам развития этнического образования (民族教育) в регионе. В 1952 году были обнародованы «Основные положения пятилетнего плана реализации этнокультурного образования в Автономном районе Внутренняя Монголия (1953—1957 годы)», в которых дополнительно подчеркивалась необходимость сосредоточения внимания на развитии этнокультурного образования, а также оказания финансовой поддержки и создания инфраструктуры [Уланов, 2013, 377页]. Основы данной политики были заложены после образования автономии в 1947 году и отражены в «Правительственном циркуляре» (政府执政纲领) [薛寒 et al., 2020]. Руководящие принципы управления образованием были отражены в постановлениях центральных и региональных партийных комитетов, а также органов власти АРВМ [杨定玉 et al., 2017].

Отдельную группу источников составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные особенностям становления национальных автономий в КНР в середине XX века. Например, Б. Ширендыб, М. И. Сладковский [Автономный район ..., 1980], А. А. Москалев [Москалев, 1979], С. В. Мажинский [Мажинский, 2014], М. Н. Балдано [Балдано, 2015], А. Г. Нестеров [Нестеров и др., 2022], А. С. Клинов [Клинов, 2022], Урадын Булаг [Bulag, 2000; Bulag, 2004], О. Цогту [Цогту, 2020].

В отечественной историографии много внимания уделялось вопросам становления и развития системы образования КНР, отдельным проблемам

образовательного процесса посвящены работы Н. Е. Боровской [Боровская, 2003], М. А. Гулевой [Гулева, 2019], Т. Л. Гурулевой [Гурулева, 2017а; Гурулева, 2017б; Гурулева и др., 2020], О. И. Завьяловой [Завьялова, 2014], Шао Хайкуня [Шао Хайкунь, 2017], К. С. Шарова [Шаров, 2014]. Непосредственно анализу культурно-образовательных процессов в Автономном районе Внутренняя Монголия посвящены исследования Т. И. Гармаевой и А. А. Шахаевой [Студенческая молодежь ..., 2016; Garmaeva et al., 2021].

Четвертую группу источников составляют исследования китайских ученых, посвященные анализу развития этнического образования. Прежде всего, это труды таких ученых, как Цуй Яньцян, Линь Сяо [崔延强 et al., 2020], Ван Цзяюй, Чжан Цзинь [王嘉毅 et al., 2020], Сунь Цзеюань, Хань Сяофань [孙杰远 et al., 2019], Чэнь Цзю [陈举, 2020].

Исследование базируется на методологических принципах историзма и объективности, предполагающих изучение особенностей становления и развития образовательной системы АРВМ в конкретно-исторических условиях, во взаимосвязи с событиями, явлениями, процессами указанного периода. В качестве одного из основных научных подходов в данном исследовании определен цивилизационный подход, который рассматривает локальный социум как особую форму жизнедеятельности, имеющую свои черты и нормы. Историко-антропологический подход способствовал изучению и пониманию внутренней логики развития культурно-образовательной среды в регионе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образовательная ситуация в Автономном районе Внутренняя Монголия в середине XX века

В начале прошлого века во Внутренней Монголии уже функционировали начальные школы, велась подготовка кадров для нужд династии Цин, которая была заинтересована в увеличении числа грамотных людей среди представителей коренного населения. Казенные и частные школы в основном готовили писарей для администраций хошунов и сомонов. Отдельные представители становились военными и гражданскими чиновниками. С развитием системы образования в регионе появились немногочисленные средние школы [Курас и др., 2018, с. 363—364]. Отдельные представители монгольской интеллигенции, в том числе первый руководитель АРВМ Уланьфу (乌兰夫), получили образование в Бэйпинской монголо-тибетской высшей школе [Актамов и др., 2022, с. 71]. Таким образом, можно констатировать, что к середине XX века во Внутренней Монголии была создана сеть начальных школ для нужд Цинской администрации, где преподавание преимущественно велось на маньчжурском языке. Позже, после

создания Китайской Республики начали расширять использование китайского и монгольского языков в образовании.

После образования КНР в 1949 году руководство страны в целях консолидации населения в приграничных северных регионах начало реализацию национальной политики, основанной на развитии этнической культуры, языка, традиций народов в условиях единого китайского государства. Следует отметить, что до официального создания КНР, в 1947 году, был создан Автономный район Внутренняя Монголия. Историческую роль в данном процессе сыграл Уланфу, который активно участвовал в организации, укреплении и развитии опорной базы в Северо-Восточном Китае и освобождении этой территории от японских оккупантов. В эти годы Уланфу совместно с Коммунистической партией Китая (КПК) и Мао Цзэ-дуну начал реализацию политики Единого фронта. 23 апреля 1947 года в Ванье (王爷庙, современный Уланхот 乌兰浩特) состоялся Народный конгресс Внутренней Монголии. Участие в заседании приняло 392 представителя со всей Внутренней Монголии. На данном высоком собрании Уланфу произнес вступительную речь и выступил с докладом. По итогам заседания были избраны члены правительства Автономного района Внутренняя Монголия и Временного сената. Уланфу был избран председателем Правительства Автономного района. Новому правительству следовало решить ряд сложных социально-экономических и политических задач.

Сложность ситуации в образовательной сфере подтверждается статистическими данными. По состоянию на 1947 год практически 90 % населения региона было либо неграмотным, либо владело лишь навыками чтения, письма и счета. Согласно официальным данным, к моменту создания АРВМ на территории района насчитывалось 3769 начальных школ (в том числе малокомплектные учебные центры), общий контингент — 214 300 учащихся; в 21 общеобразовательной средней школе обучалось всего 4300 учащихся; в 3 средних профессионально-технических училищах обучалось 455 человек; в 5 педагогических училищах — 1223 обучающихся. Педагогический состав также был весьма немногочисленным — всего насчитывалось 7319 учителей и сотрудников во всех образовательных учреждениях. Следует отметить, что в указанный момент в АРВМ не было ни одного высшего учебного заведения. Насчитывалось всего 377 национальных начальных школ, в которых обучалось 22 600 человек и 4 средние школы, в которых обучалось всего 524 человека [新中国].

В целях совершенствования социально-политической системы была создана нормативная основа функционирования автономии. В политической программе Народного правительства АРВМ 1947 года были отражены основные положения о практической реализации региональной наци-

ональной автономии под руководством Коммунистической партии Китая. В сентябре 1949 года по результатам заседания Народного политического консультативного совета Китая была принята «Общая программа КНР», которая представляла собой первый конституционный акт [民族区域]. В августе 1952 года Народное правительство КНР обнародовало «План реализации региональной национальной автономии». Данный документ определял основные направления реализации внутренней политики в национальных регионах страны, в том числе и в сфере образования на всех его уровнях.

Как отмечают китайские исследователи, «высшее образование для этнических меньшинств является важной частью системы образования КНР и ключевым звеном в обеспечении равных образовательных возможностей для представителей малочисленных народов Китая (здесь и далее перевод наш. — И. А.)» [陈举, 2020]. С момента основания Нового Китая политика в области высшего образования для этнических меньшинств становится одним из стратегических направлений всей образовательной системы. Вместе с тем руководству КНР необходимо было решить ряд первоочередных задач в сфере общего образования, создать условия для становления системы высшего образования в национальных районах. Главной проблемой в образовании являлось то, что национальные территории в середине XX века были слабо развиты в социально-экономическом плане, разнообразны в этнокультурном, языковом и конфессиональном отношении, отсутствовала единая сеть общеобразовательных учреждений, ощущалась острая нехватка педагогических кадров. На данном этапе необходим был предварительный анализ и систематизация ключевых аспектов образования в национальных районах. В связи с этим была проведена классификация этнических меньшинств по лингвистическому принципу. В результате выделили три группы: (1) этнические меньшинства с собственным языком и письменностью (например, это тибетцы 藏族 и монголы 蒙古族); (2) этнические меньшинства с собственным языком, но не имеющие письменности (например, это дунсяне 东乡族 и югуры 裕固族); (3) этнические меньшинства, утратившие свой язык и письменность (например, это хуэй 回族 и маньчжуры 满族). Уровень развития миноритарных языков и письменности к середине XX века оказывал непосредственное влияние на образовательную ситуацию в регионах компактного проживания национальных меньшинств [王鉴, 2009, 18页].

Если исходить из реальной ситуации на местах, то образовательная политика в национальных районах также включала в себя три содержательные линии. В первом случае учитывался накопленный опыт обучения, уделялось внимание национальным традициям в образовании и воспитании, вместе с тем шла модернизация школьной системы с учетом достижений

современной педагогической мысли. Вторая модель применялась в районах, где также были образовательные традиции, но они реализовывались преимущественно в семейном воспитании или в религиозной деятельности в устной форме. В этой связи необходимо было учесть специфику природных, историко-культурных, социальных факторов традиционного общества, особенности устной формы языка этнической группы для эффективной реализации двуязычного образования. Третья модель была наиболее адаптированной к формированию единого образовательного пространства, поскольку в данном случае не было языковых различий, надо было лишь учитывать этнокультурные и религиозные традиции представителей национальных меньшинств [王鑒, 2009, 18—19页].

Первоочередной задачей для руководства АРВМ и КНР на первом этапе реализации образовательной политики являлось снижение уровня неграмотности. В этой связи правительство КНР начало реализацию программы поддержки, согласно которой государство выделяло субсидии на учебные материалы, финансировало отдельные расходы на проживание учащихся из бедных семей, а также освобождало от различных сборов за обучение. В результате увеличилось количество поступающих на обучение в сельских районах, а также снизился отсев из школ.

Особый акцент в АРВМ был сделан на вопросах изучения монгольского языка и письменности. Несмотря на провозглашение всесторонней поддержки делу развития национального образования со стороны высшего руководства, в самом Автономном районе, видимо, не все соответствовало обозначенным нормам. Данный факт подтверждается тем, что в 1956 году Народный комитет Автономного района Внутренняя Монголия издал «Циркуляр об исправлении пренебрежительного отношения по использованию национальных языков». Основы данной политики были заложены после образования автономии в 1947 году и отражены в «Правительственном циркуляре»: «Продвигать монгольские газеты и книги, изучать монгольскую историю и популяризировать монгольские учебники в монгольских школах для развития монгольской культуры» [薛寒 et al., 2020]. Таким образом, образовательная политика руководства КНР во Внутренней Монголии реализовывалась по первой модели.

3.2. Первое учреждение высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия

Историческое значение для развития автономии имело создание системы всеобщего начального образования, которое должно было решить проблему массовой неграмотности населения. Вместе с тем для ускоренной модернизации страны нужны были специалисты с высоким уровнем профессиональной и идеологической подготовки, способные решать задачи

в сложных условиях послевоенного времени. Историческое значение для социально-экономического развития Внутренней Монголии имела организация первого в регионе учреждения высшего образования — Педагогического института Автономного района Внутренняя Монголия. Он не только заложил основы высшего образования в регионе, но и был первым вузом, созданным в автономных районах после образования КНР [内蒙古师范大学志, 1992年1页]. 20 ноября 1951 года Народное правительство Автономного района приняло решение о создании педагогического института в г. Улан-Хото (乌兰浩特市). 4 апреля 1952 года Министерство культуры и образования Народного правительства Внутренней Монголии после согласования с Министерством образования КНР издало «План развития Педагогического института Автономного района Внутренняя Монголия» (проект). Данный план включал в себя следующие разделы: «Цели и задачи», «План набора и квоты», «Руководство и адрес института», «График учебного процесса и перечень дисциплин», «Учебно-методические материалы», «Организационная структура», «Преподавательская деятельность», «Финансирование» и «Оборудование». 5 мая 1952 года прошла торжественная церемония открытия Педагогического института в г. Улан-Хото. В мероприятии приняло участие свыше 40 преподавателей и сотрудников и 116 студентов. 10 августа в институт прибыли выпускники Северо-Восточного педагогического университета, Пекинского педагогического университета, Восточно-Китайского педагогического университета в общем количестве 21 человек. Это были первые молодые специалисты, направленные по распределению в педагогический институт [内蒙古师范大学志, 1992年24页].

В августе 1954 года институт был перевезен на запад, в город Хух-Хото (呼和浩特), где он был объединен с педагогическим колледжем Внутренней Монголии, который в свою очередь был образован в результате слияния педагогического колледжа Чжанцзякоу (张家口) и педагогического колледжа Суйюань (绥远) [内蒙古师范大学网站]. Переезд института был связан с переносом столицы автономии из Улан-Хото в Хух-Хото. Таким образом, был образован единый Педагогический институт Внутренней Монголии. 28 сентября 1954 года прошла торжественная церемония открытия нового учреждения, на которой с приветственной речью выступил заместитель председателя правительства АРВМ Хафэнга (哈丰阿). Первый набор в институт был осуществлен в 1952 году, поэтому именно с данного периода ведется отсчет истории старейшего вуза региона.

В 1952 году в институте велась подготовка по различным педагогическим специальностям: общая педагогика, китайский язык и литература, монгольский язык и литература, история, математика, физика, химия, биология, физическая культура. Общее количество обучающихся было сравни-

тельно невелико, но с каждым годом набор расширился, открывались новые специальности и направления подготовки. Например, на момент создания вуза в нем обучалось 116 студентов, трудилось всего 7 профессиональных преподавателей, ряды которых позже пополнили вчерашние выпускники китайских педагогических вузов. Примечательно, что в 1950—1960-е годы в институте работали приглашенные специалисты из Советского Союза и Монгольской Народной Республики (МНР). Следует отметить, что в целом в развитие системы образования КНР на начальном этапе большой вклад внесли советские специалисты, которые направлялись в центральные и региональные учебные заведения для помощи китайским коллегам. В 1950-х годах в КНР стали издаваться учебники и учебные пособия советских авторов по различным направлениям подготовки. Особое внимание уделялось естественнонаучному циклу, в частности математике. Например, Н. П. Тарасов «Курс высшей математики» (Н. П. 塔拉索夫. 高等数学教程 (1953年初版1954年再版3印)), В. И. Смирнов «Курс высшей математики» (斯米与洛夫. 高等数学教程), Н. С. Михельсон «Краткий курс высшей математики» (HC米海里孙. 高等数学简明教程上下册1953年) и др.

Несмотря на все социально-экономические, организационные трудности, институт при поддержке партийного комитета и правительства АРБМ, а также Министерства образования КНР осенью 1953 года осуществил первый выпуск специалистов. Очевидно, что большую роль в этом сыграл первый директор института Цзо Чжи (左智) [内蒙古师范大学志, 1992年1页]. В 1956 году институт начал вести подготовку кадров в рамках заочной формы обучения. За первые 10 лет своей деятельности институт смог набрать хороший темп. К 1962 году в составе института функционировало 10 факультетов, осуществлялась подготовка по 13 специальностям. Общий контингент студентов составил порядка 2000 человек, из них более 30 % составляли монголы. Количество преподавателей составило более 300 человек (около 25 % из них монголы). Институт расширил свои площади и улучшил материальную базу. Общая площадь строений превысила 60 тыс. квадратных метров, библиотечный фонд насчитывал более 430 тыс. единиц хранения. В 1964 году была расширена заочная форма обучения, открылись заочные отделения института в г. Якэши (牙克石), Тунляо (通辽), Чифэне (赤峰) и других городах, что свидетельствует о создании единой полноценной системы заочного обучения во Внутренней Монголии. В начале 1960-х годов образовательная политика партии и правительства страны делала упор на сочетание обучения с производительным трудом. В соответствии с этим в пригороде Хух-Хото были созданы производственно-учебные базы. После создания этих баз, в конце 1964 года, в пригороде города Баотоу (包头市) Ваньшуйцюане (万水泉) был создан Баотоуский

филиал Педагогического института Внутренней Монголии для организации обучения без отрыва от производства. Весной 1965 года филиал в Баотоу набрал три группы студентов по специальности «китайский язык и математика» общим количеством 150 человек. В связи с изменившейся образовательной политикой в стране филиал в Баотоу в начале 1969 года был ликвидирован [内蒙古师范大学志, 1992年2页].

Следует отметить, что институт за первые годы своего существования стал центром подготовки национальной интеллигенции Внутренней Монголии и создал условия для социально-экономического и политического развития региона. Об этом свидетельствует расширение количества специальностей, открытие учебно-производственных баз и филиалов пединститута в различных городах автономии. Указанный период можно считать первым этапом в становлении и развитии высшего образования в Автономном районе Внутренняя Монголия. События «культурной революции» в значительной степени негативно сказались на развитии образовательной сферы всего Китая, в том числе и в АРВМ.

4. Заключение = Conclusions

Педагогический институт (с 1982 года университет) Автономного района Внутренняя Монголия сыграл принципиально важную роль в деле подготовки профессиональных кадров для всей системы образования Нового Китая. Впервые в истории КНР было создано учреждение высшего образования в приграничном национальном районе. Реализация образовательных программ носила определенный экспериментальный характер — началась реализация билингвального обучения, велась подготовка кадров для национальных школ региона с китайским и монгольским языками. Кроме того, можно считать уникальным опыт направления выпускников центральных вузов, таких как Северо-Восточный педагогический университет, Пекинский педагогический университет, Восточно-Китайский педагогический университет, для работы в АРВМ. Опыт организации и работы педагогического института послужил импульсом для образования в 1957 году первого классического вуза — Университета Внутренней Монголии (内蒙古大学). Данный университет был создан при непосредственном содействии Уланьфу, который стал его первым ректором и занимал этот пост более десяти лет (1956.12.11—1968.12) [内蒙古大学网站]. Если педагогический институт создавался для развития образовательной системы автономии, подготовки кадров для школ, реализации общественно-политической работы, то Университет Внутренней Монголии был нацелен на создание условий для академических исследований. Для решения данной задачи были приглашены ведущие специалисты из различных университе-

тов КНР. Условно это можно считать вторым этапом в развитии системы высшего образования АРВМ. Очевидно, что классический университет не мог быть создан только за счет приглашенных специалистов без привлечения доморощенных кадров, которые получили образование в Педагогическом институте. В этом плане невозможно переоценить роль первого вуза автономии в создании системы высшего образования не только в условиях АРВМ, но и других национальных районов Китая. На примере изучения культурно-образовательной ситуации в регионе, особенностей национально-культурного взаимодействия реализовывались отдельные аспекты национальной политики Нового Китая.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. 民族区域自治制度在内蒙古 // 中央人民广播电台 (Minzu quyu zizhi zhidu zai neimenggu // Zhongyang renmin guangbo diantai ; Система национальной региональной автономии Внутренней Монголии // Центральное национальное радио Китая) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.cnr.cn/2007zt/nmg60/mzqyzz/200707/t20070729_504526728.html. (дата обращения 28.05.2023)).
2. 内蒙古大学网站 (Neimenggu daxue wangzhan. Lishi yange ; Официальный сайт Университета Внутренней Монголии КНР. Об истории развития университета [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.imu.edu.cn/ndgk/ndjj.htm> (дата обращения 27.05.2023)).
3. 内蒙古师范大学网站 (Neimenggu shifan daxue wangzhan. Shida jianjie ; Официальный сайт Педагогического университета Внутренней Монголии КНР. Общая информация об университете [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.imnu.edu.cn/hxgk/sdjj1.htm (дата обращения 25.05.2023).
4. 新中国成立特别是改革开放以来内蒙古自治区教育事业取得巨大成就 (Xin zhongguo chengli tiebie shi gaige kaifang yilai neimenggu zizhi qu jiaoyu shiye qude juda chengjiu // Zhonghua renmin gongheguo jiaoyu bu ; Создание Нового Китая после реформ и открытости. Большие достижения в области образования в Автономном районе Внутренняя Монголия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования Китайской Народной Республики). — Режим доступа : http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s222/moe_1736/201004/t20100420_85663.html. (дата обращения 27.05.2023)).

Литература

1. Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. — Москва : Наука, 1980. — 157 с.
2. Актамов И. Г. Роль Уланьфу в народно-освободительной войне на Северо-Востоке Китая / И. Г. Актамов, Ч. Ц. Цыренов // Восточный вектор : история, общество, государство. — 2022. — Выпуск 1. — С. 69—74. — DOI: 10.18101/2306-630X-2022-2-69-74.

3. Балдано М. Н. Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции / М. Н. Балдано // Известия Иркутского государственного университета. — 2015. — Т. 13. — Серия «История». — С. 92—100.
4. Боровская Н. Е. Государство и школа : опыт Китая на пороге III тысячелетия / Н. Е. Боровская // Российская акад. наук. Ин-т Дальнего Востока. — Москва : Вост. лит., 2003 (ППП Тип. Наука). — 270 с. — ISBN 5-02-018318-0.
5. Гулева М. А. КНР. Реформа системы образования : путь длиною в 40 лет / М. А. Гулева // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 3. — С. 41—44. — DOI: 10.31857/S032150750004069-7.
6. Гурулева Т. Л. Система образования в Китайской Народной Республике : структура и основные направления развития / Т. Л. Гурулева // Высшее образование в России. — 2017а. — № 7 (214). — С. 152—164.
7. Гурулева Т. Л. Национальное образование в Китае : современное состояние и меры государственного регулирования / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. — 2017б. — № 1. — С. 107—119.
8. Гурулева Т. Л. Высшее образование в КНР : институты и механизмы государственного и партийного управления / Т. Л. Гурулева, В. Бин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. — 2020. — Т. 20. — № 3. — С. 636—654. — DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654.
9. Завьялова О. И. Языковая политика / О. И. Завьялова // Китайская Народная Республика : политика, экономика, культура : К 65-летию КНР. — Москва : Издательство «Форум», 2014. — С. 360—365. — ISBN 978-5-8199-0611-8.
10. Клинов А. С. Тибет во Второй мировой войне / А. С. Клинов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 415—438. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-415-438.
11. Курас Л. В. Культура и образование дауров в XIX — начале XX века / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. — С. 362—370.
12. Мажинский С. В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911—1976) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / С. В. Мажинский. — Томск, 2014. — 214 с.
13. Москалёв А. А. Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР / А. А. Москалёв. — Москва : Наука, 1979. — 152 с.
14. Нестеров А. Г. Создание и развитие Нинся-Хуэйского автономного района Китайской Народной Республики (1949—1979) / А. Г. Нестеров, Е. Е. Ханина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 463—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-463-481.
15. Студенческая молодежь в социальном пространстве столиц Внутренней Азии / Т. И. Гармаева, А. А. Шахаева, С. З. Дашиева, К. Б. М. Митупов. — Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2016. — 160 с. — ISBN 978-5-9793-0948-4.
16. Цогту О. (Акира Оно). Трагедия степи : Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев / О. Цогту ; пер. на рус. С. Л. Кузьмина ; отв. ред. : С. Л. Кузьмин, С. В. Дмитриев. — Санкт-Петербург : ИП А. А. Терентьев, 2020. — 334 с.
17. Шао Хайкунь. Становление и развитие системы высшего образования в КНР в 1949—2000 гг. / Шао Хайкунь // Вестник МГУ. Серия 20. Педагогическое образование. — 2017. — № 4. — С. 88—96.

18. Шаров К. С. «Почти идеальная» система образования : китайский опыт / К. С. Шаров // Идеи и идеалы. — 2014. — № 1 (19). — Т. 1. — С. 135—147.

19. Bulag U. From inequality to difference : colonial contradictions of class and ethnicity in “socialist” China / U. Bulag // Cultural Studies. — 2000. — Vol. 14. — № 3/4. — Pp. 531—561.

20. Bulag U. Inner Mongolia : the dialectics of colonization and ethnicity building / U. Bulag // Governing China’s multiethnic frontiers / ed. Rossabi M. Washington, 2004. — Pp. 84—117.

21. Garmaeva T. I. High pedagogical school as a factor of environment education formation in the region (the case of Inner Asia capitals) / T. I. Garmaeva, A. A. Shakhbaeva // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2021. — № 3. — Pp. 41—46. — DOI: 10.18101/2305-753X-2021-3-41-46.

22. 陈举. 新中国70年少数民族高等教育政策的发展历程与基本经验 // 内蒙古师范大学学报. 2020年, 第6. (Chen Ju. Xin zhongguo 70 nian shaoshu minzu gaodeng jiaoyu zhengce de fazhan licheng yu jiben jingyan // Neimenggu shifan daxue xuebao. 2020 nian di 6; Чэнь Цзю. 70 лет реализации образовательной политики Нового Китая в сфере высшего образования для национальных меньшинств [Электронный ресурс] / Чэнь Цзю // Журнал педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 6. — Режим доступа : <http://epc.swu.edu.cn/info/1056/1491.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

23. 崔延强, 林笑夷. 我国民族教育政策研究的计量分析与评价 // 内蒙古师范大学学报. 2020年第1. (Cui Yangqiang, Lin Xiaoyi. Wo guo minzu jiaoyu zhengce yanjiu de jiliang fenxi yu pingjia // Neimenggu shifan daxue xuebao. 2020 nian di 1 ; Цуй Янцян. Количественный анализ и оценка исследований в области национальной образовательной политики в нашей стране [Электронный ресурс] / Цуй Янцян, Линь Сяои // Журнал педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 1. — Режим доступа : <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1583.htm>. (дата обращения 17.05.2023)).

24. 内蒙古师范大学志 1952—1992 / 主修窦佰菊、主纂刘成法. 呼和浩特, 内蒙古人民出版社. — 1992年. — 773页. (Neimenggu shifan daxue zhi 1952-1992 / zhuxiu Dou Baiju, zhuzuan Liu Chenfa. Huhehaote, neimenggu chubanshe faxing. — 1992 nian. — 773 ye ; Педагогический университет Внутренней Монголии : 1952—1992. Редакторы Дюу Байцзю, Лю Чэньфа. Хух-Хото, Народное издательство Внутренней Монголии. — 1992. — 773 с.).

25. 孙杰远, 韩小凡. 70年少数民族基础教育发展的“中国经验” // 内蒙古师范大学学报. 2020年, 第1. (Sun Jieyuan, Han Xiaofan. 70 nian shaoshu minzu jichu jiaoyu fazghan de “zhongguo jingyan” // Neimenggu shifan daxue xuebao. 2020 nian di 1 ; Сунь Цзюань. 70 лет развития базового образования для национальных меньшинств : «китайский опыт» [Электронный ресурс] / Сунь Цзюань, Хань Сяофань // Журнал педагогического университета Внутренней Монголии. — 2019. — № 6. — Режим доступа : <http://epc.swu.edu.cn/info/1056/1486.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

26. 王嘉毅, 张晋. 普及学前教育 : 加强民族地区国家通用语教育的关键 // 内蒙古师范大学学报. 2020年, 第1. (Wang Jiayi, Zhang Jin. Puji xue qian jiaoyu : jiaqiang minzu diqu guojia tongyongyu jiaoyu de guanjian // Neimenggu shifan daxue xuebao. 2020 nian di 1 ; Ван Цзяйюй. Всеобщее дошкольное образование : ключ к укреплению языковой консолидации в образовании в этнических районах [Электронный ресурс] / Ван Цзяйюй, Чжан Цзинь // Журнал педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 1. — Режим доступа : <http://epc.swu.edu.cn/info/1056/1479.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

27. 王鉴. 试论我国少数民族教育政策重心的转移问题. 民族教育研究 // 民族教育研究. 2009年第3期第20卷总第92期 — 18—25页. (Wang Jian. Shilun woguo shaoshu minzu jiaoyu zhengce zhongxin de zhuan yi wenti // Minzu jiaoyu yanjiu. 2009 nian di 3 qi di 20 juan — 18—25 ye; Ван Цзянь. О смещении акцентов в государственной политике в области образования для национальных меньшинств / Ван Цзянь // Журнал исследований по этнической педагогике. — 2009. — № 3. — Выпуск 20. — С. 18—25).

28. 乌兰夫. 乌兰夫文选: 上册. 北京: 中央文献出版社, 2013年377页. (Wulanfu. Wulanfu wen xuan: shang ce. Beijing: zhongyang wenxian chubanshe. — 2013 nian. — 377 ye; Уланьфу. Избранные труды Уланьфу. — Пекин: Центральное литературное издательство, 2013. — Т. 1. — С. 377).

29. 薛寒 苏德. 1947年以来内蒙古民族教育政策的演进—基于Nvivo软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020年第1期. (Xue Han, Sude. 1947 nian yilai neimenggu minzu jiaoyu zhengce de yanjin — jiyu Nvivo ruanjian dui zhengce wenben de fenxi // Neimenggu shifan daxue xuebao. 2020 nian di 1 qi; Сюэ Хань. Эволюция политики этнического образования во Внутренней Монголии с 1947 г.: контент-анализ на основе программного обеспечения Vivo [Электронный ресурс] / Сюэ Хань, Судэ // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. — 2020. — № 1. — Режим доступа: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm> (дата обращения 17.05.2023)).

30. 杨定玉, 胡雪芳. 中国民族教育政策法规汇编. 知识产权出版社2017年. 612页 (Yang Dingyu, Hu Xuefang. Zhongguo minzu jiaoyu zhengce fagui huibian. Zhishi chubanshe. 2017 nian. 612 ye. Ян Динъюй. Сборник документов и нормативных актов в области национальной политики в сфере образования / Ян Динъюй, Ху Сюэфан. — Издательство интеллектуальной собственности, 2017. — 612 с.).

Статья поступила в редакцию 28.06.2023,
одобрена после рецензирования 28.07.2023,
подготовлена к публикации 15.08.2023.

Material resources

Official website of the Pedagogical University of Inner Mongolia of the People's Republic of China. *General information about the University*. Available at: www.imnu.edu.cn/xxgk/sdjj1.htm (accessed 05/25/2023). (In Chine.).

Official website of the University of Inner Mongolia of the People's Republic of China. *About the history of the University development*. Available at: <https://www.imu.edu.cn/ndgk/ndjj.htm> (accessed 05/27/2023)). (In Chine.).

System of national regional autonomy Inner Mongolia. *Central national radio China*). Available at: https://www.cnr.cn/2007zt/nmg60/mzqyzz/200707/t20070729_504526728.html (accessed 28.05.2023)). (In Chine.).

The Establishment of New China after the reform and opening up. Great achievements in the field of education in the Inner Mongolia Autonomous Region. *Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China*). Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s222/moe_1736/201004/t20100420_85663.html (accessed 27.05.2023)). (In Chine.).

References

Aktamov, I. G., Tsyrenov, Ch. Ts. (2022). The role of Ulanfu in the People's Liberation War in the Northeast of China. *Eastern vector: history, society, state*, 1: 69—74. DOI: 10.18101/2306-630X-2022-2-69-74. (In Russ.).

- Baldano, M. N. (2015). Transformation of the political and administrative structure of the territory of Inner Mongolia after the Xinhai Revolution. *News of Irkutsk State University, 13. Series "History":* 92—100. (In Russ.).
- Borevskaya, N. E. (2003). State and school: China's experience on the threshold of the III millennium. In: *Russian Academy of Sciences. Institute of the Far East*. Moscow: East Lit. 270 p. ISBN 5-02-018318-0. (In Russ.).
- Chen JIU. (2020). 70 years of implementation of the educational policy of the New China in the field of higher education for national minorities. *Journal of pedagogical University Inner Mongolia, 6*. Available at: <http://epc.swu.edu.cn/info/1056/1491.htm> (accessed 17.05.2023). (In Chine.).
- Cui Yangqiang., Lin Xiaoyi. (2020). Quantitative analysis and evaluation of research in the field of national educational policy in our country. *Journal of the Pedagogical University of Inner Mongolia, 1*. Available at: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1583.htm> (accessed 17.05.2023). (In Chine.).
- Garmaeva, T. I. Shakhbaeva, A. A. (2021). High pedagogical school as a factor of environment education formation in the region (the case of Inner Asia capitals). *Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia, 3*: 41—46. DOI: 10.18101/2305-753X-2021-3-41-46.
- Guleva, M. A. (2019). China. Reform of the education system: a 40-year journey. *Asia and Africa today, 3*: 41—44. DOI: 10.31857/S032150750004069-7. (In Russ.).
- Guruleva, T. L., Bin, V. (2020). Higher education in China: institutions and mechanisms of state and party management. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Sociology, 20 (3)*: 636—654. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654. (In Russ.).
- Guruleva, T. L. (2017b). National education in China: the current state and measures of state regulation. *Problems of the Far East, 1*: 107—119. (In Russ.).
- Guruleva, T. L. (2017a). The education system in the People's Republic of China: structure and main directions of development. *Higher education in Russia, 7 (214)*: 152—164. (In Russ.).
- Klinov, A. S. (2022). Tibet in World War II. *Nauchnyi dialog, 11 (3)*: 415—438 <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-415-438> (In Russ.).
- Kuras, L. V., Tsybenov, B. D. (2018). Culture and education of Daurov in the XIX — early XX century. In: *Irkutsk Historical and Economic yearbook*. Irkutsk: Baikal State University. 362—370. (In Russ.).
- Mazhinsky, S. V. (2014). *Socio-economic and political development of Inner Mongolia in the context of modernization of China (1911—1976)*. PhD Diss. Tomsk. 214 p. (In Russ.).
- Moskalev, A. A. (1979). *Guangxi-Zhuang and Ningxia-Hui Autonomous regions of China*. Moscow: Nauka. 152 p. (In Russ.).
- Nesterov, A. G., Khanina, E. E. (2022). Establishment and Development of Ningxia Hui Autonomous Region of People's Republic of China (1949—1979). *Nauchnyi dialog, 11 (2)*: 463—481. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-463-481> (In Russ.).
- Pedagogical University of Inner Mongolia: 1952—1992*. (1992). Hohhot, People's Publishing House of Inner Mongolia. 773 p. (In Chine.).
- Shao Haikun. (2017). Formation and development of the higher education system in China in 1949—2000. *Bulletin of Moscow State University. Episode 20. Pedagogical education, 4*: 88—96. (In Russ.).

- Sharov, K. S. (2014). "Almost ideal" education system: Chinese experience. *Ideas and ideals*, 1 (19) / 1: 135—147. (In Russ.).
- Student youth in social space of the capitals of Inner Asia*. (2016). Ulan-Ude: Buryat State University. 160 p. ISBN 978-5-9793-0948-4. (In Russ.).
- Sun Tsewang., Han Xiaofan. (2019). 70 years of development of basic education for national minorities: "Chinese experience". *Journal of the Pedagogical University of Inner Mongolia*, 6. Available at: <http://epc.swu.edu.cn/info/1056/1486.htm> (accessed 17.05.2023)). (In Chine.).
- The Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China*. (1980). Moscow: Nauka. 157 p. (In Russ.).
- Tsogtu, O. (Akira Ono). (2020). *The Tragedy of the Steppe: Inner Mongolia under the rule of Mao Zedong. Eyewitness testimonies*. St. Petersburg: IP A. A. Terentyev. 334 p. (In Russ.).
- Ulanfu. (2013). *Selected works of Ulanfu, I*. Beijing: Central Literary Publishing House. P. 377. (In Chine.).
- Uradyn Bulag. (2000). From inequality to difference: colonial contradictions of class and ethnicity in "socialist" China. *Cultural Studies*, 14 (3/4): 531—561.
- Uradyn Bulag. (2004). Inner Mongolia: the dialectics of colonization and ethnicity building. *Governing China's multiethnic frontiers*. 84—117.
- Wang Jian. (2009). On the shift of emphasis in state policy in the field of education for national minorities. *Journal of Research on Ethnic Pedagogy*, 3 (20): 18—25. (In Chine.).
- Wang Jiayu., Zhang Jin. (2020). Universal preschool education: the key to strengthening language consolidation in education in ethnic areas. *Journal of the Pedagogical University of Inner Mongolia*, 1. Available at: <http://epc.swu.edu.cn/info/1056/1479.htm> (accessed 17.05.2023)). (In Chine.).
- Xue han., Sude. (2020). The Evolution of Ethnic Education Policy in Inner Mongolia since 1947: Content analysis based on Vivo software. *Journal of the Pedagogical University of Inner Mongolia*, 1. Available at: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm> (accessed 17.05.2023)). (In Chine.).
- Yang Dingyu., Hu Xuefang. (2017). *Collection of documents and regulations in the field of national policy in the field of education*. Publishing House of Intellectual Property. 612 p. (In Chine.).
- Zavvalova, O. I. (2014). *Language policy. In: People's Republic of China: Politics, Economy, Culture: To the 65th anniversary of the PRC*. Moscow: Forum Publishing House. 360—365. ISBN 978-5-8199-0611-8. (In Russ.).

*The article was submitted 28.06.2023;
approved after reviewing 28.07.2023;
accepted for publication 15.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Анкушева К. А. Обеспечение питанием жителей Тюмени в годы Великой Отечественной войны / К. А. Анкушева, Т. И. Бакулина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 325—344. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-325-344.

Ankusheva, K. A., Bakulina, T. I. (2023). Providing Nutrition for Residents of Tyumen during Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 325-344. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-325-344. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-325-344

Обеспечение питанием жителей Тюмени в годы Великой Отечественной войны

Анкушева Ксения Александровна ^{1 *}

orcid.org/0000-0002-6743-313X

кандидат исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник,

*** корреспондирующий автор**

ank-kseniya@yandex.ru

Бакулина Татьяна Ивановна ²

orcid.org/0009-0004-6407-9966

кандидат исторических наук, доцент,
свободный исследователь

bakulina_t_i@mail.ru

¹ Тюменское музейно-просветительское
объединение
(Тюмень, Россия)

² (Тюмень, Россия)

Providing Nutrition for Residents of Tyumen during Great Patriotic War

Kseniya A. Ankusheva ^{1 *}

orcid.org/0000-0002-6743-313X

PhD in History, Associate Professor,
chief research scientist,

*** Corresponding author**

ank-kseniya@yandex.ru

Tatyana I. Bakulina ²

orcid.org/0009-0004-6407-9966

PhD in History, Associate Professor,
independent researcher

bakulina_t_i@mail.ru

¹ Tyumen Museum-Education
Organization
(Tyumen, Russia)

² (Tyumen, Russia)

© Анкушева К. А., Бакулина Т. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На примере тылового города Тюмени анализируется проблема организации централизованного и дополнительного питания населения в годы Великой Отечественной войны. Изучены вопросы функционирования магазинной торговли, карточной системы. Приводятся примеры взаимовыгодного сотрудничества города и села в контексте рассматриваемой темы. Авторы дают характеристику системы общественного питания, как детского, так и взрослого, организации подсобных хозяйств и индивидуальных огородов. Уделяется внимание заготовке продуктов питания и оказанию целевой помощи нуждающимся, участию в этой работе разных категорий населения: трудовых коллективов, школьников и т. д. Сделаны выводы об основных тенденциях в организации снабжения жителей города продовольствием. Среди них были стремление центральных и местных властей обеспечить население города необходимым минимумом продуктов питания, инициативные действия горожан и целых предприятий по решению продовольственной проблемы, борьба со злоупотреблениями. Актуальность исследования обусловлена непреходящим значением продовольственной безопасности как элемента национальной безопасности государства. Источниками стали материалы газеты «Красное знамя», а также документы из фондов региональных архивов и Тюменского музейно-просветительского объединения, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова:

обеспечение питанием; карточная система; Великая Отечественная война; тыловая повседневность; Тюмень.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the problem of organizing centralized and additional food supply for the population during the Great Patriotic War, using the example of the rear city of Tyumen. The functioning of retail trade and the ration card system are studied. Examples of mutually beneficial cooperation between the city and the village in the context of the topic under consideration are provided. The authors characterize the public catering system, both for children and adults, as well as the organization of subsidiary farms and individual gardens. Attention is paid to food procurement and targeted assistance to those in need, as well as the participation of various categories of the population in this work, such as labor collectives, schoolchildren, etc. Conclusions are drawn about the main trends in the organization of food supply to the city's residents. These include the efforts of central and local authorities to provide the population with the necessary minimum of food, proactive actions by city residents and entire enterprises to solve the food problem, and efforts to combat abuse. The relevance of the study is determined by the enduring importance of food security as an element of national security. The main sources of the work are materials from the newspaper "Krasnoe Znamya," as well as documents from the archives of the region and the Tyumen Museum-Education Organization, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words:

food provisioning; ration card system; Great Patriotic War; everyday life in the rear; Tyumen.

Обеспечение питанием жителей Тюмени в годы Великой Отечественной войны

© Анкушева К. А., Бакулина Т. И., 2023

1. Введение = Introduction

Тема Великой Отечественной войны весьма многогранна и включает сюжеты от военно-исторических, политических и медицинских до философских, гастрономических и искусствоведческих. В последние годы в связи с включением в научный оборот новых источников и смещением экспертного фокуса особенно популярны визуальные исследования, изучение вопросов повседневности — семьи и детства, досуга, бытового обслуживания населения [Вычеров, 2022; Денисова, 2021; Иванов и др., 2020; Палецких, 2015; Палецких, 2018; Сушко и др., 2020; Черемных, 2016; Яремчук и др., 2023]. Актуальность сохраняет и проблематика питания в годы Великой Отечественной войны. Ученые констатируют, что продовольственная безопасность в этот период «выступала одним из гарантов обороноспособности нашего государства», обеспечивалась как на уровне руководства СССР, так и на местах [Уразова и др., 2022, с. 135]. Как отмечал В. В. Похлебкин, «еде в годы войны всегда уделяется основное внимание: помимо событий на фронте, мысли людей сосредоточиваются только на еде — надо выжить, пережить тяжелое время, гигантскую растрату физических и нервных сил, следовательно, надо есть, доставать пищу, не голодать» [Похлебкин, 2000]. По мнению М. Н. Потемкиной и К. Е. Гаврильковой, «голод не только напрямую угрожает жизни человека, но и деформирует личность, меняет все: от вкусовых ощущений до моральных норм» [Потемкина и др., 2017, с. 611]. Изучение исторического опыта организации питания населения в экстремальной ситуации имеет несомненное научное и практическое значение.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всех советских граждан. Страна мобилизовала все возможные ресурсы. Тюменская область (ранее Омская), будучи тыловым регионом, также вносила свой вклад в дело Победы. Тюмень в то время являлась довольно крупным сибирским городом, который с 1944 года стал областным центром.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Авторы научных публикаций важным аспектом темы традиционно считают государственное регулирование организации питания разных категорий населения. Объектом пристального внимания остается система нормированного распределения продуктов в годы Великой Отечественной войны, сделаны выводы об эффективности такой системы снабжения, определены ее преимущества и недостатки [Копылов, 2014]. Большой блок работ связан с продовольственным обеспечением Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), партизан, жителей оккупированных территорий или находящихся на линии фронта, прифронтовых. Л. Е. Горелова проанализировала работу Центрального института питания Наркомздрава СССР [Горелова, 2015]. Говоря о снабжении партизанских формирований, Е. Е. Красноженова и С. В. Кулинок определяют четыре основных источника продовольственного обеспечения: захват продовольствия, целенаправленное снабжение, производство продуктов питания — посев и сбор урожая, снабжение за счет местного населения [Красноженова и др., 2021]. Практики питания мирного населения страны в условиях военного Сталинграда стали объектом изучения авторов коллективной монографии «Детство и война...». Они подчеркивают, что «практически ушел из повседневной жизни не только застольный этикет, но и в целом понятие застолья и трапезы с присущими им пищевыми кодами и символами» [Еда..., 2015, с. 171].

Ряд работ подготовлен на материале сведений о тыловых регионах [Судейманова, 2020]. В основном формы питания делятся на 2 группы: централизованное (карточная система, общественное питание) и децентрализованное, или дополнительное (подсобные хозяйства, рыночная торговля). Причем при сравнении жизни населения в тыловом и прифронтовом районах делается общий вывод, что «учреждения снабжались ниже нормы <...> ежедневно часами приходилось выстаивать за хлебом» [Яремчук и др., 2020, с. 7]. В то же время авторы указывают региональные особенности решения вопроса питания. Базовыми акцентами становятся следующие: набор продуктов, способы их добычи, обработки и потребления. При этом ценным источником остаются воспоминания, методы устной истории [Хубулова и др., 2014]. В целом отмечается упрощение рациона питания, потребление некачественных продуктов, а также пищевые аномалии [Потемкина и др., 2017, с. 611, 615]. Таким образом, исследовательское поле обширной и многогранной темы питания в годы Великой Отечественной войны продолжает расширяться, и авторы данной статьи ставят цель проанализировать указанный сюжет на примере тылового города Тюмени.

Интересующий нас вопрос обеспечения питанием местного населения обычно рассматривается фрагментарно, в контексте более общих по

тематике произведений, посвященных Тюмени периода Великой Отечественной войны. В ходе работы над данной статьей мы опирались на методологию истории повседневности и использовали представительный, на наш взгляд, круг источников: нормативно-правовые акты центральных и местных органов власти; делопроизводственную документацию советских и партийных органов власти (центральных и местных); периодическую печать, в первую очередь, региональную газету «Красное знамя»; статистические данные; документы личного происхождения; визуальные документы. Определенная часть источников опубликована, например, в сборнике документов «Тюменцы — фронту» [Тюменцы ..., 2005]. При этом часть материалов, хранящихся в фондах региональных архивов, а именно: ГБУТО «Государственный архив Тюменской области» и ГБУТО «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области», а также в фондах ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение» — вводится в научный оборот впервые. На наш взгляд, источниковая база позволяет разнопланово проанализировать поставленную проблему, сделать обоснованные выводы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Магазинная торговля и карточная система

С началом Великой Отечественной войны Тюмень стала стремительно меняться. К началу января 1942 года в Тюмень сюда уже прибыли оборудование и работники 22 предприятий [Тюменцы ..., 2005, с. 109]. В мае 1942 года численность населения города составила 93 482 человека (для сравнения: накануне войны в городе числилось 76 100 человек) [ГАТО, ф. 759, оп. 1, д. 130, л. 1], из них трудоспособного населения было ориентировочно 57 тыс. человек. Из этого количества было занято в производстве, на транспорте, в учреждениях, в школах и т. д. в возрасте от 15 до 35 лет 34 455 человек [ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 452, л. 52].

В числе основных вопросов организации жизни населения в тыловой Тюмени были проблемы снабжения продовольствием и организации питания. Как отмечает Ф. В. Копылов, «армия поглотила значительные ресурсы, противник захватил многие плодородные земли, что привело к возникновению продовольственного кризиса и товарного дефицита как его последствия» [Копылов, 2014, с. 106]. Анализируя ситуацию в Башкирской АССР, исследователи констатируют, что «приоритет в снабжении отдавался в первую очередь Красной армии, затем рабочим и служащим оборонной и других важных отраслей, далее рабочим и служащим других сфер, на последних местах стояли иждивенцы и остальная часть населения» [Уразова и др., 2022, с. 136]. Аналогичным образом обстояли дела в других

регионах страны, в том числе в Тюменском крае. Практика нормирования должна была решить проблему обеспечения населения продовольствием.

В первые военные месяцы произошло сокращение магазинной торговли. Если на 1 января 1941 года в городе было 130 магазинов и лавок, то на 1 февраля 1942 года их количество сократилось до 93 [ГАТО, ф. 759, оп. 1, д. 1898, л. 44]. Источники указывают, что число продуктовых магазинов осталось неизменным — 65. Уменьшилось число ларьков и палаток с 57 до 38 [ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 544, л. 201]. Магазиновая сеть Тюмени была представлена общедоступными и закрытыми магазинами. В годы войны население, снабжавшееся по первой категории, отоваривало карточки через магазины закрытой торговой сети. Они снабжались лучше, чем предприятия открытого типа. В конце войны появился магазин, к которому были прикреплены инвалиды Великой Отечественной войны. К закрытым относились и магазины при предприятиях. Представители второй категории (снабжения) получали продукты в магазинах открытой торговой сети без прикрепления к конкретным торговым точкам.

Особенно трудным выдался первый военный год. Хлеба в городе не хватало. Только в ноябре 1941 года хлебокомбинат не додал городу 68 т хлеба [Упорядочить работу ..., 1942, с. 2]. Такая картина была характерна и для других городов, куда началась массовая эвакуация населения [Кабакова, 2018, с. 215].

Карточная система была введена в Тюмени осенью 1941 года. Подготовка к ее внедрению началась еще в августе, когда проводились поквартирные обходы с целью переписи жильцов. В соответствии с приказом Народного комиссариата торговли СССР от 22 августа 1941 г. № 312 «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа» [Приказ ..., 1941] вводились две категории снабжения населения продуктами питания. Устанавливались ежедневные нормы отпуска хлеба на одного человека для каждой категории.

Выдача карточек производилась на предприятиях, в организациях и в домоуправлениях. Для покрытия расходов на подготовку продовольственных карточек устанавливалась плата за каждую карточку 10 копеек. Продажа хлеба по карточкам производилась каждый день. Разreshалось продавать хлеб на один день вперед. Просроченные карточки не отоваривались. При продаже хлеба и сахара при их нехватке разрешалось частично заменять их другими продуктами. Сахар мог быть заменен вареньем, халвой, джемом в двойном размере; могли выдавать половину сахаром, половину сахаристыми кондитерскими изделиями. Хлеб могли заменить мукой из расчета 750 г муки за 1 кг хлеба, сухарями, баранками, сушками и печеньем всех сортов из расчета 0,5 кг за 1 кг хлеба, пряниками и венской сдобой всех сортов 750 г за 1 кг хлеба [Приказ ..., 1941].

Бедствием становилась кража хлебных карточек. К сожалению, в обществе, независимо от региона страны, распространились девиантные стратегии выживания, в числе которых были хищения, спекуляции [Потемкина и др., 2017]. Сохранилось большое количество соответствующих заявлений в Тюменский горисполком с просьбой восстановить утраченные документы. Утерянные или похищенные карточки не восстанавливались. В этом отношении обращает на себя внимание событие, произошедшее в Тюмени 17 июля 1942 года: «В 10 часов поступило заявление от подростка М. Я. Байдаковой, что ей на улице найдены 3 хлебных карточки около железнодорожной станции». Далее в справке отмечено: «Карточки нами приняты, устанавливаются потерпевшие для возвращения карточек» [ГАТО, ф. 5, оп. 4, д. 71, л. 77]. Поступок Марии Яковлевны вызывает уважение.

Карточка на ХЛЕБ
норма 800 гр в день
с 1—10 марта 1943 г. г. Тюмень
(работник I категории)

Фамилия _____
Имя, отчество _____

3 мар	ХЛЕБ	500 гр
3 мар	ХЛЕБ	300 гр
1 мар	ХЛЕБ	00 гр
9 мар	ХЛЕБ	500 гр
7 мар	ХЛЕБ	500 гр
5 мар	ХЛЕБ	500 гр
2 мар	ХЛЕБ	500 гр
1 мар	ХЛЕБ	00 гр
9 мар	ХЛЕБ	300 гр
7 мар	ХЛЕБ	300 гр
5 мар	ХЛЕБ	300 гр
2 мар	ХЛЕБ	300 гр
0 мар	ХЛЕБ	00 гр
8 мар	ХЛЕБ	500 гр
6 мар	ХЛЕБ	500 гр
4 мар	ХЛЕБ	500 гр
1 мар	ХЛЕБ	500 гр
0 мар	ХЛЕБ	00 гр
8 мар	ХЛЕБ	300 гр
6 мар	ХЛЕБ	300 гр
4 мар	ХЛЕБ	300 гр
1 мар	ХЛЕБ	300 гр

Рис. 1. Карточка на хлеб (Тюмень, 1943 г.) [ТМПО, ТОКМ ОФ-1562/1]

Введение карточной системы подробно регламентировалось. Однако некоторые лица, отвечавшие за выдачу карточек, пытались на этом заработать. Так, в октябре 1942 года виновная в получении карточек сразу в двух организациях была осуждена на три года тюремного заключения [Казакова, 1942, с. 2]. В сентябре 1943 года слушалось дело о подделке тремя ра-

ботниками Тюменского райсобеса документов на получение хлебных карточек. Кроме того, организатор группы, счетовод собеса, присвоила свыше 20 тыс. руб., которые предназначались на выплату пособий инвалидам Великой Отечественной войны и семьям фронтовиков. Основная обвиняемая была приговорена к 10 годам лишения свободы, остальные участники этого дела получили от 6 месяцев до 3 лет [Боброва, 1943, с. 2]. В 1944 году за незаконное получение карточек и продажу на рынке хлеба, полученного по карточкам и хлебным талонам, были осуждены работники карточного бюро [Расхитители хлеба ..., 1944, с. 2].

3.2. Организация общественного питания

Частично продовольственные вопросы в городе решались за счет системы общественного питания. Она была представлена столовыми организаций, предприятий и учреждений, общедоступными и специализированными столовыми. Наиболее важным был вопрос питания детей. В ноябре 1941 года было принято решение обязать горторг выделять белый хлеб для снабжения детей эвакуированных [ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 439, л. 9 об.]. Дети фронтовиков, которые в детские ясли и детские сады принимались в первую очередь, могли питаться именно там. В случае отсутствия ребенка в дошкольном учреждении было организовано получение обедов на дом.

Рис. 2. Фото учащихся во время обеда (Тюмень, 1944 г.)
[ТМПО, ТОКМ ОФ-29162]

Во всех школах были открыты буфеты, однако столовые имелись не в каждой из них. Например, в 1941 году горячих завтраков не было в школах №№ 2, 3, 8, 13, 18, 26. Их столовые не были обеспечены посудой [ГАТО,

ф. 5, оп. 1, д. 472, л. 156]. Обслуживать школы города должен был школьный цех, но он сам почти ничего не производил. При этом продукты для школ ему выделял соответствующий трест. Имели место случаи хищения продуктов. Так, в марте 1942 года в народном суде первого участка Тюмени прошло слушание дела о хищении продуктов из школьного цеха. Обвиняемые были осуждены на срок от 2 до 4 лет лишения свободы [Двуногие хищники ..., 1942, с. 2]. Основная работа по обеспечению школ питанием легла на кулинарный цех конторы Росглавпищепрома. Осенью 1942 года он ежедневно вырабатывал продукцию на 7—8 тыс. школьников. При этом принимались меры для улучшения питания. Так, по предложению заведующего производством Мемедова цех стал изготавливать повидло из турнепса [Больше заботы ..., 1942, с. 2].

В соответствии с требованиями, для ослабленных детей от 3 до 13 лет на местах должны были быть организованы особые детские столовые с двухразовым питанием [Постановление ..., 1942]. Предполагался отпуск обедов на дом. Исполком Тюменского городского Совета принял решение обязать трест столовых к 1 ноября 1942 года открыть в помещении гостиницы «Заря» столовую для обслуживания детей фронтовиков [Тюменцы ..., 2005, с. 175]. В конце ноября 1942 года она уже работала. Детей к ней прикрепляли по назначению врача.

Рис. 3. Фото столовой эвакогоспиталя № 3518 (Тюмень, 1944—1945 гг.)
[ТМПО, ТОКМ ОФ-4316/9]

В годы войны расширилась сеть общественного питания и для взрослого населения. К 1 февраля 1942 года сеть столовых в Тюмени состояла из 45 точек вместо 38 на 1 января 1941 года [ГАТО, ф. 759, оп. 1, д. 189, л. 44]. По обслуживаемому контингенту они делились на общедоступные и закрытые. В сфере общепита действовала абонементная система. Работники общепита предпринимали попытки улучшить качество работы, устанавливали скользящие графики обедов по цехам. Меню в столовых было больше овоще-рыбным. В источниках за 1943 год упоминаются отличия в питании разных категорий работников. Так, в столовой Гальвано-технического завода для рядовых работников предлагалось пюре с маслом, а для инженерно-технического состава и стахановцев — картофельные котлеты [ГАСПИТО, ф. 7, оп. 1, д. 643, л. 145]. Иногда в столовые попадало небольшое количество продуктов, которых на всех не хватало, тогда их получали люди, особо отличившиеся на производстве.

Улучшение рациона питания происходило за счет продукции местных предприятий пищевой промышленности. В Тюмени действовал небольшой маслозавод, на котором в январе 1943 года работало около 50 человек, и рыбозавод со штатом 27 человек [ГАТО, ф. 770, оп. 1, д. 47, лл. 3—4]. Большую роль в обеспечении работы тюменских предприятий общепита играл мясокомбинат. В январе 1942 года он выпускал пельмени, пирожки, пышки, мясной бульон. При норме 200 л бульона в день, цех вырабатывал 400—500 литров. При средней норме 500 тыс. пирожков и пышек в месяц, цех за две декады января 1942 года изготовил 601 тысячу [Свои обязательства ..., 1942, с. 2]. Артель Пищевкусоединения выпускала пряники и конфеты-подушечки. Самым крупным предприятием пищевой промышленности Тюмени был хлебокомбинат. На нем работало более 400 сотрудников.

Осенью 1942 года колхозники Саратовской области вышли с инициативой продажи рабочим оборонных заводов картофеля и иной сельхозпродукции по твердым государственным ценам. Бюро Тюменского райкома ВКП(б) прикрепило оборонные предприятия Тюмени к колхозам района для организации аналогичной практики [Тюменцы ..., 2005, с. 181]. К 1943 году ситуация с питанием в городе несколько улучшилась. На Тюменском химико-фармацевтическом заводе № 39 ослабленным рабочим стали выдавать дополнительное питание по спецкарточкам. Обычно они предоставлялись на 2 месяца [ГАСПИТО, ф. 7, оп. 1, д. 645, л. 115]. На заводе № 639 (Судоверфь) активно работал Отдел рабочего снабжения. Решение о создании ОРСов было принято СКН СССР 19 февраля 1942 года и позволило рабочим и членам их семей приобретать товары по карточкам, при этом подсобные хозяйства давали возможность дополнительного снаб-

жения продовольствием. На ряде предприятий было организовано двухразовое питание работников [ГАТО, ф. 476, оп. 1, д. 38, л. 2].

3.3. Подсобные хозяйства и заготовка продуктов питания

Улучшению работы предприятий общественного питания способствовала организация подсобных хозяйств при предприятиях и учреждениях города. Еще летом 1941 года в газете «Красное знамя» была опубликована статья, в которой была поставлена задача увеличения объемов продовольствия на местах за счет организации подсобных хозяйств, ловли рыбы в местных водоемах, сбора грибов и ягод, организации откорма свиней при столовых и т. п. [Местные ..., 1941, с. 4]. Подсобные хозяйства при предприятиях существовали еще до войны, затем эта работа была активизирована. Так, Овчинно-шубный завод им. С. М. Кирова в августе 1941 года имел 11 с лишним га земли, занятых под овощи для столовой, и 13,5 га земли, засеянной овсом. В подсобном хозяйстве выращивались картофель, морковь, капуста, помидоры, горох. На территории завода на отходах столовой содержались 8 свиней [Овощи ..., 1941, с. 2]. Фабрике им. Челюскинцев в 1941 году горисполком отвел участок в 30 гектаров. Работники предприятия полностью обеспечили себя сельскохозяйственными продуктами.

В 1942 году у городских предприятий и учреждений было 124 подсобных хозяйства. В 1943 году было решено увеличить их площадь с 3 428 га до 5 000 гектаров. Для выращивания рассады овощей планировались закладка парниковых рам и строительство теплиц. Летом в подсобных хозяйствах часто работали школьники [ГАСПИТО, ф. 7, оп. 1, д. 645, л. 95 об.]. В 1944 году уже все промышленные предприятия города и большинство учреждений имели свои подсобные хозяйства [По-большевицки ..., 1944, с. 2]. Аналогичная тенденция наблюдалась и в других регионах страны [Сушко и др., 2020, с. 337]. Земли, отведенные предприятиям, использовались не только для выращивания урожая для столовых, часть из них была отдана сотрудникам под индивидуальные огороды. Например, на участке, выделенном Тюменскому государственному педагогическому институту, «педагоги могли выращивать овощи для собственных нужд» [Хажеева и др., 2020, с. 65].

Обычно огороды занимали городские площади, пустыри и малопроезжие улицы. Разрешение давал горкомхоз, размер участка на семью не мог превышать 1 гектара. В первую очередь земли отводились стахановцам, семьям военнослужащих, инвалидов войны, эвакуированным и многодетным семьям. Лица, уже имеющие приусадебные участки, получали огороды в последнюю очередь и с зачетом площади приусадебного участка. Весной 1944 года уже 28 тыс. рабочих и служащих Тюмени занимались индивидуальным огородничеством [По-большевицки ..., 1944, с. 2]. Во-

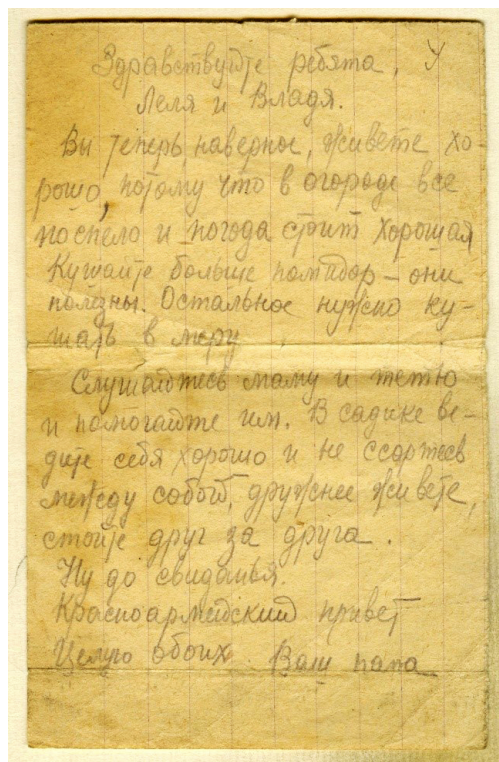

Рис. 4. Письмо с фронта в Тюмень (1941 г.) [ТМПО, ДВХ-3719/5]

прос о подсобных хозяйствах, в том числе об их охране, регулярно рассматривался местными властями. Так, 14 июля 1943 года было принято решение исполкома Тюменского городского Совета «Об охране посевов на подсобных хозяйствах и на индивидуальных огородах»: вводилась круглосуточная охрана земельных участков, запрещалось пасти на них скот и пр. [Загриняев и др., 1943, с. 2]. В помощь работникам подсобных хозяйств и индивидуальным огородникам газета «Красное знамя» публиковала материалы по эффективному и экономному ведению хозяйства [Серебренников, 1942, с. 3]. Даже после войны город по-прежнему был похож на большой огород» [О порядке ..., 1945, с. 2].

Для компенсации недостатка продуктов питания, в том числе хлеба, население включалось в сезонные работы по сбору и заготовке растительного сырья. Ситуация с продуктами усугублялась в первый военный год тем, что план заготовок Тюменским горторгом (Тюмторг) был провален.

Сказывались сложности перестройки экономики города на военный лад, дождливое лето, нехватка транспорта и массовая мобилизация населения. Из запланированных 2 500 т картофеля поступило около 952 т, а заложено на хранение было всего 725,7 тонн. Еще хуже обстояли дела с капустой и другими овощными культурами. Из дикорастущих при плане по грибам 135 т, по ягодам 155 т заложено 2,2 т грибов и 10,2 т ягод [Тюмгорг ..., 1941, с. 3]. В целях улучшения ситуации магазины Тюменского горторга начали принимать овощи от населения [Магазины ..., 1941, с. 4].

В феврале 1942 года в городе была организована колхозная ярмарка. Из ближних к городу сельсоветов (Антипинского, Букинского и др.) в продажу поступили картофель, капуста, лук, овес и иная сельскохозяйственная продукция. Для привлечения широкого числа участников были определены магазины, в которых приезжающие колхозники могли купить себе промышленные товары: трикотаж, обувь, хозяйственное мыло, сбрую, гвозди, галантерею и пр. [К сведению..., 1942, с. 2].

Несмотря на принимаемые меры, в 1942 году в городе по-прежнему сохранялось тяжелое положение с продовольствием. Сократилось поступление на рынок сельскохозяйственной продукции. Если в июне — августе 1941 года сюда поступило 5 667 кг молочных продуктов, то в эти же месяцы 1942 года всего 1 017 [ГАТО, ф. 5, оп. 4, д. 71, л. 25]. Наблюдался стремительный рост цен (табл. 1).

Таблица 1

Рыночные цены в Тюмени

Наименование товара	1941 (август), в руб.	1942 (август), в руб.
Картофель (центнер)	100–150	1 800
Капуста (центнер)	–	1 500
Масло (килограмм)	50	800
Мука (пуд)	90–100	1 000–1 200
Соль (килограмм)	0,18	100
Мыло хозяйственное (1 кусок)	2,50	250
Спички (1 коробка)	–	20
Водка (1 литр)	60	600

Проблемные ситуации выявлялись благодаря письмам с фронта, обращениям членов семей фронтовиков в исполком городского Совета или в партийный орган, результатам обследования семей военнослужащих или эвакуированных [Южаков, 2014]. Большую помощь оказывали тюменцы детям-сиротам. В мае 1942 года комсомольцы железнодорожного узла за счет собственных средств (семян) решили засеять для них 10 га картофеля.

Пионеры Червишевской неполной средней школы взяли на себя обязательство: каждый на своем огороде посадит для детей-сирот грядку овощей. Эта инициатива получила распространение в городе [ГАСПИТО, ф. 22, оп. 3, д. 4, л. 20; Тюменцы..., 2005, с. 148].

Осенью 1942 года после уборки урожая нуждающимся семьям стали выделять картофель, капусту и другие овощи. По возможности семьи фронтовиков снабжались дополнительными продуктами питания. Летом 1943 года в их числе упоминаются рыба, масло, молоко и даже вареники. В 1944 году чаще помощь оказывали мукой и рыбой, маслом, сахаром [ГАСПИТО, ф. 7, оп. 1, д. 645, л. 206]. Кроме того, жители Тюмени, как и вся страна, оказывали помощь фронту, в том числе продуктами [Тюменцы ..., 2005, с. 254].

4. Заключение = Conclusions

Тюмень в годы Великой Отечественной войны располагалась в тыловом сибирском регионе. С одной стороны, часть тюменцев ушли на фронт, а с другой — город принял на своей территории значительное количество эвакуированных. В числе важнейших проблем, которые необходимо было решать местным властям, да и каждому жителю города, оказалась продовольственная.

Многим жителям Тюмени война запомнилась чувством голода. Переломным стал 1943 год, когда ситуация со снабжением продуктами улучшилась. Руководство города постоянно держало дело организации питания населения на контроле. Большое внимание уделялось детям, семьям фронтовиков. Продовольственные задачи решались главным образом за счет продукции местных предприятий пищевой промышленности, подсобных хозяйств и урожаев с индивидуальных огородов.

Система обеспечения продуктами питания, в связи с их дефицитом, была дифференцированной. Это проявлялось не только во введении карточек, но и в сосуществовании закрытых (предназначенных для определенных категорий населения) и открытых (для всех) торговых заведений, в отличиях в снабжении продуктами семей фронтовиков и рядовых жителей Тюмени, в особом меню для передовиков производства и инженерно-технических работников в столовых. Все это создавало дополнительные сложности в преодолении возникающих трудностей и порой вызывало недовольство некоторых жителей города.

История Тюмени демонстрирует тенденции, в целом характерные для тылового региона. Это стремление центральных и местных властей обеспечить население города необходимым минимумом продуктов питания, борьба со злоупотреблениями и иными нарушениями, а также инициативные действия горожан и целых предприятий по решению продовольственной проблемы.

Праздничная культура питания отошла на второй план, приготовление пищи упрощалось по причине сужения ассортимента продуктов, в связи с экономией времени и иных ресурсов. Тюменцы становились менее притязательны в питании, более бережливы. Пищевые практики зависели от категории снабжения, сезона и целого ряда иных факторов, в том числе субъективных: от воли местного руководства до совести отдельного человека.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Боброва А. Преступники наказаны / А. Боброва // Красное знамя : газета. — 1943. — № 186 (6867). — С. 2.
2. Большие заботы о питании школьников // Красное знамя : газета. — 1942. — № 273 (6651). — С. 2.
3. ГАСПИТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Ф. 7. Оп. 1. Д. 643. Лл. 145 ; Д. 645. Лл. 95 об., 115, 206 ; Ф. 22. Оп. 3. Д. 4. Л. 20.
4. ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области». Ф. 5. Оп. 1. Д. 439. Л. 9 об. ; Д. 452. Л. 52 ; Д. 544. Л. 201 ; Д. 472. Л. 156 ; Оп. 4. Д. 71. Лл. 25, 77 ; Ф. 476. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 ; Ф. 759. Оп. 1. Д. 130. Л. 1 ; Д. 1898. Л. 44 ; 189. Л. 44 ; Ф. 770. Оп. 1. Д. 47. Лл. 3—4.
5. Загриняев С. Об охране посевов на подсобных хозяйствах и на индивидуальных огородах рабочих и служащих / С. Загриняев, И. Михайлова // Красное знамя : газета. — 1943. — № 143. — С. 2.
6. К сведению колхозников! // Красное знамя : газета. — 1942. — № 35 (6413). — С. 2.
7. Казакова. За злоупотребление карточками — три года // Красное знамя : газета. — 1942. — № 247 (6624). — С. 2.
8. Магазины Тюменского городского торгового производства // Красное знамя : газета. — 1941. — № 272 (6339). — С. 4.
9. Местные продовольственные ресурсы // Красное знамя : газета. — 1941. — № 172 (6239). — С. 4.
10. О порядке использования улиц и площадей гор. Тюмени под посадку овощей // Тюменская правда : газета. — № 100 (163). — С. 2.
11. Овощи в заводскую столовую // Красное знамя : газета. — 1941. — № 189 (6256). — С. 2.
12. По-большевистски проведем сев в подсобных хозяйствах и на индивидуальных огородах // Красное знамя : газета. — 1944. — № 83 (6723). — С. 2.
13. Постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей» от 27 октября 1942 г. № 1739 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. — Режим доступа : <https://www.prilib.ru/item/1351270> (дата обращения 28.04.2023).

14. *Приказ* Народного комиссариата торговли СССР «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа» от 22 августа 1941 г. № 312 [Электронный ресурс] // Вологда торговая. — Режим доступа : <https://www.booksite.ru/trade/main/war/1.htm> (дата обращения 28.04.2023).
15. *Расхитители хлеба* получили по заслугам // Красное знамя : газета. — 1944. — № 106 (6746). — С. 2.
16. *Свои обязательства* комбинат выполнит // Красное знамя : газета. — 1942. — № 22 (6400). — С. 2.
17. *Серебренников А.* Разведение картофеля / А. Серебренников // Красное знамя : газета. — 1942. — № 83 (6461). — С. 3.
18. ТМПО — Государственное автономное учреждение культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение». ТОКМ ОФ-1562/1 ; ТОКМ ОФ-4316/9 ; ТОКМ ОФ-29162 ; ДВХ-3719/5 (Музейный комплекс имени Ивана Яковлевича Словцова).
19. *Тюмгорг* в долгу у тюменцев // Красное знамя : газета. — 1941. — № 252 (6319). — С. 3.
20. *Тюменцы — фронту* : сборник документов. — Изд-е второе, дополненное. — Тюмень : Тюменский дом печати, 2005. — 352 с.
21. *Упорядочить работу* столовых и магазинов // Красное знамя : газета. — 1942. — № 5 (6383). — С. 2.

Литература

1. *Вычеров Д. А.* Советское детство на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны : историография проблемы / Д. А. Вычеров // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 4 (43). — С. 397—400. — DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).397-400.
2. *Горелова Л. Е.* Работа Института питания в годы Великой Отечественной войны / Л. Е. Горелова // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. — 2015. — № 1. — С. 56—59.
3. *Денисова Г. Л.* Репрезентация концепта ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА в карикатурах Великой Отечественной войны / Г. Л. Денисова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 61. — С. 204—215. — DOI: 10.17223/1998863X/61/21.
4. *Еда и пищевые практики* // Детство и война : культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина [и др.] ; Южный научный центр Российской академии наук. — Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. — С. 171—189. — ISBN 978-5-7786-0585-5.
5. *Иванов А. Г.* Материально-бытовое положение женщин Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / А. Г. Иванов, А. Б. Филонова // Исторический поиск. — 2020. — Т. 1. — № 1. — С. 52—58.
6. *Кабакова Н. В.* Организация снабжения и питание населения в период Великой Отечественной войны в Западной Сибири (На примере Омской области) / Н. В. Кабакова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2018. — № 3 (19). — С. 213—222. — DOI: 10.25513/2312-1300.2018.3.213-222/.
7. *Копылов Ф. В.* Прифронтовые города и проблема нормированного снабжения их жителей (на примере Вологды и Череповца) / Ф. В. Копылов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 1 (4). — С. 106—115.

8. Красноженова Е. Е. Продовольственное снабжение партизанских формирований Беларуси в период нацистской оккупации (на материалах Витебской области) / Е. Е. Красноженова, С. В. Кулинок // Новейшая история России. — 2021. — Т. 11. — № 3. — С. 606—622. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.303.

9. Палецких Н. П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 1 (46). — С. 59—63.

10. Палецких Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности : на материалах Урала периода Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Социум и власть. — 2018. — № 5 (73). — С. 121—129.

11. Потемкина М. Н. Как питались те, кто ковал победу над врагом : пищевые практики горожан советского тыла (на примере г. Магнитогорска) / М. Н. Потемкина, К. Е. Гаврилькова // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27. — Выпуск 4. — С. 611—617.

12. Похлебкин В. В. Еда в годы Великой Отечественной войны. В тылу, на фронте, в оккупированной части страны и в блокадном Ленинграде. 1941—1945 / В. В. Похлебкин // Кухня века. — Москва : Полифакт, 2000. — ISBN 5-93-806-001-X.

13. Сулейманова Р. Н. Жизнь в эвакуации : ленинградские жители в Башкирии в годы Великой Отечественной войны / Р. Н. Сулейманова // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10. — № 1. — С. 40. (39—52). — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.103.

14. Сушко А. В. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны / А. В. Сушко, М. С. Носова // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10. — № 2. — С. 330—346. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.204.

15. Уразова А. И. Снабжение населения продовольствием в годы Великой Отечественной войны по документам Совнаркома БАССР / А. И. Уразова, Р. А. Хазиев, М. С. Васильев // Общество : философия, история, культура. — 2022. — № 10. — С. 135—141. — DOI: 10.24158/fik.2022.10.23.

16. Хажеева И. В. Социально-бытовая повседневность преподавателей и студентов Тюменского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны / И. В. Хажеева, А. Н. Животова // Общество : философия, история, культура. — 2020. — № 3 (71). — С. 64—68. — DOI: 10.24158/fik.2020.3.13.

17. Хубулова С. А. Детские воспоминания о Великой Отечественной войне в пространстве современной устной истории / С. А. Хубулова, Э. В. Хубулова // Известия СОИГОСИ. — 2014. — № 14 (53). — С. 35—40.

18. Черемных О. А. Городское парикмахерское хозяйство Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (на материалах Новосибирска, Кемерово, Томска) / О. А. Черемных // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405. — С. 142—144. — DOI: 10.17223/15617793/405/19.

19. Южаков В. П. Деятельность органов власти Тюменской области по обустройству эвакуированных граждан в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / В. П. Южаков // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2014. — № 4. — С. 98—101.

20. Яремчук О. В. Организация медицинской помощи детям в глубоком тылу и на прифронтовых территориях в годы Великой Отечественной войны / О. В. Яремчук, Р. С. Серебряный, Д. В. Камельских // Вопросы современной педиатрии. — 2023. — № 22 (1). — С. 6—12. — DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v22i1.2528>.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023,
одобрена после рецензирования 24.07.2023,
подготовлена к публикации 15.08.2023.

Material resources

- Bobrova, A. (1943). Criminals are punished. *Krasnoe znamya: gazeta*, 186 (6867): P. 2. (In Russ.).
- For the information of collective farmers! (1942). *Red Banner: newspaper*, 35 (6413): S. 2. (In Russ.).
- GASPITO — *State Budgetary Institution of the Tyumen region "State Archive of socio-political history of the Tyumen region"*. (In Russ.).
- GATO — *State Budgetary Institution of the Tyumen region "State Archive of the Tyumen region"*. (In Russ.).
- In a Bolshevik way, we will carry out sowing in subsidiary farms and in individual vegetable gardens. (1944). *Krasnoe znamya: gazeta*, 83 (6723): P. 2. (In Russ.).
- Kazakova. For the abuse of cards — three years. (1942). *Krasnoe znamya: gazeta*, 247 (6624): P. 2. (In Russ.).
- Local food resources. (1941). *Krasnoe znamya: gazeta*, 172 (6239): P. 4. (In Russ.).
- More care about the nutrition of schoolchildren. (1942). *Krasnoe znamya: gazeta*, 273 (6651): P. 2. (In Russ.).
- On the order of use of streets and squares of the mountains. Tyumen for planting vegetables. *Tyumen Pravda: newspaper*, 100 (163): P. 2. (In Russ.).
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On measures to improve the work of the People's Commissariat of Health and children's institutions for medical care of children and strengthening nutrition for children in need" dated October 27, 1942 № 1739. *Presidential Library named after B. N. Yeltsin*. Available at: <https://www.prilib.ru/item/1351270> (accessed 28.04.2023). (In Russ.).
- Serebrennikov, A. (1942). Potato breeding. *Krasnoe znamya: gazeta*, 83 (6461): P. 3. (In Russ.).
- Shops of the Tyumen city auction produce. (1941). *Krasnoe znamya: gazeta*, 272 (6339): P. 4. (In Russ.).
- Streamline the work of canteens and shops. (1942). *Krasnoe znamya: gazeta*, 5 (6383): P. 2. (In Russ.).
- The combine will fulfill its obligations. (1942). *Krasnoe znamya: gazeta*, 22 (6400): P. 2. (In Russ.).
- The looters of bread got what they deserved. (1944). *Red banner: newspaper*, 106 (6746): P. 2. (In Russ.).
- The Order of the People's Commissariat of Trade of the USSR "On the introduction of cards for bread, sugar and confectionery in individual cities, working settlements and urban-type settlements" dated August 22. (1941). *Vologda trade*, 312. Available at: <https://www.booksite.ru/trade/main/war/1.htm> (date of appeal 28.04.2023). (In Russ.).
- TMPO is the State Autonomous Cultural Institution of the Tyumen region "Tyumen Museum and Educational Association". TOKM OF-1562/1; TOKM OF-4316/9; TOKM OF-29162; DVH-3719/5 (Ivan Yakovlevich Slovtsov Museum Complex). (In Russ.).
- Tyumen residents — to the front: a collection of documents. Second edition, supplemented. (2005). Tyumen: Tyumen House of Printing. 352 p. (In Russ.).
- Tyumgorg is in debt to the Tyumen residents. (1941). *Krasnoe znamya: gazeta*, 252 (6319): P. 3. (In Russ.).

Vegetables in the factory canteen. (1941). *Krasnoe znamya: gazeta*, 189 (6256): P. 2. (In Russ.).
Zagrinyaev, S., Mikhailova, I. (1943). On the protection of crops on subsidiary farms and on individual vegetable gardens of workers and employees. *Krasnoe znamya: gazeta*, 143: P. 2. (In Russ.).

References

- Cheremnykh, O. A. (2016). Urban hairdressing industry of Western Siberia during the Great Patriotic War (on the materials of Novosibirsk, Kemerovo, Tomsk). *Bulletin of Tomsk State University*, 405: 142—144. DOI: 10.17223/15617793/405/19. (In Russ.).
- Denisova, G. L. (2021). Representation of the concept of the INVADER'S DEFEAT in the cartoons of the Great Patriotic War. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 61: 204—215. DOI: 10.17223/1998863X/61/21. (In Russ.).
- Food and Food Practices. (2015). Childhood and war: the culture of everyday life, mechanisms of adaptation and survival practices of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the Battle of Stalingrad). In: *Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Volgograd: Publishing House of the Volgograd branch of the RANEPa. 171—189. ISBN 978-5-7786-0585-5. (In Russ.).
- Gorelova, L. E. (2015). The work of the Institute of Nutrition during the Great Patriotic War. *Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko*, 1: 56—59. (In Russ.).
- Ivanov, A. G., Filonova, A. B. (2020). The material and living situation of women of the Mari ASSR during the Great Patriotic War (1941—1945). *Historical search*, 1 (1): 52—58. (In Russ.).
- Kabakova, N. V. (2018). Organization of supply and nutrition of the population during the Great Patriotic War in Western Siberia (On the example of the Omsk region). *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences"*, 3 (19): 213—222. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.3.213-222. (In Russ.).
- Khazheeva, I. V., Zhihotova, A. N. (2020). Social and everyday life of teachers and students of the Tyumen State Pedagogical Institute during the Great Patriotic War. *Society: philosophy, history, culture*, 3 (71): 64—68. DOI: 10.24158/fik.2020.3.13. (In Russ.).
- Khubulova, S. A., Khubulova, E. V. Childhood memories of the Great Patriotic War in the space of modern oral history. *Izvestia SOIGOSI*, 14 (53): 35—40. (In Russ.).
- Kopylov, F. V. (2014). Frontline cities and the problem of normalized supply of their inhabitants (on the example of Vologda and Cherepovets). *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1 (4): 106—115. (In Russ.).
- Krasnozhennova, E. E., Kulinok, S. V. (2021). Food supply of partisan formations of Belarus during the Nazi occupation (based on the materials of the Vitebsk region). *Modern History of Russia*, 11 (3): 606—622. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.303. (In Russ.).
- Paletskikh, N. P. (2015). The leisure sphere of rear everyday life in the Urals during the Great Patriotic War. *Ural Historical Bulletin*, 1 (46): 59—63. (In Russ.).
- Paletskikh, N. P. (2018). Family and household aspects of rear everyday life: on the materials of the Urals during the Great Patriotic War. *Society and power*, 5 (73): 121—129. (In Russ.).

- Pohlebkina, V. V. (2000). Food during the Great Patriotic War. In the rear, at the front, in the occupied part of the country and in besieged Leningrad. 1941—1945. In: *The kitchen of the century*. Moscow: Polifakt. ISBN 5-93-806-001-X. (In Russ.).
- Potemkina, M. N., Gavrilkova, K. E. (2017). How those who forged victory over the enemy ate: food practices of citizens of the Soviet rear (on the example of Magnitogorsk). *Bulletin of the Udmurt University*, 27 (4): 611—617. (In Russ.).
- Suleymanova, R. N. (2020). Life in evacuation: Leningrad residents in Bashkiria during the Great Patriotic War. *Modern History of Russia*, 10 (1): P. 40. (39—52). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.103. (In Russ.).
- Sushko, A. V., Nosova, M. S. (2020). The children of Leningrad on Omsk land during the Great Patriotic War. *Modern History of Russia*, 10 (2): 330—346. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.204. (In Russ.).
- Urazova, A. I., Khaziev, R. A., Vasiliev, M. S. (2022). Food supply to the population during the Great Patriotic War according to the documents of the Council of People's Commissars of the BASSR. *Society: philosophy, history, culture*, 10: 135—141. DOI: 10.24158/fik.2022.10.23. (In Russ.).
- Vycherov, D. A. (2022). Soviet childhood in the occupied territory of the North-West of Russia during the Great Patriotic War: historiography of the problem. *Scientific notes of the Novgorod State University*, 4 (43): 397—400. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43). (In Russ.).
- Yaremchuk, O. V., Serebryany, R. S., Kamelskikh, D. V. (2023). Organization of medical care for children in the deep rear and on the frontline territories during the Great Patriotic War. *Questions of modern pediatrics*, 22 (1): 6—12. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v22i1.2528>. (In Russ.).
- Yuzhakov, V. P. (2014). Activity of the authorities of the Tyumen region on the arrangement of evacuated citizens during the Great Patriotic War of 1941—1945. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics*, 4: 98—101. (In Russ.).

*The article was submitted 20.06.2023;
approved after reviewing 24.07.2023;
accepted for publication 15.08.2023.*

Информация для цитирования:

Ахмадуллина Ж. В. Совет по делам религиозных культов в 1940—1950-е годы : противодействие сокращению / Ж. В. Ахмадуллина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 345—363. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-345-363.

Akhmadullina, Zh. V. (2023). Religious Cult Affairs Council in 1940-1950s: Countering Reduction. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 345-363. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-345-363. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-345-363

Совет по делам религиозных культов в 1940—1950-е годы : противодействие сокращению

Ахмадуллина Жанна Вячеславовна ^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0092-7511

¹ младший научный сотрудник;

² аспирант

lintuvvv@mail.ru

¹ Частное учреждение —
образовательная организация
высшего образования
Московский исламский институт
(Москва, Россия)

² Пензенский государственный
университет архитектуры
и строительства
(Пенза, Россия)

Religious Cult Affairs Council in 1940-1950s: Countering Reduction

Zhanna V. Akhmadullina ^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0092-7511

¹ junior research scientist;

² post-graduate student

lintuvvv@mail.ru

¹ Private institution
of higher education
Moscow islamic institute
(Moscow, Russia)

² Penza State University
of Architecture and Construction
(Penza, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется опыт создания в Советском государстве органов, участвовавших в строительстве отношений с организациями верующих. Рассматриваются отношения, сложившиеся между руководителями Совета по делам русской православной церкви (СДРПЦ, создан осенью 1943 года) и Совета по делам религиозных культов (СДРК, создан весной 1944 года). Основными источниками исследования выступили материалы из центральных архивов России. Сообщается, что председателем СДРПЦ был полковник Г. Г. Карпов, а полковник И. В. Полянский являлся председателем СДРК. При этом оба председателя продолжали одновременно и службу в органах государственной безопасности: Г. Г. Карпов долгие годы продолжал оставаться начальником для И. В. Полянского в Комитете государственной безопасности (КГБ), что обусловило взаимные обиды и личную неприязнь. Архивные документы содержат сведения о том, что Г. Г. Карпов выступил инициатором слияния СДРПЦ и СДРК. Он предлагал на их базе создать один новый орган, который выполнял бы важную для Советского государства задачу построения безрелигиозного общества, и надеялся возглавить его. Выделены главные направления борьбы за сохранение Совета по делам религиозных культов. Приводятся архивные данные о том, какие меры принял Г. Г. Карпов, хотя воплотить идею ему не удалось. Как показало время, предложение Г. Г. Карпова по слиянию СДРК и СДРПЦ было реализовано, но значительно позже, в 1965 году.

Ключевые слова:

Совет по делам религиозных культов; религиозная политика; атеизм; Совет по делам русской православной церкви; Совет по делам религий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the experience of establishing state bodies in the Soviet Union that were involved in building relationships with religious organizations. It examines the relationship between the leaders of the Council for Russian Orthodox Church Affairs (CROCA = rus. SDRPC, established in the fall of 1943) and the Council for Religious Cults Affairs (CRCA = rus. SDRK, established in the spring of 1944). The main sources of research are materials from the central archives of Russia. It is reported that Colonel G. G. Karpov was the chairman of SDRPC, while Colonel I. V. Polyansky was the chairman of SDRK. Both chairmen simultaneously served in state security agencies: G. G. Karpov remained the chief for I. V. Polyansky in the Committee for State Security (KGB) for many years, which led to mutual resentment and personal animosity. Archive documents contain information that G. G. Karpov initiated the merger of SDRPC and SDRK. He proposed creating a new organization based on them, which would perform an important task for the Soviet state in building a secular society, and hoped to lead it. The main directions of the struggle to preserve the Council for Religious Cults Affairs are highlighted. Archive data is provided on the measures taken by G. G. Karpov, although he did not succeed in implementing his idea. As time has shown, G. G. Karpov's proposal for the merger of SDRK and SDRPC was implemented, but much later, in 1965.

Key words:

Religious Cult Affairs Council; Religious policy; Atheism; Russian Orthodox Church Affairs Council; Council for Religious Affairs.

Совет по делам религиозных культов в 1940—1950-е годы : противодействие сокращению

© Ахмадуллина Ж. В., 2023

1. Введение = Introduction

Анализ документов и исследований специалистов по развитию государственно-конфессиональных отношений в Советском государстве показал, что религиозную политику СССР в этот период можно разделить на два этапа: активная жесткая политика, включающая в себя широкие репрессии против верующих, прежде всего против их лидеров, которая продолжалась около 25 лет; перевод государственно-конфессиональных отношений в стадию активного сотрудничества и значительного смягчения государственно-конфессиональных отношений. Одним из главных событий второго этапа этих отношений можно считать создание осенью 1943 года при Правительстве СССР Совета по делам русской православной церкви (СДРПЦ). Затем, весной 1944 года был организован Совет по делам религиозных культов (СДРК) [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 2, д. 1, л. 2, 11; оп. 4, д. 1, л. 1—7; РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 2, л. 1—10]. Необходимо отметить, что в архивных документах в названии СДРПЦ при разворачивании аббревиатуры в словосочетание строчными буквами писалось «русской православной церкви», а не «Русской православной церкви», «Русской Православной церкви» или «Русской Православной Церкви», как дают в своих работах подавляющее большинство исследователей. По предложению руководства Народного комиссариата государственной безопасности СССР, имевшего специализированную структуру по работе с религиозными организациями, председателем СДРПЦ был назначен полковник Г. Г. Карпов, а его заместитель — полковник И. В. Полянский — стал председателем СДРК. В интервью они указывали, что пришли на эти должности с партийной, советской и педагогической работы. Но при этом на протяжении нескольких лет они являлись действующими сотрудниками органов государственной безопасности [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 8, л. 1—15; Петров, 2010, с. 28, 46, 60, 444—445, 706—707, 987, 993; Чумаченко, 2011, с. 92—93].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу исследования составили архивные материалы, всего 40 дел — около 50 документов. Из них 33 дела находятся в Государственном архиве Россий-

ской Федерации (ГАРФ) в фонде Р-6991 «Совет по делам религий при Совете министров СССР». Одно дело принадлежит описи 2 «Совет по делам русской православной церкви при Совете министров СССР. 1943—1960 годы». В описи 3 «Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР. 1944—1960 годы» изучено 29 дел, из описи 4 «Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Опись документальных материалов постоянного хранения за 1944—1965 годы» проанализировано три дела.

Из Российского государственного архива новейшей истории изучено четыре дела. Три из них хранятся в фонде 3 «Политбюро ЦК КПСС. 1952—1990 годы» в описи 60 «Антирелигиозные вопросы (19.05.1918 — 23.05.1966 годы)», и одно дело из фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС. 1949—1991 годы» опись 33 «Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам (04.1956 — 12.1962 годы). Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС (05.1965 — 04.1966 годы)». Из Российского государственного архива социально-политической истории изучено три дела. Эти документы принадлежат фонду 17 «Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903—1991)» и сконцентрированы в трех описях. Одно дело в описи 125 «Управления пропаганды и агитации (1939—1948 годы)» и два дела в описи 132 «Отдел пропаганды и агитации (1948—1953)».

В ходе проведения исследования был изучен ряд произведений: сборник, содержащий законы о религиозной деятельности, справочник о руководящем составе органов государственной безопасности, некролог в газете «Правда» о председателе СДРК И. В. Полянском. Проведенный анализ работ известных отечественных и зарубежных специалистов по деятельности СДРПЦ и СДРК: М. В. Шкаровского, О. Ю. Васильевой, Л. И. Сосковец, В. Е. Носовой, Р. Ш. Хакимова, М. И. Одинцова, А. С. Кочетовой, А. А. Королева, Л. А. Королевой, И. Н. Гарькина, Е. В. Корноуховой, М. Н. Мосейкиной, Е. Тасара, Д. Идена и Д. В. Брильова — показал, что в них нет сведений о конфликте интересов в высшем руководстве СССР по проблеме полной реорганизации СДРК и создания вместо него нового органа, взаимодействующего с религиозными организациями [Шкаровский, 2000; Васильева, 2001; Сосковец, 2004; Носова, 2009; Хакимов, 2013; Одинцов и др., 2014; Королев и др., 2014; Корноухова и др., 2019; Tassar, 2017; Eden, 2021; Брильов, 2021]. Вместе с тем эта проблема несколькими фрагментами показана в исследованиях Т. А. Чумаченко и Е. Б. Бакшеевой [Чумаченко, 2011, с. 285—289, 399; Бакшеева, 2012, с. 19—22].

В исследовании автор статьи основывался на принципах историзма, объективности и системности. Первый принцип позволил всесторонне проанализировать генезис СДРК: процесс создания и работы центрального аппарата и института уполномоченных СДРК и причины его ликвидации.

Принцип объективности позволил увидеть, что все элементы структуры СДРК развивались симметрично с изменениями, связанными в подходе к выработке и реализации концептуальных взглядов руководства партийно-советского аппарата СССР на проведение религиозной политики, что отражалось в директивных документах, готовящихся, прежде всего, в ЦК партии.

Принцип системности дал возможность увидеть СДРК не как самостоятельный орган власти, а как органичную часть политической системы СССР, наполненную не только декларируемыми идеалами, но и амбициями руководителей различного уровня, стремящихся доказать высшему руководству СССР, что именно его орган власти лучше всего справляется с обязанностями и превосходит параллельные — конкурирующие структуры.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Противостояние председателя СДРК И. В. Полянского и СДРПЦ Г. Г. Карпова

Председатель СДРПЦ Г. Г. Карпов 12 июля 1946 года доложил Председателю СМ СССР И. В. Сталину итоги работы СДРПЦ. Г. Г. Карпов показал с лучшей стороны работу СДРПЦ и подверг критике СДРК. По его мнению, СДРПЦ достиг значительных успехов на международной арене, а СДРК упустил этот сектор деятельности, за исключением взаимодействия с зарубежными мусульманами, и сосредоточился на работе внутри СССР. Для успешного решения проблем религиозной политики он предложил создать на базе СДРПЦ и СДРК новый объединенный орган — Совет или Комитет по делам вероисповеданий. Г. Г. Карпов для подкрепления своего вывода предложил проект структуры нового органа: Управление по делам внешней работы; Управление по делам православной церкви; Управление по делам инославных и иноверных исповеданий; Управление делами. Для усиления эффекта он показал, что аппарат уполномоченных двух Советов будет сокращён на 120 человек, но центральный орган должен был составить 115 человек вместо 106 у СДРК и СДРПЦ [РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 1, л. 17—25].

Положение И. В. Полянского было весьма двусмысленным, ведь по службе в органах госбезопасности он был подчиненным Г. Г. Карпова, что сказывалось и в вопросах работы СДРК, особенно имеющих большое политическое значение. Поэтому в зависимости от ситуации деятельность И. В. Полянского получала поддержку или противодействие со стороны Г. Г. Карпова. В том случае, если оценка последнего была негативной, то в противостояние двух председателей, затянувшееся на годы, вовлекалось значительное количество сотрудников, прежде всего центральных аппаратов СДРК и СДРПЦ.

Как показывает анализ документов, Г. Г. Карпов и позже регулярно докладывал в высшие партийно-государственные органы свою негативную оценку качества работы, причины неудач и пути улучшения деятельности СДРК. Например, 11 февраля 1950 года Г. Г. Карпов подготовил доклад для Правительства страны и Центрального комитета партии. Председатель СДРПЦ сделал вывод, что СДРК работает плохо по следующим причинам: между председателем СДРК И. В. Полянским и его заместителем Ю. В. Садовским существуют нездоровые отношения; состав центрального аппарата СДРК не отвечает требованиям времени. Поэтому он предложил реформировать СДРК. Для установления истинного положения вещей была назначена проверка. Выводы, сделанные в ходе разбирательства служащими Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Управления делами СМ СССР, не повлекли кардинальных изменений в структуре СДРК. Но в ноябре 1950 года вышло Постановление СМ СССР «Об освобождении Садовского Ю. В. от работы заместителя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР и об утверждении в этой должности Гостева В. И.» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 214—223; РГАНИ, ф. 3, оп. 60, д. 2, л. 45].

На фоне этих обстоятельств Председатель СДРПЦ сделал 6 июня 1951 года очередную попытку по повышению статуса своего Совета. Он подготовил для И. В. Сталина обзор работы СДРПЦ с 1943 года, состоящий из нескольких блоков, ключевым из которых был анализ международной обстановки. Г. Г. Карпов связывал её с резким ростом активности за последние два года религиозных организаций, патронируемых англо-американскими кругами, стремящимися создать единый блок между Ватиканом, Вселенской православной патриархией и мусульманами. С этим докладом были ознакомлены секретари ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков и М. А. Суслов [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 113—125].

Исходя из представленного анализа Г. Г. Карпов предложил: «в целях более широкого вовлечения <...> мусульман, а также других верующих в дело борьбы за мир и для проведения ряда других мероприятий» проводить согласованные мероприятия, имеющие единую цель. По мнению Г. Г. Карпова, это было бы возможно при наличии органа, который бы сосредоточил на себе проведение в жизнь всех вопросов религиозной политики по указанию руководства СССР. Г. Г. Карпов обвинил СДРК в самоустранении от международной активности и переключении всей деятельности на верующих в СССР. Более того, он аргументировал своё давление мнением ЦК ВКП(б), который незадолго до этого, по жалобе Г. Г. Карпова, указывал И. В. Полянскому на недостатки в работе СДРК. Но, по мнению председателя СДРПЦ, с тех пор ситуация не поменялась: руководители и служащие центрального аппарата СДРК не только продолжали проявлять пассивность в работе, но и

не желали контактировать с СДРПЦ для решения служебных вопросов. При этом Г. Г. Карпов наибольшее беспокойство выразил в отношении отстранения своего коллеги от международной деятельности.

В докладе Г. Г. Карпова рефреном звучит мысль: с точки зрения коммунистической идеологии и тех надежд, которые возлагали на СДРК руководители СССР, в работе этого Совета было много ошибок, например, слабая активность руководящего состава СДРК. Надо отметить, что ещё 29 ноября 1946 года заведующий инструкторской группой СДРК Г. Я. Врачев и старший инструктор И. Н. Узков докладывали И. В. Полянскому в своей справке об этом недостатке. Г. Г. Карпов отметил и слабую международная активность СДРК. В качестве вывода Г. Г. Карпов заключил, что до 1946 года раздельное существование СДРПЦ и СДРК было оправдано, но настало время их объединения в связи с необходимостью решения в ближайшей перспективе важных политических вопросов. При этом председатель СДРПЦ обратил внимание на важность того, чтобы сохранить, не обрушив, текущий статус РПЦ. Поэтому Г. Г. Карпов опять предложил на базе СДРПЦ и СДРК образовать новый орган — Совет по делам религиозных объединений при СМ СССР [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 34, л. 273—311; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 405, л. 84—122].

По нашему мнению, в докладе Г. Г. Карпова есть слабые места.

Во-первых: полное отсутствие конкретных данных, которые бы продемонстрировали активную роль СДРПЦ и курируемой им РПЦ в решении международных вопросов в русле политики, проводимой Советским государством и бездействие СДРК.

Но архивные данные показывают высокую активность СДРК, особенно в те годы, которые были указаны Г. Г. Карповым, что делает его доклад несостоятельным. В качестве примера можно представить архивные данные о том, как СДРК совместно с руководителями курируемых крупных религиозных объединений подготовили выступления и заявления по наиболее острому вопросу мировой политики — сохранению мира и противодействию государствам Запада, ведущим войны в различных регионах планеты в 1947—1949 годах [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 48, л. 9—12; д. 50, л. 199, 220; д. 54, л. 218—219; д. 61, л. 2—3; д. 66, л. 13—14; д. 68, л. 23—27, 54—60].

Во-вторых, излишне пафосное одобрение решений о создании двух Советов в 1943 году и 1944 году. Такие заявления, по нашему мнению, были сделаны, дабы не противопоставлять себя руководству СССР, принявшему эти два решения.

В-третьих, фактически неприкрытая просьба учесть роль председателя СДРПЦ в работе с самой многочисленной конфессией и тем самым именно ему дать возглавить новый орган.

По нашему мнению, Г. Г. Карпов почувствовал устойчивое снижение интереса руководства СССР к росту своего авторитета у верующих и нежелание идти навстречу их чаяниям. Как показывает анализ докладов председателей СДРК и СДРПЦ в сентябре 1953 года, в СМ СССР «с марта месяца 1948 года совершенно не имело места открытие церквей и молельных домов, хотя ходатайства об их открытии продолжали и продолжают поступать». И. В. Полянский и Г. Г. Карпова 4 февраля 1955 года в справке для СМ СССР уточнили, что в 1948—1954 годах закрыто 1237 молитвенных зданий и не было открыто ни одного из них, не проводилась регистрация новых религиозных обществ, за 1953—1954 годы было отказано в открытии таких зданий в 1013 случаях. В докладе И. В. Полянского и Г. Г. Карпова есть пояснение, которое показывает, что в 1948 году ЦК ВКП(б) стал главным органом в выработке религиозной политики государства, а не СМ СССР, на который формально замыкались СДРК и СДРПЦ. Этот вывод подтверждается следующим фактом: 10 августа 1948 года вышло постановление № 11365 рс, которым разрешалось открыть около 30 молитвенных зданий, но 28 октября 1948 года вышло постановление СМ СССР № 4055—1626 с. Оно отменило постановление № 11365 рс. Для снятия вопросов у региональных властей было дано обоснование: только председатель СМ СССР может подписывать постановление по открытию молитвенных зданий. Затем ЦК ВКП(б) принял решение, одобряющее постановление СМ СССР № 4055—1626 с, то есть ясно показал иерархию пирамиды власти. Эти два документа на долгие годы не только стали руководством для региональных властей по сдерживанию открытия молитвенных зданий, но и показали, что решения ЦК партии важнее правительственных и являются окончательными, наиболее важными для всех органов власти [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 113, л. 110—118; д. 114, л. 43, 50—51].

Для уяснения ситуации председатель СДРПЦ был вызван в Центральный комитет партии для беседы с сотрудниками Д. Поповым и Е. Песикиной. Анализ составленного ими 25 июня 1951 года доклада секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову показывает, что Г. Г. Карпов в ходе беседы показал слабость своей позиции. Он не был уверен в целесообразности создания нового Совета вместо двух существующих. Более того, Г. Г. Карпов сделал абсурдные выводы, которые Д. Попов и Е. Песикина доложили Г. М. Маленкову. Г. Г. Карпов заявил, что в отношении РПЦ есть ограничения, а в отношении мусульман, католиков и других верующих они не проводятся [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 120—124].

Надо отдать должное Д. Попову и Е. Песикиной: для подготовки окончательных выводов они попросили предоставить два месяца для проверки того, как проводится религиозная политика в 6—8 областях и республиках.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, в августе 1951 года Г. Г. Карпов подал ещё один доклад в ЦК ВКП(б) о плохой работе структур СДРК, особенно центрального аппарата. Он высказал точку зрения на методы исправления ситуации, предложил комплектование СДРК, особенно центрального аппарата, сотрудниками КГБ или прохождение будущими работниками проверок, аналогичных тем, которые проводят при поступлении на службу в КГБ. Вероятно, Г. Г. Карпов решил идти до конца, и 9 августа 1952 года он подал новую жалобу о деятельности СДРК секретарям ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и М. А. Суслову [РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 214—223; ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 18, л. 48]. Он привел многочисленные факты, свидетельствующие о плохом подборе кадров в центральный аппарат СДРК. Например, он доложил фамилии четырех коммунистов, которые регулярно приходили пьяными на работу, но без взысканий перевелись в другие организации. При этом один из них занимал деньги у курируемых религиозных функционеров. Г. Г. Карпов показал также и свою глубокую осведомленность о компрометирующих фактах не только самих служащих СДРК, но и их родственников. В конце письма Г. Г. Карпов привел скандальный факт: уволенный из СДРК за пьянство швейцар М. П. Холодков имел сан священнослужителя и рассчитывал получить должность в одной из епархий. Председатель СДРПЦ негативно отозвался о новом заместителе председателя СДРК — В. И. Гостеве и о неумении И. В. Полянского проводить качественный отбор людей. Для ликвидации недостатков в кадровой работе он опять предложил перед направлением людей на работу в СДРК и СДРПЦ проверять их через КГБ.

На фоне постановления СМ СССР от 14 октября 1954 года № 2150 «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата» И. В. Полянский принял решение о проведении заседания СДРК по обсуждению письма Г. Г. Карпова от 19 марта 1955 года в СМ СССР, в котором было предложено создать новый Совет за счёт слияния СДРК и СДРПЦ. На заседании СДРК, состоявшемся 19 мая 1955 года, сотрудники высказались категорически против этого предложения. Очень оперативно, 20 мая 1955 года председатель Совета И. В. Полянский, заместитель председателя Совета В. И. Гостев, члены Совета Л. А. Приходько и П. А. Задорожный подписали письмо, в котором доказывали, что такое объединение нанесёт существенный вред результатам, полученным за годы работы двух Советов. Служащие СДРК сделали очень сильный ход: в отличие от Г. Г. Карпова, пожаловавшегося в СМ СССР, при котором формально числились оба Совета, они представили ответ в ЦК КПСС [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 110, л. 84—90; д. 113, л. 190—195].

По нашему мнению, такое решение сотрудников СДРК во многом помогло им решить проблему в свою пользу, так как именно ЦК КПСС де-факто был главным органом государственного управления, хотя де-юре им был СМ СССР. Служащие СДРК выразили коллегиальное мнение: «Ни с одним из этих доводов мы также согласиться не можем. Элементарно известно, что координация всех вопросов политики партии и государства в отношении религии осуществляется ЦК КПСС». Кроме того, по мнению коллектива СДРК, Г. Г. Карпов не смог привести весомых аргументов в пользу своего предложения. Служащие центрального аппарата СДРК абсолютно четко сформулировали свой вывод: создание нового Совета вместо существующих будет расценено отечественными и зарубежными верующими как агрессивная политика, которая повлечет за собой самые негативные последствия для СССР — прежде всего в новой волне клеветы на советскую действительность [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 110, л. 89].

С нашей точки зрения, столь жесткий ответ, причем не в адрес СМ СССР, на который формально замыкался СДРК, а в ЦК КПСС, был обоснован следующими обстоятельствами.

Во-первых, такое слияние грозило для многих служащих СДРК потерей рабочих мест и соответствующих привилегий, так как было понятно, что инициатор реформирования — Г. Г. Карпов, и поэтому именно он получит возможность набирать людей в новый Совет, сделав ставку на сослуживцев по СДРПЦ, тем более что он жаловался в инстанции на плохой отбор кадров в СДРК.

Во-вторых, с 30 сентября 1954 года полковник КГБ И. В. Полянский и генерал-майор КГБ Г. Г. Карпов были уволены со службы с зачислением в действующий резерв. Но ко времени очередного обращения в СМ СССР Г. Г. Карпов был уволен из КГБ 2 марта 1955 года по дискредитации. Вряд ли это не было известно И. В. Полянскому. Возможно, И. В. Полянский, служивший с июня 1944 года заместителем Г. Г. Карпова, в системе органов госбезопасности не хотел более терпеть подчиненного положения и желал большей самостоятельности на высокой должности [Петров, 2010, с. 60, 445, 706—707].

В протоколе собрания коллектив СДРК отметил, что Г. Г. Карпов в пятый раз выдвигал предложение создать новый Совет за счёт слияния СДРК и СДРПЦ. При проведении исследования мы обнаружили следующие даты таких обращений: 12 июля 1946 года, 11 февраля 1950 года, 6 июня 1951 года, 9 августа 1952 года и 19 марта 1955 года. Доктор исторических наук Т. А. Чумаченко установила, что Г. Г. Карпов 7 мая 1953 года отправил соответствующее письмо Н. С. Хрущёву и Г. М. Маленкову. Одним из аргументов стало обоснование возможности сокращения штатов СДРПЦ

и СДРК на 30 %. В итоге вопрос рассмотрел Секретариат ЦК КПСС и дал отрицательный ответ. Но Г. Г. Карпов и его единомышленники проявили упорство, и до середины 1954 года вопрос объединения СДРК и СРПЦ рассматривался четыре раза в вышестоящих органах. В июне 1954 года было проведено объединенное заседание двух Советов по вопросу их реорганизации, на котором большинство проголосовало за объединение. Но ЦК КПСС счёл эту меру несвоевременной из-за возникновения негативной реакции в зарубежных государствах. В марте 1955 года председатель СДРПЦ Г. Г. Карпов отправил в ЦК КПСС проект постановления СМ СССР по созданию единого Совета за счёт реформирования имеющихся. Этот проект был одобрен партийной организацией СДРПЦ. В 1956—1957 годах Г. Г. Карпов вновь отправил руководству страны несколько служебных писем по этому вопросу [Чумаченко, 2011, с. 285—289, 399].

С нашей точки зрения, представляется важным и интересным проведение анализа жёсткого противостояния центральных аппаратов двух Советов по этой проблеме в ходе совместного заседания 29 июня 1954 года. От обеих сторон на нём присутствовали председатели, их заместители, члены Советов, секретари партийных бюро и председатели месткомов. Но численный перевес был на стороне СДРПЦ — 7 человек (против 5 у СДРК). Г. Г. Карпов проинформировал собравшихся о проведённом 19 июня председателем СМ СССР Г. М. Маленковым совещании, нацеленном на оптимизацию штатной структуры высших органов управления. После его выступления в прениях не принимал участие только руководитель профсоюзной организации СДРК А. В. Румянцев. На этом совещании выяснилось, что за последнее время уполномоченные СДРПЦ 17 раз обращались в ЦК КПСС с просьбой объединить Советы [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 101, л. 65—69].

Но победа на совместном заседании была одержана СДРК, и это подтверждается тремя фактами.

Во-первых, Г. Г. Карпов, подводя итоги, сделал осторожное заявление: «Я высказываюсь за объединение Советов, но если это объединение будет найдено не своевременным, надо а) сократить аппарат Уполномоченных, б) реорганизовать аппарат Советов, оставив по 3 члена».

Во-вторых, ЦК КПСС дал отрицательную реакцию на объединение двух органов.

В-третьих, предложения Г. Г. Карпова были реализованы в конце 1965 года, но он уже пять лет как был отправлен на пенсию.

Анализ письма, подписанного 30 мая 1956 года И. В. Полянским, его заместителем В. И. Гостевым и членом Совета П. А. Задорожным, в адрес ЦК КПСС и СМ СССР позволяет выделить ряд важных выводов [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 129, л. 183—195].

Во-первых, Г. Г. Карпов был крайне настойчив в решении вопроса объединения двух Советов. По подсчётам сотрудников СДРК, к лету 1956 года Г. Г. Карпов предпринял шесть попыток по решению этой проблемы.

Во-вторых, по мнению подписантов, несмотря на то, что из всех стран социализма в СССР была самая жесткая религиозная политика, публичные религиозные деятели не предпринимали попыток дискредитации Советского государства.

В-третьих, имеющийся уровень доверия между СДРК и руководителями курируемых конфессий позволил достигнуть высоких результатов и расставить на руководящие должности лиц, которые были нужны советской власти.

В-четвёртых, СДРК удалось подготовить резерв — более 25 мулл, которым можно доверить поездки за границу.

В-пятых, подписанты заявили, что, хотя РПЦ уже не является государственной церковью, она сохранила стремление подавлять другие религиозные организации, Алексей I открыто показывает пренебрежение к представителям других церквей (несомненно, под этим термином руководители СДРК имели в виду курируемые религиозные объединения), но высказывается за слияние двух Советов, что будет способствовать низкому качеству работы нового Совета и обострит отношения между конфессиями.

В-шестых, атмосфера доверия позволила СДРК расставить кадры духовенства с учётом интересов государства: в беседах с иностранцами они правильно освещают жизнь в СССР. Организация нового Совета неминуемо повлечёт смену части специалистов, имеющих хорошие контакты с религиозными лидерами, что ухудшит качество работы.

В-седьмых, слияние Советов даст возможность иностранцам говорить о том, что РПЦ, как и при царизме, имеет привилегированное положение, а остальные конфессии дискриминируются.

Несмотря на серьёзный конфликт между председателями Советов, в их работе была важная особенность, которая говорила в пользу слияния двух организаций. Оба Совета периодически проводили совместные заседания, на которых рассматривался широкий спектр вопросов в области строительства государственно-конфессиональных отношений: проблемы во взаимодействии с религиозными организациями, повышение качества работы, уделялось внимание и решению социально-бытовых проблем служащих Советов. Например, 28 января 1955 года состоялось объединённое собрание сотрудников этих органов для обсуждения ряда вопросов с целью выработки консолидированного решения для выполнения служебных задач. Затем 5 февраля 1955 года И. В. Полянский и Г. Г. Карпов представили в ЦМ СССР совместный доклад. Они признавали факт, что двум Со-

ветам с марта 1948 года запретили открывать молитвенные. В подтверждение была дана статистика [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 92, л. 49—50; Д. 102, л. 71—72; д. 110, л. 46; д. 113, л. 110—118; д. 114, л. 43, 50—51].

Совместный доклад дал в короткие сроки значимый результат: 17 февраля 1955 года вышло постановление СМ СССР № 259 «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». Постановление изменило порядок открытия молитвенных зданий, регистрации некоторых религиозных обществ и отменило пункты 6 и 7 Приложения к Постановлению Совнаркома СССР от 19 ноября 1944 года № 1603. Устанавливалось, что решения по ходатайствам верующих об открытии молитвенных зданий принимают СМ союзных республик по согласованию соответственно с СДРК или СДРПЦ. Оба Совета получили право проводить регистрацию фактически действующих, но не зарегистрированных ранее религиозных обществ, имеющих молитвенные здания.

Безусловно, это постановление давало возможность СДРК и СДРПЦ упростить процесс открытия храмов и ввести в правовое поле большее количество религиозных общин. Но вместе с тем, как показывает анализ документов, прежде всего ЦК КПСС не думали отказываться от перспективы построения безрелигиозного общества.

3.2. Позитивное взаимодействие новых руководителей двух Советов

В условиях вакантной должности председателя СДРК в связи со смертью И. В. Полянского 15 октября 1956 года секретарь партийного бюро СДРК Н. В. Кольцов в апреле 1957 года написал в ЦК КПСС письмо. Он обосновал важность реорганизации двух Советов необходимостью проведения единой политики в отношении международных связей всех религиозных организаций граждан СССР и открывающейся возможностью исключить противоречивые указания для уполномоченных. Но его предложения принципиально отличались от инициатив Г. Г. Карпова. Н. В. Кольцов предложил создать вместо двух Советов единый правительственный орган по вопросам вероисповеданий, который бы сосредоточился на международной деятельности религиозных организаций. Все вопросы внутренней религиозной политики он предложил передать в СМ союзных республик и облисполкомам за счёт создания у них по одной должности специалиста по взаимодействию с религиозными организациями [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 1, л. 40; РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 55, л. 11—12; Иван Васильевич Полянский // Правда. № 291 (13954) 1956. 17 октября].

Ответ на письмо Н. В. Кольцова был подготовлен 23 апреля 1957 года заместителем заведующего Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам В. Снастиным и инструктором этого отдела П. Че-

редняком. Они подготовили отрицательное заключение и оповестили о нём Н. В. Кольцова. К сожалению, в письме не раскрыты мотивы отказа [РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 55, л. 13].

Необходимо отметить, что СДРК, прежде всего его новый председатель А. А. Пузин очень серьезно отнёсся к решению улучшить взаимодействие с СДРПЦ. Доказательством этого служит совместное письмо Г. Г. Карпова и А. А. Пузина от 27 ноября 1957 года в ЦК КПСС «К вопросу о научно-атеистической пропаганде среди населения». В этом документе есть прямое отступление от решения, принятого СДРК 19 июня 1957 года по международному отделу. Председатель СДРК и председатель СДРПЦ отметили бурный рост международной активности отечественных и иностранных религиозных организаций и предложили несколько новаций: создать Отдел международных связей СДРК; изменить законодательство СССР, учтя запросы времени, а также Положения по двум Советам. Они предложили ввести в центральные аппараты Советов квалифицированных консультантов и референтов по основным разделам работы СДРК и СДРПЦ. При этом они особое внимание уделили вопросу увеличения зарплаты сотрудников центрального аппарата и проблеме с подбором кадров в него, так не могли заинтересовать лиц с высокой квалификацией при таком уровне оплаты труда [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 148, л. 65—72].

В продолжение линии на снятие напряжённых отношений с СДРПЦ А. А. Пузин на заседании СДРК, состоявшемся 14 марта 1959 года, поручил подчинённым для устранения противоречий с СДРПЦ при решении вопросов в регионах подготовить конкретные предложения. А. А. Пузин отметил, что считает создавшееся положение ненормальным и что в будущем нужно наладить взаимодействие двух Советов с целью избежания разнобоя в реализации положений религиозной политики. Юрисконсульту Н. В. Федулову было поручено побеседовать с работниками СДРПЦ и выяснить, в чём, по их мнению, выражаются разные линии в работе: в документах или на практике [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 183, л. 142, 154].

Исследователь Т. А. Чумаченко отмечает, что ЦК КПСС принял 4 октября 1958 года постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». Устранение указанных в нём недостатков предполагало резкое увеличение объема работы двух Советов. По мнению Г. Г. Карпова, для решения всего спектра задач, возложенных на СДРПЦ, было необходимо расширить штат центрального аппарата этого Совета. Для этого он обратился в ЦК КПСС, но результат был обратным — в 1959 году часть подразделений двух Советов стали совместными: бухгалтерия, хозяйств, библиотека. Один юрист стал обеспечивать деятельность СДРПЦ и СДРК.

Но такое изменение дало негативный эффект и вызвало жалобы сотрудников обновлённых подразделений в ходе проведённых в 1959 году и в 1960 году отчётно-выборных профсоюзных собраний [Чумаченко, 2011, с. 373—375].

3.3. Завершение эпохи СДРК и СДРПЦ: слияние в новый орган

Президиум СМ СССР 15 марта 1961 года принял решение о сокращении штатов различных органов управления по всей стране. Обеспокоенные этой проблемой, председатели двух Советов 13 мая 1961 года подписали совместное обращение в СМ СССР. Они напомнили, что на основании постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 25 сентября 1958 года за № 1085 в 1959 году в двух Советах было проведено сокращение центральных аппаратов на три человека. На 7 марта 1959 года в центральном аппарате СДРК осталось 32 должности, из них 16 оперативных, включая руководство. А. А. Пузин и Г. Г. Карпов напомнили СМ СССР о том, что постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1961 года были уточнены права и обязанности двух Советов. Поэтому они просили не проводить новой реорганизации штатов [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 1363, л. 52, 70—71].

Как показало время, предложение Г. Г. Карпова по слиянию СДРК и СДРПЦ было реализовано, но значительно позже. В 1965 году, 8 декабря, вышло Постановление СМ СССР № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР». Затем 17 марта 1966 года вышло Постановление СМ СССР № 203 «О структуре и штатах центрального аппарата Совета по делам религии при Совете Министров СССР» и постановление СМ СССР от 10 мая 1966 года № 361 «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Совете Министров СССР» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 119, л. 16; Законодательство ..., 1971, с. 8].

4. Заключение = Conclusions

Приведенный анализ документов убедительно показывает, что инициатором слияния СДРПЦ и СДРК был Г. Г. Карпов. Он предлагал на их базе создать один новый орган, который бы работал со всеми организациями советских верующих и давал бы более значимые результаты, соответствующие требованиям руководства Советского государства: построение безрелигиозного общества. Напомним, что председателем СДРПЦ был полковник Г. Г. Карпов, а полковник И. В. Полянский являлся председателем СДРК. В ходе затянувшегося острого конфликта оба председателя регулярно обращались за помощью в высшие органы партийно-государственного аппарата СССР. В многочисленных разбирательствах тратились время и

силы всех лиц, вовлеченных в конфликт, соответственно снижалась и эффективность их работы по решению функциональных задач.

С нашей точки зрения, предложение Г. Г. Карпова объединить СДРПЦ и СДРК было не только результатом его стремления качественно выполнять функциональные обязанности, но и следствием ошибок в расстановке кадров со стороны Центрального Комитета партии и правительства СССР. Оба председателя продолжали одновременно и службу в органах государственной безопасности. И в этой непростой ситуации Г. Г. Карпов долгие годы продолжал оставаться начальником для И. В. Полянского. По нашему мнению, стремление к самостоятельности в должности председателя СДРК вызывало неприязнь и глубокую личную обиду у полковника, а затем и генерал-майора КГБ Г. Г. Карпова на полковника КГБ И. В. Полянского.

Появление во главе СДРПЦ и СДРК новых руководителей лишь смягчило внутренний конфликт, но не вывело работу этих органов на кардинальное достижение цели, для которой они фактически были созданы, не декларируемой в многочисленных интервью для отечественных и зарубежных СМИ — полное искоренение религии. Как показало изучение опыта религиозной политики Советского государства, реализуемой СДРК, большую часть времени она носила ярко выраженный атеистический характер. Её целью было снижение количества верующих до нуля. Достижение этой цели не стало реальностью в силу комплекса причин, в том числе природы самой религии, особенностей поведения верующих людей и принципиальной невозможности, по крайней мере в тот исторический период, построить усилиями служащих органов государственного управления полностью безрелигиозное общество.

Опыт деятельности СДРК актуален для современных реалий. Изучение всех аспектов жизни СДРК открывает новые страницы в истории нашего Отечества. Сегодня многие вопросы взаимодействия нашего государства с религиозными организациями возложены на Федеральное агентство по делам национальностей, и для качественной работы этого органа необходимы специалисты с хорошей профильной подготовкой.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации* Ф. Р-6991 (Совет по делам религий при Совете министров СССР). Оп. 2. Д. 1. Л. 2. 11 ; Оп. 3. Д. 8. Л. 1—15 ; Д. 34. Л. 273—311 ; Д. 48. Л. 9—12 ; Д. 50. Л. 199. 220 ; Д. 54. Л. 218—219 ; Д. 61. Л. 2—3 ; Д. 66. Л. 13—14 ; Д. 68. Л. 23—27. 54—60 ; Д. 70. Л. 102—117. 205—220.

279—286 ; Д. 92. Л. 49—50 ; Д. 101. Л. 65—69 ; Д. 102. Л. 71—72 ; Д. 110. Л. 46. 84—90 ; Д. 113. Л. 110—118. 190—195 ; Д. 114. Л. 43. 50—51 ; Д. 115. Л. 57—59 ; Д. 129. Л. 183—195 ; Д. 146. Л. 141 ; Д. 148. Л. 65—72 ; Д. 183. Л. 142. 154 ; Д. 221. Л. 124—134. 136 ; Д. 526. Л. 47. 50—51. 78—80 ; Д. 527. Л. 36—38 ; Д. 963. Л. 274—275. 281—284. 293—296 ; Д. 964. Л. 3—4. 95—98 ; Д. 965. Л. 30. 216 ; Д. 966. Л. 73—75. 112 ; Д. 1363. Л. 52. 70—71 ; Д. 1414. Л. 224—226 ; Оп. 4. Д. 1. Л. 1—7. 9—12. 39—40 ; Д. 18. Л. 48 ; Д. 119. Л. 16.

2. РГАНИ — *Российский государственный архив новейшей истории* Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС. 1952—1990 гг.). Оп. 60. Д. 1. Л. 17—25 ; д. 2. Л. 1—10. 45 ; д. 11. Л. 40—43 ; Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС. 1949—1991 гг.). Оп. 33. Д. 55. Л. 11—13.

3. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории* Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903—1991)). Оп. 125. Д. 405. Л. 84—122 ; оп. 132. Д. 497. Л. 113—125 ; Д. 569. Л. 214—223.

4. *Законодательство о религиозных культах* (сборник материалов и документов). — 2-е изд., доп. Под общ. ред. : Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Куроедова В. А., Заместителя Генерального прокурора СССР Государственного советника юстиции 1-го класса Панкратова А. С. Сост. Государственный советник юстиции 3-го класса Гольст Г. Р., Государственный советник юстиции 3-го класса Ночвин Д. М. — Москва : Юридическая литература, 1971. — 335 с.

5. *Иван Васильевич Полянский* // Правда. № 291 (13954). 1956. 17 октября.

6. *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941—1954 : справочник / Н. В. Петров ; Междунар. о-во «Мемориал», Российский гос. арх. социально-политической истории, Гос. арх. Российской Федерации, Центральный арх. ФСБ России. — Москва : Междунар. о-во «Мемориал»: Звенья, 2010. — 1006 с.

Литература

1. *Бакшеева Е. Б.* Политика Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР В 1943—1965 гг. : её особенности и проявления на Дальнем Востоке РСФСР / Е. Б. Бакшеева // DIXI — 2012 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов / под науч. ред. д-ра социол. наук А. Ю. Завалишина. — Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2012. — Выпуск 3. — С. 9—23. — ISBN 978-5-7823-0576-5.

2. *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. / О. Ю. Васильева. — Москва : [б. и.], 2001. — 214 с. — ISBN 5-8055-0053-1.

3. *Корноухова Г. Г.* Совет по делам религиозных культов и религиозная политика СССР в среднеазиатских республиках в период позднего сталинизма. По архивным документам / Г. Г. Корноухова, М. Н. Мосейкина // Вестник архивиста. — 2019. — № 3. — С. 713—725. — DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-713-725.

4. *Королев А. А.* Мусульманское духовенство Среднего Поволжья. 1940—1980 гг. / А. А. Королев, Л. А. Королева, И. Н. Гарькин // NB : Исторические исследования. — 2014. — № 1. — С. 62—77.

5. *Носова В. Е.* Деятельность Совета по делам религиозных культов / В. Е. Носова // Вестник КРСУ. — 2009. — Т. 9. — № 5. — С. 113—117.

6. *Одинцов М. И.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / М. И. Одинцов, А. С. Кочетова. — Москва : Науч.-полит. кн.: Полит.энцикл., 2014. — 317 с. — ISBN 978-5-906594-05-1.

7. Сосковец Л. И. Религиозные организации Западной Сибири в 1940—1960-е годы : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Л. И. Сосковец. — Томск, 2004. — 548 с.

8. Хакимов Р. Ш. Красная звезда против полумесяца : противостояние десятилетий (Научное издание) / Р. Ш. Хакимов. — Челябинск : [б. и.], 2013. — 735 с. — ISBN 978-5-903618-66-8.

9. Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР : 1943—1965 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Т. А. Чумаченко. — Москва, 2011. — 535 с.

10. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве : (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 года) / М. В. Шкаровский. — Москва : Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 2000. — 400 с.

11. Брильов Д. В. Історія ісламу в Україні кінця XIX — початку XXI століть : диссертация ... доктора філософ. наук / Д. В. Брильов. — Київ, 2021. — 408 с.

12. Tasar E. Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943—1991 / E. Tasar. — New York : Oxford University Press, 2017. — 432 p.

13. Eden J. God Save the USSR. Soviet Muslims and the Second World War / J. Eden. — Oxford : Oxford University Press 2021. — 320 p.

Статья поступила в редакцию 27.06.2023,
одобрена после рецензирования 19.08.2023,
подготовлена к публикации 26.08.2023.

Material resources

Alnaspi-Russian State Archive of socio-political history. (Central Committee of the CPSU (CPSU Central Committee) (1898, 1903—1991)). (In Russ.).

Ennani-Russian State Archive of Modern History. (According to the LITBURO OF the Central Committee OF THE CPSU. 1952—1990). (In Russ.).

GARF — The State Archive of the Russian Federation. P-6991 (Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR). (In Russ.).

Ivan Vasilyevich Polyansky. (1956). *Pravda*, 291 (13954). October 17. (In Russ.).

Legislation on religious cults (collection of materials and documents). (1971). Moscow: Legal Literature. 335 p. (In Russ.).

Petrov, N. V. (2010). *Who led the state security agencies, 1941—1954: handbook*. Moscow: Mezhdunar. o-Vo “Memorial”: Zvenigorod. 1006 p. (In Russ.).

References

Baksheeva, E. B. (2012). Policy of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR in 1943—1965: its features and manifestations in the Far East of the RSFSR. In: *DIXI — 2012: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research: a collection of scientific papers*, 3. Khabarovsk: RIC KHGAEP. 9—23. ISBN 978-5-7823-0576-5. (In Russ.).

Brilkov, D. V. (2021). *Історія ісламу в Україні кінця XIX — початку XXI століть*. Doct. Diss. Київ. 408 p. (In Ukr.).

Chumachenko, T. A. (2011). *Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the SNK (CM) of the USSR: 1943—1965*. Doct. Diss. Moscow. 535 p. (In Russ.).

- Eden, J. (2021). *God Save the USSR. Soviet Muslims and the Second World War*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Khakimov, R. S. (2013). *The Red star against the crescent: the confrontation of the Decadents (Scientific edition)*. Chelyabinsk: [b. i.]. 735 p. ISBN 978-5-903618-66-8. (In Russ.).
- Kornoukhova, G. G., Moseikina, M. N. (2019). Council for Religious Cults and Religious Policy of the USSR in the Central Asian republics during the late Stalinism. According to archival documents. *Archivist's Bulletin*, 3: 713—725. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-713-725. (In Russ.).
- Korolev, A. A., Koroleva, L. A., Garkin, I. N. (2014). Muslim clergy of the Middle Volga region. 1940—1980. *NB: Historical research*, 1: 62—77. (In Russ.).
- Nosova, V. E. (2009). Activity of the Council for Religious Cults. *Bulletin of the KRSU*, 9 (5): 113—117. (In Russ.).
- Odintsovo, M. I., Kochetova, A. S. (2014). *Confessional policy in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941—1945*. Moscow: Nauch. -polit. kn.: Polit.encycl. 317 p. ISBN 978-5-906594-05-1. (In Russ.).
- Shkarovsky, M. B. (2000). *The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (State-church relations in the USSR in 1939—1964)*. Moscow: Krutitsky Patriarchal Compound, Society of Lovers of Church History. 400 p. (In Russ.).
- Soskovets, L. I. (2004). *Religious organizations of Western Siberia in the 1940s—1960s*. Doct. Diss. Tomsk. 548 p. (In Russ.).
- Tasar, E. (2017). *Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943—1991*. New York: Oxford University Press. 432 p.
- Vasilyeva, O. Y. (2001). *The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet State in 1943—1948*. Moscow: [b. i.]. 214 p. ISBN 5-8055-0053-1. (In Russ.).

*The article was submitted 27.06.2023;
approved after reviewing 19.08.2023;
accepted for publication 26.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Дарчиева С. В. Государственная дума и вопросы высшего образования в России (1906—1917 годы) / С. В. Дарчиева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 364—382. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-364-382.

Darchieva, S. V. (2023). State Duma and Issues of Higher Education in Russia (1906-1917). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 364-382. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-364-382. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-364-382

Государственная дума и вопросы высшего образования в России (1906—1917 годы)

Дарчиева Светлана Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7246-116X
ResearcherID AAR-9380-2020
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
отдела истории
svetik-dar70@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева —
филиал
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

State Duma and Issues of Higher Education in Russia (1906-1917)

Svetlana V. Darchieva
orcid.org/0000-0002-7246-116X
ResearcherID AAR-9380-2020
PhD in History, Associate Professor,
senior research scientist,
Department of History
svetik-dar70@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz
Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

© Дарчиева С. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования является анализ деятельности Государственной думы в России в 1906—1917 годы, направленной на реформирование системы высшей школы. Материалом послужили стенографические отчеты Государственной думы указанного периода, нормативные документы, мемуарная литература. В ходе исследования установлено, что значительное место в работе Думы начала XX века занимали вопросы подготовки научно-педагогических кадров высшей школы, увеличение количества вузов, вопросы централизации в руководстве вузами, улучшения материального положения профессорско-преподавательского состава, а также права студентов. Показано, что в результате активной думской инициативы бюджет Министерства народного просвещения вырос в несколько раз, депутаты поддержали законопроекты, связанные с открытием новых вузов, увеличением государственных расходов на высшее образование, развитие культуры и науки. Законодательные проекты думских фракций были нацелены на создание преемственной связи между учебными заведениями разных ступеней. Народные представители выступали за демократизацию высшего образования. Увеличивались суммы на подготовку профессорских стипендиатов, повышение зарплат, пенсий, стипендий учителям, преподавателям, студентам. Государственная дума последовательно и активно выступала за равноправие женщин в получении высшего образования.

Ключевые слова:

Российская империя; Государственная дума; высшее образование; Министерство народного просвещения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this research is to analyze the activities of the State Duma in Russia from 1906 to 1917, focused on reforming the higher education system. The research materials include stenographic reports of the State Duma during the specified period, normative documents, and memoir literature. The study reveals that the Duma of the early 20th century placed significant emphasis on issues related to the preparation of scientific and pedagogical personnel in higher education, increasing the number of universities, centralizing the management of universities, improving the financial situation of the faculty, and student rights. It is demonstrated that as a result of the active initiatives by the Duma, the budget of the Ministry of Public Enlightenment increased several times, and deputies supported legislative projects related to the opening of new universities, increasing state expenditures on higher education, and the development of culture and science. The legislative projects proposed by different Duma factions aimed at establishing a continuous connection between educational institutions at different levels. Representatives of the people advocated for the democratization of higher education. The amounts allocated for the training of professorial scholarship recipients, salary increases, pensions, and scholarships for teachers, professors, and students increased. The State Duma consistently and actively advocated for gender equality in obtaining higher education.

Key words:

Russian Empire; State Duma; higher education; Ministry of Public Enlightenment.

Государственная дума и вопросы высшего образования в России (1906—1917 годы)

© Дарчиева С. В., 2023

1. Введение = Introduction

Образование является одной из ключевых сфер жизни общества, состояние которой напрямую влияет на все другие части социального организма и на развитие страны в целом. Как известно, перестройка высшего образования по западным стандартам (Болонская образовательная система 1999—2003 годов) произошла на фоне отрицания колоссального позитивного опыта советской системы, прошедшей этапы становления и развития, обусловленные потребностями государства в квалифицированных кадрах, и впитавшей в себя лучшее, что было в российской высшей школе. Не случайно министр науки и высшего образования В. Н. Фальков отметил, что будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой будут лежать национальные интересы и максимальные возможности для студентов.

Изучение истории реформирования системы высшего образования в России в позднеимперский период и роли Государственной думы в этом вопросе дает возможность современному отечественному законодателю не только взять на вооружение лучшее в западном образце, но и сохранить накопленный отечественный опыт. Этим определяется актуальность темы исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования стали стенографические отчеты Государственной думы Российской империи (1—4 созывы), приложения к ним и обзоры деятельности думских комиссий; нормативные документы, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, мемуары и воспоминания государственных и общественных деятелей.

Исследование выполнено на основе принципов историзма и объективности, предполагающих познание вещей и явлений в их становлении и развитии. Такой подход представляется перспективным, так как предполагает возможность избежать односторонности и предвзятости при оценке исторических событий. При изучении стенограмм заседаний Государственной думы использовался метод качественного и количественного контент-ана-

лиза, что дало возможность проанализировать содержание большого текстового массива.

Изучение особенностей развития российского образования в позднеимперский период уже имеет солидную историографию. Прежде всего, необходимо отметить работы депутатов Государственной думы, напрямую занимавшихся вопросами образования. Так, например, не потеряли своей актуальности труды Е. П. Ковалевского [Ковалевский, 1912] и А. Н. Роппа [Ропп, 1912], которые в равной степени можно отнести и к источникам, и к начальному этапу отечественной историографии по данной проблеме.

В советский период историография высшей школы отмечена работами Э. Д. Днепров [Днепров, 1979], А. Е. Иванова [Иванов, 1991], С. Л. Эвенчика [Эвенчик, 1972], Э. П. Федосовой [Федосова, 1980] и мн. др. Эти исследования имеют обобщающий характер по истории высшего образования и педагогической мысли в России.

В настоящее время исследовательский интерес к проблеме не ослабевает. Различным аспектам становления системы образования в России посвящены труды О. В. Анисимова [Анисимов, 2017], М. П. Войтеховской и С. А. Кочуриной [Войтеховская, 2021], М. В. Грибовского [Грибовский, 2019], С. В. Дарчиевой [Darchieva et al., 2019], А. Н. Джуринского [Джуринский, 2016], С. В. Долецкой [Долецкая, 2020], Н. Н. Зипунниковой [Зипунникова, 2015], Н. И. Канищевой [Канищева, 2012], И. М. Корниловой [Корнилова, 2015], Я. И. Кузьмина и М. М. Юдкевич [Kuzminov et al., 2022], Я. Б. Рудневой [Руднева, 2012], Т. М. Порховой [Порхова, 2007] и мн. др. Авторы ввели в научный оборот неопубликованные архивные документы, проливающие свет на основные вехи развития высшего образования в России в начале XX века, в то же время вопрос об участии и роли Государственной думы в этом процессе нуждается в дальнейшей разработке.

Проблемы социально-политической, экономической и культурной жизни России в позднеимперский период занимают важное место в зарубежной историографии. В поле зрения иностранных учёных находятся и вопросы истории высшего образования в России, при этом следует отметить, что изначально их исследования приобрели определённую гендерную направленность. Так, в работе американского историка Рут Арлен Даджен «Женщины и высшее образование в России, 1855—1905» вопрос о возможности получения женщинами высшего образования рассматривается как часть длительного процесса обретения россиянками гражданских прав и свобод. Автор касается участия в данном процессе, как Государственной Думы, так и городской думы Санкт-Петербурга, но лишь отчасти, не уделяя этому большого внимания [Dudgeon, 1975, p. 193, 203, 301]. Аналогичной проблематике, но в чуть менее широких хронологиче-

ских рамках, посвящена монография Кристин Йохансон «Борьба женщин за высшее образование в России, 1855—1900», в которой также иногда упоминается участие Государственной думы и местных городских дум (Санкт-Петербурга, Одессы) в получении женщинами права на высшее образование, но специально роль этих органов в решении данного вопроса не рассматривается [Johanson, 1987, p. 70, 72, 87, 88, 91].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Законодательные инициативы 1-ой и 2-ой Думы в сфере высшего образования и науки

Первое десятилетие XX века в России отмечено ускоренными темпами развития капитализма в экономике и демократизацией общественно-политического строя страны, причем политическое обновление значительно отставало от изменений в экономической сфере. Размышляя о России начала XX века, известный философ Н. А. Бердяев отмечал: «... культурная элита была изолирована в небольшом круге и оторвана от широких социальных течений того времени. Это имело роковые последствия в характере, который приняла русская революция... Русские люди того времени жили в разных этажах и даже в разных веках» [Бердяев, 1991, с. 149]. Манифест 17 октября 1905 года и столыпинские реформы лишь частично способствовали экономической и политической модернизации страны.

Система образования в России в позднеимперский период состояла из трех ступеней: начальной (народные училища, церковно-приходские школы), средней (классические гимназии, прогимназии, реальные и коммерческие училища) и высшей школы (университеты, институты). Университеты являлись образовательными и крупными научными центрами, они готовили значительную часть специалистов для государственного сектора, также высшая школа была тесно связана с Академией наук.

Высшая школа начала XX века сохранила традиционную университетскую структуру, заложенную еще в 1755 году. Обучение определялось по следующим направлениям: физико-математический, историко-филологический, юридический и медицинский факультеты. Инженерно-технологическая сфера не входила в состав университетской структуры и была в основном оторвана от фундаментальных исследований и науки [Kuzminov et al., 2022, p. 13—14]. Растущей экономике требовались соответствующим образом подготовленные инженерно-промышленные и сельскохозяйственные кадры. Однако высшее образование в России не отвечало на эти новые вызовы в социально-экономической, политической и культурных сферах.

В начале XX века управление высшей школой было многоведомственным. В основе межведомственного распределения высших учебных заведе-

ний лежал отраслевой принцип, что усложняло управление [Иванов, 1991, с. 159—160]. Все вопросы, связанные с высшей школой, либо решались непосредственно императором в порядке верховного управления, либо проходили через Государственный совет. В связи с созданием законодательной Думы процедура управления высшей школой претерпевает существенные изменения. Манифест 17 октября 1905 года провозгласил правила принятия законов в Российской империи только с одобрением Государственной думы и Государственного совета [ПСЗРИ, с. 754—755]. В ходе революции 1905—1907 годов были приняты «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения», расширившие права университетов [ПСЗРИ, с. 658, 659].

Дума получила ограниченные права, что не могло не сказаться на продуктивности ее работы. В контексте противостояния власти и общества развивалась законотворческая деятельность первых двух созывов Думы. Законотворческая сфера первых Дум (1906—1907 годы) отражала имеющиеся несовпадения интересов власти и общества, различное понимание ими цели и задач системы образования. Отстаивая с думской трибуны свои представления о высшей школе, народные депутаты стремились конкретизировать их в соответствующих законопроектах [ГДСО I, с. 241, 243, 324; ГДОД, с. 37—39, 141—143; Собрание..., 1908, с. 28, 234, 282, 456—457, 482]. В адресе 1-ой Государственной думы говорилось о ее намерении употребить все усилия для поднятия народного просвещения [ГДСО I, с. 242], однако к реализации этого намерения нижняя палата, занятая дебатами по аграрному вопросу, амнистии и гражданскому равенству, приступить не успела, поскольку проработала лишь одну сессию (72 дня) и была распущена.

Так как вопросы высшего образования находились в компетенции Министерства народного просвещения (МНП), нижняя палата парламента стремилась наладить совместную работу с министерством и реализовать законодательные предложения, связанные с образованием. Одним из важнейших рычагов управления высшей школой являлось ее финансирование. 7 марта 1907 года была образована бюджетная комиссия Государственной думы 2-го созыва в составе 33 депутатов для рассмотрения государственной росписи доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств. Председателем комиссии был избран М. Ф. Федоров, секретарем — В. Ф. Татаринов. За 108 дней работы 2-ой Государственной думы комиссия провела 16 заседаний общего собрания и 50 заседаний в образованных 8 подкомиссиях.

За короткий срок работы 2-ой Государственной думы бюджетная комиссия рассмотрела (на общих собраниях и в подкомиссиях) 34 сметы и 57 представлений по кредитам, из них 26 представлений Министерства на-

родного просвещения, 22 законопроекта были одобрены народными депутатами, а также установлена подведомственная структура финансирования высшей школы на 1906—1917 годы [ГДОД II, с. 37—39]. В ходе работы депутаты отмечали несоразмерный расход государства на содержание тюрем и полиции, составлявший 5,2 % бюджета, в то время как на образование и просвещение правительство выделяло лишь 2,8 %. Таким образом, резюмировали народные представители, центральная власть не считала выгодным вкладывать средства в сферу образования, зато выделяла миллионы на полицию и войска. Проводя параллели с европейским и американским парламентом, выступавшие отмечали, что там правительства отпускают на народное образование по 4 р. 80 к., в то время как в России это составляет 7,3 копейки на душу населения, а 31 коп. тратят земские учреждения [Собрание ..., 1908, с. 456—457]. Анализ законопроектов и предложений по вопросам высшей школы, поступивших в Госсовет и Думу, показал, что в основном это были ходатайства об увеличении дополнительных ассигнований на нужды высших учебных заведений [ГДСО I, с. 592—594].

Первые две Думы, революционные по составу, не смогли найти общего языка с властью и были распущены. Правительство, вопреки Основным законам, после роспуска второй Думы издает новый избирательный закон.

3.2. Работа 3-ей и 4-ой Думы по вопросам высшего образования и науки

Изменение избирательного закона 3 июня 1907 года привело к отказу от перводумской модели представительства и установлению «третьеиюньской системы», что вылилось в изменение Положения о выборах в Государственную Думу и установление устойчивого большинства (правоокембристского и октябристско-кадетского), готового сотрудничать с правительством в деле «обновления и модернизации» России.

Государственная дума 3-го созыва проработала весь положенный по Основным законам пятилетний срок, с 01.11.1907 по 09.06.1912 года. За это время состоялось 5 сессий, 621 заседание, ею были рассмотрены рекордные 2380 законодательных предложений правительства и одобрены 2197. По мере работы Думы постепенно складываются традиции подготовки, обсуждения и проведения законопроектов, устанавливаются процедуры внутренней деятельности, нижняя палата приобретает значительное влияние в политической системе империи. В речах председателя Совета министров в этот период можно отметить такие высказывания, как «правовое государство», «правовой уклад». Правда, через год из политического лексикона П. А. Столыпина эти термины уже исчезают, а основной акцент делается на необходимость твердой государственной воли и укрепления институтов исполнительной власти.

В 1-ю сессию (01.11.1907—28.06.1908) заметное значение приобрела Бюджетная комиссия, возглавлявшаяся и в 3-ей, и 4-ой Думе видным специалистом в области финансового права профессором М. М. Алексеенко. Бюджетная комиссия выступала в качестве посредника между созданной в Думе комиссией по народному образованию и Министерством народного просвещения.

Начало 1908 года ознаменовалось отставкой министра народного просвещения П. М. Кауфмана (1906—1908) и назначением на этот пост А. Н. Шварца (1908—1910 годы). В основу своей политики новый министр положил знаменитый столыпинский афоризм «сначала успокоение, потом реформы», иными словами, сначала выздоровление, а потом лекарство.

Откровенно реакционная позиция Шварца не замедлила проявиться в вопросе о праве женщин на получение высшего образования. Не прошло и полугода со времени вступления Шварца в должность, как в мае 1908 года он издал циркуляр, запрещавший принимать в университеты лиц женского пола. Этот документ вызвал в российском обществе широкое обсуждение, в котором весьма деятельное участие приняли депутаты Государственной думы. 12 июня 1908 года группа депутатов, представлявших Союз 17 октября, партию кадетов и трудовую группу, внесла на обсуждение законопроект, в котором утверждалось право женщин на обучение во всех российских вузах. Хотя законопроект встретил противодействие со стороны правительства, решительная позиция думцев имела определённые позитивные результаты; в октябре того же года высочайшим повелением вольнослушательницам было дозволено завершить начатый курс в университете [На перекрестье ..., 2022, с. 95].

Выступая за деполитизацию в высших учебных заведениях, министр подвергался острой критике не только социал-демократов и кадетов, но октябристов. В 1909 году на обсуждение в Государственную думу был внесен проект нового университетского устава, в котором последовательно проводился курс на свертывание университетской автономии. Проект Шварца предполагал: 1) утверждение руководства университета (ректора, проректоров, деканов) министром просвещения, он же осуществлял общее руководство работой вузов; 2) ограничение функции совета университета; 3) ректор наделялся полицейскими функциями и нес ответственность за правонарушения студентов в случае массовых беспорядков и т. д. [Новиков, 2015, с. 304—305].

В Думе проект нового университетского устава был встречен холодно, и, по мнению депутатов, его необходимо было доработать, внося следующие пункты: 1) увеличение количества университетов в России; 2) улучшение материальной базы высших учебных заведений; 3) установление

штатных окладов для министра и его заместителей, а также попечителей учебных округов; 4) установление бюджета Академии наук; 5) улучшение качества преподавания, искоренение взяточничества [ОДГД, ч. 2, с. 305—306; Ропп, 1912, с. 22].

МНП отреагировало на предложения думцев, и некоторые указания были рассмотрены и учтены в работе. Так, министром А. Н. Шварцем был одобрен ряд законов о дополнительном финансировании научных учреждений и вузов. Между тем правительство отрицательно относилось к расширению сети университетов ввиду революционных настроений большинства студентов, которые превращали учебные аудитории в очаги массовых беспорядков.

Новый глава МНП Л. А. Кассо (25.09.1910 — 26.11.1914) был убежденным сторонником консервативной, охранительной политики в образовательной сфере и потому находился в постоянной конфронтации с левыми и демократическими фракциями в Думе. Все либеральные уступки, сделанные властью в ходе революции 1905—1907 годов, новым министром нарушались или отменялись, а его действия в отношении высшей школы были направлены на ограничение университетской автономии. В январе 1911 года вышли циркуляры МНП «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений», что явилось нарушением утвержденных законом прав университетских советов [ПСЗРИ, с. 658, 659].

Совет Московского университета протестовал против введения министерских циркуляров, на что министр Л. А. Кассо ответил увольнением ректора А. А. Мануйлова, проректора П. А. Минакова и помощника ректора М. А. Мензбира. В знак поддержки и солидарности с руководством в отставку ушли 130 членов профессорско-преподавательского состава вуза. Конфликт был разрешен только после Февральской революции 1917 года, когда министром народного просвещения уже при Временном правительстве стал Мануйлов.

Депутаты Государственной думы 4-й сессии (15.10.1910—13.05.1911) негативно отреагировали на противозаконные действия Министерства народного просвещения. Выступавшие с думской трибуны депутаты фракций «Союза 17 Октября», прогрессистов и кадетов отмечали противоправную деятельность главы МНП Кассо, который своими циркулярами вел к разгрому педагогических коллегий университетов и институтов. Критика касалась и самой личности министра, который, по мнению народных представителей, не понимал высоких задач государства, насаждал в университете палочную систему и возвращал к жизни устав 1884 года [ГДСО III, стб. 1072—1084].

Председатель думской комиссии по народному образованию барон В. К. фон Анреп (октябрист) выразил мнение большинства думцев, отметив «печальное» положение высшей школы, отсутствие академической свободы университетов, назначение профессорско-преподавательского состава административной властью, низкую обеспеченность кафедр и мизерный размер стипендии [Ропп, 1912, с. 20—27].

Все мероприятия, проводимые в образовательной сфере в период руководства Кассо, становились предметом критики не только Думы, но и общественности. Не были выполнены думские пожелания об издании нового устава высших школ, снижении платы за обучение в различных учебных заведениях, предоставлении стипендий, открытии новых университетов и мн. др.

Законодательная работа 5-ой сессии (15.10.1911—09.06.1912) началась в очень напряженной обстановке, возникшей после убийства 1 сентября 1911 года в Киеве премьер-министра П. А. Столыпина и расстрела рабочих на Ленских приисках. На повышенных тонах прошло в Думе и обсуждение 5-го бюджета, раскрывшее картину злоупотреблений в военном ведомстве и в министерстве юстиции. Критике депутатов подверглось ведомство народного просвещения и сам министр. Из комплекса проблем, касавшихся высшей школы, ключевыми депутаты считали отсутствие строительства новых вузов по всей стране и проблему подготовки кадров для меняющейся экономики страны, которая «нуждалась в образованных специалистах во всех областях техники». Значительным препятствием на пути развития высшей школы являлось также отсутствие скоординированной системы управления, так как сохранялось разномедовенное управление высшей школой по отраслевому принципу. Критические замечания высказывались депутатами по поводу мизерного денежного довольствия профессорско-преподавательского состава, а также по вопросу о праве женщин на высшее образование [ГДСО III, стб. 1070—1091; Ковалевский, 1912; Ропп, 1912, с. 24].

Объективное отставание России в инженерно-технической области, нехватка профессорско-преподавательского состава в политехнических и горных институтах требовали кардинальной перестройки всей системы подготовки научно-педагогических кадров высшей школы России.

Обеспечить быструю подготовку кадров для высших учебных заведений был призван институт «профессорских стипендиатов». Проект Л. А. Кассо предусматривал подготовку профессорско-преподавательского состава в зарубежных, а не в российских научных центрах. Идея подготовки молодых ученых за границей была не нова (как тут не вспомнить Бориса Годунова и Петра Великого, отправлявших дворянских детей за границу науки изучать). По мнению Л. А. Кассо, студенты, пробыв несколько лет

за границей (3—4 года), научившись там работать и ознакомившись на практике с заграничными университетскими порядками, смогут по возвращении оздоровить университетскую атмосферу и реорганизовать высшее преподавание.

Хотя проект вызвал резкую критику Думы и научной общественности, он был рассмотрен и утвержден императором в январе 1912 года. Однако расчеты Кассо на быстрое пополнение кадров в высшие технические вузы не оправдались, так как с началом Первой мировой войны все зарубежные курсы, куда направлялись стипендиаты (в основном в Германию), закрылись.

Еще один важный вопрос, на который обращали внимание депутаты, это женское образование. В России неуклонно шел процесс расширения прав женщин. Так, в Положениях 1869 и 1870 годов разрабатывались принципы женского среднего образования: помимо общего семилетнего курса, девушки получали возможность окончить специальный курс, который давал права занимать должность учительниц. С 1871 года, когда женщины получили право работать в сфере педагогики, начинается развитие и высшего женского образования.

Наиболее крупным законом в области образования стал закон о высших начальных училищах (1912), предусматривавший преемственность между низшей, средней и высшей школами. Новый закон предоставлял девушкам по окончании высшего начального училища право перехода в пятый класс гимназии с одним дополнительным экзаменом по иностранному языку [Законодательные итоги ..., 1912, с. 32—33].

В мае 1912 года 3-я Государственная дума закончила свое «конституционное пятилетие». За пять лет своей работы Дума пережила значительную эволюцию, она смогла интегрироваться в политическую систему страны. Нижняя палата добилась улучшения финансового положения местного самоуправления. Приоритетными отраслями оставались государственная оборона, железнодорожное строительство и интересы МВД. Однако нужно отметить повышенный интерес парламентариев к сфере образования. Не случайно 3-я Дума получила неофициальное название «Думы народного просвещения». За пять лет в Думу поступило 423 законопроекта МНП, опередив по числу законопроектов МВД (401) и Военное министерство (394) [ОДГД, ч. 1, с. 170—171].

Депутаты выступали за увеличение и открытие новых вузов, а также за демократизацию высшего образования. В этом направлении можно отметить открытие Донского политехнического института в Новочеркасске (октябрь 1907), нового университета в Саратове (декабрь 1909), преобразование Екатеринославского горного училища в горный институт им. Пе-

тра Великого (июль 1912), открытие в Москве Педагогического института им. П. Г. Шелапутина (1911). Все эти законы были осуществлены по инициативе правительства, с одобрения Государственной думы.

Нужно отметить роль Думы в финансировании всех правительственных инициатив. Дума никогда не сокращала, не урезала, а неуклонно увеличивала финансирование и сама вносила по собственной инициативе новые добавления. Например, было выделено в 1907 году 2 800 000 руб. на строительство Донского политеха, в 1909 году 3 300 000 на строительство Саратовского вуза, в 1912 году из бюджета выделили 1 125 370 руб. на достраивание комплекса Екатеринославского горного института и т. д. [Ковалевский, 1912, с. 275—276].

И всё же финансирование высшей школы было минимальным: в 1907 году правительство выделило 6 959 254 руб., а к 1912 году эта сумма составляла 7 626 069 руб., то есть за пять лет ассигнование увеличилось всего на 10 % [Чехов, 1912, с. 224]. Однако на подготовку «профессорских стипендиатов» депутаты смогли увеличить сумму почти в 6 раз с 20 000 руб. до 120 000 руб. [Ковалевский, 1912, с. 275].

Депутаты понимали необходимость развития науки, научных учреждений, обсерваторий, музеев, библиотек, но пока, по словам самих народных депутатов, было «сделано очень и очень мало». Единственное, что смогла сделать 3-я Дума, — это увеличить финансирование Академии наук с 600 000 руб. до 1 миллиона руб.

Дума 4-го созыва (15.11.1912—06.10.1917) по своему партийному составу мало отличалась от 3-ей. В Думе сложилось октябристско-кадетское (прогрессисты, кадеты, польские и мусульманские депутаты, иногда трудовики и социал-демократы) и правооктябристское (центристы, националисты и правые) большинство. Господствующее настроение в 4-ой Думе показывало крен влево. При обсуждении бюджета Дума приняла формулы неодобрения двум министрам — Н. А. Маклакову (Министерство внутренних дел) и Л. А. Кассо (Министерство народного просвещения), поскольку, по мнению депутатов, эти ведомства отличались реакционностью и упорным нежеланием идти по пути реформ.

В период работы 4-ой и 5-ой сессии (9.02—20.06, 1.11.1916—27.02.1917) в МНП произошли изменения, связанные с назначением нового министра П. Н. Игнатьева (январь 1915 — декабрь 1916). Игнатьев придерживался прогрессивных взглядов, пользовался уважением и доверием в общественных и академических кругах. В записке действительного статского советника Я. В. Глинки, подготовленной для императора Николая II, дается яркая характеристика министра Игнатьева как честного, искреннего человека, знающего свое дело [Глинка, 2001, с. 198—199].

П. Н. Игнатьев проявил ответственный и профессиональный подход к новому назначению. Новый министр просвещения выступал за взаимодействие правительства с Думой для их плодотворной работы. Со своей стороны думцы выражали поддержку и доверие как самому министру, так и мероприятиям, проводимым ведомством. В марте 1916 года в МНП поступил доклад думской комиссии по народному образованию, в котором были изложены основные предложения по реформе высшей школы. Доклад включал скорейшее внесение на рассмотрение Государственной думы нового университетского устава и положения о высших технических учебных заведениях [ГДСО IV, 1916, стб. 3338—3340].

Используя право законодательной инициативы, Дума добивалась повышения запрашиваемых правительством кредитов для сферы образования. Несмотря на тяжелое финансовое положение, вызванное давлением военных обстоятельств, депутаты добились внесения поправок в смету МНП в размере 30 млн руб. Эта сумма была добавлена к ранее утвержденному бюджету в размере 165 млн руб. Докладчик бюджетной комиссии Е. П. Ковалевский (октябрист) подчеркнул, что Государственная дума будет делать все необходимое, для того чтобы Россия стала просвещенной и развитой во всех областях науки и техники [ГДСО IV, 1916, стб. 3339—3340].

Планируемое введение всеобщего образования и реформирование всей образовательной системы в России актуализировали проблему подготовки квалифицированных учительских кадров. Депутаты понимали важность открытия новых учительских институтов, число которых с 80-х годов XIX века практически не росло. Одновременно, по мнению депутатов, требовалось качественно улучшить систему преподавания в самих учительских институтах, унифицировать учебные программы и выработать единые критерии подготовки квалифицированного преподавателя.

Законопроект «О реформе учительских институтов» был внесен в Думу 3-го созыва правооктябристским большинством в феврале 1912 года. Депутаты предлагали следующие меры: 1) увеличить учебный курс до 4-х лет; 2) расширить учебную программу за счет введения новых курсов (психология, логика, педагогика, иностранный язык); 4) предоставить выпускникам институтов право поступления в университет; 5) улучшить материальное и правовое положение учителей [ЗДФ, 2006, с. 194—195]. Этот законопроект, получивший одобрение в 3-ей Думе, повторно поступил в 4-ю Думу на рассмотрение комиссии по народному образованию в феврале 1913 года и снова получил одобрение депутатов. Программа учительских институтов, разработанная думцами, получит практическое воплощение уже в советской образовательной системе.

С началом Первой мировой войны (1914—1918) с думской трибуны неоднократно звучал вопрос «о технических силах страны». В связи с военными действиями Министерство народного просвещения в первую очередь поставило задачу подготовки медицинского и ветеринарного персонала, разработки устава высших технических заведений, был подготовлен план создания сети технологических институтов в стране. На заседаниях Думы парламентарии высказывали пожелания об открытии университетов и высших технических школ в тех районах, где их еще не было (это северо-запад и восток страны), для оживления научно-технической деятельности и «поднятия культурных и производительных сил» [ГДСО IV, 1916, стб. 3347].

Во время 5-ой сессии законодательные вопросы отошли на второй план. Важное место в сессии заняло обсуждение продовольственного вопроса и формирования объединенного правительства, поддерживаемого большинством законодательных палат. В разгар событий Февральской революции 1917 года, 27 февраля был создан Временный комитет Государственной думы, принявший участие в формировании Временного правительства. До официального роспуска Думы (6 октября) депутаты провели еще 8 заседаний, уже не имевших ни юридического, ни политического значения.

4. Заключение = Conclusions

Государственная дума всех четырех созывов поступательно проводила политику, направленную на радикальное преобразование высшей школы. Законодательные проекты думских фракций были нацелены на создание преемственной связи между учебными заведениями разных ступеней. Народные представители выступали за демократизацию высшего образования.

Дума использовала право законодательной инициативы и повышала запрашиваемые правительством кредиты, благодаря чему неуклонно возрастало финансирование правительственных инициатив, направленных на строительство новых университетов и институтов. Увеличивались суммы на подготовку профессорских стипендиатов, повышение зарплат, пенсий, стипендий учителям, преподавателям, студентам.

Государственная дума последовательно и активно выступала за равноправие женщин в получении высшего образования, выдвигая прогрессивные законопроекты, утверждавшие право лиц женского пола на поступление во все высшие учебные заведения Российской империи.

Таким образом, Государственная дума сыграла без преувеличения значительную роль в деле развития высшего образования в России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГДЗЗ — *Государственная дума*. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1907. — 267 с.
2. ГДОД — *Государственная дума*. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1907. — 556 с.
3. ГДСО I — *Государственная Дума*. Стенографические отчеты. Первый созыв. Сессия 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1906. — Т. 1. — 866 с.
4. ГДСО II — *Государственная дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 2. — 2962 стб.
5. ГДСО III — *Государственная дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 3. — 4526 стб.
6. ГДСО IV — *Государственная дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. — Петроград : Государственная типография, 1916. — 1205—3502 стб.
7. *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917 : Дневник и воспоминания / Я. В. Глинка. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 400 с.
8. *Законодательные итоги первого «конституционного пятилетия»* // Русская мысль. — 1912. — Октябрь. — С. 30—45.
9. ЗДФ — *Законотворчество* думских фракций. 1906—1917 гг. : Документы и материалы. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 768 с. — ISBN 5-8243-0722-9.
10. *Ковалевский Е. П.* Народное образование и церковное достояние в III-ей Государственной Думе. Речи. Доклады. Статьи / Е. П. Ковалевский. — Санкт-Петербург : Тип. Р. В. Коротаевой, 1912. — Ч. I. — 354 с.
11. ОДГД — *Обзор* деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907—1912 гг. — Санкт-Петербург, 1912. — Ч. 1—2.
12. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи, по воле Государя Императора Николая Первого издаваемое*. — Санкт Петербург : 1908. — Собр. III. — Т. XXV. — Отд. I. — 966 с.
13. *Ропп А. Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования / А. Н. Ропп. — Санкт Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1912. — 253 с.
14. *Собрание речей* гг. депутатов Государственной Думы I и II созыва. — Санкт Петербург : Тип. «Разум», 1908. — 576 с.

Литература

1. *Анисимов О. В.* Преподаватели-юристы Петербургского университета в Государственной Думе Российской империи : Л. И. Петражицкий, В. М. Гессен, П. П. Гронский / О. В. Анисимов // Петербургский юрист. — 2017. — № 2. — С. 138—145.
2. *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — Москва : Книга, 1991. — 451 с.
3. *Войтеховская М. П.* Вопросы развития педагогического образования в работе государственных дум 1906—1917 гг. / М. П. Войтеховская, С. А. Кочурина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 5 (217). — С. 90—97. — DOI: 10.23951/1609-624X-2021-5-90-97.
4. *Грибовский М. В.* "Тягость профессорства" : особенности педагогической деятельности университетского преподавателя в дореволюционной России / М. В. Грибов-

ский // Былые годы. — 2019. — Т. 3. — № 53. — С. 1263—1271. — DOI: 10.13187/bg.2019.3.1263.

5. *Джуринский А. Н.* Становление отечественного педагогического образования и вклад династии Романовых в его развитие / А. Н. Джуринский // Художественное образование в дореволюционной России : Сб. науч. тр. — Москва : ФГБНУ "ИХОиК РАО", 2016. — С. 8—38.

6. *Днепров Э. Д.* Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России, 1918—1977 : Библиогр. указ. / Э. Д. Днепров. — Москва : НИИ ОП, 1979. — 446 с.

7. *Долецкая С. В.* Принципы управления системой высшего образования в Российской империи (конец XIX — начало XX вв.) / С. В. Долецкая // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога : Сб. мат. VII Всеросс. науч.-практ. конф., Евпатория, 23 апреля 2020 года. — Евпатория : Ариал, 2020. — С. 496—506.

8. *Зипунникова Н. Н.* Российский университет сквозь призму историко-правового наблюдения / Н. Н. Зипунникова // Российский юридический журнал. — 2015. — № 1 (100). — С. 195—204.

9. *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века / А. Е. Иванов. — Москва : [б. и.], 1991. — 393 с.

10. *Канищева Н. И.* Столыпинские реформы в области образования, культуры и науки / Н. И. Канищева // Российская история. — 2012. — № 2. — С. 139—146.

11. *Корнилова И. М.* Проблемы и противоречия в развитии высшего образования в России в конце XIX — начале XX в / И. М. Корнилова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2015. — № 1 (42). — С. 19—24.

12. *На перекрестье* времен и судеб : Московскому педагогическому государственному университету 150 лет. — Москва : Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2022. — 830 с. — ISBN 978-5-4263-1122-0.

13. *Новиков М. В.* Университеты России на рубеже XIX—XX вв. : эксперимент с "чиновниками от просвещения" (А. Н. Шварц, Л. А. Кассо) / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — №3. — С. 301—311.

14. *Порхова Т. М.* Высшие органы власти Российской империи и формирование государственной образовательной политики во второй половине XIX — начале XX века / Т. М. Порхова // Социология власти. — 2007. — № 1. — С. 132—139.

15. *Руднева Я. Б.* Из истории высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века (по материалам Казанского учебного округа) / Я. Б. Руднева // Известия Саратовского университета. Новая серия : История. Международные отношения. — 2012. — Т. 12. — № 3. — С. 99—107.

16. *Федосова Э. П.* Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878—1918 гг.) / Э. П. Федосова. — Москва : Педагогика, 1980. — 144 с.

17. *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Н. В. Чехов. — Москва : Польза, 1912. — 224 с.

18. *Эвенчик С. Л.* Высшие женские курсы в Москве / С. Л. Эвенчик // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. Сб. ст. / Под ред. Д. С. Бабурина. — Москва : [б. и.], 1972. — С. 4—99.

19. *Darchieva S. V.* Issues of Education and National Culture in the Work of North Caucasian Deputies of the State Duma of the Russian Empire (1907—1912) / S. V. Darchieva, A. V. Darchiev // European Journal of Contemporary Education. — 2019. — Vol. 8. — № 3. — Pp. 638—645. — DOI: 10.13187/ejced.2019.3.638.

20. *Dudgeon R. A. F. Women and Higher Education in Russia, 1855—1905*. Ph. D. Diss. / R. A. F. Dudgeon. — Washington DC : George Washington University, 1975. — 878 p.
21. *Kuzminov Y. Higher Education in Russia* / Y. Kuzminov, M. Yudkevich. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2022. — 432 p. — ISBN 978-1-4214-4414-7.
22. *Johanson Ch. Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855—1900* / Ch. Johanson. — Kingston, Ontario : McGill-Queen's University Press, 1987. — 149 p.

*Статья поступила в редакцию 13.07.2023,
одобрена после рецензирования 17.08.2023,
подготовлена к публикации 20.08.2023.*

Material resources

- Collection of speeches of the deputies of the State Duma of the I and II convocation*. (1908). St. Petersburg: Type. "Mind". 576 p. (In Russ.).
- GDOD — *The State Duma. The second convocation. Overview of the activities of commissions and departments*. (1907). St. Petersburg: State Printing House. 556 p. (In Russ.).
- GDSO I — *The State Duma. Verbatim reports. The first convocation. Session 1, 1*. (1906). St. Petersburg: State Printing House. 866 p. (In Russ.).
- GDSO II — *The State Duma. The third convocation. Verbatim reports. Session 1, 2*. (1908). St. Petersburg: State Printing House. 2962 stb. (In Russ.).
- GDSO III — *State Duma. The third convocation. Verbatim reports. Session 1, 3*. (1908). St. Petersburg: State Printing House. 4526 stb. (In Russ.).
- GDSO IV — *The State Duma. The fourth convocation. Verbatim reports. Session 4*. (1916). Petrograd: State Printing House. 1205—3502 stb. (In Russ.).
- GDZZ — *The State Duma. The second convocation. Legislative statements made on the basis of Article 55 of the State Duma Institution*. (1907). St. Petersburg: State Printing House. 267 p. (In Russ.).
- Glinka, Ya. V. (2001). *Eleven years in the State Duma. 1906—1917: Diary and memoirs*. Moscow: New Literary Review. 400 p. (In Russ.).
- Kovalevsky, E. P. (1912). *Public education and church property in the III State Duma. Speeches. Reports. Articles, I*. St. Petersburg: Type. R. V. Korotaeva. 354 p. (In Russ.).
- Legislative results of the first "constitutional five-year period". (192). *Russian Thought*. October: 30—45. (In Russ.).
- ODGD — *Review of the activities of the State Duma of the third convocation. 1907—1912, 1—2*. (1912). St. Petersburg. (In Russ.).
- PSZRI — *The Complete collection of laws of the Russian Empire, published by the will of the Sovereign Emperor Nicholas the First, XXV (I)*. (1908). St. Petersburg. 966 p. (In Russ.).
- Ropp, A. N. (1912). *What the Third State Duma did for public education*. St. Petersburg: Type. A. S. Suvorina. 253 p. (In Russ.).
- ZDF — *Lawmaking of Duma factions. 1906—1917: Documents and materials*. (2006). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 768 p. ISBN 5-8243-0722-9. (In Russ.).

References

- Anisimov, O. V. (2017). Legal teachers of St. Petersburg University in the State Duma of the Russian Empire: L. I. Petrazhitsky, V. M. Gessen, P. P. Gronskey. *Petersburg Lawyer*, 2: 138—145. (In Russ.).

- At the crossroads of times and destinies: Moscow Pedagogical State University is 150 years old.* (2022). Moscow: Publishing House of the Moscow Pedagogical State University. 830 p. ISBN 978-5-4263-1122-0. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1991). *Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)*. Moscow: Book. 451 p. (In Russ.).
- Chekhov, N. V. (1912). *Public education in Russia since the 60s of the XIX century*. Moscow: Benefit. 224 p. (In Russ.).
- Darchieva, S. V., Darchiev, A. V. (2019). Issues of Education and National Culture in the Work of North Caucasian Deputies of the State Duma of the Russian Empire (1907—1912). *European Journal of Contemporary Education*, 8 (3): 638—645. DOI: 10.13187/ejced.2019.3.638.
- Dneprov, E. D. (1979). *Soviet Literature on History schools and pedagogics of pre-revolutionary Russia, 1918—1977: Bibliogr. Decree*. Moscow: NII OP. 446 p. (In Russ.).
- Doletskaya, S. V. (2020). Principles of management of the higher education system in the Russian Empire (late XIX — early XX centuries). In: *Implementation of the competence approach in the system of professional education of a teacher: Sat. mat. VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Yevpatoria, April 23, 2020*. Evpatoria: Arial. 496—506. (In Russ.).
- Dudgeon, R. A. F. (1975). *Women and Higher Education in Russia, 1855—1905. Ph. D. Diss.* Washington DC: George Washington University. 878 p.
- Dzhurinsky, A. N. (2016). The formation of domestic pedagogical education and the contribution of the Romanov dynasty to its development. In: *Art education in pre-revolutionary Russia: Collection of scientific tr.* Moscow: IHOIK RAO. 8—38. (In Russ.).
- Evenchik, S. L. (1972). Higher women's courses in Moscow. In: *Experience of teacher training in pre-revolutionary Russia and in the USSR. Collection of articles*. Moscow: [b. i.]. 4—99. (In Russ.).
- Fedosova, E. P. (1980). *Bestuzhev courses — the first women's university in Russia (1878—1918)*. Moscow: Pedagogika. 144 p. (In Russ.).
- Gribovsky, M. V. (2019). “The burden of professorship”: features of pedagogical activity of a university teacher in pre-revolutionary Russia. *Bygone Years*, 3 (53): 1263—1271. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1263. (In Russ.).
- Ivanov, A. E. (1991). *Higher school of Russia in the late XIX — early XX century*. Moscow: [b. i.]. 393 p. (In Russ.).
- Johanson, Ch. (1987). *Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855—1900*. Kingston, Ontario: McGill-Queen's University Press. 149 p.
- Kanishcheva, N. I. (2012). Stolypin reforms in the field of education, culture and science. *Russian history*, 2: 139—146. (In Russ.).
- Kornilova, I. M. (2015). Problems and contradictions in the development of higher education in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 1 (42): 19—24. (In Russ.).
- Kuzminov, Y., Yudkevich, M. (2022). *Higher Education in Russia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 432 p. ISBN 978-1-4214-4414-7.
- Novikov, M. V., Perfilova, T. B. (2015). Universities of Russia at the turn of the XIX—XX centuries: an experiment with “officials from the enlightenment” (A. N. Schwartz, L. A. Kasso). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3: 301—311. (In Russ.).

- Porkhova, T. M. (2007). Higher authorities of the Russian Empire and the formation of state educational policy in the second half of the XIX — early XX century. *Sociology of power, 1*: 132—139. (In Russ.).
- Rudneva, Ya. B. (2012). From the history of higher female education in the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century (based on the materials of the Kazan School District). *News of Saratov University. New series: History. International relations, 12 (3)*: 99—107. (In Russ.).
- Voitekhovskaya, M. P., Kochurina, S. A. (2021). Questions of the development of pedagogical education in the work of state dumas 1906—1917. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 5 (217)*: 90—97. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-5-90-97. (In Russ.).
- Zipunnikova, N. N. (2015). Russian University through the prism of historical and legal observation. *Russian Law Journal, 1 (100)*: 195—204. (In Russ.).

*The article was submitted 13.07.2023;
approved after reviewing 17.08.2023;
accepted for publication 20.08.2023.*

Информация для цитирования:

Колегов С. С. Урал в исследованиях эпохи Просвещения XVIII века : труды Василия Никитича Татищева / С. С. Колегов, Чжао Цяньжу // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 383—398. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-383-398.

Kolegov, S. S., Zhao Qianru. (2023). Ural in Studies of Enlightenment Era of 18th Century: Works of Vasily Tatishchev. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 383-398. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-383-398. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-383-398

Урал в исследованиях эпохи Просвещения XVIII века: труды Василия Никитича Татищева

Колегов Святослав Сергеевич¹
orcid.org/0000-0001-5253-0722
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
зарубежного регионоведения
sv.kolev@mail.ru

Чжао Цяньжу^{2*}
orcid.org/0009-0008-7225-564X
аспирант,
* *корреспондирующий автор*
desparx@mail.ru

¹ Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Хэйлунцзянский университет
(Харбин, Китай)

Ural in Studies of Enlightenment Era of 18th Century: Works of Vasily Tatishchev

Svyatoslav S. Kolegov¹
orcid.org/ 0000-0001-5253-0722
PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Regional Studies
sv.kolev@mail.ru

Zhao Qianru^{2*}
orcid.org/0000-0001-5516-8255
post-graduate student,
* *Corresponding author*
xiongh@sjtu.edu.cn

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² Heilongjiang University
(Harbin, China)

© Колегов С. С., Чжао Цяньжу, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Дается краткий обзор развития знаний об Урале в XVI—XVIII столетиях. Рассматривается деятельность В. Н. Татищева на Среднем Урале с точки зрения изучения края, дается оценка его работе. Особое внимание уделяется научным трудам, созданным руководителем уральских заводов, его взгляду на Уральский регион и перспективы его развития. Отмечается, что в них впервые в русской литературе дается оценка Уралу как границе между двумя «мирами». Актуальность данной темы заключается в том, что Урал часто рассматривается как рубеж, граница между европейской частью России и Сибирью. Кроме того, в первой трети XVIII столетия идет активное освоение данного региона, но указанный период еще слабо изучен исследователями. Новизна работы состоит в рассмотрении деятельности В. Н. Татищева не как государственного чиновника, а как ученого и исследователя новых земель. Авторы статьи приходят к выводу, что начальник казенных заводов Урала приложил значительные усилия для изучения порученных ему земель. Офицер и чиновник сделал немало для дальнейшего накопления необходимых знаний о «Сибири», заботился о просвещении населения. Для составление полной картины о том, каким предстал Урал перед В. Н. Татищевым в качестве источников были задействованы не только труды ученого, но и его переписка с центральными органами власти.

Ключевые слова:

Эпоха Просвещения в России; Урал; Уральский хребет; Уктусский завод; Екатеринбург; В. Н. Татищев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article provides a brief overview of the development of knowledge about the Ural region in the 16th-18th centuries. The activities of V. N. Tatishchev in the Middle Ural region are examined from the perspective of studying the area, and an evaluation of his work is given. Special attention is given to his scientific works as the director of Ural factories, his views on the Ural region, and its development prospects. It is noted that his works were the first in Russian literature to provide an assessment of the Ural as a boundary between two “worlds”. The relevance of this topic lies in the fact that the Ural is often seen as a border between the European part of Russia and Siberia. Additionally, the active exploration of this region in the early 18th century remains poorly studied by researchers. The novelty of this work lies in considering V. N. Tatishchev’s activities not only as a government official but also as a scholar and researcher of new lands. The authors conclude that the head of the Ural state factories made significant efforts to study the entrusted lands. As an officer and official, he contributed to the accumulation of necessary knowledge about “Siberia” and cared for the enlightenment of the population. In order to create a complete picture of how the Ural appeared to V. N. Tatishchev, not only his works but also his correspondence with central authorities were utilized as sources.

Key words:

Enlightenment era in Russia; Ural; Ural Mountains; Uktus Plant; Yekaterinburg; V.N. Tatishchev.

Урал в исследованиях эпохи Просвещения XVIII века: труды Василия Никитича Татищева

© Колегов С. С., Чжао Цяньжу, 2023

1. Введение = Introduction

В русском сознании до XVIII века национальная территория рассматривалась как «протяженное, бесформенное скопление земель и народов, покрывающее территорию от Восточно-европейской равнины до северной Азии и Тихоокеанского побережья». У русских в то время не было такого понятия, как путешествия, в их сознании существовали только такие понятия, как «бродили, бежали и переезжали» [Российская империя в зарубежной ..., 2005, с. 120], и при этом они не считали перемещение в пространстве ценной деятельностью и не интересовались светскими науками. По этой причине само понятие границы между Европой и Азией было для них чуждо. Реформы Петра Великого радикальным образом изменили жизнь российского общества, в частности мировоззрение определенного сословия. В XVIII веке культура путешествий проникла в Россию, возбудив интерес не только к странам Европы, но также и к своей Родине.

Таким образом, в поле зрения наиболее образованной части населения оказался Урал с его невероятными богатствами и необычными народами. На начальном этапе изучения отечественные исследователи интересовались географическим положением Урала, значением горной цепи в качестве внутренней границы Российской империи. К концу XVIII столетия данный регион во многом рассматривался уже как источник «неисчерпаемых» рудных богатств. Строго говоря, эти произведения во многом являются не литературными произведениями, ведь литературность «как след эстетических и мифопоэтических представлений эпохи реконструируется в результате анализа системы повторяющихся образов, уже имеющих непосредственное отношение к литературе» [История литературы Урала ..., 2012, с. 339].

В качестве литературной реальности Уральские горы, именовавшиеся также *Камнем*, *Каменным Поясом*, *Великим Поясом* и т. д., были известны еще в античные времена. Геродот и Дамаст Сигейский писали о Рифейских горах и народах, и чудовищах, живших в их окрестностях. Аристотель отмечал, что на Рифее берут начало многие реки, то есть уже в те времена Уральские горы считали водоразделом. Впоследствии данный факт был

зафиксирован в Есиповской летописи. Клавдий Птолемей, живший во II веке, писал о горной цепи, которая делит «Азиатскую Скифию» на две части. В дальнейшем Имаус объединили с горами Тавра, которые древний историк Страбон называл «опоясывавшими Азию». Таким образом, еще в древности исследователи объединили горные цепи в легендарную единую систему [Там же, с. 339—340.].

В XVI столетии появился труд австрийского дипломата и писателя Сигизмунда Герберштейна, посвященный, в числе прочего, его поездке в Россию (Московское царство). Данная книга получила название «Записки о Московии». В них приводится и описание маршрута в Сибирь через полярный Урал. Сам иностранец, конечно, не проходил этим путем. Сведения о нем он получил из Югорского «дорожника», то есть словесного описания пути. Последний был составлен русскими людьми в конце XIV — середине XV веков [Герберштейн, 2008, с. 637]. С. Герберштейн, используя данный труд, внес в свою книгу не только реальные сведения (о народах, животных, морских обитателях), но также и ряд ошибочных и даже фантастических известий. Так, например, составители «дорожника» полагали, что река Обь течет из «Китайского озера», а за Уральскими горами («Камнем») живут народы, покрытые шерстью, как звери, имеющие собачьи головы или вообще умирающие поздней осенью и оживающие весной, как лягушки [Там же, с. 251—252]. Таким образом, Уральские горы рассматривались как граница между реальным и фантастическим миром.

«Русские источники XVII века четко квалифицировали Камень как рубеж... Причем на первых порах Урал относили именно к Сибири, как самостоятельная ландшафтная реальность он не рассматривался» [История литературы Урала ..., 2012, с. 345]. В этот период об Урале писали, например, Ю. Крижанич и Н. Спафарий. Последний, как и С. Герберштейн, отождествляет Урал с Рифейскими горами [Там же]. При этом Н. Спафарий называет границей между Европой и Азией не горный хребет, а реку Обь или Дон [Там же, с. 346].

К XVIII столетию сформировалось несколько оценок Урала. Он ассоциировался с легендарными Рифейскими горами, включался в состав «всемирной горной системы» либо вообще оставался без внимания. Так, например, протопоп Аввакум ничего не писал о данной горной гряде, когда следовал к месту своей ссылки [Там же, с. 347—348].

Важной темой в образе Урала в эпоху Просвещения XVIII века стала тема «Дикости», которая воплотилась в деятельности пограничных миссионеров по распространению христианства. Вообще тема «дикаря» являлась одной из знаковых для культуры Просвещения. Человек Нового времени вышел за границы антитезы «христианин — язычник» и в своем сознании

оперировал уже иными построениями, типа: «варварство и цивилизация», «цивилизация и природа» и др. В среде миссионеров, действовавших в колониях Вест-Индии и Ост-Индии, родилась концепция «доброго дикаря», который отличался от европейцев, «погрязших в цинизме и разврате» [Там же, с. 350]. В России при Петре I распространение христианства стало одним из способов перестать быть «другим», «варваром» в глазах европейцев [Там же]. Проводимое русской церковью крещение коренных народов Урала и Сибири явилось символическим решением проблемы «инаковости» колонизируемых территорий. Крещение аборигенов, приводившее к их конфессиональному отождествлению с русскими, в литературной и оценочно-идеологической перспективе означало дезэкзотизацию образа жизни коренного населения, перекодирование «чужого» в «свое» [Там же, с. 349].

Таким образом, отношения между русскими и коренным населением Урала и Сибири в XVII и начале XVIII веков рассматривалось по схеме «распространитель христианской веры — потенциальный новообращенный» [Там же, с. 350]. Среди тех, кто занимался христианизацией местного населения, следует отметить Григория Ильича Новицкого. Он являлся выпускником Киево-Могилянской академии, но из-за участия в заговоре Мазепы был сослан в город Тобольск в 1712 году. Участвуя в миссионерских поездках митрополита Филофея в 1712—1715 годах, он написал труд «Краткое описание о народе остячком» [Шамбаров]. Вступительная часть его путевого очерка содержит многочисленные летописные фрагменты сибирской географии, этнографии, истории Сибири во время похода Ермака [История литературы Урала ..., 2012, с. 351]. Говоря о географии Сибири, Г. Е. Новицкий вслед за «некими математиками», на чье мнение ссылается, называет реку Обь границей между Европой и Азией [Краткое описание о народе ..., 1884, с. 13]. О самом Урале миссионер почти ничего не пишет, отдавая все свое внимание изучению остяков, среди которых вел проповедь.

В конце XVIII столетия об Урале писал такой известный писатель России, как А. Н. Радищев. Образы Урала и Сибири отражены в его дневниках и письмах, относящихся к периоду ссылки (1790—1797). При этом А. Н. Радищев явно отказался от стереотипов, мифов и легенд, а также утилитарного увлечения деталями [История литературы Урала ..., 2012, с. 355]. В своем «Дневнике» А. Н. Радищев описывает те города и деревни, через которые ему пришлось проезжать по пути в ссылку. Так, например, он пишет о Перми, ее планировке, жителях и их занятиях, а также о продукции, которую здесь производят. При подъезде к Екатеринбургскому уезду отмечает уменьшение высоты гор, пишет о планировке города, о его жителях и их занятиях [Радищев, 1952, с. 256, 259].

Первым, кто осознал геостратегическое значение Уральского хребта, стал человек Петровской эпохи — Василий Никитич Татищев.

Один из выдающихся людей своей эпохи, В. Н. Татищев родился в 1686 году в семье потомственного дворянина. В 1693 году они вместе с братом были взяты на службу ко двору царя Ивана Алексеевича. Впрочем, продолжалась их служба до 1696 года, когда царь и соправитель Петра Великого скончался. Военную службу В. Н. Татищев начал в 1704 году в составе Азовского драгунского полка. Будущий известный администратор участвовал во взятии Нарвы (1704), в Полтавской битве (1709), в Прутском походе (1711). В 1712 году он отправился за границу для обучения инженерному делу, артиллерии и математике, а в Россию вернулся лишь в 1716 году [Юхт, 1985, с. 44]. С его именем связано развитие в России в первой половине XVIII столетия гуманитарных и естественных наук. Свои таланты этот человек смог применить в области истории и вспомогательных исторических дисциплин, географии и картографии, философской и экономической мысли, а также права [Там же, с. 3].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

О Василии Никитиче Татищеве и его деятельности на Урале существует довольно обширная историография. Так, еще в XIX столетии русские историки обратились к личности одного из самых знаменитых деятелей эпохи первой половины XVIII века. В 1863—1864 годах П. П. Пекарский опубликовал целый ряд документов, освещающих жизнь и работу В. Н. Татищева на Урале [Записки императорского русского ..., 1863]. В 1861 году вышел монументальный труд Н. А. Попова «Татищев и его время», где впервые в отечественной историографии была предпринята попытка проанализировать деятельность В. Н. Татищева в качестве государственного служащего, а также исследовать его увлечения, показать, что этот человек являлся многогранной личностью. Так, например, шестая глава исследования посвящена ученым и литературным трудам [Попов, 1861].

В середине 1870-х годов вышел сборник К. Н. Бестужева-Рюмина, посвященный, в частности, государственной и научной деятельности В. Н. Татищева и переизданный в 1882 году. Работа основана на уже опубликованных источниках и литературе. В то же время в ней впервые четко сформулирована мысль, что научные интересы В. Н. Татищева во многом были тесно связаны и определены его практической деятельностью [Бестужев-Рюмин, 1882]. В дореволюционной литературе этот очерк является лучшей работой о Татищеве.

В советский период появился еще ряд исследований, посвященных жизни и деятельности В. Н. Татищева. Следует вспомнить работу

И. М. Шакинко, который, однако, просто ограничился кратким изложением известных фактов о деятельности талантливого администратора [Шакинко, 1975].

В 1987 году в серии «Жизнь замечательных людей» А. Г. Кузьминым была предпринята попытка написать научно-популярную биографию В. Н. Татищева [Кузьмин, 1987]. Однако, как пишет А. И. Юхт, здесь нет новых сведений ни об исторической личности, ни о самой эпохе [Юхт, 1985].

Исследование А. И. Юхта представляет собой монументальный труд, посвященный государственной деятельности В. Н. Татищева в 1720—1730-е годы [Юхт, 1985]. Здесь в полной мере представлена жизнь В. Н. Татищева и его служба в указанный период как в России, так и за границей. Конечно, слабым местом работы является тот факт, что автор не обратился к освещению научной деятельности исследуемой им личности.

В отдельную группу стоит выделить труды, посвященные непосредственно Уралу. Отметим работу А. А. Преображенского [Преображенский, 1989], где рассматривается история региона с древнейших времен до 1861 года. Исследование «История литературы Урала» включает в себя анализ трудов, где рассматриваются те или иные проблемы, связанные с данной территорией [История литературы Урала ..., 2012].

Среди публикаций на иностранных языках достаточно трудно найти исследования, посвященные личности В. Н. Татищева, в частности, и истории Урала в целом. Зарубежные, в том числе английские и американские, историки обращаются к эпохе правления Петра Великого, но обходят вниманием такой регион, как Урал, и события, происходившие там. Так, например, исследовательница Линдси Хьюз в книге «Россия в эпоху Петра Великого» лишь упоминает о разработке рудных месторождений Урала. Она отмечает, что к моменту смерти Петра Великого Россия стала крупным производителем металла в Европе. Шестьдесят процентов русского металла поступало с Урала. Также историк коротко упоминает В. Н. Татищева как организатора первых горных школ, географа и историка [Hughes, 1998, p. 153, 157, 312, 323].

Несмотря на то, что целый ряд исследователей, в первую очередь XIX столетия, обращался к роли В. Н. Татищева в развитии и освоении Урала, данная тема имеет свои до сих пор не разработанные аспекты. Так, например, открытым остается вопрос о роли этого человека в научном изучении Среднего Урала и Сибири. В данной статье предпринята попытка разобраться в том, каким был Урал для одного из тех людей, которые многое сделали для освоения этой территории.

Деятельность В. Н. Татищева, отношение его к тому краю, куда он был направлен на службу, нашла свое отражение в ряде документов. Так, на-

пример, в работе был задействован ряд трудов В. Н. Татищева, посвященных изучению географии, экономики, природы, а также различным народам, проживающим на границе Европы и Азии [Татищев, 1950].

Кроме того, были использованы документы В. Н. Татищева, опубликованные в журнале «Записки Русского географического общества» [Записки императорского русского ..., 1863].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Административная и хозяйственная деятельность В. Н. Татищева на Урале

В 1720 году на Урал отправилась экспедиция, возглавляемая капитаном от артиллерии В. Н. Татищевым с целью найти месторождения медной и серебряной руды, построить заводы и начать выплавку меди и серебра [Там же, с. 48].

В том же году экспедиция прибыла на Уктусский завод, который и стал их резиденцией. Именно здесь временно расположилось Высшее горное начальство, в чьем подчинении находилась вся металлургическая промышленность Урала и Сибири. Отношение В. Н. Татищева к Уктусскому заводу не было однозначным. С одной стороны, он делал все, чтобы укрепить предприятие, переводя сюда людей, в том числе, пленных шведских офицеров. С другой стороны, продолжались поиски более перспективного места для административного центра [Уктус, Уктусский завод..., 2011, с. 33—34].

В первый же год своего пребывания на новом месте службы В. Н. Татищев объехал почти весь Средний Урал. Из Кунгура он выезжал на Каму и Соликамск. Из Уктусского завода совершил поездки на Невьянский, Алапаевский, Каменский заводы, на Ирбитскую ярмарку и в другие места. Это были не просто командировки, а настоящие экспедиции по изучению природы, климата, быта и нравов местного населения. В. Н. Татищев начинает собирать коллекции минералов и растений, другими словами, делает все возможное, чтобы лучше представлять тот край, которым ему следовало управлять. Русский офицер, таким образом, ведет себя не просто как чиновник, а как настоящий рачительный хозяин [Шакинко, 1987, с. 24—26].

В. Н. Татищев, стремясь получить наиболее полную информацию о Среднем Урале, задействовал все имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Так, например, узнав, что среди пленных шведов, размещенных в данном регионе, есть хороший картограф, он добился разрешения Берг-коллегии использовать этого человека в своих интересах [Шакинко, 1987, с. 24—26].

Обследовав реку Исеть, талантливый администратор в 1721 году начал готовиться к строительству нового завода (будущего Екатеринбурга).

Однако конфликт с Н. Демидовым помешал этому важному делу. В. Н. Татищев вынужден был покинуть место стройки, а новый завод был пущен уже в 1723 году новым главным начальником казенных горных заводов В. И. де Генниным. Екатеринбургский завод был построен по последнему слову тогдашней техники и представлял собой сложный промышленный комплекс [История Урала ..., 1989, с. 264—265]. Впоследствии, в 1734—1739 годах В. Н. Татищев вновь возглавлял Уральское горное правление в Екатеринбурге.

3.2. Проекты В. Н. Татищева и его исследования Урала

Предлагая построить новый Исетский завод взамен Уктусского, В. Н. Татищев собирался превратить новое предприятие в крупный торговый пункт путем перевода сюда Ирбитской ярмарки. Как писал В. Н. Татищев, Ирбит — это маленький населенный пункт. Здесь мало людей, недостаточно постоянных дворов для купцов и складов для их товаров [Записки императорского русского..., 1863, с. 112]. Если же разрешения на перенос торговли не будет, то следует организовать здесь свою ярмарку и собирать ее дважды в год. В. Н. Татищев также предлагал организовать лоточный торг для беспошлинной торговли съестными припасами и другими товарами вплоть до окончания строительства завода [Юхт, 1985, с. 58—59].

На основании текста данных донесений В. Н. Татищева можно сделать вывод о том, каким предстал Урал перед русским офицером. Во-первых, подчеркивается транзитная роль данного региона. В документах отмечено, что товары идут в Сибирь через Казань и Урал «изо всей России». Такие реки, как Исеть, Чусовая, Кама, играют основную роль в перевозке различных грузов из Тобольска в европейскую часть России. Во-вторых, В. Н. Татищев имеет свою особую точку зрения на население Урала, называя здешних жителей *сибиряками*, а не *россиянами*. Последними он именует только людей, проживающих западнее Уральских гор. Под термином *сибиряки* В. Н. Татищев понимает именно русских людей, а не местное коренное население. Подобный вывод можно сделать опять же из текста донесений о необходимости перенесения ярмарочной торговли. «На сие ... я слышал от многих купцов сибирских и российских, что с великою охотою желают об оном», — пишет начальник казенных заводов. Далее он добавляет: «также башкирцы и прочие народы, которые зде в близости ... с охотою будут приезжать» [Записки императорского русского ..., 1863, с. 113].

Кроме того, определенную часть населения составляли и иностранцы: пленные шведы. О них В. Н. Татищев не раз будет писать в своих обращениях в Берг-коллегию, прося разрешить использовать этих людей и их знания для строительства новых заводов. В данном же случае капитан указывает на неустроенность личной жизни военнопленных. Многие из них женились на

русских девушек, но из-за религиозных противоречий жен у них отобрали. В. Н. Татищев призывал решить эту проблему [Там же, с. 114].

Следует отметить, что В. Н. Татищев оценивал Урал как самодостаточный регион с экономической точки зрения. Такой вывод напрашивается, если исходить из проектов, направляемых русским офицером своему правительству.

В 1722 году В. Н. Татищев отправил два доклада в Сибирское горное начальство. В первом поднимался вопрос о строительстве на Урале новых металлургических предприятий. Их следовало обеспечить рабочей силой, привлечь частный капитал для дальнейшего развития, устроить регулярную почту. Во втором докладе В. Н. Татищев предлагал строить еще и металлообрабатывающие заводы и организовывать на них производство стали, проволоки, ножей, башенных часов с боем. Капитан также предлагал основать мануфактуры для производства стеклянной посуды и бумаги. Именно на Урале и в Сибири эти предприятия будут на своем месте и принесут «прибыток» стране.

Обосновывая выбор именно этих регионов для развития новых промышленных предприятий, В. Н. Татищев отмечал наличие больших запасов качественных железных руд, свободных рабочих рук. Выгоднее было бы, утверждал капитан, вывозить уже готовые изделия, а не полуфабрикаты. Такие товары, как сталь, тонкая проволока, ножи, привозятся из-за границы, а тем самым наносится ущерб государству, — писал В. Н. Татищев.

Точно так же приходилось завозить в Сибирь стеклянную посуду, бумагу из Малороссии и Архангельска, а все это можно производить на месте. При этом расход бумаги все увеличивался, ее требовалось все больше.

Новые мануфактуры В. Н. Татищев предлагал ставить на судоходных реках, в заселенных местах. Вероятно, — предполагает исследователь А. И. Юхт, — новые предприятия собирались строить около будущего Исетского (Екатеринбургского) завода. В качестве возможного внешнего рынка сбыта продукции русский офицер называл Иран (Персию). В этом нет ничего странного, поскольку русские товары проигрывали по качеству западноевропейским. Регион Закавказья и Иран, в свою очередь, стали источником сырья для легкой промышленности России. Вместе с тем сюда поставлялись изделия отечественной промышленности, промыслов и ремесел [Юхт, 1985, с. 103—104].

Исходя из теории меркантилизма, В. Н. Татищев указывал на невыгодность ввоза готовой продукции из-за границы, настаивал на необходимости развивать обрабатывающие отрасли промышленности. Это позволило бы насытить внутренний рынок необходимыми ему товарами, что, без сомнения, принесло бы пользу государству. Урал же, в частности, имел большое значение для «экономического процветания страны в целом» [Там же, с. 104].

В 1734 году В. Н. Татищев вновь приехал на Урал. Он сменил на посту В. И. де Геннина и оставался в Екатеринбурге вплоть до 1737 года. В это время на заводе начинается строительство каменных зданий, например, новой горной канцелярии, школы, церкви, аптеки, нового гостиного двора [Шакинко, 1987, с. 72]. В. Н. Татищев занимался не только развитием промышленности. Он также стремился создать и развить систему образования на Урале. Так, например, еще во время своей первой поездки он создал три первые горнозаводские школы. Две из них располагались на Уктусском заводе, а одна в Кунгуре. В. Н. Татищев писал о тех сложностях, с которыми ему пришлось столкнуться при наборе учеников. Мастера, по словам офицера, «по своей глупости» не желали отдавать детей в школы. В такой ситуации В. Н. Татищев просто применил силу, приказав наказать их кнутом и плетью. Однако через определенный промежуток времени родители сами стали отдавать своих детей в такие школы [Уктус, Уктусский завод ..., 2011, с. 34].

Одной из особенностей горнозаводских школ Урала был тот факт, что в них обучались не только дети рабочих и служащих многочисленных контор, но также выходцы из семей священно- и церковнослужителей [Сафронова, 2016, с. 10]. В. Н. Татищеву приходилось даже прибегать в своих письмах, адресованных священникам, к угрозам, требуя, чтобы те присылали на учебу своих детей [Татищев, 1990, с. 66—67]. С 1721 года в школах начали вводить казенное жалованье, когда одному ученику выдавали продовольствие (полтора пуда ржаной муки) или деньги на покупку еды и одежды. В 1735 году по инициативе В. Н. Татищева был расширен круг лиц, получающих такое жалованье [Сафронова, 2016, с. 10, 13—14].

В. Н. Татищев придавал огромное значение развитию промышленности, внутренней и внешней торговли, а также сухопутным и водным путям сообщения, в том числе и на Урале. В качестве одного из примеров можно привести тот факт, что еще во время своей первой поездки на Урал он добивался переноса дороги и устройства более короткого пути из Европейской России в Сибирь. Дело в том, что еще в XVII столетии и вплоть до начала 60-х годов XVIII века правительство вынуждало купцов ездить в Сибирь и обратно через Верхотурье, где с товаров и денег бралась десятипроцентная пошлина. Однако почти для всех купцов европейской части России такая дорога (Бабиновская) была крайне неудобна. Так, например, весной и осенью по ней почти невозможно было проехать [Юхт, 1985, с. 60]. По этой причине русские люди начали прокладывать другие дороги, проходившие южнее Верхотурья. О таких нарушениях не раз писали воеводы в Москву еще в XVII столетии [Преображенский, 1972, с. 123].

В 1726 году В. Н. Татищев вновь вернулся к своей идее об изменении путей сообщения, идущих через Каменный пояс. В своем обращении к им-

ператрице Екатерине I он изображал Урал и Сибирь как территории, обладающие огромными богатствами, которые очень тяжело добывать, в частности, из-за плохого состояния дорог. В. Н. Татищев предложил устроить две новых дороги. Первая должна проходить через такие города, как, например, Москва, Вятка, Кунгур, Екатеринбург, Тобольск. Вторую следовало провести через Москву, Казань, Уфу, города Сибири и далее в Даурию [Юхт, 1985, с. 152].

3.3. Научные труды В. Н. Татищева

По мнению научного сообщества, В. Н. Татищев стал первооткрывателем геостратегического значения Урала [История литературы Урала ..., 2012, с. 348]. Он отмечал в труде «Руссия или, как ныне зовут, Россия», что на его Родине очень мало известных гор. Отсюда особую роль играет Пояс, или Урал. В Великой России, — отмечает исследователь, — есть Валдайские горы, а в Белой — Лихвинские. Однако они не особо высоки, и протяженность их невелика. «Древние», — пишет В. Н. Татищев, — при описании земли упоминают горы Рифеи, но не было известно, где они расположены [Татищев, 1950, с. 129]. В одном из разделов своего труда автор подводит читателей к мысли, что именно Уральские горы являются границей между Европой и Азией. В. Н. Татищев обозначал Российскую империю как европейское государство, имеющее свои владения в Азии [Там же, с. 114].

Более конкретно о роли Уральских гор как географической границы главный начальник заводов пишет в одном из разделов другого своего труда «Общее географическое описание всея Сибири». Во второй главе, озаглавленной «О границах», В. Н. Татищев подробно разбирает, какие естественные рубежи отделяют «страну Сибирь» от европейской части России и остального мира. «От Тобола к западу», — говорится в исследовании, — горы протянулись «до вершин рек Яика и Белой, именуются Уральские и отделяют от Сибири народ татарский». Далее отмечается, что «горы оные поворотили прямо к северу, даже до моря Ледовитого». Ученый уточняет, что Урал — это татарское название, а по-русски горная гряда именуется *Пояс Каменный* и оба эти названия обозначают одно и то же. В. Н. Татищев вновь повторяет, что Урал разделяет Азию от Европы, а также Сибирь от России и Сибирскую (Казанскую) губернию от Поморской [Там же, с. 49].

В историко-географическом исследовании В. Н. Татищев, основываясь на глубоком знании уральской действительности, объединил более ранние описания Урала, примирив несколько существующих традиций: античные сведения о Рифее были признаны слухами об Урале и Сибири, граница Европы по Дону была продлена на север по Уральскому хребту, версии же рек-границ (Кама, Нейва, Обь) были при этом отброшены [История литературы Урала ..., 2012, с. 349]. В. Н. Татищев указал на ошибочные пред-

ставления как Геродота, называвшего границей между Европой и Азией Черное, Азовское моря и реку Дон, так и своих иностранных современников Делиля и Гауберта, считавших подобной разделительной линией реку Обь [Татищев, 1950, с. 50].

Следует отметить, что в рассматриваемый период истории России Средний Урал не выделялся в отдельную административно-территориальную единицу. В своем труде «Руссия или, как ныне зовут, Россия» В. Н. Татищев отмечает деление огромной «Сибирской или Гиперборейской генерал-губернии» на несколько провинций. Среди них он выделяет «Вогулицкую или Угорскую» и «Горную или Заводскую провинции», где преимущественно и проходила его деятельность. Так, например, к «Вогулицкой» он относит такие населенные пункты, как Верхотурье, Ирбит, Екатеринбург (так в тексте), крепости Горный Щит, Сысертский завод и др. В состав «Горной или Заводской», входили, например, Каменский завод, Алапаевский, Невьянский и Полевской заводы и ряд крепостей [Татищев, 1950, с. 130—131].

Не оставлены без внимания и полезные ископаемые Урала, а также наличие судоходных рек в регионе. Автор в одном из разделов, озаглавленном «О подземных сокровищах», отмечает, что «сибирское железо» лучшее в России, а месторождения меди, в том числе в Горной провинции, настолько велики, что из этого металла чеканят деньги, а ввозить его в страну не требуется. Железо же отправляется на экспорт в Англию и Голландию, где продается дешевле, чем шведское [Там же, с. 134]. Лучшие же железоделательные заводы находятся в Горной провинции. Здесь производят сталь, проволоку, жечь, кровельное железо, а также различную военную и гражданскую продукцию. В разделе о «фабриках металлических» В. Н. Татищев коротко описывает растительный и животный мир Сибирской губернии. Главный вывод, который делает автор: в этих краях изобилие даров природы, которые порой превосходят европейские [Там же, с. 135].

В книге «Общее географическое описание вся Сибири» В. Н. Татищев более подробно рассматривает водные ресурсы Урала. Среди наиболее значимых рек названы Тавда, Тагил, Нейва, Реж, Пышма. Исследователь объединяет судоходные реки по принадлежности их к бассейну той или иной крупной водной артерии. Те же Тавда, Тагил, Нейва, реж, Пышма «из Рифейских гор текут в Туру». Теча и Миас впадают в Исеть, Уй и Абуга — в Тобол, Омь, Ишим, Конда — в Иртыш и т. д. [Там же, с. 60]. Фактически В. Н. Татищев на страницах своего труда представил очень подробный перечень водных ресурсов не только Урала, но и Сибири.

Описывая Уральские горы (в тексте исследования названы *Рифейскими*), ученый отмечает наиболее известные вершины. Среди них — «Пав-

линов камень» («от Верхотурья на запад с 75 верст»), получивший свое имя благодаря преломлению солнечных лучей, в результате путникам «показываются разные цветы, подобные павлинову хвосту» [Татищев, 1950, с. 61]. С «Павлинова камня» была видна гора Благодать. В. Н. Татищев точно указывает расстояние между двумя вершинами, отмечает, что вторая гора знаменита не только своей высотой, но также залежами магнитного железняка. Данное месторождение открыто в 1735 году, и, по словам исследователя, гора получила свое имя в честь императрицы Анны Иоанновны, так как Анна с еврейского переводится как «благодать». В книге также упоминается и гора Волчиха около реки Чусовой. Она представляет собой острый и высокий холм, где также имеется месторождение железа, но не такое богатое, как на Благодати [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, можно сказать, что Урал с его бескрайними просторами, богатыми природными ресурсами, а также возможностями для развития страны привлек к себе в XVIII столетии самое пристальное внимание. В. Н. Татищев был одним из тех первопроходцев, кто занялся освоением Среднего Урала, понял, какую огромную пользу может сослужить данный регион стране. Не являясь ученым, начальник уральских заводов смог составить точное описание края, где ему пришлось работать. Как совершенно правильно отмечает Л. Хьюз, этот человек входит в группу «первых» русских, прославивших себя в области гуманитарных наук. Имя начальника уральских заводов прочно ассоциируется с такой наукой, как история [Hughes, p. 331]. Исследования В. Н. Татищева стали одним из первых шагов к более глубокому изучению Урала, которое продолжилось во второй половине XVIII века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Под редакцией В. Л. Янина. — Москва : Издательство МГУ, 1988. — 430 с.
2. *Записки* императорского русского географического общества / Под редакцией К. Н. Бестужева-Рюмина. — Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова, 1863. — 311 с.
3. *Новицкий Г. И.* Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / Г. И. Новицкий ; Под редакцией Л. Майкова. — Санкт-Петербург : Типография Балашова, 1884. — 116 с.

4. *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений в 3 т. / А. Н. Радищев ; Под редакцией Н. К. Пиксанова, В. А. Десницкого, Д. С. Бабкина, Б. Б. Кафенгауза. — Москва—Ленинград : Издательство Академии наук, 1952. — Т. 3. — 676 с.

5. *Татищев В. Н.* Записки. Письма. 1717—1750 гг. / В. Н. Татищев. — Москва : Наука, 1990. — 440 с. — ISBN 5-02-009427-7.

6. *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России / Под редакцией А. И. Андреева. — Москва : Государственное издательство географической литературы, 1950. — 248 с.

Литература

1. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики : Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг / К. Бестужев-Рюмин. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1882. — 358 с.

2. *История литературы Урала* : конец XIV—XVIII в. / под редакцией В. В. Блажеса, Е. К. Созина. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — 608 с. — ISBN 978-5-9551-0602-1.

3. *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* / под редакцией А. Л. Преображенского. — Москва : Наука, 1989. — 608 с.

4. *История Урала с древнейших времен и до конца XIX века* / под редакцией Б. В. Личмана. — Екатеринбург : СВ-96, 1998. — 448 с. — ISBN 5-89516-034-4.

5. *Кузьмин А. Г.* Татищев / А. Г. Кузьмин. — Москва : Молодая гвардия, 1981. — 351 с.

6. *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время : Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины XVIII столетия / Н. А. Попов. — Москва : К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861. — 804 с.

7. *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет* : Антология. — Москва : Новое издательство, 2005. — 695 с. — ISBN 5-98379-032-3.

8. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в. : к 330-летию со дня рождения / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. — 319 с. — ISBN 978-5-7996-1982-4.

9. *Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII—XVIII вв.* / Под редакцией В. И. Байдина, В. Ю. Грачев, Ю. В. Коновалов, А. Г. Мосин. — Екатеринбург : Грачёв и партнёры, 2011. — 68 с. — ISBN 978-5-91256-057-6.

10. *Шакинко И. М.* В. Н. Татищев / И. М. Шакинко. — Москва : Мысль, 1987. — 125 с.

11. *Шамбаров Н.* Григорий Ильич Новицкий [Электронный ресурс] / Н. Шамбаров // Посреди Россиилюди, традиции, взгляды, идеалы и символы. — Режим доступа : <https://posredi.ru/grigorij-ilich-novickij.html> (дата обращения 15.07.2023).

12. *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. / А. И. Юхт. — Москва : Наука, 1985. — 367 с.

13. *Hughes L.* Russia in the age of Peter the Great / L. Hughes. — New Haven, London : Yale University Press, 1998. — 602 p.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023,
одобрена после рецензирования 11.08.2023,
подготовлена к публикации 27.08.2023.

Material resources

- Herberstein S. Notes on Muscovy / Edited by V. L. Yanin. — Moscow : Publishing House of Moscow State University, 1988. — 430 p. (In Russ.).
- Notes of the Imperial Russian Geographical Society / Edited by K. N. Bestuzhev-Ryumin. — St. Petersburg : V. Bezobrazov Printing House, 1863. — 311 p. (In Russ.).
- Novitsky G. I. A brief description of the Ostyatsky people, composed by Grigory Novitsky in 1715 / G. I. Novitsky; Edited by L. Maikov. — St. Petersburg : Balashov Printing House, 1884. — 116 p. (In Russ.).
- Radishchev A. N. Complete works in 3 volumes / A. N. Radishchev; Edited by N. K. Pixanov, V. A. Desnitsky, D. S. Babkin, B. B. Kafengauz. — Moscow—Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences, 1952. — Vol. 3. — 676 p. (In Russ.).
- Tatishchev V. N. Notes. Letters. 1717-1750 / V. N. Tatishchev. — Moscow : Nauka, 1990. — 440 p. — ISBN 5-02-009427-7. (In Russ.).
- Tatishchev V. N. Selected works on the geography of Russia / Edited by A. I. Andreev. — Moscow : State Publishing House of Geographical Literature, 1950. — 248 p. (In Russ.).

References

- Bestuzhev-Ryumin, K. N. (1882). *Biographies and characteristics: Tatishchev, Shletzer, Karamzin, Pogodin, Soloviev, Yeshevsky, Gilferding*. St. Petersburg: V. S. Balashev Type. 358 p. (In Russ.).
- History of the Urals from ancient times to 1861*. (1989). Moscow: Nauka. 608 p. (In Russ.).
- Hughes, L. (1998). *Russia in the age of Peter the Great*. New Haven, London: Yale University Press. 602 p.
- Kuzmin, A. G. (1981). *Tatishchev*. Moscow: Molodaya gvardiya. 351 p. (In Russ.).
- Popov, N. A. (1861). *V. N. Tatishchev and his time: An episode from the history of state, public and private life in Russia in the first half of the XVIII century*. Moscow: K. Soldatenkov and N. Shchepkin. 804 p. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2016). *V. N. Tatishchev as an outstanding figure of enlightenment in Russia in the first half of the XVIII century: to the 330th anniversary of his birth*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 319 p. ISBN 978-5-7996-1982-4. (In Russ.).
- Shakinko, I. M. (1987). *V. N. Tatishchev*. Moscow: Mysl. 125 p. (In Russ.).
- Shambarov, N. Grigory Ilyich Novitsky. *In the midst of the Russian People, traditions, views, ideals and symbols*. Available at: <https://posredi.ru/grigorij-ilich-novickij.html> (accessed 15.07.2023). (In Russ.).
- The history of literature of the Urals. The end of the XIV—XVIII century*. (2012). Moscow: Languages of Slavic Culture. 608 p. ISBN 978-5-9551-0602-1. (In Russ.).
- The history of the Urals from ancient times to the end of the XIX century*. (1998). Yekaterinburg: Publishing House “SV-96”. 448 p. ISBN 5-89516-034-4. (In Russ.).
- The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: An Anthology*. (2005). Moscow: New Publishing House. 695 p. ISBN 5-98379-032-3. (In Russ.).
- Uktus, Uktus plant and its surroundings in the XVII—XVIII centuries*. (2011). Yekaterinburg: Grachev and Partners. 68 p. ISBN 978-5-91256-057-6. (In Russ.).
- Yukht, A. I. (1985). *V. N. Tatishchev's state activity in the 20s — early 30s of the XVIII century*. Moscow: Nauka. 367 p. (In Russ.).

*The article was submitted 27.06.2023;
approved after reviewing 11.08.2023;
accepted for publication 27.08.2023.*

Информация для цитирования:

Корженевский К. Б. Омская губерния : история формирования границ в 1919—1925 годах / К. Б. Корженевский // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 399—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-399-416.

Korzhenevsky, K. B. (2023). Omsk Province: History of Border Formation in 1919-1925. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 399-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-399-416. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-399-416

Омская губерния: история формирования границ в 1919—1925 годах

**Корженевский Константин
Брониславович**^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8650-9315

кандидат исторических наук, доцент,

¹кафедра истории России
и документоведения;

²лаборант-исследователь
лаборатория междисциплинарных
исследований пространства
KOnstantin_Lg@mail.ru

¹Нижевартовский
государственный университет
(Нижевартовск, Россия)

²Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена
при финансовой поддержке
гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся
пространстве Урала и Сибири»

Omsk Province: History of Border Formation in 1919-1925

Konstantin B. Korzhenevsky^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8650-9315

PhD in History, Senior Lecturer,

¹Department of Russian History
and Documentation Research,
Laboratory Assistant,

²Laboratory for Interdisciplinary
Space Studies
KOnstantin_Lg@mail.ru

¹Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

²Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The work was financially
supported by the grant of the Government
of the Russian Federation,
project № 075-15-2021-611
“Man in the changing space
of the Urals and Siberia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается вопрос установления границ Омской губернии с сопредельными территориями. Проанализированы основные направления разграничительных процессов с сибирскими губерниями и Киргизской (Казахской) автономной республикой: выделение части уездов Тюменской губернии под контроль Омска; переход части Алтайской и Томской губерний в состав Омской губернии; передача Киргизской (Казахской) АССР ряда уездов, входивших в состав Акмолинской области; оспаривание Омском территориальной принадлежности Ишимского и Павлодарского уездов. Показана вся сложность и неоднозначность размежевания территорий, возникшая в результате стихийных изменений административно-территориальной системы в России в период революционных событий 1917 года, Гражданской войны и первых преобразований большевиков. Выявлено, что главной проблемой являлся вопрос формирования южной границы Омской губернии с Киргизской (Казахской) АССР, впоследствии ставшей государственной границей России и Казахстана. Отмечается, что власти Омской губернии методично отстаивали территориальные интересы как своей губернии, там и всей Сибири, являясь одними из ключевых игроков в регионе. Делается вывод, что благодаря сложившимся территориальным сдвигам на юге Западной Сибири был заложен фундамент формирования устойчивых границ между Сибирью и Киргизской (Казахской) АССР.

Ключевые слова:

Омская губерния; граница; Сибирь; Сибревком; Киргизская АССР; Акмолинская область; Омский уезд; Ишимский уезд; Славгородский уезд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the issue of establishing the borders of the Omsk province with neighboring territories. The main directions of the delimitation processes with Siberian provinces and the Kirghiz (Kazakh) Autonomous Soviet Socialist Republic are analyzed: the allocation of certain districts of the Tyumen province under the control of Omsk; the transfer of parts of the Altai and Tomsk provinces to the Omsk province; the transfer of several districts that were part of the Akmolinsk region to the Kirghiz (Kazakh) ASSR; and the dispute over the territorial affiliation of the Ishim and Pavlodar districts by Omsk. The complexity and ambiguity of territorial demarcation resulting from spontaneous changes in Russia's administrative-territorial system during the revolutionary events of 1917, the Civil War, and the initial transformations of the Bolsheviks are demonstrated. It is revealed that the main issue was the formation of the southern border of the Omsk province with the Kirghiz (Kazakh) ASSR, which later became the state border between Russia and Kazakhstan. It is noted that the authorities of the Omsk province systematically defended territorial interests not only of their own province but also of Siberia as a whole, being key players in the region. The conclusion is drawn that thanks to the territorial shifts in southern Western Siberia, a foundation was laid for the formation of stable borders between Siberia and the Kirghiz (Kazakh) ASSR.

Key words:

Omsk Province; border; Siberia; Sibrevkom; Siberian Revolutionary Committee; Kirgiz ASSR; Akmolinsk Region; Omsk District; Ishim District; Slavgorod District.

Омская губерния: история формирования границ в 1919—1925 годах

© Корженевский К. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Революционный 1917 год стал отчетной точкой в полном переформатировании административно-территориальной системы государства. Изменение границ субъектов было начато еще при Временном правительстве и интенсивно продолжилось после прихода советской власти. С одной стороны, местные власти получили возможность самостоятельно решить ряд накопившихся территориальных вопросов, как внутренних, касающихся конкретных областей и губерний, так и внешних, затрагивающих интересы целого ряда субъектов. В то же время революционные события и начавшаяся Гражданская война привели к тому, что повсеместно на местах отсутствовала прочная и сильная власть, были потеряны тесные связи центра и окраин, утрачен непосредственный контроль над деятельностью местных властей, что в свою очередь привело к бесконтрольному перекраиванию границ.

Сибирские территории, безусловно, не остались в стороне от происходивших по всей стране преобразований. Административно-территориальные изменения в Сибири в целом не отличались от общероссийского реформирования и заключались в ликвидации целых областей, создании новых губерний и уездов, передаче из одного субъекта в другой территорий, переработке волостной системы и др.

Из происходивших наиболее серьезных изменений в период революционных событий, гражданского противостояния и становления советской власти в Сибири можно выделить следующее:

— разделение в 1917 году Томской губернии на две самостоятельные административные единицы с выделением Алтайской губернии [Справочник ..., 1987, с. 8];

— создание Омской губернии в 1919 году, территориально выделенной из Акмолинской области с присоединением ряда уездов из соседних субъектов РСФСР [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 88, л. 68];

— образование Новониколаевской губернии в 1921 году, в состав которой вошли части Томской, Алтайской и Омской губерний [ИсА, ф. р-32, оп. 1, д. 346, л. 3];

— создание Ойротской автономной области в 1922 году, выделенной из Алтайской губернии [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 795, л. 1];

— упразднение Тюменской (Тобольской) губернии, с вхождением её территории в состав образованной в 1923 году Уральской области [Административно-территориальное деление Тюменской ..., 2003, с. 58];

— создание в 1922 году Бурят-Монгольской автономной области, преобразованной в 1923 году в Бурят-Монгольскую АССР, путем объединения с Монголо-Бурятской автономной областью ДВР [см: Палхаева, 2018];

— образование в 1922 году Якутской АССР в результате повышения статуса Якутской губернии до республиканского [Антонов, 2020, с. 29—30].

Омская губерния, созданная в 1919 году, прошла достаточно интересный путь к своему созданию и формированию устойчивых границ. Однако не менее интересными являются факты становления губернского центра — города Омска — в качестве политического и социально-экономического центра региона.

Город Омск начинал свой путь в качестве опорной крепости, основанной в 1716 году, по закреплению русского государства в лесостепном и степном Прииртышье и дальнейшему продвижению в степные владения казахов и джунгаров [Государственный архив ..., 1984, с. 14]. В 1782 году с образованием Омского уезда Омск получил статус уездного города [Административно-территориальное деление Омской ..., 2008, с. 4]. В 1822 году образовано Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а в его составе — Омская область. Таким образом, Омск стал областной столицей [Административно-территориальное деление Тюменской ..., 2003, с. 6]. С развитием торгово-экономических связей в Сибири позиции и значимость города Омска как политического и административного центра возрастали, в результате чего в 1838 году город стал столицей Западно-Сибирского генерал-губернаторства (правда, в том же году была упразднена Омская область) [Государственный архив ..., 1984, с. 17]. Затем, не лишаясь статуса резиденции генерал-губернатора, с 1854 по 1868 годы Омск являлся центром области Сибирских киргизов, а в 1868 году стал столицей Акмолинской области [Там же, с. 18]. И последним серьезным изменением, затронувшим город Омск в период существования Российской империи, являлась реорганизация генерал-губернаторской системы, в результате которой в 1882 году Западно-Сибирское генерал-губернаторство было ликвидировано и образовано Степное генерал-губернаторство с резиденцией в Омске [Административно-территориальное деление Омской ..., 2008, с. 5].

Таким образом, за достаточно короткий срок своего существования Омск из рядового опорного пункта на границах России стал одним из наиболее значимых городов Западной Сибири. В свою очередь, после рево-

люционного 1917 года Омск также не остался в стороне от событий, происходивших в результате серьезных перемен, как в политической жизни страны, так и в административно-территориальной системе.

На сегодняшний день существует достаточно большое число работ, посвященных различным вопросам административно-территориального реформирования советского государства в первые десятилетия его существования. В трудах Е. С. Шавлоховой [Шавлохова, 2012], Т. В. Карпенковой [Карпенкова, 2013], Д. А. Аманжоловой [Аманжолова, 2021], Л. В. Пантелеймоновой [Пантелеймонова, 2021] отражены процессы становления административно-территориальной и национально-государственной системы РСФСР. К исследованиям, посвященным проблематике районирования отдельных территорий, относятся работы Е. Г. Карелина [Карелин, 2010], М. С. Кырчикова [Кырчиков, 2017], М. С. Каменских [Каменских, 2019], С. А. Файзуллина [Файзуллин, 2022]. В работах Н. А. Андреева [Андреев, 2005], В. Н. Казарина [Казарин, 2005], П. В. Сорокуна [Сорокун, 2016], Д. Н. Гергилева [Гергилев, 2018], С. А. Шпагина [Шпагин, 2020], Н. А. Парченко [Парченко, 2020] уделено внимание различным вопросам административно-территориального реформирования в Сибири.

Настоящее исследование направлено на раскрытие особенностей формирования и развития административно-территориальной системы Омской губернии. Оно позволит всесторонне показать всю сложность и неоднозначность процессов становления и трансформации границ губернии в условиях революционных событий, Гражданской войны и экономического районирования советского государства. При этом важнейшей проблемой в рамках определения границы Омской губернии является вопрос формирования разграничительной линии с Киргизской (Казахской) АССР, так как граница, которая в основе своей была сформирована в первой половине 1920-х годов, в 1991 году стала государственной между суверенными Россией и Казахстаном.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой научных изысканий выступает модернизационный подход, который дает возможность исследовать процессы эволюции административно-территориальной системы российского государства в условиях революционных преобразований, Гражданской войны и первых лет советской власти.

Источниковую базу исследования составляют документы, хранящиеся в фондах трех отечественных архивов: Государственном архиве Российской Федерации (фонд Р. 5677 «Административная комиссия при президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета», фонд Р. 6984

«Комиссия Всероссийского центрального исполнительного комитета по районированию РСФСР»), Государственном архиве Новосибирской области (фонд Р-1 «Сибирский революционный комитет», фонд Р-1180 ««Плановая комиссия Сибирского революционного комитета» и фонд Р-1228 «Исполнительный комитет Новосибирского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов») и Историческом архиве Омской области (фонд Р-26 ««Омский губернский революционный комитет», Р-27 «Исполком Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» и фонд Р-32 «Отдел управления исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», фонд Р-284 «Исполнительный комитет Омского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»).

Архивные материалы, находящиеся на хранении в представленных фондах, представляют собой документы по административно-территориальным преобразованиям в Сибири в конце 1910-х — первой половине 1920-х годов, созданию Омской губернии и Киргизской (Казахской) АССР, разграничительным процессам омской территории с сопредельными территориями.

В работе также используются справочники, в которых дается информация по территориальным подвижкам в Сибири, Омской губернии, Тюменской области и Алтайскому краю.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание губернии

После Февральской революции была упразднена должность Степного генерал-губернатора, что, в свою очередь, означало потерю Омском статуса центра генерал-губернаторства. Однако Акмолинская область на тот период продолжила свое существование в неизменном виде. Последовавшая за революционным 1917 годом Гражданская война не только серьезно изменила жизнь жителей региона, но и полностью перекроила административно-территориальную систему, существовавшую на тот период. Без сомнений, трудная обстановка, сложившаяся в процессе постоянной смены власти, возможность бесконтрольно проводить какие-либо территориальные изменения, решения и постановления, которые принимались, но не проводились в жизнь, зачастую оставаясь только на бумаге, или, же изменения, проводимые одной властью и отменяемые другой, — всё это приводило к определенному хаосу. И только после окончательного установления советской власти в Сибири появилась возможность навести порядок и разобраться в той неразберихе, которая возникла за годы отсутствия прочной власти на местах.

В ноябре 1919 года, после окончательного установления Советской власти в Западной Сибири, из Челябинска в Омск были переброшены административные учреждения Сибревкома. Сибирский революционный комитет с резиденцией в Челябинске был создан 27 августа 1919 года в качестве чрезвычайного революционного органа, обладавшего всей полнотой власти в Сибири [Сибирский революционный комитет ..., 1959, с. 5]. Создавался он большевиками как раз для наведения порядка и последующего управления в Сибири и просуществовал вплоть до конца 1925 года. К моменту переезда Сибревкома из Челябинска в Омск советская власть уже официально утвердила создание Омской губернии. Однако до официального появления в РСФСР Омской губернии были произведены некоторые территориальные подвижки.

Так, в декабре 1917 года в составе Акмолинской области был образован Татарский уезд из присоединенных волостей Тобольской и Томской губерний [Административное районирование ..., 1923, с. 16]. В январе 1918 года по постановлению III съезда советов крестьянских депутатов, проходившего в Омске, Акмолинская область была переименована в Омскую область, а 26 января тот же съезд советов постановил присоединить к области Тарский и Тюкалинский уезды [ИсА, ф. р-284, оп. 1, д. 1, л. 9]. Однако переименование области фактически не состоялось из-за повсеместной ликвидации советской власти в Сибири.

В августе 1919 года в процессе победоносного шествия советской власти на восток ВЦИК своим постановлением о создании Сибирского революционного комитета принял решение передать в Омскую губернию Ишимский, Тарский и Тюкалинский уезды из состава Тюменской (Тобольской) губернии [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 88, л. 68]. При этом в постановлении ВЦИК говорилось именно об Омской губернии, а не об Акмолинской или Омской области. Это в свою очередь поставило территории, находящиеся под контролем Омска, в очень интересное положение. Официально не было издано документа, согласно которому происходила бы ликвидация Акмолинской области и создание Омской губернии. При этом не было и простого переименования Акмолинской области в Омскую губернию.

В конце 1919 года из Тюкалинского уезда был выделен Калачинский. А уже в начале января 1920 года официально, по постановлению Сибревкома, Акмолинская область была окончательно расформирована и образована Омская губерния [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 147, л. 91]. В нее вошло семь уездов: Омский, Ишимский, Калачинский, Тарский, Татарский, Тюкалинский, Петропавловский и Кокчетавский. Также временно, вплоть до установления соглашения с создаваемой Киргизской (Казахской) АССР, под контролем Омска оставались Акмолинский и Атбасарский уезды [Там

же]. Примечательно, что такой состав Омской губернии был запланирован и сформирован именно сибирской властью, однако Петропавловский, Кокчетавский, а также Омский уезды на тот период оспаривались киргизами (казахами). Несмотря на то, что Сибревком был намерен передать в создаваемую автономию только два уезда, степняки настаивали на передаче всех пяти уездов или хотя бы четырех целиком и Омского частично.

Таким образом, в связи с путаницей в наименовании региона, а также в силу спорности ряда территорий на официальном уровне наравне использовались именованная *Омская губерния* и *Акмолинская область*. И только после окончательного принятия соглашения по разделению территории бывшей Акмолинской области между сибиряками и киргизами (казахами) термин *Акмолинский* стал применяться только к киргизской (казахской) стороне.

3.2. Формирование южных границ с Киргизской АССР

Становление южных границ Омской губернии было связано с процессами создания Киргизской (Казахской) автономии. С одной стороны, тесное взаимодействие юга Западной Сибири и степей обусловило развитие данных территорий и вовлечение их в политические и социально-экономические процессы российского государства, а с другой стороны, это привело к сложным процессам размежевания территорий между Омской губернией и Киргизской (Казахской) АССР. Кроме того, нахождение города Омска продолжительный период в статусе регионального центра для ряда сибирских и киргизских (казахских) территорий привело к тому, что и сибиряки, и степняки считали Омск очень важным городом, имеющим огромное значение для развития именно их территорий.

Киргизская (Казахская) АССР была создана в августе 1920 года и территориально охватывала земли, освоенные киргизским (казахским) населением. По июнь 1925 года автономия именовалась *Киргизской*, затем, вплоть до февраля 1936 года, именовалась *Казакской*, а в феврале 1936 года автономия была переименована в *Казахскую* и получила союзный статус. Население же автономии изначально именовалось *киргизами* или *киргиз-кайсаками*, затем *казаками*, а после *казахами*. Для исторической правомерности в дальнейшей работе будет использоваться терминология начального периода существования АССР.

Согласно декрету об образовании автономии, в её состав должны были войти уезды бывшей Акмолинской области, находившиеся на тот период в составе Омской губернии [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 88, л. 69]. И если в отношении отхода Акмолинского и Атбасарского уездов, населенных киргиз-кайсаками, у сибирских властей никаких вопросов не было, то относительно Петропавловского, Кокчетавского и особенно Омского уездов сибиряки настаивали на

оставлении данных территорий в полном составе в Омской губернии. Население трех последних уездов состояло как из степняков, так и из русскоговорящего населения, а сам регион являлся сельскохозяйственным, вследствие чего с экономической точки зрения они были очень важны для Сибири, на что и указывал Сибревком [Корженевский, 2017, с. 19]. Власти Киргизской АССР также указывали на важность сохранения данных территорий, но уже в составе Киргизской автономии, мотивируя своё мнение наличием природных богатств, густонаселенностью территорий, на которых проживают киргизкайсаки, знакомые с земледелием, наличием городов и сравнительно развитой инфраструктуры и т. д. [ГАРФ, ф. р.5677, оп. 1, д. 133, л. 8—8 об.].

В итоге под давлением центральной власти сибирякам пришлось отказаться от претензий на Кокчетавский и Петропавловский уезды, передав их в полном составе в Киргизскую АССР весной 1921 года [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 582, л. 9].

В то же время вопрос о разделении Омского уезда вызвал ожесточенные споры. Киргизская сторона с самого начала обсуждения того, каким видится будущее Омского уезда, настаивала на передаче в Киргизскую автономию всей территории вместе с Омском, мотивируя данное решение крепким историческим единством всей территории, отсутствием в южной части уезда благоприятных условий для земледелия, большим значением северной части уезда вместе с Омском для экономического и политического развития всей северо-восточной части АССР [ГАРФ, ф. р.5677, оп. 2, д. 271, л. 16; ГАНО ф. р-1, оп. 1, д. 377, л. 65—65 об.]. Сибиряки же изначально придерживались позиции разделить уезд на две части с передачей Киргизской АССР южных волостей, населенных по преимуществу степняками [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 377, л. 13]. Однако после того как сибирская сторона наткнулась на принципиальность оппонентов, позиция была изменена: сибиряки стали настаивать на оставлении всего уезда в составе Омской губернии [ИсА, ф. р-27, оп. 1, д. 5, л. 49].

В конечном итоге после вмешательства Москвы Омский уезд был разделен на две почти равные части. В июне 1921 года ВЦИК издал постановление, согласно которому в автономную республику должна была отойти южная часть уезда [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 451, л. 27]. При этом та часть территории уезда, по которой никаких вопросов у омских властей не возникло, была перечислена киргизской стороне осенью 1921 года [ИсА, ф. р-32, оп. 1, д. 40, л. 12—12 об.], а вот в отношении Черлака, расположенного на Иртыше, и Исилюкя, расположенного на западной границе уезда, оставались определенные разногласия. Омские власти не желали перечислять данные территории в Киргизскую АССР, надеясь отстоять их [Там же, л. 13]. В конечном итоге в вопросе перехода Черлакской волости киргизская сторо-

на смогла убедить Москву передать эту спорную территорию под управление Петропавловска (передача Черлака состоялась в мае 1922 года) [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 755, л. 30]. А вот в отношении Исилькуля итогом стало оставление его в составе Сибири [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 3, д. 171, л. 13]. Таким образом, Омский уезд был разделен почти на две равные половины с оставлением только северной части с Исилькулем в составе Омской губернии.

По итогу формирования границ на данном направлении омским властям не удалось отстоять сельскохозяйственные уезды. В Омской губернии из первоначальной территории Акмолинской области, существовавшей до 1917 года, осталась только северная часть Омского уезда, остальная же часть перешла под контроль властей Киргизской АССР.

Отдельным и достаточно интересным эпизодом формирования границ Омской губернии с Киргизской автономией являлось определение статуса Павлодарского уезда Семипалатинской губернии Киргизской АССР, а именно — Иртышского экономического района. Данный район был также населен русскоязычными переселенцами и обладал сельскохозяйственным ресурсом. Сибирские власти, используя фактор экономического тяготения к Омску, значимость сельскохозяйственных угодий уезда, а также ходатайства с мест, настаивали на включении если не всего Павлодарского уезда, то хотя бы его части в состав Омской губернии [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 1, д. 282, л. 7 об.]. В августе 1920 года вышло постановление Сибревкома, согласно которому Иртышский экономический район был передан под управление Омска [ИСА, ф. р-26, оп. 1, д. 89, л. 30]. Заметим, что данное решение не было согласовано с центральными властями и не имело в полной мере юридической силы. При этом передача части Павлодарского уезда в состав Омской губернии была проведена лишь в продовольственном смысле, а в административном отношении данная территория так и оставалась под контролем Семипалатинска.

Конечно же, власти Киргизской АССР просто так не могли отдать достаточно обширные земли в состав Сибири, пусть даже и в продовольственном отношении, вследствие чего был начат достаточно серьезный спор о статусе павлодарских волостей. В процессе обсуждения киргизкайсаки настаивали на полном оставлении всей территории Павлодарского уезда в составе Семипалатинской губернии, сибиряки же желали включить в состав Омской губернии хотя бы какую-то часть этой территории. И если изначально Сибревком и омские власти наметили переход в Сибирь всего Павлодарского уезда, а затем интересы были сужены до Иртышского экономического района, то в итоге сибиряки пытались удержать только район соляных озер, аргументируя данное решение тем фактом, что озера являются единственной соляной базой всей Сибири [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 377,

л. 12 об.]. В свою очередь, киргизская сторона утверждала, что соляные озера важны не только для Сибири, но и в целом для всего советского государства [ИсА, ф. р-27, оп. 1, д. 5, л. 50].

В итоге вся территория Павлодарского уезда была оставлена в составе Киргизской автономии. В противном же случае при благоприятном для сибиряков стечении обстоятельств границы Омской губернии в юго-восточной её части были бы отодвинуты на юг и Омск получил бы в своё распоряжение достаточно обширные плодородные земли, которые еще увеличили бы сельскохозяйственную значимость губернии в общесибирском масштабе.

3.3. Разграничение с сибирскими губерниями

На западном направлении граница Омской губернии с Тюменской губернией устанавливалась путем определения статуса Ишимского уезда. В августе 1919 года вместе с созданием Сибирского ревкома решением ВЦИК Ишимский уезд был отторгнут от Тюмени и передан под управление Омска, в силу чего Омская губерния приросла на западном направлении на достаточно обширный и богатый сельскохозяйственный уезд [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 88, л. 68]. Однако весной 1920 года на основе ходатайств тюменских властей, поддержанных Советом 1-й Армии Труда, и по настоянию Л. Д. Троцкого Ишимский уезд был изъят из Омской губернии и передан обратно в состав Тюменской губернии [ГАРФ, ф. р.5677, оп. 1, д. 133, л. 7]. Тогда же сама Тюменская губерния была исключена из ведения Сибревкома и в полном составе перешла под управление 1-й Армии Труда [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 140, л. 56].

Несмотря на то, что Ишимский уезд находился в составе Омской губернии непродолжительный срок, омские власти были категорически не согласны с решением об изъятии уезда из своего ведения, считая нахождение спорного уезда в составе Омской губернии более верным по экономическим основаниям. После того, как Ишим вернулся под контроль Тюмени, сибиряки в первой половине 1920-х годов не раз поднимали как на местном, так и на общегосударственном уровне вопрос о необходимости отнесения ишимской территории к Сибири, однако данный вопрос был уже связан с проблематикой дальнейшего реформирования Сибири по проекту Госплана.

На восточном направлении граница формировалась с Алтайской, Новоиколаевской и Томской губерниями.

С начала 1920 года сибирские власти активно обсуждали вопрос о целесообразности отнесения Славгородского уезда Алтайской губернии к Омской губернии. Летом 1920 года в процессе работы комиссии по установлению границ административного деления Сибири было признано, что в экономическом отношении волости Славгородского уезда тяготеют к Омску, вследствие чего было принято решение признать целесообразным перечис-

ление уезда в Омскую губернию [ГАО, ф. р-1, оп. 1, д. 181, л. 10]. Вследствие принятого решения означенный уезд был отнесен в продовольственном отношении к Омску, а в финансовом и административном — остался в ведении Барнаула [ГАО, ф. р-1180, оп. 1, д. 25, л. 64]. И уже по постановлению Сибревкома в августе 1920 года Славгородский уезд в полном отношении был включен в Омскую губернию [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 89, л. 30]. А в январе 1921 года ВЦИК своим указом утвердил данные административно-территориальные изменения [ГАО, ф. р-1, оп. 1, д. 379, л. 3], вследствие чего Омская губерния на восточном направлении приросла на Славгородский уезд, южная граница которого проходила по Киргизской АССР.

В 1921 году из Томской губернии в Татарский уезд Омской губернии были переданы девять волостей [ГАРФ, ф. р.6984, оп. 1, д. 33, л. 2]. А в вопросе формирования границы с Новониколаевской губернией единственным значимым фактом можно отметить то, что в июне 1921 года, при создании данной губернии, из Славгородского уезда Омской губернии были переданы 3 приграничные волости [Административно-территориальное деление Сибири ..., 1966, с. 57]. Других изменений в начале 1920-х годов на данном направлении не было.

В отношении северного направления серьезных изменений не вводилось, граница, существовавшая к моменту образования Омской губернии, оставалась в статичном варианте.

В 1923 году, к моменту начала проведения подготовительных работ административно-территориальной реформы на местах, границы Омской губернии обрели свои итоговые очертания. Однако всё же оставались спорные участки границы, где при определенном стечении обстоятельств могли бы произойти подвижки. Здесь необходимо отметить территорию бывшего Ишимского уезда, с ноября 1923 года ставшего округом в составе Уральской области, а также Петропавловского уезда Акмолинской губернии Киргизской автономии.

При этом, говоря о потенциальных изменениях пограничной линии Омской губернии, необходимо обязательно увязывать их с процессами экономического районирования Сибири по проекту Госплана, так как, согласно планам высшего руководства с началом проведения реформы, в Сибири, как и по всей стране, должно было быть ликвидировано существующее административно-территориальное деление с переходом на области, округа и районы. В Западной Сибири одной из запроектированных областей должна была стать Обская сельскохозяйственная область, охватывающая территории Омской, большей части Тюменской, части Акмолинской, части Челябинской и части Новониколаевской губерний [ГАО, ф. р-1228, оп. 1, д. 70, л. 222]. Центром Обской области был намечен город Омск, вследствие чего

все подготовительные работы, проводимые по вопросам создания области и определения ее границ, были поручены омским властям.

Конечно же, в случае успешной реализации реформы в Западной Сибири Омская губерния была бы ликвидирована, однако проект Госплана для Сибири так и остался проектом, а все проводимые в 1923—1924 годах подготовительные работы были по итогу свернуты, вследствие чего никаких серьезных изменений границы Омской губернии с 1923 по 1925 годы проведено не было.

4. Заключение = Conclusions

С образованием Уральской области в ноябре 1923 года, в состав которой вошла территория бывшей Тюменской губернии, серьезно встал вопрос о целесообразности создания экономических областей по проекту Госплана как в Западной Сибири, так и целом за Уралом. Вследствие этого были постепенно свернуты все работы, проводимые как в Омске, так и в остальных городах Сибири, намеченных центрами областей, а власти Сибревкома стали задумываться о возможности создания единой сибирской области в рамках территории, подконтрольной Сибревкому. С одобрения центральных властей сибирские власти в течение конца 1924 — первой половины 1925 годов прорабатывали вопросы, связанные с организацией Сибирского края, в том числе и связанные с разграничительными процессами с сопредельными субъектами.

В мае 1925 года официально постановлением ВЦИК были ликвидированы сибирские губернии и вместо них был создан Сибирский край со столицей в Новониколаевске [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 1385, л. 4]. Омская губерния, образованная в 1919 году, просуществовала непродолжительное время, однако за период с августа 1919 по май 1925 годов омские власти методично отстаивали административно-территориальные интересы как своей губернии, так и всей Сибири.

В частности, в вопросах формирования устойчивых границ с Киргизской (Казахской) автономной республикой решался наиважнейший вопрос отнесения спорных территорий в состав новообразованной автономии или же оставления их в Сибири. От правильности разграничения зависели не только экономическая, культурно-социальная и политическая составляющие развития Омской губернии и Киргизской (Казахской) АССР, но также и минимизация потенциальных территориальных споров в дальнейшем. Кроме того, южная граница Омской губернии, в целом сформированная в первой половине 1920-х годов, впоследствии в 1991 году стала государственной границей между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Границы, сформированные в начале 1920-х годов, заложили

основу формирования устойчивых рубежей, но не стали окончательными, что привело в дальнейшем к определенным корректировкам разграничительной линии. Одним из таких эпизодов стал возврат Черлакского района в Сибирь во второй половине 1920-х годов. Он стал заключительным этапом тяжбы, начавшейся вследствие отхода ряда русских волостей в составе южной части Омского уезда в Киргизскую (Казахскую) автономию, см.: [Корженевский, 2020].

Разграничение Омской губернии с сибирскими территориями, в свою очередь, было тесно связано с масштабными административно-территориальными подвижками в Сибири, в результате которых омские власти получили под свой контроль часть территории Тюменской, Томской и Алтайской губерний.

Таким образом, формирование устойчивых административно-территориальных границ Омской губернии происходило в конце 1910-х — начале 1920-х годов и представляло собой серьезнейшую работу по определению устойчивых рубежей Сибири и Киргизской (Казахской) АССР, ставших впоследствии участком государственной границы, а также по включению под контроль Омска ряда уездов и волостей соседних губерний.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Административно-территориальное деление Омской области в 1917—2007 годах* : Справочник ГУ ГАОО. — Омск : Омскбланкиздат, 2008. — 247 с. — ISBN 978-5-8042-0107-5.

2. *Административно-территориальное деление Сибири* (август 1920 г. — июль 1930 г.), *Западной Сибири* (июль 1930 г. — сентябрь 1937 г.), *Новосибирской области* (с 1937 г.) : Справочник / Составители : И. Ф. Астраханцева, А. А. Дулоладов, М. И. Тимошенко ; Архивный отдел Новосибирского облисполкома. Государственный архив Новосибирской области. — Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. — 220 с.

3. *Административно-территориальное деление Тюменской области* (XVII — XX вв.) / под редакцией В. П. Петровой. — Тюмень : ООО ТНЦ «ТюменНИИГипраз». ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. — 304 с. — ISBN 5-87591-025-9.

4. *Административное районирование РСФСР*. Сборник постановлений, касающихся административно-территориального деления России за период 1917—1922 г. по данным административной комиссии ВЦИК к 10 ноября 1922 г. — Москва : Издательство ВЦИК, 1923. — 82 с.

5. ГАОО — *Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»*. Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет). Оп. 1. Д. 140, 181, 377, 379, 451, 582, 755, 795, 1385 ; Ф. Р-1180 (Плановая комиссия Сибирского революционного комитета). Оп. 1. Д. 25 ; Ф. Р-1228 (Исполнительный

комитет Новосибирского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 70.

6. ГАРФ — *Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации»*. Ф. Р. 5677 (Административная комиссия при президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета). Оп. 1. Д. 133, 282 ; Оп. 2. Д. 271 ; Оп. 3. Д. 171 ; Ф. Р. 6984 (Комиссия Всероссийского центрального исполнительного комитета по районированию РСФСР). Оп. 1. Д. 33.

7. *Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре : путеводитель. Часть первая* // [редколлегия : А. Д. Колесников, Е. И. Тимофеева и др. ; составители : Н. Г. Линчевская, Л. И. Огородникова и др.] ; Архивный отдел Омского облисполкома. Государственный архив омской области. — Омск : РИО Упрполиграфиздата, 1984. — 170 с.

8. ИСА — *Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»*. Ф. Р-26 (Омский губернский революционный комитет). Оп. 1. Д. 88, 89, 147 ; Ф. Р-27 (Исполком Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 33 ; Ф. Р-32 (Отдел управления исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 40, 236 ; Ф. Р-284 (Исполнительный комитет Омского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов). Оп. 1. Д. 1.

9. *Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925 : Сборник документов и материалов / Предисловие кандидата исторических наук доц. Н. С. Рукина ; Государственный архив Новосибирской области Архивный отдел УВД при Новосибирском облисполкоме. — Новосибирск : Книжное издательство, 1959. — 658 с.*

10. *Справочник административно-территориальных изменений на Алтае, 1917—1980 / Исполнительный комитет Алтайского краевого Совета народных депутатов, Архивный отдел, Государственный архив Алтайского края. — Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1987. — 358 с.*

Литература

1. *Аманжолова Д. А.* Советское нацистроительство : организационные практики и проблемы федерализма 1920-е гг. / Д. А. Аманжолова // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия : Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2021. — № 1 (134). — С. 22—35. — DOI: 10.32523/2616-7255-2021-134-1-22-35.

2. *Андреев Н. А.* Районирование Томской губернии (1917—1925 гг.) / Н. А. Андреев // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) / Министерство образования и науки Российской Федерации, Томский государственный университет. — Томск : Издательство Томского университета, 2005. — С. 57—61. — ISBN 5-7511-1923-1.

3. *Антонов Е. П.* Образование Якутской АССР и первые шаги в государственном строительстве / Е. П. Антонов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2020. — № 1 (30). — С. 24—34.

4. *Гергилев Д. Н.* Особенности административно-территориальной политики в первые годы советской власти / Д. Н. Гергилев // Право и образование. — 2018. — № 5. — С. 131—136.

5. *Казарин В. Н.* Теоретические и практические аспекты административных и территориальных преобразований в Восточной Сибири в 20—30-е гг. XX века / В. Н. Казарин // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2005. — № 3—4. — С. 95—103.

6. *Каменских М. С.* Историография национальной политики и национально-государственного строительства 1920—1940 гг. : региональный аспект (опыт Пермского края) / М. С. Каменских // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2019. — № 1. — С. 72—78. — DOI: 10.7242/2658-705X/2019.1.7.

7. *Карелин Е. Г.* «Западная область Госплана» : из истории экономического районирования страны в 1920-е гг. / М. С. Карелин // Российская история. — 2010. — № 2. — С. 15—18.

8. *Карпенкова Т. В.* Национально-государственное строительство в России в первые годы Советской власти (1917—1918 гг.) / Т. В. Карпенкова // Вестник Екатеринбургского института. — 2013. — № 1 (21). — С. 80—86.

9. *Корженевский К. Б.* Формирование разграничительной линии между Казахстаном и Сибирью в 1920-х — начале 1930-х годов (на примере Черлакского района) / К. Б. Корженевский // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 369—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-369-383.

10. *Корженевский К. Б.* Формирование северной границы Казахской автономии в 1920—1921 гг. : переход Акмолинской и Семипалатинской областей в ведение Казахстана / К. Б. Корженевский // Материалы и исследования по истории России / Нижневартковский государственный университет. — Нижневартковск : Чореф Михаил Михайлович, 2017. — Выпуск 1. — С. 18—21.

11. *Кырчиков М. С.* Уральская область (1917—1919 гг.) : роль областных объединений Советов в реформировании регионального управления России / М. С. Кырчиков // Урал в судьбе Романовых : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной подготовке к 100-летию со дня расстрела царской семьи, Екатеринбург, 25 октября 2017 года. — Екатеринбург : Общество с ограниченной ответственностью «Союзрегионторг», 2017. — С. 130—136.

12. *Палхаева Е. Н.* Особенности создания Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики / Е. Н. Палхаева // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2018. — № 2. — С. 11—23. — DOI: 10.18101/2305-753X-2018-2-11-23.

13. *Пантелеймонова Л. В.* Административно-территориальное деление в РСФСР (1920—1930-е годы) / Л. В. Пантелеймонова // Исторический поиск. — 2021. — Т. 2. — № 4. — С. 55—67. — DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-4-55-67.

14. *Парченко Н. А.* Противостояние Сибревкома и комиссии Госплана по вопросу образования Сибирского края / Н. А. Парченко // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, Кемерово, 18 октября 2019 года / отв. ред. Е. С. Трезубов. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2020. — С. 220—227. — DOI: 10.31085/9785392337606-2020-824.

15. *Сорокун П. В.* Новое сибирское районирование и создание территориальных округов в 20-х гг. XX в. / П. В. Сорокун // Актуальные вопросы исторической науки : сборник научных трудов. — Казань : Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2016. — С. 18—26.

16. *Файзуллин С. А.* Изменения в районной сети Татарской АССР в первой половине 1930-х годов / С. А. Файзуллин // Вестник гуманитарного образования. — 2022. — № 3 (27). — С. 51—59. — DOI: 10.25730/VSU.2070.22.024.

17. *Шавлохова Е. С.* Национальный вопрос в политике большевиков : полемика вокруг проблемы самоопределения наций / Е. С. Шавлохова // Вестник ИМСИТ. — 2012. — № 3—4 (51—52). — С. 58—63.

18. Шпагин С. А. Документы Государственного архива Томской области как источники по истории районирования Сибири / С. А. Шпагин // Сибирский архив. — 2020. — № 1 (3). — С. 214—221.

Статья поступила в редакцию 07.07.2023,
одобрена после рецензирования 10.08.2023,
подготовлена к публикации 16.08.2023.

Material resources

- Administrative zoning of the RSFSR. Collection of resolutions concerning the administrative-territorial division of Russia for the period 1917—1922 according to the Administrative Commission of the Central Executive Committee by November 10, 1922.* (1923). Moscow: Publishing House of the Central Executive Committee. 82 p. (In Russ.).
- Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 — July 1930), Western Siberia (July 1930 — September 1937), Novosibirsk region (since 1937): Directory.* (1966). Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. 220 p. (In Russ.).
- Administrative-territorial division of the Omsk region in 1917—2007: GU GAOO Handbook.* (2008). Omsk: Omskblankizdat. 247 p. ISBN 978-5-8042-0107-5. (In Russ.).
- Administrative-territorial division of the Tyumen region (XVII—XX centuries).* (2003). Tyumen: LLC TNC “TyumenNIIIGiprgaz”. FSU IPP “Tyumen”. 304 p. ISBN 5-87591-025-9. (In Russ.).
- Directory of administrative and territorial changes in the Altai, 1917—1980.* (1987). Barnaul: Altai Book Publishing House. 358 p. (In Russ.).
- GANO — *State state institution of the Novosibirsk region “State Archive of the Novosibirsk region”. F. R-1 (Siberian Revolutionary Committee).* (In Russ.).
- GARF — *Federal state Institution “State Archive of the Russian Federation”. F. R. 5677 (Administrative Commission under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee).* (In Russ.).
- IsA — *Budgetary institution of the Omsk region “Historical Archive of the Omsk region”. F. R-26 (Omsk Provincial Revolutionary Committee).* (In Russ.).
- Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 — December 1925: Collection of documents and materials.* (1959). Novosibirsk: Book Publishing House. 658 p. (In Russ.).
- The State Archive of the Omsk region and its branch in the city of Tara: a guide. Part one.* (1984). Omsk: RIO Uppoligrafizdata. 170 p. (In Russ.).

References

- Amanzholova, D. A. (2021). Soviet nation-building: organizational practices and problems of federalism in the 1920s. *Bulletin of the L. N. Gumilev Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies*, 1 (134): 22—35. DOI: 10.32523/2616-7255-2021-134-1-22-35. (In Russ.).
- Andreev, N. A. (2005). Zoning of Tomsk province (1917—1925). In: *The fate of the regional center in Russia (to the 400th anniversary of Tomsk)*. Tomsk: Tomsk University Press. 57—61. ISBN 5-7511-1923-1. (In Russ.).
- Antonov, E. P. (2020). The formation of the Yakut ASSR and the first steps in state construction. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 1 (30): 24—34. (In Russ.).
- Fayzullin, S. A. (2022). Changes in the district network of the Tatar ASSR in the first half of the 1930s. *Bulletin of Humanitarian Education*, 3 (27): 51—59. DOI: 10.25730/VSU.2070.22.024. (In Russ.).

- Gergilev, D. N. (2018). Features of administrative-territorial policy in the first years of Soviet power. *Law and education*, 5: 131—136. (In Russ.).
- Kamenskikh, M. S. (2019). Historiography of national politics and national-state construction 1920—1940: regional aspect (experience of Perm Krai). *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, 1: 72—78. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.1.7. (In Russ.).
- Karelin, E. G. (2010). “The Western region of Gosplan”: from the history of economic zoning of the country in the 1920s. *Russian History*, 2: 15—18. (In Russ.).
- Karpenkova, T. V. (2013). National-state construction in Russia in the first years of Soviet power (1917—1918). *Bulletin of the Catherine Institute*, 1 (21): 80—86. (In Russ.).
- Kazarin, V. N. (2005). Theoretical and practical aspects of administrative and territorial transformations in Eastern Siberia in the 20—30s of the twentieth century. *Izvestiya Irkutsk State Academy of Economics*, 3—4: 95—103. (In Russ.).
- Korzhenevsky, K. B. (2020). Formation of Border Line between Kazakhstan and Siberia in 1920s — Early 1930s (The Case of Cherlaksy District). *Nauchnyi dialog*, 2: 369—383. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-369-383> (In Russ.).
- Korzhenevsky, K. B. (2017). Formation of the northern border of the Kazakh autonomy in 1920—1921: the transition of Akmola and Semipalatinsk regions to the jurisdiction of Kazakhstan. In: *Materials and research on the history of Russia*, 1. Nizhnevartovsk: Choref Mikhail Mikhailovich. 18—21. (In Russ.).
- Kyrchikov, M. S. (2017). Ural region (1917—1919): the role of regional associations of Soviets in reforming the regional administration of Russia. In: *Ural in the fate of the Romanovs: Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the preparation for the 100th anniversary of the execution of the royal family, Yekaterinburg, October 25, 2017*. Yekaterinburg: Soyuzregiontorg Limited Liability Company. 130—136. (In Russ.).
- Palkhaeva, E. N. (2018). Features of the creation of the Buryat-Mongolian Soviet Socialist Republic. *Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia*, 2: 11—23. DOI: 10.18101/2305-753X-2018-2-11-23. (In Russ.).
- Panteleimonova, L. V. (2021). Administrative-territorial division in the RSFSR (1920—1930s). *Historical search*, 2 (4): 55—67. DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-4-55-67. (In Russ.).
- Parchenko, N. A. (2020). Confrontation of the Sibrevkom and the Gosplan Commission on the issue of education of the Siberian Region. In: *Trends in the development of legal science at the present stage: materials of the IV All-Russian Scientific Conference with International Participation, Kemerovo, October 18, 2019*. Moscow: Prospect Limited Liability Company. 220—227. DOI: 10.31085/9785392337606-2020-824. (In Russ.).
- Shavlokhova, E. S. (2012). The national question in the policy of the Bolsheviks: polemics around the problem of self-determination of nations. *IMSIT Bulletin*, 3—4 (51—52): 58—63. (In Russ.).
- Shpagin, S. A. (2020). Documents of the State Archive of the Tomsk region as sources on the history of the zoning of Siberia. *Siberian Archive*, 1 (3): 214—221. (In Russ.).
- Sorokun, P. V. (2016). New Siberian zoning and the creation of territorial districts in the 20s of the XX century. In: *Topical issues of historical science: a collection of scientific papers*. Kazan: Limited Liability Company “Buk”. 18—26. (In Russ.).

*The article was submitted 07.07.2023;
approved after reviewing 10.08.2023;
accepted for publication 16.08.2023.*

Информация для цитирования:

Кропотова Т. А. Деятельность учреждений Российского Общества Красного Креста Тобольской губернии в годы Русско-японской войны (по материалам газеты «Сибирский листок») / Т. А. Кропотова, М. Д. Кирьянова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 417—431. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-417-431.

Kropotova, T. A., Kiryanova, M. D. (2023). Activities of Institutions of Russian Red Cross Society in Tobolsk Province during Russo-Japanese War: Materials of Newspaper ‘Sibirskiy Listok’. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 417-431. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-417-431. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-417-431

Деятельность учреждений Российского Общества Красного Креста Тобольской губернии в годы Русско-японской войны (по материалам газеты «Сибирский листок»)

Кропотова Татьяна Александровна *

orcid.org/0000-0003-1814-2800

кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания

*** корреспондирующий автор**

takibardina@mail.ru

Кирьянова Мария Дмитриевна

orcid.org/0009-0002-3447-1487

mary18-98@mail.ru

Тобольский педагогический институт
им. Д. И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного
университета)
(Тобольск, Россия)

Activities of Institutions of Russian Red Cross Society in Tobolsk Province during Russo-Japanese War: Materials of Newspaper ‘Sibirskiy Listok’

Tatiana A. Kropotova *

orcid.org/0000-0003-1814-2800

PhD in History, Associate Professor,
Department of History, Law,
Socio-Economic Disciplines,
and Teaching Methods

*** Corresponding author**

takibardina@mail.ru

Maria D. Kiryanova

orcid.org/0009-0002-3447-1487

mary18-98@mail.ru

Tobolsk Pedagogical Institute
named after D. I. Mendeleev (branch)
of University of Tyumen
(Tobolsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена деятельность учреждений Российского Общества Красного Креста Тобольской губернии в годы Русско-японской войны. Источником исследования является региональное периодическое издание — газета «Сибирский листок». Рассмотрены такие публикации, как обращения, воззвания, извещения, отчёты, телеграммы и прочие за период 1904—1905 годов (всего 202 номера газеты). Выявлено, что начало Русско-Японской войны способствовало учреждению Тобольского управления Красного Креста и развитию Тобольской общины сестер милосердия. Массив изученных материалов позволил заключить, что за годы войны произошло полноценное становление местного отделения Красного Креста. В качестве управленческих и организационных структур выступали Дамские комитеты. Основную деятельность — оказание медицинской помощи — выполняла община сестер милосердия. Ключевыми направлениями деятельности Тобольского отделения Российского Общества Красного Креста в годы Русско-Японской войны стали учреждение и содержание общины сестер милосердия, создание этапного лазарета, обеспечение раненых всем необходимым. Для этого проводился сбор пожертвований от населения. Анализ публикаций в «Сибирском листке» показал высокую степень активности населения губернии в деятельности учреждений Тобольского отделения Российского Общества Красного Креста.

Ключевые слова:

Российское общество Красного Креста; Тобольская община сестёр милосердия; Тобольский дамский комитет Красного Креста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of the institutions of the Russian Red Cross Society in Tobolsk Province during the Russo-Japanese War are presented. The source of the study is a regional periodical publication — the newspaper ‘Sibirskiy Listok’. Publications such as appeals, appeals, notifications, reports, telegrams, and others for the period 1904-1905 (a total of 202 newspaper issues) are examined. It is revealed that the beginning of the Russo-Japanese War contributed to the establishment of the Tobolsk Red Cross Administration and the development of the Tobolsk community of mercy sisters. The extensive materials studied allow us to conclude that the local branch of the Red Cross fully developed during the years of the war. The Ladies’ Committees served as management and organizational structures. The main activity, providing medical assistance, was carried out by the community of mercy sisters. The key directions of the activities of the Tobolsk branch of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War were the establishment and maintenance of the community of mercy sisters, the creation of a stage hospital, and the provision of all necessary support to the wounded. For this purpose, donations were collected from the population. Analysis of publications in ‘Sibirskiy Listok’ showed a high degree of activity of the province’s population in the activities of the Tobolsk branch of the Russian Red Cross Society.

Key words:

Russian Red Cross Society; Tobolsk Community of Mercy Sisters; Tobolsk Ladies’ Committee of the Red Cross.

Деятельность учреждений Российского Общества Красного Креста Тобольской губернии в годы Русско-японской войны (по материалам газеты «Сибирский листок»)

© Кропотова Т. А., Кирьянова М. Д., 2023

1. Введение = Introduction

С началом Русско-японской войны в Российской империи была активизирована деятельность Российского Общества Красного Креста (далее — РОКК). Это было связано с необходимостью организации профессиональной медицинской помощи военным. В начале 1904 года РОКК состояло из 8 окружных управлений, 86 местных управлений, 311 местных комитетов и 94 общин сестёр милосердия. Большинство из этих учреждений располагалось в европейской части России, и только некоторые из них были размещены в Сибири [Рудой, 2012, с. 59]. В частности, в Тобольской губернии до начала войны функционировала Тобольская община сестёр милосердия (далее — Община), а с началом войны были созданы Тобольское Местное Управление Красного Креста (далее — Местное Управление) и Тобольский дамский комитет Красного Креста (далее — Дамский Комитет).

Самые первые работы, посвящённые деятельности РОКК в отечественной историографии, появились уже в первые десятилетия существования общества. Первый полный исторический обзор деятельности организации был опубликован в 1902 году в издательстве П. О. Яблонского [Российское общество ..., 1902]. В обзоре представлены история создания, основные итоги деятельности и специфика функционирования отдельных общин сестёр милосердия, преимущественно в центральной части России. К наиболее значимым работам дореволюционного периода, освещающим деятельность РОКК, относятся небольшие работы обзорного характера: Н. И. Алмазовой [Алмазова, 1892], И. В. Бертенсона [Бертенсон, 1892] и В. Д. Орлова [Орлов, 1904]. В советский период деятельность РОКК представлена в публикациях И. В. Егорышевой, однако предметом исследования в её работах является медицинский аспект функционирования Красного Креста [Егорышева, 1981]. В российской исторической науке интерес к истории Красного Креста возник в 1990-е годы, что связано с возрождением целого ряда реалий, упразднённых на советском этапе отечественной истории. В общероссийском масштабе историю РОКК рассматривают А. В. Постернак [По-

стернак, 2001], Н. А. Рудой [Рудой, 2012], В. А. Соколова [Соколова, 2013], их работы отражают периоды войн XX века: Русско-Японской и Первой Мировой. Немало исследований посвящено региональным отделениям РОКК. Историю создания и функционирования учреждений РОКК в различных губерниях авторы рассматривают в контексте событий первой четверти XX века. Близкими по тематике и разрабатываемым вопросам стали исследования А. М. Олешковой [Олешкова, 2012], В. В. Семячковой [Семячкова, 2009], О. М. Долидович [Долидович, 2013], О. В. Огороковой [Огорокова, 2011], О. В. Гусевой [Гусева, 2021]. Тобольское отделение РОКК только упоминается в числе действующих общественных организаций: это статья А. П. Дементьева и В. А. Дробченко [Дементьев и др., 2021] и публикация А. Р. Угрюмовой [Угрюмова, 2018], в которой РОКК рассматривается в связи с деятельностью этапного лазарета в годы Русско-Японской войны.

Важно отметить, что тему Русско-японской войны и непосредственно деятельности Красного Креста рассматривали в своих исследованиях и зарубежные ученые D. Patterson [Patterson, 1993], G. Davis [Davis, 1993], J. Fayet [Fayet, 2021], F. Piana [Piana, 2016], B. Burleigh [Burleigh, 1905].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании в качестве основного источника данных о деятельности РОКК в Тобольской губернии выступает частное периодическое издание — газета «Сибирский листок» (далее — СЛ) за период с 1 января 1904 года по 31 декабря 1905 года. Газета выходила на протяжении нескольких десятилетий с 1890 по 1919 годы, два раза в неделю по четвергам и воскресеньям. В 1904—1905 годах данное периодическое издание выпускалось в типографии Тобольского Епархиального Братства. Газета была ориентирована на широкую общественность, и основными её читателями было простое население как Тобольской губернии, так и других губерний Российской империи. Главным редактором издания в годы Русско-японской войны была М. Н. Костюрина. На протяжении длительного периода газета подвергалась цензуре, однако в конце 1905 года газета начала выходить без предварительной цензуры [Коновалова, 2006, с. 66].

Актуальность исследования заключается в том, что деятельность организаций Красного Креста Тобольской губернии в годы Русско-японской войны не рассматривалась исследователями в полном объёме. Материалы, публикуемые в газете, позволяют дополнить информацию, извлеченную из документов, преимущественно отчётов, о масштабах деятельности РОКК в Тобольской губернии и оценить участие населения в поддержке Общины.

Объект исследования — «Сибирский листок» за период с 1 января 1904 года по 31 декабря 1905 года.

Предмет исследования — деятельность учреждений РОКК в Тобольской губернии в это время.

Хронологические границы исследования составляют 1904—1905 годы — период Русско-японской войны. Деятельность учреждений Красного Креста осуществлялась по всей стране, в частности в сибирском регионе, который географически тяготел к театру войны. В Тобольской губернии также были созданы новые структуры РОКК, которые внесли существенный вклад в помощь фронту.

Каждый выпуск СЛ состоял из четырёх страниц и освещал важные события мирового масштаба, Российской империи, Тобольской губернии и города Тобольска. Газета имела разные рубрики: новостная (официальные, региональные, местные новости), рекламная (объявления, обращения к населению), литературная (стихи, рассказы, фельетоны) и другие. В целом газета отражала губернский местный колорит, и в этом отношении, собственно, она и представляет интерес для исследователей региональной истории.

Всего изучено было 202 номера газеты за 1904—1905 годы, выявлены 140 публикаций разного рода, которые отражают деятельность учреждений РОКК в Тобольской губернии: 1904 год — 81 публикация, 1905 год — 59. Публикации систематизированы нами в соответствии с их содержанием. Выявлено, что большую часть составляют отчеты учреждений, входящих в структуру РОКК Тобольской губернии, таких как Община сестёр милосердия, Местное управление Красного Креста, Дамский комитет Красного Креста (всего 114). Содержание отчетов раскрывалось в публикуемых актах, протоколах, заметках. Следующие по объёму группы публикаций составляют обращения к населению о помощи, заметки, информирующие о текущих делах, и телеграммы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Открытие местного Управления Российского Общества Красного Креста

В Тобольской губернии в первые дни Русско-японской войны было открыто Местное Управление РОКК, как и в других губернских городах Сибири [Долидович, 2013, с. 83]. Отчеты управления публиковали в газете регулярно. Из отчета, опубликованного в СЛ 25 апреля 1904 года, известно, что Местное Управление включало 35 человек, 21 из них проживали в Тобольске, остальные — представители других населенных пунктов губернии. В числе постоянных членов Местного Управления упоминались губернатор А. П. Лаппа-Старженецкий, вице-губернатор А. Н. Тройницкий, директор гимназии П. И. Панов, управляющий Казенной палаты Н. А. Ордовский-Танаевский, ученый В. Н. Пигнатти, промышленник

А. А. Сыромятников, казначей Лесовой и др. [СЛ, 1904, № 32]. Деятельность Местного Управления охватывала организационные, финансовые, информационные направления деятельности, а также контроль над деятельностью местных учреждений РОКК.

В материалах издания в СЛ прослеживается активная роль Местного Управления в организации сборов на создание Общины, при этом выражалась благодарность жертвователям, сообщалось о распределении собранных средств. Основная организационная работа выполнялась дамскими комитетами. Тобольский дамский комитет возглавляла супруга губернатора — М. Д. Лаппа-Старженецкая, она же выполняла обязанности попечительницы Общины.

Все средства, собранные на нужды Красного Креста, аккумулировались в кассе Местного Управления. Это видно из публикаций актов и отчётов в СЛ о количестве собранных средств: с 22 февраля по 29 апреля 1904 года поступило пожертвований 39 020 руб. 60,5 коп. [СЛ, 1904, № 37]. Приведенные сведения дополняют акты, составленные ревизионной комиссией в 1904 году. По данным комиссии, за период с 1 января по 1 декабря 1904 года в кассу Местного Управления поступило 129 686 руб. 83,5 коп., а израсходовано было 102 585 руб. 18,5 коп. [СЛ, 1904, № 100].

Местное Управление как распорядительный орган осуществляло сбор средств в пользу учреждений Красного Креста, используя такой традиционный инструмент благотворительности, как подписные листы [Севостьянова, 2020]. 3 и 19 февраля 1904 года Местное Управление разослало 285 подписных листов «всем исправникам, городским головам и старостам, крестьянским начальникам и волостным старшинам» [СЛ, 1904, № 66].

3.2. Организация дамских комитетов

5 февраля 1904 года Тобольский губернатор А. П. Лаппа-Старженецкий предложил уездным исправникам организовать Дамские Комитеты для изготовления белья и вещей для больных и раненых. В ходе анализа материалов газеты было выявлено, что в короткий срок были основаны 8 Дамских Комитетов: Тобольский, Тюменский, Ялуторовский, Туринский, Тюкалинский, Тарский, Курганский, Ишимский. Из протокола заседания от 7 февраля 1904 года известно, что в правление Тобольского дамского комитета были избраны: председательница М. Д. Лаппа-Старженецкая, члены А. Д. Панова, А. И. Фролова-Багреева, Е. И. Головина, Е. Б. Лемперт, А. В. Бронникова, секретарь Бологовской [СЛ, 1904, № 12].

Благодаря усилиям дамских комитетов изготовленные вещи поступали из уездов в Тобольск, а затем уже отправлялись на Дальний Восток.

В первые дни Русско-японской войны на титульных страницах № 13, № 14 и № 15 СЛ были напечатаны три воззвания, которые содержали одинаковый

текст с обращением к населению по оказанию посильной помощи в пожертвовании различных вещей: ниток, иголок, холста, пуговиц, тесемок и других мелочей, а также пожертвовании денег в любом количестве. Пожертвования принимались в Городской Управе дежурной дамой Дамского комитета по понедельникам, средам и пятницам с четырёх часов дня [СЛ, 1904, № 13].

За 1904 год в СЛ было размещено 30 отчетов о пожертвованиях, которые поступили в Тобольский дамский комитет в виде денежных средств и вещей, в то время как за 1905 год таких отчетов всего 8.

Из отчетов, представленных в газете за 1904 год, известно, что население Тобольской губернии жертвовало предметы разного рода. В отчётах перечислены одежда [СЛ, 1904, № 14, 17, 18, 23, 30, 47, 52, 55, 65, 76, 87, 89], хозяйственные [СЛ, 1904, № 17, 18, 23, 28, 30, 33, 38, 40, 47, 87] и медицинские принадлежности [СЛ, 1904, № 17, 23, 43], необходимые этапному лазарету. В отчётах фигурируют дорогие вещи из золота и серебра [СЛ, 1904, № 17, 18, 38, 62, 65], продукты питания [СЛ, 1904, № 38, 40, 47], периодические издания и книги [СЛ, 1904, № 38, 47, 62], среди которых упоминаются пожертвованные Тобольским губернским музеем 12 ящиков книг [СЛ, 1904, № 72]. Указаны и материалы для шитья [СЛ, 1904, № 13, 14, 17, 23, 38, 47, 55, 87, 89, 93], используемые для пошива необходимых вещей.

Отчеты о пожертвованиях в Тобольский дамский комитет за 1905 год в СЛ публикуются уже не в отдельных номерах, а ежемесячно, за период с декабря 1904 года по июль 1905 года. Пожертвования также осуществлялись вещами и денежными средствами. Всего за этот период было опубликовано 8 отчетов [СЛ, 1905, № 6, 13, 19, 26, 38, 44, 52, 63]. В целом население губернии жертвовало те же предметы гардероба [СЛ, 1905, № 52], продукты [СЛ, 1905, № 38], книги, различные материалы для шитья и хозяйственные принадлежности.

Пожертвования в Дамский комитет осуществлялись как напрямую, так и через редакцию газеты СЛ, об этом свидетельствуют публикации отчётов, в которых отдельно указаны суммы поступлений непосредственно в кассу Дамского комитета и через газету для Дамского комитета. Так, в 1904 году в газете было представлено 12 отчетов, и общая сумма пожертвований составляет 199 руб. 77 коп., а в 1905 году — 11 отчетов с общей суммой пожертвований 115 руб. 64 коп. Всего по отдельным отчетам о пожертвованиях через редакцию газеты СЛ за годы Русско-японской войны поступило 315 руб. 41 коп. [СЛ, 1904, № 29, 33, 60, 62, 64, 67, 78, 85, 87, 93, 95; 1905, № 2, 8, 9, 17, 24, 40, 41, 48, 59, 60].

После окончания войны в СЛ были размещены три извещения о распродаже вещей, заготовленных Дамским комитетом для нужд больных и раненых [СЛ, 1905, № 81, 82].

3.3. Характер деятельности Тобольской общины сестер милосердия в годы Русско-Японской войны

Большой вклад в деятельность РОКК внесла Тобольская Община Сестёр Милосердия, которая была основана в 1894 году в столице Тобольской губернии. Председательницей Общины в годы Русско-японской войны была М. Д. Лаппа-Старженецкая.

Для реализации основного функционала Общины — оказания медицинской помощи — требовалась подготовка дополнительных специалистов, в связи с этим неоднократно были организованы курсы по обучению сестер милосердия. Известно, что еще до начала войны были желающие стать сестрами милосердия. Можно предположить, что претенденты в члены Общины, подавшие прошения до 1 января 1904 года, стали первым курсом, обученным в начале войны. Претенденты на обучение проходили конкурсный отбор и медицинский осмотр [СЛ, 1904, № 39, 54].

В мае 1904 года состоялся первый выпуск в военное время восьми сестер милосердия, в их аттестации принимали участие священник о. Н. Беллавин, врач, провизор; процедура проходила в присутствии губернатора, вице-губернатора и попечительницы Общины. Звания сестер милосердия РОКК удостоились Бегаева, Качанова, Леонтьева, Прянишникова, Серебренникова, Ташланова, Фадеева и Фоминская. Экзамен прошел в торжественной обстановке, по окончании процедуры губернатор поблагодарил преподавателей, священник по традиции совершил благодарственный молебен [СЛ, 1904, № 41].

В последующем курсы проводились неоднократно, из объявлений в СЛ видно, что на обучение сестер милосердия принимали женщин, и подготовка осуществлялась по анатомии, физиологии, уходу за больными, гигиене, хирургии, массажу, заразным болезням, внутренним болезням, фармации [СЛ, 1905, № 10, 12, 16]. Известно, что в подготовке сестер милосердия принимали участие члены Тобольского Физико-Медицинского общества [СЛ, 1905, № 16].

В начале 1905 года в Общине состояло 34 сестры милосердия, из которых 8 — находились на фронте и 6 — в командировках в сельских лечебницах.

Среди отчетов о средствах, поступающих на военные нужды, есть публикации, указывающие на пожертвования непосредственно Общине [СЛ, 1904, № 64]. Данные сведения подтверждают акты, напечатанные в №№ 89, 97 газеты о сборе пожертвований в храмах и духовных учебных заведениях в пользу Общины в присутствии М. Д. Лаппа-Старженецкой [СЛ, 1904, № 89, 97].

Основная часть деятельности сестер милосердия в годы войны была связана с этапным лазаретом в г. Харбине (город в Китае, где размещались

русские госпитали). Лазарет был снаряжен и содержался на пожертвования, собранные в Тобольской губернии учреждениями РОКК. О функционировании лазарета и его нуждах периодически размещались заметки в СЛ. Известно, что приобретение оборудования для лазарета, медицинских расходных материалов, содержание персонала осуществлялись за счет губернии, в частности, большую часть средств составляли пожертвования населения. В Тобольске не было необходимой специализированной мебели и инструментов, поэтому закупки осуществлялись по распоряжению губернатора в Санкт-Петербурге через доктора медицины Ф. Ф. Ульриха [СЛ, 1904, № 66]. Переносные пункты для размещения раненых в полевых условиях были обустроены в киргизских юртах, которые закупались в Акмолинской области [СЛ, 1904, № 32]. Известен первоначальный штат лазарета: два врача Г. П. Шубский и П. П. Успенский; пять сестёр милосердия М. С. Букаринова, Т. А. Загуменных, Трофимова, Голошубина, Шехирева; шесть санитаров Жукин, Костырев, Конев, Пантелеев, Насоков и Сартаков. Местное Управление Тобольской губернии ежемесячно платило жалованье врачам 700 руб., сёстрам 150 руб. и санитарам 180 руб. [СЛ, 1904, № 66]. Большую часть обмундирования сестер милосердия обеспечила Община, сумма расходов составила 524 руб. 80 коп. [СЛ, 1904, № 32].

В июне 1904 года в г. Харбин был отправлен Тобольский этапный лазарет с временным штатом. В июльском номере газеты было опубликовано сообщение, что этапный лазарет расширяется до 100 кроватей [СЛ, 1904, № 54] с первоначальных 25 в июне, и что есть потребность в сестрах и санитарях. 5 сентября 1904 года второй санитарный отряд отправлен из Тобольска в г. Харбин вместе с пятым запасным Сибирским батальоном. В состав отряда входили сёстры милосердия Введенская, Пряничникова, Ташланова и пять санитаров Шишов, Бабичев, Куклин, Масленников и Кобылкин [СЛ, 1904, № 70].

В письме из Харбина от 29 октября сообщали, что этапный лазарет перешел из палаток в зимнее помещение в Старом Харбине и увеличился до 200 кроватей в первый год войны [СЛ, 1904, № 93]. Тобольский этапный лазарет за годы войны значительно был расширен и имел возможность «снабжать своих выписных новым бельем и одеждой», в то время как военные госпитали совершенно не имели такой возможности [СЛ, 1905, № 79]. Заготовки продуктов для Тобольского этапного лазарета производили в Тобольской сельскохозяйственной школе, об этом известно из отчета, опубликованного в № 17 газеты СЛ [СЛ, 1905, № 17]. Группу отчетов, касающихся этапного лазарета, завершают сообщения о том, что 8 октября 1905 года состоялся молебен по случаю возвращения сестёр милосердия из г. Харбина [СЛ, 1905, № 79].

Через газету осуществлялось взаимодействие Общины и этапного лазарета. Об этом свидетельствуют телеграммы с поздравлениями санитарного отряда в Харбине и официальные благодарности, выраженные правлению и попечительнице Общины М. Д. Лаппа-Старженецкой, за рождественские подарки для этапного лазарета [СЛ, 1905, № 5, 13].

Телеграммы из Харбина, размещённые в газете, информировали о положении дел в этапном лазарете. Например, в газете за 17 марта 1905 года была напечатана телеграмма от временно заведующего этапным лазаретом врача Знаменского, из неё известно, что этапный лазарет развернулся на 350 кроватей и в нём проходил лечение командир 9-го Тобольского полка А. А. Душкевич [СЛ, 1905, № 21]. В июне месяце того же года в СЛ была опубликована телеграмма от заведующего Тобольским лазаретом, врача П. П. Успенского о перемещении лазарета из г. Харбина в Читу в здание ремесленного училища [СЛ, 1905, № 43]. Возвращение санитарных отрядов из Харбина в Тобольск также отмечено публикациями сообщений в СЛ: сестры милосердия и врачи 8 октября 1905 года прибыли в Тобольск, по этому случаю был совершён торжественный молебен при участии членов Местного Управления, Общины и всех сочувствующих делу помощи больным и раненым [СЛ, 1905, № 75, 78].

В Тобольске на попечении Общины находился приют-покой для больных и раненых нижних чинов, организованный Дамским комитетом 1 декабря 1904 года. В приют-покое солдаты, возвращавшиеся домой после военных действий через Тобольск, могли получить помощь в виде ночлега, горячей еды и тёплой одежды [СЛ, 1905, № 4].

Из представленного отчета за январь видно, что из Тобольского уезда на фронт было призвано около 2000 запасных нижних чинов. Около 80 % из них возвращались больными и ранеными, для поправления здоровья или увольнения со службы. Так, за декабрь 1904 года прошло через приют-покой 38 человек, за январь 1905 года — 39, за февраль — 28, за март и апрель — 66, за май — 41, за июнь — 57, за июль — 37. В целом в приют-покое за период его существования получили помощь 306 человек [СЛ, 1905, № 4, 13, 21, 38, 45, 55, 63].

3.4. Участие населения в поддержке Тобольского отделения Российского Общества Красного Креста

Население Тобольской губернии проводило благотворительные мероприятия, об этом в СЛ публиковались объявления и отчеты. За первый год войны в газете размещены сообщения о четырех публичных мероприятиях, за второй год войны — о пяти. В отчетах по благотворительным мероприятиям указывалась информация об инициаторах, организаторах мероприятий, полученных средствах, их распределении и расходах. Из от-

четов за 1904 год известно, что 3 февраля был проведён спектакль в пользу Мариинской школы, часть собранных средств (сбор с продажи афиш и с буфета) была передана в Красный Крест [СЛ, 1904, № 11].

В г. Тюкалинске Тобольской губернии 6 июня того же года устраивали музыкально-танцевальный вечер, чистая прибыль с которого составила 83 руб. 96 коп. и была отправлена в пользу Тобольского этапного лазарета [СЛ, 1904, № 57]. Еще одно благотворительное гулянье в пользу больных и раненых было устроено в Тюкалинске 29 июня, чистая прибыль с которого составила 100 руб. 12 коп. [СЛ, 1904, № 57]. В ноябре в г. Тобольске состоялся концерт хора Тобольского Александровского детского приюта в пользу Дамского комитета [СЛ, 1904, № 89, 92]. В итоге чистой прибыли с этого концерта было получено 415 руб. 22 коп. [СЛ, 1904, № 94].

В январе 1905 года общественным Собранием города был проведён маскарадный вечер, на котором было передано Дамскому комитету 208 руб. 76 коп. [СЛ, 1905, № 6, 7, 9]. 29 января состоялся благотворительный спектакль «Губернская Клеопатра», часть сбора, в соответствии с отчетом, поступила в пользу Красного Креста [СЛ, 1905, № 10]. Затем Тобольское Отделение Императорского Русского Музыкального Общества организовало спектакль, из собранных средств 15 руб. (25 %) было передано в Дамский комитет [СЛ, 1905, № 5, 11]. 26 февраля воспитанники Тобольской гимназии провели благотворительный спектакль в пользу Дамского комитета, чистая прибыль составила 199 руб. 35 коп. [СЛ, 1905, № 17, 19]. Комитет через СЛ выразил благодарность директору Тобольской гимназии П. И. Панову за деньги, собранные на благотворительном спектакле [СЛ, 1905, № 21].

В трёх номерах газеты СЛ публиковались отчеты о благотворительном спектакле «Вчера», который был проведён в пользу приюта-покоя для больных и раненых нижних чинов. Чистая прибыль, полученная от этого спектакля, составляет 746 руб. 94 коп. [СЛ, 1905, № 63, 67].

Всего было собрано на благотворительных мероприятиях около 1769 руб. 35 коп.

Неоднократно за период войны в газете размещались официальные благодарности от лица Августейшей покровительницы РОКК Марии Федоровны за содействие сбору пожертвований для помощи раненым и больным воинам [СЛ, 1904, № 101].

Население города стремилось больше узнать о войне из первых уст — на встречах с очевидцами, участниками военных событий. Так, 9 июня 1905 года в СЛ было опубликовано объявление о том, что 12 июня 1905 года в Тобольск приедет с фронта доктор Н. В. Соболев, и выражалось пожелание, чтобы одно из «обществ» города устроило встречу горожан с доктором [СЛ, 1904, № 44].

4. Заключение = Conclusions

На основании изученного источника — публикаций газеты «Сибирский листок» — можно сделать следующие выводы о деятельности Тобольского отделения РОКК. Во-первых, в начале Русско-Японской войны в Тобольской губернии было открыто Местное Управление РОКК, во главе которого стоял А. П. Лаппа-Старженецкий, губернатор Тобольской губернии. Следом были открыты 8 Дамских комитетов в населённых пунктах губернии, центральный размещался в г. Тобольске. Дамские комитеты обеспечивали пошив одежды для нужд Тобольской общины сестёр милосердия и для раненых (при этом использовались материалы, которые поступали от населения), распределяли полученные вещи и упаковывали для отправки в этапный лазарет. Благодаря Дамскому комитету был открыт приют-покой для больных и раненых нижних чинов в г. Тобольске, которые возвращались с Дальнего Востока.

Создание Общины потребовало организации обучения сестер милосердия, для этого были открыты Общие шестинедельные курсы для лиц женского пола, где обучали уходу за больными и ранеными. Тобольское отделение РОКК существовало на пожертвования от населения и организаций. Для сбора денег проводились публичные благотворительные мероприятия в г. Тобольске и Тобольской губернии. Местное управление РОКК закупало необходимые средства для обеспечения лазарета и выплачивало заработную плату членам Общины.

На основе анализа материалов, опубликованных в СЛ за 1904—1905 годы, можно заключить, что все структуры Тобольского отделения РОКК оказывали весомую помощь пострадавшим в ходе Русско-Японской войны. Важно, что вся структура Тобольского отделения РОКК и община сестер милосердия содержались преимущественно за счет средств и ресурсов населения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. СЛ — *Сибирский листок* : газета. — Тобольск, 1904—1905.

Литература

1. Алмазова Н. И. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста / Н. И. Алмазова. — Москва : Унив. типография, 1892. — 24 с.

2. *Бертенсон И. В.* Императрица Мария Александровна в ее заботах о деятельности Российского Общества Красного Креста / И. В. Бертенсон. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашова, 1892. — 14 с.

3. *Гусева О. В.* Благотворительная деятельность Российского Общества Красного Креста Томской губернии по оказанию помощи раненым и больным воинам в период Русско-японской войны (1904—1905 гг.) / О. В. Гусева // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2021. — № 1 (26). — С. 28—32.

4. *Дементьев А. П.* Общественные организации Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / А. П. Дементьев, В. А. Дробченко // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. — 2021. — № 2 (9). — С. 57—64.

5. *Долидович О. М.* Дамские Комитеты Сибири в период Русско-японской войны / О. М. Долидович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8 (34). — С. 82—85.

6. *Егорышева И. В.* Новые данные из истории Красного Креста в дореволюционной России / И. В. Егорышева // Советское здравоохранение. — 1981. — № 2. — С. 59—62.

7. *Коновалова Е. Н.* Книга Тобольской губернии. 1790—1917 гг. Сводный каталог местных изданий / Е. Н. Коновалова. — Новосибирск : Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, 2006. — 528 с. — ISBN 5-94560-116-0.

8. *Огорокова О. В.* Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период Русско-японской войны (1904—1905 гг.) / О. В. Огорокова // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Уральский университет, 2011. — Выпуск 12. — С. 168—171.

9. *Олешкова А. М.* Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй пол. XIX в.—1917 г. (на материалах Урала) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. М. Олешкова. — Екатеринбург, 2012. — 30 с.

10. *Орлов В. Д.* Русский Красный Крест и его задачи в военное и мирное время / В. Д. Орлов. — Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1904. — 36 с.

11. *Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия / А. В. Постернак. — Москва : Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, 2001. — 304 с. — ISBN 93884-002-3.

12. *Российское общество Красного Креста : исторический обзор деятельности.* — Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1902. — 142 с.

13. *Рудой Н. А.* Деятельность Красного Креста во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. / Н. А. Рудой // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2012. — № 6. — С. 59—61.

14. *Севостьянова Е. В.* Благотворительность и призрение в городах Забайкальской области в период Первой мировой войны : взаимодействие власти и общества / Е. В. Севостьянова // Политика и Общество. — 2020. — № 3. — С. 24—35. — DOI: 10.7256/2454-0684.2020.3.33992.

15. *Семячкова В. В.* Деятельность уральских комитетов Российского Общества Красного Креста в период Русско-японской войны / В. В. Семячкова // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 3 (24). — С. 45—48.

16. *Соколова В. А.* Организация общин сестер милосердия Российского Общества Красного Креста (1854—1918) / В. А. Соколова // Отечественная история. — 2013. — № 4 (76). — С. 40—50.

17. Угрюмова А. Р. Организация и деятельность этапного госпиталя Тобольского местного управления Российского общества Красного Креста в годы Русско-японской войны (1904—1905 гг.) / А. Р. Угрюмова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2018. — Том 4. — № 4. — С. 217—228. — DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-217-228.

18. Burleigh B. Empire of the East or Japan and Russia at War, 1904—1905 / B. Burleigh. — London : Chapman & Hall, 1905. — 458 p.

19. Davis G. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914—18 / G. Davis // Journal of Contemporary History. — 1993. — Vol. 28. — № 1. — Pp. 31—52.

20. Fayet J. The Russian Red Cross in the Civil War / J. Fayet // Quaestio Rossica. — 2021. — № 9 (1). — Pp. 188—202.

21. Patterson D. Typhus and its control in Russia, 1870—1940 / D. Patterson // Medical History. — 1993. — № 3. — Pp. 361—381.

22. Piana F. The Dangers of Going Native : George Montandon in Siberia and the International Committee of the Red Cross, 1919—1922 / F. Piana // Contemporary European History. — 2016. — № 25 (2). — Pp. 253—274.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023,
одобрена после рецензирования 21.07.2023,
подготовлена к публикации 15.08.2023.

Material resources

SL — *Sibirskiy Listok [Siberian Leaflet]*. (In Russ.).

References

Almazova, N. I. (1892). *On the twenty-fifth anniversary of the Russian Red Cross Society*. Moscow: Univ. printing House. 24 p. (In Russ.).

Bertenson, I. V. (1892). *Empress Maria Alexandrovna in her concerns about the activities of the Russian Red Cross Society*. St. Petersburg: V. S. Balashov Printing House. 14 p. (In Russ.).

Burleigh, B. (1905). *Empire of the East or Japan and Russia at War, 1904—1905*. London: Chapman & Hall. 458 p.

Davis, G. (1993). National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914—18. *Journal of Contemporary History*, 28 (1): 31—52.

Dementiev, A. P., Drobchenko, V. A. (2021). Public organizations of the Tobolsk province in the second half of the XIX — early XX centuries. *Five centuries of Ugra: problems and solutions, results and prospects*, 2 (9): 57—64. (In Russ.).

Dolidovich, O. M. (2013). Ladies' Committees of Siberia during the Russian-Japanese war. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 8 (34): 82—85. (In Russ.).

Egorysheva, I. V. (1981). New data from the history of the Red Cross in pre-revolutionary Russia. *Soviet healthcare*, 2: 59—62. (In Russ.).

Fayet, J. (2021). The Russian Red Cross in the Civil War. *Quaestio Rossica*, 9 (1): 188—202.

Guseva, O. V. (2021). Charitable activity of the Russian Red Cross Society of the Tomsk province to assist wounded and sick soldiers during the Russo-Japanese War (1904—1905). *Humanitarian problems of military affairs*, 1 (26): 28—32. (In Russ.).

Konovalova, E. N. (2006). *The book of the Tobolsk province. 1790—1917 Consolidated catalog of local publications*. Novosibirsk: State Public Scientific and Technical Library

- of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 528 p. ISBN 5-94560-116-0. (In Russ.).
- Okorokova, O. V. (2011). Forms and methods of assistance of the Russian Red Cross Society of Tomsk Province to Siberian soldiers during the Russo-Japanese War (1904—1905). In: *Document. Archive. History. Modernity*, 12. Yekaterinburg: Ural University. 168—171. (In Russ.).
- Oleshkova, A. M. (2012). *Evolution of the organization and activity of the Russian Red Cross Society in the second half. XIX century—1917 (based on the materials of the Urals)*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 30 p. (In Russ.).
- Orlov, V. D. (1904). *The Russian Red Cross and its tasks in war and peacetime*. Kiev: Printing House of the Imperial University of St. Vladimir. 36 p. (In Russ.).
- Patterson, D. (1993). Typhus and its control in Russia, 1870—1940. *Medical History*, 3: 361—381.
- Piana, F. (2016). The Dangers of Going Native: George Montandon in Siberia and the International Committee of the Red Cross, 1919—1922. *Contemporary European History*, 25 (2): 253—274.
- Posternak, A. V. (2001). *Essays on the history of communities of sisters of mercy*. Moscow: St. Demetrius School of Sisters of Mercy. 304 p. ISBN 93884-002-3. (In Russ.).
- Rudoy, N. A. (2012). The activity of the Red Cross during the Russian-Japanese war of 1904—1905. *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*, 6: 59—61. (In Russ.).
- Semyachkova, V. V. (2009). Activity of the Ural committees of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War. *Ural Historical Bulletin*, 3 (24): 45—48. (In Russ.).
- Sevostyanova, E. V. (2020). Charity and charity in the cities of the Trans-Baikal region during the First World War: interaction of power and society. *Politics and Society*, 3: 24—35. DOI: 10.7256/2454-0684.2020.3.33992. (In Russ.).
- Sokolova, V. A. (2013). Organization of communities of sisters of Mercy of the Russian Red Cross Society (1854—1918). *Domestic history*, 4 (76): 40—50. (In Russ.).
- The Russian Society of the Red Cross: a historical overview of its activities*. (1902). St. Petersburg: Leshtukovskaya steam printing house P. O. Yablonskago. 142 p. (In Russ.).
- Ugryumova, A. R. (2018). Organization and activity of the stage hospital of the Tobolsk local administration of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War (1904—1905). *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities*, 4 (4): 217—228. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-217-228. (In Russ.).

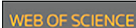
*The article was submitted 20.06.2023;
approved after reviewing 21.07.2023;
accepted for publication 15.08.2023.*

Информация для цитирования:

Прохоренков И. А. Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного : по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны / И. А. Прохоренков, Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 432—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448.

Prokhorenkov, I. A., Eylbart, N. V. (2023). Military and Political Agitation of Polish-Lithuanian Commonwealth against Ivan Terrible (Materials of Various Literary Monuments of Livonian War Era). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 432-448. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448

Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного: по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны

Прохоренков Игорь Александрович *

orcid.org/0000-0001-6404-2283

научный сотрудник

Отдела рукописей и редких книг¹;
исполнитель проекта отдела
сопровождения научных проектов²,

* *корреспондирующий автор*

Prohorenkovigor@gmail.com

Эйльбарт Наталия Владимировна

orcid.org/0000-0003-0021-073X

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России с древнейших
времен до начала XIX века³;

научный сотрудник²

ejlbart@mail.ru

¹ Государственный музей истории религии
(Санкт-Петербург, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

³ Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 22-28-01407,
<https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

Military and Political Agitation of Polish-Lithuanian Commonwealth against Ivan Terrible (Materials of Various Literary Monuments of Livonian War Era)

Igor A. Prokhorenkov *

orcid.org/0000-0001-6404-2283

научный сотрудник

Отдела рукописей и редких книг¹;
исполнитель проекта отдела
сопровождения научных проектов²,

* *Corresponding author*

Prohorenkovigor@gmail.com

Nataliya V. Eylbart

orcid.org/0000-0003-0021-073X

Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
from Ancient Times to the Beginning
of the 19th Century³; research scientist²
ejlbart@mail.ru

¹ The State Museum of the History of Religion
(St. Petersburg, Russia)

² Russian Christian Academy
for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

³ The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 22-28-01407, <https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

© Прохоренков И. А., Эйльбарт Н. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Ливонская война обусловила рост числа антимосковских произведений в Европе. Западные авторы внимательно следили за успехами и неудачами России в борьбе за передел Прибалтики. Главным объектом критики в пропагандистских текстах был Иван Грозный, который представлялся врагом Европы, равным по силе турецкому султану. В статье проанализированы особенности антироссийской информационной кампании на примере изданных в Речи Посполитой разножанровых текстов. Изучение статистического аспекта бытования летучих листов показало, что на поздних этапах войны польско-литовские типографы существенно влияли на формирование новостного поля в Европе. Рассмотренные в статье произведения малых литературных форм продемонстрировали, что описание противостояния Речи Посполитой и России представлялось в ключе оборонительной войны. Ввиду заметного увеличения числа пропагандистских текстов в годы правления Стефана Батория был сделан вывод о первостепенной роли польского короля в информационной кампании по дискредитации России. Баторий понимал силу печатной пропаганды и тратил множество ресурсов на очернение российского государя. Благодаря этому Речи Посполитой к концу войны удалось оказать заметное влияние на складывавшийся в Европе негативный образ России и ее правителя.

Ключевые слова:

Ливонская война; Иван Грозный; Стефан Баторий; летучие листы; ocasionальная поэзия; политическая пропаганда.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The Livonian War led to an increase in the number of anti-Moscow works in Europe. Western authors closely followed Russia's successes and failures in the struggle for the redistribution of the Baltic states. The main target of criticism in propaganda texts was Ivan the Terrible, who was portrayed as an enemy of Europe, equal in power to the Turkish sultan. This article analyzes the features of the anti-Russian information campaign based on various genres of texts published in the Polish-Lithuanian Commonwealth. The study of the statistical aspect of the circulation of pamphlets showed that during the later stages of the war, Polish-Lithuanian typographers significantly influenced the formation of the news field in Europe. The examined works of minor literary forms demonstrated that the description of the confrontation between the Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia was presented in the context of a defensive war. Due to the noticeable increase in the number of propaganda texts during the reign of Stefan Batory, it was concluded that the Polish king played a primary role in the information campaign to discredit Russia. Batory understood the power of printed propaganda and invested numerous resources in tarnishing the image of the Russian ruler. As a result, by the end of the war, the Polish-Lithuanian Commonwealth managed to have a significant influence on the emerging negative image of Russia and its ruler in Europe.

Key words:

Livonian War; Ivan the Terrible; Stefan Batory; pamphlets; occasional poetry; political propaganda.

УДК 94(438).04+94(47).043+32.019.5(438)“1558/1583”+821.162.1

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного: по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны

© Прохоренков И. А., Эйльбарт Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Поход царских войск за «юрьевской данью» в 1558 году обернулся для России длительным и напряженным военным противостоянием сразу с несколькими европейскими государствами. В современной отечественной историографии установилось мнение, что разгоревшийся в годы правления Ивана Грозного затяжной конфликт в Прибалтике, который в исторической науке принято называть «Ливонской войной», стал первым полномасштабным столкновением между Россией и Европой [Филлюшкин, 2013, с. 7]. Начавшаяся с локального похода война постепенно переросла в дипломатическое, экономическое и даже культурно-конфессиональное противоборство между Московским царством и другими державами, претендовавшими на ливонские земли.

Обострение межгосударственных отношений на востоке европейского региона обусловило повышенный спрос западной общественности на сведения о России. Основные вехи Ливонской войны фиксировались и интерпретировались в массово растиражированных разножанровых литературных памятниках: о ходе войны с Россией читатели-современники могли узнать как из наспех отпечатанных листовых изданий, так и из крупных хронографических сочинений. На распространение в Европе новостей и реляций упомянутой тематики влияние оказали не только непосредственные противники Московского царства в борьбе за прибалтийские земли, но и авторы-компиляторы, которых война не затрагивала напрямую.

Воспроизводя магистральные сюжеты Ливонской войны и оценивая роль России во вспыхнувшем конфликте, западные авторы неизменно обращались к персоне Ивана IV. В подавляющем большинстве случаев литературные памятники содержали тенденциозные описания, в которых московский царь предстал тираном и противником всего христианского мира. Помимо прямого военного антагонизма и конфликта геополитических интересов, подобные негативные воззрения на Россию и ее царя также были обусловлены географическими представлениями европейцев

в XVI веке: Московское царство рассматривалась как часть Азии, а ее правитель наделялся всеми атрибутами турецкого султана [Цымбурский, 1997, с. 56—57]. Тем не менее подобный образ русского царя не следует считать общепринятым каноном, так как отношение западных писателей и публицистов к Ивану Грозному могло корректироваться под влиянием актуальных политических событий.

Наибольший ажиотаж фигура Ивана IV вызывала среди авторов из Речи Посполитой. С одной стороны, в условиях Ливонской войны московский царь воспринимался поляками и литовцами как прямой военный противник, его образ вызывал множество негативных коннотаций. С другой же стороны, в периоды «бескоролевий» в республике Иван Грозный оставался одним из кандидатов на вакантный престол. Следует отметить, что в Речи Посполитой второй половины XVI века рождались разнообразные проекты объединения с Россией, так или иначе связанные с идеей личной унии [Maciszewski, 1968, s. 83—87]. В определенных шляхетских кругах, уставших от внутривнутриполитической нестабильности и своеволия магнатории, кандидатура московского царя пользовалась реальной популярностью [Эйльбарт, 2020, с. 100], ввиду чего имя Ивана Грозного вспоминалось во время польских «бескоролевий» 1572—1573 и 1575—1576 годов.

Предложенная статья имеет характер аналитического исследования и посвящена изучению обстоятельств складывания негативного образа Ивана IV в польско-литовских исторических памятниках так называемых «малых литературных форм» [Шамин, 2020, с. 12—15]. Разножанровые произведения, изданные во время Ливонской войны, были рассмотрены нами как единый пласт источников ввиду их общего предназначения: они ретранслировали информацию о военных успехах / неудачах России в войне за Прибалтику и отмечали роль Ивана Грозного в указанных событиях. Абстрагируясь от жанровых и источниковедческих особенностей использованных текстов, мы изучили именно утилитарные и содержательные особенности литературных памятников. Синхронное рассмотрение разножанровых текстов малых литературных форм периода Ливонской войны представляется оригинальным для историографии шагом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первоначально какие-либо подробности о действиях России в период Ливонской войны европейские современники могли узнать из летучих газет и новостных реляций. Помимо этих видов источников, информативную функцию успешно выполняли разножанровые тексты малых литературных форм: окказиональная поэзия, политическая публицистика, злободневные памфлеты, сборники сатирических эпиграмм, фунеральная

лирика, панегирики и т. д. К концу войны вниманию читателей уже были представлены многостраничные концептуальные описания столкновений России и Речи Посполитой, которые воспроизводились на страницах хронографических сочинений.

Синхронная работа с разножанровыми литературными памятниками требует предварительных методологических замечаний. Польской исследовательницей Стефанией Скварчинской была сформулирована концепция «literatury stosowanej» [Skwarczyńska, 1931]. Согласно ей, старопечатные литературные произведения можно разделить на две категории: «literatura piękna» («прекрасная литература») и «literatura stosowana» («прикладная литература»). Сущностная черта «прикладной литературы» заключается в том, что работавшие в ее русле авторы свободно могли жертвовать художественно-эстетическими нормами в угоду информативной составляющей своих произведений. К этому виду литературы можно отнести полемические, публицистические, хронографические и злободневные (okolicznościowy) памятники. Используемые в данном исследовании тексты подпадают под категорию «прикладных» литературных жанров [Skwarczyńska, 1937, s. 17—19], что позволило нам рассмотреть их в качестве исторических источников.

Симпатии и антипатии авторов к России и ее правителю не изменялись стихийно. В случае с завершающими годами Ливонской войны четко видны признаки того, что политическая литература той поры носила заказной характер. Так, например, в период военной кампании Стефана Батория против России (1579—1582 годы) наблюдалось существенное увеличение числа новоизданных пропагандистских произведений антимосковской тематики: в указанные четыре года их было напечатано больше, чем за предшествующие двадцать лет войны [Филюшкин, 2014, с. 6]. Это может быть объяснено личным соперничеством Батория с московским государем. Король Речи Посполитой тратил на «очернение» Ивана IV значительные ресурсы, щедро оплачивая услуги поэтов, писателей и публицистов не только деньгами, но и должностями [Эйльбарт, 2023, с. 512]. Стефан Баторий хорошо понимал эффективность печатного слова, ввиду чего по окончании войны король решил закрепить за придворным печатником Яном Янушовским небывалый для Речи Посполитой титул «архитипографа Его Королевской Милости и Церкви» [Прохоренков, 2021, с. 59—60].

Таким образом, Ливонская война породила множество разножанровых произведений антироссийской тематики, часть из которых была инспирирована королевской властью. Указанная характеристика источниковой базы вызвала необходимость обращения к генологии. В рамках генологии жанр понимается как набор интересующих функционировать правил,

оформленных исторически и культурно, бытующих в рамках определенных дискурсов [Żydek-Bednarczuk, 2001, s. 114—121]. В польско-литовской литературе периода Ливонской войны тон задавали дискурсы «московской угрозы» и «оборонительной войны», что показано нами на примере политической поэзии того времени (раздел 3.1). Тезис о постепенно нараставшем влиянии Речи Посполитой на формирование негативного образа России и ее правителя в общеевропейском информационном пространстве был подкреплен статистическим анализом изученных произведений, что в статье продемонстрировано на материале летучих изданий (раздел 3.2). Общее увлечение авторов Речи Посполитой (анти)российскими сюжетами побудило нас рассмотреть выбранные литературные памятники с историко-софской позиции холизма.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Московская угроза» и Иван Грозный в политической поэзии Речи Посполитой периода Ливонской войны

Сочинения польских и литовских авторов были популярными источниками информации о России для европейских читателей задолго до издания знаменитого труда Сигизмунда Герберштейна «Записки о московских делах» в 1549 году. Настоящими первооткрывателями русских земель видел своих соотечественников, например, польский хронист Матвей Меховский, когда писал следующие строки: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру» [Меховский, 1936, С. 46]. Столкнувшая в прямом противостоянии Речь Посполитую и Россию Ливонская война существенно активизировала процесс распространения польско-литовских пропагандистских сочинений о Московском царстве и ее правителе.

В современной исторической науке существуют две точки зрения на время формирования корпуса антимосковских трудов малых литературных форм в период войн за передел Прибалтики. Вторую половину 60-х годов XVI века Ж. В. Некрашевич-Короткая [Некрашевич-Короткая, 2011a, с. 85] считает точкой зарождения так называемого «ливонского» цикла. Хронологически наиболее ранним откликом в растиражированной поэзии на противостояние Польши и Литвы, с одной стороны, и Москвы, с другой, исследовательница считает труд Иоганна Мюлиуса из Либенроде «*Divina gratia imperante Sigismundo Augusto Polonorum rege potentissimo...*» («Милость Божья, направившая Сигизмунда Августа Польского короля могущественнейшего...») и поэму «*Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis*» («Противоборство под Невелем между Поляками и Московита-

ми») Яна Старикония Семушевского [Некрашэвіч-Короткая, 2011б, с. 91—92]. Мюлиус воспел победу Григория Ходкевича над Петром Шуйским на Уле, положив начало литературной глорификации героев Ливонской войны. Предположительно в это же время была написана неизданная поэма Матея Стрыйковского, посвященная триумфу при Чашниках [Дзярнович, 2010, с. 127—134.]. Ян Семушевский, в свою очередь, при описании сражения 19 августа 1562 под Невелем не останавливался подробно на персоналиях, но через раскрытие отдельного военного эпизода вывел общую идею противостояния поляков и литовцев московскому царю Ивану Грозному.

Белорусский литературовед С. В. Ковалев отмечал, что аргументированно говорить о формировании цельного корпуса антимосковских произведений следует только применительно к концу 70-х — началу 80-х годов XVI века [Кавалёў, 1993, с. 40—41]. Несмотря на то, что по тематике от текстов Мюлиуса и Семушевского труды последующих литераторов не сильно отличались, свою концепцию Ковалев объяснял географией изданий и этническим происхождением авторов. Изученные Ж. В. Некрашевич-Короткой произведения издавались в европейских печатнях при сотрудничестве с книжниками, которые не имели прямых связей с польско-литовскими землями. Напротив, С. В. Ковалев акцентировал внимание на авторах из Речи Посполитой, так как именно культурно-историческая вовлеченность писателей в предмет своих описаний отличает польско-литовский корпус источников от прочих антимосковских произведений, изданных в Европе. Созвучны с этими наблюдениями о периодизации истории антироссийской агитации в Речи Посполитой наши выводы об интенсификации новостной печати пропагандистского характера в годы правления Стефана Батория.

Своеобразным мостом, связавшим европейскую книжность с литературными традициями Речи Посполитой, можно назвать поэму Базила Гиацинта «Panegyricus in excidium Polocense...» («Панегирик на взятие Полоцка...») [Кавалёў, 2010, с. 215]. Произведение, адресованное Николаю Радзивиллу, было написано по поводу захвата Полоцка в 1579 году и по сути своей являлось панегириком в честь короля Стефана Батория. Что касается исторической основы поэмы, то она полностью затмевается художественными особенностями произведения. Так, например, хоть поэма и была составлена по случаю возвращения Полоцка, но сам штурм города в ней практически не был отражен. Воспевая подвиг польско-литовского войска, автор предпочитал обходиться общими нарративными конструкциями [Некрашэвіч-Короткая, 2011б, с. 92—100]. Антироссийская направленность текста «Панегирика» раскрывается через очернение образа московского царя. Красной линией сквозь все произведение проходит противопоставление фигур «Ко-

роля» и «Тирана», за которыми читатель без труда может узнать Стефана Батория и Ивана Грозного. В лице этих двух персон поэт противопоставлял республиканские порядки польско-литовского государства и «восточное варварство» Москвы. В рамках подобного столкновения Б. Гиацинт видел только один исход: скорое и неминуемое падение «Тирана».

Куда более подробно исторический материал воспроизводился в вышедшей в 1582 году латиноязычной поэме Франтишека Градовского «*Nodoeponicon Moschicum*» («Описание московского похода»). Указанное произведение было первым в череде многих панегириков, посвященных радзивилловскому рейду по тылам московских войск осенью 1581 года. Автор представил поход Христофора Радзивилла не как внезапную атаку вглубь московских территорий, но как защиту собственных рубежей от царских войск. Продолжение и развитие тема оборонительной войны с Москвой получила в творчестве Анджея Рымши. Как отметил С. В. Ковалев, история радзивилловского рейда стала крайне популярной в эпической поэзии конца XVI века, так как «полулегендарный, фантастический по своей дерзости поход Христофора Радзивилла вглубь московских земель, безусловно, выделялся среди других эпизодов последнего периода Ливонской войны, напоминая славные походы древнерусских князей и средневековых рыцарей. Названия городов, сел, рек, озер таинственной «варварской» Московии звучали для читателей из Речи Посполитой экзотично и таинственно, будто речь шла о далеких и совершенно неведомых землях» [Кавалёв, 2010, с. 224].

Как отмечалось выше, на распространение антиросийских произведений малых литературных форм в Речи Посполитой существенное влияние оказала центральная власть. По инициативе Стефана Батория в феврале 1577 года была основана походная печатня Валентина Лапчиньского, призванная обслуживать государственные нужды [Прохоренков, 2021, с. 54—55]. Помимо работы над королевскими заказами, печатное предприятие Лапчиньского также сотрудничало с приближенными ко двору Батория поэтами и писателями. В частности, ресурсами указанной типографии при поддержке Яна Замойского сумел воспользоваться прославленный польский поэт Ян Кохановский. В результате этого в 1580 году были отпечатаны два высокохудожественных антимосковских сочинения: «*De expugnatione Polottei Ode*» («Ода на взятие Полоцка») и «*Pieśni trzy: O wzięciu Połocka...*» («Три песни: о взятии Полоцка...»). Спустя год летучая типография также издала описывающий осаду Великих Лук Стефаном Баторием панегирик Анджея Патрикия Недецкого «*Gratulatio II... post victoriam Velcolucensem...*» («Второе Поздравление... после победы под Великими Луками...», 1581).

Печатня Лапчиньского работала по королевским заказам, что полностью определило характер упомянутых выше текстов. В них демонизировался московский правитель и воспевался давший ему отпор Стефан Баторий. Сам характер войны характеризовался только как оборонительный, ввиду чего польский король представлялся защитником республики, остановившим агрессию Ивана Грозного. Подобные воззрения в польско-литовской литературе можно назвать магистральными к завершающему этапу Ливонской войны.

3.2. Активизация антироссийской печатной пропаганды в годы правления Стефана Батория

Существенное влияние на формирование негативного образа России в Европе оказали несерийные новостные издания — летучие листы. Впервые массовый читатель мог ознакомиться с развернутым описанием начала Ливонской войны и роли Ивана Грозного в разыгравшихся событиях благодаря летучему листу «*Sehr greuliche Neue Zeitung über grausame Tyrannei der Moskowiter an den gefangenen Christen aus Livland*» («Ужасающая новая газета о чудовищной тирании Московитов над захваченными христианами Ливонии»). Указанная эфемериды была отпечатана в германских землях в 1561 году одновременно в ряде городов: известны издания, вышедшие из типографий Нюрнберга, Страсбурга, Аугсбурга, а также выявлены экземпляры листа без указания места издания [Zawadzki, 1977, s. 11—13]. Начиная с этого года в Европе регулярно печатались новости о противостоянии России и ее соседей в Прибалтике.

Помимо эфемерид на немецком, в скором времени были изданы листовки и на других европейских языках. Так, например, чешская газета «*Noviny hrozné, kterak Neptalim, veliké kníže moskevské do zeme litevske vpadl*» («Устрашающие новости, как Непталим, великий князь московский, на земли литовские напал»), французская «*Pitoyable nouvelle et récit du voyage et envahissement fait par les Moscovites sur le Royaume de Pologne*» («Печальная новость и описание похода Московитов против Польского Королевства»), а также латинская реляция «*Memorabilis de crudeli Mostovitarum expeditione narratio*» («Достопамятное повествование о жестоком походе московитов») в 1563 году были выпущены по поводу свежих московских военных успехов и захвата Полоцка Иваном Грозным.

В отличие от прочих исторических памятников малых литературных форм, летучие листы единообразно культивировали негативный образ России и Ивана IV в Европе. Ни в одной эфемериде война московского царя с европейскими соседями не трактовалась в каком-либо положительном ключе. Ввиду указанного обстоятельства нас будет больше интересовать статистический аспект бытования этих источников, нежели их уже хорошо

изученное в научной литературе пропагандистское содержание [Филлюшкин, 2013, с. 410—481]. В рамках настоящего исследования необходимо только отметить, что в летучих листах Речи Посполитой война с Иваном Грозным определялась как оборонительная, а все сражения — как вынужденная защита от русской агрессии. В таком ключе, например, описывалась защита стен Вендена от московских войск в изданной в Гданьске эфемериде «*Neue Zeitung von der Viktoria und dem Sieg...*» («Новая газета о виктории и победе, одержанной польскими, шведскими и немецкими воинами в битве под Венденом...»). Последующие битвы за Полоцк и Великие Луки также характеризовались как важные вехи в длительной цепи событий оборонительной войны.

Несмотря на то, что война с Москвой была приоритетной заботой именно Польши и Литвы, работавшие в пределах земель Речи Посполитой типографы на первых порах были далеки от монополии на распространение антироссийских новостных изданий. Согласно каталогу Конрада Завадского, с 1561 по 1583 годы на тему польско-литовско-русского противостояния в период Ливонской войны в Европе вышло 90 новостных летучих изданий, из которых 71 было на немецком, 12 на латинском, 4 на чешском, 2 на польском и 1 на французском языках [Zawadzki, 1977, s. 11—47]. Наглядно распределение источников по языкам можно представить следующим образом (рис. 1).

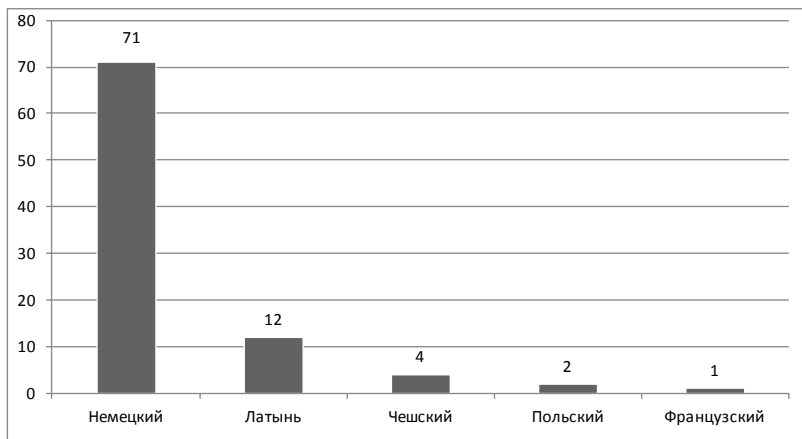

Рис. 1. Языковое многообразие летучих газет о противостоянии в Прибалтике, изданных в годы Ливонской войны (издания с 1561 по 1583)

Продemonстрированное статистическое доминирование одного языка печати хоть и свидетельствует о том, что германские земли были первостепен-

ным очагом распространения антироссийских эфемерид, в том числе и потому, что ливонское дворянство имело там множественные родственные и деловые связи, но все же это наблюдение требует дополнительных уточнений. Следует отметить, что немецким языком активно пользовались печатники в самых разных областях Европы. Известные в библиографии листовки можно разделить на четыре большие группы с точки зрения географии изданий:

- 40 изданий в германских городах
- 28 изданий без указания места печати
- 13 изданий на территории Речи Посполитой
- 9 изданий в прочих государствах

Подробно информацию о местах изданий газет можно проанализировать с помощью предложенной диаграммы (рис. 2).

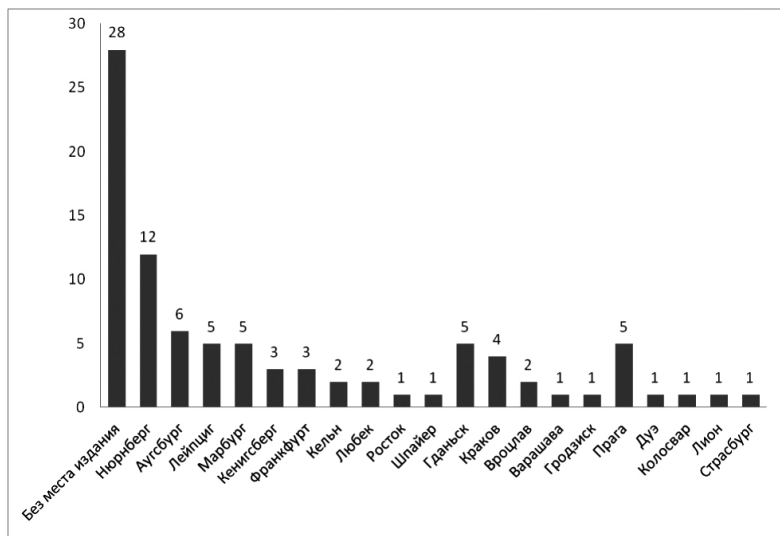

Рис. 2. Места изданий новостных листовок на тему Ливонской войны (издания с 1561 по 1583 год)

Внимательное изучение изданий без указанного места печати позволяет подкорректировать получившуюся картину распространения в Европе новостных брошюр о Ливонской войне и роли России в ней. Большинство из них — это переиздания напечатанных в германских землях листовок, которые выпускались, как правило, в пределах одного года. Однако некоторые издания мы с уверенностью можем отнести к оригинальной антироссийской литературе Речи Посполитой. Речь идет об эфемеридах, озагла-

ленных как «*litterae*» или «*epistolae*» Стефана Батория (каталог Конрада Завадского, № 152, 153, 163, 175).

Указанные литературные памятники вышли из одной печатни, о чем свидетельствует их типографский набор, шрифтовое единообразие и орнамента. Сочинения «*Litterae Stephani, regis Poloniae, ad ordines Regni Polonici de rebus a se adversus Moscos gestis*» («Сочинение Стефана, короля Польши, о ходе войны Польского Королевства против Московитов») и «*Litterae Stephani, regis Poloniae, quibus res a se in bello Moschico post captum Vielico Lucum gestas explicat*» («Сочинение Стефана, короля Польши, в котором изложены события, последовавшие за взятием Великих Лук») были посвящены пропаганде военных успехов польского короля, сумевшего перенести сражения уже на российские земли. Несмотря на наступательный характер кампании Стефана Батория, в пропагандистской литературе все события продолжали трактоваться с позиции оборонительной войны против агрессии «московского Тирана», что наглядно демонстрирует материал летучего листа «*Stephani, regis Poloniae, epistola historiam susceptae a se adversus Moschum expeditionis recitans*» («Стефана, короля Польши письмо, в котором оглашается история похода против обратившейся на него Москвы»).

«Сочинения» Стефана Батория тиражировались в виде не превышающих объем двух печатных тетрадей (сигнатуры A⁴ — B²⁻⁴) эфемерид брошюрного типа, выполненных в формате in quarto. Составленные на латинском языке тексты быстро нашли путь к европейским читателям. Помимо этого, необходимо отметить, что в период правления короля Стефана пропагандистские сочинения антимосковского характера массово тиражировали такие крупные печатные предприятия, как гданьская типографии Якоба Роде и краковская печатня Николая Шарфенбергера [Прохоренков, 2021, с. 57—58]. Сделанный акцент на истории распространения антироссийских сочинений в годы правления Стефана Батория позволяет нам дать исчерпывающую оценку роли Речи Посполитой в распространении в Европе сочинений, культивирующих негативный образ России и Ивана Грозного.

Статистика наглядно демонстрирует, что за весь период Ливонской войны соотношение западноевропейских и польско-литовских новостных листовок имело следующий вид: на 3 германских летучих листа приходился 1 польский. Тем не менее, для объективности выводов необходимо подчеркнуть, что выпуск пропагандистских брошюр на территориях Речи Посполитой не был налажен с первых дней войны: пик издательской деятельности по тиражированию антимосковских новостных изданий пришелся именно на правление Стефана Батория. Благодаря проведенному нами анализу источников можно утверждать, что энергичная деятельность

Батория позволила типографам Речи Посполитой к завершающему этапу войны преодолеть монополию немецких печатников на распространение новостей о Москве и Иване Грозном, что обусловило победу польского короля в информационной войне против России.

4. Заключение = Conclusions

Изданные по случаю Ливонской войны в Речи Посполитой сочинения антироссийской тематики представляют собой все многообразие существовавших в XVI веке литературных направлений. Указанное обстоятельство традиционно побуждало исследователей рассматривать исторические памятники той поры либо обособленно, либо выбирать для анализа группы текстов с привязкой к какому-либо определенному жанру. Представленный в статье обзор сразу целого среза разножанровых текстов позволил нам дополнить устоявшуюся в историографии картину развития антироссийских настроений в европейской литературе второй половины XVI века.

С первых дней военно-политического конфликта в Прибалтике наибольшее влияние на формирование негативного образа России в Европе оказали германские типографии. Постепенно доминирование немецкоязычных авторов в информационном поле было преодолено. Заметное влияние на этот процесс оказали энергичные действия короля Стефана Батория. В годы его правления в Речи Посполитой наблюдался существенный рост числа изданий антироссийской тематики. Излюбленными темами польско-литовских сочинений пропагандистского характера на завершающем этапе Ливонской войны были российские стратегические неудачи и описания «тиранства» Ивана Грозного. Московский царь, будучи личным врагом Стефана Батория, подвергался всесторонней критике, которую следует охарактеризовать не иначе как намеренной демонизацией.

Вехи противостояния Речи Посполитой и России описывались в русле дискурса оборонительной войны. Подобная нарративная стратегия привела к закреплению в польско-литовской литературе ряда основополагающих образов. Так Стефан Баторий в текстах стал правителем, спасшим западную цивилизацию от нашествия «восточных варваров» под предводительством царя-тирана, а сама Речь Посполитая закрепила за собой образ оплота христианства и цитадели всей Европы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. *Меховский М.* Тратат о двух Сарматиях / М. Меховский. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1936. — 288 с.
2. *Gradovio F.* Hodoeporicon Moschicum illustrissimi principis ac domini, domini Christophori Radiwilonis / F. Gradovio. — Vilnae, 1582. — 18 p.
3. *Hyacinthus B.* Panegyricus In Excidium Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam / B. Hyacinthus. — Patavii, 1580. — 24 p.
4. *Kochanowski J.* De expugnatione Polottei Ode Joannis Kochanovii / J. Kochanowski. — Varsaviae, 1580. — 4 p.
5. *Kochanowski J.* Pieśni trzy Jana Kochanowskiego : O wzięciu Połocka. O statecznym słudze R. P. O uczciwej małżonce / J. Kochanowski. — Varsaviae, 1580. — 4 p.
6. *Libenrodensi I. M.* Divina gratia Sigismundo Augusto Polonorum rege potentissimo, Magno Lithuaniae Duce etc. Victoria de Moschis reportata a Magnifico Domino Gregorio Chodcieutio Castellano Vilmensi, Capitaneo Grodnensi, stipendiarii militis supremo gubernatore... / I. M. Libenrodensi. — Viennae Austriae ex officinal Michaelis Zimmermani, 1564. — 24 p.
7. *Litterae Stephani, regis Poloniae, ad ordines Regni Polonici de rebus a se adversus Moscos gestis.* [B. m. dr., 1580]. 4°. Knlb. 4.
8. *Litterae Stephani, regis Poloniae, quibus res a se in bello Moschico post captum Vielicum Lucum gestas explicat.* [B. m. dr.]. 1581. 4°. Knlb. 8.
9. *Memorabilis de crudeli Mostovitarum expeditione narratio.* Douai, Iacobus Boscardus. 1563. 4°. Knlb. 4.
10. *Neue Zeitung von der Viktoria und dem Sieg, welche die polnischen, schwedischen und deutschen Kriegsleute bei der Stadt Wenden im 1578 Jahr erhalten haben.* Gdańsk, Jakub Rhode. 1578. 4°. Knlb. 8.
11. *Nidecki P. A.* Gratulatio II pro clero Varsoviensi. Ad Regem, post victoriam Veloculensem ex Moscovitis Varsoviam adventatam / P. A. Nidecki. — Varsaviae, 1581. — 8 p.
12. *Noviny hrozné, kterak Neptalim, veliké kníže moskevské do zeme litevské vpadl.* Praha, Sebastian Oks. 1563. 4°. Knlb. 6.
13. *Pitoyable nouvelle et récit du voyage et envahissement fait par les Moscovites sur le Royaume de Pologne.* Lyon. 1563. 8°. Knlb. 4.
14. *Sehr greuliche Neue Zeitung über grausame Tyrannei der Moskowiter an den gefangenen Christen aus Livland.* Nürnberg, Georg Kreydlein. 1561. 4°. Knlb. 4.
15. *Semusouio I. S.* Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis / I. S. Semusouio. — Bononiae, 1568. — 68 p.
16. *Stephani, regis Poloniae, epistola historiam susceptae a se adversus Moschum expeditionis recitans.* [B. m. dr.]. 1579. 4°. Knlb. 8.
17. *Stephani, regis Poloniae, epistola historiam susceptae a se adversus Moschum expeditionis recitans.* [B. m. dr.]. 1579. 4°. Knlb. 4.

Литература

1. *Дзярновіч О. І.* Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.) : Образный ряд и событийная конкретика / И. О. Дзярновіч // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* — 2010. — № 2. — С. 127—134.
2. *Кавалёў С.* Гераіка-эпічная паэзія Беларусі і Літвы канца XVI ст. / С. Кавалёў. — Мінск : «Універсітэцкае», 1993. — 102 с. — ISBN 5-7855-0587-8.

3. Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнэсансу / С. Кавалёў. — Мінск : «Кнігазбор», 2010. — 375 с. — ISBN 978-985-6976-10-3.

4. Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Латиноязычные поэты XVI — XVII веков — просветители Беларуси и новолатинская поэзия как феномен белорусской книжной культуры / Ж. В. Некрашэвіч-Короткая // Роль просветителей в Беларуси и Турции : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19 апр. 2011 г. — Минск : РИВШ, 2011. — С. 84—89. — ISBN 978-985-500-491-3.

5. Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Беларуская лацінамоўная паэма : позні Рэнэсанс і ранняе Барока / Ж. В. Некрашэвіч-Короткая. — Минск : БГУ, 2011. — 231 с. — ISBN 978-985-518-545-2.

6. Прохоренков И. А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII века : Печатники на королевской службе / И. А. Прохоренков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2021. — № 2. — С. 53—63. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2021.204>.

7. Филюшкин А. И. Завоевание Стефаном Баторием Полоцка в 1579 г. в европейском нарративе / А. И. Филюшкин // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. — 2014. — Серия 2. — Выпуск 1. — С. 5—10.

8. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. — 880 с. — ISBN 978-5-86007-726-3.

9. Цымбурский В. Л. «Европа-Россия» : «Третья осень» системы цивилизации / В. Л. Цымбурский // *Политические исследования*. — 1997. — № 2. — С. 56—76.

10. Шамин С. М. Иностраннные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVI-II столетия / С. М. Шамин. — Москва : Весь Мир, 2020. — 392 с. — ISBN 978-5-7777-0765-9.

11. Эйльбарт Н. В. Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572—1574) / Н. В. Эйльбарт // *Genesis : исторические исследования*. — 2020. — № 3. — С. 93—103. — DOI: 10.25136/2409-868X.2020.3.32474.

12. Эйльбарт Н. В. Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времен Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского) / Н. В. Эйльбарт // *Научный диалог*. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 509—522. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-509-522.

13. Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej / J. Maciszewski. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. — 326 s.

14. Skwarczyńska S. O pojęcie literatury stosowanej / S. Skwarczyńska // *Pamiętnik Literacki* : czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. — 1931. — T. 28. — № 1/4. — С. 1—24.

15. Skwarczyńska S. Teoria listu / S. Skwarczyńska. — Wawszawa : Nakł. Tow. Naukowego, 1937. — 373 s.

16. Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI — XVIII wieku. Bibliografia / K. Zawadzki. — Wrocław : Wyd. Polskiej Akademii Nauk, 1977. — Т. 1. 1514—1661. — 228 s.

17. Żydek-Bednarczuk U. Typy, odmiany, klasy... tekstów. W poszukiwaniu kryteriów / U. Żydek-Bednarczuk // *Stylistika a pragmatyka*. — Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. — С. 114—125.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2023,
одобрена после рецензирования 19.08.2023,
подготовлена к публикации 27.08.2023.*

Material resources

- Gradovio, F. (1582). *Hodoeporicon Moschicum illustrissimi principis ac domini, domini Christophori Radiwilonis*. Vilnae. 18 p. (In Latin.).
- Hyacinthus, B. (1580). *Panegyricus In Excidium Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam*. Patavii. 24 p. (In Latin.).
- Kochanowski, J. (1580). *De expugnatione Polottei Ode Joannis Kochanovii*. Varsaviae. 4 p. (In Latin.).
- Kochanowski, J. (1580). *Pieśni trzy Jana Kochanowskiego: O wzięciu Połocka. O statecznym słudze R. P. O uczciwej małżonce*. Varsaviae. 4 p. (In Latin.).
- Libenrodensi, I. M. (1564). *Divina gratia imperante Sigismundo Augusto Polonorum rege potentissimo, Magno Lithuaniae Duce etc. Victoria de Moschis reportata a Magnifico Domino Gregorio Chodcieuitio Castellano Vilnensi, Capitaneo Grodnensi, stipendiarii militis supremo gubernatore...* Viennae Austriae ex officinal Michaelis Zimmermani. 24 p. (In Latin.).
- Litterae Stephani, regis Poloniae, ad ordines Regni Polonici de rebus a se adversus Moscos gestis*. [B. m. dr., 1580]. 4°. Knlb. 4. (In Latin.).
- Litterae Stephani, regis Poloniae, quibus res a se in bello Moschico post captum Vielico Lucum gestas explicat*. [B. m. dr.]. 1581. 4°. Knlb. 8. (In Latin.).
- Mekhovskiy, M. A (1936). *Treatise on two Sarmatians*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 288 p. (In Russ.).
- Memorabilis de crudeli Mostovitarum expeditione narratio*. (1563). Douai, Iacobus Boscardus. 4°. Knlb. 4. (In Latin.).
- Neue Zeitung von der Viktoria und dem Sieg, welche die polnischen, schwedischen und deutschen Kriegsleute bei der Stadt Wenden im 1578 Jahr erhalten haben*. Gdańsk, Jakub Rhode. 1578. 4°. Knlb. 8. (In Latin.).
- Nidecki, P. A. (1581). *Gratulatio II pro clero Varsoviensi. Ad Regem, post victoriam Velcolucensem ex Moscovitis Varsoviam adventatam*. Varsoviae. 8 p. (In Latin.).
- Noviny hrozně, kterak Neptalim, veliké kníže moskevske do zeme litevske vpadl*. (1563). Praha, Sebastian Oks. 4°. Knlb. 6. (In Latin.).
- Pitoyable nouvelle et récit du voyage et envahissement fait par les Moscovites sur le Royaume de Pologne*. (1563). Lyon. 8°. Knlb. 4. (In Latin.).
- Sehr greuliche Neue Zeitung über grausame Tyrannei der Moskowiter an den gefangenen Christen aus Livland*. (1561). Nürnberg, Georg Kreydlein. 4°. Knlb. 4. (In Latin.).
- Semusouio, I. S. (1568). *Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis*. Bononiae. 68 p. (In Latin.).
- Stephani, regis Poloniae, epistola historiam susceptae a se adversus Moschum expeditionis recitans*. [B. m. dr.]. 1579. 4°. Knlb. 8. (In Latin.).
- Stephani, regis Poloniae, epistola historiam susceptae a se adversus Moschum expeditionis recitans*. [B. m. dr.]. 1579. 4°. Knlb. 4. (In Latin.).

References

- Dzjarnovich, O. I. (2010). Matej Strykovsky's poem "The Battle of Uloi" (1564): Figurative series and event specifics. *Studia Slavica et Balcanica Metropolitana*, 2: 127—134. (In Russ.).
- Eilbart, N. V. (2020). Ivan the Terrible's candidacy for the throne of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Polish political pamphlets of the first "free election" (1572—1574).

- Genesis: historical research*, 3: 93—103. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.3.32474. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. (2023). Image of Ivan Terrible in European Propaganda during Livonian War (Poetic Works of S. Wolf and J. Kokhanovsky). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 509—522. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-509-522> (In Russ.).
- Filyushkin, A. I. (2013). *Inventing the first war of Russia and Europe: The Baltic wars of the second half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants*. St. Petersburg: DMITRY BULANIN. 880 p. ISBN 978-5-86007-726-3. (In Russ.).
- Filyushkin, A. I. (2014). The Conquest by Stefan Batory Polotsk in 1579 in the European narrative. *Bulletin of St. Petersburg University*, 2 (1): 5—10. (In Russ.).
- Kovalev, S. (1993). *Heroic-epic poetry of Belarus and Lithuania at the end of the XVI century*. Minsk: “University”. 102 p. ISBN 5-7855-0587-8. (In Belarus.).
- Kovalev, S. (2010). *Multilingual poetry of the Grand Duchy of Lithuania of the Renaissance*. Minsk: Knigazbor. 375 p. ISBN 978-985-6976-10-3. (In Belarus.).
- Maciszewski, J. (1968). *Polska a Moskwa. 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 326 s. (In Polish.).
- Nekrasevich-Korotkaya, Zh. V. (2011). *Belarusian Latin-language poem: Late Renaissance and Early Baroque*. Minsk: BSU. 231 p. ISBN 978-985-518-545-2. (In Belarus.).
- Nekrashevich-Korotkaya, Zh. V. (2011). Latin—speaking poets of the XVI — XVII centuries — enlighteners of Belarus and Novolatinsk poetry as a phenomenon of Belarusian book culture. In: *The role of enlighteners in Belarus and Turkey: materials of the International Journal*. Minsk: RIGA. 84—89. ISBN 978-985-500-491-3. (In Belarus.).
- Prokhorenkov, I. A. (2021). Military and political printed propaganda of the Polish—Lithuanian Commonwealth at the end of the XVI — beginning of the XVII century: Printers in the royal service. *Studia Slavica et Balcanica Metropolitana*, 2: 53—63. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2021.204>. (In Russ.).
- Shamin, S. M. (2020). *Foreign “pamphlets” and “curiosities” in Russia of the XVI — beginning of the XVIII century*. Moscow: The Whole World. 392 p. ISBN 978-5-7777-0765-9. (In Russ.).
- Skwarczyńska, S. (1931). O pojęcie literatury stosowanej. *Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*, 28 (1/4): 1—24. (In Polish.).
- Skwarczyńska, S. (1937). *Teoria listu*. Wawszawa: Nakł. Tow. Naukowego. 373 s. (In Polish.).
- Tsybursky, V. L. (1997). “Europe-Russia”: “The third autumn” of the system of civilization. *Political studies*, 2: 56—76. (In Russ.).
- Zawadzki, K. (1977). *Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI—XVIII wieku. Bibliografia, 1. (1514—1661)*. Wrocław: Wyd. Polskiej Akademii Nauk. 228 s. (In Polish.).
- Żydek-Bednarczuk, U. (2001). Typy, odmiany, klasy... tekstów. W poszukiwaniu kryteriów. In: *Stylistika a pragmatyka*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 114—125. (In Polish.).

*The article was submitted 10.07.2023;
approved after reviewing 19.08.2023;
accepted for publication 27.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сафронова А. М. Деятельность Федора Санникова как надзирателя школ Екатеринбурга (1747—1751) / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 449—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-449-466.

Safronova, A. M. (2023). Activities of Fedor Sannikov as a Supervisor of Schools in Ekaterinburg (1747—1751). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 449-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-449-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-449-466

Деятельность Федора Санникова как надзирателя школ Екатеринбурга (1747—1751)

Сафронова Алевтина Михайловна

orcid.org/0000-0002-4692-3025

доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Alevtina.Safronova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Activities of Fedor Sannikov as a Supervisor of Schools in Ekaterinburg (1747—1751)

Alevtina M. Safronova

orcid.org/0000-0002-4692-3025

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
Alevtina.Safronova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Сафронова А. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые на основе архивных документов изучается деятельность Федора Санникова в должности надзирателя екатеринбургских школ. Отмечается, что ему пришлось исполнять свои обязанности в трудной обстановке, так как между ним и руководством сложились напряженные отношения. Поэтому его предложения, вероятно, намеренно рассматривались долго, с проволочками, или отвергались. Несмотря на недоброжелательное отношение и даже противодействие начальства, Санников приложил все усилия к тому, чтобы модернизировать деятельность школ. В частности, он настаивал на том, чтобы возобновить параллельное обучение учеников ремеслам, как это было введено В. Н. Татищевым согласно документу 1736 года. Санников неоднократно вносил предложения увеличить число учителей арифметической школы, где вел занятия более чем со 100 учащимися. Установлено, что под контролем надзирателя к середине XVIII века в школах Екатеринбурга находилось более 270—280 учащихся, при этом Санников знал о материальном положении, способностях и успехах в учении каждого из них. В условиях роста дороговизны конца 1740-х годов он предлагал обучать учеников ремеслам и разрешать им работать в мастерских во второй половине дня, поскольку казенного жалования учащихся не хватало на одежду, обувь, еду и многим приходилось просить милостыню. Санников уделял внимание и вопросу обучения детей дворян, которых родители не стремились отдавать в школы.

Ключевые слова:

Екатеринбург; история образования; Федор Санников; надзиратель школ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines, for the first time, the activities of Fedor Sannikov as the superintendent of Yekaterinburg schools, based on archival documents. It is noted that he had to fulfill his duties in a difficult environment, as tensions arose between him and the administration. As a result, his proposals were likely intentionally delayed or rejected. Despite the unfavorable attitude and even resistance from his superiors, Sannikov made every effort to modernize the schools. In particular, he insisted on reintroducing parallel vocational training for students, as introduced by V. N. Tatishchev according to a document from 1736. Sannikov repeatedly made proposals to increase the number of teachers in the arithmetic school, where he taught over 100 students. It has been established that under the supervision of the superintendent, there were more than 270-280 students in Yekaterinburg schools by the mid-18th century, and Sannikov was aware of the financial situation, abilities, and academic achievements of each of them. In the conditions of rising costs in the late 1740s, he proposed training students in crafts and allowing them to work in workshops in the second half of the day, as the students' government stipend was not enough for clothing, shoes, food, and many had to rely on charity. Sannikov also paid attention to the education of noble children whose parents were not inclined to send them to schools.

Key words:

Yekaterinburg; history of education; Fyodor Sannikov; school superintendent.

Деятельность Федора Санникова как надзирателя школ Екатеринбурга (1747—1751)

© Сафронова А. М., 2023

1. Введение = Introduction

Существуют немногочисленные работы, посвященные исследованию организации образования на Урале, в том числе горнозаводскому обучению, а именно: изучению уникальной для Урала системы политехнического образования [Нечаев, 2017], взглядов Н. Н. Демидова, считавшего, что обучение населения в уральской горнозаводской местности с ее промышленностью должно быть организовано в соответствии с «теорией пансионов» [Черноухов, 2003], появлению первых школ в начале XX столетия в южно-зауральской провинции [Михашенко, 2005], профессиональной деятельности и судьбе уральского горного деятеля И. И. Сусорова, который в 1744—1750 годах преподавал в екатеринбургских школах [Дерябина, 2020], жизни и работе выдающегося металлурга, инженера, ученого, педагога Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло (1864—1928), читавшего лекции по металлургии в университетах С.-Петербурга и Екатеринбурга [Ярошенко и др., 2014], воспитательной миссионерской деятельности протоиерея Александра Степановича Миропольского в Каслинском башкирском приюте, созданном в 1891 году Екатеринбургским комитетом Православного миссионерского общества [Дашкевич, 2022], истории организации учебного процесса в Екатеринбургской духовной семинарии в начале XX века [Акишин и др., 2016].

Одним из ярких представителей администрации горных заводов Урала, прошедших путь от выпускника Екатеринбургской арифметической школы до горного офицера, видного специалиста, является Федор Иванович Санников, о котором писали уральские исследователи, см., например: [Козлов, 1981, с. 123—124; Корепанов, 2005, с. 42, 57, 62—65, 122; Цеменкова и др., 2022, с. 302—305, 378—382]. Нами впервые опубликована статья о Санникове — учителе арифметической школы Екатеринбурга (1734—1741) [Сафронова, 2023, с. 430—445]. Между тем в 1747—1751 годах Санников не только преподавал математику в Екатеринбурге, но и являлся надзирателем всех екатеринбургских школ. Об этом периоде его деятельности нет сведений в литературе. Лишь В. Н. Будрин процити-

ровал его доношение 1751 года о том, что есть необходимость в учителе геометрии [Будрин, 1950, с. 77—78]. Поскольку Санников проявил себя на должности надзирателя школ очень активно, несмотря на неблагоприятно сложившиеся отношения с начальством, мы решили посвятить его деятельности специальную статью.

В 1743 году служба обер-офицера Санникова в Екатеринбурге неожиданно пресеклась. 24 августа член канцелярии Н. Г. Клеопин ночью вызвал всех офицеров к себе домой по срочному делу. Санников не явился, заявив, что дела на дому не решаются, тем более ночью: они вершатся «от имени е. и. в., а не по вашей команде и прихоти», — за что был Клеопиным арестован.

По стечению обстоятельств проезжавший через Екатеринбург на Колывано-Воскресенские заводы бригадир А. Ф. Беэр вызвал Санникова к составлению чертежей для Кабинета е. и. в. Поскольку представился случай, Санников подал Беэру жалобу на 14 листах, тот отправил Санникова с охраной в Кабинет е. и. в. [Цеменкова и др., 2016, с. 380—381]. Побывал Санников и в Канцелярии Тайных розыскных дел, которая в октябре 1744 года констатировала, что хотя он «продерзския слова... и писал», но «пущей важности в тех словах никакой не признается», за это подлежит штрафу, а по именному указу от 15 июня 1744 года — прощению, поэтому было дано распоряжение его освободить и оставить при должности [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 48, с. 983—984].

Проведя по прихоти Клеопина почти полтора года под арестом, 8 января 1745 года Санников подал донос на него в Берг-коллегию, а 15 числа коллегия утвердила того первым членом Канцелярии Главного заводов правления. Указом Берг-коллегии от 16 февраля 1745 года в сопровождении двух солдат Санников был отправлен в Екатеринбург с предписанием: определить его сразу же к заводским делам, не отлучать из Екатеринбурга; создать специальную следственную комиссию по его жалобе [Там же, д. 49, с. 280—281].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основными источниками для исследования послужили подлинные доношения Санникова как надзирателя школ в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов, отложившиеся в двух делах школьного повышения канцелярии — деле 1248, где оказались подшиты документы за 1748—1749 годы, и деле 2321, содержащем более тысячи листов с документами с 1742 года по 1750-е годы, причем в обоих делах документы подшиты не по хронологическому принципу, а вперемежку. Текст доношений сопровождают делопроизводственные выписки и определения, приказы, вынесенные членами канцелярии. Отметим отсутствие в этих делах документов о назначении Санникова на должность, как и об освобождении от

нее, отсутствие «сдаточных списков» о передаче дел. В делах отложилось только две ведомости о школах за 1749 год, поданные Санниковым. По сути, отсутствуют документы, освещающие его деятельность как учителя и его занятия по выполнению заводских чертежей. Об этом упоминается лишь вскользь. Выявлено несколько указов центральных органов управления, касавшихся судьбы Санникова, сосредоточенных в особых делах с документами вышестоящих органов, поступавших в канцелярию. Дополняют информацию о Санникове и его судьбе протоколы заседаний канцелярии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности положения Санникова во второй период его школьной деятельности (1747—1751)

Безусловно, служебная деятельность Санникова в эти годы проходила под определяющим воздействием особых обстоятельств, сложившихся вследствие того, что в 1745 году он направил в центральный орган управления горными заводами донос на Н. Г. Клеопина, под командой которого Санникову пришлось продолжать службу, да еще в условиях активной работы специальной комиссии, рассматривавшей его донос. Неизвестна должность, с которой он был определен в марте 1747 года к школьным делам вместо унтер-механика Ивана Сусорова. К этому времени число учащихся в арифметической школе по сравнению с 1741 годом удвоилось: арифметике, геометрии и тригонометрии в конце 1746 года, согласно справке, обучалось 103 ученика и трое маркшейдерских [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 324].

Конечно, сложившаяся ситуация не могла не сказаться на взаимоотношениях Санникова с начальством, тем более что он как надзиратель школ начал активно подавать в канцелярию предложения о необходимости изменений в организации деятельности школ. Он продолжал вести себя как человек чести, не обращающий внимания на неблагоприятную атмосферу, сложившуюся вокруг него, не боящийся проявлять инициативу, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, прилагая все силы, чтобы улучшить жизнь школ и их учащихся. Ни один другой надзиратель екатеринбургских школ в течение первой половины XVIII века не внес столько дельных предложений начальству, касавшихся организации деятельности школ, как Санников.

Только приняв дела по школам от Ивана Сусорова, уже 18 марта 1747 года Санников подает доношение в канцелярию с предложением назначить вторым учителем арифметики копииста Герасима Черепанова, учителем геометрии — из учеников механики, поскольку детей в школе более 100 человек и ему одному справиться сложно. Начальство отреагировало только по прошествии 9 месяцев (!), 30 декабря 1747 года, принимая

решение об отправлении в Берг-коллегию разработанного им «расписания о школах», заявило: пока указ из коллегии об этом «расписании» получен не будет, «в арифметической, геометрической и тригонометрической школах обучать ему, Санникову, самому с помощью из них (учеников. — А. С.) первостатейных и поступать во обучении тех наук, как до сего учреждено» [Там же, оп. 12, д. 371, с. 316]. Назначение учителя в помощь Санникову при таком большом количестве обучаемых могло бы ускорить подготовку выпускников, требовавшихся заводам.

14 марта 1748 года Санников снова возвращается к этому вопросу, впервые подробно излагая свои обязанности в качестве учителя и надзирателя. Из этого доношения мы узнаем о существовании повседневной практики проведения учителем опросов учащихся арифметической школы, неизвестной нам по другим источникам, то есть о методике проверки математических знаний, усвоенных подростками: «понеже обучение арифметики и геометрии требует такого смотра, чтоб учитель каждого ученика спрашивал перед себя пред полуднем два и после полудни два ж раза. К сему мене собственно на меня положенная должность, содержание и обучение всех школ, не допустит».

И далее Санников обращает внимание начальства на трудности совмещения обязанностей учителя, с учетом того что он один на большую школу, с обязанностями надзирателя, подчеркивая, что «одна оная труда требует много, ибо во всех школах учеников находится около двусот человек, за которыми как в нижних, так и в вышних науках за всеми присмотреть и с каждым хотя не ежедневно, однако почасту поговорить и освидетельствовать должно. Также и жалованье на все школы, к ним припасы, материалы требовать, принимать, содержать, раздавать необходимо надобно. А сверх того, еще и копирование случающихся по оной канцелярии чертежей мне же полагается» [Там же, оп. 1, д. 1248, л. 122—122 об.]. И в отношении надзирательских обязанностей Санников впервые четко заявляет, что надзирателю, отвечающему за всех учеников, полагается «почасту поговорить и освидетельствовать» каждого, чтобы представлять, как он продвигается в усвоении предмета.

При этом Санников весьма критично высказывается по поводу предложенного начальством использования способных учащихся в помощь учителю: «... оные сами будут в науке продолжаться», то есть дольше усваивать новый материал, «и от обучающихся науку скрывать или упущать... как то до сего уже и было, что ученики почти все по семи лет и по восьми лет один только арифметик обучали». На этот раз Санников предлагает определить учителем арифметики и геометрии из учеников тригонометрии Дмитрия Лаптева, так обосновывая свой выбор: «хотя в науке не весьма остр, однако ж в житье кажется других повоздержнее, а когда

оное собственно на нем спрашиватьца будет, то ему и во всем наилучче исправляться будет». То есть обращает внимание на личность юноши, рекомендуемого учителем, на его характер, полагая, что порой это важнее, чем острота его знаний. Через 5 месяцев, 17 августа 1748 года, члены канцелярии И. Н. Юдин и Г. У. Райзер отреагировали: когда после майской трети школьникам «экзаменоване будет», тогда вопрос и рассмотрится. Но, согласно справке, 23 августа 1749 года Лаптев был «определен к Екатеринбургским ротным делам писарем» [Там же, л. 123].

В январе 1749 года школьным подмастерьем в Екатеринбургскую школу начальство определило Василия Горшкова, причем по собственной инициативе [Там же, л. 13—17, 25]. Сын бобыля, Горшков обучался чтению и письму на дому за плату, в мае 1732 года отец отдал его, 13-летнего, учиться арифметике. Именно Санников как учитель доносил И. Н. Юдину в сентябре 1736 года о нем: «в твердость арифметик окончал, которого надлежит обучать геометрии» [Там же, оп. 12, д. 205, л. 526—526 об.; 538]. Но не успел Горшков приступить к геометрии, как был назначен учителем арифметики в новую школу Каменского завода, где проработал вплоть до ее закрытия в октябре 1742 года, потом по май 1746 года трудился у лесных и приказных дел. Хотя Горшкову исполнилось всего 27 лет, из-за плохого здоровья его отпустили домой на год, потом еще на один. Видимо, он страдал гнойным отитом, болело ухо, от него и голова, правая рука была вывихнута, кисть повреждена и, как констатировало начальство, стал он «всем корпусом...стар и дряхл» и ногами плох — отекали [Там же, оп. 1, д. 1248, л. 13—17]. Конечно, Горшков уступал кандидатам, предлагавшимся ранее Санниковым, да и по состоянию здоровья ему было трудно работать с большим количеством подростков, изучавших арифметику, более 70 человек, поскольку он не владел геометрией.

В марте 1748 года Санников обратил внимание, что пастору Сехтингу, прибывшему из Нерчинска по делам духовной службы 20 ноября 1747 года, начальство велело «быть при прежнем деле». А место Сехтинга, учителя немецкой школы, занял ее бывший преподаватель А. Миссет, вернувшийся из Москвы днями ранее. По прошествии четырех месяцев Санников резонно ставит перед начальством вопрос: каких учеников и чему должен обучать Сехтинг? [Там же, л. 92]. Опять-таки только 20 июня 1749 года, то есть по прошествии 17 месяцев (!), члены канцелярии постановили: «чтоб он празден не был... дать ему из немецкой школы учеников восемь человек и обучать латинскому языку на таком же основании, как он и прежде обучал... А в немецкой школе содержать двенадцать человек и для того в то число добавить из афицерских и знатных приказных служителей детей из других школ». [Там же, л. 95 об.]. Так, благодаря запросу Санникова, в Ека-

теринбурге возобновила деятельность латинская школа, закрытая властями в декабре 1741 года.

26 апреля 1748 года Санников поднимает в очередном доношении вопрос, заслушанный 22 сентября: «...представляет, чтоб находящихся в здешних школах учеников обучить по силе “Учреждения” о школах по класом руды познавать и пробовать, механике, архитектуре, камень резать и гранить, токарному, столярному и паяльному, объявляя, что оные мастерства за одно школьное жалованье содержаны быть могут, также про заводской расход и на продажу совершенно будут исправляемы» [Там же, оп. 12, д. 371, с. 316]. Начальство навело справки, констатировало, что на основании «сообщения» президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, вынесенного в октябре 1746 года во время пребывания его в Екатеринбурге, «учинено в здешней Канцелярии примерное расписание школ, которое для конфермации послано при доношении в Берг-коллегию... Токмо оно еще не получено». Поэтому приказывалось: «о содержании здесь школ послать еще раз в Берг-коллегию доношение и требовать ... указа», по его прибытии предложение Санникова будет рассмотрено. «А до того должно при школах во учении детей поступать по силе данного наставления от господина тайного советника Татищева..., о чем в школы подтвердить указом» [Там же, д. 380, с. 183]. Поскольку Санников как раз предложил вернуться к практике обучения школьников различным ремеслам во второй половине дня, введенной В. Н. Татищевым «Учреждением» 1736 года (см.: [Сафронова, 1989, с. 76—79]), такое решение, вынесенное первым членом Н. Г. Клеопиным и Г. У. Райзером, противоречило здравому смыслу.

11 октября 1748 года Санников опять сообщает начальству: «Екатеринбургских школ ученики платьем и обувью почти все недовольны, а другие и питаются милостынею, понеже при нынешней дороговизне платья, обуви и хлеба определенного жалованья им весьма не достает, а у некоторых из того же жалованья вычитаются подушные деньги, и для того оных в науке содержать невозможно. А при заводах такие вакансии, яко в доменные, фурмовые, меховые, слесарные и каменнорезные и инструментальные фабрики, где бы знающие геометрии и чертежей быть должны, комплектуются людьми безграмотными, и в приказные люди производятся арифметика не знающие.

Того ради Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов покорно представляю, не соблаговолено ль будет возрастных всех, кои арифметику обучили и кои геометрии и чертежам обучаются, назначить в компле[к]т к упомянутым мастерствам, хотя с небольшою прибавкою жалованья и обращаться до полудня для окончания наук при школе, а после полудня при работах в упомянутых мастерствах, чем они прибавочное жалованье заслужить могут. Тако ж и малолетние, кои в подушной

оклад положены, а писать хорошо умеют, не соблаговолено ль будет определить в копейсты, а кто имяны возрастные, скольких лет, каких отцов дети и в какой науке состоят, тако же и кто в подушном окладе положены и писать умеют хорошо, о том при сем прилагается реэстр» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1248, л. 438—439].

Как видим, Санников хорошо продумал вопрос об использовании учащихся для обучения мастерам и в качестве копиистов; провел большую подготовительную работу, составив списки-рекомендации учеников. Фактически он попытался по-новому поставить вопрос об обучении подростков, овладевших математикой, различным ремеслам, параллельно школьным занятиям, не упоминая об «Учреждении» Татищева, чтобы лишний раз не раздражать начальство. Безусловно, это было бы действенным выходом из сложного материального положения учащихся, позволило бы им овладеть определенными практическими навыками еще на школьной скамье, что пригодились бы при будущем распределении к делам и могло одновременно принести определенную прибыль заводам. Он не постеснялся констатировать и явное недовольство учащихся недостаточностью получаемого казенного жалованья в условиях очередной дороговизны товаров, имевшей место в конце 1740-х годов, к тому же часть учащихся платили и подушную подать.

Текст этого доношения был скопирован нами при первом знакомстве с делом. К сожалению, листы с текстом доношения, реестром учащихся и решением начальства в деле не сохранились, при замене страниц на листы утрата части документов осталась неотмеченной. Во внутренней описи дела доношение фигурирует на 438 странице, текст следующего документа дела — на странице 476, то есть реестры, подготовленные Санниковым об определении учащихся к делам, были основательными: вместе с выписками, прошениями учеников, решениями начальства они занимали 48 страниц.

14 февраля 1750 года Санников составляет, а 9 марта подает доношение о необходимости комплектования школ дворянскими и подьяческими детьми. «По определениям... канцелярии подтверждается, чтоб латинского и немецкого языков школы комплектовать афицерскими и подьяческими лутчих людей детьми, токмо ныне за неимением таких укомплектованы по большей части салдатскими и работных людей детьми за тем, что афицеры и подьячие детей своих в школу не объявляют. А понеже здесь не токмо латинского и немецкого языков, но собственно к горному и заводским делам принадлежащим и вышним наукам, кроме Екатеринбурга, школ нигде не учреждено и партикулярных учителей еще не слышно, разве токмо читать и писать и часть арифметика, почему видно, что оные (отцы. — А. С.) токмо от себя отлучить не желают». Санников предлагает детей выше

7 лет, умеющих читать и писать, «забрать в здешнюю школу, и у которых дети пяти и шести лет, тех во обучении читать и писать и о представлении в школу на срок обязать подписками» [Там же, д. 2321, л. 425].

Это предложение Санникова также являлось важным для дальнейшего развития производства. Дети дворян во второй период руководства заводами В. Н. Татищева забирались со всей территории горнозаводского ведомства для обучения в екатеринбургские школы (см.: [Сафронова, 2020, с. 8—14]). Только после 1742 года, с изменением состава зачисляемых учащихся (сироты, дети отставных, солдат и разночинцев, остальные — по желанию родителей), дворяне стали предпочитать обучать своих детей на дому. Санников верно отмечает, что курс домашнего обучения был ограниченным, а заводы нуждались в подготовке собственных командных кадров из дворян.

Далее следовали выписки о детях дворян, подьячих и определениях канцелярии об их обучении в школах 1740-х годов, но какое-либо новое решение по этому вопросу в деле отсутствует, то есть этот вопрос начальство не стало рассматривать специально, ограничившись своими определениями от 29 марта 1745 года и 10 января 1746 года об обязательном обучении детей дворян, управителей заводов в школах, а где школ не учреждено, отправке их в Екатеринбург, кроме удаленных мест — Нерчинска и Красноярска [Там же, д. 2321, л. 426—428 об.]. Но заметим, Санников констатировал, что эти определения не выполняются, и дети дворян, подьячих продолжают обучаться на дому. Предлагал даже обязать представителей этих социальных категорий отдавать «малолетов» в обучение с 7 лет «подписками».

Все эти предложения, поданные Санниковым как надзирателем школ в Канцелярию Главного правления заводов, — яркое свидетельство его активной позиции в отношении организации их работы. Рассмотренные нами доношения Санникова позволяют считать его одним из акторов процесса модернизации учебных заведений в середине XVIII века, достойным учеником и последователем В. Н. Татищева, проводившим его политику в этом вопросе. Возможно, если бы не его противостояние с первым членом правления Н. Г. Клеопиным, начальство не затягивало бы демонстративно так надолго рассмотрение его предложений и не отвергало их по существу. Позиция, занятая членами канцелярии, фактически являлась тормозом на пути развития школ: ничего не менять или решить вопрос после одобрения Берг-коллегией «расписания школ» 1747 года. Уральское начальство не решалось, да и не хотело брать на себя ответственность и проявлять инициативу, покорно ожидало ответа из Москвы, от Берг-коллегии.

Санников как надзиратель предлагал и конкретные решения в отношении отдельных учащихся. Так, в январе 1749 года предложил отправить на Полевской завод к матери двух сирот Петуховых, Нифантия и Игна-

тия, зачисленных в словесную школу Екатеринбурга 9 июля 1748 года после смерти отца, горного ученика. Первый, по замечанию Санникова, был «языком гугнив», второго следует обучать «разве токмо чтению и письму, а от других наук он уже урости может, да они ж и содержания здесь не имеют», мать живет при Полевском заводе. Санников предлагает Нифантия отпустить к матери до 15 лет, Игнатия обучать в Полевской школе «при содержании родительницы». Заметим, оба ученика как сироты имели право на жалованье, но его не получали. Сам Клеопин согласился с предложениями и предписал перевести ученика в Полевскую школу с назначением жалованья [Там же, д. 1248, л. 39—39 об.].

Представление о числе учащихся арифметической школы и других школ, находившихся под контролем Санникова как надзирателя, дает ведомость, поданная им за 2/3 1749 год. В арифметической школе, по нашим подсчетам, учтено 104 ученика: двое «маркшейдерского искусства» (дети солдата и капрала 17 и 16 лет); «чертежные ученики» — 2 человека; 4 — в тригонометрии; из знаменованной школы — 5 человек, обучающихся параллельно арифметике; «геометрии ученики» — 7; «арифметические» — 73; «немецкие» — 21 человек; словесной школы — 160 учащихся. Кроме того, вставлен лист с дополнительной информацией: «*да обучаются без указу на казенном коште без жалованья*» 7 человек, в числе которых сын умершего столяра, отставного солдата, молотового мастера, двое подьяческих, умершего молотового подмастерья и умершего плотника. Они завершили обучение геометрии, учили разные части «знаменования», подьяческие учились еще и пению [Там же, л. 124—148 об.]. Эти дети не прошли официального зачисления, при этом пятеро имели законное право учиться на казенном жалованье. Таким образом, во всех школах Екатеринбурга под контролем Санникова числилось 288 учеников, из которых более половины обучалось в словесной школе.

Вторая ведомость была подана Санниковым за 3/3 того же 1749 года [Там же, л. 298—319]. «Маркшейдерского искусства» остался один ученик, в чертежах вместо двух стало 6 человек, из знаменованной школы — 4, а из изучающих геометрию образовался целый класс — 24 ученика, в арифметике по-прежнему числилось 73 человека. Всего в арифметической школе было учтено 108 учеников, в немецкой — 13, выделилась латинская — 8 человек, в словесной — 148, при этом часть переведена в арифметическую школу. Всего Санников контролировал обучение 273 человек. К сожалению, ни в одном документе не оговаривалось, как делились учащиеся между Санниковым и Горшковым.

30 июля 1748 года в канцелярии слушали доношение Санникова о школьниках Андреянове и Прокопьеве: «они находятся во многих про-

дерзостях и в непостоянном житии себя содержат и других к тому возбуждают». На это доношение начальство отреагировало так: «А понеже канцелярии не без известно, что находящиеся в школах ученики косо учатца и в непорядочные поступки впадают более от слабого учительского и определенного к смотрению над школами шихтмейстера Санникова. Довольно канцеляриею примечено, что он в школах не только по полудню, но и по целому дню не бывает, в некоторые же дни хотя и бывает, но надлежащих часов не высиживает, чрез что ученики, видя ево в том ...нерачительна, то же чинят. Того ради ему, Санникову, объявить, чтобы он, как надо, [за] учителями прилежное имел смотрение, и всегда определенные часы в школе высиживал, и школы оные содержал по силе «Учреждения» в надлежащем смотрении и порядке, и учеников к добропорядочным же поступкамставлял и от непорядков, своевольностей и лености отвращал. А чтоб он всегда определенные часы высиживал, ради того смотрение иметь над ним определенному за вахмистра артиллерийскому капралу Панкрату Иванову. Буде же в которые дни он в школе не будет или будет, да поздно придет и ранее определенных часов уйдет, о том иметь ему записку по тому, как и над прочими афицерами определено ему смотреть, и по прошествии трети предлагать канцелярии. И для того сие объявить ему подпискою» [Там же, оп. 12, д. 378, с. 316—317].

Самому Санникову об этом решении ничего не сообщили. 17 февраля 1749 года начальство, слушая его доношение «о неведении ево, чтоб он указные часы при школах высиживал», а капрал Иванов смотрел за ним, решило: отдать доношение Санникову «возвратно с крепким подтверждением, чтоб он впредь в противность Генерального Регламента 55 главы поступать не дерзал под опасением неотменного штрафа» [Там же, д. 385, с. 196]. Пребывание в неизвестности о принятом решении, видимо, вплоть до конца последней трети 1749 года, весьма показательно. Вероятно, начальство преднамеренно не известило Санникова. Надо полагать, пропусков занятий он не допускал, иначе штраф или какое-то другое наказание было бы на него наложено.

Если в июле 1748 года на доношение о плохом поведении учеников начальство обвинило самого Санникова, то на подобное доношение от 6 сентября 1748 года вообще не отреагировало. Санников сообщал, что «арифметической школы ученик Иван Стадухин 16 лет (отец — скончавшийся сын боярский), знаменованной — Михайло Чечнев 15 лет, сын солдата, «не токмо к науке не прилежат, но и пишут плохо, а более находятся в прогулах, в шалостях и плутнях, за что часто были наказываны многократно». Интересна информация об этих наказаниях, примененных надзирателем, и мерах, чтобы заинтересовать их в обучении: «в бытность мою в 1747-м

и 1749-м годах, кроме словесных наставлений и легких штрафов, наказываны лозами Стадухин семь раз, Чечнев четыре раза, и для усмотрения их склонностей перевозжены были Стадухин — в немецкую, Чечнев — в знаменованную, токмо и в том никакой охоты не имеют». Поэтому Санников предложил «для страху другим возрастным учеником Стадухина и Чечнева определить в горную работу». Согласно справке, Чечнев был определен в солдаты, Стадухина же оставили в школе [Там же, оп. 1, д. 1248, л. 160]. Как видим, предложение о распределении их в горную работу поддержано не было, начальство поступило по-своему, без каких-либо объяснений.

Изучение протоколов заседаний канцелярии за 1751 год показало, что в первой половине года Санников, продолжая пребывать на должности надзирателя, 7 марта 1751 года просил о назначении специального учителя в арифметическую школу «хотя бы из старших маркшейдерских школьников или из учеников чертежей»: «Ныне при Екатеринбурге в окончании геометрии, в тригонометрии, в чертежах и маркшейдерстве имеется 65 человек, которым те науки надлежит показывать действием инструментов и практикою, тако ж механическое и прощпективное руководство толковать, а учителя к тому не определено... хотя определенный каменного дела надсмотрщик Егор Сунгуров оное частью производить может, однако ж ему от копирования чертежей и геометрических учеников, которых особо до 51 человека, отлучаться не можно, а практики и толкования во все лето продолжатся и всегда вне школы быть надлежит. Чего ради при том потребно быть другому учителю...» [Будрин, 1950, с. 77—78].

Из доношения следует, что число учащихся, достигших высших наук в арифметической школе в 1751 году, резко увеличилось, что обучал их и одновременно копировал чертежи Егор Сунгуров. В ведомости школы за 2/3 1749 года он числился среди учеников чертежей как сын умершего лекарского ученика в возрасте 21 года, поступивший учиться в знаменованную школу в августе 1747 года. Согласно сведениям из графы, «кто куда отлучен или взят был и куда», 16 июля 1749 года он был «определен к надзиранию» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1248, л. 126]. Поскольку Санников называет его «определенный каменного дела надсмотрщик», значит, Сунгуров был определен к надзиранию работ по резке камня. Для нас важна информация, что ученики геометрии, тригонометрии, чертежей, маркшейдерские в течение лета должны были проходить практические занятия вне школы.

Согласно содержанию справки канцелярии, 14 мая 1750 года по требованию того же Санникова, уже берггешворена, члены канцелярии велели быть Сунгурову «для помощи в обучении детей при школе в каждой недели 4, да у надсмотру мраморной фабрики и у обучения практике того дела и для вождения машин» — 2 дня [Там же, оп. 12, д. 411, с. 35]. Сунгу-

ров же (по просьбе шихтмейстера Ивана Сусорова от 22 марта 1751 года) был освобожден канцелярией от работы в школе решением от 16 апреля 1751 года: ему предписывалось быть всегда «у смотрения над помянутою каменнорезною фабрикою для помощи при шихтмейстере Сусорове, у обучения тому делу на практике», а члену канцелярии, под ведением которого школы состоят, то есть И. Юдину, было рекомендовано «вместо ево, Сунгурова, для обучения детей, выбрав, определить из здешних школ к тому достойного» [Там же].

Санников подавал рапорты о выдаче жалованья учащимся школ Екатеринбурга каждый месяц по июль 1751 года. С августа документы о выдаче жалованья стали подаваться вместо него шихтмейстером Иваном Сусоровым, а в его отсутствие — учителем А. Миссетом.

Протокол заседания канцелярии от 12 декабря 1751 года проливает свет на причины этого. На этом заседании заслушивался указ Берг-коллегии от 9 октября 1751 года, полученный в Екатеринбурге 11 декабря. Указом предписывалось Санникова из-под караула освободить, поэтому начальство приказало: солдат, бывших в карауле у него в доме, «свести»; Санникову быть по-прежнему «у обучения» детей; принять «бывшие прежде в его ведении дела» от Сусорова «по учиненной им росписи». Было дано распоряжение вернуть Санникову описанный дом и пожитки по росписи при протоколисте Кабакове и сержанте Панаеве, присутствовавших при их описании. Жалованье с момента получения указа велено было давать полное, но не было принято решения в отношении части жалованья, удержанной в казне «с того числа, как он от комиссии под караул отдан, то есть с 24 июля». Предписывалось направить в Берг-коллегию представление о том, «давать ли» удержанную часть жалованья Санникову. При этом отмечалось, что без повелительного указа Берг-коллегии удержанное жалованье «выдать опасно», поскольку Санников «при делах не был, а содержался под караулом [праздно]» [Там же, д. 419, с. 178—179]. В литературе об этом инциденте, указе Берг-коллегии сведений нет, и нужны дополнительные разыскания документов о причине второго ареста учителя. Главное, мы получили достоверную информацию о его временном отстранении от должностей и возвращении к ним с 12 декабря 1751 года.

Но 14 января 1752 года члены канцелярии слушали доношение о выдаче жалованья ученикам екатеринбургских школ за декабрь по-прежнему от шихтмейстера Сусорова; 23 января 1752 года — «от надзирания школ шихтмейстера Ивана Сусорова» об аттестации в унтер-шихтмейстеры четырех выпускников арифметической школы и необходимости определить учителей-помощников в нее [Там же, д. 420, с. 159, 308—310]. То есть Санников по каким-то причинам был смещен с должности надзирателя и

учителя, и необходимо уточнить дату его отстранения. Заметим: доношения Сусорова, поданные в 1752 году о расширении круга учителей школ, рассматривались начальством быстро и положительно.

4. Заключение = Conclusions

Федор Санников за четыре с небольшим года деятельности в качестве надзирателя екатеринбургских школ показал себя человеком чести и большого внутреннего достоинства. Его нравственная позиция, предпринятые усилия и достижения периода 1747—1751 годов убеждают в том, что человек способен стойко противостоять сложным обстоятельствам. Он сумел в условиях вынужденного подчинения начальству, отрицательно относившемуся к нему, а потому не оказывавшему поддержку и даже противодействующему проволочками в решении назревавших вопросов, выражать собственное мнение, поднимать в доношениях, обращенных к этому начальству, важные вопросы, способные изменить жизнь молодого поколения, приобретающего знания в горнозаводских школах, в лучшую сторону, как и в целом организацию деятельности школ.

Несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, прямое игнорирование его предложений, рассмотрение их по прошествии многих месяцев с момента подачи, он смог действовать, руководствуясь исключительно своей совестью, продолжать делать все от него зависящее в соответствии со своим должностным положением и кругом обязанностей.

Это важный эпизод в истории уральского горнозаводского образования: позиция и деятельность Ф. Санникова достойны подражания.

Новые данные, извлеченные из архивов и проанализированные в статье о деятельности Федора Санникова, ярко отражают его непреклонность в постановке и достижении целей: именно таким принципам должен следовать человек, какую бы должность он ни занимал, если он уверен в своей правоте и стремится изменить окружающий мир к лучшему. Эти данные, несомненно, будут учтены в будущих работах о жизненном пути этого видного специалиста, выпускника и затем надзирателя уральских школ.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 1248. Лл. 13—17; 39—39 об.; 92; 95 об.; 96—97; 122—122 об.; 123; 124—148 об.; 126; 160; 298—319; 438—439; Д. 2321. Лл. 324; 425; 426—428 об.; Оп. 12. Д. 48. С. 983—984; Д. 49. С. 280—281; Д. 371. С. 316; Д. 378. С. 316—317; Д. 380. С. 183; Д. 385. С. 196; Д. 411, С. 35; Д. 419. С. 178—179; Д. 420. С. 159, 308—310.

Литература

1. Акишин С. Ю. История Екатеринбургской духовной семинарии (1912—1919) : преподавательская корпорация, воспитанники, учебный процесс / С. Ю. Акишин, А. В. Печерин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2016. — № 3 (15). — С. 33—78.
2. Бүдрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Бүдрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск : [б. и.], 1950. — С. 45—98.
3. Дашкевич Л. А. «Дневник инородческого миссионера» : жизнь воспитанников Каслинского башкирского приюта в записках Православного клирика / Л. А. Дашкевич // Уральский исторический вестник. — 2022. — № 3 (76). — С. 161—169. — DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-161-169.
4. Дерябина Ю. В. Горный деятель XVIII века — Иван Ильич Сусоров / Ю. В. Дерябина // Двенадцатые Татищевские чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 19—20 ноября 2019 года. — Екатеринбург : КВАДРАТ, 2020. — С. 296—300.
5. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начало XX века. Биографический справочник / А. Г. Козлов. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. — 224 с.
6. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 274 с.
7. Михашенко А. Л. Зарождение низшего профессионального образования / А. Л. Михашенко // Самоопределение личности. Новые подходы и технологии : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. Д. Сазонова, Курган, 25 февраля 2005 года. — Курган : Курганский государственный университет, 2005. — С. 58—63. — ISBN 5-86328-782-9.
8. Нечаев М. Г. Пермская модель политехнического образования в период XVIII — первой половины XIX века / М. Г. Нечаев // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. — 2017. — № 2. — С. 83—93. — DOI: 10.15593/pern.kipf/2017.2.11.
9. Сафронова А. М. Вклад В. Н. Татищева в организацию обучения детей дворян и подготовку командных кадров для казенных заводов Урала и Сибири (1734—1739 годы) / А. М. Сафронова // Двенадцатые Татищевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 19—20 ноября 2019. — Екатеринбург : ООО «Издательство КВАДРАТ», 2020. — С. 8—14.
10. Сафронова А. М. Формы профессиональной подготовки учащихся горнозаводских школ Урала в первой половине XVIII в. / А. М. Сафронова // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма : Сб. науч. трудов. — Свердловск : [б. и.], 1989. — С. 71—86.
11. Цеменкова С. И. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. : биографический справочник / С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов. — Санкт-Петербург : Алетей, 2022. — 446 с. — ISBN 978-5-00165-567-1.
12. Черноухов Э. А. Концепция обучения Николая Никитича Демидова / Э. А. Черноухов // Историко-педагогические чтения. — 2003. — № 7. — С. 438—443.
13. Ярошенко Ю. Г. Выдающийся металлург, инженер, ученый, педагог Владимир Ефимович Грум-Гржимайло / Ю. Г. Ярошенко, Н. А. Спиринов // Творческое наследие В. Е. Грум-Гржимайло: история, современное состояние, будущее : сборник докла-

дов международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения великого русского ученого-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, Екатеринбург, 27—29 марта 2014 года. — Екатеринбург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — Часть 1. — С. 13—23.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023,
одобрена после рецензирования 25.07.2023,
подготовлена к публикации 20.08.2023.

Material resources

GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration)*. (In Russ.).

References

- Akishin, S. Yu., Pecherin, A. V. (2016). History of the Yekaterinburg Theological Seminary (1912—1919): teaching corporation, pupils, educational process. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 3 (15): 33—78. (In Russ.).
- Budrin, V. N. (1950). Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries. In: *Materials of the 2nd Scientific Conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk*. Sverdlovsk: [b. i.]. 45—98. (In Russ.).
- Chernoukhov, E. A. (2003). The concept of teaching Nikolai Nikitich Demidov. *Historical and pedagogical readings*, 7: 438—443. (In Russ.).
- Dashkevich, L. A. (2022). “Diary of a foreign missionary”: the life of the pupils of the Kasli Bashkir orphanage in the notes of an Orthodox cleric. *Ural Historical Bulletin*, 3 (76): 161—169. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-161-169. (In Russ.).
- Deryabina, Yu. V. (2020). Mining worker of the XVIII century — Ivan Ilyich Susorov. In: *Twelfth Tatishchev readings: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, November 19—20, 2019*. Yekaterinburg: KVADRAT. 296—300. (In Russ.).
- Korepanov, N. S. (2005). *The first century of Yekaterinburg*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 274 p. (In Russ.).
- Kozlov, A. G. (1981). *Creators of science and technology in the Urals of the XVII — early XX century. Biographical directory*. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 224 p. (In Russ.).
- Mikhashchenko, A. L. (2005). The origin of lower professional education. In: *Self-determination of personality. New approaches and technologies: Materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor A. D. Sazonov, Kurgan, February 25, 2005*. Kurgan: Kurgan State University. 58—63. ISBN 5-86328-782-9. (In Russ.).
- Nechaev, M. G. (2017). Perm model of polytechnic education during the XVIII — first half of the XIX century. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture, history, philosophy, law*, 2: 83—93. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.2.11. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2020). Contribution of V. N. Tatishchev to the organization of education of children of nobles and training of command personnel for state-owned factories

- of the Urals and Siberia (1734—1739). In: *Twelfth Tatishchev readings. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference. Yekaterinburg, November 19—20, 2019*. Yekaterinburg: KVADRAT Publishing House LLC. 8—14. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (1989). Forms of professional training of students of mining schools of the Urals in the first half of the XVIII century. In: *Industry of the Urals in the period of the origin and development of capitalism: Collection of scientific works*. Sverdlovsk: [b. i.]. 71—86. (In Russ.).
- Tsemenkova, S. I., Chernoukhov, A. V. (2022). *Heads of the apparatus of the mining authorities of the Urals in the 20s — 50s of the XVIII century: biographical reference*. Saint Petersburg: Aleteya. 446 p. ISBN 978-5-00165-567-1. (In Russ.).
- Yaroshenko, Yu. G., Spirin, N. A. (2014). Outstanding metallurgist, engineer, scientist, teacher Vladimir Efimovich Grum-Grzhimailo. In: *Creative heritage of V. E. Grum-Grzhimailo: history, current state, future: collection of reports of the international scientific and practical conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of the great Russian metallurgist scientist Vladimir Efimovich Grum-Grzhimailo, Yekaterinburg, March 27—29, 2014, I*. Yekaterinburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Ural Federal University named after The First President of Russia B. N. Yeltsin. 13—23. (In Russ.).

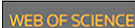
*The article was submitted 10.06.2023;
approved after reviewing 25.07.2023;
accepted for publication 20.08.2023.*

Информация для цитирования:

Файзуллина Г. Ч. Мусульманское приходское духовенство в XIX — начале XX века : по материалам метрических книг Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии / Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадилова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 467—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-467-487.

Faizullina, G. Ch., Kadirova, E. Kh. (2023). Muslim Parish Clergy in 19th — Early 20th Century (Metric Books of Bukhara Volost of Tobolsk Uyezd, Tobolsk Governorate). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 467-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-467-487. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-467-487

Мусульманское приходское духовенство в XIX — начале XX века: по материалам метрических книг Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии

Файзуллина Гузель Чахваровна¹ *
orcid.org/0000-0002-2721-4063

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методики
начального и дошкольного обучения,

* *корреспондирующий автор*
utgus@mail.ru

Кадилова Энзе Ханафиевна²
orcid.org/0000-0002-3208-6975
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
отдела общей лингвистики
enge@inbox.ru

¹ Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

² Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-00838,
<https://rscf.ru/project/23-28-00838/>

Muslim Parish Clergy in 19th — Early 20th Century (Metric Books of Bukhara Volost of Tobolsk Uyezd, Tobolsk Governorate)

Guzel Ch. Faizullina¹ *
orcid.org/0000-0002-2721-4063

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of Theory and
Methods of Primary and Preschool Education

* *Corresponding author*
utgus@mail.ru

Enze Kh. Kadirova²
orcid.org/0000-0002-3208-6975
PhD in Philology, Associate Professor,
senior research scientist,
Department of General Linguistics
xiongh@sju.edu.cn

¹ University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

² G. Ibragimov Institute
of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 23-28-00838,
<https://rscf.ru/project/23-28-00838/>

© Файзуллина Г. Ч., Кадилова Э. Х., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье актуализируются рукописные памятники тюркоязычных народов — мусульманские метрические книги. Составителями книг на старотатарском языке являются представители мусульманского духовенства. В качестве материала исследования использованы архивные документы по Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии XIX — начала XX веков. Цель исследования состоит в изучении состава исламского духовенства посредством введения в научный оборот малоизученных источников и содержащихся в них исторических и социокультурных фактов. В результате анализа метрических записей удалось установить данные о 35 персонах, а именно наименование духовного чина, личное имя и отчество (к концу XIX — началу XX века — фамилию) священнослужителя, время и место его службы, название медресе, в котором он обучался грамоте (в начале XX века). Отмечается, что хронологический принцип в составлении книг позволил проследить преемственность в служении религиозному культу, например, по кровному родству. Авторы приходят к выводу о том, что мусульманские метрические записи являются ценнейшим историческим и лингвистическим источником для изучения социокультурной и языковой ситуации XIX — начала XX века.

Ключевые слова:

исламское духовенство; мусульманские метрические записи; Тобольская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article focuses on the manuscript monuments of Turkic-speaking peoples — Muslim metric books. The compilers of books in Old Tatar language are representatives of the Muslim clergy. The study is based on archival documents from the Bukhara Volost of Tobolsk Uyezd, Tobolsk Governorate from the 19th to the early 20th centuries. The aim of the research is to study the composition of the Islamic clergy through the introduction of understudied sources and the historical and sociocultural facts contained in them. As a result of the analysis of metric records, data on 35 individuals were established, including the name of the spiritual rank, personal name and patronymic (by the end of the 19th — early 20th century — surname) of the clergyman, the time and place of his service, and the name of the madrasah where he studied literacy (in the early 20th century). It is noted that the chronological principle in compiling the books allowed tracing continuity in religious cult service, for example, through blood relations. The authors conclude that Muslim metric records are valuable historical and linguistic sources for studying the sociocultural and linguistic situation of the 19th — early 20th century.

Key words:

Islamic clergy; Muslim metric records; Tobolsk Governorate.

Мусульманское приходское духовенство в XIX — начале XX века: по материалам метрических книг Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии

© Файзуллина Г. Ч., Кадилова Э. Х., 2023

1. Введение = Introduction

Цель статьи заключается в изучении состава исламского духовенства Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии посредством введения в научный оборот архивных материалов на старотатарском языке — мусульманских метрических записей.

В 1903 году насчитывалось 10 татарских волостей в Тобольском уезде Тобольской губернии: Бухарская (46 населенных пунктов), Вагайская (48), Истятская (7), Карагайская (18), Надцинская (7), Оброчных-Чувальщиков (20), Отдельно-Бабасанская (8), Тобольская Городовая (28), Уватская (21), Бывше-Эскалбинская (19). Большая часть населенных пунктов (65,7 %) входила в несколько волостей (от 2 до 4). Это свидетельствует о том, что в данных населенных пунктах проживало этнически неоднородное население. К примеру, в 34,3 % селений проживали бухарцы, в 14,9 % — оброчные чувальщики.

Среди сохранившихся в архиве г. Тобольска метрических книг Тобольского уезда имеются записи по 21 населенному пункту, входившему в Бухарскую волость. Эти селения делятся на 4 группы по количеству вхождений в те или иные волости (по данным 1903 года):

- 1 группа — селения, входившие в одну волость: Комаровские (4,8 %);
- 2 группа — селения, входившие в две волости: Байгаринские, Вагайские, Епанчинские, Митькинские, Тоболтуринские, Турбинские (28,6 %);
- 3 группа — селения, входившие в три волости: Ашлыкские (Лайминские), Вершинские, Иртышские, Исеневские, Иштаманские, Казылбаевские, Кульмаметские, Медянские, Сабанакровские, Саусканские, Супринские, Чебургинские (57,1 %);
- 4 группа — селения, входившие в четыре волости: Аремзянские, Салинские (9,5 %).

Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот малоизученных источников и содержащихся в них исторических и социокультурных фактов.

Во-первых, к исследованию привлечены мечетные книги XIX — начала XX веков, написанные на старотатарском языке арабской графикой. Мечетные книги Тобольской губернии — это метрические книги «на записку родившихся, о браках, разводах и смерти», написанные арабской вязью на старотатарском языке и хранящиеся в Государственных архивах г. Тюмени и г. Тобольска и Национальном архиве Республики Башкортостан.

Во-вторых, в научный оборот введены ранее нигде не рассмотренные сведения о священнослужителях — составителях метрических записей. Рассматривается состав духовенства 19 юрт Тобольского уезда Тобольской губернии: Аремзянские, Ашлыкские (Лайминские), Байгаринские, Вагайские, Вершинские (Агитские), Епанчинские, Иртышские, Иштаманские, Казылбаевские, Комаровские, Кульмаметские, Медянские, Митькинские, Сабанакровские, Саусканские, Супринские, Тоболтуринские, Турбинские, Чебургинские.

Кроме того, для исследования интерес представляют чины мусульманских священнослужителей, которые они указывали в документах. Например, *указной имам*, *указной муллы*, *мәншүрле имамы* ‘приходской имам’, *прихотной имамы* ‘приходской имам’, *имам-хатиб*, *мөгәллим* ‘мугалим, учитель’ и т. д.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили данные об исторических персоналиях — составителях мусульманских метрических записей, которыми являлись имамы мечетей Тобольской губернии. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в книгах о браках и разводах. В специально отведенной графе священнослужитель указывал свои регалии, имя и ставил подпись, подтверждая тем самым законность и официальность заключения или расторжения брака: *Әримҗан авылының указной имам Корбанбакый Исмағыйль углы кулум куйдум* ‘указной имам Артемзянских Курбанбаки сын Исмагила поставил подпись’. В качестве дополнительных источников исследования использованы материалы Первой переписи населения Российской империи 1897 года, ревизских сказок и других архивных документов.

При подготовке материала и написании статьи применялись следующие методы и приемы: историографический анализ, сравнительно-исторический метод, описание и экспертиза рукописного текста, источниковедческий анализ, текстологический анализ (в том числе транслитерация (на татарскую кириллицу) и перевод на русский язык старотатарских текстов).

Социальный статус и деятельность мусульманского духовенства являются предметом исследования в ряде историографических и филологических работ: в них затрагиваются проблемы правового статуса мусульман-

ского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX веков [Мавлютова, 2018], исследуется государственная политика в области строительства мусульманских культовых зданий [Мавлютова, 2022], рассматриваются источниковедческие возможности метрических книг [Бортникова, 2014; Кутушев, 2021; Перинов, 2009; Салахова, 2018], исследуются демографические процессы в мусульманской общине [Аминов, 2020; Батыргареев, 2019], изучаются особенности бракоразводного процесса среди мусульманского населения [Бобицкий, 2018; Гаптрахимов, 2018; Исогай, 2020; Кобзев, 2022], описывается биография некоторых имамов [Касимова, 2019], анализируются языковые нормы оформления официально-деловых бумаг [Файзуллина, 2020] и т. д. Вместе с тем вопрос о составителях метрических записей до сих пор затрагивался фрагментарно и требует комплексного анализа для реконструкции социокультурной ситуации в определенной местности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Населенные пункты, входившие в одну волость

Юрты Комаровские (татар. *Қомәрәү*; в метрических книгах *Комарау*) располагались в 22 верстах от губернского города. По данным метрических записей за 1835—1852 и 1854—1862 годы, в юртах служил *мәнишүрле мәхәллә имамы Сөйүшбакый Габделгазиз* ‘приходской имам Суюджбаки сын Габдельгазиза’. По сведениям Епанчинских метрических книг 1839 года, Суюджбаки сын Габдельгазиза был ахуном.

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» имеются сведения о следующих священниках: Магсум Билалов (имам и ахун с 20.05.1882 г., умер 10.08.1901 г.), Мухамадрахим Габдулзаббаров Янгусин (утвержден имамом 29.07.1924 г.), Мухамедшариф Губайдуллин (утвержден муллой 01.07.1903 г.), Шагбанов Билял (утвержден муэдзином 06.02.1917 г.) [Павлинова, 2018, с. 391].

3.2. Населенные пункты, входившие в две волости

Юрты Байгаринские (в 50 верстах от губернского города; ныне *Байгара*, татар. *Бәек*; в метрических книгах *Баек*) в начале XX века административно относились к двум волостям — Бухарской и Вагайской. Из сохранившихся метрических записей известно, что имамом при местной мечети с 1856 по 1862 годы являлся Габдельхалик сын Ашрафа: *шул ук өязе Баек иленең мәнишүрле мәхәллә имамы Габделхалик Әшрәф углы* ‘приходской имам селения Байгаринские того же уезда Габдельхалик сын Ашрафа’. В некоторых записях указывается его же должность — указного имам.

По другому источнику, в начале XX века имамом и мугалимом являлся Насибулла Абдулхаликов (03.04.1900 г., № 1849) [Павлинова, 2018, с. 371]. Из записей Первой переписи населения известно, что в Байгаринских юр-

тах функции старшего указного муллы соборной мечети исполнял оседлый инородец Ашрапов Аптульхалик (≈ 1820 г.р.), семья которого состояла из двух жен Хазановой Кальбиги (≈ 1848 г.р.) и Маметвауловой Зянхамиды (≈ 1840 г.р.), двух сыновей, одной дочери и двух внуков. На тот момент его 23-летний сын Аптульхаликов Насибулла учился в Томском мусульманском училище [ГБУТО ГА в г. Тобольске, Ф.И417, оп. 2, д. 586 юр. Байгаринские].

Юрты Вагайские (ныне *Второвагайское*, татар. *Tamar Wağay, Игенце Вагай*; в метрических книгах *Каен Вагай*). Заслуживает внимание кономим Каен Вагай (< древнетюркское *qaiñ, qadīn, qajīn, qazīn* ‘береза’ + Вагай, досл. березовый Вагай), зафиксированный в анализируемых источниках. По воспоминаниям старожилов, их селение находилось в другом месте, но, к сожалению, первоначальное наименование не сохранилось в народной памяти. В пользу этого предположения говорит и лесной массив, окружающий ныне Второвагайское: село располагается в зоне хвойных лесов.

Более того, в списках населенных мест за 1868—69 годы и 1912 год наблюдается расхождение в сведениях об отдаленности данного селения от губернского города — оно находилось в 43 и 60 верстах от города соответственно. Согласно данным карты Тобольской губернии (1903 г., автор А. А. Дунин-Горкавич), населенные пункты Вагайскія (татарские юрты) и Вагайское (русское селение) располагались рядом на левом берегу реки Вагай, тогда как сегодня село находится на правом берегу. Следовательно, в метрических книгах сохранились сведения о названии населенного пункта, жители которого в дальнейшем переехали на правый берег реки Вагай. На это указывает и нынешнее название села — *Игенце Вагай* (Второй Вагай).

В метрических книгах находим следующие сведения об имамах этого селения:

в 30-е годы — Ярлыкаш сын Корбандами: *Тубыл губернасы Тубыл өязе Каен Вагай авылының мәншүрле мәхәллә имамы Ярлыкаш Корбандами углы* ‘приходской имам селения Второвагайские Тобольского уезда Тобольской губернии Ярлыкаш сын Корбандами’;

в 40—60-е годы — Фахретдин сын Ярлыкаша: *Тубыл губернасы Тубыл өязе Каен Вагай авылының мәншүрле мәхәллә имамы Фәхрәддин мулла Ярлыкаш* ‘приходской имам селения Второвагайские Тобольского уезда Тобольской губернии мулла Фахретдин сын Ярлыкаша’;

в 1862 году — Хабибулла сын Фахретдина: *никах хәтбәсене Хәбибулла Фәхрәддин углы укыдым* ‘никах прочитал Хабибулла сын Фахретдина’.

Вероятно, имамы были связаны родственными связями: Ярлыкаш является отцом Фахретдина и дедом Хабибуллы. По данным переписи

1895 года, функцию муэдзина соборной мечети исполнял 40-летний бухарец Хабибуллин Мухаметамин [ГБУТО ГА в г. Тобольске, Ф.И417, оп. 2, д. 557, юр. Вагайские].

Интересный факт находим в монографии «Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX — начале XX веков», в которой указывается год постройки соборной мечети — 1864 год, при этом отмечены правобережные населенные пункты, входящие в состав прихода: Рябусы, Бигишево, Баишево. Здесь же дается имя муллы — имам-хатыб Мавлет Ниязов Уразов (с 08.02.1890 г.) [Павлинова, 2018, с. 390].

Юрты Епанчинские (в 37 верстах от губернского города; ныне *Епанчина*, татар. *Кучайлан*; в метрических книгах *Көчэйлан*), по данным 1903 года, входили в состав двух волостей: Бухарскую и Вагайскую. Составителем метрических записей за период с 1831 года по 1845 год значится *Тубыл өязенең Көчэйлан авылының мәнишүрле имамы Корбанбакый Рәхимбакый углы* ‘приходской имам селения Епанчинские Тобольского уезда Курбанбаки сын Рахимбаки’. В записях о разводах с 1835 по 1838 годы упоминается имя ахуна юрт Иртышатских того же уезда — Габдессалама сына Габдельвали; в 1839 году — имя ахуна юрт Комаровских того же уезда Суюджбаки сына Габдельгазиза.

В период с 1847 по 1858 годы приходским имамом являлся *Зөлфәкар Нурмөхәммәд углы* ‘Зульфакар сын Нурмухаммета’, в 1862 году — *Рәжәббакый Корбанбакый углы* ‘Раджаббаки сын Курбанбаки’. В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» имеются сведения о имаме-хатыбе и мугалиме Рахбабакий Курманбакиеве (с 15.12.1882 г.) и имаме Мухамед-Радиме Речазакиеве (с 18.12.1908 г.) [Павлинова, 2018, с. 372].

Юрты Митькинские (в 82 верстах от губернского города; ныне *Митькинское*, татар. *Меткә*; в метрических книгах *Миткә*) состояли в двух волостях: Бухарской и Уватской. По данным метрических книг, в первой половине 40-х годов священнослужителем при мечети был Гаидмухаммед сын Джаная: *Тубыл өязенең Миткә иленең мәнишүрле мәхәллә имамы ахунд Гаедмөхәммәд Жанай углы* ‘приходской имам селения Митькинские Тобольского уезда ахунд Гаидмухаммед сын Джаная’.

В других источниках даются сведения о священнослужителях начала XX века: имаме Габдулвали Габдулвалееве (с 30.10.1924 г.), муэдзине Мухамед-Ханафии Мухамеде Кабирове (с 1917 г.) [Павлинова, 2018, с. 399].

Юрты Тоболтуринские (в 43 верстах от губернского города; ныне *Тоболтура*, татар. *Тоболтора*; в метрических книгах *Тубылтура*) входили в состав двух волостей: по данным 1903 года — Бухарскую и Тобольскую Городовую, по данным 1909 года — Бухарскую и Тоболту-

ринскую. По данным метрических записей при мечети вели службу *мәнишүрле мәхәллә имамы Дәүләтмөхәммәд Ильяс углы* ‘приходской имам Давлетмухаммед сын Ильяса’ (1844—1847), *мәнишүрле мәхәллә имамы Мөхәммәдиша Дәүләтмөхәммәд углы* ‘приходской имам Мухаммедша сын Давлетмухаммеда’ (1849—1853, 1860—1862).

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» указаны следующие священники: Саит Давлетшин (имам-хатыб и мугалим, 12.07.1893 г., умер 04.03.1914 г.), Абдулганий Исхаков (утвержден 27.07.1915 г.), Давлетша Сеитов (утвержден муллой 23.10.1914 г.) [Павлинова, 2018, с. 384].

Юрты Турбинские (в 54 верстах от губернского города; ныне *Турбинская*, татар. *Торб°о*; в метрических книгах *Торбы*), по данным 1903 года, входили в состав двух волостей — Бухарской и Тобольской Городовой. В 1845—1853 годы составителем метрических книг был приходской имам Халиль сын Рахимкула, в 1856—1857 годы — приходской имам Муса сын Аднакула. В Чебургинских метрических книгах за 1844 год сохранилась запись о женитьбе 36-летнего указного имама Халила сына Рахимкула из деревни Турбинские на 24-летней Малике дочери Кульмухамеда из деревни Чебургинские. Со стороны жениха доверенным был его родственник Габбас сын Бадраша, согласие супругов скрепили подписью их свидетели из той же деревни муэдзин Заид сын Туруша и Исмагил сын Рахимкула [Файзуллина и др., 2021, с. 37].

В переписи 1897 года по юртам Турбинским указным муллой значится оседлый инородец Халилов Аптулбарис (1843 г. р.), обучавшийся в Янбавских юртах.

Наиболее известен своей активной деятельностью Халил ишан из юрт Турбинских, живший во второй половине XIX — первой половине XX веков. Публицист, писатель Ш. Х. Ибрагимов в своих воспоминаниях приводит некоторые данные из биографии Халила ишана, в том числе годы жизни — 1864—1931 [Ибрагимов, 2003, с. 65—70]. Действительно, в переписи 1897 года указаны имена братьев Сафармухаметовых Халила (1864 г. р.) и Мухамета (1869 г. р.), которые в это время находились на обучении в г. Троицке Оренбургской губернии.

Миссионер, протоиерей Ефрем Елисеев во время встречи с муллой Шабалинских юрт Абдурахманом упоминает о деятельности ишана Турбинских юрт: «Переменив тему нашей беседы, мы разговорились о ишане Халиле, который ездил этой зимою в Турцию, вероятно, посоветоваться с представителями мусульманства о мерах, которые следует предпринять в целях ограждения татар от вредных действий нашей миссии» [Елисеев, 1902, с. 24]. Священник продолжает: «Турбинский ишан, вместе с прочими

мусульманами чтобы теснее сплотить мусульман, удержать татар Тобольской губернии в своей власти и сделать преданными исламу, наполняет их умы разными религиозными вымыслами и старается обставить каждый шаг их религиозными обрядами. Ишан увещевает их то словом, то стихотворениями. Так, через посредство одного мусульманина мы познакомились с таким стихотворением, написанным упомянутым ишаном» [Там же, с. 34]. Далее приводится текст поэтического произведения «Ахирят бяете» на оригинальном языке. В 1912 году миссионер Иоанн Петров посетил юрты Турбинские: «В 1912—1913 уч. году учеников и учениц было не больше 50 человек, а года 2—3 тому назад число их доходило до 250 человек; тогда учителей было 5—6, из них два специально были выписаны из гор. Уфы, все татары-мусульмане» [Отчет Тобольского Епархиального Комитета ... за 1912 год, 1913, с. 31].

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» указаны имена следующих священнослужителей: имам-хатыб Халилулла Мухаметрахимов (с 08.09.1906), муэдзин Темирбай Тусыбеев (с 27.01.1898) [Павлинова, 2018, с. 383—384].

3.3. Населенные пункты, входившие в три волости

Юрты Ашлыкские (Лайминские, в 150 верстах от губернского города, ныне *Лаймы*; татар. и в метрических книгах *Әшле*) входили в Бухарскую, Отдельно-Бабасанскую и Тобольскую Городовую волости. В метрических записях имеется следующая информация о священниках: *мәнишүрле мәхәллә имамы Кадыйргали Булат углы* ‘приходской имам Кадыргали сын Булата’ (1835), *мәнишүрле мәхәллә имамы мулла Кубшан мулла Искәндәр углы* ‘приходской имам мулла Кубшан сын Искандара’ (1840—1841, 1843, 1845—1846), *мәнишүрле мәхәллә имамы мулла Искәндәр Кубшан углы // мәнишүрле туговной җәһанник мулла Искәндәр Кубшан углы* ‘приходской имам мулла Искандар сын Кубшана’ // духовный чиновник, указной приходский имам мулла Искандар сын Кубшана’ (1842—1844, 1847—1861), *имам хатиб, имам мөгаллим Мөхәммәдвали бине Кубшан Кубшанов* ‘имам-хатиб, имам учитель Мухаммедвали сын Кубшана Кубшанов’ (1914). По данным Первой переписи населения 1897 года и ревизским сказкам установлено, что Искандар сын Кубшана (1805 г. р.) и Мухаммедвали сын Кубшана (1866 г. р.) являются родственниками — дедом и внуком [Файзуллина и др., 2022, с. 179].

По сведениям Оренбургского Магометанского духовного собрания, функции имам-хатыба и мугалима исполнял Мухаметгали Капшанов (12.01.1891), имама — Ишмухамед Дусмухамедов Гайсина (18.03.1922) [Павлинова, 2018, с. 383].

Юрты Вершинские (Агитские) (в 150 верстах от губернского города; ныне *Вершинская*, татар. *Агытпаиш*; в метрических книгах *Агыдбаиш* //

Агытбаш). Записи 1830—1842 годов подписаны приходским имамом селения Вершинские того же уезда Джагфаром сыном Юныса: *шул ук өязнең Агытбаш авылының мәнишүрле мэхәллә имамы Жәгъфәр Юныс углы*. В записях конца 40-х — начала 60-х XIX века указывается имя окружного ахуна Гаидмухаммеда сына Яная // Джаная, при этом используются варианты патронимов: в книге за 1849 год — *Гаедмөхәммәд Йәнаев* ‘Гаидмухаммед Янаев’, за 1851 год — *Гаедмөхәммәд Йәнай углы* ‘Гаидмухаммед сын Яная’, за 1861 год — *Гаедмөхәммәд ибн Жәнай* ‘Гаидмухаммед ибн Джанай’ (в приписке от 29 декабря 1852 года имеется запись на русском языке — *от окружного ахуна Аитмагомета Янеева метрическую книгу*).

По другим источникам, во второй половине XIX — начале XX веков за мечетью юрт Вершинские (Агатские) были закреплены следующие священнослужители: имам и мугалим Мухаметбакий Курманбакиев (с 07.06.1861 г.), имам Мухамедганий Фатхутдинов Абусагитов (с 12.12.1907 г.), имам Айбат Курбан-Бакиев (с 30.03.1916 г.), имам Мухаммедрахим Габдулзяббаров Янгизин (с 06.10.1921 г.) [Павлинова, 2018, с. 381].

Юрты Иртышские (в 12 верстах от губернского города; ныне *Иртышатские юрты*, татар. Олы *Юршақ*) относились к трем волостям — Бухарской, Вагайской и Оброчных-Чувальщиков. Сохранились сведения о составителе метрических записей за 1844, 1846, 1848, 1851—1862 годы — приходском имаме Ильясе сыне Мухаммеднияз: *Тубыл губернасы шул өязнең Юршақ иленең мәнишүрле мэхәллә имамы Ильяс Мөхәммәднияз углы никах хәтбәсене укудыкыма әлимза кылдым* ‘В подтверждение прочтения мной никаха поставил подпись приходской имам Ильяс сын Мухаммеднияз из селения Иртышские Тобольской губернии и того же уезда’.

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» юрты Иртышатские упоминаются два раза: на страницах за номерами 766—767 и 788—789. В первом случае приводятся сведения о разрешении постройки соборной мечети резолюцией от 25.03.1925 года (Д. № 154/923 г. 1 стол.) в ю. Иртышатские Вагайской волости и допуске Временной комиссией исполнять обязанности имама Абдулвахиду Рахматуллину (с 13.01.1919 г.) [Павлинова, 2018, с. 374]. Во втором случае указывается дата постройки соборной мечети в тех же юртах, но Бухарской волости (1890), и перечисляются данные об имамах: Мухаметразый Габдуллин (1830—1924; имам-хатыб и мугалим с 21.06.1871 г.), Абдуль-Азиз Арлыгашев (умер в 1924 г.; имам с 16.08.1908 г.), Мухамат-Халим Речит-Бакиев (умер 20.01.1923 г.; имам с 23.01.1915 г.), Такиулла Юсуфович Баширов (имам с 05.07.1924 г.) [Павлинова, 2018, с. 394].

Юрты Иштаманские (в 30 верстах от губернского города; татар. *Иштамал*, ныне вошли в состав дер. *Черкашина*; в метрических книгах *Иш-*

тамак) входили в состав трех волостей: Бухарской, Оброчных-Чувальщиков и Тобольской Городовой. В метрических книгах указано, что в 80-е годы записи вел Калимулла сын Мухаммедшакира: *мәниүрлө мәхәллә имамы Кәлимулла мулла Мөхәммәдшакир углы* ‘приходской имам Калимулла мулла сын Мухаммедшакира’, *мәниүрлө мәхәллә имамы мулла Кәлимулла ибн Шакир* ‘приходской имам мулла Калимулла ибн Мухаммедшакир’; в 90-е годы — начале XX века — Мухаммедгани сын Габдельхалика: *Иштамак авылында мәсҗед хозурында имам Мөхәммәдгани бине Габделхалик* ‘имам при мечети селения Иштаманские Мухаммедгани бине Габдельхалик’. В приложенной к метрическим записям квитанции за № 3 от 14.01.1900 года о получении Бухарским Инородным Управлением денежных средств в размере 2 руб. 5 коп. за метрические книги адресантом выступает указной имам Иштаманского прихода Мухаметгани Тавлетбакиев. Следовательно, полное имя священнослужителя — Тавлетбакиев Мухамметгани Габдельхаликович.

В рассматриваемых источниках встречаются личные печати священнослужителей, например, в книгах Иштаманской мечети выделяются 2 печати на русском языке (рис.): указного имама Саки Абубакировича Юмашева (1895) и указного имама Мухамет Алей Туз-Мухаметова (1903). Печати по оформлению отличаются; в частности, первая содержит арабско-графические надписи, то есть написана на двух языках.

Известно, что с 12.07.1923 года Мухамедсаки Абубакирович Юмашев был имамом соборной мечети юрт Сабанаковские (Мирза-Иртышак) [Павлинова, 2018, с. 373].

Рис. Печати имамов Тобольской губернии конца XIX — начала XX веков

В монографии «Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX — начале XX вв.» упоминаются следующие имамы: имам-хатыб и мугалим Мухаметгани Датлетбакиев (с 02.09.1893 г.),

имам Шамсиддин Янсамиддинов (с 20.01.1921 г.), муэдзин Абдулахат Камимуллин (с 17.12.1904 г.) [Павлинова, 2018, с. 393].

Юрты Казылбаевские (в 28 верстах от губернского города; в метрических книгах *Кызылбай*) являются единственным селением, которое состояло одновременно в Бухарской, Вагайской и Надцинской волостях. В сохранившихся метрических записях находим следующую информацию о священнослужителях: 30—40-е годы — *Тубыл губернасы шул ук өязе Кызылбай иленең мәнишүрле мәхәллә имамы Исмагыйль Рәжәб мәрхүм углы* ‘приходской имам селения Казылбаевские Тобольской губернии и того же уезда Исмагил сын покойного Раджаба’; 50-е годы — *шул ук өязнең мәнишүрле имам Ногъман бине Теләүмөхәммәд* ‘приходской имам того же уезда Нугман бине Телаумухаммад’.

Известно, что в конце XIX — начале XX веков при мечети состояли следующие духовные лица: имам-хатыб и мударис Мухаметхафиз Мухаметрахимов с 21.08.1893 года, возведен в ахуны 13.01.1897 года; имам Мухамедшариф Губайдуллин Кармышаков с 12.08.1922 года [Павлинова, 2018, с. 372—373].

Юрты Кульмаметские (в 59 верстах от губернского города; ныне *Кульмаметские*, татар. *Селәз*; в метрических записях *Селәс // Силәс*) входили в состав Бухарской, Вагайской и Оброчных-Чувальщиков волостей. Мечетные книги 1845, 1847—1862 годов подписаны рукой приходского имама Гаида сына Саидмухаммеда: *Тубыл губернасы вә шул өязе Силәс авылының мәнишүрле мәхәллә имамы Гаед Сәедмөхәммәд углы никах хәтбәсене укудукыма әлимза кылдым* ‘В подтверждение прочтения мной никаха поставил подпись приходской имам Гаид сына Саидмухаммеда из селения Кульмаметские Тобольской губернии и того же уезда’.

По другим источникам, в конце XIX века имамом и мугалимом Кульмаметской мечети являлся Кавалий Мавлютов (родился в 1856 г.; с 12.09.1897 г.) [Павлинова, 2018, с. 374].

Юрты Медяньские (в 7 верстах от губернского города; ныне *Медяньские Татарские*, татар. *Сатылган*; в метрических книгах *Затлыхан*) находились в составе трех волостей — Бухарской, Оброчных-Чувальщиков и Тобольской Городовой. В сохранившихся записях за 1862 год читаем: *Тубыл губернасы шул ук өязе Затлыхан иленең указной имамы (имам хатыйбы) Туктамыш Сәфәрмәт углы никах хәтбәсене укудукыма әлимза кылдым* ‘В подтверждение прочтения мной никаха поставил подпись указной имам (имам-хатыб) Туктамыш сына Сафармета из селения Медяньские Тобольской губернии и того же уезда’.

В других источниках приводятся имена следующих священнослужителей: имам-хатыб и мугалим Мухаматкунафий Тохфуршин (с 11.08.1891 г.)

и имам Такфурша Мухамедкунафин Аитов (с 29.01.1921 г.) [Павлинова, 2018, с. 392]. Надо полагать, что имамы являются родственниками — отцом и сыном. Здесь прослеживается древняя традиция сибирских татар наречения детей именем умерших предков.

Юрты Сабанаковские (расстояние от губернского города меньше версты; ныне *Сабанаки*, татар. *Кеңе Юршак*; в метрических книгах *Мирзалар Юршак*). На рубеже веков этнический состав населения был разнородным, на это указывает тот факт, что населенный пункт входил в состав трех волостей — Бухарской, Вагайской и Оброчных-Чувальщиков [Список населенных мест..., 1912]. Следовательно, там проживали как коренные жители (староясачные татары), так и переселенцы (бухарцы, поволжские татары).

По нашим материалам, в 50—60-е годы функцию указного имама исполнял Габделькарим сын Габдессалама: *Тубыл губернасының Мирзалар Юршак авылының мәхәллә имамы мулла Габдессалам ишан хәзрәт мәрхүм углы мулла Габделкәрим* ‘мулла селения Сабанаковские Тобольской губернии Габделькарим сын покойного приходского имама муллы Габдессалама ишана’.

В других источниках приводятся данные по XX веку: с 31.01.1913 года — имам Мухамедрахим Габдулзаббаров Янгужин, с 12.07.1923 года — имам Мухамедсаки Абубакиров Юмашев [Павлинова, 2018, с. 373].

Юрты Саусканские (татар. *Сауысган*; в метрических книгах *Сауыскан // Саускан // Сагыскан // Сайыскан // Сайысхан*) располагались в 14 верстах от губернского города (ныне населенный пункт не существует) и входили в состав тех же 3 волостей, что и юрты Сабанаковские.

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» указано, что дата постройки соборной мечети неизвестна. К приходу относились деревни Ишаева (татар. *Ишәй*, в 1,5 верстах), Бушпашева (татар. *Пушинаш*, в 3 верстах), Шульганская (татар. *Шөлгөн*) [Павлинова, 2018, с. 394]. По данным 1868—1869 годов, в юртах числилась одна мечеть [Список населенных мест..., 1971].

Мы располагаем метрическими записями с 1834 года, следовательно, Саусканская мечеть в первой половине XIX века функционировала. В сохранившихся Саусканских метечных книгах (в архиве г. Тобольска) содержатся сведения о трех священниках: *указной имам // указной мулла Гомәр Кызылбай углы* ‘указной имам // указной мулла Гумер сын Кызылбая’ (1835—1874); *указной имам // указной мулла Мөхәммәднияз Габделнасыр углы* ‘указной имам // указной мулла Мухаммеднияз сын Габдельнасыра’ (1864, 1866) и *мәнишүрле имамы Мөхәммәднияз Габделнасыр углы* ‘приходской имам Мухаммеднияз сын Габдельнасыра’ (1869, 1874, 1883); *мәнишүрле указной имамы Фәйзулла Зәйнәддин углы* ‘приходской указной имам Файзулла сын Зайнетдина’ (1885—1916). Служивший на рубеже ве-

ков имам Файзулла сын Зайнетдина начиная с 1895 года начал указывать свою фамилию, при этом она варьировалась или менялась: *Мәмәталиев* ‘Маметалиев’ (1895) // *Мөхәммәдғалиев* ‘Мухаммедгалиев’ (1898, 1901, 1905, 1910), *Кызылбаев* ‘Кызылбаев’ (1899, 1900, 1911, 1915, 1916). В записях 1915 и 1916 годов отсутствует отчество — *Фәйзулла Кызылбаев* ‘Файзулла Кызылбаев’. В книгах переписи населения 1895 года Саусканских юрт содержатся сведения о семьях с фамилией Мамет Алиев Козылбаевы, из чего следует, что имамы Гумер сын Кызылбая и Файзулла Кызылбаев имеют прямые родственные связи — являются дедом и внуком. Кроме того, в переписи сохранились сведения о муэдзине, пономаре бухарце Керичове Сульбухаре Уразметовиче [ГБУТО ГА в г. Тобольске, Ф.И417, оп. 2, д. 573, юр. Саусканские].

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» Оренбургского Магометанского духовного собрания имеется информация об имамах ю. Саусканские — Фейзулле Зейнетдинове (имам с 14.01.1872 г.), Абдулалиме Кучашеве (имам-хатыб утвержден 28.07.1920 г.), Абубакире Шарипове (имам, умер в 1923 г.) [Павлинова, 2018, с. 394—395].

Юрты Супринские (в 104 верстах от губернского города; ныне *Супринская*, татар. *Сопра*; в метрических книгах *Субыр*) выступают единственным населенным пунктом, входившим одновременно в Бухарскую, Карагайскую и Вагайскую волости. По данным метрических книг, в 1861 году функцию муллы выполнял Калджак сын Уразкилде: *Тубыл өязе Субыр иленең мәнишүрле мәхәллә имамы мулла Калҗәк Уразкилде углы* ‘приходской имам селения Супринские Тобольского уезда мулла Калджак сын Уразкилде’.

Известно, что соборная мечеть в юртах Супринские была построена в 1878 году, при ней служили с 17.07.1893 года имам-хатыб и мугалим Мухамет-Садык Сулейманов, с 02.03.1913 года — имам-хатыб Рахматулла Ихсанов [Павлинова, 2018, с. 374].

Юрты Чебургинские (в 197 верстах от губернского города; ныне *Чебурга*, татар. *Күкрәнте*; в метрических книгах *Күкрәнде*) в 1903 году относились к трем волостям — Бухарской, Отдельно-Бабасанской, Тобольской Городовой. В метрических записях XIX века юрт Чебургинских содержатся сведения по трем населенным пунктам: собственно Чебургинским, Конданским и Тахтагульским. Из сохранившихся книг известно, что функцию имама выполнял в основном *мәнишүрле мәхәллә имамы мулла Зөлкарнәй Нияз углы* ‘приходской имам мулла Зулькарнай сын Нияза’ (1844, 1846, 1849, 1851, 1862, 1886). В записях 1849 года единожды встречается имя приходского имама муллы Муслима сына Аллабирде — *мәнишүрле мәхәллә имамы мулла Мөслим Аллабирде углы*. В «Ведомостях о числе приходов и

духовных лиц разных губерний» находим информацию о имаме Габдул-мазите Муратове, служившем при мечети с 19.09.1895 года (за № 2573) [Павлинова, 2018, с. 394]. Следовательно, мечеть в Чебургинских юртах действовала в первой половине XIX века (ср.: «Соборная мечеть построена в 1877 г.» [Павлинова, 2018, с. 394]).

В начале XX века строится мечеть в Конданских юртах: проект строительства деревянной мечети был утвержден в 1899 году [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 353, оп. 1]. 15 мая 1900 года мечеть вводится в эксплуатацию [ГАТО, ф. И255, оп. 6, д. 2]. В метрических записях за 1908 год имамом при новой мечети значится указной имам, учитель Хабибулла сын Габидуллы Ибрагимов — указной имам, мөгаллим Хәбибулла Габидулла Ибраһимов (с 03.12.1903 г. под № 43689), который обучался грамоте в Ембаевской мечети у Гисматуллы Борындыкова (Гыйлем тәхсил кылдым карья Малжандә, Хисма Борындыков мәдрәсәсендә). В 1914 году возглавляет приход имам-хатыб Ишмухаммед сын Дустмухаммеда Айсин (1886 г.р., с 07.10.1913 г. под № 40289), обучавшийся грамоте в медресе Халила Ибн Сафармухаммеда в Турбинских юртах. Необходимо отметить, что существуют некоторые расхождения с данными «Ведомостей о числе приходов и духовных лиц разных губерний»: к примеру, указывается иная дата постройки мечети — 1894 г., номера, закрепленные за имамами, есть и некоторые другие разночтения.

В сохранившейся метрической записи 1914 года Тахтагульских юрт указывается год разрешения на строительство мечети — 1882 за № 130. Имам, учителем записан Тавлетбаки Валишев (в 57 лет), муэдзином — Габделхамид мелла сын Туктабая (в 26 лет). По другому источнику известно, что Давлетбакий Валишин (с 30.03.1890 г. под № 8710) исполнял обязанности имама и мугалима в Конданской мечети [Павлинова, 2018, с. 389].

3.4. Населенные пункты, входившие в четыре волости

Юрты Аремзянские (в 53 верстах от губернского города; ныне *Нижние Аремзяне*, татар. *Әремцән*; в метрических книгах *Әримжән*) в 1903 году были включены в состав четырех волостей — Бухарской, Надцинской, Тобольской Городовой и Уватской. В период с 1851 по 1862 годы священнослужителем там был *Тубыл өязенең Әримжән авылының мәнишүрле имам (указной имам, прихотной имамы) Корбанбакый Исмагыйль углы* 'приходской имам (указной имам) юрт Аремзянских Тобольского уезда Курбанбаки сын Исмагила'.

В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц разных губерний» с 08.02.1897 года функции имам-хатыба и мугалима исполнял Хадыргалий Мухаметбакиев. Здесь же указана дата постройки соборной мечети — 1892 год [Павлинова, 2018, с. 385].

4. Заключение = Conclusions

В метрических записях находим информацию следующего порядка: 1) наименование духовного чина, личное имя и отчество, а также фамилию (к концу XIX — началу XX века) священнослужителя, 2) время и место его службы, 3) название медресе, в котором он обучался грамоте (в начале XX века).

Метрические записи выступают одним из тех редких документов, в которых сохранились сведения о составе исламского духовенства. В анализируемых источниках установлено 35 персон, являющихся составителями книг. Примечательно, что по книгам возможно проследить преемственность в служении религиозному культу, особенно по кровному родству. Установлено, что на службе могли быть представители одной семьи по мужской линии: дед, отец, внук.

В документах перед личным именем священнослужителя указывается его духовное звание: *имам мөгаллим* ‘имам учитель’, *имам хатиб*, ‘имам-хатиб’, *мәнишүрле имам*, *мәнишүрле мәхәллә имамы*, *прихотной имамы* ‘приходской имам’, *мәнишүрле туговной җәнваник мулла* ‘духовный чиновник, указной приходский имам мулла’, *мәсҗед хозурында имам* ‘имам при мечети’, *указной имам* ‘указной имам’, *указной мулла* ‘указной мулла’ и др. При этом нивелируется происхождение имамов.

При анализе личных имен священнослужителей выявлены модели антропонимов: «личное имя + личное имя отца + сын»; «личное имя + фамилия (личное имя отца + русский суффикс)». Обращает на себя внимание вариативное употребление собственно тюркского и заимствованных префиксов со значением отчества: *углы* (< древнетюркское *огул* ‘дети’), *ибн* (< арабское *ибн* ‘сын, мальчик’) и *бине* (< арабское *бин* ‘сын’). Преимущество по частотности имеет собственно тюркский префикс. Следовательно, данный период характеризуется развитием норм письменного языка с присущей ей вариативностью.

Таким образом, мусульманские метрические записи являются ценнейшим историческим и лингвистическим источником для изучения социокультурной и языковой ситуации XIX — начала XX веков. Общая конфессиональная принадлежность тюркоязычных народов, проживавших на одной территории, явилась одним из ключевых факторов в формировании современного облика сибирских татар.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. ГАТО — *Государственный архив* Тюменской области. Ф. 255, Оп. 4, Д. 1. Метрическая книга юрт Ашлыкских Тобольского уезда 1914 г. ; Ф. И255, Оп. 6, Д. 2. Метрическая книга юрт Канданских ; Ф. И255, Оп. 6, Д. 20. Метрическая книга юрт Канданских ; Ф. И255, Оп. 6, Д. 41. Метрическая книга юрт Тактагульских.

2. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение* Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 353, Оп. 1. Дело по отношению Тобольского городского инородного управления об утверждении проекта строительства мечети в юр. Конданских Тобольского уезда. Проект строительства мечети ; Ф. И152, Оп. 35, Д. 574. Дело об увольнении приходских мулл губернии в отпуска ; Ф. И417, Оп. 2, Д. 586. Юр. Байгаринские ; Ф. И417, Оп. 2, Д. 557. Юр. Вагайские ; Ф. И417, Оп. 2, Д. 573. Юр. Сausканские ; Ф. И417, Оп. 2, Д. 692. Юр. Турбинские ; Ф. И510. Мечеть Лайминских (Ашлыкских) юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И511. Мечеть Вершинских (Агитских) юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И512. Мечеть Турбинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И513. Мечеть Тоболтуринских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И514, Ф. И633. Мечеть Чебургинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И518. Мечеть Митыкинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И520. Мечеть Иштаманских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И635. Мечеть Сausканских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И639. Мечеть Аремзянских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И640. Мечеть Медянских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И642. Мечеть Сабанаковских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И643. Мечеть Епанчинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И644. Мечеть Иртышских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И645. Мечеть Байгаринских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И646. Мечеть Казылбаевских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И647. Мечеть Вагайских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И648. Мечеть Супринских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии ; Ф. И649. Мечеть Кульмаметских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии.

3. *Елисеев Е.* Записки миссионера за 1902 год / Е. Елисеев. — Санкт-Петербург : Т-во «Книговед», 1902. — 63 с.

4. *Ибрагимов Ш. Х.* В окружении озер и болот (поэма, стихи, статьи на татарском языке) / Ш. Х. Ибрагимов. — Тюмень : Тюм. обл. татар. кн. изд-во, 2003. — 100 с.

5. *Отчет* Тобольского Епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1912 год. — Тобольск : Типография Епарх. Братства, 1913.

6. *Списки* населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861—1885.

7. *Список* населенных мест Тобольской губернии : [составлен по сведениям 1903 года]. — Тобольск : Губернская типография, 1904. — 341 с.

8. *Список* населенных мест Тобольской губернии : [составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. — Тобольск : Издание Тобольского губернского статистического комитета, 1912. — 634 с.

9. *Файзуллина Г. Ч.* Ашлыкские (Лайминские) мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX в. / Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадирова. — Казань : Отечество, 2022. — 214 с. — ISBN 978-5-9222-1611-1.

10. *Файзуллина Г. Ч.* Чебугинские мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX в. / Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадилова. — Казань : Отечество, 2021. — 200 с. — ISBN 978-5-9222-1460-5.

Литература

1. *Аминов Р. Р.* Демографические процессы в мусульманской общине г. Орскa в 1850—1870-х гг. / Р. Р. Аминов // Клио. — 2020. — № 3 (159). — С. 131—140.

2. *Батыргареев Ф. Б.* О метрической книге мусульман г. Твери / Ф. Б. Батыргареев // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации. Материалы II Международной научно-практической конференции. Тверь : [б. и.], 2019. — С. 77—83.

3. *Бобицкий А. В.* Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг / А. В. Бобицкий // Документ. Архив. История. Современность : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт ; Ответственный редактор Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — С. 285—288. — ISBN 978-5-7996-2466-8.

4. *Бортникова Ю. А.* Типология источников по истории мусульманского искусства (на материале Тюменского региона) / Ю. А. Бортникова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2014. — № 2. — С. 92—97.

5. *Гаптрахимов Р. А.* Браки сельских татар-мусульман во второй половине XIX в. (на материале метрических книг деревни Красная кадка из фондов Государственного архива Республики Татарстан и Национального архива Республики Башкортостан) / Р. А. Гаптрахимов, Р. Р. Файзрахманов, И. Ф. Шафиков // Историческая этнология. — 2018. — Т. 3. — № 2. — С. 345—360. — DOI: 10.22378/he.2018-3-2.345-360.

6. *Исогай М.* Правовой плюрализм и мусульманский развод в Волго-Уральском регионе конца XIX века / М. Исогай // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей Международной научно-практической конференции. — Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. — С. 67—70.

7. *Касимова Д. Г.* Мусульманские институты Сарапула конца XIX — начала XX в. В отражении метрических книг / Д. Г. Касимова // Прикамское собрание. Материалы III Всероссийского открытого научно-практического форума. — Сарапул : Сарапульское полиграфическое предприятие, 2019. — С. 184—191. — ISBN 978-5-6042901-5-6.

8. *Кобзев А. В.* Брачные союзы татар-мишарей д. Уразовка Симбирской губернии в начале XX в. / А. В. Кобзев, Т. А. Кобзева // Эхо веков. — 2022. — № 2. — С. 134—158.

9. *Кутушев Р. Р.* Мусульманские метрические книги в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан / Р. Р. Кутушев // Отечественные архивы. — 2021. — № 4. — С. 54—59.

10. *Мавлютова Г. Ш.* Возведение мусульманских культовых сооружений в Тобольской губернии конце XVIII — начале XX в. / Г. Ш. Мавлютова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2022. — № 4 (59). — С. 206—211. — DOI: 10.20874/2071-0437-2022-59-4-16.

11. *Мавлютова Г. Ш.* Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. / Г. Ш. Мавлютова // Вестник археологии, ан-

тропологии и этнографии. — 2018. — № 4 (43). — С. 175—183. — DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-175-183.

12. Павлинова Р. Н. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX — начале XX в. : по материалам учетных ведомостей ОМДС / Р. Н. Павлинова, А. Н. Старостин, А. П. Ярков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. — 490 с. — ISBN 978-5-00019-988-6.

13. Перинов В. В. Метрические книги Верхнеудинской татарской мечети как исторический источник / В. В. Перинов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 117. — С. 77—83.

14. Салахова Э. К. Мусульманские метрические книги России / Э. К. Салахова // Эхо веков. — 2018. — № 1. — С. 81—96.

15. Файзуллина Г. Ч. Мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX веков как памятник письменности сибирских татар : состав книг и лексика / Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадилова, А. А. Фаттакова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 127—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-127-140.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023,
одобрена после рецензирования 21.08.2023,
подготовлена к публикации 27.08.2023.

Material resources

Eliseev, E. (1902). *Notes of a missionary for 1902*. St. Petersburg: Publishing house “Knigoved”. 63 p. (In Russ.).

Fayzullina, G. Ch., Kadirov, E. H. (2022). *Ashlyk (Laymin) mosque books of the Tobolsk province of the XIX — early XX century*. Kazan: Fatherland. 214 p. ISBN 978-5-9222-1611-1. (In Russ.).

Fayzullina, G. Ch., Kadirov, E. H. (2021). *Chebuginsky mosque books of the Tobolsk province of the XIX — early XX century*. Kazan: Fatherland. 200 p. ISBN 978-5-9222-1460-5. (In Russ.).

GATO — *The State Archive of the Tyumen region*. F. 255, Op. 4, D. 1. *The metric book of the Ashlyk yurts of Tobolsk county in 1914*; F. 1255, Op. 6, D. 2. *The metric book of the Kandansky yurts*; F. 1255, Op. 6, D. 20. *The metric book of the Kandansky yurts*; F. 1255, Op. 6, D. 41. *Metrical book of yurts of Taktagulsky*. (In Russ.).

GBUTO GA in Tobolsk — *The State Budgetary Institution of the Tyumen region State Archive in Tobolsk*. F. 353, Op. 1. *The case against the Tobolsk municipal foreign Administration on the approval of the mosque construction project in the Jura. Kondansky Tobolsk district. Mosque construction project*; F. 1152, Op. 35, D. 574. (In Russ.).

Ibragimov, Sh. Kh. (2003). *Surrounded by lakes and swamps (poem, poems, articles in Tatar)*. Tyumen: Tyum. region of Tatars. publishing house. 100 p. (In Russ.).

List of settlements of Tobolsk province: [compiled according to 1903]. (1904). Tobolsk: Provincial Printing house. 341 p. (In Russ.).

Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1861—1885). St. Petersburg: ed. Centre. stat. com. Min. internal affairs. (In Russ.).

Report of the Tobolsk Diocesan Committee of the Most Highly Approved Orthodox Missionary Society for 1912. (1913). Tobolsk: Eparkh Printing House. Fraternities. (In Russ.).

The list of populated places of the Tobolsk province: [compiled according to information on July 15, 1909, received from county police officers and volost boards]. (1912). Tobolsk: Edition of the Tobolsk Provincial Statistical Committee. 634 p. (In Russ.).

References

- Aminov, R. R. (2020). Demographic processes in the Muslim community of Orsk in the 1850s—1870s. *Klio*, 3 (159): 131—140. (In Russ.).
- Batyrgareev, F. B. (2019). About the metric book of Muslims of Tver. In: *The ethno-religious identity of the Tatar people in the context of globalization. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Tver: [b. i.]. 77—83. (In Russ.).
- Bobitsky, A. V. (2018). Marriage of Muslims of Yekaterinburg at the beginning of the XX century based on the materials of metric books. In: *Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta. 285—288. ISBN 978-5-7996-2466-8. (In Russ.).
- Bortnikova, Yu. A. (2014). Typology of sources on the history of Muslim art (based on the material of the Tyumen region). *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates*, 2: 92—97. (In Russ.).
- Fayzullina, G. C., Kadirova, E. K., Fattakova, A. A. Mosque Books of the Tobolsk Province of the 19th — Early 20th Centuries as a Literary Text of the Siberian Tatars: Books Contents and Vocabulary. *Nauchnyi dialog*, 2: 127—140. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-127-140>. (In Russ.).
- Gaptrakhimov, R. A., Fayzrakhmanov, R. R., Shafikov, I. F. (2018). Marriages of rural Muslim Tatars in the second half of the XIX century. (based on the metrical books of the village of Krasnaya Kadka from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan and the National Archive of the Republic of Bashkortostan). *Historical Ethnology*, 3 (2): 345—360. DOI: 10.22378/he.2018-3-2.345-360. (In Russ.).
- Isogai, M. (2020). Legal pluralism and Muslim divorce in the Volga-Ural region of the late XIX century. In: *Tenth Bolshakov readings. Orenburg Region as a historical and cultural phenomenon. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. 67—70. (In Russ.).
- Kasimova, D. G. (2019). Muslim institutes of Sarapul of the late XIX — early XX century. In the reflection of metric books. In: *The Kama Assembly. Materials of the III All-Russian Open Scientific and Practical Forum*. Sarapul: Sarapul Printing Enterprise. 184—191. ISBN 978-5-6042901-5-6. (In Russ.).
- Kobzev, A. V., Kobzeva, T. A. (2022). Marriage unions of Tatars-misharei D. Urazovka of Simbirsk province at the beginning of the XX century. *Echo of Centuries*, 2: 134—158. (In Russ.).
- Kutushev, R. R. (2021). Muslim metric books in the Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan. *Domestic archives*, 4: 54—59. (In Russ.).
- Mavlyutova, G. S. (2018). The legal status of the Muslim clergy of the Tobolsk province at the end of the XVIII — beginning of the XX century. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 4 (43): 175—183. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-175-183. (In Russ.).
- Mavlyutova, G. Sh. (2022). The construction of Muslim religious buildings in the Tobolsk province at the end of the XVIII — beginning of the XX century. *Bulletin of Ar-*

- cheology, Anthropology and Ethnography*, 4 (59): 206—211. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-59-4-16. (In Russ.).
- Pavlinova, R. N., Starostin, A. N., Yarkov, A. P. (2018). *Muslim communities of the Asian part of the Russian Empire in the middle of the XIX — early XX century: based on the materials of the OMDS accounting statements*. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta. 490 p. ISBN 978-5-00019-988-6. (In Russ.).
- Perinov, V. V. (2009). Metrical books of the Verkhneudinskaya Tatar mosque as a historical source. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. a. Herzen*, 117: 77—83. (In Russ.).
- Salakhova, E. K. (2018). Muslim metric books of Russia. *Echo of Centuries*, 1: 81—96. (In Russ.).

*The article was submitted 20.06.2023;
approved after reviewing 21.08.2023;
accepted for publication 27.08.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(6), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шайдулов В. Н. Немецкие колонисты Северо-Запада России в условиях послереволюционной действительности (1918—1922 годы) / В. Н. Шайдулов, В. А. Ломанов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 488—503. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-488-503.

Shaidurov, V. N., Lomanov, V. A. (2023). German Colonists of Northwest Russia in Conditions of Post-Revolutionary Reality (1918-1922). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 488-503. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-488-503. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-488-503

Немецкие колонисты Северо-Запада России в условиях послереволюционной действительности (1918—1922 годы)

Шайдулов Владимир Николаевич*

orcid.org/0000-0002-1431-1163

доктор исторических наук, доцент,
Научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа,

** корреспондирующий автор*

s-w-n@mail.ru

Ломанов Владислав Андреевич

orcid.org/0000-0003-3797-2236

аспирант кафедры истории России;
лаборант, Научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа

vladislav.lomanov@ya.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

и Санкт-Петербургского научного фонда

№ 23-18-20025,

<https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

German Colonists of Northwest Russia in Conditions of Post- Revolutionary Reality (1918-1922)

Vladimir N. Shaidurov*

orcid.org/0000-0002-1431-1163

Doctor of History, Associate Professor,
Scientific and Educational Center
for Historical Research and Analysis,

** Corresponding author*

s-w-n@mail.ru

Vladislav A. Lomanov

orcid.org/0000-0003-3797-2236

Postgraduate student, Department
of Russian History; research assistant,
Scientific and Educational Center
for Historical Research and Analysis

vladislav.lomanov@ya.ru

Pushkin Leningrad
State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation

and by St. Petersburg Science

Foundation № 23-18-20025,

<https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

© Шайдулов В. Н., Ломанов В. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется история немецкой деревни Северо-Запада РСФСР в первые послереволюционные годы (1918—1922). Охарактеризована экономическая и политическая жизнь немецкого сельского населения: решение земельного вопроса, хозяйственная деятельность, реквизиционная политика большевистского руководства в отношении, формирование и функционирование советских и партийных органов в районах наибольшей концентрации немцев. Состояние и функционирование немецких хозяйств во многом зависели от чрезвычайных революционных экономических мероприятий, проводимых большевиками в рамках уравнительного землепользования и «военного коммунизма», где немецкая деревня рассматривалась как легкодоступный и высокопроизводительный источник поступления сельскохозяйственных ресурсов для Красной Армии и городского населения, следствием чего стала чрезмерно высокая экономическая нагрузка на колонии и избирательный подход к учёту национальной специфики экономической жизни немцев и их текущих хозяйственных возможностей. Немецкие крестьяне преимущественно негативно восприняли послереволюционные нововведения, а службу в советских и партийных органах использовали в качестве инструмента для защиты и продвижения личных экономических интересов и ограждения от возможных репрессивных мер.

Ключевые слова:

этнодисперсная группа; Гражданская война; немецкие поселения, земельный вопрос; военный коммунизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The focus of this publication is on the history of the German village of the North-West of the RSFSR in the first post-revolutionary years (1918—1922). The economic and political life of the German rural population is characterized, including the resolution of land issues, economic activities, requisition policies of the Bolshevik leadership towards them, as well as the formation and functioning of Soviet and party bodies in areas with high concentrations of Germans. The condition and functioning of German farms largely depended on the extraordinary revolutionary economic measures carried out by the Bolsheviks within the framework of equalizing land use and “war communism”, where the German village was considered as an easily accessible and high-performance source of agricultural resources for the Red Army and the urban population, which resulted in an excessively high economic burden on the colonies and a selective approach to accounting for national the specifics of the economic life of the Germans and their current economic opportunities. German peasants mostly negatively perceived post-revolutionary innovations, and service in Soviet and party bodies was used as a tool to protect and promote their personal economic interests and to protect them from possible repressive measures.

Key words:

Ethnodisperse group; Civil War; German settlements, land issue; war communism.

Немецкие колонисты Северо-Запада России в условиях послереволюционной действительности (1918—1922 годы)

© Шайдуров В. Н., Ломанов В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Одна из исторических особенностей Российского государства — многонациональность. Можно выделить ряд диаспор, которые сыграли заметную роль в истории России. Наряду с греками это, несомненно, немцы. Немецкая диаспора являлась одним из самых многочисленных европейских этнических меньшинств в России с XVII века. Численность немцев резко выросла в XVIII веке. Этому способствовала политика Екатерины II, направленная на привлечение в страну большого количества специалистов. Последние должны были не только посодействовать хозяйственному освоению окраинных территорий, но и привнести передовые знания в ремеслах, сельском хозяйстве, поделиться ими с русским населением.

В окрестностях Санкт-Петербурга в 1765 году возникли четыре «ближние» колонии немецких переселенцев, в начале XIX века к ним добавились «приморские» колонии. В первой половине XIX века вследствие перенаселения часть колонистов отселилась в Новгородскую губернию, где были образованы дочерние колонии. В целом, к 1917 году немецкие колонисты заняли свои экономические ниши. В регионах проживания, в том числе на Северо-Западе, они являлись успешными земледельцами.

Революционные события 1917 года ознаменовали начало переломного этапа в повседневной жизни немецкого населения Северо-Запада, запустившего в его среде процессы социально-экономической и общественно-политической трансформации, поставившего представителей изучаемой этнической группы в крайне тяжелые и непривычные условия существования.

Актуальность данной темы обусловлена пользой, которую способны принести современному обществу и государству изучение опыта взаимодействия разных национальностей страны на переломных, экстремальных этапах её истории. Усвоение позитивных аспектов сотрудничества народов России и избегание повторения негативных моментов позволит создать дружественные межнациональные отношения на основе опыта успешно преодоления общих исторических трудностей, что обеспечит стабиль-

ность экономического и культурного развития, а также консенсус и понимание в полиэтническом российском обществе.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография положения немцев в РСФСР и СССР первых послереволюционных лет и периода советской модернизации представлена значительным количеством статей, монографий и диссертационных исследований, отличающихся обилием разнообразных точек зрения на хозяйственное и политическое развитие изучаемого национального меньшинства и его место в советском модернизационном процессе. Экономический и общественно-политический аспекты истории немецкого национального меньшинства в регионах его наивысшей концентрации и компактного проживания были рассмотрены и изучены в трудах А. А. Германа [Герман, 2007], В. К. Клеца [Клец, 2016], В. И. Шабельникова [Шабельников, 2016], П. П. Вибе [Вибе, 2011], А. И. Савина, Д. Брандеса [Савин, 2003; Brandes et al., 2001], В. Н. Шайдурова [Шайдуров, 2021] и др. История немецкого крестьянства Северо-Запада в первые послереволюционные годы была освещена в работах Т. А. Шрадер [Шрадер, 1999], Н. С. Федорук [Федорук, 2017 ; Федорук, 2019] и С. В. Андрияйна [Андрияйн, 2017], а историографический аспект изучаемой проблематики был нами подробно представлен в отдельной статье [Шайдуров и др., 2022].

Несмотря на многочисленность научных трудов, множество аспектов, связанных с экономической и политической историей немцев РСФСР и СССР, особенно положения немецкой этнодисперсной группы северо-западного региона в первые послереволюционные годы, до сих пор остается за пределами поля зрения современных исследователей и требует дальнейшего всестороннего изучения.

Целью данной статьи является комплексная характеристика развития немцев Петроградской и Новгородской губерний в первые послереволюционные годы (1918—1922).

Для достижения цели исследования требуется выявить и охарактеризовать особенности экономического (решение аграрного вопроса, жизнь немецких поселений в годы «военного коммунизма» и экономической разрухи) и общественно-политического развития (создание и функционирование партийных и советских первичных организаций в местах компактного проживания изучаемой этнодисперсной группы, отношение немцев к политике большевиков) немецкой деревни в регионе в изучаемый период.

Методологической основой исследования стала теория модернизации, суть которой заключается в анализе внутренних факторов в процессе трансформации социально-экономических и общественно-политических

сфер жизни населения — перехода от аграрного общества к индустриальному. В рассматриваемый период мы наблюдаем ломку старых и формирование новых политических, экономических, общественных, социокультурных институтов. В работе использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение и пр.), специальные (историко-описательный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и пр.) методы.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы. К первым относится сборник архивных документов «Немецкие колонии Новгородской губернии в первые десятилетия Советской власти (1918—1927 годы)» [Немецкие колонии ..., 2017]. В результате кропотливой работы составителям удалось обнаружить документы, позволяющие охарактеризовать жизнь немецких поселян на Новгородчине.

Основной комплекс исторических документов составили материалы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). В первую очередь, это различные делопроизводственные документы, содержащие в себе информацию общественно-политического, экономического содержания. Особенно ценными для нас стали документы из фонда Ленинградского губернского земельного управления. В выявленных материалах содержатся сведения об изъятии сельскохозяйственной продукции у немецких крестьян, деловая переписка о реализации урожая в немецких колониях, статистические данные о количестве реквизируемой продукции, отчёты и протоколы заседаний земельных отделов, советских и партийных органов, функционировавших в немецких поселениях, на основании которых мы можем изучить различные стороны хозяйственного и политического положения немцев региона. Некоторые документы впервые вводятся в научный оборот.

Научная новизна данной работы заключается во введении в оборот большого количества архивных источников из хранилищ ряда архивов Санкт-Петербурга.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

Экономическую политику советского руководства в отношении немцев Северо-Запада в первые послереволюционные годы условно можно разделить на два основных направления. Первое заключалось в реализации комплекса мер, осуществлявшихся в русле официальных воззрений большевиков на социально-экономическое устройство, неотъемлемой частью которых являлась проводившаяся в деревне политика уравнилельного землепользования и перераспределения земельных наделов. Второй

вектор мероприятий определялся чрезвычайными условиями Гражданской войны, порождавшими необходимость в экстренном порядке выстраивать новую экономическую систему, в первую очередь, в связи с необходимостью снабжения и обеспечения Красной Армии и городов материальными и продовольственными ресурсами.

3.1. Земельный вопрос

Революционные события послужили первоначальным импульсом, подтолкнувшим к финальной стадии разрешение самой актуальной для немецких крестьян проблемы землевладения и землепользования, не находившей решения на протяжении двух столетий [Федорук, 2017, с. 25].

Субстанциональной основой, определяющей порядок владения и пользования землёй в колониях дореволюционного периода, являлись нормы майоратного права, согласно которым надел и всё имущество переходило по наследству от отца к старшему сыну. Данная юридическая система порождала ряд значительных противоречий, вытекавших из традиционной многодетности большинства немецких семей и предопределявших оставление младших сыновей практически без средств реализации экономической активности, что побуждало их действовать в трёх основных направлениях — осуществлять трудовую деятельность путём найма в хозяйство старших братьев, искать земельный участок за пределами родного поселения или менять место проживания и работы с сельской местности на городскую [Немецкие колонии ..., 2017, с. 46—55].

Главная цель означенной выше системы наследования заключалась в стремлении не допустить дробления земельных наделов для предотвращения вреда экономической продуктивности хозяйств, однако поставленные задачи она смогла выполнить далеко не полностью [Федорук, 2017, с. 18]. К 1917 году в немецкой деревне Северо-Запада средний размер земельного участка был значительно ниже, а численность малоземельных крестьян выше, чем в других регионах компактного проживания исследуемой этнодисперсной группы [Ломанов, 2022, с. 124].

Следствием принятия на II Всероссийском съезде Советов декрета о земле стало конструирование совершенно новой системы землевладения, получившей название политики уравнительного землепользования, неотъемлемыми структурными элементами которой являлись отмена права частной собственности, запрет на покупку и продажу земельных наделов, запрет на применение наёмного труда, а также распределение земли в соответствии с желанием и возможностью её своевременной обработки [Федорук, 2017, с. 25—26].

Выстраивание нового порядка не являлось быстротечным процессом и требовало наличия некоторого количества времени и приложения в пра-

вильном направлении организационных усилий с учётом чрезвычайной экстремальной военной обстановки. Поэтому мероприятия, реализуемые в данном направлении, нередко осуществлялись методом «проб и ошибок», и в целях повышения эффективности приходилось экстренно вносить в него существенные коррективы [ЦГА СПб, ф. Р-7081, оп. 1, д. 7, л. 30—32 об.].

Попытки демонтажа старой системы и постепенного выстраивания нового землеустроительного порядка породили ряд новых противоречий, вносивших неопределённость в процесс решения земельно-имущественных проблем. Этим поспешили воспользоваться немецкие крестьяне из разных социальных слоёв населения деревни, особенно те, кто из-за майоратного права был экономически обделён [ЦГА СПб, ф. Р-7081, оп. 1, д. 7]. Указанной выше неопределённости способствовала слабая разработанность земельного законодательства [Ломанов, 2022, с. 127], недостаточно высокий профессионализм в работе органов государственного управления, курировавших разрешение аграрного вопроса [ЦГА СПб, ф. Р-7081, оп. 1, д. 7, л. 27], и чрезмерно высокие нормы по сдаче продовольствия в отношении немцев со стороны местного советско-партийного аппарата [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 727].

В результате в течение исследуемого хронологического периода в немецких поселениях Северо-Запада мы наблюдаем большое количество конфликтов между крестьянами за право владения и пользования землёй, где противоборствующими сторонами нередко становились ближайшие родственники и лица, скреплённые старыми официально отменёнными договорными обязательствами — бывшие арендаторы и арендодатели. Младшие братья, используя отмену майоратного права, опираясь на нормы неразработанного земельного законодательства, оспаривали право старших на единоличное пользование земельными участками и имуществом, а арендаторы, ссылаясь на недействительность договоров, присваивали себе взятые в аренду наделы [Ломанов, 2022, с. 124].

Местные органы управления в лице волостных земельных отделов и коллегий, занимавшиеся решением земельного вопроса, далеко не всегда грамотно и последовательно подходили к разрешению подобных противоречий, что впоследствии вызвало случаи самовольного захвата земли, провоцировавшие постепенное увеличение конфликтных ситуаций и порождавшие неразбериху в вопросах владения и эксплуатации наделов, которая в силу чрезвычайных условий Гражданской войны вредила экономической продуктивности немецких хозяйств и затрудняла их использование в качестве источника обеспечения продовольствием Красной Армии и городов [Ломанов, 2022, с. 125—126].

К 1922 году было отмечено снижение количества земельных споров. Это происходило в силу систематизации и совершенствования федераль-

ного и местного земельного законодательства, а также налаживания деятельности волостных земельных отделов и коллегий [ЦГА СПб, ф. Р-7081, оп. 1, д. 7; ЦГА СПб, ф. Р-7081, оп. 1, д. 24]. Новые законодательные нормы в области землеустройства давали немецким крестьянам некоторые послабления, которые заключались в возможности частичного возврата элементов дореволюционной системы в виде допущения в некоторых обстоятельствах частных договорных отношений, позволявших арендовать земельные наделы и применять наёмный труд в хозяйствах. Однако осуществлять указанные процедуры немцы должны были только в официальном порядке, через местные административные органы [Ломанов, 2022, с. 126]. Полностью решить аграрный вопрос в немецкой деревне региона удалось только к середине 1920-х годов [Федорук, 2019, с. 45].

3.2. Немецкие хозяйства и политика «военного коммунизма»

Другая сторона экономической жизни немецкого крестьянства исследуемого региона была связана с чрезвычайными мерами, принимавшимися в рамках осуществления политики «военного коммунизма». Немецкие хозяйства в первые послереволюционные годы сохраняли относительно высокую производительность. Поэтому они рассматривались местными советско-партийными органами в первую очередь как сравнительно близкий и легкодоступный источник продовольственных, тягловых и людских ресурсов, необходимых для снабжения городского населения и Красной Армии [Шрадер, 1999, с. 158—159].

Чрезвычайный характер экономических отношений вынуждал региональные органы власти в экстренном порядке задействовать все без исключения имеющиеся хозяйственные ресурсы, не обращая внимания на возможные последствия принятия подобных мер. В связи с этим, несмотря на периодический сбор сведений о хозяйственном состоянии немецких поселений [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 727], не всегда можно было объективно оценить и учесть текущие экономические возможности немецких крестьян. Их хозяйства рассматривались в качестве неиссякаемого и высокопроизводительного резервуара с неизменно-стабильной продуктивностью [Шрадер, 1999, с. 158—159]. Особенно пристальное внимание в данном контексте уделялось колониям, расположенным вблизи Петрограда, являвшегося главным потребителем сельскохозяйственной продукции в регионе.

Процесс проведения реквизиционных мероприятий имел организованный характер. Для осуществления контроля за количеством сельскохозяйственной продукции и периодических изъятий её излишков в немецких поселениях создавались тройки по учёту урожая [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 727, л. 14; ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 3], составлялись подворные карточки, в которых фиксировалось количество собранного урожая,

текущие потребности семейства в продовольствии, корме для скота и семенном материале, указывался объём реквизируемой части, где основную долю занимали популярный и распространённый в немецкой деревне картофель, а также сено и солома [ЦГА СПб, ф. Р-7721, оп. 7, д. 9]. В Петроградской губернии связующим звеном между немецким крестьянством и Советскими административно-хозяйственными органами управления выступало Общество немецких колонистов [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 3].

Судя по анализу подворных карточек колонии «Средняя Рогатка» за 1919 год, количество реквизируемой продукции зависело от разницы между объёмом полученного урожая и текущими потребностями домохозяйства, от численности едоков в семье, наличия или отсутствия рабочего и молочного скота. Путём расчёта определялось общее количество урожая и текущие потребности семейства в продовольствии, материале для посева и корма. Количество продукции, выходявшее за пределы хозяйственных нужд, считалось излишком и подлежало реквизиции [ЦГА СПб, ф. Р-7721, оп. 7, д. 9]. Остаётся нерешённым вопрос, как и по каким критериям определялись потребности немецких хозяйств в продовольствии и семенном материале. Вероятно, количественные показатели могли зависеть от конкретного лица, производившего расчёты.

На основе анализа статистических сведений о реквизиции продовольствия и другой сельскохозяйственной продукции в немецких поселениях за 1919—1920 годы мы можем сделать вывод, что экономическая нагрузка на немецкое крестьянство была чрезмерно велика. Нередко больше половины собранного в ходе осуществления уборочной кампании урожая подлежало изъятию. Так, в Стрельнинской колонии за указанный период из 30 346 пудов имевшегося запаса картофеля было реквизировано 17 936 пудов. В Новосаратовской колонии из 18 988 пудов аналогичной сельскохозяйственной культуры было реквизировано 9802 пуда [Шрадер, 1999, с. 158—159]. В колонии «Весёлый посёлок» Новосаратовской волости Петроградского уезда летом 1920 года было конфисковано около трети всего имевшегося сена: из 19 116 пудов было изъято 7043 пуда [Шрадер, 1999, с. 160].

Высокая экономическая нагрузка на немецкие поселения может объясняться не только необходимостью обеспечения Красной Армии и городов продовольствием и лошадьми, но и наличием требований, предъявляемых со стороны разного рода административных и производственных учреждений. Прошения о предоставлении немецкой сельскохозяйственной продукции исходили от волостных и уездных Советов [Шрадер, 1999, с. 160; ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 257], а также от расположенных вблизи и на территории Петрограда заводов, обслуживавших оборонные нужды [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 290].

Объектом реквизиции также являлся и сельскохозяйственный рабочий скот, мобилизовавшийся для осуществления транспортно-передвижных мероприятий в Петрограде и на фронте [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 49—50]. Лошадь являлась основным тягловым средством, применявшимся при проведении сельскохозяйственных работ, и необходимым элементом хозяйственной деятельности, от которого зависело благополучие и процветание немецкого крестьянина. Изъятие рабочего скота приводило к невозможности его использования для посевной кампании и затруднению в восполнении утраченного в ходе продразвёрстки урожая, что привело к снижению экономической активности и мощности немецких хозяйств. Кроме того, некоторая часть имевшихся в наличии лошадей находилась в болезненном и истощённом состоянии и не могла использоваться по назначению [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 40].

Местное большевистское руководство осознавало сложившуюся ситуацию и из прагматических соображений делало для немецкой деревни некоторые послабления, заключающиеся в возвращении части мобилизованных лошадей обратно в колонии во время проведения посевных мероприятий [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 66], а также распределении рабочего скота между поселениями, испытывавшими их нехватку [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1-1, д. 730, л. 46]. Но предпринятые в данном направлении рациональные действия были сосредоточены на сохранении немецких хозяйств в качестве источника сельскохозяйственных ресурсов, а не на их экономическом восстановлении.

Логичным результатом экономической политики большевиков, являлось снижение продуктивности немецких хозяйств [Федорук, 2019, с. 40]. С началом проведения НЭПа немецким крестьянам была предоставлена возможность восстановления хозяйств путём применения традиционных экономических механизмов, а также через создание немецких коллективных сельскохозяйственных организаций, таких как кооперативы [ЦГА СПб, ф. Р-2004, оп. 1, д. 2069] и государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы) [Ломанов, 2022].

3.3. Общеественно-политическая жизнь немецкой деревни

Революционные события 1917 года запустили процесс фундаментальных трансформаций не только в сфере социально-экономических взаимоотношений среди немецкой этнодисперсной группы, но и в области общественной жизни изучаемого национального меньшинства.

Для немецких крестьян появление политики в первые послереволюционные годы было инновационным явлением, отношение к которому было неоднозначным. Немцы в силу традиционности экономического уклада и мировоззрения негативно относились к послереволюционным мероприя-

тиям и нововведениям [Немецкие колонии ..., 2017, с. 39—42]. Но появившиеся новые возможности и перспективы для налаживания своей экономической и культурной сфер жизни, пострадавших в годы Первой мировой войны, нашли у некоторых социальных слоёв немецкого населения живой отклик [Там же, с. 44—45].

Первоначальный импульс, давший толчок к формированию и развитию общественно-политических процессов среди немецкой этнодисперсной группы, был связан с образованием территориально-административных советских и партийных единиц в местах наибольшей концентрации немецкого населения региона. По административной линии в годы Гражданской войны подобные органы местного самоуправления создавались на волостном уровне в виде волостных Советов и волостных исполнительных комитетов [ЦГА СПб, ф. Р-7081, оп. 1, д. 4], а в партийном отношении были представлены волостными коллективами и комитетами РКП(б) [Ломанов, 2022].

В начале 1920-х годов появляются первые немецкие сельские административно-территориальные единицы — немецкие национальные сельсоветы. Так, сразу два подобных органа местного самоуправления были созданы в Нижней и Верхней половинах Новониколаевской колонии Новгородского уезда в 1921 году [Немецкие колонии ..., 2017, с. 43].

Первостепенное функциональное назначение советских органов власти заключалось в осуществлении деятельности в области административно-хозяйственного управления и культурного обслуживания немецких поселений. Главной задачей партийных органов являлось проведение политической работы с основным упором на организацию агитационно-пропагандистских мероприятий, повышение уровня советизации немецкого крестьянства и распространение коммунистической идеологии. Частым явлением, получившим распространение в немецких поселениях, было параллельное выполнение советскими и партийными органами одинаковых задач и нахождение партийных служащих на советской работе [ЦГАИПД СПб, ф. Р-9346, оп. 1, д. 1, л. 3—5].

В местах компактного проживания немцев функционирование советских и партийных органов на протяжении исследуемого периода характеризовалось слабостью. Были трудности в организации и осуществлении их деятельности, проблемы заключались в остром дефиците кадрового состава [ЦГАИПД СПб, ф. Р-9346, оп. 1, д. 1, л. 3—5], низком уровне дисциплины советских и партийных служащих [ЦГАИПД СПб, ф. Р-9346, оп. 1, д. 3, л. 13] и некомпетентном ведении делопроизводства [Немецкие колонии ..., 2017, с. 39—40].

Первая причина означенного обстоятельства заключалась в непривычных для немецкого крестьянства тяжёлых хозяйственных и повседневных

условиях жизни, порождённых боевыми действиями на Северо-Западе и чрезвычайными мерами, принимаемыми большевистским руководством в рамках проведения политики «военного коммунизма». Это вынуждало многих советских и партийных служащих пренебрегать своими профессиональными обязанностями в пользу осуществления сельскохозяйственного труда, необходимого для выживания в чрезвычайной обстановке [ЦГАИПД СПб, ф. Р-9346, оп. 1, д. 12, л. 10—10 об.]. Кроме того, многие административные работники и члены партии уходили для проведения агитационной деятельности на фронт, что обостряло имевшийся кадровый голод [Там же, д. 2].

Вторая и, вероятно, главная причина заключалась в сохранении общей аполитичности немецкой деревни и негативном отношении немцев к экономическим и политическим мероприятиям Советской власти. Многие немецкие крестьяне рассматривали советскую и партийную деятельность как инструмент для осуществления своих личных, в первую очередь экономических интересов, связанных с сохранением или улучшением своего хозяйственного положения и защитой от возможных репрессивных мер. Многие немцы, находившиеся на советской или партийной службе, не являлись идейными коммунистами и не были заинтересованы в повышении эффективности своей работы, не принимали коммунистической идеологии и не проявляли заинтересованности к политике [Ломанов, 2022, с. 63].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в первые послереволюционные годы немецкая деревня Северо-Запада была непосредственно вовлечена в процессы социально-экономической и общественно-политической трансформации, поставившие её в совершенно непривычные условия существования. Экономическое положение немецких поселений во многом зависело от мероприятий, проводимых местным большевистским руководством в русле политики уравнительного землепользования и «военного коммунизма». В данном контексте немецкие хозяйства рассматривались в первую очередь в качестве одного из главных источников поступления сельскохозяйственных ресурсов, предназначенных для Красной Армии, городского населения, административных и производственных учреждений. Данное обстоятельство привело к чрезмерно высокой нагрузке, возлагаемой на них в рамках осуществления чрезвычайных мер и избирательном подходе к учёту текущих возможностей и национальных особенностей экономической жизни немецкого крестьянства.

Вследствие негативного восприятия послереволюционных нововведений немцы рассматривали и использовали службу в политических орга-

низациях в качестве инструмента для обслуживания и продвижения своих личных интересов, сохранения традиционных элементов дореволюционной экономической системы и ограждения от возможных репрессивных мер. У большинства немецких крестьян отсутствовал интерес к политике. Среди них было очень мало идейных сторонников коммунистической идеологии.

В целом, несмотря на появившиеся инновации, экономический и политический облик немецкого крестьянства на данном временном отрезке оставался во многом традиционным.

Заявленный вклад авторов: Шайдуров В. Н. — научное руководство; концепция исследования; архивный поиск и обработка материала; доработка текста; итоговые выводы. Ломанов В. А. — архивный поиск и обработка материала; написание текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Vladimir N. Shaidurov — scientific guidance; research concept; archival search and processing of material; revision of the text; final conclusions. Vladislav A. Lomanov — archival search and processing of the material; writing the text; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Немецкие колонии Новгородской губернии в первые десятилетия Советской власти (1918—1927 гг.)* : Сборник документов / Сост. : Н. В. Салоников (отв. сост.), Н. С. Федорук и др. ; науч. ред. И. В. Черказянова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 496 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

2. ЦГА СПб — *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-2004 «Северо-Западное областное управление Народного комиссариата земледелия РСФСР и Ленинградское губернское земельное управление Исполнительного комитета Ленинградского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» 1918—1927 гг. ; Ф. Р-7081 «Исполнительный комитет Новосаратовского волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петроградского уезда Петроградской губернии. Новосаратовская колония» 1917—1922 ; Ф. Р-7721 «Финансовый отдел Ленинградского (Петроградского) уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ленинградской (Петроградской) губернии» 1918—1928 гг.

3. ЦГАИПД СПб — *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга*. Ф. Р-9346 «Ново-саратовский волостной комитет РКП(б), Петроградский уезд, Петроградская губерния» 1919—1922 гг.

Литература

1. *Андрйайнен С. В.* Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия / С. В. Андрйайнен // *Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании* : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — Санкт-Петербург : Информационный издательский учебно-научный центр “Стратегия будущего”, 2017. — С. 9—14.

2. *Вибе П. П.* Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX — первой трети XX вв. / П. П. Вибе. — Омск : Изд. дом «Наука», 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-98806-138-0.

3. *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918—1941 гг. / А. А. Герман. — Москва : МСНК-пресс, 2007. — 576 с. — ISBN 978-5-98355-030-8

4. *Клец В. К.* Социально-экономическое положение немецких колоний Приднепровья в предвоенные годы / В. К. Клец // Образование, жизнь и судьба немецких поселений России. Материалы 15-й междунар. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Маркса и 20-летию Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — Днепрпетровск : РусДойч Медиа, 2016. — С. 230—246.

5. *Ломанов В. А.* Немцы Северо-Запада и партийное строительство в 1919—1922 гг. (на примере Новосаратовской волости Петроградского уезда) / В. А. Ломанов // Столица и провинции : взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII всероссийской научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2022. — Выпуск 13. — С. 59—64.

6. *Ломанов В. А.* Особенности решения земельного вопроса в немецкой деревне Северо-Запада России в начале 1920-х гг. / В. А. Ломанов // Клио. — 2022. — № 4 (184). — С. 121—130. — DOI: 10.51676/2070-9773_2022_04_121.

7. *Ломанов В. А.* Хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг. (на примере совхоза Средняя Рогатка) / В. А. Ломанов // История повседневности. — 2022. — № 4 (24). — С. 82—98. — DOI: 10.35231/25422375_2022_4_82.

8. *Савин А. И.* Немцы Западной Сибири : Конец 1919 — 1928 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. И. Савин. — Новосибирск, 2003. — 28 с.

9. *Федорук Н. С.* Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX — первой половине XX вв. / Н. С. Федорук // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918—1927 гг.). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — С. 10—39. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

10. *Федорук Н. С.* Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821—1941 гг. / Н. С. Федорук // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927—1941 гг.) : сб. документов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — С. 9—73.

11. *Шабельников В. И.* Хозяйственная деятельность немецких и греческих национальных меньшинств Донбасса в условиях административных преобразований и коллективизации сельского хозяйства (вторая пол. 20-х — первая пол. 30-х гг. XX в.) / В. И. Шабельников // Журнал исторических, политологических и международных исследований. — 2018. — № 1 (64). — С. 126—133.

12. *Шайдунов В. Н.* Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900—1920-х гг. / В. Н. Шайдунов // Журнал фронтирных исследований. — 2021. — Т. 6. — № 4 (24). — С. 155—178. — DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339.

13. *Шайдунов В. Н.* Немцы Северо-Запада (1918—1939 гг.) : историографический аспект / В. Н. Шайдунов, В. А. Ломанов // Вопросы истории. — 2022. — № 4 (1). — С. 207—222. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi05.

14. *Шрадер Т. А.* Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920—1930-е гг. / Т. А. Шрадер // Немцы России в контексте отечественной истории : общие проблемы и региональные

особенности : материалы междунар. науч. конф. Москва, 17—20 сентября 1998 г. — Москва : Готика, 1999. — С. 156—173.

15. Brandes D. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919—1938 / D. Brandes, A. Savin. — Essen : Klartext Verlag, 2001. — 495 s. — ISBN 3-88474-975-7.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023,
одобрена после рецензирования 22.08.2023,
подготовлена к публикации 26.08.2023.

Material resources

German colonies of the Novgorod province in the first decades of Soviet power (1918—1927): A collection of documents. (2017). Saint Petersburg: Nestor-History. 496 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

The Central State Archive of St. Petersburg — *The Central State Archive of St. Petersburg. F. R-2004 “North-Western Regional Administration of the People’s Commissariat of Agriculture of the RSFSR and the Leningrad Provincial Land Administration of the Executive Committee of the Leningrad Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies” 1918—1927.* (In Russ.).

TSGAIPD St. Petersburg — *Central State Archive of Historical and Political documents of St. Petersburg. F. R-9346 “Novo-Saratov volost Committee of the RCP(b), Petrogradsky uyezd, Petrograd province” 1919—1922.* (In Russ.).

References

Andriainen, S. V. (2017). National minorities of the Leningrad region in the 1920s: settlement and economic occupations. In: *High intellectual technologies in science and education: materials of the I International Scientific and Practical Conference.* St. Petersburg: Information Publishing Educational and Scientific Center “Strategy of the Future”. 9—14. (In Russ.).

Brandes, D., A. Savin. (2001). *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919—1938.* Essen: Klartext Verlag. 495 s. ISBN 3-88474-975-7.

Fedoruk, N. S. (2019). Economic activity and daily life of German settlers on the Novgorod land. 1821—1941. In: *German colonies of the Novgorod and Chudovsky districts of the Leningrad region (1927—1941): collection of documents.* St. Petersburg: Nestor-History. 9—73. (In Russ.).

Fedoruk, N. S. (2017). Pages of the history of German colonies in the Novgorod province in the XIX — first half of the XX centuries. In: *German colonies of the Novgorod province in the first decade of Soviet power (1918—1927).* St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 10—39. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

Herman, A. A. (2007). *German autonomy on the Volga. 1918—1941.* Moscow: MSNK-press. 576 p. ISBN 978-5-98355-030-8. (In Russ.).

Kletz, V. K. (2016). Socio-economic situation of the German colonies of the Dnieper region in the pre-war years. In: *Education, life and fate of German settlements in Russia. Materials of the 15th International Scientific Conference, dedicated to The 250th anniversary of G. Marx and the 20th anniversary of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans.* Dnepropetrovsk: Rusdeuch Media. 230—246. (In Russ.).

- Lomanov, V. A. (2022). Economic activity of the Germans of the North-West in the 1920s. (on the example of the state farm Srednyaya Slingshot). *History of everyday life*, 4 (24): 82—98. DOI: 10.35231/25422375_2022_4_82. (In Russ.).
- Lomanov, V. A. (2022). Features of solving the land issue in the German village of the North-West of Russia in the early 1920s. *Klio*, 4 (184): 121—130. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_04_121. (In Russ.).
- Lomanov, V. A. (2022). Germans of the North-West and party construction in 1919—1922. (on the example of Novosaratovskaya volost of Petrograd uyezd). In: *Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia. Materials of the XIII All-Russian Scientific Conference, 13*. Saint Petersburg: A. S. Pushkin Leningrad State University. 59—64. (In Russ.).
- Savin, A. I. (2003). *Germans of Western Siberia: The end of 1919—1928*. Author's abstract of PhD Diss. Novosibirsk. 28 p. (In Russ.).
- Schrader, T. A. (1999). Socio-economic situation of German colonists of Petrograd province (Leningrad region) in the 1920s—1930s. In: *Germans of Russia in the context of national history: general problems and regional Features: materials of the international scientific conference*. Moscow, September 17—20, 1998. Moscow: Gothic. 156—173. (In Russ.).
- Shabelnikov, V. I. (2018). Economic activity of the German and Greek national minorities of Donbass in the conditions of administrative transformations and collectivization of agriculture (the second half of the 20s — the first half of the 30s of the XX century). *Journal of Historical, Political and International Studies*, 1 (64): 126—133. (In Russ.).
- Shaidurov, V. N., Lomanov, V. A. (2022). Germans of the North-West (1918—1939): historiographical aspect. *Questions of history*, 4 (1): 207—222. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi05. (In Russ.).
- Shaidurov, V. N. (2021). The German population of Siberia in the conditions of social transformations of the 1900s—1920s. *Journal of Frontier Studies*, 6 / 4 (24): 155—178. DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339. (In Russ.).
- Vibe, P. P. (2011). *German colonies of Siberia in the conditions of social transformations of the late XIX — first third of the XX centuries*. Omsk: Publishing house “Nauka”. 320 p. ISBN 978-5-98806-138-0. (In Russ.).

*The article was submitted 06.07.2023;
approved after reviewing 22.08.2023;
accepted for publication 26.08.2023.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, л. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

Golikov, L. M. Multinational People of Russian Federation (Russian Nation): Discursive Representation of a Political Subject.....	9
Kalinina, L. V. ‘Neopredeljonnyj’ [Indefinite] vs. ‘Neulovimyj’ [Elusive] in Aspect of Categorical Perception.....	28
Kudzoeva, A. F., Morgoeva, L. B. Intrasytemic Contradictions in Punctuation Marks of Appositives and Introductory Words in Ossetian: Causes and Solutions.....	47
Lavrinenko, I. Yu. Structural Features of Metaphors in English Aphorisms within Philosophical Discourse.....	65
Mikhalchenko, V. Yu., Kondrashkina, E. A., Kirilenko, S. V. Educational Planning in Context of Yakut, Kalmyk, and Karelian Languages	88
Nikolaev, E. R. Motivational Feature “Action” in Dialectal Names of Utensils in Yakut Language	107
Nikonova, E. A. Discursive Practice and Communicative Strategy: Eclecticism vs Poly-paradigmatism?.....	123
Zhang Yanqiu. Linguocultural Features of Russian and Chinese Proverbs with Component ‘Dream’.....	140

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Askarova, V. Ya., Zubanova, L. B., Zykhovskaya, N. L. Reading Practices of Students in Media Communication System of 21st Century: ‘Book Enthusiasts’ and ‘Digital Adepts’.....	155
Radbil, T. B. Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme ‘po-khoroshemu’).	170
Shubina, E. L., Raikova, Ju. A. Euphemistic Headlines in Economic News Articles of German Newspaper ‘Die Tageszeitung’.....	190

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Zakharova, N. V. Romanticism in Works of Su Manshu and Yu Dafu: National Characteristics.....	213
Kosareva, A. A. Harlequinade Grotesque in D. H. Lawrence’s Novel ‘Lady Chatterley’s Lover’.....	228
Kotov, A. A., Mukhina, E. A. Epithets in Russian Spiritual Verses	245
Seibel, N. E. Children’s Games and Adult Repentance: Concept of Childhood in Literature of Early 20th Century.....	267

Charina, O. I. Local Features of Ballads in Northeast Siberia: Plots of ‘The Mother-in-Law Held Captive by Her Son-in-Law’ and ‘Prince Volkonsky and the Gatekeeper’	285

HISTORY

Aktamov, I. G., Daiqin. Higher Education System of Inner Mongolia Autonomous Region (People’s Republic of China) in 1950s-1960s	308
Ankusheva, K. A., Bakulina, T. I. Providing Nutrition for Residents of Tyumen during Great Patriotic War	325
Akhmadullina, Zh. V. Religious Cult Affairs Council in 1940-1950s: Countering Reduction	345
Darchieva, S. V. State Duma and Issues of Higher Education in Russia (1906-1917).	364
Kolegov, S. S., Zhao Qianru. Ural in Studies of Enlightenment Era of 18th Century: Works of Vasily Tatishchev	383
Korzhenevsky, K. B. Omsk Province: History of Border Formation in 1919-1925	399
Kropotova, T. A., Kiryanova, M. D. Activities of Institutions of Russian Red Cross Society in Tobolsk Province during Russo-Japanese War: Materials of Newspaper ‘Sibirskiy Listok’	417
Prokhorenkov, I. A., Eylbart, N. V. Military and Political Agitation of Polish-Lithuanian Commonwealth against Ivan Terrible (Materials of Various Literary Monuments of Livonian War Era).	432
Safronova, A. M. Activities of Fedor Sannikov as a Supervisor of Schools in Ekaterinburg (1747—1751).	449
Faizullina, G. Ch., Kadirova, E. Kh. Muslim Parish Clergy in 19th — Early 20th Century (Metric Books of Bukhara Volost of Tobolsk Uyezd, Tobolsk Governorate).	467
Shaidurov, V. N., Lomanov, V. A. German Colonists of Northwest Russia in Conditions of Post-Revolutionary Reality (1918-1922)	488
TO AUTHORS	504

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 28.08.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 29,86. Тираж 500 экз. Заказ 28/08-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023
Свободная цена

